UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00283868 8

HANDBOUND
AT THE
UNIVERSITY OF
TORONTO PRESS

3294

ПАМЯТНИКИ МІРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РУССКАЯ УСТНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Т. II—БЫЛИНЫ

РУССКАЯ УСТНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

ТОМЪ II

БЫЛИНЫ
ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ

Nikolaj Nastorowski

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
СЪ ВВОДНЫМИ СТАТЬЯМИ И ПРИМѢЧАНІЯМИ
М. СПЕРАНСКАГО

t. 2

МОСКВА
ИЗДАНІЕ М. И С. САБАШНИКОВЫХЪ
1919

PG
3114
S64
t. 2

816126

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1919.

Настоящій, второй, томъ „Былинъ“ по матеріалу, въ него вошедшему, представляетъ, во первыхъ, завершеніе круга былинъ въ собственномъ смыслѣ этого названія, именно: былину Новгородскую, Московскую, былину—„скоморошину“; затѣмъ, въ него вошла „историческая пѣсня“, какъ слѣдующая ступень въ развитіи стариннаго былевого эпоса, наконецъ—старинныя записи былинъ, какъ матеріалъ для освѣщенія положенія нашего эпоса въ древней русской литературѣ. Дальнѣйшія стадіи развитія былевой пѣсни: малорусская дума, казачья, солдатская и низшая эпическая пѣсни, которыя должны собой закончить весь кругъ стихотворнаго русскаго былевого эпоса, отнесены въ слѣдующій томъ изданія.

Въ числѣ объяснительныхъ статей въ этомъ томѣ, въ концѣ его, данъ очеркъ музыкальной стороны нашей эпической поэзіи, составленный Н. А. Янчукомъ. Къ тому приложено нѣсколько снимковъ со старинныхъ записей былинъ и портреты современныхъ намъ носителей эпической поэзіи, исполненные художникомъ П. Я. Павлиновымъ. Въ остальномъ планъ изданія остался прежній.

М. Сперанскій.

БЫЛЕВАЯ ПѢСНЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ЕЯ НОСИТЕЛИ.

Какъ не разъ уже упоминалось на страницахъ настоящаго изданія „Былинъ“, былевая пѣсня — „былина“, „ста́рина“ — въ наше время въ наиболѣе сохранномъ ея видѣ представлена главнымъ образомъ на сѣверѣ Европейской Россіи, отчасти въ Сибири и въ Поволжьѣ съ Предкавказьемъ. Здѣсь въ средѣ великорусскаго населенія встрѣчаемъ рядъ лицъ, еще культивирующихъ этотъ видъ творчества въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ: это — почти исключительно крестьяне, рѣже казаки (въ Пріуральѣ, на Дону, въ Предкавказьѣ). Лица эти являются въ то же время послѣдними поколѣніями, хранящими этотъ старинный видъ творчества, уже закончившій свое развитіе довольно давно: они—носители того преданія этой поэзіи, которое съ давняго времени сберегало ее при всѣхъ измѣненіяхъ русской культуры, отражавшихся, конечно, послѣдовательно и на народной пѣснѣ, внося и въ нее отзвуки пережитаго, часто столь отличнаго отъ того, что́ было характернымъ для пѣсни въ эпоху ея сложенія. Т. о. передъ нами пѣсня—въ томъ числѣ и былевая — несущая на себѣ бремя исторіи, переживаній быта, среды, въ которыхъ она прожила рядъ, иногда довольно длинный, поколѣній ея создателей, носителей и хранителей. Если теперь носителями и хранителями былевой пѣсни мы видимъ почти исключительно крестьянское населеніе, преимущественно нашего Сѣвера, то, какъ это указывалось выше, эти пѣвцы былинъ и исторической пѣсни смѣнили собой прежнихъ носителей и твор-

цовъ былевой поэзіи, принадлежавшихъ къ инымъ слоямъ русскаго прежняго общества, начиная съ поэтовъ, выходившихъ изъ княжеской придворной среды, среды дружинной, передававшихъ свое искусство и сложенныя ими пѣсни другимъ слоямъ, другимъ лицамъ. Ближайшими предшественниками теперешнихъ пѣвцовъ былинъ, насколько мы можемъ судить по нашимъ научнымъ даннымъ, слѣдуетъ признать, повидимому, профессіоналовъ-скомороховъ, которые въ XVI—XVIII вѣкахъ еще были, кажется, въ числѣ носителей и создателей былевой поэзіи, даже по преимуществу: въ началѣ XVIII вѣка еще можно было отъ скомороховъ слышать былины и историческія пѣсни. Съ исчезновеніемъ скоморошества, какъ профессіональнаго занятія, исчезъ и профессіонализмъ въ области былевой пѣсни въ дѣлѣ ея храненія и исполненія: она стала удѣломъ любителя преимущественно, какъ мы видѣли, изъ крестьянской среды. Такимъ образомъ, современные носители былины и исторической пѣсни должны были, естественно, въ своихъ пріемахъ храненія и передачи прежней былевой пѣсни усвоить многое отъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ (ср. ниже, стр. 281 и сл.), а эти послѣдніе, въ свою очередь, воспринявши подобные же пріемы исполненія и творчества отъ болѣе раннихъ носителей, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были передать теперешнимъ пѣвцамъ кое-что и изъ этого наслѣдства; въ результатѣ современный носитель былевой поэзіи совмѣстилъ въ себѣ качества различныхъ временъ, различныхъ условій, притомъ въ различной степени сохранности ихъ, при чемъ и онъ самъ въ общемъ долженъ, разумѣется, обладать тѣми изъ этихъ качествъ, которыя обусловливаютъ существованіе самой пѣсни въ его исполненіи; одного онъ не унаслѣдовалъ отъ предшественниковъ, это — профессіонализма, поддерживавшаго въ прежнее время сохраненіе и самое созданіе былевой пѣсни, чѣмъ, при измѣненіи культурныхъ условій жизни и міросозерцанія, разумѣется, еще болѣе затрудняется и самое сохраненіе стараго наслѣдія.

Однако, несмотря на столь неблагопріятныя условія суще-

ствованія былевой пѣсни въ настоящее время, изучая ея живыхъ представителей, мы можемъ, въ силу сказаннаго только что о традиціи пѣсеннаго творчества, получить данныя — иногда чрезвычайно интересныя — для сужденія о жизни и самой психологіи творчества этого рода и за предшествующее время, время жизни этого творчества, теперь уже закончившагося и только сохраняемаго, но и въ этомъ состояніи все болѣе и болѣе отходящаго въ область преданія. Источникомъ для изученія процесса былевого творчества (помимо, разумѣется, самихъ пѣсенъ) является изученіе и личности современнаго исполнителя, поскольку онъ оказывается носителемъ стараго творческаго преданія. Вотъ почему современные намъ собиратели памятниковъ устнаго творчества отводятъ такое видное мѣсто въ своихъ трудахъ изученію личности пѣвца. При этомъ надо напомнить и то, что, если мы справедливо считаемъ былевую поэзію, какъ отдѣльный видъ творчества, не только уже прекратившей свое развитіе, но даже и вымирающей, къ тому же довольно неуклонно, всеже говорить о полномъ и быстромъ исчезновеніи изъ народной среды этой пѣсни преждевременно: матеріалъ, собранный еще въ недавнее время, такъ же, какъ и въ наши дни, показываетъ, что процессъ этотъ идетъ далеко не вездѣ равномѣрно и не съ одинаковой быстротой; это даетъ возможность производить наблюденія еще съ достаточною полнотою и надъ довольно значительнымъ числомъ носителей старинной поэзіи, дѣлать осторожныя обобщенія, и такимъ образомъ выяснять не только современныя условія сохраненія этой поэзіи, но и подойти ближе къ самому процессу созданія пѣсенъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ. Иначе: попытка ознакомиться съ современнымъ носителемъ былевого творчества дастъ возможность заглянуть въ психологію творчества прежняго времени, подчасъ, быть можетъ, довольно отъ насъ отдаленнаго.

Прежде чѣмъ перейти къ ознакомленію съ отдѣльными современными носителями былевой поэзіи, какъ съ индивидуальными художниками пѣсни, не будутъ излишними общія пред-

ставленія о пѣвцахъ этой категоріи: эти общія имъ всѣмъ въ значительной степени черты, установленныя собирателями путемъ непосредственнаго наблюденія, тѣмъ рельефнѣе помогутъ обрисовать личныя особенности каждаго, выдѣливъ такимъ образомъ ту долю личнаго творчества, которую привноситъ каждый изъ нихъ, передавая традиціонное для него искусство въ пѣснѣ. Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о пѣвцахъ былевой пѣсни даны были около 1870 года А. Ѳ. Гильфердингомъ, имѣвшимъ случай въ спеціальной поѣздкѣ въ Онежскій край, еще богатый былинно-пѣсеннымъ матеріаломъ, изучить болѣе семидесяти пѣвцовъ („сказителей", „сказателей") былинъ, сдѣлать тщательныя наблюденія, получить настолько точные выводы изъ этихъ наблюденій, что послѣдующимъ собирателямъ оставалось лишь провѣрять и дополнять въ немногомъ эти наблюденія и выводы. Не входя въ подробности наблюденій А. Ѳ. Гильфердинга и послѣдующихъ собирателей, можно такъ приблизительно формулировать эти общія представленія о современныхъ носителяхъ былевого творчества.

Былины и историческія пѣсни на русскомъ Сѣверѣ поютъ почти исключительно крестьяне; какъ рѣдкое исключеніе, встрѣчаются пѣвцы и пѣвицы изъ среды духовенства, которое, однако, не дало ни одного болѣе или менѣе выдающагося исполнителя былинъ; нѣсколько чаще былина встрѣчается въ репертуарѣ нищихъ „каликъ", профессіональныхъ исполнителей духовнаго стиха; но былина никогда не составляетъ основного содержанія ихъ репертуара, будучи здѣсь либо случайностью, либо появившись въ немъ сравнительно недавно, когда и пѣніе былинъ, благодаря спросу на нихъ со стороны интеллигентнаго собирателя или слушателя, стало такъ или иначе оплачиваться. Съ другой стороны, большинство „сказителей" знаетъ также и духовные стихи, но у нихъ они, въ свою очередь, не играютъ органической роли въ ихъ былинномъ репертуарѣ, хотя и отражаются, можетъ быть, на этомъ репертуарѣ, увеличивая такимъ образомъ количество матеріала, который долженъ держать въ памяти сказитель, за

счетъ чисто-былевого, а иногда вліяя на окраску и самой былевой пѣсни; менѣе мы имѣемъ свѣдѣній о казакахъ, въ качествѣ исполнителей былевой пѣсни: помимо единоличнаго исполненія пѣсни, въ этой средѣ, въ силу бытовыхъ условій, мы знаемъ многоголосное исполненіе такихъ пѣсенъ—явленіе, признаваемое уже вторичнымъ.

Былевая пѣсня исполняется одинаково какъ мужчинами, такъ и женщинами, при чемъ не наблюдается сознательнаго преимущества за тѣмъ или другимъ поломъ; если въ Олонецкомъ краѣ собирателямъ удавалось чаще слушать мужчинъ, то въ Архангельскомъ такъ же часто встрѣчались среди носителей былинъ и женщины; если мужское населеніе дало намъ замѣчательныхъ по обилію былевого матеріала представителей, то и женская половина познакомила насъ съ не менѣе выдающимися по богатству и дарованіямъ пѣвицами. То же самое надо сказать и о возрастѣ пѣвцовъ и пѣвицъ: если между ними преобладаютъ люди старые или, по крайней мѣрѣ, пожилые, то объясняется это прежде всего тѣмъ, что „ста́рина“, какъ уже отживающій видъ творчества, удерживалась болѣе въ памяти людей старшаго поколѣнія, когда эта пѣсня сама еще была свѣжѣе, а обучились они ей, естественно, еще въ годы сравнительной молодости, т.-е., сохранили ее до старшаго возраста; примѣры того, что и теперешняя молодежь усваиваетъ „ста́рину“, т.-е., что года пѣвца не стоятъ въ связи съ его умѣніемъ исполнять и старую пѣсню, приводятся рядомъ наблюдателей. Точно также не играетъ существенной роли въ исторіи сохраненія и въ передачѣ „ста́рины“ и религіозно-бытовая обстановка исполнителя: къ былинѣ одинаково относятся и обычные православные, и старообрядствующіе тамъ, гдѣ среди населенія встрѣчаются и тѣ и другіе.

Съ точки зрѣнія экономическихъ условій быта можно замѣтить, что знаніе былинъ распространено преимущественно среди крестьянъ достаточныхъ, порядливыхъ хозяевъ, имѣющихъ въ силу сравнительной обезпеченности болѣе досуга, который нуженъ для исполненія и усвоенія былины. Среди пѣвцовъ встрѣ-

чаются, впрочемъ, и люди своего хозяйства не имѣющіе; но это—по большей части—люди, служившіе ранѣе въ качествѣ работниковъ у зажиточныхъ сосѣдей, гдѣ они отъ хозяевъ усвоили и свои пѣсни, или же люди, не ведущіе хозяйства въ связи со своимъ промысломъ (напр., ходячаго сапожника, такого же портного), т.-е., опять-таки соприкасающіеся съ домовитымъ крестьяниномъ.

Самый родъ занятій также, повидимому, не безразличенъ для большей или меньшей степени сохраненія и усвоенія былевой поэзіи: по замѣчанію наблюдавшихъ, съ бо́льшей чистотой и въ бо́льшемъ количествѣ былина культивируется среди крестьянъ, у которыхъ земледѣліе не составляетъ главной основы ихъ повседневнаго труда и хозяйства, а преобладаютъ иные промыслы: рыбная ловля, охота, изготовленіе рыболовныхъ снастей, деревянной посуды, портняжество, сапожничество и т. п.; повидимому, земледѣліе отнимаетъ слишкомъ много времени и энергіи, чтобы основательно отнестись къ дѣлу исполненія былины.

Наконецъ, отсутствіе грамотности и старинныя, еще не очень измѣнившіяся бытовыя условія въ жизни считаются благопріятными для сохраненія навыковъ у сказителя; это—вполнѣ естественно: былина и историческая пѣсня—произведенія стараго времени, имѣвшаго свои культурные запросы, все менѣе и менѣе находящіе себѣ соотвѣтствія по мѣрѣ приближенія къ нашей современности; грамотность же въ измѣненіи міросозерцанія, интересовъ носителя играетъ, конечно, очень значительную роль. Таковы, такъ сказать, внѣшнія общія условія, изъ которыхъ въ значительной степени слагается обликъ современнаго носителя „ста́ринъ“.

Гораздо болѣе существенную роль въ созданіи пѣвца играютъ душевныя качества. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи должна быть поставлена личная одаренность пѣвца: не всякій можетъ быть или стать исполнителемъ „ста́ринъ“: здѣсь требуется, несомнѣнно, и собственное поэтическое дарованіе, потому что, какъ увидимъ, процессъ передачи старинной былины не есть только механическое воспроизведеніе содержанія или содержанія

и формы ранѣе созданнаго поэтическаго произведенія; отъ степени поэтическаго дарованія сказителя зависитъ качество, болѣе высокое или менѣе художественное, передаваемой былины. Для того же необходима и наличность опредѣленнаго настроенія и взгляда на исполняемое произведеніе: иначе, фальшь, которая является непремѣнно при отсутствіи такого настроенія и такого взгляда на исполняемое произведеніе, тотчасъ обнаружится, конечно, въ ущербъ художественной сторонѣ самаго произведенія. Поэтому-то большинство собирателей и наблюдателей такъ характеризуютъ взглядъ пѣвца на сказываемую имъ пѣсню: несмотря на всю разницу между содержаніемъ пѣсни и современной дѣйствительностью, пѣвецъ во время исполненія весь живетъ въ мірѣ, рисуемомъ его пѣснею, не допускаетъ сомнѣнія въ возможности и въ дѣйствительности въ прошломъ того, что́ разсказываетъ его пѣсня, находя такимъ образомъ объясненіе этому несоотвѣтствію именно въ томъ, что пѣсня разсказываетъ не о современности, а о прошломъ, притомъ прошломъ отдаленномъ, когда жизнь и люди были иными, нежели теперь. Этимъ объясняется то неудовольствіе, иногда и раздраженіе, которыми встрѣчаетъ пѣвецъ скептическое замѣчаніе слушателя, безтактно позволившаго себѣ усумниться въ правдивости сообщаемаго пѣснею. Такое настроеніе намъ извѣстно: вѣдь, это — настроеніе и современнаго поэта нашего круга, когда поэтъ этотъ въ процессѣ творчества переселяется въ міръ рисующихся ему и рисуемыхъ имъ образовъ. И сказитель старины, воспроизводящій существующее до него содержаніе пѣсни, участвуетъ въ ней именно творческими сторонами своей души.

Слѣдующимъ свойствомъ, необходимымъ для сказителя, является прежде всего память, лучше сказать, памятливость, притомъ не заурядная: тотъ обширный, даже у рядового исполнителя былинъ, матеріалъ, относящійся прямо какъ къ содержанію, такъ и къ словесной и музыкальной формѣ исполняемой имъ пѣсни, настолько великъ, сложенъ и разнообразенъ, что безъ особенной памятливости, притомъ въ извѣстномъ направленіи

развитой, онъ его не передастъ, сохраняя въ то же время художественную цѣльность стариннаго произведенія. Какъ великъ и насколько сложенъ можетъ быть этотъ матеріалъ, можно судить уже по тѣмъ записямъ былинъ, которыя опубликованы собирателями: двѣ или три тысячи стихотворныхъ строкъ, которыя держитъ въ памяти и умѣетъ воспроизвести средняго достоинства сказитель,—дѣло довольно обычное въ практикѣ собирателей пѣсенъ; но мы знаемъ, что болѣе памятливые и талантливые пѣвцы могли сообщить собирателю такихъ стиховъ пять, шесть и даже до десяти тысячъ. Это требованіе исключительныхъ свойствъ памяти станетъ еще виднѣе, если припомнимъ, что для сказителя стихотворная строка—не только словесная, но и музыкальная; если это послѣднее условіе, съ одной стороны, облегчаетъ запоминаніе словесной формы, то ставитъ, съ другой, новую задачу для его памяти: онъ долженъ помнить еще мотивъ, на который поется данная строка его пѣсни.

Изъ сказаннаго сейчасъ ясно, что столь же обязательнымъ условіемъ для сказителя является музыкальность: въ пѣснѣ, какъ таковой, словесная форма не отдѣлима отъ музыкальной, т.-е., отъ мотива. Эта музыкальность не есть только музыкальная память, помогающая сохранить и воспроизвести слышанный мотивъ данной пѣсни или даннаго ея мѣста: при той свободѣ отношенія къ тексту, о которой рѣчь впереди, необходимой надо признать музыкальность въ болѣе высокомъ значеніи: пѣвецъ долженъ обладать не только простой памятью мотива, памятью ритма, но и умѣніемъ изъ имѣющихся въ его распоряженіи мотивовъ выбрать наиболѣе соотвѣтствующій мѣсту, имъ словесно скомбинированному изъ его словеснаго запаса. Степенью именно такой музыкальности и измѣряется общее достоинство его пѣсни слушателемъ и собирателемъ; есть хорошо передающіе содержаніе и музыкальную сторону былины пѣвцы, но есть и такіе, которые хорошо передаютъ содержаніе, но плохо музыку, отчего и самая былина по формѣ бываетъ мало удовлетворительна. Въ большинствѣ же случаевъ оба качества—памятливость и музыкальность—

только въ гармоническомъ ихъ сочетаніи дѣлаютъ сказителя стоящимъ на должной высотѣ: недостаточно памятливый пѣвецъ передастъ плохо не только содержаніе былины, но и ея форму, либо броситъ ее неоконченной, либо доскажетъ ея содержаніе безъ пѣнія и безъ стиха (въ видѣ „побывальщины").

При наличности такихъ способностей пѣвецъ воспроизводитъ традиціонное содержаніе былевой пѣсни. Въ этомъ исполненіи находятъ себѣ выраженіе его качества, какъ носителя старой традиціи, сберегаемой имъ, а также и личныя его творческія способности: въ пѣніи былины раскрывается процессъ и созданія былины самой въ ея прошломъ, и процессъ личнаго творчества ея современнаго намъ носителя при ея исполненіи. Вотъ какъ характеризуетъ этотъ послѣдній процессъ А. Ѳ. Гильфердингъ: „Можно сказать, что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: мѣста типическія, по большей части описательнаго содержанія, либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ, и мѣста переходныя, которыя соединяютъ между собою типическія мѣста, и въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствія. Первыя изъ нихъ сказитель знаетъ наизусть и поетъ совершенно одинаково, сколько бы разъ онъ ни повторялъ былину; переходныя мѣста, должно быть, не заучиваются наизусть, а въ памяти хранится только общій остовъ, такъ что всякій разъ, какъ сказитель поетъ былину, онъ ее тутъ же сочиняетъ, то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія. Въ устахъ лучшихъ сказителей, которые поютъ часто и выработали себѣ, такъ сказать, постоянный текстъ, эти отступленія составляютъ, конечно, весьма незначительные варіанты; но возьмите сказителя съ менѣе сильною памятью или давно отвыкшаго отъ своихъ былинъ и заставьте его пропѣть два раза одну и ту же былину,—вы удивитесь, какую услышите большую разницу въ ея текстѣ, кромѣ типическихъ мѣстъ. Эти типическія мѣста у каждаго сказителя имѣютъ свои особенности, и каждый сказитель употребляетъ одно и то же типическое мѣсто всякій разъ, когда представляется къ тому подходящій смыслъ, а иногда

даже не кстати, прицѣпляясь къ тому или другому слову. Оттого всѣ былины, какія поетъ одинъ и тотъ же сказитель, представляютъ много сходныхъ и тожественныхъ мѣстъ, хотя бы не имѣли ничего общаго между собою по содержанію. Такимъ образомъ типическія мѣста всего болѣе отражаютъ на себѣ личность сказителя. Каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ изъ массы готовыхъ эпическихъ картинъ запасъ, болѣе или менѣе значительный, смотря по силѣ своей памяти, и, затвердивъ ихъ, этимъ запасомъ одинаково пользуется во всѣхъ своихъ былинахъ" („Онежскія былины" изд. 2 (СПБ. 1894), т. I, стр. 32). Разумѣется, въ самомъ подборѣ типическихъ мѣстъ (ср. выше, т. I, стр. XLVII) сказывается и еще болѣе важная черта облика пѣвца—его художественный вкусъ: опытный и талантливый пѣвецъ выбираетъ эти типическія мѣста съ бо́льшимъ художественнымъ чутьемъ, стройно согласуя ихъ съ общимъ характеромъ исполняемой имъ былины, придаетъ такимъ образомъ цѣльность и всей былинѣ, какъ художественному созданію, формѣ, какъ художественной оболочкѣ основного содержанія ея; онъ употребитъ изъ своего запаса типическія мѣста въ мѣру съ самимъ разсказомъ, не заслоняя этого разсказа типическими, хотя и красивыми сами по себѣ, мѣстами. Плохой же или сильно позабывшій содержаніе былины пѣвецъ, но хорошо помнящій часто повторявшіяся имъ типичныя мѣста, заполнитъ ими, чисто-внѣшнимъ, механическимъ образомъ, недочетъ въ самомъ разсказѣ и тѣмъ нарушитъ требованіе художественной соразмѣрности формы и содержанія; такія былины, конечно, будутъ по качеству не высокими и выдадутъ слабость творческой работы своего исполнителя.

Отмѣченная А. Ѳ. Гильфердингомъ типичность отдѣльныхъ картинъ былины нашла себѣ, повидимому, и болѣе широкое примѣненіе въ самой композиціи былины, на этотъ разъ въ болѣе существенной ея части содержанія. Здѣсь опять даютъ намъ матеріалъ для представленія объ этомъ цѣнныя наблюденія того же Гильфердинга: „Когда слушаешь нашихъ народныхъ рапсодовъ—говоритъ онъ—прежде всего дивишься тому, до какой

степени всѣ они, всѣ безъ исключенія, вѣрно выдерживаютъ характеры дѣйствующихъ въ былинахъ лицъ. Рапсоды эти далеко не равны по достоинствамъ: они представляютъ цѣлую градацію отъ истинныхъ мастеровъ, одаренныхъ несомнѣннымъ художественнымъ чувствомъ, до безобразныхъ пачкуновъ, такъ что собраніе былинъ, съ ихъ словъ записанныхъ, можно сравнить съ картинною галлереею, въ которой однообразный рядъ сюжетовъ повторялся бы въ нѣсколькихъ десяткахъ копій, начиная отъ прекраснѣйшихъ рисунковъ и кончая отвратительнымъ мараньемъ. Но каковъ бы ни былъ рисунокъ, самый изящный или карикатурный, обликъ каждой физіономіи въ этой галлереѣ вездѣ сохраняетъ свои типическія черты... Словомъ сказать, типичность лицъ въ нашемъ эпосѣ выработана до такой степени, что каждый изъ этихъ типовъ сталъ неизмѣннымъ общенароднымъ достояніемъ... Потому кажется, что въ сохраненіи и преемственной передачѣ былинъ, кромѣ механическаго дѣйствія памяти, должно участвовать какое-то коллективное, если можно такъ выразиться, поэтическое чутье въ народѣ...“ (у. с., стр. 24—25). Этимъ чутьемъ и обладаетъ сказитель, сохраняя неизмѣнно и передавая своему ученику или слушателю разъ установленный типичный обликъ богатыря. Это ясное представленіе о каждомъ ему знакомомъ героѣ былины, конечно, облегчаетъ ему соединять этотъ образъ съ опредѣленной словесной обрисовкой его въ былинѣ, концентрируя его память на самой фабулѣ, не поддающейся до такой степени обобщенію.

Итакъ, композиція былины сводится для пѣвца къ слѣдующему: къ фабулѣ, которою при помощи памяти онъ долженъ овладѣть, какъ не повторяющеюся сущностью содержанія, особенно напряженно; затѣмъ,—къ типичной, опредѣленной отчетливо фигурѣ героя или дѣйствующихъ лицъ, повторяющихся въ рядѣ былинъ, а потому и болѣе легко удерживаемыхъ въ памяти; наконецъ, къ типичнымъ общимъ мѣстамъ, запасомъ коихъ по своему усмотрѣнію распоряжается пѣвецъ примѣнительно къ его пониманію художественныхъ своихъ задачъ; сюда же, конечно, слѣдуетъ

отнести и напѣвъ былины, который подбирается такъ же, какъ и типичныя мѣста, изъ запаса музыкальныхъ мотивовъ, находящихся въ распоряженіи сказителя. Весь же процессъ сложенія и передачи былины сводится въ сознаніи пѣвца къ акту памяти: онъ старается передать—и увѣренъ, что передаетъ—только то, что онъ самъ слышалъ и „понялъ“ (т.-е. запомнилъ); участія своего личнаго творчества онъ не подозрѣваетъ и не признаетъ, хотя оно, несомнѣнно, существуетъ, именно въ композиціи вокругъ фабулы и „типизированнаго“ дѣйствующаго лица тѣхъ типичныхъ мѣстъ, которыми онъ распоряжается, не видя въ свободномъ ихъ примѣненіи нарушенія полученной имъ традиціи. Это подтверждается непосредственнымъ опросомъ пѣвцовъ: всѣ они стараются пѣть такъ, какъ пѣли ихъ учителя, пропускаютъ то, чего они, по ихъ мнѣнію, не запомнили буквально, либо ограничиваются прозаическимъ пересказомъ содержанія забытаго въ стихотворной формѣ мѣста (Гильфердингъ, у. с., стр. 25—26).

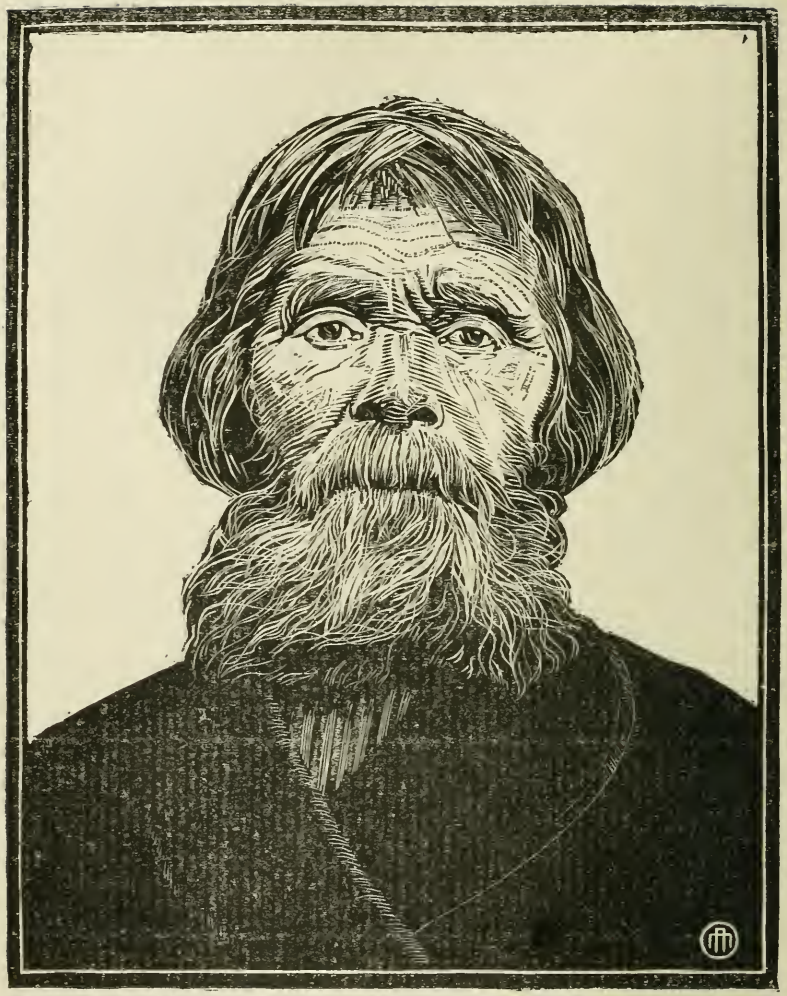
Эта безсознательность творческаго процесса при воспроизведеніи былины даетъ намъ объясненіе, съ одной стороны, устойчивости содержанія былины у цѣлаго ряда пѣвцовъ (не считая, конечно, случайныхъ искаженій и непроизвольныхъ измѣненій въ зависимости отъ измѣненій во времени самого міросозерцанія носителей), съ другой—той разницы въ словесной формѣ и второстепенныхъ ея частяхъ, которую мы можемъ наблюдать у двухъ пѣвцовъ, завѣдомо черпавшихъ свои былины изъ одного и того же источника (напр., выучившихся у одного учителя, сына, перенявшаго свои былины отъ отца) или у одного и того же пѣвца, который въ различное время послѣдовательно повторяетъ одну и ту же былину: усваивая содержаніе слушаемой былины очень внимательно, запоминая старательно типичные образы дѣйствующихъ лицъ, ученикъ не придаетъ значенія, а потому и не фиксируетъ въ своей памяти типичныхъ общихъ мѣстъ, имѣя запасъ равнозначащихъ уже въ своемъ распоряженіи; и пѣвецъ, повторяющій свою былину, главное вниманіе обращаетъ на точность въ повтореніи содержанія (которое онъ и запомнилъ когда-то лучше), на

сохраненіе неизмѣнными обликовъ героевъ, а типичныя общія мѣста можетъ подбирать всякій разъ вновь при самомъ процессѣ пѣнія. Многочисленные тому примѣры можно найти, сравнивши пѣсни Рябинина-отца и Рябинина-сына для иллюстраціи перваго наблюденія, или же записи П. Н. Рыбникова, сдѣланныя въ 1860 году, и А. Ѳ. Гильфердинга, сдѣланныя въ 1870-мъ, отъ однихъ и тѣхъ же пѣвцовъ, хотя бы того же Т. Г. Рябинина; или же записи Рыбникова, Гильфердинга и М. Гурьева отъ В. Щеголенка (ср. ниже въ біографіяхъ пѣвцовъ).

Таковъ въ общемъ обликъ сказителя „ста́ринъ“ въ настоящее время. Въ немъ, какъ источникѣ для пониманія процесса творчества былины въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ее въ записи собирателя, мы ясно можемъ различать элементы: традиціонный, воспринимаемый доходящимъ до пѣвца живымъ, устнымъ преданіемъ, и личный, т.-е., результатъ преломленія полученнаго преданія, окружающей обстановки, среды въ призмѣ индивидуальныхъ чертъ каждаго даннаго сказителя. Чтобы учесть первый элементъ, мы изучаемъ прошлое той среды, гдѣ создалась и хранилась былина, современную обстановку жизни былины, какъ результатъ исторической жизни этой среды; для пониманія второго элемента намъ необходимо знакомство съ личностью сказителя, съ его индивидуальными чертами, съ воздѣйствіемъ на него окружающей среды, т.-е., знакомство съ его біографіей. Въ біографіяхъ сказителей былинъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, поскольку онѣ касаются ихъ, какъ сказителей, много общихъ чертъ; поэтому ниже приводятся только нѣсколько такихъ біографій, дающихъ небезинтересныя иллюстраціи къ приведенной выше общей характеристикѣ носителей былевого творчества. При этомъ взяты эти біографіи съ такимъ разсчетомъ, что онѣ характеризуютъ былевое творчество въ различное время нашей эпохи и при томъ съ различныхъ его сторонъ: такъ, Т. Г. Рябининъ взятъ, какъ пѣвецъ старшаго относительно поколѣнія (подвергшійся изученію уже въ 1860 г., а затѣмъ въ 1870-мъ П. Н. Рыбникова и А. Ѳ. Гильфердинга); кромѣ того, онъ интересенъ, какъ учитель своего сына И. Т. Ря-

бинина: тутъ мы можемъ наблюдать передачу былины отъ одного поколѣнія другому; поэтому приводятся данныя и для біографіи Рябинина-сына, бывшаго предметомъ изученія въ 1893 году (Е. А. Ляцкаго); какъ представитель иного, но также старшаго типа пѣвца, взятъ и В. Щеголенокъ, съ которымъ познакомили насъ раньше Гильфердингъ и Рыбниковъ, а затѣмъ Гурьевъ. Въ качествѣ представительницы болѣе близкаго къ намъ поколѣнія, притомъ не Олонецкаго, а Архангельскаго края, взяты: А. М. Крюкова, одна изъ богатѣйшихъ по репертуару сказительницъ (изучена А. В. Марковымъ въ 1898—1900 г.), и М. Д. Кривополѣнова (о ней—А. Д. Григорьевъ въ 1899—1901 г. и О. Э. Озаровская въ 1916 г.).

1. ТРОФИМЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РЯБИНИНЪ



Трофимъ Григорьевичъ

РЯБИНИНЪ

Рябининъ, Трофимъ Григорьевичъ, принадлежалъ къ числу наиболѣе выдающихся сказителей Олонецкаго края, какъ по богатству своего былиннаго репертуара, такъ и по мастерству исполненія; интересенъ онъ и потому, что на его примѣрѣ отчетливо выясняется на значительномъ протяженіи времени та пѣвческая традиція, которая донесла до насъ старую былевую пѣсню.

Внѣшняя его біографія не сложна: родился онъ въ концѣ XVIII ст. въ дер. Гарницахъ, Сѣнногубскаго погоста, сосѣдняго съ Кижскимъ (въ 1870 году, когда съ нимъ познакомился А. Ѳ. Гильфердингъ, ему было 78 лѣтъ), рано лишился отца и матери, взятъ былъ на воспитаніе „міромъ". Подросткомъ онъ сталъ ходить по окрестнымъ деревнямъ, зарабатывая пропитаніе починкой сѣтей, ловушекъ и другихъ рыболовныхъ принадлежностей; во время этихъ странствій познакомился онъ со старикомъ Ильей Елустафьевымъ, занимавшимся тѣмъ же промысломъ (этотъ Илья, по словамъ Т. Г. Рябинина, умеръ въ 30-хъ годахъ девяноста лѣтъ отъ роду, т.-е., родился приблизительно въ первой половинѣ XVIII ст., стало быть, могъ быть пѣвцомъ, знавшимъ традицію середины этого вѣка); онъ и положилъ, повидимому, начало пѣвческой дѣятельности Рябинина: по словамъ послѣдняго, Илья зналъ много былинъ, охотно пѣлъ ихъ за работой, и Рябининъ многое отъ него „понялъ". Въ 1812 году Т. Г. Р-нъ поступилъ въ работники къ своему дядѣ Игнатію Иванову Андреевыхъ, который считался лучшимъ пѣвцомъ во всемъ краѣ; тутъ же, въ дер. Гарницахъ, жилъ Василій Софроновъ Сарафановъ (отецъ того пѣвца, отъ котораго записывалъ Гильфердингъ), также большой мастеръ по части былинъ; отъ него, какъ и отъ дяди, получалъ былины Т. Г. Р-нъ; кромѣ нихъ, онъ вспоминалъ въ качествѣ людей, обогатившихъ его репертуаръ, еще Ивана

Агапитовича Завьялова, умершаго еще въ началѣ XIX вѣка, Ивана Кокойкина (этотъ умеръ, по словамъ Рябинина, чуть не 100 лѣтъ), Ѳедора Трепалина. Двадцати четырехъ лѣтъ (т.-е. приблизительно въ 1822—3 г.г.) Т. Г. Р-нъ женился и изъ Гарницы окончательно переселился въ дер. Середку (Кижской волости), гдѣ и зажилъ своимъ хозяйствомъ, главнымъ образомъ рыболовствомъ, отчасти землепашествомъ, достигъ здѣсь положенія обезпеченнаго, исправнаго, хотя и не очень зажиточнаго человѣка. Изъ двухъ оставшихся у него сыновей (двое старшихъ умерли на военной службѣ), жившихъ при отцѣ, одинъ—Иванъ—особенно пристрастился къ пѣнію былинъ, хотя и другой также кое-что „понялъ“ отъ отца. Изъ этихъ данныхъ біографіи Т. Г. Рябинина можно сдѣлать слѣдующіе выводы: при началѣ своей пѣвческой дѣятельности (судя по сказанному, она началась до 1812 г., когда онъ еще ходилъ съ Ильей Елустафьевымъ по заработкамъ) онъ засталъ былинную традицію середины, по крайней мѣрѣ, второй половины XVIII вѣка (т. е., времени, когда составился и сборникъ Кирши Данилова); все время до начала 30-хъ годовъ онъ вращался въ средѣ пѣвцовъ, по большей части выдающихся, и въ то же время также представителей традиціи того же XVIII вѣка. На основаніи всего этого можно Т. Г. Р-на считать представителемъ традиціи, притомъ хорошей, XVIII вѣка—въ XIX-мъ; видимо, „школа“, которую прошелъ Рябининъ, была въ общемъ изъ выдающихся: онъ изъ нея вышелъ замѣчательнымъ мастеромъ своего дѣла: П. Н. Рыбниковъ, записывавшій отъ него въ 1860-мъ году, такъ характеризуетъ его манеру: „напѣвъ былины (рѣчь идетъ о былинѣ про Хотена Блудовича) довольно однообразенъ, голосъ не очень звонокъ. Рябинину въ это время было уже подъ 70 лѣтъ; но удивительное умѣніе сказывать придавало особенное значеніе каждому стиху; каждый предметъ у него выступалъ въ настоящемъ свѣтѣ, каждое слово получало свое значеніе“ (т. I, стр. LXXVI). И въ отношеніи къ богатству былевого матеріала памятливый Рябининъ усердно использовалъ своихъ учителей: судя по записямъ П. Н. Рыбникова и

А. Ѳ. Гильфердинга, репертуаръ Рябинина состоялъ изъ 26 отдѣльныхъ былинъ и ихъ отрывковъ, обнималъ собою (если перевести его на стихотворныя строки) отъ пяти слишкомъ до шести слишкомъ тысячъ стиховъ. Вотъ его былинный репертуаръ [1]:

1. Самсонъ богатырь (варіантъ къ былинѣ о Святогорѣ; ср. II, 98) 123 и „разсказъ".

2. Святогоръ (ср. ниже, стр. 110) 23 и „разск."—.

3. Волга и Микула (отъ Игнатія; II, 7) 166 184.

4. Илья и Соловей (отъ Игнатія; I, 137) 233 272. Текстъ Т. Г. Рябинина.

5. Илья и дочь (отъ Игнатія; варіантъ къ „Ильѣ и Сокольнику") 326 353.

6. Илья и Идолище (I, 172) 85 122.

7. Илья и Калинъ (I, 154) 289 616. Текстъ Т. Г. Рябинина.

8. Добрыня и Василій Казимировъ (отъ Завьялова; I, 43) 926 1023.

9. Дунай—сватъ (отъ Игнатія; I, 29) 297 453.

10. Иванъ Годиновичъ (отъ Трепалина; II, 205) 126 187.

11. Михайло Потыкъ (отъ Игнатія; I, 289) 23 57. Только начало: остального не помнилъ.

12. Михайло Потыкъ (варьянтъ предыдущаго) 187—.

---

[1] Репертуаръ этотъ составленъ путемъ объединенія записей Рыбникова и Гильфердинга; при каждой былинѣ указывается: а) отъ кого Рябининъ получилъ ее, если это было сообщено пѣвцомъ и отмѣчено собирателемъ; б) текстъ былины соотвѣтствующаго содержанія въ настоящемъ изданіи (томъ и страница), при чемъ отмѣчается особо, если сюда принятъ текстъ именно Рябинина; в) наконецъ приводится цифра стиховъ каждой былины по записи Рыбникова и Гильфердинга, при чемъ знакомъ:—., обозначается, что та или иная былина не была записана тѣмъ или другимъ собирателемъ. Подсчитавши по стихамъ записи Рыбникоза и присоединивъ къ нимъ цифру стиховъ былинъ, не вошедшихъ въ его запись, изъ записи Гильфердинга, получимъ въ общей сложности 5216 стиховъ; а подсчитавши тѣмъ же путемъ записи Гильфердинга, получимъ 6333 стиха, т.-е., приблизительную, приведенную выше, общую цифру.

13. Сорокъ каликъ (II, 56) 24 61. Только начало: остальное забылъ.

14. Ставръ Годиновичъ (II, 148) 122—.

15. Хотенъ Блудовичъ (II, 164) 165 182.

16. Дюкъ Степановичъ (отъ Кокойкина; I, 266) 452 567.

17. Василій Буслаевъ (II, 75) 90—.

18. Садко (II, 27) 39—. Только начало: остального не помнилъ.

19. Иванъ Грозный и сынъ (II, 376) 228—.

20. Скопинъ Шуйскій (отъ Игнатія; II, 414) 62 69. Конца не могъ спѣть.

21. Королевичи изъ Крякова (отъ Игнатія) 320 306.

22. Горюшко 273 266.

23. Ссора Ильи съ Владимиромъ (I, 181)—.122.

24. Добрыня и Марина (I, 38)—.101.

25. Добрыня и змѣй (отъ Завьялова; I, 15)—.469.

26. Молодецъ и худая жена—.111.

Сверхъ того, Рябининъ помнилъ содержаніе, но былины не пѣлъ, о Рахтѣ Рагнозерскомъ (ср. II, 183). Приведенный репертуаръ Т. Г. Р-на интересенъ, помимо своей обширности, еще тѣмъ, что въ немъ обращаютъ на себя вниманіе различныя цифры стиховъ одной и той же былины въ различное время ихъ исполненія: былина имъ короче излагалась, когда онъ ее пѣлъ П. Н. Рыбникову (1860 г.), нежели десять лѣтъ спустя, когда ее записывалъ отъ него А. Ѳ. Гильфердингъ. Фактическое содержаніе былинъ остается въ томъ и другомъ случаѣ однимъ и тѣмъ же: слѣдовательно, разница падаетъ, прежде всего, на обработку сюжета при помощи тѣхъ общихъ, „типичныхъ“ мѣстъ, о которыхъ говорилось раньше. Въ самомъ дѣлѣ, простое сопоставленіе другъ съ другомъ по записямъ Гильфердинга и Рыбникова, напр., былины о Вольгѣ и Микулѣ (у Г. № 73, у Р. № 3) показываетъ, что разница, прежде всего, заключается въ томъ, что въ одномъ случаѣ пѣвецъ пропустилъ общее типическое мѣсто, въ другомъ—добавилъ такое же мѣсто, въ одномъ—даетъ повтореніе, въ другомъ—обходится безъ него, наконецъ, одно типическое мѣсто замѣнилъ другимъ; такъ:

Гильфердингу Рябининъ пѣлъ:

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ, 1
Жилъ Святославъ да переставился.
Оставалось отъ него чадо милое
Молодой Вольга Святославговичъ.

. . . . . .

Былъ у него родной дядюшка, 16
Славный князь Владимиръ стольнокіевской;
Жаловалъ его трема городама, все крестьянамы

. . . . . .

Ѣхалъ Вольга онъ до ратоя, 31
День съ утра ѣхалъ до вечера,
Да не могъ ратоя въ полѣ наѣхати.
А оретъ-то въ поли ратой, понукиваетъ,
А у ратоя сошка поскрипываетъ,
Да по камешкамъ омешики прочиркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до пабѣдья,
Со своей со дружинушкой хороброю,
Енъ наѣхалъ въ чистомъ поли ратоя.

. . . . . .

Этотъ оратай оратаюшко 80
Гужики съ сошки онъ повыстепулъ
Да кобылку изъ сошки повывернулъ,
А со тою онъ сошки со кленовенькой,
А й оставилъ онъ тутъ сошку кленовую,
Онъ садился на кобылку соловеньку;
Они сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
По славному раздольицу чисту полю.
Говорилъ оратай таковы слова.

. . . . . .

Они сошку съ земельки повыдернутъ, 93
Изъ омешиковъ земельку повытряхнутъ,

Рыбникову же пѣлъ такъ:

Когда возсіяло солнце красное
На это небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославговичъ.

. . . . . .

Жаловалъ его родный дядюшка,
Ласковый Владимиръ стольнокіевскій
Тремя городамы со крестьянамы

. . . . . .

Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хоробрей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омешики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга еще третій день,
Третій день съ утра до пабѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая.

. . . . . .

Этотъ оратай оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстепулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Снялъ онъ хомутики съ кобылушки,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова.

. . . . . .

Сколнутъ омешики булатніи,
А и нечимъ мнѣ буде крестьянствовати.

. . . . . .

Изъ сошки омешики новыколнутъ,
Мнѣ нечѣмъ будетъ молодцу крестьянствовати.

. . . . . .

Молодой Вольга Святославговичъ [101]
Посылаетъ тутъ два да три добрыхъ молодца
Со своей съ дружинушки хороброй
Да къ этой ко сошкѣ кленовенькой,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули.

. . . . . .

Молодой Вольга Святославговичъ
Посыластъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцевъ могучіихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули.

. . . . . .

Если мы возьмемъ для сравненія еще былину о сорока каликахъ (Г. № 86, у Р. № 13), изъ которой Рябининъ помнилъ только отрывки, то получимъ еще болѣе наглядный примѣръ обращенія его съ текстомъ: онъ почти механически относится къ нему; вотъ этотъ отрывокъ:

У Гильфердинга.

Да й ходили-то калѣки перехожіи,
А й лапотики на ножкахъ-то шелковеньки,
Й у нихъ подсумки-ты сшиты съ черна бархату,
Да во нихъ рукахъ-то клюхи кости рыбьею,
На головушкахъ-то шляпки земли гречецкой.
Да й ходили молодци они съ земли въ землю,
Загуляли молодци да къ королю въ Литву,
Ко тому-то зашли къ королю къ литовскому,
Заходили къ королю да й на широкой дворъ,
Становились молодцы да й посередъ двора,
Супротивъ окошечка косявчата,
Попросили-то у короля милостинки,

У Рыбникова.

Ходили калики перехожіе изъ орды въ орду,
Сорокъ каликъ со каликою.
Лапотики на ножикахъ у нихъ были шелковые,
Подсумочки сшиты черна бархата,
Во рукахъ были клюхи кости рыбьея,
На головушкахъ были шляпки земли греческой.
Приходили оны въ хоробру Литву,
Ко тому королю литовскому на широкій дворъ,
Становились подъ косявчато окошечко
И попросили-то они милостины:
„Ай же ты король литовскій!
„Сотвори-тко намъ милостину, каликамъ перехожіимъ.
„Не рублямы мы беремъ и не полтинамы,

Да й воскрыкнули оны да громкимъ голосомъ.
Громкимъ голосомъ крыкнули во всю голову:
„Ай же батюшко король литовски!
„Сотвори, король, да намъ милостинку,
„А и тымъ калѣкамъ перехожіимъ:
„Не рублямы мы беремъ да не полтинкамы,
„А беремъ-то мы цѣлыма тысяцмы".
А й отъ нихъ-то покрыковъ отъ богатырскіихъ,
Да й отъ голосовъ отъ нихъ отъ молодецкіихъ,
А на теремахъ-то маковки покривились,
А й въ окошечкахъ околенки разсыпались.
Поглянулъ король въ косявчато окошечко,
Говорилъ король-отъ таковы слова:
— Ай же вы мои слуги вѣрныи!
— Да й подите-тко вы на мой на широкъ на дворъ,
— Не калѣки-то пришли не перехожіи,
— Да пришли богатыря къ намъ святорусьскіи.
„Беремъ-то мы цѣлыма тысячмы".
Отъ ихъ отъ покриковъ богатырскіихъ
Околенки во теремахъ поразсыпались,
Маковки во теремахъ покривились.
Король вводилъ ихъ во палаты бѣлокаменны,
Кормилъ онъ ихъ ѣствушкой сахарнею
И поилъ ихъ питьицемъ медвяныимъ,
И дарилъ имъ дары драгоцѣнные.
Говорилъ король таковы слова:
„Не калики есте перехожіи,
„Есть вы русскіе могучіе богатыри".

То, что въ текстѣ Рыбникова говорится объ угощеніи и о подаркахъ каликамъ, въ записи Гильфердинга (которая идетъ дальше: калики пообѣдали, поблагодарили и пошли въ Кіевъ), встрѣчаемъ вставленнымъ въ рѣчь литовскаго короля, а затѣмъ въ видѣ повторенія и въ разсказъ.

Но въ процессѣ передачи былиннаго текста проявлялъ иногда Т. Г. Рябининъ и больше творчества и самостоятельности, развивая не только стилистическую его сторону, но и самое содержаніе, хотя основную фабулу онъ сохранялъ неприкосновенной; образцомъ такой обработки сюжета можно счесть у него былину объ Ильѣ и его дочери (у Г. № 77, у Р. № 5): не говоря

уже о пропускахъ и дополненіяхъ стилистическаго характера то въ той, то въ другой передачѣ, мы видимъ перестройку уже болѣе существенную. Такъ, въ текстѣ Рыбникова онъ детальнѣе дорисовываетъ образъ поленицы, дочери Ильи Муромца: послѣ словъ: „Она ѣхала, собака, насмѣялася, не сказала Божьей помочи богатырямъ“ (Р. стихи 15—16, Г. 17—18), находимъ:

Проѣхала въ раздольице въ чисто поле,
Стала по соловьему посвистывать,
И стала-то во всю голову покрикивать,
Кличетъ,—выкликаетъ поединщика,
Супротивъ себя да супротивника:
„Ежели Владимиръ князь стольно-кіевскій
„Не дастъ онъ мнѣ поединщика,
„Супротивъ меня да супротивника,
„Самого-то я Владимира подъ мечъ склоню,
„Подъ мечъ склоню, да голову срублю,
„Черныхъ мужичковъ-то всѣхъ повырублю,
„Божьи церкви всѣ на дымъ спущу“.
Стоятъ богатыри, пораздумались.

Вмѣсто этого въ записи Г. только одна строка: „Ена ѣдетъ прямоѣзжею дорожкою къ стольне-Кіеву“. Въ слѣдующей далѣе рѣчи Ильи къ богатырямъ, которая у Г. вся сведена къ шести строкамъ и содержитъ вызовъ, кому ѣхать перевѣдаться съ поленицею (стихи 21—26), найдемъ внесенными цѣлыхъ 20 стиховъ, гдѣ повторяется описаніе поленицы, сообщается о вызовѣ ею поединщика, но опущена угроза Владиміру и Кіеву. По Рыбникову, богатыри рѣшаютъ послать Алешу Поповича, по Гильфердингу, Алеша самъ вызывается:

Говоритъ-то тутъ Олешенька Григорьевичъ:
— Я поѣду во раздольицо чисто поле,
— Посмотрю на поляницу на удалую.—

И далѣе, обрисовка поленицы, ея поведенія продолжается у Г., но отсутствуетъ у Р.: Добрыня, также не рѣшившійся вступить въ бой съ поленицей, подробно докладываетъ богатырямъ о наружности ея, объ ея похвальбѣ и угрозахъ Кіеву и Владиміру. Въ этомъ же родѣ разработанъ текстъ и дальше. Въ ре-

зультатѣ выросъ и самый объемъ былины въ этой ея обработкѣ: при нѣкоторыхъ пропускахъ сравнительно со старшимъ пересказомъ (Рыбникову) она достигла свыше 350 стиховъ.

Наконецъ, допускалъ Т. Г. Рябининъ и еще болѣе рѣшительную работу творческаго характера надъ получаемыми имъ традиціонными текстами былинъ: онъ ихъ контаминировалъ, т.-е., соединялъ различныя по сюжетамъ былины въ одну, естественно, при этомъ измѣняя и ту и другую, и т. о. вырабатывалъ совершенно иное произведеніе, нежели каждая изъ нихъ; такъ поступилъ онъ съ былиной объ Ильѣ Муромцѣ и Калинѣ царѣ: Рыбникову онъ пропѣлъ эту былину въ обычной ея редакціи, а, десять лѣтъ спустя, Гильфердингъ записалъ отъ него ее уже въ радикальной переработкѣ: въ ней рядомъ съ Ильей введенъ и Ермакъ, конечно, подъ вліяніемъ такихъ былинъ, которыя сблизили оба эти образа (результатъ вліянія казачества и Смутнаго времени) [1], почему его „новая“ былина такъ и разрослась по объему: вмѣсто прежнихъ 289 стиховъ она дала уже 616. Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить, что отдѣльной пѣсни объ Ермакѣ или Ермакѣ и Ильѣ нѣтъ въ репертуарѣ Рябинина, нѣтъ въ другихъ его пѣсняхъ упоминанія объ Ермакѣ: видимо, онъ ее слышалъ отъ кого-либо другого (м. б., въ промежутокъ между 1860 и 1870 годами) и использовалъ для композиціи былины о Калинѣ.

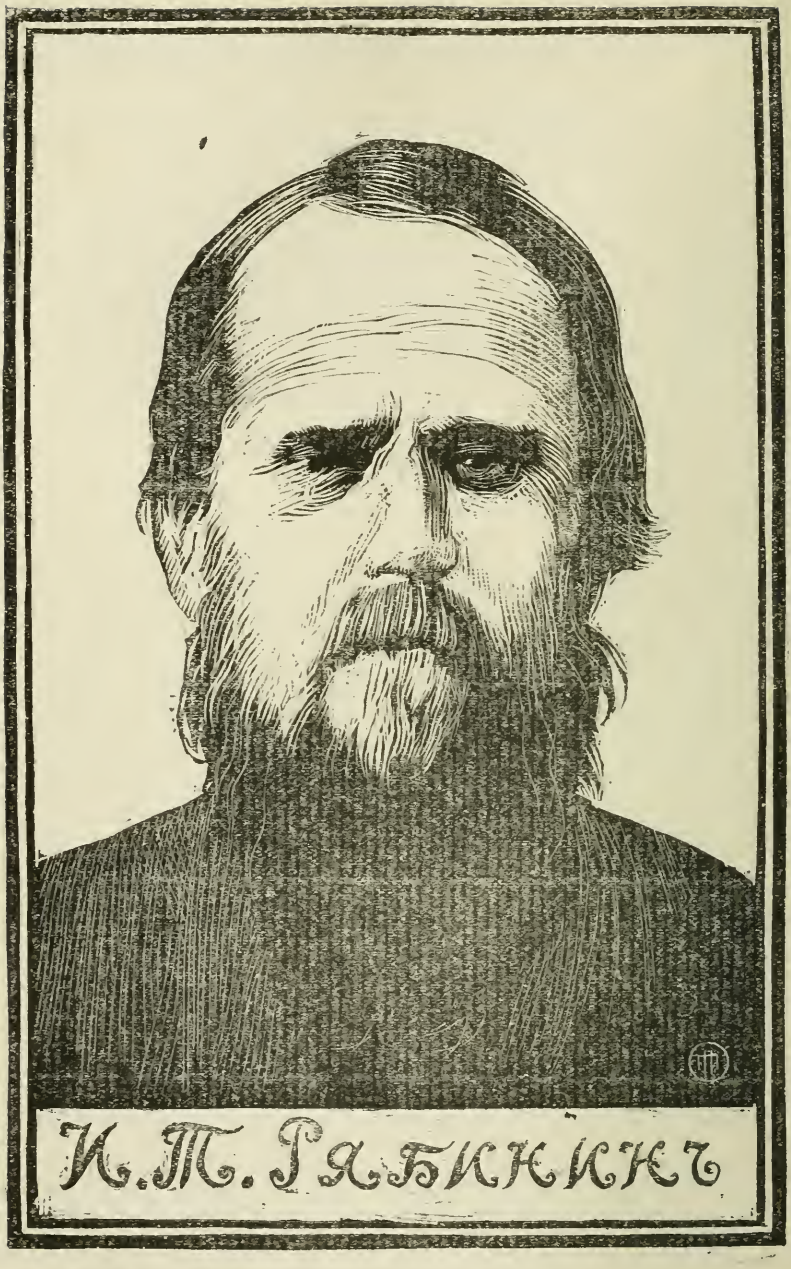
Такимъ образомъ, въ лицѣ Т. Г. Рябинина мы имѣемъ передъ собой не только памятливаго пѣвца, представителя стариннаго репертуара XVIII вѣкаа, но и талантливаго художника, вносившаго въ свои пѣсни, помимо обычной и у другихъ пѣвцовъ доли творчества, отражавшейся преимущественно на формѣ былины въ видѣ свободнаго примѣненія общихъ типичныхъ мѣстъ, также и индивидуальныя черты своего творческаго таланта: онъ, оставаясь въ рамкахъ традиціи, продолжалъ развитіе полученнаго имъ запаса былевой пѣсни, руководясь своимъ поэтическимъ на-

[1] Такая контаминація извѣстна, между прочимъ, и В. П. Щеголенку (Гильф. № 121), но иная.

строеніемъ. Правда, новыхъ былинъ онъ не созидалъ, но вносилъ новое въ старую былину.

По обширности своего былиннаго репертуара Т. Г. Рябининъ, если и не представлялъ исключенія, то во всякомъ случаѣ былъ пѣвцомъ выдающимся: число сюжетовъ, ему извѣстныхъ (отъ него записано ихъ, какъ мы видѣли, 26), превышаетъ обычное для сказителя, считающагося хорошимъ; такъ, изъ его севременниковъ Щеголенокъ могъ дать 15 былинъ, Калининъ 14, Чуковъ 19, изъ слѣдующаго поколѣнія—И. Т. Рябининъ 15, Кривополѣнова 14 и т. д. Скончался Т. Г. Рябининъ въ 1885 году, достигнувъ т. о. глубокой старости.

2. ИВАНЪ ТРОФИМОВИЧЪ РЯБИНИНЪ



К. Т. Рябкин

Иванъ Рябининъ — одинъ изъ двоихъ младшихъ сыновей Трофима Григорьевича, родился въ началѣ 40-хъ годовъ въ упомянутой дер. Середкѣ, гдѣ и прожилъ долгое время, затѣмъ переселился въ дер. Гарницу. Судя по имѣющимся о немъ свѣдѣніямъ, свой репертуаръ былинъ усвоилъ И. Т. Рябининъ, главнымъ образомъ, отъ отца: по крайней мѣрѣ, его репертуаръ (поскольку онъ приведенъ былъ въ извѣстность при посѣщеніи имъ Москвы зимою 1893 г.) не заключалъ въ себѣ былинъ, которыхъ бы не было у Тр. Гр.; вотъ перечень его былинъ: 1) Вольга и Микула, 2) Илья Муромецъ и Соловей, 3) Илья и дочь, 4) Илья и Калинъ царь, 5) Добрыня и Василій Казимировъ, 6) Дунай, 7) Хотенъ Блудовичъ, 8) Дюкъ, 9) Иванъ Грозный и его сынъ, 10) Ссора Ильи со Владимиромъ, 11) Добрыня и Марина, 12) Скопинъ Шуйскій, 13) Королевичи изъ Крякова, 14) Добрыня и змѣй, 15) Молодецъ и худая жена; сверхъ того, онъ пѣлъ изъ духовныхъ стиховъ: Стихъ о вознесеніи, про Егорія, про Агрикова сына (чудо св. Николы).

По сравненію съ отцовскими былинами по отношенію къ ихъ тексту И. Т. представляетъ очень немного самостоятельнаго, своеобразнаго: видимо, онъ хорошо усвоилъ ихъ и, не обладая въ такой степени, какъ отецъ, потребностью проявленія личнаго творчества, старается передавать ихъ возможно точно. Въ общемъ же, сравнивъ тексты отца и сына, надо сказать, что И. Т. скорѣе склоненъ сокращать свой оригиналъ, нежели распространять, не особенно любитъ повторенія (которыя какъ мы видѣли, давали такое расширеніе внѣшняго объема былины у Тр. Гр.). Съ такими сокращеніями имъ пѣлись былина о Вольгѣ и Микулѣ и былина о Добрынѣ и змѣѣ, особенно послѣдняя; ближе къ отцовскому тексту передавалась ста́рина о королевичахъ изъ Кракова. При сравненіи былинъ Ив. Тр. съ отцовскими обращаетъ на себя вниманіе одна особенность: текстъ ихъ ближе къ записанному Рыбни-

ковымъ, нежели къ записи Гильфердинга; напр., если былину о Вольгѣ онъ начинаетъ такъ, какъ она пѣлась его отцомъ въ 1870 году:

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Святославъ да й переставился и т. д.,

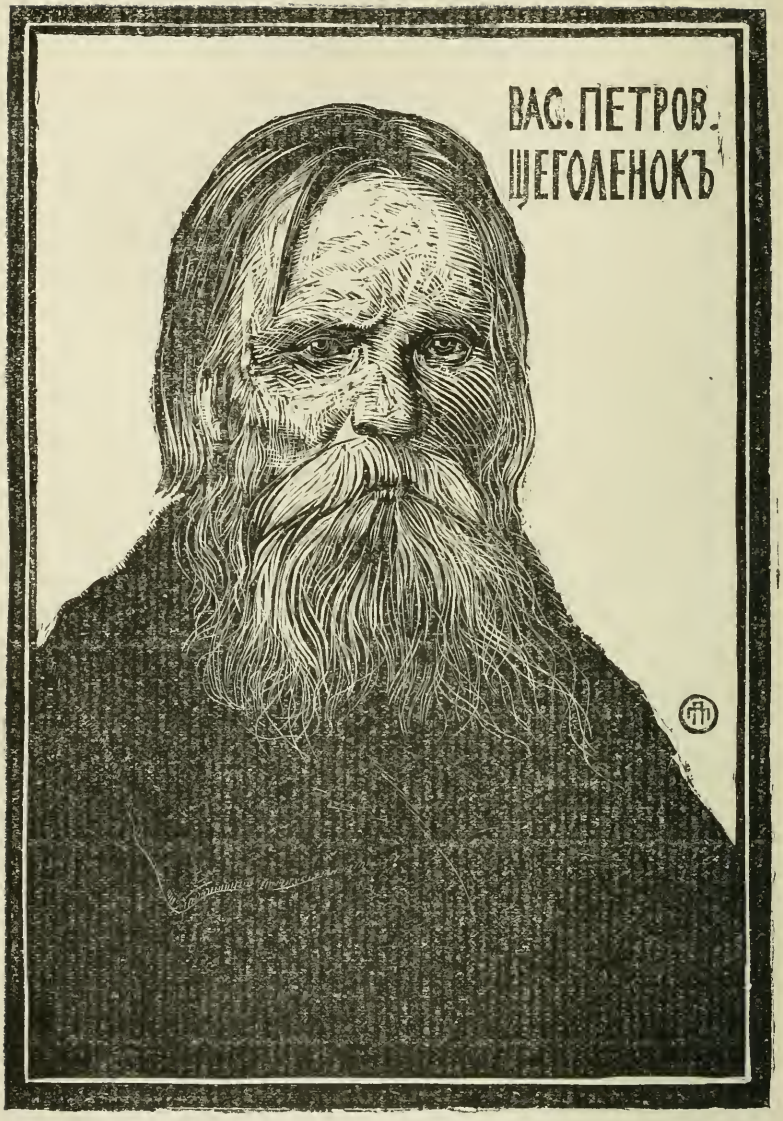
то приведенное выше мѣсто этой былины о томъ, какъ Вольга наѣзжаетъ на Микулу, передано уже согласно съ Рыбниковской, а не Гильфердинговской записью; то же надо сказать и объ отпрягиваньѣ кобылки, о разговорѣ о самой кобылкѣ и др. Приближается И. Т. къ старшей записи и по отдѣльнымъ выраженіямъ, которыя позднѣе Тр. Гр. замѣнилъ другими: такъ, и у Ив. Рябинина, какъ и въ записи Рыбникова, Владимиръ называется „ласковымъ", а не „славнымъ", моря—не „синими", а „глубокими"; по записи Рыбникова и у него построена фраза: „А кто лежа ляжетъ, той и встать нявмочь" (у Г.: „А кой сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ") и т. п. Это наблюденіе заставляетъ предполагать, что Иванъ Трофимовичъ усваивалъ свои пѣсни отъ отца еще не позднѣе 60-хъ годовъ, во всякомъ случаѣ, до того времени, когда съ нимъ познакомился А. Ѳ. Гильфердингъ: иначе особенности текстовъ Тр. Гр. этого времени нашли бы себѣ отраженіе и у Ив. Тр.: т.-е., онъ разучивалъ отъ отца пѣсни еще въ молодости (ему въ это время было, приблизительно, около 20 лѣтъ) и сохранилъ до ихъ преклоннаго возраста, когда ему пришлось быть въ Москвѣ, сохранилъ, какъ видимъ, очень бережно и т. о. донесъ до нашего времени довольно старую традицію, которая восходитъ у его отца по крайней мѣрѣ къ началу столѣтія (Вольга, вѣдь, разученъ отцомъ отъ Игнатія около 1812 года).

Такимъ образомъ, въ общемъ и Иванъ Рябининъ является выдающимся по богатству репертуара пѣвцомъ, а сверхъ того, образчикомъ устойчиваго носителя старой традиціи, но уступаетъ отцу и въ богатствѣ пѣсеннаго запаса, и въ творческой самобытности въ отношеніи къ традиціонному тексту [1].

---

[1] Кажется, былевая традиція продолжается и послѣ И. Т. Рябинина: по его свидѣтельству (1893 г.), отъ него перенимали былины его сыновья, особенно его пасынокъ.

3. ВАСИЛІЙ ПЕТРОВИЧЪ ЩЕГОЛЕНОКЪ


ВАС. ПЕТРОВ.
ЩЕГОЛЕНОКЪ

Василій Петровичъ Щеголенокъ, крестьянинъ дер. Боярщины, Кижской вол., родился приблизительно въ 1805 году, по занятіямъ хлѣбопашецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ портной (либо сапожникъ); любовь къ былинамъ пріобрѣлъ еще въ дѣтствѣ, слушая своего дѣда и въ особенности дядю, отъ котораго и заимствовалъ значительную часть своихъ былинъ. Репертуаръ его [1], судя по записи Гильфердинга, состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: 1) Святогоръ и Добрыня—299, 2) Святогоръ и Садко—175, 3) Первые подвиги Ильи—425, 4) Илья и Калинъ царь—219, 5) Добрыня и Марина—127, 6) Добрыня и змѣй—190 (безъ конца), 7) Добрыня въ опалѣ (Ставръ)—192, 8) Дунай—217, 9) Хотенъ Блудовичъ — 68 (конца нѣтъ), 10) Чурило — 171, 11) Дюкъ — 111, 12) Иванъ Грозный и сынъ—247, 13) Птицы—127, 14) Ставръ Годиновичъ—188 (безъ конца), 15) Молодецъ и худая жена—143.

---

[1]) Репертуаръ В. П. Щеголенка составленъ главнымъ образомъ на основаніи записей Гильфердинга, который записалъ отъ него 13 былинъ; Рыбниковъ, считая его былины не важными по достоинству, или, можетъ быть, по какимъ-либо инымъ причинамъ, записалъ отъ него только четыре, и то не цѣльныхъ, былины: Илью и Калина—36 стиховъ, Птицъ—110, Ставра—188 (этой былины не записалъ Гильфердингъ) и Молодца и худую жену—143 (у Г. также ея нѣтъ). Въ 1873 г. Е. В. Барсовымъ въ „Памятникахъ народнаго творчества Олонецкаго края“ (Записки И. Геогр. Общ. по отд. этнографіи, III, 515—628) напечатаны были 9 былинъ Щеголенка въ записи М. Гурьева, изъ коихъ четыре (именно: Первые подвиги Ильи—285 стиховъ, Илья и Калинъ—197, Дунай—138, Ставръ—153) перепечатаны въ „Былинахъ старой и новой записи“ (М. 1894) №№ 7, 10, 36, 58. Наконецъ, одна былина (Молодецъ; см. „Былины старой и новой записи“ № 60) была отъ него записана въ 1886 году. Кромѣ былины о Молодцѣ, всѣ позднѣйшія записи показываютъ сокращеніе объема пѣсенъ у В. П. Щеголенка. Свои пѣсни Щеголенокъ успѣлъ отчасти передать своей племянницѣ П. Г. Юховой (но пѣсенъ: о Никитѣ Романовичѣ, объ Отрепьевѣ и Василіи Окуловичѣ, въ репертуарѣ Щеголенка не было никѣмъ изъ собирателей отмѣчено).

Всего, самое большее, у Щеголенка наберется до 3000 стиховъ. Съ внѣшней стороны былины Щеголенка не отличаются стройностью: по замѣчанію Гильфердинга, у него слабое соблюденіе размѣра; по содержанію же при довольно значительномъ количествѣ сюжетовъ, ему знакомыхъ, у него замѣчается склонность соединять въ одну былину разнородные предметы, т.-е., наклонность къ контаминированію, но не высокаго качества съ точки зрѣнія поэтическаго творчества (ср. выше—Т. Г. Рябинина), что́ сказывается и въ томъ, что онъ страшно путаетъ имена дѣйствующихъ лицъ, соединяетъ въ одно два-три сюжета, какъ легко замѣтить даже изъ перечня его былинъ, гдѣ находимъ такое, напр., иначе ни разу не встрѣчающееся, сочетаніе, какъ Святогора и Добрыню, или же—того же Святогора и Садка. При такомъ свободномъ отношеніи къ тексту полученной имъ былины, Щеголенокъ легко измѣняетъ, но большею частью лишь механически, текстъ былины, какъ это обнаружилось при повторномъ записываніи отъ него былинъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ первой записи, напр., въ былинѣ о Ставрѣ: при повтореніи ея около 1873 года, т.-е. черезъ 13 лѣтъ послѣ Рыбниковской записи, онъ пѣлъ ее, значительно уже сокративши путемъ выпуска отдѣльныхъ общихъ мѣстъ и съ перестановкой отдѣльныхъ частей второстепенныхъ ея эпизодовъ, въ чемъ можно убѣдиться простымъ сопоставленіемъ обоихъ текстовъ (Рыбниковъ № 75 и „Былины старой и новой записи“ № 58). При всемъ томъ, и Щеголенокъ своимъ примѣромъ подтверждаетъ, что самое главное въ глазахъ пѣвца—сохраненіе основного сюжета въ возможной бережности: если онъ сливаетъ механически нѣсколько сюжетовъ въ одну былину, то каждый изъ контаминируемыхъ имъ сюжетовъ остается довольно правильно и сохранно переданнымъ, что̀, разумѣется, не повышаетъ художественнаго достоинства его былины въ цѣломъ, хотя и сохраняетъ за его былинами ихъ цѣнность для исторіи тѣхъ или иныхъ былинныхъ сюжетовъ. Поэтому, если собиратель П. Н. Рыбниковъ призналъ его былины по качеству невысокими, то все же Щеголенокъ остается выдаю-

щимся пѣвцомъ по богатству сюжетовъ, по относительной чистотѣ былевой традиціи, сохраненной его пѣснями. Дожилъ В. П. Щеголенокъ, такъ же какъ и Т. Г. Рябининъ, до глубокой старости: еще въ 1886 году отъ него записана была былина Ф. Истоминымъ; въ это время ему должно было быть не менѣе 80 лѣтъ.

4. МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА КРИВОПОЛѢНОВА

1916
73 лѣтъ
МАРІЯ ДИМИТРІЕВНА
КРИВОПОЛѢНОВА

Марья Дмитріевна Кривополѣнова (или Трехполѣнова)—сказительница Архангельской губерніи: родилась она около 1843 г. въ дер. Усть-Ёжугѣ, лежащей на правомъ берегу р. Пинеги, 23 лѣтъ вышла замужъ въ дер. Шо́тогорку, на лѣвомъ берегу Пинеги, гдѣ и поселилась окончательно; ея мужъ—человѣкъ безпутный: пьяница, попадался въ воровствѣ, сидѣлъ въ тюрьмѣ; поэтому живетъ М. Д. плохо, бѣдно, должна была прибѣгнуть къ собиранію милостыни, что́ она и дѣлаетъ, ѣздя на лошаденкѣ по сосѣднимъ деревнямъ, однако, у себя въ деревнѣ не побирается. Ста́ринамъ она выучилась отъ своего дѣда рыболова еще въ дѣтствѣ. Какъ представительница былевой пѣсни Архангельскаго края, М. Д. Кривополѣнова должна быть сочтена выдающейся по богатству репертуара и по мастерству исполненія; ея пѣсни, какъ и вообще архангельскія былины, по композиціи короче олонецкихъ, сжаты, не отличаются обиліемъ изобразительныхъ средствъ, повтореній, но стройны и фактичны. Въ ея репертуаръ входятъ: 1) Илья и Калинъ царь (309 стиховъ—самая большая былина изъ всѣхъ у нея), 2) Илья и Идолище (211), 3) Бой Добрыни съ Ильей (192), 4) Добрыня и змѣй (79), 5) Иванъ Грозный и сынъ (128), 6) Кострюкъ (171; эту „скоморошину“ она поетъ особенно охотно), 7) Князь Дмитрій и его невѣста Домна (134), 8) Алеша и сестра Петровичей (113), 9) Добрыня и невѣрная жена (33), 10) Князь Михайло, жена и мать (87), 11) Вавило и скоморохи (209; рѣдкая былина: кромѣ даннаго текста, до сихъ поръ не встрѣтилась у другихъ пѣвцовъ), 12) Усища (34), 13) Небылица (31), 14) Соловей Будимировичъ (208), 15) Смерть князя Долгорукаго (32); сверхъ того она охотно поетъ духовные стихи: Егорій и царь Демьянище (101), Никола Чудотворецъ (17), Михаилъ Архангелъ (50), Вознесенье (47), Виноградье (70 — рождественскій стихъ), Алексѣй Божій

человѣкъ и Сонъ Богородицы [1]; наконецъ, она знаетъ много сказокъ. Въ общемъ М. Д. Кривополѣнова имѣетъ, слѣдовательно, въ своемъ репертуарѣ свыше двухъ тысячъ стиховъ былевыхъ, а всего, съ духовными стихами,—до двухъ съ половиною. Поетъ она свои пѣсни, очень хорошо сохраняя полученный ею текстъ: по крайней мѣрѣ, на пространствѣ 15 лѣтъ, отдѣляющихъ первую запись ея былинъ (въ 1900 г.) отъ вторичной (въ Москвѣ въ 1916 г.) текстъ ея остался почти неизмѣннымъ. Поетъ онъ въ быстромъ темпѣ, отрывисто, рѣзко выдвигая ударенія словъ; но въ общемъ фразировка у нея очень отчетливая, красивая. Можетъ быть, ея индивидуальность составляютъ бѣглыя замѣчанія, которыми она сопровождаетъ иные стихи своей пѣсни, не дожидаясь спроса слушателей; замѣчанія эти, при ея подвижномъ, общительномъ характерѣ, часто отличаются меткостью, юморомъ, показываютъ, что сказывая свою былину, она воспринимаетъ близко ея содержаніе или его отдѣльныя мѣста; напр., въ такомъ родѣ: сообщивши о томъ, какъ сталъ Соловей строить теремъ,

Какъ у Соловья были плотнички,
Они щолканы и прощолканы,

она говоркомъ добавила: „Таки были бойкіе“, а спѣвши о томъ, какъ Соловей схватилъ за руку голаго щапа, „на лодонь посадилъ, другой расхлопнулъ“, она замѣтила: „Этакой богатыришшо! Сохрани его Богъ! Его и судить нихто не можетъ“; въ былинѣ о Вавилѣ и скоморохахъ, послѣ эпизода о томъ, какъ у дѣвицы, ласково привѣтствовавшей путниковъ, холсты превратились въ атласъ и шолкъ, Кривополѣнова замѣтила: „Какъ намъ съ тобой эти ста́рины дороги, такъ имъ слово доброе“.

---

[1] Послѣдніе два стиха не были записаны отъ нея.

5. АГРАФЕНА МАТВѢЕВНА КРЮКОВА

А.М.КРЮКОВА

Аграфена Матвѣевна Крюкова,—несомнѣнно, одна изъ наиболѣе любопытныхъ представительницъ былевой и вообще пѣсенной традиціи въ ея современномъ состояніи въ Архангельскомъ краѣ. Родомъ она съ Терскаго берега Бѣлаго моря (родилась приблизительно ок. середины 40-хъ г.г. прошлаго столѣтія), вышла изъ семьи, гдѣ съ давнихъ поръ жилъ интересъ къ пѣнію старинъ, а затѣмъ попала въ семью, также культвировавшую эту старинную поэзію, на Зимнемъ берегу того же моря. Если въ ея родной семьѣ и были люди грамотные, то она сама вслѣдствіе обстоятельствъ личной, не совсѣмъ удачно сложившейся жизни осталась безъ знанія чтенія и письма. Изъ села Чваньги, мѣста рожденія, она вышла замужъ въ Золотицу, гдѣ и осталась на всю жизнь, прервавши всякія сношенія съ родиной; здѣсь на ея долю выпала тяжелая жизнь въ чужой семьѣ, отнесшейся къ ней сурово въ лицѣ родни ея мужа; пришлось заниматься хозяйствомъ и домашнимъ, и внѣ дома, принимая наравнѣ съ мужчинами участіе въ рыболовномъ промыслѣ, сучить веревки, дѣлать и чинить сѣти и т. п.. Отъ матери она унаслѣдовала религіозность съ влеченіемъ къ старинѣ (какъ, впрочемъ, и большинство сѣвернаго крестьянства), что́ нашло себѣ отраженіе и на ея пѣсняхъ. Пѣнію ста́ринъ она обучилась еще въ дѣтствѣ, усвоивъ т. о. репертуаръ еще своей родины—Терскаго берега; но и на мѣстѣ своего замужества она его не только не забыла, но и значительно расширила, воспринявъ большое количество пѣсенъ изъ репертуаровъ Зимняго берега, въ частности Нижней Зимней Золотицы: т. о. А. М. Крюкова для насъ является представительницей былиннаго преданія двухъ Архангельскихъ областей, притомъ представительницей незаурядной въ силу необычнаго богатства и числа былевыхъ и иныхъ сюжетовъ, которые она держитъ въ своей памяти; а память у нея феноменальная: по

приблизительному подсчету записавшаго отъ нея пѣсни А. В. Маркова, собирателя и составителя сборника „Бѣломорскихъ былинъ“ (М. 1901), она пропѣла ему 10.300 стиховъ,—цифра, до сихъ поръ не встрѣчавшаяся среди пѣвцовъ былинъ. Въ репертуаръ А. М. Крюковой входятъ слѣдующія пѣсни, былины, историческія пѣсни, духовные стихи, низшія эпическія пѣсни:

1. Три поѣздки Ильи Муромца—220.
2. Илья и Калинъ царь—355.
3. Илья Муромецъ и Батый—307.
4. Бой Ильи съ сыномъ—243.
5. Добрыня и змѣй—162.
6. Добрыня и Алеша—181.
7. Михайло Потыкъ—154.
8. Алеша и сестра Бродовичей—219.
9. Дунай сватаетъ невѣсту Владимиру—183.
10. Сухманъ—170.
11. Женитьба Дуная—156.
12. Михайло Даниловичъ—199.
13. Туры и турица—48.
14. Иванъ Годиновичъ—191.
15. Дюкъ—324.
16. Михайло Казаринъ—199.
17. Онъ же, иначе—180.
18. Князь Романъ и Марья Юрьевна—297.
19. Чурило и невѣрная жена—121.
20. Хотенъ Блудовичъ—229.
21. Садко—150.
22. Сорокъ каликъ—190.
23. Соломанъ и Иванъ Окульевичъ—302.
24. Егорій Храбрый—213.
25. Аника воинъ—54.
26. Горе—31.
27. Братья разбойники и сестра—144.
28. Вдова, ея дочь и сыновья—62.
29. Князь Романъ жену терялъ—92.
30. Гибель невѣрной жены—71.
31. Мать кн. Михайла губитъ жену—164.
32. Иванъ Дудоровичъ—57.
33. Князь Дмитрій и Домна—96.
34. Жданъ королевичъ—186.
35. Смерть царицы Настасьи—81.
36. Кострюкъ—236.
37. Иванъ Грозный и сынъ—158.
38. Смерть Ивана Грознаго—66.
39. Михайло Скопинъ—63.
40. Осада Соловецкаго монастыря—135.
41. Шведская война при Екатеринѣ—146.
42. Исцѣленіе Ильи Муромца—395
43. Илья и Идолище—224.
44. Ссора Ильи съ Владимиромъ—320.
45. Илья и разбойники—69.
46. Бой Добрыни съ Ильей—157.
47. Алеша и Тугаринъ—166.
48. Данило Ловчанинъ—140.
49. Идолище и племянница Владимира—349.
50. Князь Глѣбъ Володьевичъ—187.
51. Волхъ Всеславьевичъ—211.
52. Василій Буслаевичъ—464.
53. Голубиная книга—155.
54. Разбойникъ Илья и кумъ—111.
55. Встрѣча купцовъ въ кабакѣ—40

56. Купеческая дочь и царь—323.
57. Мать и дочь въ плѣну—56.
58. Взятіе Казани.
59. Похороны Стеньки Разина—98.
60. Семейная жизнь Петра I—316.

Этотъ обширный репертуаръ А. М. Крюковой распадается отчетливо на двѣ части: первыя сорокъ одна пѣсня, по ея собственнымъ словамъ, принесены ею съ Терскаго берега, т.-е., усвоены ею съ дѣтства до замужества (она замужемъ съ 18 лѣтъ), остальныя получены уже на Зимнемъ берегу; главными источниками для первой группы у нея были пѣсни ея же матери и дяди Ефима, но она старалась заимствовать и у другихъ: у родственниковъ, какого-то сосѣдняго старика Ефрема, подругъ дѣтства, двоюроднаго брата, жены дяди, какой-то дѣвочки Федоры и т. д.; для второй группы много далъ ей въ ея новой семьѣ дядя Василій Леонтьевичъ, затѣмъ отдѣльныя былины—рабочіе съ Мезенскаго берега, свекоръ, его братъ Гаврило и даже ея собственная дочь Павла.

Что касается отношенія къ своимъ пѣснямъ самой пѣвицы, то она, повидимому, относится къ содержанію ихъ съ полнымъ довѣріемъ, позволяя себѣ выражать сомнѣніе въ правдивости только въ мелочахъ, настаиваетъ на строгомъ сохраненіи этого содержанія неизмѣннымъ, но къ формѣ относится довольно свободно, разцвѣчивая ее изъ богатаго запаса общихъ мѣстъ. Ея пѣсни, какъ видно изъ приведенныхъ выше цифръ, довольно типичны для архангельскихъ репертуаровъ: онѣ большимъ объемомъ не отличаются; но Крюкова любитъ уснащать ихъ массой мелочей, что́ не особенно выгодно отражается на общей архитектурѣ ея пѣсенъ, такъ какъ затемняетъ часто ходъ разсказа, лишаетъ отчетливости, выпуклости обрисовку отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ. Это, конечно, не мѣшаетъ счесть А. М. Крюкову явленіемъ выдающимся въ области старинной пѣсни: она въ своемъ репертуарѣ совмѣстила почти весь наличный, намъ до сихъ поръ извѣстный, запасъ сюжетовъ нашего сѣвернаго былевого эпоса.

ВОЛЬГА (ВОЛХЪ) И МИКУЛА

Обѣ былины въ настоящемъ своемъ видѣ представляютъ каждая уже результатъ сводки (контаминаціи) нѣсколькихъ когда-то отдѣльно существовавшихъ пѣсенъ: о хитромъ, необыкновенномъ охотникѣ, о поѣздкѣ богатыря и завоеваніи имъ чужого царства, пѣсни о чудесномъ пахарѣ, разсказъ о необыкновенномъ рожденіи богатыря, можетъ быть навѣянный желаніемъ дать начало жизнеописанію чудеснаго охотника. Прежде, чѣмъ эти пѣсни, объединившись до нѣкоторой степени, стали пѣснями о Вольгѣ-Волхѣ, на нихъ отложился рядъ разновременныхъ, иногда довольно древнихъ, старшихъ преданій и вліяній. На такого рода наслоеніе на первоначально анонимныхъ пѣсняхъ указываетъ прежде всего имя Вольги, которое, будучи тожественно съ извѣстнымъ именемъ Олега (какъ народная форма), восходитъ къ извѣстному по лѣтописному преданію князю Олегу „вѣщему“ (т.-е. мудрому, хитрому); основой этого сближенія служило, можетъ быть, сходство типовъ князя Олега, уже давно попавшаго въ преданіе именно съ чертами „вѣщаго“, и хитраго, необыкновеннаго охотника; можетъ быть, была и еще бо́льшая аналогія: о грандіозныхъ „ловахъ“ Олега (и его эпическаго двойника княгини Ольги) были также сказанія, какъ можно заключать по лѣтописнымъ преданіямъ: это сходство типовъ и преданій и дало имя первоначально безымянному охотнику. Отъ этихъ сказаній объ Олегѣ идетъ наслоеніе и дальнѣйшее: Вольга-охотникъ получаетъ черты князя дружинника, ѣздящаго собирать дань—„полюдіе“, каковымъ онъ является въ пѣснѣ о встрѣчѣ съ чудеснымъ пахаремъ. Т. о. на этой почвѣ же произошла контаминація пѣсни объ охотникѣ съ пѣсней о князѣ-дружинникѣ, собирающемъ дань и встрѣчающемся съ Микулой.

Первоначально также отдѣльная пѣсня о набѣгѣ на иноземное царство безымяннаго героя, обладающаго даромъ оборотничества, притянулась въ связь съ былиной о Вольгѣ-охотникѣ на

почвѣ позднѣйшаго пониманія хитрости-мудрости этого Вольги: поэтическая форма сравненія (Вольга, какъ соколъ (соколомъ), летаетъ, рыщетъ звѣремъ) истолкована, какъ черта самого образа богатыря: онъ оборачивается соколомъ, щукой и т. д., т.-е. „вѣщій“ охотникъ (онъ, подобно Олегу лѣтописнаго преданія, ясно, оборотнемъ первоначально не былъ) превратился въ охотника-оборотня. Посредствующимъ звеномъ, мостомъ для сближенія между обѣими пѣснями могло служить мѣстное новгородское преданіе, записанное книжникомъ еще въ XVII в., о происхожденіи названія рѣки Волхова (прежде, якобы, звавшейся Мутной) и урочища Перыни-городка (близъ Новгорода): чудовищный оборотень Волхъ, залегавшій на днѣ рѣки и въ языческое время пользовавшійся почитаніемъ новгородцевъ, устроилъ городокъ Перынь (въ честь бога Перуна), оборачивался крокодиломъ (народное: чудовище, зміяка) и далъ названіе рѣкѣ. Самое имя этого героя-эпонима рѣки Волхъ (откуда—Волховъ, прилаг.) сближалось также съ именемъ Вольги по созвучію. Т. о. Вольга-охотникъ сталъ и Волхомъ-оборотнемъ, и образы Вольги въ пѣснѣ о Микулѣ и Волха въ пѣснѣ о набѣгѣ на чужое царство сблизились, чѣмъ и объясняется контаминація этихъ пѣсееъ въ современныхъ пересказахъ. Слѣдъ же этого прежде раздѣльнаго существованія пѣсенъ, однако, чувствуется еще до сихъ поръ въ пѣсняхъ: пѣсня объ охотникѣ, превратившемся въ князя-дружинника, устойчиво въ пересказахъ называетъ его Вольгой, тогда какъ въ пѣсняхъ о набѣгѣ на Индѣйское царство, т.-е. о богатырѣ-оборотнѣ, онъ постоянно носитъ имя Волха.

1. Въ теперешней (какъ, вѣроятно, и въ первоначальной) пѣснѣ о Вольгѣ и Микулѣ центръ тяжести, несомнѣнно, лежитъ на второмъ. Происхожденіе образа Микулы-пахаря неизвѣстно: прототипъ для богатыря-пахаря, оказавшагося сильнѣе, выше богатыря-воителя, дружинника, извѣстнаго только по данной былинѣ, не найденъ пока. Судя по обстановкѣ, въ которой встрѣчаются князь и пахарь, типъ самого Микулы и само сказаніе должны быть признаны въ основѣ довольно ранними: это время стараго

строя Руси, когда существовало еще „полюдье“; разработка же этого мотива можетъ быть и позднѣе.

2. Въ основѣ второй былины, помимо пѣсни объ охотникѣ, лежитъ сказочный мотивъ о поѣздкѣ въ чудесное царство. На обработкѣ этого сюжета, видимо, сказались различныя вліянія помимо отзвуковъ татарщины (царство, куда попадаетъ Волхъ, называется не только Индѣйскимъ, Турецкимъ, но и Золотой ордой, царь—Салтыкомъ, царица—то Еленой Александровной, то Азвяковной), между прочимъ и книжное: или „Сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ“—описаніе знаменитой въ средніе вѣка страны чудесъ, далекой Индіи, извѣстное и у насъ не позднѣе XIII в., или же (и скорѣе)—популярная и также давнишняя и у насъ переводна́я „Александрія“ (романъ объ Александрѣ Македонскомъ), гдѣ походъ въ далекую Индію и описаніе ея чудесъ занимаютъ видное мѣсто; подобные источники могли дать краски и былинѣ при описаніи ея Индѣйскаго царства. Возможно, помимо этого, и отраженіе на былинѣ ходячихъ сказочныхъ мотивовъ, къ которымъ можно отнести въ былинѣ, напр., мотивъ превращенія въ птицу, чтобы подслушать разговоръ, порчу непріятельскаго оружія и т. п. (ср. выше, т. I, стр. 370—371, пѣсня о Романѣ). Въ данномъ случаѣ, по характеру той обработки сюжета, какую мы знаемъ теперь, можетъ быть, и по́ самому основному мотиву, былина эта должна быть сочтена по времени моложе первой.

О времени же сложенія былины о Вольгѣ и Микулѣ, по крайней мѣрѣ въ томъ ея видѣ, какой предполагается древнѣйшимъ для современныхъ намъ пересказовъ ея, возможны лишь догадки, болѣе или менѣе вѣроятныя: тотъ типичный сѣверный пейзажъ, на фонѣ котораго изображается встрѣча богатырей, картина пахоты, типъ Микулы, крестьянина своеземельнаго, кое-какія детали, которыя можно возводить къ старшему виду пѣсни (употребленіе сохи (а не плуга), посѣвъ ржи (а не пшеницы), счетъ на „гроши“ (а не купы), поѣздка за солью въ Орѣховецъ, теперешній Шлиссельбургъ, и др.), указываютъ скорѣе всего на Новгородскую область, какъ мѣсто сложенія былины, и на время

начала XV в., какъ на предѣлъ, не ранѣе котораго произошла обработка старшаго сюжета. За сѣверное происхожденіе былины о Микулѣ говоритъ и слабая ея связь съ Кіевомъ, обычнымъ центромъ, притягивающимъ былины другого происхожденія: Кіевъ и князь Владимиръ только въ ней упоминаются, но не являются, какъ обычно въ былинахъ, тѣснѣе связанныхъ съ Кіевомъ. Такому пріуроченію былинъ къ Новгороду и сѣверу не противорѣчитъ и вторая былина, какъ принявшая въ свой составъ отзвуки мѣстнаго новгородскаго преданія о Волхѣ-Волховѣ.

1. ВОЛЬГА И МИКУЛА.

Когда возсіяло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался мо́лодой Вольга́,
Мо́лодой Вольга Святославовичъ.
Какъ сталъ тутъ Во́льга ростѣть-[1] матерѣ́ть, 5
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать ему подъ о́болока́,
Сѣрымъ волкомъ рыска́ть да по чистыимъ полямъ.
Уходили всѣ рыбы во синія моря, 10
Улетали всѣ птицы за о́болока́,
Ускакали всѣ звѣри во темны́е лѣса.
Какъ сталъ тутъ Во́льга ростѣть-матерѣ́ть,
Собиралъ себѣ дружинушку хоробрую:
Тридцать молодцовъ да безъ единаго, 15
А самъ-то былъ Во́льга во тридцатыихъ.
Собиралъ себѣ жеребчиковъ темнокаріихъ,
Темнокаріихъ жеребчиковъ, нелегченыихъ[2].
Вотъ посѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Поѣхали къ городамъ да за получкою. 20
Повыѣхали въ раздольице чисто поле,

---

[1] Т.-е. расти.
[2] Не холощеныхъ.

Услыхали въ чистомъ полѣ оратая [1],
Какъ оретъ въ полѣ оратай, посвистываетъ,
Сошка у оратая поскрипливаетъ,
Омешки [2] по камешкамъ почиркиваютъ. 25
Ѣхали-то день вѣдь съ утра до́ вечера,
Не могли до оратая доѣхати.
Они ѣхали да вѣдь и другой день,
Другой день вѣдь съ утра до́ вечера,
Не могли до оратая доѣхати. 30
Какъ оретъ въ полѣ оратай, посвистываетъ,
Сошка у оратая поскрипливаетъ,
А омешики по камешкамъ почиркиваютъ.
Тутъ ѣхали они третій день,
А третій день еще до па́бѣдья [3], 35
А наѣхали въ чистомъ полѣ оратая.
Какъ оретъ въ полѣ оратай, посвистываетъ,
А бороздочки онъ да пометываетъ,
А пенье-коренья вывертываетъ,
А большіе-то каменья въ борозду валитъ. 40
У оратая кобылка соло́вая,
Гужики [4] у нея да шелковыи,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошки булатніи,
Присошечекъ [5] у сошки серебряный, 45
А рогачикъ-то [6] у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скаченъ [7] ли жемчугъ, разсыпаются.

---

[1] Пахаря.
[2] Сошникъ, лемехъ, ральникъ.
[3] Иначе, на обѣдъ: второй завтракъ, полдникъ.
[4] Упряжь.
[5] Лопатка въ сохѣ для отворота земли на сторону; опирается въ сошникъ.
[6] Рукоятка у сохи (иначе, рогаль).
[7] Скатный, круглый.

У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя. 50
У оратая сапожки зеленъ сафьянъ:
Вотъ шиломъ пяты, носы́ востры,
Вотъ подъ пяту воробей пролетитъ,
Около носа хоть яицо прокати.
У оратая шляпа пуховая, 55
А кафтанчикъ у него да черна бархата.
Говоритъ-то Вольга таковы слова:
„Божья́ помочь тебѣ, оратай-оратаюшко!
„Орать, да пахать, да крестьяновати,
„А бороздки тебѣ да пометывати, 60
„А пенья-коренья вывертывати,
„А большіе-то каменья въ борозду валить!“
Говоритъ оратай таковы слова:
— Поди-ко ты, Вольга Святославовичъ!
— Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьяновати. 65
— А куда ты, Вольга, ѣдешь, куда путь держи́шь?—
Тутъ проговорилъ Вольга Святославовичъ:
„Какъ пожаловалъ меня да ро́дной дядюшка,
„Родной дядюшка да крестной батюшка,
„Ласковой Владимиръ стольне-кіевской, 70
„Тремя ли городами со крестьянами:
„Первымъ городомъ Курцевцемъ,
„Другимъ городомъ Орѣховцемъ,
„Третьимъ городомъ Крестьяновцемъ;
„Теперь ѣду къ городамъ да за получкою“. 75
Тутъ проговорилъ оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославовичъ!
— Тамъ живутъ-то мужички да всѣ разбойнички,
— Они подрубятъ-то сля́ги [1] калиновы,
— Да потопятъ тя въ рѣку да во Смородину! 80

---

[1] Тонкое, долгое бревно, жердь, подпорка (у моста).

— Я недавно тамъ былъ въ городѣ, третьяго-дни,
— Закупилъ я соли цѣло три мѣха,
— Каждый мѣхъ-то былъ вѣдь по сту пудъ,
— А самъ я сидѣлъ-то сорокъ пудъ.
— А тутъ стали мужички съ меня грошовъ просить. 85
— Я имъ сталъ-то вѣдь грошовъ дѣлить,
— А грошовъ-то стало мало ставиться [1],
— Мужичковъ-то вѣдь да больше ставится.
— Потомъ сталъ-то я ихъ вѣдь отталкивать,
— Сталъ отталкивать да кулакомъ грозить, 90
— Положилъ тутъ ихъ я вѣдь до тысячи:
— Который стоя стоитъ, тотъ сидя сидитъ.
— Который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.—
Тутъ проговорилъ вѣдь Вóльга Святославовичъ:
„Ай же ты, оратай-оратаюшко! 95
„Ты поѣдемъ-ка со мною во товарищахъ“.
А тутъ ли оратай-оратаюшко
Гужики шелковыи повыстегнулъ,
Кобылу изъ сошки повывернулъ;
Они сѣли на добрыхъ коней, поѣхали. 100
Какъ хвостъ-то у ней разстилается,
А гривá-то у нея да завивается,
У оратая кобыла ступóю [2] пошла,
А Вольгинъ конь да вѣдь поскакиваетъ.
У оратая кобыла грудью́ [3] пошла, 105
А Вольгинъ конь да оставается.
Говоритъ оратай таковы слова:
— Я оставилъ сошку въ бороздочкѣ
— Не для ради прохожаго, проѣзжаго:
— Маломожный-то [4] наѣдетъ—взять нечего, 110

---

[1] Становиться.
[2] То же, что „ступью“, т.-е. шла шагомъ.
[3] Рысью.
[4] Безсильный, слабый, также: бѣдный, недостаточный.

— А богатый-тотъ наѣдетъ—не поза́рится,
— А для ради мужичка да деревенщины.
— Какъ бы сошку изъ земельки повыдернути,
— Изъ омешиковъ бы земельку повытря́хнути,
— Да бросить сошку за ракитовъ кустъ.— 115
Тутъ вѣдь Вольга Святославовичъ
Посылаетъ онъ дружинушку хоробрую,
Пять молодцовъ да вѣдь могучіихъ,
Какъ бы сошку изъ земли да повыдернули,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнули, 120
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Пріѣзжаетъ дружинушка хоробрая,
Пять молодцовъ да вѣдь могучіихъ,
Къ той ли ко сошкѣ кленовенькой:
Они сошку за обо́ри[1] вокругъ вертятъ, 125
А не могутъ сошки изъ земли поднять,
Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Тутъ мо́лодой Вольга Святославовичъ
Посылаетъ онъ дружинушку хоробрую, 130
Цѣлыимъ онъ да вѣдь десяточкомъ.
Они сошку за обо́ри вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки изъ земли выдернуть,
Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ. 135
А тутъ вѣдь Во́льга Святославовичъ.
Посылаетъ всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку изъ земли повыдернули,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ. 140
Они сошку за обо́ри вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки изъ земли выдернуть,

---

[1] То же, что гужи, чѣмъ оглобли притягиваются къ хомуту лошади.

Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Тутъ оратай-оратаюшка, 145
На своей ли кобылѣ соловенькой,
Пріѣхалъ ко сошкѣ кленовенькой,
Онъ бралъ-то вѣдь сошку одной рукой,
Сошку изъ земли онъ повыдернулъ,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнулъ, 150
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
А тутъ сѣли на добры́хъ коней, поѣхали.
Какъ хвостъ-то у ней разстилается,
А грива́-то у нея да завивается.
У оратая кобыла ступью́ пошла, 155
А Вольгинъ конь да вѣдь поскакиваетъ.
У оратая кобыла грудью́ пошла,
А Вольгинъ конь да оставается.
Тутъ Вольга сталъ да онъ покрикивать,
Колпакомъ онъ сталъ да вѣдь помахивать. 160
„Ты постой-ко вѣдь, оратай-оратаюшко!
„Какъ бы этая кобыла конько́мъ бы была,
„За этую кобылу пятьсотъ бы дали́“.
Тутъ проговорилъ оратай-оратаюшко:
— Ай же глупый ты, Вольга Святославовичъ! 165
— Я купилъ эту кобылу жеребеночкомъ,
— Жеребеночкомъ да изъ-подъ матушки,
— Заплатилъ за кобылу пятьсотъ рублей.
— Какъ бы этая кобыла конькомъ бы была,
— За этую кобылу цѣны не́ было бы́!— 170
Тутъ проговорилъ Вольга Святославовичъ:
„Ай же ты, оратай-оратаюшко!
„Какъ-то тебя да именемъ зовутъ,
„Называютъ тебя да по отечеству?“
Тутъ проговорилъ оратай-оратаюшко: 175
— Ай же ты, Вольга Святославовичъ!

— Я какъ ржи-то напашу да во скирды сложу,
— Я во скирды сложу да домой выволочу,
— Домой выволочу да дома вымолочу,
— А я пива наварю да мужичковъ напою, 180
— А тутъ станутъ мужички меня похваливати:
— „Молодой Микула Селяни́новичъ!“ —
Тутъ пріѣхали ко городу ко Курцевцу,
Стали по городу похаживати;
Стали го́рода разсматривати; 185
А ребята-то стали поговаривати́:
„Какъ этотъ третьяго дня былъ, да мужичковъ онъ билъ!“
А мужички-то стали собиратися,
Собиратися они да думу думати,
Какъ бы притти ди извинитися, 190
А имъ низко да поклонитися.
Тутъ проговорилъ Вольга Святославовичъ:
„Ай же ты, Микула Селяниновичъ!
„Я жалую отъ себя тремя городами со крестьянами.
„Оставайся здѣсь да вѣдь намѣстникомъ, 195
„Получай-ка ты дань да вѣдь грошовую!“

2. ВОЛХЪ ВСЕСЛАВЬЕВИЧЪ И ИНДѢЙСКОЕ ЦАРСТВО.

По саду, саду по зеленому, ходила, гуляла
Молода княжна Марѳа Всеславьевна,
Она съ камени скочила на лютóго змѣя—
Обвивается лютой змѣй около чебота зеленъ сафьянъ,
Около чулочика шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну. 5
А въ та поры княгиня поносъ понесла,
А поносъ понесла и дитя родила:
А и на небѣ просвѣтя[1] свѣтелъ мѣсяцъ,
А въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,
Какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичъ: 10
Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство Индѣйское,
А и синее море сколебалося
Для ради рожденья богатырскаго
Молода Волха Всеславьевича: 15
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ, 20
Соболи, куницы по островамъ.
А и будетъ Волхъ въ полтора часа,

---

[1] Просвѣтилъ.

Волхъ говоритъ, какъ громъ гремитъ:
„А и гой еси, сударыня матушка,
„Молода Марѳа Всеславьевна! 25
„А не пеленай во пелену червчатую [1],
„А не пояси [2] въ поясья шелковыя,
„Пеленай меня, матушка,
„Въ крѣпки латы булатныя,
„А на буйну голову клади златъ шеломъ, 30
„По праву руки палицу,
„А и тяжку палицу свинцовую,
„А вѣсомъ та палица въ триста пудъ“.
А и будетъ Волхъ семи годовъ,
Отдавала его матушка учиться, 35
А грамота Волху въ наукъ [3] пошла;
Посадила его ужъ перомъ писать,
Письмо ему въ наукъ пошло.
А и будетъ Волхъ десяти годовъ,
Въ та поры поучился Волхъ ко премудростямъ: 40
А и первой премудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ;
А и другой-то мудрости учился онъ Волхъ
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
А и третей-то мудрости учился Волхъ 4
Обертываться гнѣдымъ туромъ—золотые рога.
А и будетъ Волхъ во двѣнадцать лѣтъ,
Сталъ себѣ Волхъ-онъ дружину прибирать:
Дружину прибиралъ три года,
Онъ набралъ дружины семь тысячей; 50
Самъ онъ, Волхъ, въ пятнадцать лѣтъ
И вся его дружина по пятнадцати лѣтъ.
Прошла та слава великая

---

[1] Багряный, ярко-малиновый.
[2] Опоясывай.
[3] Успѣшно, на пользу, впрокъ.

Ко стольному городу Кіеву:
Индѣйской царь наряжается, 55
А хвалится-похваляется,
Хочетъ Кіевъ-градъ за щитомъ[1] весь взять,
А Божьи церкви на дымъ спустить
И почестны монастыри разорить.
А въ та поры Волхъ-онъ догадливъ былъ: 60
Со всею дружиною хороброю
Ко славному царству Индѣйскому
Тутъ же съ ними въ походъ пошелъ.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется сѣрымъ волкомъ, 65
Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ по лѣсамъ и по раменью[2]
А бьетъ онъ звѣри сохатые[3],
А и волку, медвѣдю спуску нѣтъ,
А и соболи, барсы любимой кусъ,
Онъ зайцамъ, лисицамъ[4] не брезгивалъ; 70
Волхъ поилъ, кормилъ дружину хоробрую,
Обувалъ, одѣвалъ добрыхъ молодцовъ,—
Носили они шубы соболиныя,
Перемѣнныя шубы-то барсовыя.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ: 75
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ далече на сине море,
А бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
А и сѣрымъ, малымъ уткамъ спуску нѣтъ;
А поилъ, кормилъ дружинушку хоробрую, 80
А всѣ у него были яства перемѣнныя,—
Перемѣнныя яства сахарныя.
А сталъ онъ, Волхъ, вражбу чинить[5]:

---

[1] На щитъ, приступомъ.
[2] Частый, густой лѣсъ.
[3] Звѣрь сохатый—лось.
[4] Т.-е. зайцами, лисицами.
[5] Колдовать, ворожить.

„А и гой еси вы, удалы добры молодцы!
„Не много не мало васъ—семь тысячей. 85
„А и есть ли, братцы, у васъ таковъ человѣкъ,
„Кто бы обернулся гнѣдымъ туромъ,
„А сбѣгалъ бы ко царству Индѣйскому,
„Провѣдалъ бы про царство Индѣйское,
„Про царя Салтыка Ставрульевича, 90
„Про его буйну голову Батыевичу?“
Какъ бы листъ со травою пристилается,
А вся его дружина приклоняется,
Отвѣчаютъ ему удалы добры молодцы:
— Нѣтъ у насъ такого молодца, 95
— Опричь тебя, Волха Всеславьевича.—
А тутъ таковой Всеславьевичъ
Обернулся гнѣдымъ туромъ—золотые рога,
Побѣжалъ онъ ко царству Индѣйскому,
Онъ первый скокъ за цѣлу версту скочилъ, 100
А другой скокъ не могли найти.
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ ко царству Индѣйскому.
И будетъ онъ во царствѣ Индѣйскомъ,
И сѣлъ онъ на палаты бѣлокаменны, 105
На тѣ на палаты царскія,
Ко тому царю Индѣйскому
И на то окошечко косящатое.
А и буйные вѣтры по насту[1] тянутъ,
Царь со царицею въ разговоры говоритъ; 110
Говорила царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
— А и гой еси ты, славной Индѣйской царь!
— Изволишь ты наряжаться на Русь воевать,

[1] Осѣвшій, прихваченный морозомъ снѣгъ, отчего образовалась на поверхности ледяная кора; по ней съ легкимъ шорохомъ вѣтеръ мететъ снѣгъ. Здѣсь—характеристика тихаго, едва слышнаго разговора.

— Про то не знаешь, не вѣдаешь: 115
— А на небѣ просвѣтя[1] свѣтелъ мѣсяцъ,
— А въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,
— Тебѣ царю супротивничекъ.—
А въ та поры Волхъ-онъ догадливъ былъ:
Сидючи на окошкѣ косящатомъ, 120
Онъ тѣ-то де рѣчи повыслушалъ;
Онъ обернулся горностаемъ,
Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
По тѣмъ высокимъ теремамъ,
У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ, 125
У каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повынималъ,
У того ружья вѣдь у огненнаго
Кременья и шомполы повыдергалъ,
А все онъ въ землю закапывалъ.
Обернется Волхъ яснымъ соколомъ, 130
Звился[2] онъ высоко по поднебесью,
Полетѣлъ онъ далече во чисто поле,
Полетѣлъ ко своей ко дружинѣ хоробрыя.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ,
Разбудилъ онъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ: 135
„Гой еси вы, дружина хоробрая!
„Не время спать, пора вставать:
„Пойдемъ мы ко царству Индѣйскому“.
И пришли они ко стѣнѣ бѣлокаменной;
Крѣпка стѣна бѣлокаменна. 140
Ворота у города желѣзныя,
Крюки, засовы всѣ мѣдные,
Стоятъ караулы денны—нощны,
Стоитъ подворотня дорогъ рыбій зубъ[3],
Мудрены вырѣзы вырѣзано, 145

---

[1] Т.-е. просвѣтилъ, засвѣтилъ.
[2] Взвился.
[3] Моржевой кости.

А и только въ вырѣзу мурашу пройти.
И всѣ молодцы закручинился,
акручинилися и запечалилися,
Говорятъ таково слово:
— Потерять будетъ головки напрасныя [1]! 150
— А и какъ намъ будетъ стѣна пройти?—
Молодой Волхъ-онъ догадливъ былъ:
Самъ обернулъ ся мурашикомъ
И всѣхъ добрыхъ молодцовъ мурашками,
Прошли они стѣну бѣлокаменну 155
И стали молодцы ужъ на другой сторонѣ,
Въ славномъ царствѣ Индѣйскіимъ;
Всѣхъ обернулъ добрыми молодцами,
о своею стали сбруею со ратною,
А всѣмъ молодцамъ онъ приказъ отдаетъ: 160
„Гой еси вы, дружина хоробрая!
„Ходите по царству Индѣйскому,
„Рубите стараго, малаго,
„Не оставьте въ царствѣ на сѣмена;
„Оставьте только по выбору, 165
„Не много не мало семь тысячей—
„Душечки красны дѣвицы“.
А и ходитъ его дружина по царству Индѣйскому,
А и рубитъ стараго, малаго,
А и только оставляютъ по выбору 170
Душечки красны дѣвицы.
А самъ-онъ Волхъ во палаты пошелъ,
Во тѣ во палаты царскія,
Ко тому царю ко Индѣйскому;
Двери были у палатъ желѣзныя, 175
Крюки, пробои по булату злачены.
Говоритъ тутъ Волхъ Всеславьевичъ:

---

[1] Понапрасну.

„Хотя нога изломить, а двери выставить!“
Пнетъ ногой во двери желѣзныя,
Изломалъ всѣ пробои булатны . 180
Онъ беретъ царя за бѣлы руки,
А славнаго царя Индѣйскаго
Салтыка Ставрульевича,
Говоритъ тутъ Волхъ таково слово:
„А и васъ-то, царей, не бьютъ, не казнятъ“. 185
Ухватя его ударилъ о кирпищатой полъ,
Расшибъ его въ крохи г . . . . . я.
И тутъ Волхъ самъ царемъ насѣлъ,
Взявши царицу Азвяковну
А и молоду Елену Александровну, 190
А и та его дружина хоробрая
И на тѣхъ дѣвушкахъ переженилася;
А и молодой Волхъ тутъ царемъ насѣлъ,
А то люди стали посадскіе;
Онъ злата, серебра выкатилъ, 195
А и коней, коровъ табуномъ дѣлилъ,
А на всякаго брата по сту тысячей.

САДКО

Садку въ нашемъ эпосѣ посвященъ всего одинъ только сюжетъ, обработанный въ былину (его имя, изрѣдка встрѣчаемое въ другихъ былинахъ, напр., о Святогорѣ, занесено туда изъ былины о Садкѣ). Число записей пѣсенъ о Садкѣ довольно ограничено (около десяти), при чемъ любопытно то, что былина эта, сколько до сихъ поръ знаемъ, составляетъ исключительную принадлежность олонецкихъ репертуаровъ и не встрѣчена была нигдѣ въ другихъ мѣстностяхъ. Съ другой стороны, былина о Садкѣ должна быть сочтена одной изъ такихъ, новгородское происхожденіе которыхъ выражено особенно ярко: полное отсутствіе какихъ бы то ни было точекъ соприкосновенія съ былинами южнаго или иного происхожденія, тѣсная связь съ бытомъ Великаго Новагорода въ видѣ типичныхъ чертъ этого своеобразнаго культурнаго центра, притомъ въ лучшую пору его жизни (XIV—XV вв., эпоху наибольшаго расцвѣта новгородской торговли и внутренней жизни, время принадлежности его къ Ганзейскому союзу и т. д.), имя героя былины, связанное съ историческимъ лицомъ новгородца, наконецъ, часть источниковъ былины,—все это, взятое вмѣстѣ, не оставляетъ мѣста сомнѣніямъ въ новгородскомъ происхожденіи самой былины.

Что касается имени Садка, героя былины, то оно должно быть сочтено и историческимъ, и новгородскимъ: по свидѣтельству сѣверныхъ лѣтописей (Новгородскихъ, первой и третьей, Псковской, Софійскаго временника), въ Новѣгородѣ вь XII вѣкѣ жилъ „Садко богатый“ (по старинному написанію: „Сътко“ или „Содко“), оставившій по себѣ память, какъ строитель перваго въ Новѣгородѣ каменнаго храма въ честь свв. Бориса и Глѣба въ 1167 году: и былинный Садко—также строитель каменнаго храма, хотя и въ честь Николы Можайскаго; историческій Садко легко могъ оставить по себѣ память потому, что построеніе

храма, притомъ каменнаго, частнымъ лицомъ въ „деревянной“ Руси было дѣломъ далеко не заурядным въ такую древнюю пору, требовавшимъ не малыхъ средствъ (не даромъ лѣтопись называетъ его „богатымъ“). Такимъ образомъ отзвукъ преданія о дѣйствительно существовавшемъ Садкѣ можно признать исторической основой былины. Но основа эта была, повидимому, разработана при помощи цѣлаго ряда разнообразныхъ по происхожденію источниковъ и такимъ образомъ превратилась въ концѣ концовъ въ ту былину, которую мы знаемъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе типъ гусляра, приданный Садку: это—не обычный въ былинахъ „гусельщикъ“, какого мы знаемъ, напр., въ былинахъ о Добрынѣ и Алешѣ или о Ставрѣ, и который восходитъ къ историческому гусляру-скомороху: Садко—дивный музыкантъ, увлекающій своей игрой самого морского царя, владыку морей, артистъ въ душѣ, ищущій въ своемъ искусствѣ утѣшенія въ горѣ. Центромъ разсказа о немъ является отношеніе его къ этому морскому владыкѣ, который также своеобразенъ и не находитъ себѣ параллели въ нашемъ эпосѣ вообще и, въ частности, такъ не похожъ на обычнаго въ нашемъ народномъ преданіи „водяного“—существо въ основѣ своей злое, безобразное видомъ (его представляютъ обычно съ одутловатымъ животомъ, опухшимъ отъ пьянства лицомъ, безобразнымъ и по поступкамъ, онъ таскается по кабакамъ, картежничаетъ, воруетъ, дѣлаетъ зло ради зла, человѣконенавистникъ и т. д.): морской царь былины — благорасположенный къ людямъ, цѣнитель искусства, существо отнюдь не злое. Эти характерныя черты Садка и морского царя, а также ихъ взаимоотношенія, какъ они рисуются въ былинѣ, позволяютъ сближать, какъ оба былинные персонажа, такъ и фабулу о пребываніи Садка у морского царя съ подобными же персонажами и однимъ изъ эпизодовъ въ финскомъ народномъ эпосѣ („Калевалѣ“), именно: Садка — съ дивнымъ пѣвцомъ - гусляромъ Вейнемейненомъ, главнымъ героемъ этого эпоса, морского царя — съ водянымъ богомъ Ахто, а фабулу — съ разсказомъ о пребываніи Вейнемейнена у этого Ахто

въ его подводномъ царствѣ [1]; иначе сказать: это сопоставленіе позволяетъ видѣть въ былинѣ о Садкѣ слѣдъ вліянія финскаго эпоса. Объяснить себѣ это вліяніе вполнѣ возможно: оно не представляетъ чего-либо необычнаго въ нашей устной поэзіи русскаго сѣвера, въ частности въ былинѣ (напр., въ пѣсняхъ о Святогорѣ, Колыванѣ), какъ результатъ сосѣдства и долговременной совмѣстной жизни русскихъ и финскихъ племенъ на сѣверѣ, продолжающейся отчасти и до сихъ поръ, отразившейся, кромѣ того, и въ другихъ сторонахъ народнаго быта и въ языкѣ; а для стараго Новгородскаго края такое вліяніе тѣмъ болѣе естественно, что самая область Ильменя и Новгорода была только позднѣе занята русскимъ племенемъ, оттѣснившимъ здѣсь болѣе раннее финское населеніе, которое и оставило въ наслѣдіе пришельцамъ не только элементы въ поэзіи, но и слѣды въ бытѣ и географической номенклатурѣ, какъ это было и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ финское населеніе замѣнялось русскимъ (напр., въ Московскомъ районѣ).—Вторымъ элементомъ, вошедшимъ въ составъ былины, представляется сказочный мотивъ о пребываніи героя въ подводномъ царствѣ съ разсказомъ о женитьбѣ его на морской царевнѣ,—мотивъ, хорошо извѣстный намъ изъ русскихъ же сказокъ, а потому не нуждающійся въ объясненіи для появленія своего въ былинѣ.—Нѣсколько труднѣе объяснить происхожденіе мотива бросанія Садка въ море и спасенія его св. Николой Можайскимъ. Тема о бросаніи грѣшника въ море, какъ средство избавленія отъ опасности (внезапный штиль, волны, разбивающія корабль, буря),—тема международная, весьма древняя: ее мы знаемъ изъ библейскаго разсказа объ Іонѣ, изъ старо-французскаго романа о Садокѣ („Tristan le Léonois"), русскаго разсказа объ одномъ изъ чудесъ св. Исидора Ростовскаго (XV вѣка); поэтому весьма вѣроятно предположеніе, что и въ былинѣ о Садкѣ эпизодъ этотъ восходитъ къ такому же международному; въ частности онъ

---

[1] См. „Калевалу", руна 41-я, въ переводѣ Л. П. Бѣльскаго (Памятн. міровой литературы. Финскій эпосъ, М. 1916), стр. 307.

можетъ быть сближенъ съ подобнымъ же во французскомъ романѣ, имѣя съ нимъ одинаковое имя героя и восходя къ общему съ нимъ прототипу; повидимому, къ тому же источнику слѣдуетъ возводить и чудо Исидора, которое такъ же, какъ и былинный разсказъ, выводитъ святого въ качествѣ спасителя героя изъ волнъ. Что въ былинѣ такимъ святымъ является Никола, это вполнѣ ясно изъ той роли популярнаго Николы, съ которой онъ давно извѣстенъ въ русской и книжной и устной словесности: онъ, Никола „морской", „мокрый",—покровитель моряковъ по спеціальности, спаситель на водахъ по житію. Этимъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить, почему историческій Садко, строитель каменной церкви въ честь Бориса и Глѣба, строитъ, по былинѣ, каменную же церковь въ память своего избавленія, но въ честь Николы Можайскаго. Остальное въ былинѣ находитъ себѣ удовлетворительное объясненіе изъ бытовой исторіи Новгорода эпохи его расцвѣта, его географической номенклатуры (какова, напр., Чернява, невѣста Садка и въ то же время рѣчка, впадающая близъ Ильменя въ Волховъ).

Что касается времени сложенія былины о Садкѣ, то (конечно, лишь въ видѣ догадки) можно относить его къ XV—XVI вѣкамъ, когда былая слава богатаго Новагорода стала отходить уже въ область преданія, но не забылась еще, не перестала ласкать самолюбіе сѣвернаго слагателя былины и его слушателей.

САДКО.

А какъ вѣдь во славноемъ въ Новѣградѣ
А й какъ былъ Садко [1] да гусельщикъ-отъ,
А й какъ не было много несчетной золотой казны,
А й какъ только онъ ходилъ по честны́мъ пирамъ,
Спотѣшалъ какъ онъ да купцéй, бояръ, 5
Веселилъ какъ онъ ихъ на честны́хъ пирахъ.
А й какъ тутъ нáдъ Садкомъ теперь да случилося:
Не зовутъ Садка ужъ цѣлый день да на почестенъ пиръ,
А й не зовутъ какъ другой день на почестенъ пиръ,
А й какъ третій день не зовутъ да на почестенъ пиръ. 10
А й какъ Садку теперь да соскучилось,
А й пошолъ Садко да ко Ильмѐнь онъ ко озеру,
А й садился онъ на синь на горючъ камень,
А й какъ началъ играть онъ во гусли во яровчаты,
А игралъ съ утра какъ день теперь до вечера. 15
А й по вечерý какъ по позднему
А й волна ужъ въ озерѣ́ какъ сходилася,
А какъ вѣдь вода съ пескомъ теперь смутилася;
А й устрашился Садко топеречку да сидѣти онъ,
Одолѣлъ какъ Садка страхъ теперь великій, 20
А й пошолъ Садко да отъ озера,
А й пошолъ Садко какъ во Новгородъ.

---

[1] Пѣвецъ употребляетъ для именит. падежа также форму „Садкѐ“.

А опять какъ прошла теперь темна ночь,
А й опять какъ на дру́гой день
Не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ, 25
А другой-то да не зовутъ его на почестенъ пиръ,
А й какъ третій-то день не зовутъ на почестенъ пиръ.
А й какъ опять Садку теперь да соскучилось,
А пошолъ Садко ко Ильме́нь да онъ ко озеру,
А й садился онъ опять на синь да на горючъ камень 30
У Ильме́нь да онъ у озера.
А й какъ началъ играть онъ опять во гусли во яровчаты,
А игралъ ужъ какъ съ утра день до вечера.
А й какъ по вечеру опять какъ по позднему
А й волна ужъ какъ въ озерѣ сходилася, 35
А й какъ вода съ пескомъ теперь смутилася;
А й устрашился опять Садко да новгородскіи,
Одолѣлъ Садка ужъ какъ страхъ теперь великіи.
А какъ пошолъ опять какъ отъ Ильме́нь да отъ озера,
А какъ онъ пошолъ во свой да онъ во Новгородъ. 40
А й какъ тутъ опять надъ нимъ да случилося:
Не зовутъ Садка опять да на почестенъ пиръ,
А й какъ тутъ опять другой день не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ,
А й какъ третій день не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ.
А й опять Садку теперь да соскучилось, 45
А й пошелъ Садко ко Ильме́нь да ко озеру,
А й какъ онъ садился на синь горючъ камень да объ озеро [1],
А й какъ началъ играть во гусли во яровчаты,
А й какъ вѣдь игралъ онъ съ утра до вечера,
А волна ужъ какъ въ озерѣ сходилася, 50
А вода ли съ пескомъ да смутилася;
А тутъ осмѣлился какъ Садко да новгородскіи
А сидѣть играть какъ онъ объ озеро.

---

[1] Возлѣ озера.

А й какъ тутъ вышелъ царь водяной теперь со озера,
А й какъ самъ говоритъ царь водяной да таковы слова: 55
„Благодаримъ-ка, Садко да новгородскіи!
„А спотѣшилъ насъ теперь да ты во озерѣ:
„А у м'ня было да какъ во озерѣ,
„А й какъ у м'ня столованье да почестенъ пиръ,
„А й какъ всѣхъ розвеселилъ у м'ня да на честномъ пиру 60
„А й любезныихъ да гостей моихъ.
„А й какъ я не знаю теперь, Садка тебя да чѣмъ пожаловать:
„А ступай, Садко, теперя да во свой во Новгородъ;
„А й какъ завтра позовутъ тебя да на почестенъ пиръ,
„А й какъ будетъ у купца столованье почестенъ пиръ, 65
„А й какъ много будетъ купцей на пиру много новгородскіихъ;
„А й какъ будутъ всѣ на пиру да напиватися,
„Будутъ всѣ на пиру да наѣдатися,
„А й какъ будутъ всѣ похвальбами теперь да похвалятися,
„А й кто чѣмъ будетъ теперь да хвастати, 70
„А й кто чѣмъ будетъ теперь да похвалятися:
„А и́ной какъ будетъ хвастати да несчетной золотой казной,
„А какъ и́ной будетъ хвастать добры́мъ конемъ,
„Иной буде хвастать силой, удачей молодецкою,
„А иной буде хвастать моло́дый молодечествомъ, 75
„А какъ умной-разумной да буде хвастати,
„Старымъ батюшкомъ, старой матушкой,
„А й безумный дуракъ да буде хвастати
„А й своей онъ какъ молодой женой.
„А ты, Садко, да похвастай-ко: 80
„„А я знаю, что во Ильме́нь да во озерѣ
„„А что есте рыба-то перья золотыи вѣдь““.
„А какъ будутъ купцы да богатыи
„А съ тобой да будутъ спо́ровать [1],

---

[1] Спорить.

„А что нѣту рыбы такою [1] вѣдь, 85
„А что теперь да золотыи вѣдь;
„А ты съ нима бей о залогъ теперь великіи:
„Залагай свою буйную да голову,
„А какъ съ нихъ выряжай [2] теперь
„А какъ лавки во ряду да во гостиноемъ 90
„Съ дорогима да товарами.
„А потомъ свяжите неводъ да шелковой,
„Пріѣзжайте вы ловить да во Ильмéнь во озеро,
„А закиньте три тони́ во Ильмéнь да во озерѣ;
„А я въ кажну тоню дамъ теперь по рыбинѣ, 95
„Ужъ какъ перья золотыи вѣдь.
„А й получишь лавки во ряду да во гостиноемъ
„Съ дорогима вѣдь товарами.
„А й потомъ будешь ты купецъ, Садко, какъ новгородскіи,
„А купецъ будешь богатыи". 100
А й пошолъ Садко во свой да какъ во Новгородъ.
А й какъ вѣдь да на дру́гой день
А какъ пóзвали Садка да на почестенъ пиръ
А й къ купцу да богатому.
А й какъ тутъ да много сбиралося 105
А й къ купцу да на почестенъ пиръ
А купцей какъ богатыихъ новогородскіихъ;
А й какъ всѣ теперь на пиру напивалися,
А й какъ всѣ на пиру да наѣдалися,
А й похвальбами всѣ похвалялися. 110
А кто чѣмъ ужъ какъ теперь да хвастаетъ,
А кто чѣмъ на пиру да похваляется:
А и́ной хвастае какъ несчетной золотой казной,
А и́ной хвастае да добры́мъ конемъ,
А и́ной хвастае силой, удачей молодецкою; 115

---

[1] Т.-е. такой.
[2] Требуй въ закладъ, включай въ условіе („рядъ").

А й какъ умной теперь ужъ какъ хвастаетъ
А й старымъ батюшкомъ, старой матушкой,
А й безумной дуракъ ужъ какъ хвастаетъ,
А й какъ хвастае да какъ своей молодой женой.
А сидитъ Садко, какъ ничѣмъ да онъ не хвастаетъ, 120
А сидитъ Садко, какъ ничѣмъ онъ не похваляется;
А й какъ тутъ сидятъ купцы богатыи новгородскіи,
А й какъ говорятъ Садку таковы слова:
—А что же, Садко, сидишь, ничѣмъ же ты не хвастаешь,
—Что ничѣмъ, Садко, да ты не похваляешься?— 125
А й говоритъ Садко таковы слова:
„А й же вы купцы богатые новгородскіе!
„А й какъ чѣмъ мнѣ Садку теперь хвастати,
„А какъ чѣмъ-то Садку похвалятися?
„А нѣту у м'ня много несчетной золотой казны, 130
„А нѣту у м'ня какъ прекрасной молодой жены,
„А какъ мнѣ Садку только есть однимъ да мнѣ похвастати:
„Во Ильмень да какъ во озерѣ
„А есте рыба какъ перья золотыи вѣдь".
А й какъ тутъ купцы богатыи новгородскіи 135
А й начали съ нимъ да они спóровать:
Во Ильмень да что во озерѣ
А нѣту рыбы такою [1] что,
Чтобы были перья золотыи вѣдь.
А й какъ говорилъ Садко новгородскіи: 140
„Дакъ [2] заложу я свою буйную головушку,
„Болѣ заложить да ý м'ня нечего".
А они говоря:—Мы заложимъ въ ряду да во гостиноемъ;
Шесть купцей, шесть богатыихъ.—
А залагали вѣдь какъ по лавочкѣ, 145
Съ дорогима да съ товарами.

---

[1] Такой.
[2] Такъ.

А й тутъ послѣ этого
А связали неводъ шо́лковой,
А й поѣхали ловить какъ въ Ильме́нь да какъ во озеро.
А й закидывали тоню во Ильме́нь да вѣдь во озерѣ, 150
А рыбу ужъ какъ добыли перья золотыи вѣдь;
А й закинули дру́гу тоню во Ильмень да вѣдь во озерѣ,
А й какъ добыли другую рыбину перья золотыи вѣдь:
А й закинули третью тоню во Ильмень да вѣдь во озерѣ,
А й какъ добыли ужъ какъ рыбину перья золотыи вѣдь. 155
А теперь какъ купцы да новгородскіи богатыи
А й какъ видятъ, дѣлать да нечего,
А й какъ вышло правильно, какъ говорилъ Садко да новгородскіи,
А й какъ отперлись они да отъ лавочекъ,
А въ ряду да во гостиноемъ, 160
А й съ дорогима вѣдь съ товарами.
А й какъ тутъ получилъ Садко да новгородскіи
А й въ ряду во гостиноемъ
А шесть ужъ какъ лавочекъ съ дорогима онъ товарами,
А й записался Садко въ купцы да въ новгородскіи, 165
А й какъ сталъ теперь Садко купецъ богатыи.
А какъ сталъ торговать Садко да теперечку
Въ своемъ да онъ во городѣ,
А й какъ сталъ ѣздить Садко торговать да по всѣмъ мѣстамъ,
А й по прочимъ городамъ да онъ по дальнимъ, 170
А й какъ сталъ получать барыши да онъ великіи.
А й какъ тутъ да послѣ этого
А женился какъ Садко купецъ новгородскіи богатыи,
А еще какъ Садко́ послѣ этого
А й какъ выстроилъ онъ полаты бѣлокаменны, 175
А й какъ сдѣлалъ Садко да въ своихъ онъ полатушкахъ,
А й какъ обдѣлалъ въ теремахъ все да по небесному:
А й какъ на́ небѣ пекетъ да красное ужъ солнышко,
Въ теремахъ у его пекетъ да красное ужъ солнышко;

А й какъ на́ небѣ свѣтитъ младъ да свѣтелъ мѣсяцъ, 180
У его въ теремахъ да младъ свѣтелъ мѣсяцъ;
А й какъ на́ небѣ пекутъ да звѣзды частыя,
А у его въ теремахъ пекутъ да звѣзды частыя;
А й какъ всѣмъ изукрасилъ Садко свои полаты бѣлокаменны.
А й теперь какъ вѣдь послѣ этого 185
А й сбиралъ Садко столованье да почестенъ пиръ
А й какъ всѣхъ своихъ купцей богатыихъ новгородскіихъ,
А й какъ всѣхъ-то господъ онъ своихъ новгородскіихъ,
А й какъ онъ еще настоятелей [1] своихъ да новгородскіихъ
(А й какъ были настоятели новгородскіе: 190
А й Лука Зиновьевъ вѣдь да Ѳома да Назарьевъ вѣдь);
А еще какъ сбиралъ-то онъ всѣхъ мужиковъ новгородскіихъ,
А й какъ повелъ Садко столованье почестенъ пиръ богатыи.
А теперь какъ всѣ у Садка на честно́мъ пиру,
А й какъ всѣ у Садка да напивалися, 195
А й какъ всѣ у Садка теперь да наѣдалися,
А й похвальбами-то всѣ да похвалялися.
А й кто чѣмъ на пиру ужъ какъ хвастаетъ,
А й кто чѣмъ на пиру похваляется:
А и́ной какъ хвастае несчетной золотой казной, 200
А и́ной хвастае какъ добрымъ конемъ,
А и́ной хваста силой могучею, богатырскою,
А и́ной хвастае славнымъ отечествомъ [2],
А и́ной хвастатъ молодымъ да молодечествомъ;
А какъ умной разумной какъ хвастаетъ 205
Старымъ батюшкомъ да старой матушкой,
А й безумный дуракъ ужъ какъ хвастаетъ
А й своей да молодой женой.
А й какъ вѣдь Садко по полатушкамъ онъ похаживатъ,
А й Садко ли-то самъ да выговариватъ: 210
„А й же вы, купцы новгородскіе, вы богатые,

[1] Посадники (?).
[2] Т.-е. родомъ, знатнымъ происхожденіемъ.

„А й же всѣ господа новгородскіе,
„А й же всѣ настоятели новгородскіе,
„Мужики какъ вы да новгородскіе!
„А у меня какъ всѣ вы на честномъ пиру 215
„А всѣ вы у меня какъ пьяны, веселы,
„А какъ всѣ на пиру напивалися,
„А й какъ всѣ на пиру да наѣдалися,
„А й похвальбами всѣ вы похвалялися.
„А й кто чѣмъ у васъ теперь хвастае: 220
„А и́ной хвастае какъ былицею,
„А и́ной хвастае у васъ да небылицею.
„А какъ чѣмъ буде мнѣ Садку теперь похвастати?
„А й у м'ня у Садка новгородскаго
„А золота казна у м'не теперь не то́щится [1], 225
„А цвѣтное платьице у м'ня теперь не держится [2],
„А й дружинушка хоробрая не измѣняется;
„А столько мнѣ Садку буде́ похвастати
„А й своей мнѣ несчетной золотой казной:
„А й на свою я несчетну золоту казну 230
„А й повыкуплю я какъ всѣ товары новгородскіе,
„А какъ всѣ худы́ товары, я добрые,
„А что не буде болѣ товаровъ въ продажѣ во городѣ".
А й какъ ставали тутъ настоятели вѣдь новгородскіе,
А й Ѳома да Назарьевъ вѣдь, 235
А Лука да Зиновьевъ вѣдь,
А й какъ тутъ ставали да на рѣзвы́ ноги
А й какъ говорили сами́ вѣдь да таковы слова:
— А й же ты, Садко, купецъ богатый новгородскіи!
— А о чемъ ли о многомъ бьешь съ нами о великъ закладъ, 240
— Ежели выкупишь товары новгородскіе,

---

[1] Истощается.
[2] Изнашивается.

— А й худы товары, всѣ добрыи,
— Чтобы не было въ продажѣ товаровъ да во городѣ? —
А й говоритъ Садко имъ намѣсто [1] таковы слова:
„А й же вы настоятели новгородскіе! 245
„А сколько угодно, у м'ня хватитъ заложить безсчетной золотой казны".
А й говоря настоятели намѣсто новгородскіе:
— Ай же ты Садко да новгородскіи!
— А хоть ударь съ нами ты о тридцати о тысячахъ. —
А ударилъ Садко о тридцати да вѣдь о тысячахъ. 250
А й какъ всѣ со честнаго пи́ру разъѣзжалися,
А й какъ всѣ со честнаго пи́ру розбиралися
А й какъ по своимъ домамъ, по своимъ мѣстамъ.
А й какъ тутъ Садко купецъ богатый новгородскіій,
А й какъ онъ на другой день вставалъ по утру да по рапому [2], 255
А й какъ вѣдь будилъ онъ свою вѣдь дружинушку хоробрую,
А й давалъ какъ онъ да дружинушкѣ
А й какъ до́люби [3] онъ безсчетныи золоты́ казны;
А какъ спущалъ онъ по улицамъ торговыимъ,
А й какъ самъ прямо шолъ во гостиной рядъ, 260
А й какъ тутъ повыкупилъ онъ товары новгородскіе,
А й худы товары, всѣ добрые.
А й ставалъ какъ на дру́гой день
Садко купецъ богатый новгородскіій,
А й какъ онъ будилъ дружинушку хоробрую, 265
А й давалъ ужъ какъ до́люби безсчетныи золоты́ казны,
А й какъ самъ прямо шолъ во гостиный рядъ, —
А й какъ тутъ много товаровъ принаве́зено,
А й какъ много товаровъ принаполнено
А й на ту на славу великую новгородскую. 270

---

[1] Въ отвѣтъ.
[2] Раннему.
[3] Сколько надобно, вдоволь.

Онъ повыкупилъ еще товары новгородскіе,
А й худы товары, всѣ добрые.
А й на третій день ставалъ Садко купецъ богатый новгородскіій,
А й будилъ какъ онъ да дружинушку хоробрую,
А й давалъ ужъ какъ до́люби дружинушкѣ 275
А й какъ много несчетной золотой казны,
Ай какъ роспущалъ онъ дружинушку по улицамъ торговыимъ,
А й какъ самъ онъ прямо шолъ до во гостиный рядъ, —
А й какъ тутъ на славу великую новгородскую
А й подоспѣли какъ товары вѣдь московскіе, 280
А й какъ тутъ принаполнился какъ гостиной рядъ
А й дорогима товарами вѣдь московскима.
А й какъ тутъ Садко теперь да пораздумался:
„А й какъ я повыкуплю еще товары всѣ московскіе,
„А й на тую на славу великую новгородскую 285
„А й подоспѣютъ вѣдь какъ товары заморскіе:
„А й какъ вѣдь топерь ужъ какъ мнѣ Садку
„А й не выкупить какъ товаровъ вѣдь
„Со всего да со бѣла́ свѣту.
„А й какъ лучше пусть не я да богатѣе, 290
„А Садко купецъ да новгородскіій,
„А й какъ пусть побога́тѣе меня славный Новгородъ,
„Что не могъ не я да повыкупить
„А й товаровъ новгородскіихъ,
„Чтобы не было продажи да во городѣ; 295
„А лучше отдамъ я денежекъ тридцать тысячей—
„Залогъ свой великіій!“
А отдавалъ ужъ какъ денежекъ тридцать тысячей,
Отпирался отъ залогу да великаго.
А потомъ какъ построилъ тридцать ка́раблей, 300
Тридцать ка́раблей, тридцать че́рныихъ,
А й какъ вѣдь свалилъ онъ товары новгородскіе

А й на черныи на ка́рабли,
А й поѣхалъ торговать купецъ богатый новгородскіій
А й какъ на своихъ на черныхъ на ка́рабляхъ. 305
А поѣхалъ онъ да по Волхову,
А й со Волхова онъ во Ладожско,
А со Ладожскаго выплывалъ да во Неву рѣку,
А й какъ со Невы рѣки какъ выѣхалъ на сине́ море.
А й какъ ѣхалъ онъ по синю́ морю, 310
А й какъ тутъ воротилъ онъ въ Золоту Орду.
А й какъ тамъ продавалъ онъ говары да вѣдь новгородскіе,
А й получалъ онъ барыши теперь великіе,
А й какъ насы́палъ онъ бочки вѣдь сороко́вки-ты
А й какъ краснаго золота; 315
А й насыпалъ онъ много бочекъ да чистаго серебра,
А еще насыпа́лъ онъ много бочекъ мелкаго, онъ крупнаго скатнаго жемчугу.
А какъ потомъ поѣхалъ онъ зъ-за [1] Золотой Орды,
А й какъ выѣхалъ теперечку опять да на сине́ море.
А й какъ на синемъ морѣ устоялися [2] да черны ка́рабли, 320
А й какъ волной-то бьетъ и паруса-то рветъ,
А й какъ ломатъ черны ка́рабли,
А все съ мѣста не йдутъ черны ка́рабли.
А й воспроговорилъ Садко, купецъ богатый новгородскіій,
А й ко своей онъ дружинушкѣ хоробрыи: 325
„А й же ты дружина хоробрая!
„А й какъ сколько ни по морю ѣздили,
„А мы морскому царю дани да не плачивали.
„А теперь-то дани требуетъ морской-то царь въ сине́ море.“
А й тутъ говоритъ Садко, купецъ богатый новгородскіій: 330
„А й же ты дружина хоробрая!
„А й возьмите-тко вы, мечи-тко [3] въ сине́ море

---

[1] Изъ.
[2] Остановились.
[3] Слѣдуетъ: мечите-тко.

„А й какъ бочку-сороковку краснаго золота“.
А й какъ тутъ дружина да хоробрая
А й какъ брали бочку-сороковку краснаго золота, 335
А метали бочку въ синé море.
А й какъ все волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,
А й ломатъ черны кáрабли да на синéмъ морѣ,
Все не йдутъ съ мѣста кáрабли да на синéмъ морѣ.
А й опять воспроговорилъ Садко, купецъ богатый новгородскіій, 340
А й своей какъ дружинушкѣ хоробрыи:
„А й же ты дружинушка моя ты хоробрая!
„А видно мало этой дани царю морскому въ синé море:
„А й возьмите-тко вы, мечи-тко въ синé море
„А й какъ другую вѣдь бочку чистаго серебра“. 345
А й какъ тутъ дружинушка хоробрая
А кидали какъ дру́гую бочку въ синé море
А какъ чистаго да серебра.
А й какъ все волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,
А й ломатъ черны кáрабли да на синéмъ морѣ, 350
А все не йдутъ съ мѣста кáрабли да на синéмъ морѣ.
А й какъ тутъ говорилъ Садко, купецъ богатый новгородскіій,
А й какъ своей онъ дружинушкѣ хоробрыи:
„А й же ты дружина хоробрая!
„А видно, этой мало какъ дани въ синé море: 355
„А берите-тко третью бочку да крупнаго, мелкаго скатнаго жемчугу,
„А кидайте-тко бочку въ синé море“.
А какъ тутъ дружина хоробрая
А й какъ брали бочку крупнаго, мелкаго скатнаго жемчугу,
А кидали бочку въ синé море. 360
А й какъ все на синéмъ мори стоятъ да черны кáрабли,
А волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,
А й какъ все ломатъ черны кáрабли,

А й все съ мѣста не йдутъ да черны ка́рабли.
А й какъ тутъ говорилъ Садко, купецъ богатый новгородскіій, 365
А своей какъ дружинушкѣ онъ хоробрыи:
„А й же ты любезная какъ дружинушка да хоробрая!
„А видно, морской-то царь требуе какъ живой головы у насъ въ сине́ море.
„А й же ты дружина хоробрая!
„А й возьмите-тко ужъ какъ дѣлайте 370
„А й да же́ребья да себѣ волжаны [1],
„А й какъ всякъ свои имена вы пишите на же́ребьѣ,
„А спущайте жеребья на синѐ море;
„А я сдѣлаю себѣ-то я жеребей на красное то на золото [2].
„А й какъ спустимъ жеребья теперь мы на сине́ море: 375
„А й какъ чей у насъ жеребей теперь да ко дну пойдетъ,
„А тому итти какъ у насъ да въ сине́ море“.
А у всей какъ у дружины хоробрыи
А й жеребья́ теперь гоголе́мъ [3] пловутъ,
А й у Садка купца, гостя богатаго, да ключомъ на дно. 380
А й говоритъ Садко таковы слова:
„А й какъ эти же́ребьи есть неправильны;
„А й вы сдѣлайте же́ребьи какъ на красное да золото,
„А я сдѣлаю жеребей дубовыи.
„А й какъ вы пишите всякъ свои и́мена да на же́ребьѣ, 385
„А й спущайте-тко жеребьи на синѐ море:
„А й какъ чей у насъ же́ребей да ко дну пойдетъ,
„А тому какъ у насъ итти да въ синѐ море“.
А й какъ вся тутъ дружинушка хоробрая
А й спущали жеребья́ на сине́ море; 390
А й у всей какъ у дружинушки хоробрыи

---

[1] Изъ воложанки (таволги) — родъ мелкой ивы, растущей по берегамъ рѣкъ.
[2] Съ золотою надписью (объясненіе пѣвца).
[3] Гоголь — родъ гогары (птицы).

А й какъ всѣ жеребья́ какъ теперь да гоголе́мъ пловутъ,
А Садковъ какъ же́ребей да теперь ключомъ на дно.
А й опять говорилъ Садко да таковы слова:
„А какъ ты жеребьи есть неправильны. 395
„А й же ты дружина хоробрая!
„А й какъ дѣлайте вы какъ жеребьи дубовыи,
„А й какъ сдѣлаю я жеребей липовой,
„А какъ будемъ писать мы и́мена всѣ на жеребьѣ,
„А спущать ужъ какъ будемъ жеребья мы на сине́ море, 400
„А теперь какъ въ остатніихъ [1]:
„Какъ чей теперь жеребей ко дну пойдетъ,
„А й тому какъ итти у насъ да въ сине́ море“.
А й какъ тутъ вся дружина хоробрая
А й какъ дѣлали жеребьи всѣ дубовые, 405
А онъ дѣлалъ ужъ какъ жеребей себѣ липовой,
А й какъ всякъ свои и́мена да писали на жеребьѣ,
А й спущали жеребья́ на сине́ море.
А у всей дружинушки вѣдь хороброей
А й жеребья́ теперь гоголе́мъ плывутъ да на сине́мъ морѣ, 410
А й у Садка, купца богатаго новгородскаго, ключомъ на дно.
А какъ тутъ говорилъ Садко таковы слова:
„А й какъ видно, Садку да дѣлать теперь нечего,
„А й самого Садка требуетъ царь морской да въ сине́ море.
„А й же ты дружинушка да моя хоробрая, любезная! 415
„А й возьмите-тко вы несите-тко
„А й мою какъ чернильницу вы вальячную [2],
„А й неси-тко [3] какъ перо лебединое,
„А й несите-тко вы бумаги теперь вы мнѣ гербовыи“.
А й какъ тутъ какъ дружинушка вѣдь хоробрая 420
А несли ему какъ чернильницу да вальячную,
А й несли какъ перо лебединое,

---

[1] Въ послѣдній разъ.
[2] То же, что „вальящатый“,—рѣзной, прочный.
[3] Вм. несите-тко.

А й несли какъ листъ-бумагу какъ гербовую.
А й какъ тутъ Садко, купецъ богатый новгородскій,
А садился онъ на ременчатъ стулъ 425
А къ тому онъ къ столику ко дубовому,
А й какъ началъ онъ имѣньица своего да онъ отписывать:
А какъ отписывалъ онъ имѣнья по Божьимъ церквамъ,
А й какъ много отписывалъ онъ имѣнья нищей братіи,
А какъ ино имѣньицо онъ отписывалъ да молодой женѣ, 430
А й достальное[1] имѣнье отписывалъ дружинѣ онъ хороброей.

А й какъ самъ потомъ заплакалъ онъ,
Говорилъ онъ какъ дружинушкѣ хороброей:
„А й же ты дружина хоробрая да любезная!
„А й полагайте вы доску дубовую на синé море, 435
„А что мнѣ свалиться Садку мнѣ-ка нá доску,
„А не то какъ страшно мнѣ принять смерть во синéмъ морѣ“.
А й какъ тутъ онъ еще взималъ съ собой свои гуселки яровчаты,
А й заплакалъ горько, прощался онъ съ дружинушкой хороброю,
А й прощался онъ теперечку со всѣмъ да со бѣлымъ свѣтомъ, 440
А й какъ онъ теперечку какъ прощался вѣдь
А со своимъ онъ со Новымъ со городомъ.
А потомъ свалился нá доску онъ на дубовую,
А й понесло какъ Садка нà доскѣ да по синю морю.
А й какъ тутъ побѣжали черны-ты кáрабли, 445
А й какъ будто полетѣли черны вороны;
А й какъ тутъ остался теперь Садко да на синéмъ морѣ.
А й какъ вѣдь со страху великаго
А заснулъ Садко на той доскѣ на дубовыи.

---

[1] Остальное.

А какъ вѣдь проснулся Садко, купецъ богатый новгородскіій, 450
А й въ Окіянъ-морѣ да на самомъ днѣ,
А увидѣлъ скрозь воду, пекетъ красно солнышко,
А какъ вѣдь очутилась возлѣ палата бѣлокаменна.
А заходилъ какъ онъ въ палату бѣлокаменну:
А й сидитъ теперь какъ во полатушкахъ 455
А й какъ царь-то морской теперь на стулѣ вѣдь.
А й говоритъ царь-то морской таковы слова:
— А й какъ здравствуйте, купецъ богатыи,
— Садко да новгородскіій!
— А й какъ сколько ни по морю ѣздилъ ты, 460
— А й какъ морскому царю дани не плачивалъ въ синé море,
— А й теперь ужъ самъ весь пришелъ ко мнѣ да во подарочкахъ.
— Ахъ скажутъ, ты мастеръ играть во гусли во яровчаты:
— А поиграй-ко мнѣ какъ въ гусли во яровчаты. —
А какъ тутъ Садко видитъ, въ синéмъ морѣ дѣлать нечего: 465
Принуженъ онъ играть какъ во гусли во яровчаты.
А й какъ началъ играть Садко какъ во гусли во яровчаты,
А какъ началъ плясать царь морской теперь въ синéмъ морѣ;
А отъ него сколебалося все синé море,
А сходилася волна да на синéмъ морѣ, 470
А й какъ сталъ онъ разбивать много черныхъ кáраблей да на синéмъ морѣ;
А й какъ много стало вѣдь тонуть народу да въ синé море,
А й какъ много стало гинуть имѣньица да въ синé море,
А какъ теперь на синéмъ мори многи люди добрыи,
А й какъ многи вѣдь да люди православные, 475
Отъ желаньица какъ мóлятся Миколѣ да Можайскому,
А й чтобы повынесъ Микулай ихъ угодникъ изъ синя́ моря.

А какъ тутъ Садко новгородскаго какъ чесну́ло [1] въ плечо да во правое...,
А й какъ обернулся назадъ Садко, купецъ богатый новгородскіій:
А стоитъ какъ теперь старичокъ да назади ужъ какъ бѣлыи, сѣдатыи, 480
А й какъ говорилъ да старичокъ таковы слова:
— А й какъ полно те играть, Садко, во гусли во яровчаты въ сине́мъ морѣ!—
А й говоритъ Садко какъ намѣсто таковы слова:
„А й теперь у меня не своя воля да въ сине́мъ морѣ,
„Заставлятъ какъ играть ме́ня царь морской“. 485
А й говорилъ опять старичокъ намѣсто таковы слова:
— А й какъ ты, Садко, купецъ богатый новгородскіій!
— А й какъ ты струночки повырви-ко,
— Какъ шпенечики повы́ломай,
— А й какъ ты скажи теперь царю морскому вѣдь: 490
— „А й у м'ня струнъ не случилося,
— „Шпенечковъ у м'ня не пригодилося,
— „А й какъ болѣ играть у м'ня не во что“.
— А тебѣ скаже какъ царь морской:
— А й не угодно ли тебѣ, Садко, женитися въ сине́мъ морѣ 495
— А й на душечкѣ какъ на красной на дѣвушкѣ?
— А й какъ ты скажи ему теперь да въ сине́мъ морѣ,
— А й скажи: „Царь морской, какъ воля твоя теперь съ сине́мъ морѣ,
— „А й какъ что ты знашь, то и дѣлай-ко“.
— А й какъ онъ скажетъ тебѣ да теперечку: 500
— А й за́утра ты приготовляйся-тко,
— А й Садко, купецъ богатый новгородскіій,
— А й выбирай, какъ скажетъ, ты дѣви́цу себѣ по́ уму, по разуму.

---

[1] Ударило.

— Такъ-ты смотри, перво три ста́ дѣвицъ ты стадо про́пусти,
— А ты другое три ста́ дѣвицъ ты стадо про́пусти, 505
— А какъ третье три ста́ дѣвицъ ты стадо про́пусти,
— А въ томъ стадѣ на концѣ на остатніемъ
— А й идетъ какъ дѣвица красавица,
— А по фамиліи какъ Чернава-то:
— Такъ ты эту Чернаву-то бери въ замужество; 510
— А й тогда ты, Садко, да счастливъ будешь.
— А й какъ ляжешь спать первой ночи вѣдь,
— А смотри, не твори блуда́ никакого-то
— Съ той дѣвицей со Чернавою.
— Какъ проснешься тутъ ты въ сине́мъ морѣ, 515
— Такъ будешь въ Новѣ-градѣ на крутомъ кряжу,
— А о ту о рѣченку о Чернаву-ту [1].
— А ежели сотворишь какъ блудъ ты въ сине́мъ морѣ,
— Такъ ты останешься на вѣки да въ сине́мъ морѣ.
— А когда ты будешь вѣдь на святой Руси, 520
— Да во своемъ да ты да во городѣ,
— А й тогда построй ты церковь соборную
— Да Николѣ да Можайскому,
— А й какъ есть я Микола Можайскій.—
А какъ тутъ потерялся [2] теперь старичокъ да сѣдатый. 525
А й какъ тутъ Садко, купецъ богатый новгородскій, въ сине́мъ морѣ
А й какъ струночки онъ повы́рывалъ,
Шпенечики у гуселышекъ повыломалъ,
А не сталъ вѣдь онъ болѣ играти во гусли во яровчаты.
А й остоялся [3] какъ царь морской, 530
Не сталъ плясать онъ теперь въ сине́мъ морѣ,
А й какъ самъ говорилъ ужъ царь таковы слова:
— А что же не играшь, Садко, купецъ богатый новгородскій,

---

[1] Около.
[2] Исчезъ.
[3] Остановился.

— А й во гусли вѣдь да во яровчаты?—
А й говорилъ Садко таковы слова: 535
„А й теперь струночки какъ я повы́рывалъ,
„Шпенечики я повыломалъ,
„А у меня болѣ съ собой ничего да не случилося“.
А й какъ говорилъ царь морской:
— Не угодно ли тебѣ женитися, Садко, въ сине́мъ морѣ, 540
— А й какъ вѣдь на душечкѣ на красной да на дѣвушкѣ?—
А й какъ онъ намѣсто вѣдь говорилъ ему:
„А й теперь какъ волюшка твоя надо мной въ сине́мъ морѣ“.
А й какъ тутъ говорилъ ужъ царь морской:
— А й же ты, Садко, купецъ богатый новгородскій! 545
— А й за́утра выбирай себѣ дѣви́цу да красавицу
— По уму себѣ да по разуму.—
А й какъ дошло дѣло до утра вѣдь до ранняго,
А й какъ сталъ Садко, купецъ богатый новгородскій,
А й какъ пошолъ выбирать себѣ дѣвицы красавицы, 550
А й посмотритъ, стоитъ ужъ какъ царь морской.
А й какъ три ста̀ дѣвицъ повели мимо ихъ-то вѣдь,
А онъ-то перво три ста́ дѣвицъ да стадо про́пустилъ,
А друго онъ три ста́ дѣвицъ да стадо про́пустилъ,
А й третье онъ три ста́ дѣвицъ да стадо про́пустилъ. 555
А посмотритъ, позади идетъ дѣвица красавица,
А й по фамиліи что какъ зовутъ Чернавою.
А онъ ту Чернаву любовалъ [1], бралъ за себя во замужество.
А й какъ тутъ говорилъ царь морской таковы слова:
— А й какъ ты умѣлъ да женитися, Садко, въ сине́мъ морѣ. — 560
А теперь какъ пошло у нихъ столованье да почестенъ пиръ въ сине́мъ морѣ;

---

[1] Облюбовалъ, выбралъ.

А й какъ тутъ прошло у нихъ столованье да почестенъ пиръ,
А какъ тутъ ложился спать Садко, купецъ богатый новгородскiй,
А въ синéмъ морѣ онъ съ дѣвицею съ красавицей,
А во спальней онъ да во теплоей; 565
А й не творилъ съ ней блудá никакова, да заснулъ въ сонъ во крѣпкiи.
А й какъ онъ проснулся Садко, купецъ богатый новгородскiй,
Ажно [1] очудился [2] Садко во своемъ да во городѣ,
О рѣку о Чернаву на крутомъ кряжу.
А й какъ тутъ увидѣлъ, бѣжатъ по Волхову 570
свои да черныи да кáрабли,
А какъ вѣдь дружинушка какъ хоробрая
А поминаютъ вѣдь Садка въ синéмъ морѣ,
А й Садка, купца богатаго, да жена его
А поминатъ Садка со всей дружиною хороброю. 575
А какъ тутъ увид'ла дружинушка,
Что стоитъ Садко на крутомъ кряжу да о Волхово,
А й какъ тутъ дружинушка вся она расчудовалася [3],
А й какъ тому чуду вѣдь сдивовалася,
Что оставили мы Садка да на синéмъ морѣ, 580
А Садко впереди насъ да во своемъ во городѣ.
А й какъ встрѣтилъ вѣдь Садко дружинушку хоробрую,
Всѣ черныи тутъ кáрабли.
А какъ теперь поздоровкались,
Пошли во палаты Садка, купца богатаго. 585
А какъ онъ теперечку здоровкался со своею съ молодой женой.
А й теперь какъ онъ послѣ этого
А й повыгрузилъ онъ со кáраблей

---

[1] Между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ.
[2] Очутился.
[3] Удивилась, стала чудúться.

А какъ все свое да онъ имѣньице,
А й повыкатилъ какъ онъ всю свою да несчетну золоту казну. 590
А й теперь какъ на свою онъ несчетну золоту казну
А й какъ сдѣлалъ церковь соборную
Николѣ да Можайскому,
А й какъ дру́гую церковь сдѣлалъ Пресвятыи Богородицѣ.
А й теперь какъ вѣдь да послѣ этого 595
А й какъ началъ Господу Богу онъ да молитися,
А й о своихъ грѣхахъ да онъ прощатися [1];
А какъ болѣ не сталъ выѣзжать да на сине́ море,
А й какъ сталъ проживать во своемъ да онъ во городѣ.
А й теперь какъ вѣдь да послѣ этого 600
А й тому да всему да славы́ поютъ.

---

[1] Просить прощенія.

СОРОКЪ КАЛИКЪ СО КАЛИКОЮ

Былина о сорока каликахъ занимаетъ среди другихъ былевыхъ пѣсенъ довольно своеобразное мѣсто: тѣсно связанная съ богатырскимъ мірскимъ эпосомъ, она въ то же время близка и къ религіозному духовному стиху: кромѣ того, не пользуясь сравнительно большой популярностью (9 варьянтовъ) среди пѣвцовъ въ центрѣ былинной традиціи (въ Олонецкомъ краѣ), а преимущественно въ Архангельской губерніи и въ западной Сибири (11 варьянтовъ), она чаще другихъ былинъ входитъ въ репертуаръ пѣвцовъ, культивирующихъ также и духовный стихъ, изъ среды которыхъ идутъ, кажется, и лучшіе пересказы этой былины.

Такое своеобразное положеніе былины среди остальныхъ вызываетъ естественное предположеніе, не создалась ли она сама въ средѣ „каликъ перехожихъ", носителей преимущественно духовной пѣсни? Вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ и вопросъ о мѣстѣ ея происхожденія: если обстановка, рисуемая былиной, связываетъ ее по происхожденію какъ будто съ русскимъ югомъ, то географическая номенклатура въ деталяхъ и весьма вѣроятные источники былины значительно поколебали составившееся и считавшееся до сихъ поръ надежнымъ представленіе объ ея южно-русскомъ происхожденіи, заставляя склоняться къ мысли о сѣверномъ, точнѣе, новгородскомъ ея происхожденіи. Если въ былинѣ мѣстомъ дѣйствія и является Кіевъ, и въ ней играютъ роль личности кіевскія: князь Владиміръ, его жена Апракса, богатыри Алеша Поповичъ и Добрыня, то всеже отсюда нельзя еще съ увѣренностью заключать, что и сама былина создалась тамъ же, въ Кіевской области, такъ какъ намъ хорошо извѣстно въ исторіи былинъ стремленіе включать въ кіевскій циклъ былины первоначально не-кіевскія по происхожденію путемъ переработки въ нихъ деталей примѣнительно къ особенностямъ кіевскимъ (ср. выше, былины объ Алешѣ, объ Ильѣ и Соловьѣ и др.); кромѣ того намъ извѣстны въ исторіи нашей былины случаи, когда такъ называемыя былины кіевскаго

цикла слагаемы были (правда, въ довольно позднее время, въ XV—XVII вв.) не въ предѣлахъ кіевской области, а въ другихъ мѣстахъ, чаще всего въ области новгородскаго культурнаго района. Эти соображенія заставляютъ придавать значеніе не-южнымъ чертамъ, застрявшимъ въ былинѣ о каликахъ, довольно однороднымъ въ рядѣ ея записей, а потому, весьма вѣроятно, восходящимъ къ первоначальному виду пѣсни, тѣмъ болѣе, что детали эти—имена собственныя, географическія, оказывающіяся, какъ извѣстно, элементомъ довольно устойчивымъ въ былинномъ текстѣ, особенно если имена эти не шаблонны и не принадлежатъ къ ходячимъ и общеупотребительнымъ. А таковы именно детали и имена въ нашей былинѣ: Ефимьева пустынь, Боголюбовъ монастырь (откуда идутъ калики въ Іерусалимъ), рѣка Черега (гдѣ Владиміръ встрѣчается съ каликами) указываютъ на сѣверный районъ: названная пустынь, скорѣе всего,—Спасо-Евфиміевъ монастырь, находящійся въ 20 верстахъ отъ Вологды; Боголюбовъ монастырь — знаменитый суздальскій, близь г. Владимира, а рѣку Черегу найдемъ близъ Новагорода (она прославилась еще въ XII в. битвой между Мстиславомъ Изяславичемъ и знаменитымъ по „Слову о полку Игоревѣ“ Всеславомъ Полоцкимъ). Этотъ намекъ на сѣверное происхожденіе былины, заключающійся въ только что отмѣченныхъ названіяхъ, получаетъ значительное себѣ подтвержденіе въ источникѣ былинной фабулы, недавно только ставшемъ извѣстнымъ. Найденный лѣтъ двадцать тому назадъ отрывокъ мѣстной, повидимому, торжковской (Тверской губ.) лѣтописи, сообщающій извѣстія, относящіяся къ 1163-му и 1329-му годамъ, содержитъ въ себѣ, какъ разъ, запись о путешествіи въ Іерусалимъ 40 новгородскихъ каликъ. Вотъ въ немногихъ словахъ этотъ разсказъ лѣтописной замѣтки. Въ 1163-мъ году при новгородскомъ архіепископѣ Іоаннѣ и при великомъ князѣ Ростиславѣ изъ Новагорода отъ святой Софіи ходили въ Іерусалимъ сорокъ мужей ко гробу Господню. Поклонившись святому гробу, получивши благословеніе отъ патріарха и собравши святыя мощи, вернулись они въ Новгородъ, передали

часть привезенной ими святыни св. Софіи, пошли въ Старую Русу, Торжокъ, гдѣ также роздали по церквамъ святыню, за что имъ былъ данъ прокормъ отъ церквей, имъ и ихъ потомкамъ на вѣки. Въ 1329-мъ году пришелъ въ Торжокъ князь великій Иванъ Даниловичъ (Калита), его встрѣтили „притворяне" (т. е. жившіе при церкви калики, потомки тѣхъ, которые въ XII в. ходили въ Іерусалимъ) торжковскаго собора съ чашей, которую принесли еще въ 1163-мъ г. калики, съ просьбой: „Напой, накорми нищихъ своихъ". Князь принялъ отъ нихъ чашу, поставилъ себѣ на темя (вѣроятно, въ освященіе себѣ отъ святыни) и въ благодарность назначилъ „притворянамъ" прокормъ на вѣчныя времена. Повидимому, неизвѣстный авторъ (вѣка приблизительно XIV—XV-го) этой лѣтописной замѣтки закрѣпилъ записью мѣстное новгородское преданіе о каликахъ, видимо, широко распространенное (онъ выразился такъ: „себѣ на вѣки славы укупиша", конечно тѣмъ, что они ходили во св. Землю и принесли оттуда святыни). Сходство этого преданія съ тѣмъ, которое лежитъ въ основѣ былины, несомнѣнно, даже въ отдѣльныхъ подробностяхъ: число каликъ—то же, такъ же они просятъ милостыни у великаго князя, такъ же какую-то роль играетъ здѣсь кубокъ. Что подобное преданіе могло существовать и быть популярнымъ, едва ли нуждается въ объясненіи: достаточно припомнить роль паломничества въ древней Руси, напомнить, что оно было особенно интенсивно именно изъ области стараго Новагорода. Поэтому вполнѣ вѣроятнымъ представляется предположеніе, что наша былина имѣетъ въ основѣ мѣстное новгородское преданіе, его обработала въ пѣсню; въ такомъ случаѣ понятны и тѣ мѣстныя черты въ ней, о которыхъ была рѣчь раньше, а потому черты южныя, въ ней встрѣченныя, придется признать слѣдствіемъ включенія ея въ такъ называемый кіевскій циклъ, т.-е., чертами не первоначальными, а уже вторичными. Такимъ образомъ, можно признать новгородское происхожденіе былины о сорока каликахъ весьма вѣроятнымъ.

Что касается ближайшаго содержанія нашей былины, то слѣдуетъ отмѣтить присутствіе въ ней и другого источника: по общей

схемѣ она напоминаетъ извѣстные два эпизода изъ популярной на Руси библейской исторіи Іосифа Прекраснаго, объ Іосифѣ и женѣ Пентефрія и эпизодъ съ чашей и братьями: эти разсказы и слѣдуетъ считать тѣмъ источникомъ, при помощи котораго обработано въ художественно-поэтическую форму преданіе о новгородскихъ каликахъ XII вѣка. Весьма вѣроятнымъ представляется при дальнѣйшей обработкѣ фабулы вліяніе и другихъ источниковъ; нѣкоторые изъ нихъ и могутъ быть намѣчены. Такъ, обращаютъ на себя вниманіе имена каличьяго „атамана", котораго былина по разнымъ записямъ называетъ различно, но наиболѣе устойчивыми именами слѣдуетъ принять два: Касьяна и Михаила. Первое имя (какъ и второе, замѣнившее теперь намъ неизвѣстное имя въ первоначальной былинѣ) приводится въ связь съ какимъ-либо житіемъ св. Касьяна, скорѣе всего грека Касьяна, подвизавшагося около г. Углича въ XV вѣкѣ († 1504) и основавшаго здѣсь на рѣкѣ Учмѣ монастырь, т.-е., и здѣсь придется видѣть отзвукъ опять-таки сѣвернаго преданія. Второе имя—Михаила—можетъ получить свое объясненіе также изъ книжнаго источника—также житія святого: такимъ могъ быть св. Михаилъ Черноризецъ (XI в.), житіе котораго въ переводѣ съ греческаго было извѣстно давно (съ XIV—XV в.) у насъ: въ житіи этого святого разсказывается эпизодъ, совершенно аналогичный съ тѣмъ, какой мы знаемъ изъ былины о Михаилѣ, каличьемъ атаманѣ, или въ исторіи Іосифа и жены Пентефрія (откуда ведетъ свое происхожденіе и былинный эпизодъ и житійный). При этомъ сопоставленіи былиннаго „атамана" съ упомянутыми святыми нельзя не обратить вниманія на то, что этотъ „атаманъ" каликъ въ былинѣ обрисовывается очень близкимъ по типу къ святому:

А и дунулъ (Касьянъ) духомъ святымъ своимъ,
Оградилъ ее (Апраксу) святой рукой,

говоритъ про него былина.

Остальное въ содержаніи былины слѣдуетъ отнести на долю отраженія въ ней русской бытовой дѣйствительности въ ея про-

шломъ: самый типъ каликъ,—не нищихъ, не убогихъ тѣломъ, а здоровыхъ, сильныхъ людей,—вполнѣ соотвѣтствуетъ древне-русскому каликѣ того времени, когда путешествіе въ далекую Палестину было, дѣйствительно, подвигомъ, требовавшимъ и физическихъ, и духовныхъ силъ; „уставъ", который придавалъ характеръ организаціи каличьей толпѣ, также соотвѣтствуетъ той организованности, которую мы видимъ и на дѣлѣ среди каликъ древней Руси, даже „законодательнымъ" путемъ опредѣлявшей исключительныя юридическія права калики, какъ „церковнаго" человѣка (такъ наз. „Уставъ св. Владимира").

Наконецъ, что касается среды, гдѣ сложилась наша былина, то вопросъ о ней рѣшается типомъ тѣхъ же каликъ: это не нищіе убогіе или калѣки, и не только, какъ мы видѣли, сильные, здоровые паломники древней Руси, но и богатыри: отъ ихъ „зычнаго" голоса, которымъ они просятъ Христовой милостыни (это входитъ въ число обѣтовъ паломническихъ), конь Владимира падаетъ на заднія ноги, калики по-богатырски расправляются съ не умѣвшимъ деликатно повести дѣло о чарочкѣ богатыремъ Алешей и т. д. Такой типъ калики не могъ бы имѣть мѣста въ былинѣ, если бы сама былина слагалась въ средѣ „божіихъ", убогихъ людей—обычныхъ нищихъ каликъ: она сложилась въ той же средѣ, гдѣ и другія былины, въ томъ числѣ и былины богатырскаго характера, и въ то время, когда помнили и знали еще старый типъ калики. Когда же сложилась наша былина, опредѣленно сказать, разумѣется, трудно: она, обработавшая мѣстное старое преданіе XII вѣка, въ томъ видѣ, какъ мы ее теперь знаемъ, получила сравнительно позднюю окраску (напр., имена, пріуроченіе къ Кіеву) и стерла первоначальныя черты, которыя могли бы дать опору для точной ея хронологіи.

СОРОКЪ КАЛИКЪ СО КАЛИКОЮ.

А изъ пустыни было Ефимьевы [1],
Изъ монастыря изъ Боголюбова [2]
Начинали калики наряжатися
Ко святому граду Іерусалиму,
Сорокъ каликъ ихъ со каликою: 5
Становилися во единой кругъ,
Они думали думушку единую,
А едину думушку крѣпкую,
Выбирали большого атамана,
Молода Касьяна сына Михайлыча. 10
А и молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Кладетъ онъ заповѣдь великую
На всѣхъ тѣхъ дородныхъ молодцовъ:
„А идтить намъ, братцы, дорога не ближняя,
„Идти будетъ ко городу Іерусалиму, 15
„Святой святынѣ помолитися,
„Господню гробу приложитися,
„Во Ердань-рѣкѣ искупатися,
„Нетлѣнной ризой утеретися;
„Идти селами и деревнями, 20

---

[1] Вѣроятно, имѣется въ виду Сынженскій Спасо-Евфиміевскій монастырь въ Кадниковскомъ уѣздѣ, Вологодской губ., въ 20 вер. отъ Вологды.

[2] Вѣроятно, имѣется въ виду знаменитый Суздальскій Боголюбовъ монастырь (при с. Боголюбовѣ, въ 10 вер. отъ Владимира на Клязьмѣ).

„Городами тѣми съ пригородками.
„А въ томъ-то вѣдь заповѣдь положена:
„Кто украдетъ, или кто солжетъ,
„Али кто пустится на женской блудъ,
„Не скажетъ большому атаману, 25
„Атаманъ про то дѣло провѣдаетъ,
„Едина оставить во чистомъ полѣ
„И окопать по плеча во сыру землю".
И въ томъ-то вѣдь заповѣдь подписана,
Бѣлыя рученьки исприложены: 30
„Атаманъ Касьянъ сынъ Михайловичъ,
„Подъатаманье, братъ его родной,
„Молодой Михайла Михайловичъ".
Пошли калики во Ерусалимъ градъ.
А идутъ недѣлю уже споряду [1], 35
Идутъ уже время не малое,
Подходятъ уже они подъ Кіевъ градъ,
Сверхъ тое рѣки Череги [2],
На его потѣшныхъ на островахъ,
У великаго князя Владимира. 40
А и вышли они изъ раменья [3],
Встрѣчу имъ-то Владимиръ князь:
Ѣздитъ онъ за охотою,
Стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ малыхъ уточекъ, 45
Лисицъ, зайцевъ всѣхъ поганиваетъ.
Пригодилося ему ѣхати по близости;
Завидѣли его калики тутъ перехожіе,
Становилися во единой кругъ,
Клюки-посохи въ землю потыкали, 50

---

[1] Подрядъ, сплошь.

[2] Рѣка близъ Новгорода (здѣсь была битва между Мстиславомъ Изяславичемъ и Всеславомъ Полоцкимъ въ XII в.).

[3] Раменье — лѣсъ, сосѣдній съ полями, съ пашней, иногда—мѣшаный лѣсъ вообще (Даль).

А и сумочки исповѣсили;
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ,
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали,
Подъ княземъ конь окорачился [1], 55
А богатыри съ коней попадали,
А Спиря сталъ поспиривать,
Сема сталъ пересемывать [2].
Едва пробудится Владимиръ-князь,
Разсмотрѣлъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ; 60
Они-то ему поклонилися,
Великому князю Владимиру,
Прошаютъ у него святую милостыню,
А и чѣмъ бы молодцамъ душа спасти.
Отвѣчаетъ имъ ласковой Владимиръ князь: 65
„Гой вы еси, калики перехожіе!
„Хлѣбы съ нами завозные [3],
„А и денегъ со мною негодилося [4]:
„А и ѣзжу я, князь, за охотою—
„За зайцами и за лисицами, 70
„За соболи и за куницами,
„И стрѣляю гусей, бѣлыхъ лебедей,
„Перелетныхъ малыхъ уточекъ;
„Изволите вы идти во Кіевъ градъ
„Ко душѣ княгинѣ Апракеѣвнѣ: 75
„Честна роду дочь, королевична,
„Напоитъ, накормитъ васъ, добрыхъ молодцовъ,
„Надѣлитъ вамъ въ дорогу злата, серебра“.
Не долго калики думу думали,
Пошли ко городу ко Кіеву. 80

---

[1] Сѣлъ на заднія ноги; ср. окарачь.
[2] Оба стиха — прибаутка.
[3] Привозный, здѣсь—взятый на дорогу, только про себя.
[4] Не случилось, нѣтъ.

А и будутъ въ городѣ Кіевѣ
Середи двора княженецкаго,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки исповѣсили,
Подсумочья рыта [1] бархата; 85
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ,
Съ теремовъ верхи повалялися,
А съ горницъ охлопья попадали,
Въ погребахъ питья всколебалися.
Становилися во единой кругъ, 90
Прошаютъ святую милостыню
У молоды княгини Апраксѣвны.
Молода княгиня испужалася,
А и больно она передрогнула,
Посылаетъ стольниковъ и чашниковъ 95
Звать каликъ во свѣтлу гридню.
Пришли тутъ стольники и чашники,
Бьютъ челомъ, поклоняются
Молоду Касьяну Михайлову
Со своими его товарищами: 100
Хлѣба ѣсть во свѣтлу гридню
Къ молодой княгинѣ Апраксѣвнѣ.
А и тутъ Касьянъ не ослушался,
Походилъ во гридню во свѣтлую,
Спасову образу молятся, 105
Молодой княгинѣ поклоняются.
Молода княгиня Апраксѣвна,
Поджавъ ручки, будто турчаночки,
Со своими нянюшки и мамушки,
Съ красными сѣнными дѣвушки; 110
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ,
Садился въ мѣсто большее;

---

[1] Пушистый или, м. б., узорочный (Даль).

Отъ лица его молодецкаго,
Какъ бы отъ солнышка отъ краснаго,
Лучи стоятъ великіе. 115
Убирались тутъ всѣ добры молодцы
А и тѣ калики перехожіе
За тѣ столы убраные,
А и стольники, чашники
Поворачиваютъ, пошевеливаютъ 120
Своихъ они приспѣшниковъ,
Понесли-то яства сахарныя,
Понесли питья медвяныя.
А и тѣ калики перехожіе
Сидятъ за столами убраными, 125
Убираютъ яства сахарныя,
А и тѣ вѣдь пьютъ питья медвяныя,
И сидятъ они время, часъ другой,
Во третьемъ часу подымалися,
Подымавши [1] они Богу молятся, 130
За хлѣбъ за соль бьютъ челомъ
Молодой княгинѣ Апраксѣвнѣ
И всѣмъ стольникамъ и чашникамъ;
И того они еще ожидаючи
У молодой княгини Апраксѣвны, 135
Надѣлила-бъ на дорогу златомъ, серебромъ,
Сходить бы во градъ Іерусалимъ.
А у молодой княгини Апраксѣвны
Не то въ умѣ, не то въ разумѣ:
Пошлетъ Алешеньку Поповича 140
Атамана ихъ уговаривати
И всѣхъ каликъ перехожіихъ,
Чтобъ не идти бы имъ сего дня и сего числа.
И сталъ Алеша уговаривати

---

[1] Т.-е. поднявшись.

Молода Касьяна Михайловича, 145
Зоветъ къ княгинѣ Апраксѣвнѣ
На долгіе вечеры посидѣти,
Забавныя рѣчи побаити,
А спдѣть бы наединѣ во спальнѣ съ ней.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ, 150
Замутилось его сердце молодецкое,
Отказалъ онъ Алешѣ Поповичу:
Не идетъ на долгіе вечеры
Къ молодой княгинѣ Апраксѣвнѣ
Забавныя рѣчи баити. 155
На то княгиня осердилася,
Посылаетъ Алешеньку Поповича,
Прорѣзать бы его суму рыта бархата,
Запихать бы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на пріѣздѣ пьетъ. 160
Алеша-то догадливъ былъ,
Распоролъ суму рыта бархата,
Запихалъ чарочку серебряну
И зашивалъ гладехонько,
Что познать было не можно. 165
Съ тѣмъ калики и въ путь пошли,
Калики съ широка двора,
Съ молодой княгиней не прощаются,
А идутъ калики, не оглянутся.
И верстъ десятокъ отошли они 170
Отъ стольнаго города Кіева,
Молода княгиня Апраксѣвна
Посылаетъ Алешу въ погонь за нимъ [1].
Молодой Алеша Поповичъ младъ
Настигъ каликъ во чистомъ полѣ. 175
У Алеши вѣжество нерожденное [2]:

---

[1] За ними.
[2] Не прирожденное (какъ, напр., у Добрыни).

Онъ сталъ съ каликами здорити,
Обличаетъ ворами, разбойниками:
„Вы-то, калики, бродите по міру по крещеному,
„Кого окрадете, своимъ зовете! 180
„Покрали княгиню Апраксѣвну,
„Унесли вы чарочку серебряну,
„Которой чарочкой князь на пріѣздѣ пьетъ“.
А въ томъ калики не даются ему,
Молоду Алешѣ Поповичу, 185
Не давались ему на обыскѣ себѣ.
Поворчалъ Алешенька Поповичъ младъ,
Поѣхалъ ко городу Кіеву,
И такъ пріѣхалъ во стольной Кіевъ градъ.
Во то же время и во тотъ же часъ 190
Пріѣхалъ князь изъ чиста поля,
И съ нимъ Добрынюшка Никитичъ младъ;
Молода княгиня Апраксѣвна
Позоветъ Добрынюшку Никитича,
Посылаетъ за каликами, 195
За Касьяномъ Михайловичемъ.
Въ та поры Добрынюшка не ослушался:
Скоро поѣхалъ во чисто поле
(У Добрыни вѣжество рожденное и ученое),
Настигъ онъ каликъ во чистомъ полѣ; 200
Соскочилъ съ коня, самъ бьетъ челомъ:
„Гой еси, Касьянъ Михайловичъ!
„Не наведи на гнѣвъ князя Владимира,
„Прикажи обыскать калики перехожіе:
„Нѣтъ ли промежду васъ глупаго?“ 205
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Становилъ каликъ во единой кругъ,
И велѣлъ онъ другъ друга обыскивать
Отъ малаго до стараго,
Отъ стараго и до большаго лица, 210

До себя, Касьяна Михайловича.
Нигдѣ-то чарочка не явилася,
У молода Касьяна пригодилася.
Братъ его, молодой Михайло Михайловичъ,
Принимался за заповѣдь великую: 215
Закопали атамана по плеча во сыру землю,
Едина оставили во чистомъ полѣ
Молода Касьяна Михайловича;
Отдавали чарочку серебряну
Молоду Добрынюшкѣ Никитичу, 220
И съ нимъ написанъ виноватой тутъ
Молодой Касьянъ Михайловичъ.
Добрыня онъ поѣхалъ во Кіевъ градъ,
А и тѣ калики въ Іерусалимъ градъ.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ 225
Съ ними, калики, прощается.
И будетъ Добрынюшка въ Кіевѣ
У младой княгини Апраксѣвны,
Привезъ онъ чарочку серебряну,
Виноватаго назначено, 230
Молода Касьяна сына Михайлова.
А съ того время, часу захворала скорбью недоброю [1],
Слегла княгиня въ великое во гноище.
Ходили калики въ Іерусалимъ градъ,
Впередъ шли три мѣсяца; 235
А и будутъ въ градѣ Іерусалимѣ,
Святой святынѣ помолилися,
Господню гробу приложилися,
Во Ерданѣ-рѣкѣ искупалися,
Нетлѣнною ризою утиралися, 240
А все-то, молодцы, отправили [2]:

---

[1] Болѣзнью.
[2] Исполнили.

Служили обѣдни съ молебнами
За свое здравіе молодецкое,
По поклону положили за Касьяна Михайловича.
А и тутъ калики не замѣшкались, 245
Пошли ко городу Кіеву
И ко ласкову князю Владимиру.
А идутъ назадъ уже мѣсяца два,
На то мѣсто не угодили они,
Обошли маленько и сторонкою. 250
Его молода Касьяна Михайловича
Голосокъ наноситъ [1] помалехоньку;
А и тутъ калики остоялися,
А и мѣсто стали опознавать.
Подалися малехонько и увидѣли 255
Молода Касьяна сына Михайловича:
Онъ ручкой машетъ, голосомъ кричитъ.
Подошли удалы добры молодцы—
Въ началѣ атаманъ, родной братъ его—
Михайло Михайловичъ, 260
Пришли всѣ они, поклонилися,
Стали здравствовать.
Подаетъ онъ, Касьянъ, ручку правую,
А они-то къ ручкѣ приложилися,
Съ нимъ поцѣловалися, 265
И всѣ къ нему переходили.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Выскакивалъ изъ сырой земли,
Какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда,
А всѣ они, молодцы, дивуются 270
На его лицо молодецкое;
Не могутъ зрѣть добры молодцы,
А и кудри на немъ молодецкіе до самаго пояса:

---

[1] Доносится, доноситъ вѣтромъ.

И стоялъ Касьянъ не мало число,
Стоялъ въ землѣ шесть мѣсяцевъ 275
(А шесть мѣсяцевъ будетъ полгода).
Въ та поры пошли калики ко городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Дошли они до чудна креста Леванидова,
Становилися во единой кругъ, 280
Клюки-посохи въ землю потыкали,
И стоятъ калики потихохоньку.
Молодой Михайло Михайловичъ
Атаманомъ еще правилъ у нихъ;
Посылаетъ легкаго молодчика 285
Доложиться князю Владимиру:
„Прикажетъ ли идти намъ пообѣдати?“
Владимиръ князь пригодился въ домѣ,
Посылалъ онъ своихъ ключниковъ, ларечниковъ
Побить челомъ и поклонитися имъ-то, каликамъ, 290
Каликамъ пообѣдати,
И молоду Касьяну на особицу.
И тутъ ключники, ларечники
Пришли они къ каликамъ, поклонилися,
Бьютъ челомъ къ князю пообѣдати. 295
Пришли калики на широкой дворъ,
Середи двора княженецкаго
Поздравствовалъ ему Владимиръ князь,
Молоду Касьяну Михайловичу,
Взялъ его за бѣлы руки, 300
Повелъ во свѣтлу гридню.
А въ та поры молодой Касьянъ Михайловичъ
Спросилъ князя Владимира
Про молоду княгиню Апраксѣевну:
„Гой еси, сударь, Владимиръ князь! 305
„Здравствуетъ ли твоя княгиня Апраксѣевна?“
Владимиръ князь едва рѣчи выговорилъ:

— Мы де уже недѣлю, другу не ходимъ къ ней. —
Молодой Касьянъ тому не брезгуетъ,
Пошелъ со княземъ во спальню къ ней; 310
А и князь идетъ, свой носъ зажалъ,
Молоду Касьяну то ничто ему,
Никакого духу онъ не вѣруетъ.
Отворяли двери у свѣтлы гридни,
Раскрывали окошечки косящатыя; 315
Въ та поры княгиня прощалася [1],
Что нанесла рѣчь напрасную.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
А и дунулъ духомъ святымъ своимъ
На младу княгиню Апраксѣевну,— 320
Не стало у ней того духу, пропасти;
Оградилъ ее святой рукой,
Прощаетъ ее плоть женскую:
Захотѣлось ей—и пострадала она,
Лежала въ сраму полгода. 325
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Пошелъ ко князю Владимиру во свѣтлу гридню,
Помолился Спасову образу
Со своими каликами перехожими.
И сажалися за убраны столы, 330
Стали пить, ѣсть, потѣшатися.
Какъ будетъ день въ половину дня
А и тѣ калики напивалися,
Напивалися и наѣдалися;
Владимиръ князь убивается, 335
А калики-то въ путь наряжаются;
Проситъ ихъ тутъ Владимиръ князь
Пожить, побыть тотъ денекъ у себя.
Молода княгиня Апраксѣевна

---

[1] Попросила прощенія, покаялась.

Вышла изъ кожуха, какъ изъ пропасти, 340
Скоро она убиралася,
Убиралася и наряжалася,
Тутъ же къ нимъ къ столу пришла
Съ пяньками, съ мамками
И съ сѣнными красными дѣвицами, 345
Молоду Касьяну поклоняется
Безъ стыда, безъ сорому,
А грѣхъ свой на умѣ держитъ.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Тою рученькой правою размахиваетъ 350
По тѣмъ ѣствамъ сахарнымъ,
Крестомъ ограждаетъ и благословляетъ,
Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются.
Въ та поры молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Вынималъ изъ сумы книжку свою, 355
Посмотрѣлъ и число показалъ:
„Что много мы, братцы, пьемъ, ѣдимъ, прохлаждаемся,
„Уже третій день въ доходѣ идетъ [1],
„И пора намъ, молодцы, въ путь идти“.
Вставали калики на рѣзвы ноги, 360
Спасову образу молятся
И бьютъ челомъ князю Владимиру
Съ молодой княгиней Апраксѣевной
За хлѣбъ, за соль его,
И прощаются калики съ княземъ Владимиромъ 365
И съ молодой княгинею Апраксѣевною.
Собралися они и въ путь пошли
До своего монастыря Боголюбова,
И до пустыни Ефимьевы.
То старина, то и дѣянье. 370

---

[1] Идетъ къ концу.

69

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ

Обѣ пѣсни о Василіи Буслаевѣ принадлежатъ, особенно первая, къ довольно распространеннымъ среди сѣверныхъ репертуаровъ: до сихъ поръ первая записана болѣе, чѣмъ въ двадцати пяти варьянтахъ, вторая—въ пяти или шести; кромѣ того, извѣстно до десятка такъ называемыхъ контаминированныхъ текстовъ той и другой пѣсни. Типичная фигура „ушкуйника“ Василія Буслаева, вся обстановка, рисуемая былиной, и самая фабула, особенно первой пѣсни,—все это, взятое вмѣстѣ, не оставляетъ сомнѣнія въ мѣстномъ новгородскомъ происхожденіи самихъ пѣсенъ. При всемъ томъ, однако, историческая основа этихъ пѣсенъ, начиная съ личности самого Василія, до сихъ поръ не поддается точному опредѣленію. Самое имя Василія Буслаева не можетъ счесться вполнѣ увѣренно историческимъ, хотя оно и извѣстно изъ Никоновской лѣтописи, которая подъ 1171-мъ годомъ упоминаетъ о смерти новгородскаго посадника „Васка Буславича“; съ другой стороны, въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ, въ частности въ мѣстныхъ новгородскихъ, мы этого имени не находимъ, не находимъ его и въ спискахъ новгородскихъ посадниковъ (въ приложеніяхъ къ новгородскимъ лѣтописямъ); наконецъ, сама Никоновская лѣтопись, вообще обильная элементами, заимствованными изъ устной поэзіи, при этомъ какъ единственная, сохранившая упоминаніе о Василіи Буслаевѣ, не можетъ служить достаточно надежнымъ оправданіемъ историчности этого имени: она сама, какъ довольно поздняя по происхожденію (не ранѣе 40-хъ годовъ XVI вѣка), могла заимствовать это имя изъ былевого эпоса, назвавъ его посадникомъ (чѣмъ онъ, по былинѣ, быть не могъ), т. е., по своему осмысливши его роль, какъ героя разсказа, а затѣмъ, послѣдовательно уже, помѣстивъ его подъ тѣмъ или инымъ годомъ. Но это обстоятельство, само по себѣ, еще не указываетъ на позднее сравнительно происхожденіе, какъ имени, такъ и фабулы пѣсенъ о Василіи Бу-

слаевѣ: и то и другая могли восходить ко времени гораздо ранѣе XVI-го вѣка: бытовыя черты, отложившіяся въ былинѣ („ушкуйничество“ Василія, типъ его матери, богатой, независимой по положенію женщины, „братчины“, паломничество и др.), сложились въ Новгородѣ много ранѣе этого времени, а къ XVI-му вѣку уже отошли въ значительной степени въ область воспоминаній. Такого рода соображенія заставляютъ возводить сюжетъ былины о Василіи еще ко времени самостоятельности Новгорода, когда особенности этого оригинальнаго уклада общественной жизни вольнаго города еще были свѣжи въ памяти слагателей пѣсенъ, представляя, быть можетъ, еще живой интересъ современности: какой-либо (впрочемъ, оставшійся почему-то не отмѣченнымъ въ историческихъ записяхъ) случай столкновенія между населеніемъ Новгорода и дружиной одного изъ безпокойныхъ представителей его военной вольницы, окончившійся побоищемъ, и послужилъ отправной точкой для создателей первой пѣсни о Василіи Буслаевѣ; на почвѣ той же фабулы, рельефно обрисовывавшей типичнаго новгородскаго „ушкуйника“, при помощи другихъ, преимущественно ходячихъ въ эпосѣ, эпизодовъ, создалась и вторая пѣсня о Василіи Буслаевѣ.

Что же касается самихъ дошедшихъ до насъ пѣсенъ о Василіи Буслаевѣ, то на нихъ нельзя не замѣтить слѣдовъ болѣе поздней обработки старшихъ пѣсенъ, притомъ обработки опредѣленнаго времени, именно, XVI-го вѣка, а иногда и еще болѣе поздняго времени: такъ заставляютъ думать черты, характерныя для опричны XVI-го вѣка, отложившіяся на былинной характеристикѣ, какъ самого Василія, такъ и его ватаги, черты юродиваго—на образѣ Пилигримища, такія же черты времени на изображеніи самого погрома, учиненнаго Василіемъ, примиренія новгородскихъ „мужиковъ“ съ матушкой его, самая формулировка заклада и т. п.; на второй пѣснѣ—о поѣздкѣ Василія въ Іерусалимъ—не трудно замѣтить еще слѣды вліянія пѣсенъ уже XVII-го вѣка, именно, вліянія казацкаго элемента, а также и элементовъ литературы книжной, каковъ эпизодъ съ черепомъ, представляющій свое-

образный отзвукъ аналогичной статьи, встрѣчаемой обычно въ числѣ вводныхъ поученій въ нашихъ старыхъ Синодикахъ (помянникахъ), самая „программа“ путешествія, совпадающая даже въ выраженіяхъ съ подобными же формулами въ паломнической литературѣ и т. п. Всѣ эти слѣды обработки старшихъ пѣсенъ объясняются вполнѣ естественно изъ исторіи былевой пѣсни, для которой XVI-й вѣкъ, какъ мы знаемъ (ср. „Былины“, т. I, стр. XVII и сл.), съигралъ такую рѣшительную роль.

Эти отслоенія XVI-го вѣка, отчасти и слѣдующаго, настолько густо налегли на старшую основу пѣсенъ, что значительно затруднили, какъ мы то видѣли, выдѣленіе этой основы, къ тому же не поддающейся точному опредѣленію со стороны фактической исторіи, поскольку исторія эта намъ до сихъ поръ извѣстна. Этой же трудностью ближе подойти къ исторіи пѣсенъ о Василіи Буслаевѣ объясняются и попытки, съ которыми мы встрѣчаемся въ научной литературѣ, какова, напр.,—доказать, что самое имя Василія есть лишь псевдонимъ, подъ которымъ скрывается не кто иной, какъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный, и что главное содержаніе пѣсенъ о Василіи Буслаевѣ составляютъ событія эпохи Грознаго, именно: разгромъ имъ Новгорода (1570 г.), путешествіе Грознаго на богомолье въ Кирилловъ монастырь и его смерть. Такая попытка—перевести пѣсни о Василіи Буслаевѣ въ разрядъ „историческихъ“ пѣсенъ эпохи Грознаго — находитъ себѣ оправданіе именно въ этой интенсивной окраскѣ XVI-го вѣка, налегшей на былину; но попытка эта остается до сихъ поръ попыткой, недостаточно убѣдительной...

1. ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ И МУЖИКИ НОВГОРОДСКІЕ.

Въ славномъ великомъ Новѣградѣ,
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ, не перечился [1],
Со мужики новогородскими
Поперекъ словечка не говаривалъ.
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился [2],
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалося его житье-бытье
И все имѣніе дворянское; 10
Осталася матера вдова,
Матера Амелѳа Тимофеевна,
И осталося чадо милое,
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
Будетъ Васенька семи годовъ, 15
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелѳа Тимофеевна,
Учить его во грамотѣ:
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать: 20
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью [3] учить церковному:

---

[1] Спорилъ, перекорялся, ссорился за каждымъ словомъ (Даль).
[2] Т. е. преставился, скончался.
[3] Т. е. пѣнію.

Пѣтье Василью въ наукъ пошло.
А и нѣтъ у насъ такого пѣвца
Во славномъ Новѣгородѣ 25
Супротивъ Василья Буслаева!
Повадился вѣдь Васька Буслаевичъ
Со пьяницы, съ безумницы,
Съ веселыми, удалыми добрыми молодцы,
До-пьяна ужъ сталъ напиватися, — 30
А и ходя въ городѣ уродуетъ:
Котораго возьметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго задѣнетъ за ногу,
То изъ г.... ногу выломитъ; 35
Котораго хватитъ поперекъ хребта,
Тотъ кричитъ, реветъ, окорачь [1] ползетъ.
Пошла-то жалоба великая:
А и мужики новгородскіе,
Посадскіе, богатые 40
Приносили жалобу они великую
Матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимофеевнѣ
На того на Василья Буслаева;
А и мать-то стала его журить-бранить,
Журить-бранить, его на умъ учить. 45
Журьба Васькѣ не взлюбилася,
Пошелъ онъ, Васька, во высокъ теремъ,
Садился Васька на ременчатой слулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты,
Отъ мудрости слово поставлено: 50
„Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
„Валися къ Васькѣ на широкій дворъ, —
„Тотъ пей и ѣшь готовое
„И носи платье разноцвѣтное“.

---

[1] На четверенькахъ.

Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ 55
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частые переулочки.
Въ то время поставилъ Васька чанъ середи двора,
Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра. 60
Во славномъ было во Новѣградѣ
Грамотные люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Васькѣ на широкій дворъ
Къ тому чану зелена вина; 65
Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ,
Пришелъ онъ, Костя, на широкій дворъ;
Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ
(Въ половину было налито 70
Тяжела свинцу чебурацкаго [1],
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ),
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ,
Стоитъ тутъ Костя не шевельнется,
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся. 75
Говорилъ Василій, сынъ Буслаевичъ:
„Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
„А и будь ты мнѣ названой братъ,
„И паче мнѣ брата родимаго“.
А и мало время позамѣшкавши, 80
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей, дѣти боярскіе,
Пришли ко Васькѣ на широкой дворъ;
Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ
Тѣмъ молодцамъ сталъ радошенъ и веселешенекъ. 85

[1] М. б. отъ слова „чебурáкъ“: поволжское названіе тяжелой свинцовой шашки у бурлацкой лямки на ея хвостѣ; она захлестывается для тяги за подачу (на суднѣ) или за бичеву (на берегу) (Даль).

Пришли тутъ мужики Залѣшена:
И не смѣлъ Василій показатися къ нимъ.
Еще тутъ пришло семь братовъ Сбродовичи;
Собиралися, сходилися
Тридцать молодцовъ безъ единаго, 90
Онъ самъ Василій тридцатой сталъ;
Какой зайдетъ, убьютъ его,
Убьютъ его, за ворота бросятъ.
Послышалъ Васенька Буслаевичъ,
У мужиковъ новогородскіихъ 95
Канунъ [1] варенъ, пива ячныя;
Пошелъ Василій со дружиною,
Пришелъ во братчину въ Никольщину [2]:
„Не малу мы тебѣ [3] сыпь [4] платимъ:
„За всякаго брата по пяти рублевъ". 100
А за себя-то Василій даетъ пятьдесятъ рублевъ.
А и тотъ-то староста церковной
Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину;
А и зачали они тутъ канунъ варенъ пить,
А и тѣ-то пива ячныя. 105
Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ,
Бросился на царевъ кабакъ
Со своею дружиною хороброю;
Напилися они туто зелена вина,
И пришли во братчину въ Никольщину. 110
А и будетъ день ко вечеру,
Отъ малаго до стараго
Начали ужъ ребята боротися,
А въ иномъ кругу въ кулаки битися;

---

[1] Пиво, сваренное къ празднику.

[2] Братство Никольское, т.-е. община, группирующаяся при церкви Николы.

[3] Т. е. старостѣ, принимающему вклады.

[4] Доля въ складчинѣ.

Отъ тое борьбы отъ ребячія, 115
Отъ того бою отъ кулачнаго,
Началася драка великая;
Молодой Василій сталъ драку разнимать.
А иной дуракъ зашелъ съ носка [1],
Его по уху оплелъ [2]; 120
А и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ:
„Гой еси ты, Костя Новоторженинъ,
„И Лука, Моисей, дѣти боярскіе!
„Уже, Ваську, меня бьютъ".
Поскакали удалы добры молодцы, 125
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали;
Кричатъ, ревутъ мужики посадскіе. 130
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси вы, мужики новогородскіе!
„Бьюсь съ вами о великъ закладъ:
„Напущаюсь я на весь Новгородъ
„Битися, дратися, 135
„Со всею дружиною хороброю;
„Тако [3] вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ,
„Буду вамъ платить дани-выходы по смерть свою,
„На всякой годъ по три тысячи;
„А буде же я васъ побью, 140
„И вы мнѣ покоритеся,
„То вамъ платить мнѣ такову же дань".
И въ томъ-то договорѣ руки они подписали [4].

---

[1] Терминъ изъ борьбы: борцы берутъ другъ друга правыми руками за воротъ, а носкомъ лѣвой ноги стараются сбить на землю одинъ другого (Даль); здѣсь—въ смыслѣ: спереди.

[2] Ударилъ.

[3] Если.

[4] Собственноручно расписались.

Началась у нихъ драка-бой великая:
А мужики новгородскіе, 145
И всѣ купцы богатые,
Всѣ они вмѣстѣ сходилися,
На млада Васютку напущалися,
И дерутся они день до вечера;
Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ, 150
Со своею дружиною хороброю
Прибили они во Новѣгородѣ,
Прибили уже много до смерти;
А и мужики новгородскіе догадалися,
Пошли они съ дорогими подарки 155
Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимофеевнѣ:
— Матера вдова Амелѳа Тимофеевна!
— Прими у насъ дороги подарочки,
— Уйми свое чадо милое
— Василья Буславича. — 160
Матера вдова Амелѳа Тимофеевна
Принимала у нихъ дороги подарочки,
Посылала дѣвушку чернавушку
По того Василья Буслаева.
Прибѣжала дѣвушка чернавушка, 165
Сохватала Ваську во бѣлы руки,
Потащила къ матушкѣ родимыя,
Притащила Ваську на широкой дворъ.
А и та старуха неразмышлена [1],
Посадила въ погреба глубокіе 170
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми желѣзными,
Запирала замки булатными.
А его дружина хоробрая
Со тѣми мужики новгородскими 175

---

[1] Не думая долго.

Дерутся, бьются день до вечера;
А и та-то дѣвушка чернавушка
На Волхъ [1] рѣку ходила по воду,
А взмолятся ей тутъ добры молодцы:
— Гой еси ты, дѣвушка чернавушка! 180
— Не подай [2] насъ у дѣла у ратнаго,
— У того часу смертнаго. —
И тутъ дѣвушка чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово, 185
Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати
По тѣмъ мужикамъ новогородскіимъ,
Прибила ужъ много до смерти;
И тутъ дѣвка запыхалася,
Побѣжала ко Василью Буслаеву, 190
Срывала замки булатные,
Отворяла двери желѣзныя:
„А и спишь ли, Василій, или такъ лежишь?
„Твою дружину хорабрую
„Мужики новогородскіе 195
„Всѣхъ прибили, переранили,
„Булавами буйны головы пробиваны“.
Отъ сна Василій пробуждается,
Онъ выскочилъ на широкой дворъ.
Не попала палица желѣзная, 200
Что попала ему ось телѣжная,—
Побѣжалъ Василій по Новугороду,
По тѣмъ по широкимъ улицамъ.
Стоитъ тутъ старецъ Пилигримище,
На могучихъ плечахъ держитъ колоколъ, 205
А вѣсомъ тотъ колоколъ во триста пудъ;

---

[1] Волховъ.
[2] Т. е. не выдай.

Кричитъ тотъ старецъ Пилигримище:
— А стой ты, Васька, не попорхивай,
— Молодой глуздырь [1], не полетывай!
— Изъ Волхова воды не выпити, 210
— Во Новѣградѣ людей не выбити:
— Есть молодцовъ супротивъ тебя,
— Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ.—
Говорилъ Василій таково слово:
„А и гой еси, старецъ Пилигримище! 215
„А и бился я о великъ закладъ
„Со мужики новогородскими,
„Опричь почестнаго монастыря,
„Опричь [2] тебя, старца Пилигримища.
„Во задоръ войду,—тебя убью". 220
Ударилъ онъ старца во колоколъ
А и той-то осью телѣжною,
Качается старецъ, не шевельнется;
Заглянулъ онъ, Василій, старца подъ колоколомъ,
А и во лбѣ глазъ—ужъ вѣку нѣту. 225
Пошелъ Василій по Волхъ рѣкѣ,
А идетъ Василій по Волхъ рѣкѣ,
По той Волховой по улицѣ;
Завидѣли добрые молодцы,
А его дружина хорабрая, 230
Молода Василья Буслаева, —
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
У нихъ-то молодцовъ думушки прибыло:
Молодой Василій Буслаевичъ
Пришелъ-то молодцамъ на выручку; 235
Со тѣми мужики новогородскими
Онъ дерется, бьется день до вечера.

---

[1] Умникъ разумникъ, въ иронич. смыслѣ—дурень (какъ здѣсь).
[2] Кромѣ, не включая въ число борющихся.

А ужъ мужики покорилися,
Покорилися и помирилися:
Понесли онѣ записи крѣпкія 240
Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимофеевнѣ,
Насыпали чашу чистаго серебра,
А другую чашу краснаго золота;
Пришли ко двору дворянскому,
Бьютъ челомъ, покланяются: 245
— Осударыня матушка!
— Принимай ты дороги подарочки,
— А уйми свое чадо милое,
— Молода Василья со дружиною;
— А и ради мы платить 250
— На всякой годъ по три тысячи,
— На всякой годъ будемъ тебѣ носить:
— Съ хлѣбниковъ по хлѣбику,
— Съ калачниковъ по калачику,
— Съ молодицъ повѣнечное, 255
— Съ дѣвицъ повалечное [1],
— Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
— Опричь поповъ и дьяконовъ. —
Въ та поры матера вдова
Амелѳа Тимофеевна 260
Посылала дѣвушку чернавушку
Привести Василья со дружиною.
Пошла та дѣвушка чернавушка;
Бѣжавши та дѣвка запыхалася,
Нельзя пройти дѣвкѣ по улицѣ: 265
Что полтеи [2] по улицѣ валяются
Тѣхъ мужиковъ новогородскіихъ.
Прибѣжала дѣвушка чернавушка,

---

[1] Отъ валька, которымъ на плоту, когда полощутъ, бьютъ бѣлье; сборъ за мытье бѣлья на плоту, какъ „повѣнечное"—отъ вѣнца (на свадьбѣ).

[2] Полть—половина туши, вдоль разрубленной.

Сохватила Василья за бѣлы руки,
А стала ему разсказывати: 270
„Мужики пришли новогородскіе,
„Принесли они дороги подарочки,
„И принесли записи заручныя [1]
„Ко твоей сударынѣ матушкѣ,
„Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимофеевнѣ“. 275
Повела дѣвка Василья со дружиною
На тотъ на широкой дворъ,
Привела-то ихъ къ зелену вину;
А сѣли они, молодцы, во единый кругъ,
Выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина, 280
Со того уразу [2] молодецкаго
Отъ мужиковъ новогородскіихъ;
Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ:
— У мота и у пьяницы,
— У млада Васютки Буславича, 285
— Не упито, не уѣдено,
— Въ краснѣ хорошо не ухожено,
— А цвѣтного платья не уношено,
— А увѣчье на вѣкъ залѣзено [3]. —
И повелъ ихъ Василій обѣдати 290
Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимофеевнѣ.
Въ та поры мужики новогородскіе
Приносили Василью подарочки—
Вдругъ сто тысячей—
И за тѣмъ у нихъ мирова пошла: 295
А и мужики новгородскіе
Покорилися и сами поклонилися.

---

[1] Подписанныя, скрѣпленныя собственноручными подписями.
[2] Кажется: рана, увѣчье, пораженіе.
[3] Получено, добыто.

2. ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ МОЛИТЬСЯ ѢЗДИЛЪ.

Подъ славнымъ, великимъ Новымъ-городомъ,
По славному озеру по Ильменю
Плаваетъ, поплаваетъ сѣръ селезень,
Какъ бы ярой гоголь поныриваетъ:
А плаваетъ, поплаваетъ червленъ корабль 5
Какъ бы молода Василья Буславьевича,
А и молода Василья со его дружиною хороброю,
Тридцать удалыхъ молодцовъ:
Костя Никитинъ корму держитъ,
Маленькой Потаня на носу стоитъ, 10
А Василій-то по кораблю похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
„Свѣтъ, моя дружина хоробрая,
„Тридцать удалыхъ добрыхъ молодцовъ!
„Ставьте корабль поперекъ Ильменя, 15
„Приставайте, молодцы, ко Новугороду“.
А и тынками [1] къ берегу притыкалися,
Сходни [2] бросали на крутой бережокъ.
Походилъ тутъ Василій ко своему онъ двору дворянскому,
И за нимъ идетъ дружинушка хоробрая, 20
Только караулы оставили.

---

[1] Шестъ, багоръ.
[2] Мостки.

Проходитъ Василій Буслаевичъ
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимофеевнѣ, 25
Какъ вьюнъ около ея убивается [1],
Проситъ благословеніе великое:
„А свѣтъ ты, моя сударыня матушка,
„Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
„Дай мнѣ благословеніе великое: 30
„Идти мнѣ, Василью, въ Ерусалимъ-градъ
„Со своею дружиною хороброю,
„Мнѣ-ка Господу помолитися,
„Святой святынѣ приложитися,
„Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися". 35
Что взговоритъ матера Амелѳа Тимофеевна:
— Гой еси ты, мое чадо милое,
— Молоды Василій Буслаевичъ!
— То коли ты пойдешь на добрыя дѣла, 40
— Тебѣ дамъ благословеніе великое;
— То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
— И не дамъ благословенія великаго,
— А и не носи Василья сыра земля. —
Камень отъ огня разгорается, 45
А булатъ отъ жару растопляется,
Материно сердце распущается;
И даетъ она много свинцу, пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружіе долгомѣрное: 50
— Побереги ты, Василій, буйну голову свою. —
Скоро молодцы собираются
И съ матерой вдовой прощаются.
Походили они на червленъ корабль,

---

[1] Увивается? Ср. въ пѣсняхъ: „Вьюнъ на водѣ извивается".

Подымали тонки парусы полотняные, 55
Побѣжали по озеру Ильменю.
Бѣгутъ они ужъ сутки, другіе,
А бѣгутъ уже недѣлю, другую,—
Встрѣчу имъ гости корабельщики:
— Здравствуй, Василій Буслаевичъ! 60
— Куда молодецъ поизволилъ погулять? —
Отвѣчаетъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси вы, гости корабельщики!
„А мое-то вѣдь гулянье неохотное [1]:
„Съ молоду бито много, граблено, 65
„Подъ старость надо душа спасти.
„А скажите вы, молодцы, мнѣ прямого путя
„Ко святому граду Іерусалиму“.
Отвѣчаютъ ему гости корабельщики:
— А и гой еси, Василій Буслаевичъ! 70
— Прямымъ путемъ въ Ерусалимъ-градъ
— Бѣжать семь недѣль,
— А окольной дорогой полтора года.
— На славномъ морѣ Каспійскіемъ,
— На томъ острову на Куминскіемъ 75
— Стоитъ застава крѣпкая,
— Стоятъ атаманы козачіе:
— Не много, не мало ихъ — три тысячи;
— Грабятъ бусы [2], галеры,
— Разбиваютъ червлены корабли. — 80
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
„А не вѣрую я, Васюнка, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
„А и вѣрую въ свой червленой вязъ.
„А бѣгите-ка, ребята, вы прямымъ путемъ“.
И завидѣлъ Василій гору высокую, 85

---

[1] Недобровольное.
[2] Буса — большая долбленая лодка, однодеревка.

Приставалъ скоро ко круту берегу;
Походилъ Василій, сынъ Буслаевичъ,
На ту ли гору Сорочинскую,
И за нимъ летятъ [1] дружина хоробрая.
Будетъ Василій въ полу-горѣ, 90
Тутъ лежитъ пуста голова,
Пуста голова, человѣчья кость;
Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
Провѣщится пуста голова человѣческая:
— Гой еси ты, Василій Буславьевичъ! 95
— Ты къ чему меня, голову, побрасываешь?
— Я, молодецъ, не хуже тебя былъ;
— Умѣю я, молодецъ, валятися:
— А на той горѣ Сорочинскія,
— Гдѣ лежятъ пуста голова, 100
— Пуста голова молодецкая,
— И лежать будетъ головѣ Васильевой".—
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ:
„Али, голова, въ тебѣ врагъ говоритъ,
„Или нечистой духъ". 105
Пошелъ на гору высокую, —
На самой сопкѣ [2] тутъ камень стоитъ,
Въ вышину́ три сажени печатныя,
А и черезъ его только топоръ подать,
Въ долину три аршина съ четвертью; 110
И въ томъ-то подпись подписана:
— А кто-де у каменя станетъ тѣшиться,
— А и тѣшиться, забавлятися,
— Вдоль скакать по каменю,
— Сломить будетъ буйну голову. — 115
Василій тому не вѣруетъ,

---

[1] Согласовано по смыслу, см. т. I, стр. 430.
[2] Сибирскій терминъ: вершина горы.

Приходилъ со дружиною хороброю;
Стали молодцы забавлятися,
Поперекъ того каменю поскакивати,
А вдоль-то его не смѣютъ скакать. 120
Пошли со горы Сорочинскія,
Сходятъ они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняны,
Побѣжали по морю Каспійскому
На ту на заставу корабельную, 125
Гдѣ-то стоятъ козаки разбойники,
А стары атаманы козачіе;
На пристани ихъ стоятъ сто человѣкъ.
А и молодой Василій на пристань сталъ [1],
Сходни бросали на крутъ бережокъ. 130
И скочитъ-то Буслай на крутъ бережокъ,
Червленымъ вязомъ попирается.
Туть караульщики, удалы добры молодцы,
Всѣ на караулѣ испужалися,
Много его не дожидаются, 135
Побѣжали съ пристани корабельныя
Къ тѣмъ атаманамъ козачіямъ.
Атаманы сидятъ, не дивуются [2],
Сами говорятъ таково слово:
— Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ, 140
— Не видали страху великаго.
— Это-де идетъ Василій Буславьевичъ:
— Знать-де полетка соколиная,
— Видѣть-де поступка молодецкая. —
Пошагалъ-то Василій со дружиною, 145
Гдѣ стоятъ атаманы козачіе;
Пришли они, стали во единой кругъ.

---

[1] Въ текстѣ: стань.
[2] Слѣд.: не надивуются.

Тутъ Василій имъ поклоняется,
Самъ говоритъ таково слово:
„Здравствуйте, атаманы козачіе! 150
„А скажите вы мнѣ прямого путя
„Ко святому граду Іерусалиму“.
Говорятъ атаманы козачіе:
— Гой еси, Василій Буслаевичъ!
— Милости тебя просимъ за единой столъ хлѣба кушати,— 155
Въ та поры Василій не ослушался,
Садился съ ними за единой столъ;
Наливали ему чару зелена вина въ полтора ведра;
Принимаетъ Василій единой рукой
И выпилъ чару единымъ духомъ; 160
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могутъ и по полу-ведра пить.
И хлѣба съ солью откушали,
Сбирается Василій Буслаевичъ
На свой червленъ корабль; 165
Даютъ ему атаманы козачіе подарки свои:
Первую мису чиста серебра
И другую красна золота,
Третью скатнаго жемчуга;
За то Василій благодаритъ и кланяется, 170
Проситъ у нихъ до Ерусалима провожатаго.
Тутъ атаманы Василью не отказывали,
Дали ему молодца провожатаго
И сами съ нимъ прощалися.
Собрался Василій на свой червленъ корабль 175
Со своею дружиною хороброю;
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по морю Каспійскому.
Будутъ они во Ердань-рѣкѣ,
Бросали якори крѣпкіе, 180
Сходни бросали на крутъ бережокъ.

Походилъ тутъ Василій Буслаевичъ,
Со своею дружиною хороброю,
Въ Ерусалимъ-градъ,
Пришелъ во церкву соборную, 185
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя, Василія Буславьевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему; 190
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Что съ молоду бито много, граблено;
И ко святой святынѣ приложился онъ,
И въ Ерданѣ-рѣкѣ искупался; 195
И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами;
И которые старцы при церкви живутъ,
Даетъ золотой казны не считаючи.
И походитъ Василій ко дружинѣ
Изъ Ерусалима на свой червленъ корабль; 200
Въ та поры его дружина хоробрая
Купалися во Ерданѣ-рѣкѣ;
Приходила къ нимъ баба залѣсная [1],
Говорила таково слово:
— Почто вы купаетесь во Ердань-рѣкѣ? 205
— А никому купатися, опричь Василья Буславльевича:
— Во Ерданѣ-рѣкѣ крестился самъ Господь Исусъ Христосъ;
— Потерять его вамъ будетъ большого
— Атамана Василья Буслаевича".
И они говорятъ таково слово: 210
„Нашъ Василій тому не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ".
И мало время поизойдучи,

---

[1] Значеніе не ясно: м. б. просто: неизвѣстная, какая-то, какъ живущая въ глуши, за лѣсомъ?

Пришелъ Василій ко дружинѣ своей,
Приказалъ выводить корабль
Изъ устья Ердань-рѣки; 215
Подняли тонки парусы полотняны,
Побѣжали по морю Каспійскому,
Приставали у острова Куминскаго.
Приходили тутъ атаманы козачіе,
И стоятъ всѣ на пристани корабельныя; 220
А и выскочилъ Василій Буслаевичъ
Изъ своего червленаго корабля,
Поклонились ему атаманы козачіе:
— Здравствуй, Василій Буслаевичъ!
— Здорово ли съѣздилъ въ Ерусалимъ-градъ?— 225
Много Василій не баетъ съ ними,
Подалъ письмо въ руку имъ,
Что много трудовъ за ихъ положилъ,
Служилъ обѣдни съ молебнами за ихъ молодцовъ.
Въ та поры атаманы козачіе 230
Звали Василія обѣдати,
И онъ не пошелъ къ нимъ;
Прощался со всѣми тѣми атаманы козачьими,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по морю Каспійскому къ Новугороду. 235
А и ѣдутъ недѣлю споряду,
А ѣдутъ уже другую,
И завидѣлъ Василій гору высокую Сорочинскую;
Захотѣлось Василію на горѣ побывать,
Приставали къ той Сорочинской горѣ, 240
Сходни бросали на ту гору.
Пошелъ Василій со дружиною,
И будетъ онъ въ полъ-горы,
И на пути лежитъ пуста голова, человѣчья кость.
Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь; 245
Провѣщится пуста голова:

— Гой еси ты, Василій Буслаевичъ!
— Къ чему меня, голову, попиныеаешь,
— И къ чему побрасываешь?
— Я, молодецъ, не хуже тебя былъ, 250
— Да умѣю валятися на той горѣ Сорочинскія.
— Гдѣ лежитъ пуста голова,
— Лежать будетъ и Васильевой головѣ. —
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ.
Взошелъ на гору высокую, 255
На ту гору Сорочинскую,
Гдѣ стоитъ высокой камень,
Въ вышину три сажени печатныя,
И черезъ него только топоромъ подать,
Въ долину три аршина съ четвертью; 260
И въ томъ-то подпись подписана:
— А и кто-де у каменя станетъ тѣшиться,
— А и тѣшиться, забавлятися,
— Вдоль скакать по каменю,
— Сломить будетъ буйну голову. — 265
Василій тому не вѣруетъ:
Сталъ со дружиною тѣшиться и забавлятися,
Поперекъ каменю поскакивати;
Захотѣлось Василью вдоль скакать:
Разбѣжался, скочилъ вдоль по каменю, 270
И не доскочилъ только четверти,
И тутъ убился подъ каменемъ.
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Тамъ Василья схоронили.
Побѣжала дружина съ той Сорочинской горы 275
На свой червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали ко Новугороду.
И будутъ у Новагорода,
Бросали съ носу якорь и съ кормы—другой, 280

Чтобы крѣпко стоялъ и не шатался онъ;
Пошли къ матерой вдовѣ къ Амелѳѣ Тимофеевнѣ,
Пришли и поклонилися,
Всѣ письмо въ руки подали.
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала, 285
Говорила таковы слова:
„Гой вы еси, удалы добры молодцы!
„У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего;
„Подите въ подвалы глубокіе,
„Берите золотой казны не считаючи“. 290
Повела ихъ дѣвушка чернавушка
Къ тѣмъ подваламъ глубокіимъ,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они къ матерой вдовѣ,
Взговорили таковы слова: 295
— Спасибо, матушка Амелѳа Тимофеевна!
— Что поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ. —
Въ та поры матера вдова Амелѳа Тимофеевна
Приказала наливать по чарѣ зелена вина;
Подноситъ дѣвушка чернавушка 300
Тѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ;
А и выпили они, сами поклонилися.
И пошли добры молодцы,
Кому куда захотѣлося.

СВЯТОГОРЪ

Ста́рины о Святогорѣ представляются нѣсколько своеобразными въ ихъ литературной исторіи сравнительно съ большинствомъ дошедшихъ до насъ былевыхъ пѣсенъ. Когда-то имъ приписывалось весьма важное значеніе въ смыслѣ одного изъ наиболѣе крупныхъ доказательствъ глубокой древности, миѳологичности нашего эпоса. Болѣе объективныя изслѣдованія послѣдующаго времени, старавшіяся намѣтить литературную исторію ста́ринъ о Святогорѣ, признали ихъ результатомъ гораздо болѣе поздняго времени, вскрыли въ нихъ отзвуки не только историческаго времени, но и литературныхъ заимствованій.

Дошедшіе до насъ пересказы былинъ о Святогорѣ обращаютъ на себя вниманіе прежде всего своей формой: даже наиболѣе сохранно передающіе содержаніе тексты ихъ представляютъ такъ называемыя „побывальщины", т.-е. прозаическій разсказъ, хотя и съ довольно отчетливо видимой ритмичностью рѣчи; объясненіе этому возможно двоякое: это — или результатъ забвенія старой стихотворной формы пѣвцами (въ чемъ, поэтому, представители старой школы изслѣдователей не прочь были видѣть еще одно изъ доказательствъ глубокой древности и самого содержанія сказаній о Святогорѣ); или же такую форму слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что самыя ста́рины о Святогорѣ слагались въ средѣ, уже утрачивавшей старое искусство былинной версификаціи, т.-е., въ сравнительно позднее время,—иначе сказать: эти ста́рины сами сложились въ эпоху паденія былинной традиціи. Литературная исторія сказаній о Святогорѣ въ томъ ея видѣ, какъ она теперь принимается въ наукѣ, заставляетъ признать второе предположеніе болѣе вѣроятнымъ.

Свойственные исключительно сѣвернымъ пѣсеннымъ репертуарамъ (Олонецкой и Архангельской губ.), сказанія эти встрѣчаются не часто: до сихъ поръ извѣстно ихъ не болѣе полутора десятка. По содержанію пересказы эти распадаются, главнымъ образомъ, на три группы: въ одной центръ разсказа составляетъ по-

дыманіе сумочки съ „земной тягой“, иногда кончающееся смертью богатыря, но всегда — неудачей; во второй — рѣчь идетъ о кончинѣ богатыря въ предназначенномъ ему судьбою гробѣ; къ третьей группѣ можно отнести разсказы о женитьбѣ Святогора и объ убіеніи имъ своей жены за ея невѣрность. Основными пересказами слѣдуетъ признать первыя двѣ группы, къ которымъ примыкаетъ въ качествѣ нарощенія третья, равно какъ и другіе второстепенные мотивы, встрѣчаемые и въ отдѣльныхъ пересказахъ первыхъ двухъ группъ: о встрѣчѣ съ Ильей Муромцемъ, упоминаніе объ отцѣ Святогора и др. Кромѣ того, пересказы эти, въ особенности сюжетъ о подыманіи сумочки, интересны тѣмъ, что въ устахъ сказителей связываются они не только съ именемъ Святогора, но также и другихъ, такихъ же рѣдко встрѣчающихся богатырей, каковы: Самсонъ-богатырь, Колыванъ, Аника-воинъ (одинъ изъ героевъ духовнаго стиха); мало того, что Святогоръ путается у сказителей съ этими лицами, появляющимися вмѣсто Святогора въ различныхъ пересказахъ, въ одномъ и томъ же пересказѣ встрѣчаемъ то Святогора, то Самсона или Колывана: ясно, что образы этихъ трехъ богатырей (въ общемъ не ярко очерченные въ сказаніяхъ о нихъ) близки другъ другу въ сознаніи разсказчиковъ. Наконецъ, останавливаетъ на себѣ вниманіе самое имя Святогора: оно, ясно, связано этимологически и въ представленіи слагателей съ какими-то „Святыми горами“; чудовищныхъ размѣровъ богатырь, при поѣздкѣ котораго земля колеблется, шатаются лѣса, изъ береговъ выступаютъ рѣки, можетъ жить только на горахъ, которыя, какъ мощныя по своему составу [1], однѣ могутъ держать громадную тяжесть богатыря, выносить его необъятную силу, въ сравненіи съ которой сила могучаго Ильи—ничтожество. Естественно возникаетъ вопросъ: съ какими „Святыми горами“ связанъ Святогоръ? Мы знаемъ такихъ „Святыхъ горъ“ въ качествѣ географическаго названія нѣсколько: Аѳонъ, двѣ мѣстности въ Псков-

[1] Въ извѣстномъ сказаніи о созданіи Адама, распространенномъ и въ книжной словесности, сообщается, что тѣло человѣка отъ земли, кости отъ камени; горы—это скелетъ земли. Образъ—аналогичный.

ской губ. (въ Опочецкомъ уѣздѣ, гдѣ Успенскій монастырь съ могилой Пушкина, и Псковскомъ у. — Псково-Печерскій мон.), въ Харьковской губ. (на Донцѣ) и др. Ближайшее изученіе содержанія былинъ о Святогорѣ-Колыванѣ-Самсонѣ можетъ дать на этотъ вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на происхожденіе самихъ былинъ, болѣе или менѣе опредѣленный отвѣтъ. Такого рода указанія даетъ сопоставленіе содержанія основныхъ сказаній о Святогорѣ съ народными сказаніями эстовъ и ливовъ, обработанными Крейвальдомъ подъ названіемъ „Калеви-поэгъ", т.-е. „сынъ Калевы", что̀ вполнѣ соотвѣтствуетъ прозвищу и нашего Святогора, который не только смѣшивается съ Колываномъ (а это имя въ нашемъ эпосѣ идетъ изъ финскаго эпоса: ср. старинное названіе г. Ревеля—Колывань), но даже получаетъ и самъ отчество „Колывановичъ", т.-е. также „сынъ Калевы", что̀ опять-таки роднитъ нашего Святогора съ эстонскимъ богатыремъ: имя же „Калева" происходитъ отъ финскаго слова Kallio, что̀ значитъ: гора, т.-е., и герой эстской народной саги такой же „горыничъ", какъ нашъ Святогоръ, такъ тѣсно связанный, какъ мы видѣли, съ горами.

Видимо, наши сказанія о Святогорѣ такъ же, какъ и эстскія о Калеви-поэгѣ, суть—по смыслу—сказанія о какихъ-то горахъ, ихъ происхожденіи, олицетворяемыхъ въ видѣ чудовищнаго образа богатыря-горы. И въ самомъ содержаніи сказаній о Калеви-поэгѣ можно уловить отдѣльныя точки соприкосновенія съ нашимъ Святогоромъ: и тотъ, и другой одинаково чудовищны по силѣ и по своимъ размѣрамъ; и тамъ, и здѣсь дѣйствіе происходитъ въ мѣстахъ, покрытыхъ горами и скалами; оба они прикрѣплены къ опредѣленной мѣстности: Калеви-поэгъ къ гористой части Эстляндіи около озера Пейпуса (оно же въ южной своей части — Псковское), Святогоръ — къ какимъ-то „Святымъ горамъ", на которыхъ онъ живетъ, отдыхаетъ, куда онъ возвращается изъ своей поѣздки съ Ильей, гдѣ у него иногда живетъ и отецъ. Все это, взятое вмѣстѣ, даетъ возможность предположить, что наши сказанія о Святогорѣ въ основѣ своей представляютъ обработку какого-либо эстскаго мѣстнаго преданія, жившаго на берегахъ Чудскаго озера,—обработку, позднѣе осложненную изъ

другихъ источниковъ. Такое предположеніе даетъ отвѣтъ и на поставленный выше вопросъ о „Святыхъ горахъ“, давшихъ свое имя русскому богатырю: это — Святыя горы въ Опочецкомъ или Псковскомъ уѣздѣ, лежащія какъ разъ на берегахъ или недалеко отъ того же Чудскаго озера. Въ результатѣ подобнаго разысканія получаемъ весьма правдоподобное предположеніе о происхожденіи нашихъ сказаній о Святогорѣ, теперь ясно, почему путающемся съ Колываномъ въ нашихъ пересказахъ: это — слѣдъ происхожденія основного сказанія отъ эстонскаго мѣстнаго преданія, локализированнаго на берегахъ Чудскаго озера, иначе, преданія, жившаго въ той мѣстности, гдѣ соприкасались и отчасти соприкасаются между собою народности финская и русская: русскія сказанія о Святогорѣ, слѣдовательно, взяли старое финское преданіе и превратили его въ русское, связавъ его съ той же приблизительно мѣстностью, извѣстной у насъ подъ названіемъ „Святыхъ горъ“. Такого рода происхожденіе русскаго былевого сказанія — не единственное въ исторіи нашего эпоса: мы знаемъ и другіе отзвуки финскаго эпоса въ нашемъ, напр., въ былинахъ о Садкѣ (ср. выше, стр. 24 — 25). Этимъ происхожденіемъ ста́ринъ о Святогорѣ объясняется и ихъ сравнительно небольшое распространеніе и сѣверное ихъ происхожденіе, а слѣдомъ отчасти и время ихъ появленія: оно никоимъ образомъ не можетъ счесться доисторическимъ. Въ согласіи съ такимъ генезисомъ ста́ринъ о Святогорѣ въ теперешнемъ ихъ видѣ стоятъ и другіе источники, отложившіеся на этихъ ста́ринахъ: вліяніе библейско-апокрифическихъ сказаній о Самсонѣ, давшихъ не только имя „двойнику“ Святогора Самсону-богатырю, но кое-что и изъ содержанія въ ста́ринахъ (такимъ источникомъ могъ быть текстъ т. н. „Исторической Палеи“, переводнаго сборника разсказовъ изъ ветхозавѣтной исторіи), заимствованіе или изъ духовнаго стиха объ Аникѣ-воинѣ, или изъ самого источника послѣдняго: „Прѣнія Живота со Смертію“ (эпизодъ съ похвальбой и съ сумочкой), наконецъ, разсказы о женитьбѣ Святогора, о его невѣрной женѣ, о женѣ, носимой въ ларцѣ — всѣ они восходятъ къ сказочнымъ мотивамъ, извѣстнымъ намъ и въ другихъ сочетаніяхъ.

1. ЖЕНИТЬБА СВЯТОГОРА.

Поѣхалъ Святогоръ путемъ-дорогою широкою, и по пути встрѣлся ему прохожій. Припустилъ богатырь своего добра коня къ тому прохожему, никакъ не можетъ догнать его: поѣдетъ во всю рысь, прохожій идетъ впереди; ступою [1] ѣдетъ, прохожій идетъ впереди. Проговоритъ богатырь таковы слова: „Ай же ты, прохожій человѣкъ, пріостановись не со множечко, не могу тебя догнать на добромъ конѣ". Пріостановился прохожій, снималъ съ плечъ сумочку и кладывалъ сумочку на сыру землю. Говоритъ Святогоръ богатырь: „Что у тебя въ сумочкѣ?" — А вотъ подыми съ земли, такъ увидишь. — Сошелъ Святогоръ съ добра коня, захватилъ сумочку рукою, не могъ и пошевелить; сталъ здымать обѣма руками, только духъ подъ сумочку могъ подпустить [2], а самъ по колѣна въ землю угрязъ. Говоритъ богатырь таковы слова: „Что это у тебя въ сумочку накладено? Силы мнѣ не занимать стать, а я и здынуть сумочку не могу". — Въ сумочкѣ у меня тяга земная.—„Да кто же ты есть, и какъ тебя именемъ зовутъ, звеличаютъ какъ по изотчинѣ?" — Я есть Микулушка Селяниновичъ. — „Ты еще скажи, Микулушка, повѣдай-ка, какъ мнѣ узнать судьбину Божію?" — А вотъ поѣзжай путемъ-дорогою прямоѣзжею до розстани [3], а отъ розстани сверни влѣво и пусти

---

[1] Шагомъ.

[2] Т. е. на столько, что образовалась столь незначительная щелочка между землей и сумкой, что можно только дунуть, а не просунуть что-либо.

[3] Перекрестокъ (дорогъ).

коня во всю прыть лошадиную, и подъѣдешь къ Сѣвернымъ горамъ. У тѣхъ у горъ, подъ великимъ деревомъ стоитъ кузница, и ты спроси у кузнеца про свою судьбину. — Поѣхалъ Святогоръ дорогою прямоѣзжею, отъ розстани свернулъ влѣво, пустилъ коня во всю прыть лошадиную: сталъ его добрый конь поскакивать, рѣки, моря перескакивать, широкія роздолья промежъ ногъ пускать. Ѣхалъ Святогоръ богатырь три дня и доѣхалъ до Сѣверныхъ горъ, до того до дерева великаго и до той кузницы: въ кузницѣ кузнецъ куетъ два тонкіихъ волоса. Говоритъ богатырь таковы слова: „А что ты куешь, кузнецъ?“ — Отвѣчаетъ кузнецъ:—Я кую судьбину, кому на комъ жениться.— „А мнѣ на комъ жениться?“ — А твоя невѣста въ царствѣ Поморскомъ, въ престольномъ во городѣ, тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ [1].—Стоитъ богатырь, пораздумался: „Дай-ка я поѣду въ тое царство Поморское и убью тую невѣсту“. Пріѣхалъ онъ къ царству Поморскому, ко тому ко городу ко престольному, пріѣзжалъ къ домишечку убогому, входитъ въ избу: никого нѣтъ дома, одна только дѣвка лежитъ во гноищѣ; тѣло у ней, точно еловая кора. Вынулъ Святогоръ богатырь пятьсотъ рублей и положилъ на столъ, и взялъ свой вострый мечь, и билъ ее мечемъ по бѣлой груди, а за тѣмъ и уѣхалъ изъ царства Поморскаго.

Проснулась дѣвка, смотритъ: съ нея точно еловая кора спала, а на столѣ лежитъ денегъ пятьсотъ рублей; и стала она красавицей: такой на свѣтѣ не видано, на бѣломъ не слыхано. На тыя деньги почала она торговать и наживала безсчетную золоту казну, строила кораблики червленые, накладала товары драгоцѣнные и поѣхала по славну по синю морю. Пріѣхала она ко городу великому на Святыхъ горахъ и стала продавать товары драгоцѣнные. Слухъ про нея красоту пошелъ по всему городу и по всему царству. Пришелъ и Святогоръ богатырь посмотрѣть на красавицу, — полюбилась она ему. Сталъ онъ ю сватать за себя,

---

[1] Куча навозу.

и она пошла за него замужъ. Какъ поженился на ней, и легли спать, увидѣлъ онъ рубчикъ на нея бѣлой груди и спрашивалъ жену: „Что у тебя за рубецъ на бѣлой груди?“ Отвѣчала ему жена:—Въ наше царство Поморское пріѣзжалъ невѣдомъ человѣкъ, оставилъ въ нашей избѣ денегъ пятьсотъ рублей, а я спала крѣпкимъ сномъ. Какъ проснулась: у меня рубецъ на бѣлой груди, и точно еловая кора спала съ бѣла тѣла; а до той поры-времени я лежала во гноищѣ цѣло тридцать лѣтъ. — Тутъ Святогоръ богатырь дозналъ, что отъ судьбины своей не уйдешь.

2. СВЯТОГОРЪ И ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.[1]

Наѣхалъ Илья въ чистомъ полѣ
На шатеръ бѣлополотняный:
Стоитъ шатеръ подъ великимъ сырымъ дубомъ,
И въ томъ шатрѣ кровать богатырская не малая:
Долиной кровать десяти саженъ, 5
Шириной кровать шести саженъ.
Привязалъ Илья добра коня къ сыру дубу,
Легъ на ту кровать богатырскую
И спать - заснулъ.
А сонъ богатырскій крѣпокъ: 10
На три дня и на три ночи.
На третій день услыхалъ его добрый конь
Великій шумъ съ-подъ сѣверныя сторонушки:
Мать сыра земля колыбается,
Темны лѣсушки шатаются, 15
Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.
Бьетъ добрый конь копытомъ о сыру землю,
Не можетъ разбудить Илью Муромца.
Проязычилъ конь языкомъ человѣческимъ:
„Ай же ты, Илья Муромецъ! 20
„Спишь себѣ, прохлаждаешься,

---

[1] Начало этой пѣсни составляетъ былина объ исцѣленіи Ильи и его выѣздѣ на подвиги (см. т. I, стр. 133 и сл).

„Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
„Ѣдетъ къ шатру Святогоръ богатырь.
„Ты спущай меня во чисто поле,
„А самъ полѣзай на сырой дубъ“. 25
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Спущалъ коня во чисто поле,
А самъ высталъ [1] на сырой дубъ.
Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облаку ходячую, 30
На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ.
Пріѣхалъ богатырь къ сыру дубу,
Снялъ съ плечъ хрустальный ларецъ,
Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ:
Выходитъ оттоль жена богатырская; 35
Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ
Не видано и не слыхано:
Ростомъ она высокая,
Походка у ней щапливая [2],
Очи яснаго сокола, 40
Бровушки черна соболя,
Съ платьица тѣло бѣлое.
Какъ вышла изъ того ларца, собрала на столъ:
Полагала скатерти браныя,
Ставила на столъ ѣствушки сахарныя, 45
Вынимала изъ ларца питьица медвяныя.
Пообѣдалъ Святогоръ богатырь
И пошелъ съ женою въ шатеръ прохлаждатися,
Въ разныя забавы заниматися.
Тутъ богатырь и спать-заснулъ. 50
А красавица жена его богатырская
Пошла гулять по чисту полю

---

[1] Влѣзъ.
[2] Мелкая, изящная, щегольская.

И высмотрѣла Илью въ сыромъ дубу.
Говоритъ она таковы слова:
— Ай же ты, дородный добрый молодецъ! 55
— Сойди-ка со сыра дуба,
— Сойди, любовь со мной сотвори;
— Буде не послушаешься,
— Разбужу Святогора богатыря
— И скажу ему, 60
— Что ты насильно меня въ грѣхъ ввелъ. —
Нечего дѣлать Ильѣ:
Съ бабой не сговорить,
А съ Святогоромъ богатыремъ не сладить;
Слѣзъ онъ съ того сыра дуба 65
И сдѣлалъ дѣло повелѣнное.
Взяла его красавица, богатырская жена,
Посадила къ мужу во глубокъ карманъ
И разбудила мужа отъ крѣпкаго сна.
Проснулся Святогоръ богатырь, 70
Посадилъ жену въ хрустальный ларецъ,
Заперъ золотымъ ключемъ,
Сѣлъ на добра коня
И поѣхалъ ко Святымъ горамъ.
Сталъ его добрый конь спотыкаться, 75
И билъ его богатырь плеткою шелковою
По тучнымъ бедрамъ,
И проговоритъ конь языкомъ человѣческимъ:
„Опережь [1] я возилъ богатыря да жену богатырскую,
„А нонь везу жену богатырскую и двухъ богатырей: 80
„Дивья[2] мнѣ спотыкатися!“
И вытащилъ Святогоръ богатырь
Илью Муромца изъ кармана,
И сталъ его выспрашивать,

---

[1] Прежде.
[2] Дивно-ли, не чудо.

Кто онъ есть, и какъ попалъ къ нему 85
Во глубокъ карманъ?...

Илья ему разсказалъ все по правдѣ, по истинѣ. Тогда Святогоръ жену свою богатырскую убилъ, а съ Ильей помѣнялся крестомъ и называлъ меньшимъ братомъ. [1]

---

[1] Дальше идетъ разсказъ, также частью съ разрушеннымъ стихомъ, о смерти Святогора (см. ниже, стр. 110).

3. СВЯТОГОРЪ И ТЯГА ЗЕМНАЯ.

Ѣздилъ-то Илья да по чисту полю,
Да наѣхалъ Илья на поленицу [1] тутъ.
И да ѣдутъ съ поленицей по чисту полю,
Да ударилъ е́го палицей по буйной главѣ,
Да ударилъ онъ тутъ во другіе разъ, 5
Да ударилъ онъ вѣдь тутъ да въ третій разъ;
И розгорѣлось у его сердце богатырско,
У тово ли у Самсона Святогора у бога́тыря́.
Далъ[2]-то-ко Илью да за бѣлы руки,
И положилъ-то-ко Илью да во карманъ къ себѣ, 10
И далъ-то-ко Илью да во карманѣ у себя.
Еще сталъ туто вѣдь конь да попинатися [3].
„Еще что ты туто, волчья сыть да травяной мѣшокъ!
„Еще что ты туто вѣдь да запинаешься,
„Еще развѣ ты невзгоду мнѣ-ка вѣдаешь?“ 15
И да провѣщился вѣдь конь язы́комъ человѣческимъ:
— Еще гдѣ мнѣ-ка возить да двухъ бога́тырей съ конемъ?—
И вынималъ туто Самсонъ [4] Илью да изъ кармана тутъ,
Да поѣхали съ Ильей да по Святымъ горамъ.
Еще сталъ Самсонъ-Святогоръ тутъ выспрашивать: 20

---

[1] Богатыря.
[2] Т.-е взялъ.
[3] Спотыкаться.
[4] Т.-е. Святогоръ; ср. ниже.

„Да велика ли въ тебѣ да еще сила есть?“
— Ай во мнѣ вѣдь еще сила небольшая есть:
— Еще только побиваю я вѣдь храбростью своей. —
„И да славные Илья да вѣдь ты Муромецъ!
„Да вѣдь во мнѣ-то сила да такая есть, 25
„Кабы въ земною-то обширности былъ столбъ,
„Да какъ былъ бы-то въ небесной вышинѣ,
„Да кабы было въ столбѣ въ этомъ кольцо,
„Поворотилъ бы я всю землю подвселенную“.
И поѣхали-то тутъ они да по Святымъ горамъ, 30
И наѣхали на тѣхъ они на Святыхъ горахъ,
Да лежитъ туто вѣдь двѣ сумы переметныя.
И говорилъ тутъ Самсонъ да таково слово:
„Ужъ ты славные Илья да ты Муромецъ!
„Сходи-ко ты Илья да со добра коня: 35
„И каки тутó лежатъ двѣ сумы переметныя?
„Поздымай-то ты сумы переметныя“.
Сходилъ-то-ко Илья да со добра коня:
И онъ примается за тѣ сумы за переметныя;
Еще тѣ ли сумы съ мѣста не здымаются. 40
Сходилъ-де вѣдь Самсонъ да со добра коня:
Еще самъ-то за сумы да принимается;
Еще тѣ ли-де сумы да съ мѣста не здымаются,
А всѣ жилы и суставы у Самсона роспущаются [1],
И по колѣну-то въ землю Самсонъ убирается [2]. 45

---

[1] Слабѣютъ.
[2] Уходитъ. „Тутъ Илья его и похоронилъ“, добавилъ пѣвецъ отъ себя.

4. СМЕРТЬ СВЯТОГОРА.

Ѣздилъ-то старъ [1] да по чисту полю,
Въѣхалъ старъ да на Святыя горы́,
Да наѣхалъ старъ да на богатыря:
А богатырь ѣдетъ на конѣ, да дремлетъ онъ.
„Что это за чудо есть? 5
„Сильные, могучіе богатыре [2]
„Могъ бы выспаться да во бѣломъ шатрѣ!“.
Да разъѣхался Илья Муромецъ,
Да ударилъ бога́тыря крѣпко-на-крѣпко.
Бога́тырь ѣде все впередъ. 10
„Ахъ да что я за сильныи богатыре?
„Отъ моей руки никакой богатырь не могъ на конѣ усидѣть.
„Дай-ка разъѣдусь во вторые разъ“.
Какъ разъѣхался Илья Муромецъ,
Да ударилъ крѣпко-на-крѣпко, 15
Богатырь ѣде все впередъ.
„Что это за чудо есть?
„Видно я ударилъ худо его“.
Какъ разъѣхался Илья да онъ вѣдь въ третій разъ,
Какъ ударилъ богатыря крѣпко-на-крѣпко, 20
Да ударилъ его плотно-на-плотно;

---

[1] Илья Муромецъ.

[2] Т. е. сильный, могучій богатырь. Окончанія измѣнены по ритмическимъ соображеніямъ.

Тутъ-то богатырь пробудился ото сна,
Хватилъ-то Илью да своей правою рукой,
Положилъ-то Илью да къ себѣ въ карманъ,
Возилъ-то Илью да двои суточки; 25
Да на третьи суточки конь и сталъ потыкатися,
У коня-то стали ножки подгибаться.
Какъ ударилъ Святогоръ да своего добраго коня:
—Что ты, конь, потыкаешься?—
Говорилъ-то конь таково слово: 30
„Какъ мнѣ-ка-ва да не поткнутися?
„Вожу я третьи суточки
„Двухъ сильніихъ могучіихъ богатырей,
„Третьяго вожу коня да богатырскаго“.
Тутъ Святогоръ вынималъ Илью да изъ кармана вонъ, 35
Но раздернули шатеръ бѣлополотняной,
Стали съ Ильей да опочивъ держать,
А побратались они крестами съ Ильей Муромцемъ,
Назвались они крестовыми братьями.
Но ѣздили, гуляли по Святымъ горамъ, 40
Съѣзжали-то они да со Святыхъ вѣдь горъ
На тѣ-ли на площади широкія,
На тѣ-ли лужки они зеленые.
Какъ увидѣли-то они чудо чудное,
Чудо чудное да диво дивное: 45
Какъ состроенъ стоитъ да вѣдь бѣлой гробъ.
Говорилъ-то Илья да таково слово:
„Ты послушай-ко, крестовой мой брателко,
„Для кого-жъ этотъ гробъ состроенъ есть?“
Соходили они да съ ко́ней добрыихъ, 50
Ложился-то Илья да во сей-отъ гробъ,
А Святогоръ-отъ говорилъ да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
— Не для тебя сей гробъ состроенъ есть.
— Дай-ка я вѣдь лягу да во сей-отъ гробъ.— 55
Дакъ легъ Святогоръ во сей гробъ спать,

Говорилъ Святогоръ да таково слово:
— Ты послушай-ка, крестовой мой ты брателко!
— Да закрой-ка дощечками дубовыми.—
Говорилъ-то Святогоръ да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовой мнѣ ты брателко! 60
— Хорошо здѣсь во гробѣ жить,
— Ну-тка, крестовой мой ты брателко,
— Открой-то дощечки дубовы.—
Какъ Илья Муромецъ сталъ открывать дощечки дубовыя, 65
Да не можетъ оторвать никакой доски.
„Да ты послушай-ка, крестовой ты мой брателко!
„Не могу я открыть никакой доски".
— Ты послушай-ка, крестовый ты мой брателко,
— Да Илья вѣдь Муромецъ! 70
— Бей-ка своей боевою-то палицею.—
Илья-то началъ палицей бить:
Куды ударитъ — туды обручи желѣзные.
Говорилъ-то Илья да таково слово:
„Да ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко! 75
„Куды ударю — туды обручи желѣзные".
Говорилъ-то Святогоръ да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
— Видно мнѣ-ка туто Богъ и смерть судилъ.—
Тутъ Святогоръ и помирать онъ сталъ, 80
Да пошла изъ его да пѣна вонъ.
Говорилъ Святогоръ да таково слово:
— Ты послушай-ка, крестовой ты мой брателко!
— Да лижи ты возьми вѣдь пѣну мою:
— Дакъ ты будешь ѣздить по Святымъ горамъ, 85
— А не будешь ты бояться богатырей,
— Ни какого сильнаго могучаго богатыря [1].—

---

[1] Пѣсня, повидимому, къ концу скомкана. Въ другихъ варіантахъ, Святогоръ въ щелочку передаетъ свой богатырскій духъ Ильѣ, хочетъ по третьему разу дунуть на него „мертвымъ" духомъ, но Илья догадывается и уклоняется, а Святогоръ умираетъ.

113

ИВАНЪ, ГОСТИНЫЙ СЫНЪ

Былина объ Иванѣ, гостиномъ (т. е. купеческомъ) сынѣ, не принадлежитъ къ числу распространенныхъ среди сказителей: единственный болѣе или менѣе сохранный текстъ пѣсни дошелъ до насъ въ старинной (XVIII вѣка) записи Кирши Данилова; кромѣ нея, извѣстны еще отрывки: одинъ, идущій изъ Новгородской губ., одинъ текстъ изъ Сибири и пять отрывковъ изъ Олонецкихъ репертуаровъ. По содержанію своему пѣсня объ Иванѣ, гостиномъ сынѣ, очень небогата, почти лишена дѣйствія въ лицѣ главнаго героя, который, хотя и именуется богатыремъ, однако, подвиговъ никакихъ не совершаетъ. Она обнаруживаетъ знакомство съ другими былинами въ отдѣльныхъ деталяхъ, между прочимъ съ той загадочной по происхожденію и судьбѣ былиной о поѣздкѣ богатырей въ Царьградъ, которая, не найденная до сихъ поръ въ живой передачѣ, сохранилась лишь въ записяхъ XVII и XVIII вѣковъ (т. н. „Богатырское слово“), быть можетъ, также съ пѣсней объ Алешѣ Поповичѣ и Тугаринѣ (ср. I, стр. 99): изъ первой былины идетъ, повидимому, указаніе на происхожденіе „воронка“, коня кн. Владимира (онъ полоненъ Ильей Муромцемъ у Тугарина), изъ второй—эпизодъ о поручительствѣ черниговскаго владыки за Ивана (какъ это находимъ въ двухъ варіантахъ послѣдней былины). Не чужда былина объ Иванѣ, гостиномъ сынѣ, также и точекъ соприкосновенія съ нашимъ сказочнымъ эпосомъ: изъ него, вѣроятно, идетъ самый образъ главнаго „героя“ былины—„бурочка-косматочка-троелѣточка“, котораго Иванъ долженъ, чтобы онъ могъ одолѣть Владимирова „воронка“, „водить по три зари, медвяною сытою поить, сорочинскимъ пшеномъ кормить“. Самая фабула былины, равно какъ и личность Ивана, гостинаго сына, ближайшимъ образомъ намъ не извѣстны: нигдѣ, кромѣ данной былины и „былевой пѣсни“ о томъ, какъ мать продала сына своего Ивана, гостинаго сына, корабельщикамъ за его непослушаніе и распутство, ни съ подобнымъ сюжетомъ, ни съ этимъ именемъ не встрѣчаемся.

Тѣмъ не менѣе пѣсня эта представляетъ довольно интересный фактъ въ средѣ нашихъ былинъ. Судя по помянутымъ выше вѣроятнымъ ея источникамъ, она должна быть признана довольно древней, во всякомъ случаѣ, едва ли моложе XVI—XVII вѣка; въ согласіи съ такимъ представленіемъ о времени возникновенія пѣсни стоятъ и тѣ архаичныя ея черты, которыя мы находимъ, какъ въ старѣйшей и лучшей ея записи (у Кирши), такъ и позднихъ ея текстахъ, сохранившихъ случайно черты старшихъ текстовъ, каково, напр., упоминаніе письменнаго договора о закладѣ, о корабельщикахъ-купцахъ на пиру у Владимира и о личномъ поручительствѣ владыки за Ивана, веденіе коня въ поводу (а не пріѣздъ на конѣ, какъ въ олонецкихъ варіантахъ, гдѣ т. о. послѣдующій эпизодъ—съ шубой—остается не мотивированнымъ) и т. п. Близость къ киршевскому тексту и относительная исправность сибирскаго варіанта даютъ возможность предположить и путь, какимъ шла былина въ своемъ распространеніи: изъ Олонецкаго края (гдѣ она къ нашему времени уже стала забываться и искажаться, судя по мѣстнымъ варіантамъ) она вмѣстѣ съ другими перешла на востокъ въ связи съ колонизаціей Сибири изъ стараго Новгородскаго края; а это опять-таки указываетъ на относительную древность самой пѣсни на ея прежнемъ мѣстѣ — нашемъ европейскомъ сѣверѣ. Дальнѣйшій анализъ дошедшихъ до насъ текстовъ былины объ Иванѣ, гостиномъ сынѣ, даетъ возможность сдѣлать также вѣроятное предположеніе и объ ея происхожденіи. Въ настоящемъ своемъ обликѣ ста́рина объ Иванѣ, гостиномъ сынѣ, носитъ на себѣ всѣ обычныя черты т. н. „кіевской“ былины: обычное начало съ пиромъ у князя Владимира, упоминаніе „южнаго“ владыки черниговскаго, задача состязанія — пробѣгъ отъ Кіева до Чернигова съ цифровымъ даже указаніемъ разстоянія между ними, корабельщики на Днѣпрѣ и т. д.; тѣмъ не менѣе говорить о „кіевскомъ“, южномъ происхожденіи былины, кажется, не приходится. Приведенная якобы „кіевская“ обстановка былины на дѣлѣ такого показательнаго значенія не имѣетъ при наличности другихъ чертъ, отнюдь не кіевскихъ, юж-

ныхъ, а скорѣе сѣверныхъ: начало былины — это обычное „общее“ мѣсто, переносимое изъ одной былины въ другую; да и самое пріуроченіе дѣйствія къ Кіеву, какъ извѣстно, далеко не всегда служитъ указаніемъ на южное происхожденіе самой былины, какъ это мы знаемъ, напр., относительно пѣсенъ о Вольгѣ (см. выше, стр. 6) или былины о сорока каликахъ (тамъ же, стр. 55). Упоминаніе о владыкѣ черниговскомъ для слагателя былины, для его времени, если оно когда-то и было воспоминаніемъ о древнемъ Черниговѣ, уже стало эпическимъ „общимъ“ мѣстомъ, съ представленіемъ о которомъ соединялась, самое большее, мысль о богатомъ старомъ городѣ, лежащемъ гдѣ-то не особенно далеко отъ Кіева; поэтому мы увидимъ, что герой-новгородецъ Ставръ пріѣзжаетъ въ Кіевъ изъ Чернигова, получаетъ его въ удѣлъ отъ кн. Владимира. Поэтому и роль самого владыки изъ ставшаго „эпическимъ“ Чернигова оказывается характерной не для южнаго іерарха, а скорѣе подобаетъ такому, который чувствовалъ себя лицомъ независимымъ по отношенію къ княжеской власти, былъ самъ по положенію лицомъ властнымъ; такимъ вѣдь является этотъ владыка не только въ нашей былинѣ: въ былинѣ объ Алешѣ и Тугаринѣ онъ становится на сторону богатыря противъ князей и бояръ, державшихъ малодушно руку княгининаго любимца Тугарина; въ спорѣ между Чурилой, на сторонѣ котораго — Владимиръ, онъ принимаетъ сторону Дюка: очевидно, образъ этого владыки въ представленіи слагателей рисуется, кромѣ того, протестующимъ. Всѣ эти черты даютъ право предполагать, что слагатели былинъ, если и говорятъ о черниговскомъ владыкѣ, на дѣлѣ мыслятъ образъ иной: а такимъ въ дѣйствительности былъ только одинъ русскій владыка — Новгородскій, положеніе и характеръ дѣятельности котораго даютъ именно такія черты: новгородскій владыка не только важная и вліятельная личность въ Новѣгородѣ, но и лицо, отстаивающее независимость свою и Новгорода противъ притязаній княжеской власти. Т. о., на дѣлѣ въ самой фабулѣ и окраскѣ былины не находимъ ничего, что обязывало бы относить ее къ югу Россіи. „Купец-

кій“ же характеръ Ивана, согласный съ его прозвищемъ — „гостиный“ сынъ, не особенно почетное положеніе Владимира, отказывающагося отъ выполненія обязательства, результатомъ чего властный владыка черниговскій велитъ захватить три корабля съ товарами заморскими, очевидно, въ обезпеченіе уплаты заклада,—все это указываетъ на Новгородъ съ его богатымъ, властнымъ, хвастливымъ купечествомъ (ср. соболиную шубу и отвѣтъ по поводу ея порчи конемъ Ивана), охочимъ до споровъ и закладовъ, гдѣ видную роль играютъ богатства (ср. Садка). Въ такъ наываемой „кіевской“ обстановкѣ пира у князя Владимира есть опять-таки черточка не кіевская: на пиру присутствуютъ купцы-корабельщики (что понятно въ торговомъ, славномъ своей заморской торговлей Новгородѣ); сынъ купеческій занимаетъ „мѣсто богатырское“. И любовь къ конскимъ состязаніямъ также не чужда былинамъ, отразившимъ на себѣ новогородскую жизнь: ср. аналогичный эпизодъ въ былинѣ о Вольгѣ и Микулѣ. Нельзя не отмѣтить и того, что̀ нашу былину роднитъ съ былиной, охотно культивировавшейся именно въ Новогородской области: она—не боевая, а былина „новелла“.

Т. о. въ былинѣ объ Иванѣ, гостиномъ сынѣ, можно предположить былину новогородскаго происхожденія, только обработанную въ типѣ былины кіевской; а такія обработки, и кромѣ этого, извѣстны намъ и въ другихъ случаяхъ, напр., въ упомянутыхъ былинахъ о сорока каликахъ, о Ставрѣ Годиновичѣ.

ИВАНЪ, ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго князя Владимира
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
На многи князи, бояра 5
И на русскіе могучіе богáтыри
И гости богатые.
Будетъ день въ половину дня,
Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
Владимиръ князь распотѣшился, 10
По свѣлой гриднѣ похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
— Гой еси, князи и бояра
— И всѣ русскіе могучіе богатыри!
— Есть ли въ Кіевѣ таковъ человѣкъ, 15
— Кто-бъ похвалился на триста жеребцовъ,
— На триста жеребцовъ и на три жеребца похваленые:
— Сивъ жеребецъ, да кологривъ [1] жеребецъ,
— И которой полоненъ воронко во Большой Ордѣ
— (Полонилъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ, 20
— Какъ у молода Тугарина Змѣевича):
— Изъ Кіева бѣжать до Чернигова

---

[1] Съ косматой, развалистой и богатой гривой.

— Два девяноста-то [1] мѣрныхъ верстъ,
— Промежъ обѣдней и заутренею?—
Какъ бы меньшой за большого хоронится, 25
Отъ меньшого ему тутъ князю отвѣту нѣту.
Изъ того стола княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
Выступается Иванъ, гостиной [2] сынъ,
И скочилъ на свое мѣсто богатырское, 30
Да кричитъ онъ, Иванъ, зычнымъ голосомъ:
„Гой еси ты, сударь, ласковый Владимиръ князь!
„Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ,
„А и быть передъ княземъ невольникомъ:
„Я похвалюсь на триста жеребцовъ, 35
„И на три жеребца похваленые:
„А сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
„Да третій жеребецъ, полоненъ воронко,
„Да которой полоненъ во Большой Ордѣ
„(Полонилъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ, 40
„Какъ у молода Тугарина Змѣевича):
„Ѣхать дорога не ближняя,
„И скакать изъ Кіева до Чернигова,
„Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
„Промежу обѣдни и заутрени, 45
„Ускоки [3] давать конины,
„Что выметывать [4] раздолья широкія.
„А бьюсь я, Иванъ, о великъ закладъ,
„Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ —
„О своей буйной головѣ“. 50
За князя Владимира держатъ поруки крѣпкія
Всѣ тутъ князи и бояра, туто-де гости-корабельщики.

---

[1] Т.-е. 180 верстъ.
[2] Купеческій.
[3] Скачки.
[4] То же, что перескакивать, пробѣгать, оставляя за собой.

Закладу они за князя кладутъ на сто тысячей;
А никто-де тутъ за Ивана поруки не держитъ,—
Пригодился тутъ владыка черниговской: 55
А и онъ-то за Ивана поруку держитъ,
Тѣ онъ поруки крѣпкія,
Крѣпкія на сто тысячей подписался.
Молодой Иванъ, гостиной сынъ,
Онъ выпилъ чару зелена вина въ полтора ведра, 60
Походилъ онъ на конюшню бѣлодубову
Ко своему доброму коню, къ бурочку,
Косматочку, троелѣточку,
Падалъ ему въ правое копытечко,
Плачетъ Иванъ, что̀ рѣка течетъ: 65
„Гой еси ты, мой добрый конь,
„Бурочко, косматочко, троелѣточко!
„Про то ты вѣдь не знаешь, не вѣдаешь,
„А пробилъ я, Иванъ, буйну голову свою
„Со тобою, добрымъ конемъ; 70
„Бился съ княземъ о великъ закладъ:
„А не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
„Бился съ нимъ о стѣ тысячей,
„Захвастался на триста жеребцовъ,
„И на три жеребца похваленые: 75
„Сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
„И третій жеребецъ, полоненъ воронко,
„Бѣгати, скакать на добрыхъ на коняхъ
„Изъ Кіева скакать до Чернигова,
„Промежу обѣдни, заутрени, 80
„Ускоки давать кониные,
„Что выметывать раздолья широкія“.
Провѣщится ему добрый конь бурочко,
Косматочко, трехлѣточко,
Человѣческимъ русскимъ языкомъ: 85
— Гой еси, хозяинъ ласковой мой!

— Ни о чемъ ты, Иванъ, не печалуйся:
— Сива жеребца того не боюсь,
— Кологрива жеребца того не блюдусь,
— Въ задоръ войду, — у воронка уйду. 90
— Только меня води по три зари,
— Медвяною сытою пои
— И сорочинскимъ пшеномъ корми.
— И пройдутъ тѣ дни срочные,
— И тѣ часы урочные, 95
— Придетъ отъ князя грозенъ посолъ
— По тебя-то Ивана гостинаго,
— Чтобы бѣгати, скакати на добрыхъ на коняхъ,
— Не сѣдлай ты меня, Иванъ, добра коня,
— Только берись за шелковъ поводокъ; 100
— Поведешь ко двору княженецкому,
— Вздѣнь на себя шубу соболиную,
— Да котора шуба въ три тысячи,
— Пуговки въ пять тысячей;
— Поведешь по двору княжнецкому, 105
— А стану-де я, бурко, передомъ ходить,
— Копытами за шубу посапывати [1],
— И по черному соболю выхватывати,
— На всѣ стороны побрасывати,—
— Князи, бояра подивуются; 110
— И ты будешь живъ — шубу наживешь,
— А не будешь живъ, будто нашивалъ.—
По сказаному и по писанному:
Отъ великаго князя посолъ пришелъ,
А зоветъ-то Ивана на княженецкой дворъ. 115
Скоро-де Иванъ наряжается,
И вздѣлъ на себя шубу соболиную,
Которой шубѣ цѣна три тысячи,

---

[1] То же, что̀ похватывать.

А пуговки вальящатыя [1] въ пять тысячей;
И повелъ онъ коня за шелковъ поводокъ. 120
Онъ будетъ-де, Иванъ, середи двора княженецкаго,
Сталъ его бурко передомъ ходить
И копытами онъ за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
Онъ на всѣ стороны побрасывати; 125
Князи и бояра дивуются,
Купецкіе люди засмотрѣлися.
Зрявкаетъ бурко по-туриному,
Онъ шипъ пустилъ по-змѣиному,—
Триста жеребцовъ испугалися, 130
Съ княженецкаго двора разбѣжалися,
Сивъ жеребецъ двѣ ноги изломилъ,
Кологривъ жеребецъ тотъ и голову сломилъ,
Полоненъ воронко въ Золоту Орду бѣжитъ,
Онъ хвостъ поднявъ, самъ всхрапываетъ. 135
А князи-то и бояра испужалися,
Всѣ тутъ люди купецкіе
Окарачъ они по двору наползалися,
А Владимиръ князь со княгинею печаленъ сталъ,
Кричитъ самъ въ окошечко косящетое: 140
— Гой, еси ты, Иванъ, гостиной сынъ!
— Уведи ты уродья со двора долой,
— Просты поруки крѣпкія, записи всѣ изодранныя [2].—
Въ та поры владыка черниговской,
У великаго князя на почестномъ пиру, 145
Велѣлъ захватить три корабля на быстромъ Нѣпру [3],
Велѣлъ похватить корабли
Съ тѣми товары заморскими:
„А князи-де и бояра никуда отъ насъ не уйдутъ“.

---

[1] Точеныя.

[2] Т.-е. объявляетъ договоръ съ обѣихъ сторонъ уничтоженнымъ, пробуетъ отказаться отъ обязательства, проигравъ закладъ (В. Ѳ. Миллеръ).

[3] Т. е. Днѣпрѣ.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧЪ

Ста́рина о Соловьѣ Будимировичѣ долгое время считалась безспорно довольно древней, какъ принадлежащая къ южной по происхожденію группѣ былинъ, въ частности — по терминологіи изслѣдователей старшаго поколѣнія—относилась къ числу былинъ о богатыряхъ „заѣзжихъ", т.-е. о такихъ, которые, ведя свое происхожденіе изъ чужихъ странъ, не Кіевской земли, подвиги свои совершаютъ въ Кіевѣ съ его обычнымъ эпическимъ центромъ, дворомъ князя Владимира. Однако, въ сравнительно недавнее время, когда, при болѣе пристальномъ и объективномъ изученіи нашего, сѣвернаго теперь, былевого эпоса, сталъ намъ извѣстенъ въ исторіи другихъ старинъ фактъ ихъ сѣвернаго, во всякомъ случаѣ не кіевскаго, происхожденія, не смотря на ихъ южную, „кіевскую", на первый взглядъ, обстановку и мѣсто дѣйствія богатыря на югѣ Руси (каковы, напр., изъ приведенныхъ выше былины: о сорока каликахъ, объ Иванѣ, гостиномъ сынѣ, о Вольгѣ и др.), тогда и относительно ста́рины о Соловьѣ Будимировичѣ стали возникать сомнѣнія, и основательныя: дѣйствительно ли ужъ такъ безспорна принадлежность ея по происхожденію къ старому южному кругу былинъ? Сомнѣнія эти, вызвавши спеціальныя изслѣдованія нашей былины, привели къ выводу о весьма вѣроятномъ сѣверномъ, въ частности о новгородскомъ, происхожденіи пѣсни, при томъ далеко не столь отдаленномъ по времени, какъ это предполагается для „южно-русскихъ" былинъ. Главныя основанія для такого предположенія сводятся въ немногихъ словахъ къ слѣдующему. Ограниченный на самомъ русскомъ сѣверѣ районъ распространенія этой былины (изъ десяти извѣстныхъ до сихъ поръ записей ея девять принадлежатъ исключительно Олонецкому краю, одна — Кирши Данилова — западной Сибири, куда, какъ извѣстно, былины только позднѣе занесены колонизаціей съ того же европейскаго сѣвера) наводитъ на мысль о происхожденіи ея сравнительно не древнемъ, а при томъ въ той же мѣстности,

гдѣ она была и найдена собирателями. По характеру своему былина о Соловьѣ—не боевая, а новелла, видъ, культивировавшійся предпочтительно передъ боевой именно новгородскими сказателями; главный ея герой—не богатырь силы и удали, а скорѣе—ловкій, богатый торговый человѣкъ, напоминающій по своему облику типичнаго новгородскаго „гостя", вродѣ Садка (что̀ не будетъ, конечно, противорѣчить предположенію, что былина отразила въ лицѣ своего героя именно сѣверную, при томъ новгородскую культурную среду); на то же будетъ указывать и отраженіе другой такой же не южной черты въ былинѣ: это—подробное описаніе корабля (на которомъ пріѣзжаетъ Соловей); употребленіе — въ лучшихъ, по крайней мѣрѣ, варьянтахъ — сѣверныхъ мореходныхъ терминовъ, предполагающее сѣвернаго и слагателя, хорошо знакомаго съ мѣстными условіями плаванія по морю, каковы, напр., „луда" (каменистое мѣсто, подводная скала), „щупы желѣзные", „шестики мѣрные" и др.. Сюда же можно отнести и то, что ста́рина о Соловьѣ въ изложеніи своемъ даетъ точки соприкосновенія не съ южной, а съ великорусской свадебной пѣсней, гдѣ часто находимъ аналогичную былинной ситуацію: пріѣздъ жениха изъ-за моря на кораблѣ, при томъ въ видѣ богатаго купца-корабельщика, который къ тому же самъ часто сравниваетъ себя съ „молодымъ соловьемъ залетнымъ въ зеленомъ саду" (а о такомъ садѣ идетъ рѣчь и въ былинѣ о Соловьѣ). Наконецъ, почтенная матушка Соловья не только напоминаетъ новгородскую пользующуюся авторитетомъ боярыню, какова, напр., новгородка мать Хотена Блудовича, но въ иныхъ варьянтахъ носитъ она даже имя Амелфы Тимофеевны, матери несомнѣнно новгородскаго Василья Буслаева. Въ самомъ построеніи былины можно также замѣтить нѣкоторую аналогію къ плану несомнѣнно новгородской былины о Садкѣ (подобно послѣднему, и Соловей—гусляръ (поэтому, быть можетъ, въ варьянтахъ онъ—Гудимировичъ), и его игра имѣетъ существенное значеніе въ ходѣ былины: она плѣняетъ Запаву, какъ игра Садка—морского царя). Все это, взятое вмѣстѣ, заставляетъ не только усумниться въ надежности преж-

няго предположенія объ южномъ происхожденіи былины о Соловьѣ Будимировичѣ, но и побуждаетъ склоняться въ сторону сѣверной, въ частности новгородской, ея родины; этому не будетъ противорѣчить то, что въ ней дѣйствіе пріурочено къ Кіеву: созданная на сѣверѣ въ области богатаго торговаго мореходнаго Новгорода, былина эта, подобно другимъ упомянутымъ выше, позднѣе внѣшнимъ образомъ включена была въ кругъ пѣсенъ, группирующихъ свое дѣйствіе около Кіева и кіевскаго князя Владимира; это достигнуто путемъ внесенія взамѣнъ первоначальныхъ сѣверныхъ именъ личныхъ и отчасти географическихъ именъ южныхъ (Запавы, Владимира, рѣки Днѣпра), популярныхъ и хорошо извѣстныхъ на сѣверѣ изъ другихъ былинъ дѣйствительно кіевскаго типа, и такихъ же „общихъ мѣстъ“ (Кіевъ, дворъ Владимира), свободно переносимыхъ пѣвцами изъ одной былины въ другую; при этомъ, однако, ясно, что эти перемѣны въ первоначальномъ обликѣ пѣсни не успѣли стереть слѣдовъ ея когда-то сѣвернаго колорита, охарактеризованныхъ выше, почему мы и видимъ въ дошедшихъ до насъ текстахъ совмѣщеніе тѣхъ и другихъ чертъ.

Что касается времени сложенія былины о Соловьѣ Будимировичѣ, то оно можетъ опредѣляться, разумѣется, лишь приблизительно: едва ли наша былина старше XV—XVI вѣка, если судить по общему характеру изображаемаго въ ней быта роскошной жизни богатаго Новагорода, къ этому времени уже ставшей отходить въ область дорогого для слагателей и слушателей преданія, хотя само имя—Соловей—и его отчество—Будимировичъ—и могутъ быть много старше: имя его встрѣчается уже въ древнихъ преданіяхъ, напр., о Добрынѣ (въ лѣтописной легендѣ о водвореніи христіанства въ Новѣгородѣ это прозвище носитъ главный жрецъ, противникъ Добрыни, Богумилъ), имя же Будимиръ (въ формѣ уменьшительнаго Будило) также засвидѣтельствовано съ довольно ранняго времени, встрѣчаясь преимущественно на нашемъ сѣверѣ не позднѣе XV вѣка; къ такимъ же старымъ „былиннымъ“ именамъ надо отнести и имя Запавы, племянницы Владимира, идущее, вѣроятно,

изъ другихъ былинъ (ср. I, 8) и замѣнившее собою первоначальное имя „эпической“ невѣсты при пріуроченіи нашей былины къ кіевскому кругу. Въ согласіи съ такимъ хронологическимъ пріуроченіемъ былины стоитъ и то, что̀ мы можемъ предположить объ ея сюжетѣ: сюжетъ этотъ—сказочный, встрѣчается, какъ въ устныхъ русскихъ сказкахъ о добываніи невѣсты, такъ и въ старинной переводной письменности; въ частности же даетъ очень близкую параллель къ пришедшей къ намъ, можетъ быть, въ XVI вѣкѣ съ запада „Повѣсти о Василіи Златовласомъ, королевичѣ Чешской земли“, гдѣ находимъ и ситуацію, очень напоминающую то, что̀ есть въ былинѣ (построеніе роскошнаго дворца героемъ-гусляромъ, добивающимся руки королевской дочери, хитростью заманивающимъ ее къ себѣ и потомъ упрекающимъ ее въ легкомысленномъ поведеніи). Повидимому, слагатель былины тѣмъ или инымъ путемъ зналъ этотъ „бродячій“ сюжетъ, припоминалъ при композиціи былины и наши свадебныя пѣсни о пріѣзжемъ женихѣ-купцѣ, и на основаніи всего этого слагалъ свою былину, руководясь при этомъ особенностями мѣстнаго быта.

Въ теперешнемъ своемъ видѣ ста́рина о Соловьѣ Будимировичѣ несетъ на себѣ и еще одну небезъинтересную черту своего прошлаго: ея форма въ большинствѣ записей является довольно устойчивой; въ нихъ мы находимъ въ началѣ былины т. н. „зачинъ“, или „запѣвъ“, въ видѣ прибаутки, ближайшаго отношенія къ самому содержанію былины не имѣющей (иногда, поэтому, переносимой въ т. н. „исходъ“ (конецъ) былины (см. I, стр. LVIII—LX)), но во всякомъ случаѣ, не смотря на варіаціи чтеній, сохраняющей свой основной „балагурный“ тонъ: это даетъ право предположить, что наша былина, если и не была, быть можетъ, сложена „веселыми людьми“ скоморохами, этими носителями въ прежнее время произведеній устной словесности, отчасти и ихъ слагателями, то во всякомъ случаѣ она прошла черезъ ихъ среду, прежде чѣмъ стала достояніемъ теперешнихъ своихъ хранителей—пѣвцовъ изъ крестьянъ.

Наконецъ, въ исторіи ста́рины о Соловьѣ Будимировичѣ можно

наблюдать случай вліянія однихъ былинныхъ сюжетовъ на другіе: не говоря уже о перенесеніи въ нее изъ „кіевскихъ“ былинъ элементовъ, включившихъ ее въ „кіевскій“ циклъ пѣсенъ, мы видимъ и прямое заимствованіе въ ней изъ былины объ Алешѣ Поповичѣ и его неудачной женитьбѣ на женѣ Добрыни (см. I, 55 и сл.): таково окончаніе печатаемаго далѣе текста съ эпизодомъ о какомъ-то „голомъ щапѣ“ (щеголѣ) Давидѣ Поповѣ, ведущемъ свое происхожденіе, ясно, отъ Алеши Поповича въ упомянутой былинѣ; къ такимъ же отзвукамъ надо отнести, разумѣется, и сорокъ каликъ, оповѣщающихъ Амелфу Тимофеевну о прибытіи ея сына (стихи 229—239): ср. выше, стр. 57 и сл.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧЪ.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота, океанъ-море;
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты днѣпровскіе [1].
Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья [2] зеленаго,
Отъ главнаго города Леденца [3],
Отъ того-де царя вѣдь заморскаго

---

[1] „Запѣвъ“ этой записи носитъ слѣды вліянія, вѣроятно, книжнаго источника; ср., напр., въ Никон. лѣт. начало исторіи о ц. Федорѣ Іоанновичѣ: „Небеси убо величество и высота недостижима и неописуема, земли же широта неосяжима и неизслѣдима, морю же глубина неизмѣрима и неиспытуема...“ Въ другихъ записяхъ — иной „запѣвъ“; вотъ наиболѣе характерный изъ записи Гильфердинга (№ 53):

А мхи были болота въ Поморской сторонѣ,
А гольняя щелья (скалы) въ Бѣлѣ-озерѣ,
А тая эта зябель (побитая морозомъ нива) въ подсѣверной странѣ,
А с...ы сарафаны по Мошѣ по рѣкѣ,
Да раструбисты становицы (женск. рубаха) въ Каргополѣ,
Да тутъ темные лѣсы что смоленскіе,
А широки врата да чигаринскіе.

[2] Вѣроятно: лукоморья.

[3] Изъ всѣхъ объясненій имени этого города (то—Венеція, то—въ Литвѣ, то—югослав. Ледьен-град, и т. п.) наиболѣе вѣроятнымъ надо признать сопоставленіе (П. Н. Милюкова) съ Lindanissa, старая крѣпость г. Ревеля; при такомъ пониманіи этого имени получаемъ еще одно указаніе на сѣверное происхожденіе былины.

Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, единъ корабль— 10
Славнаго гостя богатаго,
Молода Соловья, сына Будимировича.
Хорошо корабли изукрашены;
Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было сокола у корабля 15
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу камню, по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю якутскому,
И якутскому, вѣдь сибирскому; 20
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурзамецкія;
И два горнастая повѣшены, 25
И два горнастая, два зимніе [1];
У того было сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя [2];
Вмѣсто хвоста повѣшено, 30
На томъ было соколѣ-кораблѣ,
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ, корма по-туриному,
Бока взведены по-звѣриному.
Бѣгутъ ко городу Кіеву, 35
Къ ласкову князю Владимиру.
На томъ соколѣ-кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ [3],

---

[1] Т.-е. бѣлые (горностай зимою бѣлый).
[2] Рыжебурый, безъ черноты и огневой красноты (Даль).
[3] Вышка.

Въ чердакѣ была бесѣда [1]—дорогъ рыбій зубъ [2],
Подернута бесѣда рытымъ [3] бархатомъ; 10
На бесѣдѣ-то сидѣлъ купавъ [4] молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будимировичъ.
Говорилъ Соловей таково слово:
„Гой еси вы, гости-корабельщики
„И всѣ цѣловальники любимые! 15
„Какъ буду я въ городѣ Кіевѣ,
„У ласкова князя Владимира,
„Чѣмъ мнѣ-ка будетъ князя дарить,
Чѣмъ свѣта жаловати?“
Отвѣчаютъ гости-корабельщики 20
И всѣ цѣловальники любимые:
— Ты славной, богатой гость,
— Молодой Соловей, сынъ Будимировичъ!
— Есть, сударь, у васъ золота казна,
— Сорокъ сороковъ черныхъ соболей, 25
— Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
— Есть, сударь, дорога камка [5];
— Что не дорога камочка—узоръ хитеръ:
— Хитрости были Царя-града,
— А и мудрости Іерусалима, 30
— Замыслы Соловья Будимировича;
— На златѣ, на серебрѣ—не погнѣваться.—
Прибѣжали корабли подъ славной Кіевъ градъ,
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ, 35
Товарную пошлину въ таможнѣ платили
Со всѣхъ кораблей семь тысячей,

---

1 Скамья, стулъ.
2 Моржевая кость.
3 Съ густымъ ворсомъ.
4 Красивый.
5 Шелковая ткань.

Со всѣхъ кораблей, со всего живота.—
Бралъ Соловей свою золоту казну:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей, 70
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ.
Пошелъ онъ ко ласкову князю Владимиру,
Идетъ во гридню, во свѣтлую;
Какъ бы на пяту [1] двери отворялися,
Идетъ во гридню купавъ молодецъ, 75
Молодой Соловей, сынъ Будимировичъ,
Спасову образу молится,
Владимиру князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣевной на особину,
И подноситъ князю свои дороги подарочки: 80
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Княгинѣ подноситъ камку бѣло-хрущатую [2],
Не дорога камочка—узоръ хитеръ:
Хитрости Царя-града, 85
Мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будимировича;
На златѣ и серебрѣ—не погнѣваться.
Князю дары полюбилися;
А княгинѣ наипаче того; 90
Говорилъ ласковой Владимиръ князь:
— Гой еси ты, богатой гость,
— Соловей, сынъ Будимировичъ!
— Заимуй [3] дворы княженецкіе,
— Заимуй ты боярскіе, 95
— Заимуй дворы и дворянскіе.—
Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будимировичъ:
„Не надо мнѣ дворы княженецкіе,

---

[1] Настежъ.
[2] Одинъ изъ сортовъ „камки“.
[3] Занимай.

„И не надо дворы боярскіе,
„И не надо дворы дворянскіе; 100
„Только ты дай мнѣ загонъ земли,
„Непаханыя и неораныя,
„У своей, осударь, княженецкой племянницы,
„У молодой Запавы Путятишной,
„Въ ея, осударь, зеленомъ саду, 105
„Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
„Построить мнѣ, Соловью, наряденъ дворъ“.
Говорилъ сударь, ласковый Владиміръ князь:
— На то тебѣ съ княгинею подумаю.—
А подумавши отдавалъ Соловью загонъ земли, 110
Непаханыя и неораныя.
Походилъ Соловей на свой червленъ корабль,
Говорилъ Соловей, сынъ Будимировичъ:
„Гой еси вы, мои люди работные!
„Берите вы топорики булатные, 115
„Подите къ Запавѣ въ зеленой садъ,
„Постройте мнѣ снаряденъ [1] дворъ,
„Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ“.
Съ вечера позднимъ-поздно,
Будто дятлы въ дерево пощелкивали, 120
Работала его дружина хоробрая;
Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящетыя,
Да трои сѣни рѣшетчатыя. 125
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце—въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ—въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды—въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря—въ теремѣ заря 130

---

[1] Нарядный, изукрашенный.

И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили къ заутрени,
Отъ сна-то Запава пробуждалася,
Посмотрѣла сама въ окошечко косящетое
Въ вишенье, въ орѣшенье, 135
Во свой, вѣдь, хорошій, во зеленой садъ;
Чудо Запавѣ показалося
Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду:
Что стоятъ три терема златоверховаты.
Говорила Запава Путятишна: 140
— Гой еси, нянюшки и мамушки,
— Красныя сѣнныя дѣвушки!
— Подьте-тка, посмотрите-тка;
— Что мнѣ за чудо показалося
— Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ?— 145
Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки,
И сѣнныя красныя дѣвушки:
„Матушка, Запава Путятишна!
„Изволь-ка сама посмотрѣть:
„Счастье твое на дворѣ къ тебѣ пришло". 150
Скоро-де Запава наряжается,
Надѣвала шубу соболиную—
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговки въ семь тысячей—
Пошла она въ вишенье, въ орѣшенье, 155
Во свой во хорошъ во зеленой садъ;
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ щелчитъ-молчитъ [1]—
Лежитъ Соловьева золота казна.
Во второмъ теремѣ послушала: 160

---

[1] Значеніе перваго слова неясно; въ одной Олонецкой записи: „стукъ да громъ: тутъ считаютъ-то безсчетну золоту казну да у млада Соловья Гудимирова", въ другой: „стунчитъ-бунчитъ, стунчитъ-бунчитъ, щелчитъ-молчитъ... тутъ Соловьева золота казна".

Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
Помаленьку говорятъ, все молитву творятъ:
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными.
У третьяго терема послушала: 165
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Запава въ сѣни косящетыя,
Отворяла двери на пяту,—
Больно Запава испугалася,
Рѣзвы ноги подломилися. 170
Чудо въ теремѣ показалося:
На небѣ солнце—въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ—въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды—въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря—въ теремѣ заря 175
И вся красота поднебесная.
Подломилися ея ноженьки рѣзвыя.
Въ та поры Соловей онъ догадливъ былъ,
Бросилъ свои звончатыя гусли,
Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы ручки, 180
Клалъ на кровать слоновыхъ костей,
Да на тѣ ли перины пуховыя:
„Чего-де ты, Запава, испужалася?
„Мы-де оба на возрастѣ“.
— А и я-де дѣвица на выданьѣ, 185
Пришла-де сама за тебя свататься.—
Тутъ они и помолвили.
Цѣловалися они, миловалися,
Золотыми перстнями помѣнялися.
Провѣдала его Соловьева матушка, 190
Честна вдова Амелфа Тимофеевна,
Свадьбу кончити подсрочила [1]:

[1] Отложила, отсрочила.

— Съѣзди-де за моря синія;
— И когда-де тамъ расторгуешься,
— Тогда и на Запавѣ женишься.— 195
Отъѣзжалъ Соловей за моря синія.
Въ та поры поѣхалъ голой щапъ [1] Давидъ Поповъ,
Скоро за морями исторгуется,
А скорѣй того назадъ въ Кіевъ прибѣжалъ;
Приходитъ къ ласковому царю съ подарками: 200
Принесъ сукно смурое [2],
Да крашенину печатную [3].
Въ та поры сталъ спрашивати:
„Гой еси ты, голой щапъ Давидъ Поповъ!
„Гдѣ слыхалъ, гдѣ видывалъ, 205
„Про гостя богатаго, про молода
„Соловья, сына Будимировича?“
Отвѣчалъ ему голой щапъ:
— Я-де объ немъ слышалъ,
— Да и самъ подлинно видѣлъ въ городѣ Леденцѣ, 210
— У того царя заморскаго:
— Соловей у царя въ протаможье [4] попалъ
— И за то посажóнъ въ тюрьму,
— А корабли его отобраны
— На его-жъ царское величество.— 215
Тутъ ласковый Владиміръ князь закручинился,
Скоро вздумалъ о свадьбѣ,
Что отдать Запаву за голаго щапа Давида Попова:
Тысяцкой ласковой Владиміръ князь,
Свашела [5] княгиня Апраксѣевна, 220

---

[1] Въ текстѣ: „шапъ“; „щапъ“ — щеголь, франтъ.

[2] Избурачерносѣрое сукно, крестьянское, некрашеное, изъ мѣшаной темной шерсти (Даль).

[3] Холстъ съ набивнымъ узоромъ, набойка.

[4] Штрафъ за неявку товара къ оплатѣ пошлиной въ таможнѣ и за торговлю такимъ товаромъ.

[5] Сваха, сватья?

Въ поѣзду князи и бояра
Поѣзжали ко церкви Божіи.
Въ та поры-жъ въ Кіевъ флотъ пришелъ
Богатаго гостя, молода
Соловья, сына Будимировича, 225
Ко городу ко Кіеву;
Якори метали въ быстрый Днѣпръ,
Сходни бросали на крутъ бережокъ.
Выходилъ Соловей со дружиною,
Изъ сокола корабля съ каликами. 230
Во бѣломъ платьѣ сорокъ каликъ со каликою,
Походили они ко честной вдовѣ Амелфѣ Тимофеевнѣ,
Правятъ челобитье отъ сына ея, гостя богатаго,
Отъ молода Соловья Будимировича,
Что прибылъ флотъ въ девяностѣ корабляхъ 235
И стоитъ на быстромъ Днѣпрѣ, подъ городомъ Кіевомъ,
А оттуда пошли ко ласковому князю Владиміру
На княженецкой дворъ,
И стали во единый кругъ.
Въ та поры слѣдовалъ со свадьбою 240
Владиміръ князь въ домъ свой,—
И пошли во гридни свѣтлыя,
Садилися за столы бѣлодубовые,
За яства сахарныя,
И позвали на свадьбу сорокъ каликъ со каликою. 245
Тогда ласковый Владиміръ князь
Велѣлъ подносить вина имъ заморскія
И меда сладкіе.
Тотчасъ по поступкамъ Соловья опознывали,
Приводили его ко княженецкому столу. 250
Сперва говорила Запава Путятишна:
— Гой еси, мой сударь дядюшка,
— Ласковой сударь, Владиміръ князь!
— Тотъ-то мой прежній обрученный женихъ,

— Молодой Соловей, сынъ Будимировичъ! 255
— Прямо, сударь, скачу—обезчещу столы!—
Говорилъ ей ласковый Владимиръ князь:
„А ты, гой еси, Запава Путятишна!
„А ты прямо не скачи—не безчести столы“.
Выпускали ее изъ-за дубовыхъ столовъ, 260
Пришла она къ Соловью, поздоровалась,
Взяла его за рученьку бѣлую,
И пошла за столы бѣлодубовы,
И сѣли они за яства сахарныя, на большо мѣсто.
Говорила Запава таково слово 265
Голому щапу Давиду Попову:
— Здравствуй женимши, да не съ кѣмъ спать.—
Въ та поры ласковой Владимиръ князь веселъ сталъ,
А княгиня наипаче того.
Поднимали пирушку великую. 270

143

СТАВРЪ ГОДИНОВИЧЪ

Подобно предыдущей былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ, и ста́рина о бояринѣ Ставрѣ Годиновичѣ, несмотря на локализацію дѣйствія въ ней въ Кіевѣ при дворѣ Владимира, должна быть отнесена по мѣсту своего созданія къ той же Новгородской области и, слѣдовательно, считаться лишь позднѣе включенной въ кругъ былинъ „южныхъ". Для такого пріуроченія ея къ сѣверу мы имѣемъ почти такія же основанія, какія указаны были по поводу былины о Соловьѣ: изъ извѣстныхъ 19 ея записей восемнадцать идутъ съ сѣвера (13—олонецкихъ, 5—сибирскихъ и только одна—изъ Владимирской губерніи); если припомнить, какимъ образомъ попадали былины въ Сибирь, и допустить случайный заносъ (хотя и довольно давній) ея во Владимирскую губ., естественно предположить, что главнымъ райономъ жизни былины о Ставрѣ, вѣроятно, и ея родиной былъ именно край Олонецкій. Это предположеніе о новгородскомъ происхожденіи первоначальной пѣсни о Ставрѣ находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ, что историческая основа ея, отправная фабула, должна быть признана также новгородской, а именно: герой былины—Ставръ—долженъ быть сочтенъ лицомъ дѣйствительнымъ: отмѣтка о немъ сохранилась въ новгородской (и только въ ней одной) лѣтописи, гдѣ подъ 1118-мъ годомъ разсказывается о суровой расправѣ Владимира Мономаха съ новгородскими боярами: онъ увелъ ихъ за грабежъ, ими учиненный, въ Кіевъ, здѣсь часть ихъ задержалъ у себя, а въ числѣ ихъ и сотскаго, боярина Ставра, котораго заточилъ (какъ былиннаго Ставра также Владиміръ, хотя и не Мономахъ, засадилъ разгнѣвавшись въ погребъ). Такимъ образомъ, около этого историческаго эпизода, во всякомъ случаѣ необычнаго (особенно для новгородцевъ обиднаго, а потому и занесеннаго въ мѣстную лѣтопись), созидалась пѣсня о Ставрѣ при помощи иныхъ литературныхъ мотивовъ и иныхъ историческихъ реминисценцій: такъ, сюда въ качествѣ матеріала вошелъ мотивъ о женѣ, освобо-

ждающей мужа, для чего она переодѣвается въ мужское платье—международный мотивъ, извѣстный также изъ русскихъ сказокъ и въ то же время,—что̀ не лишено своего значенія для генезиса былины,—болѣе близкій въ былинѣ къ западному, нѣмецкому, варьянту: а это косвенно можетъ указывать опять на Новгородъ, куда западные элементы раньше и чаще проникали, нежели въ другія области русской территоріи; въ такомъ же качествѣ матеріала для обработки основного сюжета послужилъ и тотъ мотивъ, по которому жена Ставра является въ видѣ грознаго посла „ордынскаго", требующаго дани, судьба которой рѣшается путемъ состязанія то въ борьбѣ, то въ стрѣльбѣ, то въ игрѣ въ шахматы, то всѣми этими способами вмѣстѣ; если первая часть этого мотива указываетъ на время обработки пѣсни о Ставрѣ въ дошедшую до насъ былину, именно, на время не моложе XV вѣка, пока татары были еще грозными собирателями даней-выходовъ, то вторая часть говоритъ о знакомствѣ создателя былины съ другими былинными же мотивами: это состязаніе изъ-за дани напоминаетъ такой же эпизодъ изъ былинъ о Добрынѣ (ср. т. I, стр. 50 и сл.). Въ результатѣ процессъ созданія настоящей былины можетъ счесться аналогичнымъ тому, какой намѣчался для былины о сорока каликахъ (ср. выше, стр. 53 и сл.).

Въ частности, для литературной исторіи былины о Ставрѣ не безъинтересно отмѣтить, что записи ея, упомянутыя выше, представляютъ въ отдѣльныхъ случаяхъ значительное разнообразіе: такъ, если въ однихъ жена Ставра является грознымъ посломъ, пріѣхавшимъ за данью, то въ другихъ она оказывается женихомъ-молодцемъ, претендующимъ на руку дочери кіевскаго князя; въ однихъ общій тонъ былины серьезный, въ другихъ веселый, шутливый. Сравненіе между собою отдѣльныхъ текстовъ былины позволяетъ разбить ихъ на двѣ группы и по мѣстности записи: серьезные варьянты и безъ роли жены Ставра въ качествѣ жениха—всѣ сибирскіе (сюда же примыкаетъ и владимирскій варьянтъ), остальные—всѣ олонецкіе, при чемъ эти послѣдніе носятъ на себѣ въ стилѣ слѣды скоморошьей обработки, тогда какъ пер-

вые отличаются большей архаичностью, какъ стиля, такъ и композиціи. Исходя изъ этого наблюденія, можно приблизительно въ такомъ видѣ представить себѣ исторію былины: созданная не позднѣе XV вѣка на основѣ стараго новгородскаго преданія о бояринѣ XII вѣка Ставрѣ на сѣверѣ, она въ видѣ еще болѣе или менѣе близкомъ къ первоначальному перешла затѣмъ съ другими былинами въ Сибирь (т.-е. въ эпоху колонизаціи Сибири, въ XVI—XVII в.) и во Владимирскую губ., а на родинѣ своей продолжала перерабатываться, побывавши, между прочимъ, и въ рукахъ скомороховъ, отъ которыхъ въ XVII—XVIII в. перешла къ теперешнимъ своимъ хранителямъ—крестьянамъ.

СТАВРЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Какъ во славномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владимира
Ужъ какъ было пированье, почетный пиръ,
Ужъ какъ было столованье, почетный столъ,
Про многихъ про князей, про бояриновъ, 5
Про могучихъ богатырей свято-русскіихъ [1],
Да про всю поленицу удалую.
А и былъ ужъ пиръ во полу-пиру,
Съѣхались всѣ князи и боярины,
Только нѣту одного добраго молодца, 10
Боярина Ставра Годиновича [2].
Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владимиръ князь:
„Ужъ вы гой еси, слуги мои вѣрные!
„Поѣзжайте-ка вы за добрымъ молодцомъ
„За Ставромъ бояриномъ Годиновичемъ; 15
„Вы подайте-ко Ставру мою грамотку,
„Позовите Ставра на веселый пиръ“.
Какъ не давно [3] тому время миновалося,
Пріѣзжаетъ ко князю бояринъ Ставръ.
Онъ вступаетъ во палаты бѣлы-каменныя, 20
Онъ крестъ-то кладетъ да по писанному,

---

[1] Текстъ читаетъ: свѣту-русскіихъ.
[2] Запись называетъ его: Гудимовичъ.
[3] Не долго?

Онъ поклоны-то ведетъ по ученому;
Онъ кланяется да покланяется
На всѣ четыре сторонушки,
А Владимиру князю на особицу. 25
И посѣли всѣ за дубовы столы,
За скатерти браныя, шелковыя,
За питья, за ѣствы за сахарныя.
Какъ до сыта бояре наѣдалися,
Какъ до пьяна бояре напивалися, 30
Промежъ собою они расхвасталися:
Хвастались бояре градомъ Кіевомъ,
Хвастались бояре златомъ, серебромъ,
Еще хвастались бояре скатнымъ жемчугомъ.
Тутъ возговорилъ, промолвилъ бояринъ Ставръ 35
На единѣ своему товарищу:
— Ой глупые бояре, неразумные!
— Они хвалятся градомъ Кіевомъ,
— Они хвалятся златомъ, серебромъ,
— Еще хвалятся скатнымъ жемчугомъ: 40
— А что это за ограда во Кіевѣ
— У ласковаго князь-Владимира?
— У меня-ли, у Ставра, широкій дворъ
— Не хуже будетъ города Кіева:
— Онъ строенъ у меня на семи верстахъ; 45
— Свѣтлы свѣтлицы дуба бѣлаго,
— Покрыты свѣтлицы сѣдымъ бобромъ,
— Потолокъ въ свѣтлицахъ черныхъ соболей,
— Полъ-середа чиста серебра,
— Крючья, пробои по булату злачены. 50
— У меня-ли, у Ставра у боярина,
— Злата, серебра стоятъ кованы ларцы,
— Крупну жемчугу бурмицкому нѣсть числа;
— У меня-ли у Ставра Годиновича,
— Молода жена Василиса Васильевна: 55

— Она ростомъ, дородствомъ дороднѣе всѣхъ,
— Красотою-лѣпотою она краше всѣхъ,
— Ея бѣлое лицо—словно бѣлый снѣгъ,
— Ея черныя брови—какъ у соболя,
— Ея ясны очи—какъ у сокола; 60
— Умѣетъ она и прясть и ткать,
— Умѣетъ она изъ лука стрѣлять
— Въ семисотную версту [1] въ золотъ перстень.—
А и были тутъ у князя слуги вѣрные,
Доносили они таковы слова. 65
Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владиміръ князь:
„Ужъ вы гой еси, князи и боярины,
„Вы могучи богатыри свято-русскіе!
„Не напрасно-ли Ставръ похваляется?
„Ужъ не больно-ли онъ завирается? 70
„Вы возмите-ка его за бѣлы руки,
„Посадите-ка въ подвалы глубокіе,
„Заприте-ка дверями желѣзными,
„Замкните-ка замками булатными,
„Замечите-ка песками рудо-желтыми; 75
„Снарядите-ка посла грознаго
„Ко двору его хвальному [2], широкому—
„Опечатать его широкій дворъ
„Съ златомъ, серебромъ, крупнымъ жемчугомъ,
„И привесть во Кіевъ молоду жену, 80
„Молодую Василису Васильевну,
„Ко мнѣ ко князю Владиміру!“
Какъ не давно тому время миновалося,
Перепала къ Ставровой молодой женѣ,
Къ молодой Василисѣ Васильевнѣ, 85
Перепала вѣсточка нерадостная,

---

[1] Старинная верста въ 700 саженъ (Даль).
[2] Т.-е. двору, которымъ онъ хвалится.

Что Ставръ де бояринъ во Кіевѣ
Посаженъ въ подвалы глубокіе,
Замкнутъ на замки на булатные,
Засыпанъ песками сыпучими. 90
Тутъ велитъ она искать коня добраго
На ту уздицу [1] на тесменную;
Сѣдлаетъ коня во черкасское сѣдло,
Подтягиваетъ двѣнадцать подпругъ шолковыхъ,
Надѣваетъ на себя кудри чорныя, 95
А на ноги сапоги зеленъ сафьянъ;
Подпоясываетъ палицу тяжелую,
Да подстегиваетъ свой тугой лукъ,
Что тугой свой лукъ вѣдь разрывчатый;
Называется она грознымъ посломъ 100
Изъ дальнія земли, Золотой орды.
Что не темная туча подымалася,
Что не вихри по полю повѣяли,—
Подымалася Ставрова молода жена
Со своею свитою великою 105
Ко славному городу ко Кіеву.
Половину дороженьки проѣхали,
Тутъ на встрѣчу изъ Кіева грозенъ посолъ
Отъ славнаго князя Владимира.
Они слѣзли, сошли съ добрыхъ коней, 110
Разбивали въ чистомъ полѣ полотнянъ шатеръ;
Какъ послы они попословалися [2],
По три раза они поцѣловалися,
А послѣй того садились за дубовый столъ,
За скатерти браныя шелковыя, 115
За питья, за ѣствы за сахарныя.
Тутъ спрашивалъ изъ Кіева грозенъ посолъ:

---

[1] Т.-е. взнуздать тесменной уздой.

[2] Познакомились въ качествѣ пословъ, „представились“ другъ другу.

„Ой гой еси, удалые добры молодцы!
„Вы откуда ѣдете, куда Богъ несетъ?“
Отвѣчаетъ послу таковы слова 120
Молодая Василиса Васильевна:
— А мы ѣдемъ изъ орды, Золотой земли,
— Отъ грознаго царя, хана Крымскаго,
— Ко славному городу ко Кіеву,
— Къ великому князю Владимиру, 125
— Брать съ него дани—невыходы [1]
— Еще тѣ ли пошлины великія,
— Ни много, ни мало за двѣнадцать лѣтъ,
— За каждый годъ по двѣ тысячи.—
Изъ Кіева посолъ призадумался, 130
Призадумался онъ, прикручинился,
Поговариваетъ онъ таковы слова:
„А я, де, изъ Кіева грозенъ посолъ,
„Ѣду ко Ставру боярину
„Опечатать его широкій дворъ 135
„И привесть его молодую жену
„Ко великому князю Владимиру“.
Отвѣчаетъ Василиса Васильевна:
— Какъ уѣзжали мы прежъ изъ Золотой орды,
— Во дворѣ Ставра боярина 140
— Останавливались на перепутіи;
— А нонѣ заѣзжали—двери заперты:
— Знать бояринъ Ставръ съ молодой женой
— Снарядился по гостямъ гостить.—
Изъ Кіева посолъ воротился назадъ, 145
Поѣхалъ онъ дорогой прямоѣзжею
Ко славному городу ко Кіеву.
А и былъ онъ въ городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владимира,

---

[1] Выходы? ср. дани-выходы.

Доносилъ онъ князю про грозна посла. 150
Ужъ и больно тутъ князь запечалился
Со княгиней своей Апраксѣевной.
Въ ту жъ пору пріѣзжалъ и грозный посолъ
Къ княженецкимъ палатамъ бѣлымъ каменнымъ,
Скоро слѣзалъ со добра коня, 155
Входилъ во свѣтлицу во свѣтлую,
Садился на скамью богатырскую.
А и тутъ княгиня Апраксѣевна
Выводила князя на тесовъ крылецъ,
Говорила словечко по-тихохоньку: 160
— Ни о чемъ ты, князь, не печалуйся;
— То не грозный посолъ изъ Золотой орды,
— А то Ставрова молода жена.
— Знаю я примѣты всѣ по женскому:
— Она по двору идетъ словно уточка, 165
— А по горенкѣ частенько переступываетъ,
— А на лавку садится, колѣнца жметъ.—
Тутъ сбиралъ князь Владиміръ почетный столъ
Про многихъ князей, про бояриновъ,
Про великихъ богатырей свято-русскіихъ. 170
А и былъ ужъ день въ половинѣ дня,
А и былъ ужъ столъ во полу-столѣ,
Напивались гости, наѣдалися.
Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владиміръ князь
По-тихоньку княгинѣ Апраксѣевнѣ: 175
„Ой ты гой еси княгиня Апраксѣевна!
„Я ли грознаго посла провѣдаю [1]:
„Заставляю его боротися
„Съ моими богатырями могучими“.
Въ ту пору прилучилися въ Кіевѣ 180
Удалые бойцы, добры молодцы:

---

[1] Испытаю.

Алеша Поповичъ, Илья Муромецъ,
Кунгуръ богатырь Самородовичъ,
Суханъ богатырь сынъ Дементьевичъ,
Самсонъ богатырь Колывановичъ, 185
Да еще ребята Хапиловы.
Выходили всѣ на широкій дворъ,
Становились въ рядъ двѣнадцать человѣкъ;
А того ли посолъ не попятился [1]:
Перваго онъ хлестнулъ въ голову, 190
А другого хлестнулъ промежъ ребрами,
А третьяго хлестнулъ поперекъ хребта;
У одного мозги разлетѣлися,
У другого ребра повыскакали,
А третій по двору окарачь поползъ, 195
Остальные же всѣ разбѣжалися.
Плюнулъ тутъ Владимиръ да и прочь пошелъ.
Говорилъ онъ княгинѣ Апраксѣевнѣ:
„Глупая ты, княгиня, неразумная!
„У те волосы долги, да умъ коротокъ: 200
„Называешь ты богатыря бабою;
„Такова посла у насъ еще не бывало“.
А княгиня съ княземъ заспорила:
— Эй ты ласковый, сударь, Владимиръ князь!
— Да не быть этому послу грозному, 205
— А быть Ставровой молодой женѣ.
— У ней бѣлое лицо, словно бѣлый снѣгъ,
— У ней ягодицы [2], словно маковъ цвѣтъ,
— А пальцы на ручкахъ тонешеньки.—
Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владимиръ князь: 210
„Ой ты гой еси, княгиня Апраксѣевна!
„Я ли посла грознаго провѣдаю:

---

[1] Не испугался, въ испугѣ отступилъ.
[2] Щеки.

„Заставлю его изъ лука стрѣлять
„Съ богатырями моими могучими!“
Выводилъ тутъ ласковый Владимиръ князь 215
Двѣнадцать богатырей въ поле чистое;
Стали они стрѣлять по сыру дубу.
Попадаютъ они по сыру дубу,
Да отъ стрѣлочекъ ихъ отъ кленовыихъ
Сырой дубъ только шатается, 220
Будто отъ погоды [1] сильныя.
Тутъ взяла Василиса Васильевна
Во бѣлы руки волокитный лукъ,
Да тонкую стрѣлочку кленовую;
Тянула тетивочку за ухо, 225
Спускала тетивочку до слова;
Спѣла тетивка у туга лука,
Взвыла да пошла кленова стрѣла,
Угодила она въ кряковястый дубъ,
Раздвоила дубъ на двѣ на полы, 230
Изломала въ черенья ножевыя.
Плюнулъ князь Владимиръ да и прочь пошелъ;
Говоритъ онъ княгинѣ громкимъ голосомъ:
„Глупая ты, княгиня, неразумная!
„Называешь ты богатыря бабою; 235
„Такого посла у насъ еще не было.
„Посмотри-ка ты на кряковястый дубъ:
„Мнѣ не жаль сыра дуба кряковястаго,
„Только жаль мнѣ стрѣлочки кленовыя:
„Не найти ее теперь во чистомъ полѣ. 240
„Развѣ самъ я посла провѣдаю“.
Тутъ садился ласковый Владимиръ князь
Во своихъ во палатахъ бѣлыхъ каменныхъ
Съ грознымъ посломъ за широкій столъ,

---

[1] Вѣтеръ.

Стали они играть въ шахматы 245
Тавлеями [1] кленовыми, вальящетыми [2].
Первую заступь заступовали,—
Выигралъ у князя молодой посолъ;
Другую заступь заступовали,—
И другую заступь посолъ поигралъ [3]; 250
Третью заступь заступовали,—
Шахъ да и матъ, да и подъ доску.
И сказалъ тутъ посолъ таковы слова:
— Ой ты гой еси, ласковый Владимиръ князь!
— Я пріѣхалъ къ тебѣ въ гости не тѣшиться: 255
— Ты отдай-ко мнѣ дани-невыходы,
— Еще тѣ ли пошлины великія,
— Ни много, ни мало за двѣнадцать лѣтъ,
— За всякой годъ по двѣ тысячи.—
Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владимиръ князь: 260
„А и нонѣ пришло время невзгодливое:
„Не торгуютъ купцы, нѣту пошлины,
„А и звѣря пушного давно не видать;
„Не чѣмъ мнѣ платить дани-пошлины,
„Еще тѣ ли невыходы великіе: 265
„Развѣ изволишь самого меня
„Головою взять со княгинею!“
— Ладно,—проговорилъ грозенъ посолъ:
— Ну, а чѣмъ же ты, князь, потѣшаешься?
— А и нѣтъ ли у тебя кому въ гусли поиграть?— 270
Тутъ припомнилъ ласковый Владимиръ князь
Про Ставра боярина Годиновича:
А кромѣ его въ городѣ Кіевѣ
Не было гораздней на гусляхъ играть.
Посылалъ онъ по Ставра боярина. 275

---

[1] Кость игорная.
[2] Точеный.
[3] Выигралъ.

Приводили Ставра на почетный пиръ,
Сажали Ставра супротивъ посла;
И зачалъ тутъ Ставръ поигрывати:
Сыгрышъ [1] сыгралъ Царя-града,
Танцы навелъ ерусалимскіе, 280
Величалъ князя со княгинею,
А кромѣ того сыгралъ еврейскій стихъ.
Посолъ задремалъ и спать захотѣлъ,
Говорилъ онъ князю Владимиру:
— Ой ты гой еси, ласковый Владимиръ князь! 285
— Хоть хотѣлъ я тебя головою взять
— Со княгиней твоей Апраксѣевной,—
— Да не надо мнѣ дани-пошлины,
— Еще тѣхъ ли невыходовъ, невыплатовъ
— За двѣнадцать лѣтъ по двѣ тысячи; 290
— Ты отдай мнѣ про все добра молодца,
— Боярина Ставра Годиновича.—
Въ ту пору князь Владимиръ сталъ радошенъ;
Отдавалъ онъ Ставра молоду послу,
Затѣвалъ пированье веселое 295
Про многихъ про князей, про бояриновъ,
Про могучихъ богатырей свято-русскіихъ
Да про всю поленицу удалую.
А Ставръ бояринъ съ молодымъ посломъ
Сѣдлали коней черкасскіихъ 300
И поѣзжали въ землю дальную.

---

[1] Мотивъ.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ

Относительно возраста и историко-литературнаго значенія былины о Хотенѣ Блудовичѣ наблюдаются значительныя колебанія среди изслѣдователей нашего эпоса: одни видѣли въ этой былинѣ ясно выраженные „начало и зародышъ послѣдующаго мѣстничества (стало быть, явленія уже московской поры русской жизни), борьбы сословій, пытавшихся подняться надъ остальнымъ народомъ, съ своими узкими интересами“, что́, однако, не мѣшало приписывать этой былинѣ очень почтенную давность въ русскомъ эпосѣ: исходя изъ сопоставленія отчества Хотена—Блудовичъ—съ именемъ Блуда, воеводы кн. Владимира (подъ 980 г. въ лѣтописи), приписывали ей глубокую древность, относили ее къ старому кіевскому кругу былинъ; другіе изслѣдователи былину о Хотенѣ считали „повѣстью временъ родовыхъ (т.-е. времени господства родового быта) съ позднѣйшимъ наслоеніемъ варяжско-дружиннымъ“, т.-е., также весьма древней; третьи, наоборотъ, не колеблясь относили созданіе былины къ времени уже московскому, видя въ ней изображеніе „среды чваннаго и спесиваго московскаго боярства съ его вѣчными пустыми спорами о мѣстничествѣ“; новѣйшій, наконецъ, изслѣдователь этой былины, Вс. Ѳ. Миллеръ, находитъ достаточно убѣдительныя основанія зачислить ее въ рядъ былинъ-новеллъ новгородскаго происхожденія времени процвѣтанія Великаго Новгорода, видѣть на ея текстѣ въ теперешнемъ его видѣ слѣды скоморошьей обработки первоначальной пѣсни въ XVI—XVII в. Такой взглядъ на литературную исторію ста́рины о Хотенѣ въ значительной мѣрѣ примиряетъ между собою прежніе, устраняя изъ нихъ крайности, какъ въ сторону глубокой древности былины, такъ и сравнительно поздняго ея московскаго происхожденія, вводитъ ее органически въ опредѣленный, новгородскій по происхожденію, кругъ другихъ былинъ, давая правильное въ связи съ этимъ объясненіе ея „кіевскимъ чертамъ“, равно и тѣмъ особенностямъ, кои не уклады-

ваются въ рамки нашего представленія о дѣйствительно кіевской былинѣ, перенесенной на сѣверъ. Историко-литературный анализъ записей данной былины, дѣйствительно, подтверждаетъ, дѣлаетъ наиболѣе пріемлемымъ взглядъ новѣйшаго изслѣдователя.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ 16 извѣстныхъ до сихъ поръ записей былины четырнадцать принадлежатъ къ олонецкому репертуару (одна идетъ изъ Онеги и одна только—Кирши Данилова—изъ Сибири); т.-о., и эта былина, подобно другимъ новгородскимъ по происхожденію, пользуется довольно ограниченнымъ распространеніемъ, встрѣчаясь преимущественно въ опредѣленной только мѣстности; сверхъ того, личность и самого Хотена также популярностью не пользуется среди былинныхъ героевъ: изъ другихъ былинъ она неизвѣстна, не попадается даже въ перечняхъ богатырей, приводимыхъ въ былинахъ стараго репертуара [1]; наконецъ, любопытно въ нашей былинѣ для представленія объ ея происхожденіи и то, что Хотенъ, подобно новгородскимъ персонажамъ былинъ, нигдѣ не называется богатыремъ, а просто „молодымъ", „добрымъ молодцемъ" (ср. Василія Буслаева, Садка); есть, кромѣ того, въ обрисовкѣ Хотена точки соприкосновенія съ типичнымъ новгородскимъ героемъ Василіемъ Буслаевымъ: онъ также по городу „уродуетъ" (т. е. безобразничаетъ), такимъ же высшимъ авторитетомъ въ его глазахъ является не князь Владиміръ или дружина богатырская (о ней и упоминанія нѣтъ въ текстахъ; Часова вдова нанимаетъ для борьбы съ Хотеномъ „силу въ сорокъ тысячей", либо проситъ у Владимира „силушки шесть полковъ"), а его матушка (ср. былину о Василіи Буслаевѣ). Типична также

---

[1] Перечни эти встрѣчаются напр. въ былинахъ о гибели богатырей (см. I, стр. 390), о Ставрѣ (см. выше, стр. 146) и даютъ рядъ именъ не только хорошо извѣстныхъ по другимъ дошедшимъ до насъ былинамъ, не только популярныхъ, но и рѣдкихъ и даже иногда такихъ, о которыхъ изъ былинъ мы ничего не знаемъ; эти перечни показываютъ часто или репертуаръ пѣвца, набирающаго имена изъ былинъ ему знакомыхъ, или просто рядъ именъ, съ которыми у самого пѣвца яснаго представленія не соединяется. Несмотря на значительное число записей былины о Хотенѣ, его имени, однако, не встрѣтилось въ этихъ перечняхъ.

для былины именно новгородскаго происхожденія и фигура самой матери Хотена: это—въ сущности та же Амелфа Тимофеевна, мать Василія Буслаева, или мать Соловья Будимировича. Въ согласіи съ такимъ представленіемъ о происхожденіи нашей былины и положеніе въ ней князя Владимира, который, собственно говоря, никакой активной роли въ ней не играетъ, даже такой, какъ въ кіевскихъ былинахъ: это—не ласковый князь, угощающій своихъ богатырей, дающій имъ порученія, но иногда и властно сажающій разгнѣвавшаго его богатыря въ погребъ, а чисто внѣшній „эпическій общій" (ср. начало былины—обычный пиръ у Владимира), шаблонный центръ дѣйствія, въ лучшемъ случаѣ, лицо, пытающееся уладить частный скандалъ, возникшій въ его городѣ. Видимо, что появленіе Владимира и Кіева въ былинѣ есть результатъ позднѣйшаго пріуроченія ея къ кіевскому кругу [1]. Наконецъ, что касается самого имени Хотена, то оно также можетъ счесться небезызвѣстнымъ именно на сѣверѣ: такое имя носитъ дворянинъ XVI вѣка въ Твери, какъ это засвидѣтельствовано однимъ юридическимъ актомъ того времени. Для объясненія отчества Хотена—Блудовичъ—можно также привести опять-таки новгородское названіе: въ Новѣгородѣ существовала улица Блудова (вѣроятно, такъ названная по имени какого-то Блуда), что́ могло навести на мысль снабдить новгородскаго же героя такимъ отчествомъ.

Всѣ эти соображенія, взятыя вмѣстѣ, особенно если присоединить сюда же и общій характеръ былины—новеллы (предпочитаемой обычно именно новгородскимъ былевымъ творчествомъ), довольно убѣдительно ведутъ къ выводу о новгородскомъ происхожденіи самой былины: городской скандалъ, разыгравшійся между двумя богатыми, властными, привыкшими къ независимости новгородскими боярынями, послужилъ темой для пѣсенной обработки.

---

[1] Совершенно безъ ущерба для полноты содержанія былины можно исключить изъ нея всѣ мѣста, гдѣ фигурируетъ кн. Владиміръ, а также упоминанія о Кіевѣ, какъ мѣстѣ дѣйствія. Замѣтимъ, что въ былинѣ (стихъ 153) упоминается и Новгородъ, тогда какъ стоящее рядомъ (ст. 154) имя Кіева, очевидно, является дополненіемъ, быть можетъ, вставкой.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владимира,
Было пированьице, почестный пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На русскіихъ могучихъ богатырей 5
И на всю поленицу удалую.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестенъ пиръ идетъ на веселѣ;
На томъ ли на пиру на почестноемъ
Было двѣ честныхъ вдовы: 10
Первая вдова Блудова жена,
А другая вдова Часовая жена.
Честная вдова Блудова жена
Наливала чару меду сладкаго,
Брала эту чару во бѣлы руки, 15
Подносила честной вдовѣ Часовой женѣ
И за этой чарочкой посваталась
На честной дѣвицѣ на Чайной Часовичной
За своего за сына за любимаго,
За того Хотенушку за Блудовича: 20
„Ай же ты, честная вдова Часовая жена!
„Сведемъ-ка мы дѣтей въ одно мѣсто,
„А мы будемъ съ тобой родныя родницы,
„Родныя родницы, сватьюшки!“

Честная вдова Часова жена 25
Взяла эту чару во бѣлы руки
И вылила ей чару во ясны очи,
Облила ей шубу камчатую,
Пушокъ морской, вершокъ дорогой,
Сама говорила таковы слова: 30
— Ужъ ты сука б...., Блудова жена!
— Дойдетъ ли Чайну Часовичну взять за себя,
— За своего Хотенушку за Блудовича!
— Какъ твой былъ мужище-то Блудище
— Блудъ блудилъ по Новугороду; 35
— А сынище-то твой уродище:
— Ѣздитъ по городу, уродуетъ [1]
— Со своимъ со паробкомъ любимыимъ,
— Ищетъ бобоваго зерненка,
— А гдѣ бы-то Хотену обѣдъ снарядить. 40
— Моя ли Чайная Часовична
— Сидитъ-то во теремѣ вся въ камкѣ,
— Во славноемъ-то теремѣ, златомъ верху:
— Ю [2] буйные вѣтры не óбвѣютъ,
— Красное солнышко не óбпекетъ, 45
— Частые дождички не óбмочатъ,
— Добрые люди не óббаятъ [3],
— Не надсмѣется надъ ней пьяный пьяница.
— Еще есть у меня девять сыновей,
— У Чайной Часовичной девять братцевъ; 50
— Они ѣздятъ въ чистомъ полѣ, полякуютъ [4];
— Полонятъ они Хотенку во чистомъ полѣ,
— И привяжутъ ко стремени сѣдельному,
— И привезутъ Хотенку ко мнѣ налицо:

---

[1] Безобразничаетъ.
[2] Ее (старинная форма).
[3] Говорить о комъ дурно.
[4] Совершаютъ подвиги, воюютъ.

— Захочу,—кладу его во повары, 55
— Захочу,—кладу его во конюхи,
— Захочу,—продамъ на боярскій дворъ.—
А стала тутъ вдова обезчещена,
Пошла со честна пира невесела,
И невесела пошла, нерадостна: 60
„Замарала мою шубу камчатую,
„Пушокъ морской, вершокъ дорогой!“
Приходитъ ко терему высокому,
Ко тому крыльцу бѣлодубову,
Стрѣтаетъ ее рожоное дитятко, 65
Молодой Хотенушка Блудовичъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Свѣтъ-государыня, моя матушка!
— Что же ты идешь съ честна пира невесела,
— И невесела идешь, нерадостна? 70
— Али мѣсто ти было въ пиру не по́-люби [1],
— Али чарою тебя поо́бнесли,
— Али надсмѣялся пьяный пьяница?—
Тутъ взго́воритъ Хотенина матушка:
„Свѣтъ ты, мое чадо милое, 75
„Молодой Хотенушка Блудовичъ!
„Мѣсто мнѣ-ка на пиру было по́-люби,
„А чарой меня не о́бнесли,
„И не надсмѣялся пьяный пьяница,—
„Надсмѣялась надъ мною честная вдова, 80
„Честная вдова Часовая жена:
„Подносили мнѣ-ка чару меду сладкаго;
„Я за этой чарочкой посваталась
„У честной вдовы Часовой жены
„На честной дѣвицѣ на Чайной Часовичной 85
„Зе тебя, Хотенушку, за Блудовича.
„Она чары-то не выкушала,

[1] Не угодное, не нравящееся.

„Вылила мнѣ чару во ясны очи,
„Облила мою шубу камчатую,
„Пушокъ морской, вершокъ дорогой; 90
„Сама говорила таковы слова:
„„Ужъ ты сука, б...., Блудова жена!
„„Дойдетъ ли Чайну Часовичну взять за себя,
„„За свого Хотенушка за Блудовича?
„„Какъ твой былъ мужище-то Блудище 95
„„Блудъ блудилъ по Новугороду,
„„А сынище-то твой уродище:
„„Ѣздитъ по городу, уродуетъ
„„Со своимъ со паробкомъ любимыимъ,
„„Ищетъ бобоваго зерненка, 100
„„А гдѣ бы-то Хотену обѣдъ снарядить.
„„Моя ли Чайная Часовична
„„Сидитъ-то во теремѣ вся въ камкѣ,
„„Во славноемъ-то теремѣ, златомъ верху;
„„Ю буйные вѣтры не óбвѣютъ, 105
„„Красное солнышко не óбпекетъ,
„„Частые дождички не óбмочатъ,
„„Добрые люди не óббаятъ,
„„Не надсмѣется надъ ней пьяный пьяница.
„„А есть у меня девять сыновей, 110
„„А у Чайной Часовичной девять братцевъ;
„„Они ѣздятъ въ чистомъ полѣ, полякуютъ,
„„И полонятъ Хотенку во чистомъ полѣ,
„„И привяжутъ Хотенку къ стремени сѣдельному,
„„И привезутъ Хотенку на свой-то дворъ: 115
„„Захочу,—его кладу во повары,
„„Захочу,—кладу его во конюхи,
„„Захочу,—продамъ на боярскій дворъ““.
Спроговоритъ Хотенка таковы слова:
— Я ей эту насмѣшку óтсмѣюсь!— 120
Бралъ-то любимаго паробка,

Поѣхали по городу по Кіеву уродовать.
Подъѣзжалъ ко терему высокому,
Гдѣ сидитъ Чайная Часовична,
Ударилъ палицей булатноей 125
По тому по высоку по терему:
Не было ни бури, ни па́дари [1],
Не было погоды непомѣрныя [2],
Вереи свалились середи двора,
А про широкія ворота и слыху нѣтъ, 130
Высокъ-то вершокъ [3] въ чисто поле слетѣлъ;
Во теремѣ околенки поломалися,
Полки, грядки повыпадали,
Кирпична печка поразсыпалась;
Едва тутъ Чайной со страху смерть не пришла. 135
Тутъ-то Хотенка и посватался:
„Молода Чайная Часовична!
„Если съ чести идешь, за себя возьму;
„А нѣтъ, такъ возьму за товарища,
„За свого любимаго за паробка: 140
„По зубамъ ты, Чайна, разсыплешься,
„По власамъ ты, Чайна, распо́лстишься [4],
„По ногамъ ты, Чайна, расширишься;
„А какъ станемъ держать за единочку,
„То всякъ-то свою половиночку. 145
„А я поѣду въ чисто поле,
„Ты пошли туда девять братцевъ:
„Тамъ съ ними свидимся и перевидимся“.
И поѣхалъ Хотенка въ чисто поле,
Пораздернулъ бѣлъ шатеръ, 150
Ложился во шатрикъ спать,

---

[1] Падарь—зимняя непогода, снѣгъ и вѣтеръ.
[2] Сильнаго вѣтра.
[3] Верхъ.
[4] Располститься—отъ „полть“ — туша, разрубленная вдоль пополамъ.

А паробка поставилъ ко бѣлу шатру:
„Стой-ка, паробокъ, ко Новугороду,
„Востренько гляди ко городу ко Кіеву,
„Какъ выѣдутъ Часовичи въ чисто поле: 155
„Если поѣдутъ по два, по три въ одномъ мѣстѣ,
„То у нихъ есть думушка ровная,
„Ровная думушка, не розная;
„А поѣдутъ тотъ напередъ, другой напередъ,
„То у нихъ есть думушка розная; 160
„И ты буди меня со крѣпка сна“.
Выѣхали девять братцевъ въ чисто поле:
Тотъ ѣдетъ напередъ, другой напередъ,
Тотъ ѣдетъ хорошъ, другой лучше того—
Всякому надобно повыславиться. 165
Какъ увидѣлъ паробокъ ихъ думушку розную,
Не будилъ Хотенку со крѣпка сна,
А садился на добра коня богатырскаго
И поѣхалъ встрѣчу Часовичамъ:
Перво три братца конемъ потопталъ, 170
Друго три братца копьемъ скололъ,
Три-то братца полономъ взялъ,
Привезъ ко шатрику ко бѣлому,
Будилъ Хотенку со крѣпка сна:
—Я во твоей служебкѣ повыслужилъ.— 175
Говорилъ Хотенушка таковы слова:
„Не твое было дѣло коня пожурять [1],
„Не твое было дѣло по полю пырять [2]“.
Садилися на добрыхъ коней багатырскіихъ,
Привязали Часовичей ко стремени сѣдельному 180
И поѣхали ко городу ко Кіеву.
Увидала тутъ Часовая жена
Ѣдучи Хотенку съ чиста поля,

---

[1] Гнать впередъ.
[2] Рыскать.

Насыпала чашу чиста серебра,
Другую чашу красна золота, 185
Третью чашу скатна жемчуга,
Отнесла князю Владимиру,
Чтобы далъ силы сорокъ тысячей.
Какъ завидѣлъ силу Хотенка Блудовичъ,
Закричалъ имъ богатырскимъ покрикомъ: 190
„Если въ полонъ идете, живы будете,
„Если воевать идете, живы не будете;
„Я буду васъ бить, на-двое двоить,
„На-двое двоить, на-трое троить,
„На-трое троить, четвертями четвертить 195
„Я васъ на малыя на четверти.
„Вяжитесь-ка вы своими опоясками шелковыма
„По-двое по-трое въ одно мѣсто,
„Подите ко городу ко Кіеву,
„Кричите вы во всю голову: 200
„„Есть мы сила полоненая:
„„Полонилъ насъ Хотенушка Блудовичъ““.
Вязались они своима опоясками шелковыма
По-двое по-трое въ одно мѣсто,
Шли ко городу ко Кіеву, 205
Кричатъ-то во всю голову:
— Есть-то мы сила полоненая:
— Полонилъ насъ Хотенушка Блудовичъ!—
Честная вдова Часовая жена
Прибѣжала ко князю Владимиру, 210
Сама говорила таковы слова:
— Ай же ты, солнышко, Владимиръ князь,
— Назови Чайну Часовичну родной родницей,
— Родной родной племницей [1],

---

[1] Повидимому, случайное искаженіе слова или пропускъ: ожидали бы или „родницей, родной племницей“, или „родной родницей, родной племницей“. „Племница“ — тоже, что̀ „племянница“.

— Выдай замужъ за Хотенку Блудовича.— 215
Тутъ ласковый Владимиръ князь
Заводилъ пированьице почестный пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На русскіихъ могучіихъ богатырей
И на всю поленицу удалую. 220
И на томъ пиру на почестномъ
Спроговорилъ ласковый Владимиръ князь:
„Ай же ты, Хотенушка Блудовичъ!
„Хороши твои поступки молодецкіе!
„Ты смѣешься надъ моей родницей: 225
„Мнѣ вѣдь Чайна Часовична родна племница".
Ино Хотенушка догадливъ былъ:
Выставалъ за столика дубоваго,
Шелъ на широкій дворъ,
Поставилъ свой костыль середи двора: 230
— Ай же ты, ласковый Владимиръ князь!
— Обсыпь мой костыль златомъ и серебромъ
— Съ нижняго конца и до верхняго:
— Тошто [1] Часовичну за себя возьму.
— А нѣтъ, такъ возьму за товарища, 235
— За своего любимаго за паробка.
— А еще ли не будетъ такъ, такъ еще перетакъ [2]:
— Отпиши-тка мнѣ-ка семь городовъ:
— Тошто Часовичну за себя возьму.—

---

[1] Въ такомъ случаѣ.
[2] Иначе.

МОСКОВСКАЯ БЫЛИНА

Напечатанная до сихъ поръ былевая пѣсня, какъ можно было видѣть изъ вступительныхъ замѣтокъ къ каждой, по тѣмъ преданіямъ, которыя лежали въ ея основѣ, могла быть относима по своему образованію, частію по мѣстности своего наиболѣе вѣроятнаго ранняго распространенія, преимущественно къ югу русской территоріи, иногда къ русскому юго-западу, наконецъ, часто къ русскому сѣверу; по времени же созданія своего, эта „ста́рина“ иногда восходила къ довольно отдаленному періоду жизни русскаго племени. Когда же завершился процессъ новаго объединенія значительной части русскаго племени около Москвы, хотя и унаслѣдовавшей отъ Кіевской эпохи въ значительной мѣрѣ старый строй жизни, но въ то же время внесшей въ него и многое новое, вызванное новыми условіями, въ которыхъ оказывалось великорусское племя на новыхъ мѣстахъ своего поселенія,—несомнѣнно, и въ былевой пѣснѣ должны были произойти соотвѣтствующія перемѣны въ самомъ содержаніи ея. Эти перемѣны выразились не только въ тѣхъ „московскихъ“ наслоеніяхъ на старой былинѣ, которыя отчасти уже отмѣчались при анализѣ былинъ кіевскаго, новгородскаго и юго-западнаго типа, но также и въ появленіи такой былины, которая въ своей основѣ уже несла типичныя черты московской жизни и ея литературы, иначе сказать: создавалась своя *московская* былина. Разумѣется, былина эта, какъ и ея создатели и носители, тѣсно связана, по формѣ, по пріемамъ обработки сюжетовъ, съ той былиной, которая принесена была съ юга или въ болѣе раннее время родилась на нашемъ новгородскомъ сѣверѣ, и не могла сразу цѣликомъ ее замѣнить собою: она зарождается и живетъ рядомъ съ своей старшей сестрой, раздѣляя съ ней въ дальнѣйшемъ и свою судьбу. Въ то же время, приглядываясь къ той былинѣ, которую приходится считать „московской“, мы замѣтимъ, что она уже не выражаетъ собой полнаго расцвѣта этого вида устнаго творчества, а скорѣе можетъ быть

разсматриваема, какъ произведеніе времени его заката: не даромъ она вмѣстѣ со старшей былиной неуклонно уступаетъ свое мѣсто еще болѣе молодому по формаціи поколѣнію пѣсни — пѣснѣ „исторической",—сумѣвшей болѣе приспособиться къ новому уже міросозерцанію „московской" эпохи жизни русскаго племени. Характерной чертой этой „московской" былины является и то, что, пользуясь попрежнему и мѣстнымъ преданіемъ въ качествѣ своей основы и обрабатывая свои сюжеты въ прежнемъ направленіи (хотя и не такъ обильно пользуясь богатымъ запасомъ поэтическихъ средствъ для этой обработки), она уже чаще начинаетъ обращаться къ книжнымъ источникамъ, иногда цѣликомъ заимствуя изъ нихъ самое содержаніе свое. Объясненія этому явленію, повидимому, надо искать въ условіяхъ литературной жизни „московскаго" времени XV—XVII вв.: значеніе книжной литературы, кругъ лицъ, ею интересующихся, возросли,—возросло, стало быть, вліяніе книжной литературы, съ чѣмъ не могли не считаться и создатели былины, сами люди, какъ мы знаемъ, по развитію стоявшіе выше темной массы, а кромѣ того, въ силу своего положенія, естественно, шедшіе навстрѣчу своимъ слушателямъ, удовлетвореніе вкусовъ коихъ для нихъ было дѣломъ не безразличнымъ и по чисто практическимъ соображеніямъ: изъ историческихъ свидѣтельствъ мы, вѣдь, знаемъ, что въ эти вѣка былина составляла предметъ вниманія и средство эстетическаго удовлетворенія не только и не столько, быть можетъ, низшихъ классовъ русскаго общества, сколько классовъ достаточныхъ и даже высшихъ по своему развитію и положенію: былина, вмѣстѣ съ исторической пѣснею и сказкой, имѣла доступъ даже къ царскому двору, а въ концѣ XVII и въ началѣ слѣдующаго вѣка еще культивировалась въ дворянскихъ усадьбахъ и имѣла своихъ спеціальныхъ носителей—скомороховъ и сказителей,—питавшихся на счетъ этихъ классовъ русскаго общества, пожалуй, болѣе, нежели классовъ низшихъ. Этому большему, сравнительно съ прежнимъ, тяготѣнію „московской" былины къ книжнымъ элементамъ способствовало, вѣроятно, отчасти и то, что мѣстное преданіе, все болѣе пріоб-

рѣтающее содержаніе общерусское въ связи съ измѣненіемъ самосознанія въ сторону государственнаго, все сильнѣе начинаетъ привлекаться развивающейся въ это время „исторической“ пѣсней въ качествѣ основного ея содержанія, тѣмъ самымъ какъ бы дѣлая излишней обработку былиной тѣхъ же темъ въ старинномъ духѣ.

Этимъ измѣненіемъ литературныхъ вкусовъ и связаннымъ съ нимъ ростомъ „исторической“ пѣсни слѣдуетъ, вѣроятно, объяснять и сравнительную немногочисленность сюжетовъ „московской“ былины и то обстоятельство, что, чѣмъ далѣе, она тѣмъ скуднѣе по количеству сюжетовъ и содержанію, тѣмъ чаще сближается съ „исторической“ пѣснею. Повидимому, любители этого жанра довольствуются преимущественно старой пѣсней, сохраняемой въ устахъ ея традиціонныхъ носителей, не щедро, въ виду ослабѣвающаго на нее спроса, расширявшихъ свои репертуары новыми созданіями и направлявшихъ болѣе свои силы на пѣсню, такъ сказать, болѣе модную, т.-е., на созданіе пѣсни „исторической“. Въ такомъ положеніи, постепенно замирая въ устахъ создателей и сохраняясь вмѣстѣ со старшей былиной, и „московская“ доживаетъ до начала XVIII вѣка и, вмѣстѣ съ нею переходя къ крестьянамъ-носителямъ, доживаетъ до нашего времени. Старшія изъ „московскихъ“ былинъ по сюжетамъ восходятъ къ XV—XVI вв., младшія—къ Петровскому времени.

РАХТА РАГНОЗЕРСКІЙ

Пѣсня о Рахтѣ Рагнозерскомъ не принадлежитъ къ числу распространенныхъ среди былевыхъ, считается основанной на мѣстномъ Олонецкомъ преданіи о какомъ-то крестьянинѣ-силачѣ, изъ села Рагнозера (или Рангозера, при озерѣ того же названія, къ юго-востоку отъ Пудоги): извѣстенъ всего только одинъ текстъ пѣсни, записанный А. Ф. Гильфердингомъ, и одинъ также прозаическій ея пересказъ. Въ содержаніи своемъ стàрина о Рахтѣ указываетъ, повидимому, на время сложенія ея не ранѣе XVI вѣка—поры Грознаго: она сложилась не безъ вліянія „исторической" пѣсни о Мастрюкѣ Темрюковичѣ, чтó можно замѣтить уже по сходству въ обрисовкѣ безымяннаго „невѣрнаго" борца (котораго въ концѣ концовъ побиваетъ Рахта), вплоть до угрозы этого пришельца сжечь огнемъ всю Москву,—съ татариномъ Мастрюкомъ, царскимъ шуриномъ, ищущимъ себѣ поединщика и также тѣмъ же грозящимъ своему зятю-царю; замѣтимъ и аналогичный съ указанной пѣсней мотивъ посылки за борцомъ въ этой же „исторической" пѣснѣ. Разумѣется, въ содержаніи пѣсни о Рахтѣ остались и элементы самого мѣстнаго преданія: сюда надо отнести, повидимому, просьбу Рахты о правѣ ему разрѣшать рыбную ловлю на Рагнозерѣ, поѣздку его въ Москву „на лыжахъ" и т. п.; къ элементамъ сказочнаго характера, принявшимъ участіе въ созданіи былины, можно отнести совѣтъ жены Рахты не сердить Рахту, пока онъ голоденъ (ср. сходный съ этимъ мотивъ въ лѣтописной сказкѣ объ Янѣ Усмошевцѣ). Въ остальномъ же пѣсня отлична отъ другихъ былевыхъ тѣмъ, что она, пріурочивая главное свое дѣйствіе (бой съ „невѣрнымъ" бойцомъ) къ Москвѣ и къ личности князя Московскаго, ничѣмъ не обмолвливается ни о Кіевѣ, ни о Новѣгородѣ, хотя и создавалась въ мѣстности, гдѣ оба эти „эпическихъ" центра хорошо извѣстны слагателямъ и пѣвцамъ былинъ: это еще болѣе заставляетъ склоняться къ представленію

о нашей пѣснѣ, какъ о сложившейся и въ „московское“ время, и при культурномъ преобладаніи уже Москвы.

Что касается страннаго имени Рахты (иначе, Ракха), то оно до сихъ поръ удовлетворительнаго объясненія не получило: попытка сопоставить это имя — а съ нимъ и самое преданіе — съ именемъ упоминаемаго въ лѣтописи „удалого Рагдая“ (только въ Никоновской, подъ 1000-мъ годомъ, рядомъ съ Яномъ Усмошевцемъ) представляется возможной, но лишь предположительно: въ такомъ случаѣ придется еще предположить, что были какія-то преданія (а быть можетъ и пѣсни) объ его подвигахъ, слѣдъ которыхъ остался въ лѣтописномъ сводѣ XVI вѣка (къ этому времени относится составленіе Никоновского свода, вообще богатаго отзвуками устно-народнаго характера), но что преданія эти на сѣверѣ въ московское время уже забылись, и осталось въ памяти лишь одно имя, которое и пристегнуто къ личности мѣстнаго олонецкаго силача, быть можетъ, уже слагателемъ былины или еще самимъ преданіемъ, затерявшимъ уже настоящее его имя. Имя этого Рагдая, но въ качествѣ одного изъ 37 богатырей князя Владимира, помнили еще въ концѣ XVII вѣка, какъ о томъ свидѣтельствуетъ запись этого времени въ одной изъ дошедшихъ до насъ рукописей. Но какихъ-либо преданій объ этомъ богатырѣ, объ его подвигахъ мы на сѣверѣ болѣе не знаемъ.

РАХТА РАГНОЗЕРСКІЙ.

Пріѣзжалъ борецъ было невѣрныи,
Много городовъ прошолъ,
Много онъ борцовъ повалилъ,
Иныихъ онъ до смерти убилъ [1].
Пріѣзжае онъ въ Москву да бѣлокаменну, 5
Самъ же князю похваляется:
„Ай же князь ты московскіи!
„Дай мнѣ нуньчу поединщичка.
„Ты не дадешь [2] намъ да поединщичка,—
„Я вашею Москву да всю огнемъ прижгу“ [3]. 10
Много находилося младыхъ борцовъ,
А никто не можетъ съ нимъ да супротивиться,
А й борецъ противъ его да не находится.
Изъ той же изъ-подъ сѣверной сторонушки,
А стоятъ же мужики да балахонники [4], 15

---

[1] Ср. въ пѣснѣ о Мастрюкѣ:

Я пятьсотъ борцовъ поборолъ,
Пятьсотъ городовъ за себя побралъ. (Рыбн., II, 35).

[2] Т.-е. дашь.

[3] Ср. въ пѣснѣ о Мастрюкѣ:

А зайду съ краю—Москву вырублю,
А зайду съ другова—Москву выпалю.
(Соколовы, „Сказки и пѣсни Бѣлоз. края“, № 12).

[4] Отъ слова—балахонъ: широкая лѣтняя, преимущественно, полотняная одежда; балахонникъ—или носящій такую одежду, или тотъ, кто ткетъ, торгуетъ этой одеждой (Даль).

А й сами́ они да испрого́ворятъ:
— Кабы нашъ-то же да Рахта рагнозерскіи
— Этого борца онъ бы нунь въ кучку склалъ!—
Подходитъ человѣкъ да незнакомыи,
У тыхъ же мужиковъ онъ да спрашиватъ: 20
„Вы откуда, мужички да балахонники,
„А какой же у́ васъ Рахта рагнозерскіи?“
Отвѣчали мужики да балахонники:
— Нашъ бы Рахта рагнозерскіи
— Этого борца да онъ бы въ кучку склалъ.— 25
Подхватили мужиковъ да балахонниковъ,
А держали ихъ-то въ крѣпости [1],
Отправляли тутъ скора́ гонца
Въ ту деревню Рагнозерскую,
За тѣмъ Рахтой рагнозерскіимъ. 30
Пріѣзжаетъ тутъ гонецъ было московскіи
Въ ту деревню Рагнозерскую,
Не случилось было Рахты дома ли,
При тое́мъ гонцѣ да при московскоемъ:
Находился Рахта въ лѣсахъ е. 35
Спрашиватъ гонецъ было московскіи:
„Этта ль есть да Рахта рагнозерскіи?“
Отвѣчаетъ тутъ ему да было женщина:
— Тутъ живетъ же Рахта рагнозерскіи.
— Ты откудова, удалый добрый молодецъ?— 40
„Я изъ той Москвы да бѣлокаменной,
„Тотъ гонецъ да было скорыи
„А за тѣмъ было за Рахтой рагнозерскіимъ:
„Требуе тутъ было князь московскіи
„Съ тымъ борцомъ да поборотися, 45
„А съ невѣрныимъ поратиться“.
Отвѣчаетъ ему женщина:

---

[1] Подъ стражей; ср. нравы—обычаи московскаго времени.

— Ай же ты гонецъ было московскіи!
— Какъ изъ лѣсу при́де Рахта рагнозерскіи,
— Не серди ты-тка его голоднаго, 50
— А й голоднаго его да холоднаго,
— Дай ему волю хлѣба нунь покушати,
— А тожно [1] ты его да нуньчу спрашивай.—
Тутъ приходитъ съ лѣсу Рахта рагнозерскіи.
Сготовляетъ обѣдъ да ему женщина; 55
Онъ же сѣлъ тутъ хлѣба кушати,
А поѣлъ же тутъ нунь Рахта рагнозерскіи.
Ты [2] ставае да гонецъ было московскіи
А й ему же тутъ нунь поклоняется:
„Ты есть нуньчу Рахта рагнозерскіи? 60
„Требуетъ тя князь нуньчу́ московскіи [3]
„Съ тымъ борцомъ да поборотися,
„Что ль съ невѣрныимъ да попытатися“.
— Отправляйся-ка, гонецъ да ты московскіи,
— Нунь въ Москву свою да бѣлокаменну. 65
— Я послушаю нунь князя да московскаго
— А прибуду я въ Москву да на бореніе,
— Да прибуду нунь попрежде васъ.
— А прибуду буде раньше васъ,
— Гди искать мнѣ князя да московскаго?— 70
„Ты прибудешь нунь въ Москву да бѣлокаменну,
„Спросишь же ты князя тамъ московскаго,
„Тамъ тебѣ-ка-ва покажутъ ли“.
А й гонецъ въ Москву да отправляется;
Рахта тутъ на лыжи было ставится, 75
Что ли Рахта тутъ въ Москву да отправляется,
Да попрежде тутъ гонца въ Москву онъ ставится.
Отыскалъ же тутъ онъ князя да московскаго;

---

[1] Тогда.
[2] Тутъ.
[3] Въ пересказѣ онъ названъ Василіемъ.

А кормили тутъ его да было досыта,
А поили тутъ его да было допьяна. 80
Тотъ гонецъ въ Москву было прискакивалъ,
А про Рахту онъ у князя было спрашивалъ.
Отвѣчае тутъ да князь было московскіи:
— Здѣсь-ка Рахта что ль въ Москвѣ да объявляется,
— Именéмъ своимъ да Рахта называется.— 85
Говоритъ гонецъ было московскіи
Что ли князю да московскому:
„Ты держи-тка его сутки да голоднаго,
„Тожно ты спусти къ борцу да на бореніе
„А къ невѣрному на показаніе“. 90
Выдержали сутки да голоднаго
А спустили тутъ его да на бореніе.
Говоритъ тутъ Рахта рагнозерскіи:
— Я бороться, князь, да нунечу не знаю ли,
— Я поратиться съ борцомъ да не умѣю ли; 95
— Да привычка нунь у насъ да была женская.—
Какъ ухватитъ онъ борца за плечи ли
Да топнетъ тутъ борца о кирпиченъ мостъ,
Сбилъ его всего да въ кучку вдругъ.
„Ай же ты да Рахта рангозерскіи! 100
„Чѣмъ тебя да нунечу пожертвовать?“ [1].
— Ничего мнѣ, князь, не надобно.
— Дай-ка мнѣ-ка бласловеньице,
— Что ль на нашемъ было на озерушкѣ
— Не ловили да мелкоя тамъ рыбушки 105
— А безъ нашего да дозволеньица.—
Далъ ему да князь было московскіи,
Далъ да князь тутъ дозволеньице,
Чтобъ не ловили безъ его благословеньица.

---

[1] Пожаловать.

ДАНИЛО ЛОВЧАНИНЪ

Былина о Данилѣ Ловчанинѣ интересна прежде всего по широтѣ района своего распространенія: извѣстные до сихъ поръ ея пересказы (ихъ около пятнадцати) встрѣчались въ губ. Нижегородской (лучшій варіантъ), Симбирской, Архангельской, Новгородской и въ Терской области; при этомъ не лишено интереса то, что въ центрѣ былиннаго творчества—въ Олонецкомъ краѣ—она осталась неизвѣстна пѣвцамъ, тогда какъ рядомъ съ нашимъ сѣверомъ она даетъ (при томъ лучшіе варьянты) записи въ центральной области великорусскаго племени, въ старой собственно Московской: это уже одно наводитъ на преположеніе, не была ли эта центральная, собственно Московская, Русь родиной и самой былины? Такого рода предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе и, повидимому, дальнѣйшее обоснованіе въ анализѣ особенностей обработки основного ея сюжета. Сюжетъ, какъ видимъ, не сложенъ: князь Владимиръ хочетъ жениться; ему приближенный его Мишата Путятинъ указываетъ на жену его вѣрнаго слуги Данила Ловчанина; Владимиръ послѣ нѣкотораго колебанія рѣшается принять совѣтъ лукаваго совѣтчика, поручивъ Данилу опасную службу, на которой онъ долженъ погибнуть. Дѣло однако не удается: Данило кончаетъ самоубійствомъ, но и вѣрная его жена Василиса Микулична—также. Тема эта разработана въ былевую пѣсню, повидимому, не безъ вліянія извѣстной библейской исторіи о женитьбѣ царя Давида на женѣ его военачальника Уріи—Вирсавіи—съ одной стороны, и былины о Добрынѣ-сватѣ (ср. т. I, стр. 27—28)—съ другой. Былина—въ духѣ „кіевской“, получила обычное шаблонное начало и князя Владимира въ качествѣ внѣшняго центра дѣйствія. Тѣмъ не менѣе въ старомъ и при томъ кіевскомъ происхожденіи самой былины приходится усумниться: вся обстановка дѣйствія, его детали указываютъ на сравнительно позднюю эпоху и на среду не-кіевскую. Прежде всего, самъ князь Владимиръ нашей былины мало похожъ на обычнаго

въ старшихъ былинахъ: онъ страдаетъ подозрительностью, капризно деспотиченъ, видимо, не чуждъ пристрастія къ женскому полу, скоръ на крутую расправу, легко мирится съ формальнымъ исполненіемъ закона (нельзя жениться на женѣ отъ живого мужа, но, если мужа этого убить, то законъ не можетъ запретить женитьбы на вдовѣ, для чего подъ какимъ-либо предлогомъ можно подослать и убійцъ); и самый способъ расправы его съ лицами, возбудившими его неудовольствіе, также характеренъ: онъ ихъ приказываетъ либо сослать въ дальніе края (ср. опалу), либо засадить въ тюрьму, либо просто повѣсить... Эти всѣ черты князя напоминаютъ жуткую эпоху царя Грознаго; а потому можно и думать, что, рисуя такъ кн. Владимира, слагатель былины имѣлъ передъ собой образъ суроваго царя XVI вѣка и, быть можетъ, даже именно самого Ивана Грознаго. Въ согласіи съ такимъ пріуроченіемъ облика князя въ нашей былинѣ стоитъ и вся остальная обстановка ея: видную роль играетъ въ ней лукавый царскій совѣтчикъ, наводящій его на грѣхъ (ср., напр., Малюту Скуратова исторіи и отчасти „исторической“ пѣсни), бояре, низкопоклонничающіе передъ капризнымъ деспотомъ, страхъ, который внушаетъ Данилу одна мысль о княжескомъ нерасположеніи („осердился“ князь—Господь прогнѣвался) и т. д.. Все это, взятое вмѣстѣ, заставляетъ предполагать, что пѣсня наша создалась не ранѣе XVI вѣка, отразивъ на себѣ съ достаточной яркостью именно эту эпоху. Можно, пожалуй, итти и далѣе въ опредѣленіи ея происхожденія: она могла имѣть отправнымъ своимъ пунктомъ даже опредѣленное событіе этого времени, если и затушевала (какъ это мы видимъ часто въ процессѣ созданія былины) это событіе, именно: женитьбу Грознаго на Василисѣ Мелентьевнѣ, о чемъ въ одномъ современномъ источникѣ (Сказаніе о бракахъ ц. И. Грознаго) сказано: „царь обрачился со вдовою Василисою Мелентьевною, еяже мужа опричникъ закла. Зѣло урядна и красна, таковыя же не бысть въ дѣвахъ, кіихъ возяше на зрѣніе царю“. На связь содержанія пѣсни съ личностью Грознаго намекаетъ и совпаденіе именъ былинной Василисы съ исторической Мелентьев-

ной, а также и имя лукаваго совѣтчика князя Мишаты Путятина: его сближаютъ съ историческимъ Меньшимъ Путятинымъ, ближайшимъ совѣтчикомъ отца Грознаго, продолжавшимъ сохранять свое вліяніе и при сынѣ, ходившимъ между прочимъ и въ послахъ, подобно Мишатѣ. Если такой генезисъ нашей былины можетъ быть признанъ заслуживающимъ довѣрія, то возможно и дальнѣйшее ея разъясненіе: такъ, въ такомъ случаѣ намъ станетъ понятнымъ, почему подлинный герой пѣсни—Иванъ Грозный—былъ замѣненъ инымъ лицомъ: надо думать, потому, что въ народной пѣснѣ и сказкѣ Грозный рисуется, какъ личность съ положительными, симпатичными чертами, а Грозный того сюжета, который использованъ составителемъ нашей былины, не могъ быть примиренъ съ этимъ привычнымъ представленіемъ, тогда какъ обликъ князя Владимира уже въ раннемъ эпосѣ о немъ, рядомъ съ положительными, давалъ черты и отрицательныя (напр., въ былинѣ о ссорѣ его съ Ильей; см. т. I, стр. 181 и сл.). Можетъ быть, здѣсь имѣло значеніе и то, что ея авторъ, слагая свою пѣсню въ эпоху самого Грознаго или вскорѣ послѣ него, не находилъ удобнымъ и даже, можетъ быть, безопаснымъ назвать прямо главнаго виновника во всякомъ случаѣ не лестнаго для царя эпизода.

Наконецъ, косвеннымъ подтвержденіемъ того предположенія, что наша пѣсня происхожденія не древняго, можетъ служить и ея формальная сторона: въ отличіе отъ старой былины она и по объему невелика, приближаясь въ этомъ отношеніи къ „исторической“ пѣснѣ, и очень небогата тѣми изобразительными поэтическими украшающими средствами, которыя такъ характерны для старой былины, при помощи ихъ не только достигающей большой художественности, но и значительнаго объема.

ДАНИЛО ЛОВЧАНИНЪ.

У князя было у Владимира,
У Кіевскаго солнышка Сеславича
Было пированьице почестное,
Честно и хвально, больно радошно
На многи князья и бо́яря, 5
На сильныхъ могучихъ бога́тырей.
Въ по́лсыта бояря наѣдалися,
Въ по́лпьяна бояря напивалися,
Промежъ себя бояря похвалялися:
Сильнъ-отъ хвалится силою, 10
Богатой хвалится богатествомъ;
Купцы-тѣ хвалятся товарами,
Товарами хвалятся заморскими;
Бояря-та хвалятся помѣстьями,
Онѣ хвалятся вотчинами. 15
Одинъ только не хвалится Данила Денисьевичъ.
Тутъ возго́воритъ самъ Володимиръ князь:
„Охъ ты гой еси, Данилушка Денисьевичъ!
„Еще что ты у меня ничѣмъ не хвалишься?
„Али не чѣмъ тѣ похвалитися? 20
„Али нѣту у тебя золотой казны?
„Али нѣту у тебя молодой жены?
„Али нѣту у тебя платья свѣтно́го [1]?“

---

[1] Т.-е. цвѣтного.

Отвѣтъ держитъ Данила Денисьевичъ:
— Ужъ ты батюшка нашъ, Володимиръ князь! 25
— Есть у меня золота казна,
— Еще есть у меня и молода жена,
— Еще есть у меня и платье свѣтное;
— Нéшта тáкъ я это призадумался.—
Тутъ пошелъ Данила съ широка двора. 30
Тутъ возгóворитъ самъ Володимиръ князь:
„Охъ вы гой есте, мои князья-бóяря!
„Ужъ вы всѣ у меня переженены,
„Только я одинъ холóстъ хожу;
„Вы ищи́те мнѣ невѣстушку хорошую, 35
„Вы хорошую и пригожую,
„Чтобъ лицомъ красна и умомъ сверстна [1]:
„Чтобъ умѣла русскую грамоту
„И четью-пѣтью церковному,
„Чтобы было кого назвать вамъ матушкой, 40
„Ввеличать [2] бы государыней“.
Изъ-за лѣвой было изъ-за сторонушки
Тутъ возгóворитъ Мишаточка Путятинъ сынъ:
— Ужъ ты батюшка, Володимиръ князь!
— Много я ѣзжалъ по инымъ землямъ, 45
— Много видалъ я королевишенъ,
— Много видалъ и изъ ума пыталъ:
— Котора лицомъ красна—умомъ не сверстна,
— Котора умомъ сверстна—лицомъ не красна.
— Не нахаживалъ я такой красавицы, 50
— Не видывалъ я этакой пригожицы,—
— У тово ли у Данилы у Денисьича,
— Еще та ли Василиса Микулишна:
— И лицомъ она красна, и умомъ сверстна,

---

[1] Соотвѣтственный, подходящій.
[2] Возвеличать.

— И русскую умѣетъ больно грамоту, 55
— И четью-пѣтью горазда церковному;
— Еще было бы кого назвать намъ матушкой,
— Ввеличать намъ государыней!—
Это слово больно князю не показалося [1],
Володимиру словечко не полюбилося. 60
Тутъ возгóворитъ самъ батюшка Володимиръ князь:
„Еще гдѣ это видано, гдѣ слыхано:
„Отъ живого мужа жену отнять!“
Приказалъ Мишаточку казнить-вѣшати.
А Мишаточка Путятинъ приметливъ [2] былъ, 65
На иную на сторонку перекинулся:
— Ужь ты батюшка, Володимиръ князь!
— Погоди меня скорò казнить-вѣшати,
— Прикажи, государь, слово мóлвити.—
Приказалъ ему Володимиръ слово мóлвити: 70
— Мы Данилушку пошлемъ во чистò поле,
— Во тѣ ли луга Леванидовы,
— Мы ко ключику пошлемъ ко гремячему,
— Велимъ поймать птичку бѣлогорлицу,
— Принести ее къ обѣду княженецкому; 75
— Что еще убить ему льва лютаго,
— Принести его къ обѣду княженецкому.—
Это слово князю больно показалося,
Володимиру словечко полюбилося.
Тутъ возговоритъ старой казакъ, 80
Старой казакъ Илья Муромецъ:
„Ужъ ты батюшка, Володимиръ князь!
„Изведешь ты яснаго сокола:
„Не поймать тебѣ бѣлой лебеди!“
Это слово князю не показалося, 85

---

[1] Не понравилось.
[2] Догадливъ.

Посадилъ Илью Муромца во погребъ.
Садился самъ во золотъ стулъ,
Онъ писалъ ярлыки скорописные,
Посылалъ ихъ съ Мишаточкой въ Черниговъ градъ.
Тутъ поѣхалъ Мишаточка въ Черниговъ градъ 90
Прямо ко двору ко Данилину и ко терему Василисину.
На дворъ-отъ въѣзжаетъ безопасочно [1],
Во полатушку входитъ безобсылочно [2].
Тутъ возговоритъ Василиса Микулишна:
„Ты невѣжа, ты невѣжа, неотецкой сынъ [3]! 95
„Для чего ты, невѣжа, эдакъ дѣлаешь:
„Ты на дворъ-отъ въѣзжаешь безопасочно,
„Въ полатушку входишь безобсылочно?“
Отвѣтъ держитъ Мишаточка Путятинъ сынъ:
— Охъ ты гой еси, Василиса Микулишна! 100
— Не своей я волей къ вамъ въ гости зашелъ,
— Прислалъ меня самъ батюшка Володимиръ князь
— Со тѣми ярлыками скорописными.—
Положилъ ярлычки, самъ вонъ пошелъ.
Стала Василиса ярлыки пересматривать: 105
Заливалася она горючьми́ слезми́.
Скидовала съ себя платье свѣтное,
Надѣваетъ на себя платье молодецкое,
Сѣла на добра коня, поѣхала во чисто поле
Искать мила дружка свого Данилушка. 110
Нашла она Данилу свѣтъ Денисьича;
Возго́воритъ ему таково слово:
„Ты надежинька, надежа, мой сердечной другъ,
„Да ужъ мо́лодой Данила Денисьевичъ!
„Что останное [4] намъ съ тобой свиданьице! 115

---

[1] Безъ осторожности, смѣло.
[2] Не посылая о себѣ доложить.
[3] У кого отецъ неизвѣстенъ, незаконный сынъ.
[4] Послѣднее.

„Поѣдемъ-ка съ тобою къ широку́ двору“.
Тутъ возго́воритъ Данила Денисьевичъ:
— Охъ ты гой еси, Василисушка Никулишна!
— Погуляемъ-ка въ остатки[1] по чисту полю,
— Побьемъ съ тобой гуськовъ да лебедушекъ!— 120
Погулямши поѣхали къ широку двору.
Возго́воритъ Данила свѣтъ Денисьевичъ:
— Внеси-ка мнѣ мало́й колчанъ каленыхъ стрѣлъ.—
Несетъ она большой колчанъ каленыхъ стрѣлъ.
Возго́воритъ Данилушка Денисьевичъ: 125
— Ты невѣжа, ты невѣжа, неотецка дочь!
— Чего ради ты, невѣжа, ослуша́ешься?
— Аль не чаешь надъ собою бо́льшого?—
Василисушка на это не прогнѣвалась,
И возго́воритъ ему таково слово: 130
„Ты надежинька, мой сердечной другъ,
„Да ужъ мо́лодой Данилушка Денисьевичъ!
„Лишняя стрѣлочка тебѣ приго́дится:
„Пойдетъ она ни по князѣ, ни по баринѣ,
„А по своемъ[2] братѣ бога́тырѣ“. 135
Поѣхалъ Данила во чисто поле,
Что во тѣ луга Леванидовы,
Что ко ключику ко гремячему,
И къ колодезю пріѣхалъ ко студеному.
Беретъ Данила трубоньку подзорную, 140
Глядитъ ко городу ко Кіеву:
Не бѣлы́ снѣги забѣлѣлися,
Не черныя грязи зачернѣлися:
Забѣлѣлася, зачернѣлася сила русская
На тово ли на Данилу на Денисьича. 145
Тутъ заплакалъ Данила горючьми́ слезми́,
Возго́воритъ онъ таково слово:

---

[1] Въ послѣдній разъ, напослѣдокъ.
[2] Своемъ.

— Знать, гораздо я князю сталъ ненадобенъ,
— Знать, Володимиру не слуга я былъ!—
Беретъ Данила саблю боевую, 150
Прирубилъ Денисьичъ силу русскую.
Погодя тово времечько манешенько,
Беретъ Данила трубочку подзорную,
Глядитъ ко городу ко Кіеву:
Не два слона въ чисты́мъ полѣ слонятся, 155
Не два сыры́ дуба шатаются:
Слонятся-шатаются два бога́тыря
На того ли на Данилу на Денисьича:
Его родной братъ Никита Денисьевичъ
И названной братъ Добрыня Никитовичъ. 160
Тутъ заплакалъ Данила горючьми́ слезми́:
— Ужъ и въ правду, знать, на меня Господь прогнѣвался,
— Володимиръ князь на удалого осе́рдился!—
Тутъ возго́воритъ Данила Денисьевичъ:
— Еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано: 165
— Братъ на брата со боемъ идетъ!—
Беретъ Данило свое востро̀ копье,
Тупымъ концомъ втыкатъ во сыру́ землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ;
Споролъ себѣ Данила груди бѣлыя, 170
Покрылъ себѣ Денисьичъ очи ясныя.
Подъѣзжали къ нему два бога́тыря,
Заплакали объ немъ горючьми́ слезми́.
Поплакамши, назадъ воротилися,
Сказали князю Володимиру: „Не стало Данилы 175
„Что того ли уда́лого Денисьича!“
Тутъ собираетъ Володимиръ поѣздъ-отъ.
Садился въ колясочку во зо́лоту,
Поѣхали ко городу Чернигову.
Пріѣхали ко двору ко Данилину; 180
Восходятъ во те́ремъ Василисинъ-отъ.

Цѣловалъ ее Володимиръ во саха́рныя уста.
Возго́воритъ Василиса Микулишна:
„Ужъ ты батюшка, Володимиръ князь!
„Не цѣлуй меня въ уста во кро́вавы, 185
„Безъ мого друга Данилы Денисьича“.
Тутъ возговоритъ Володимиръ князь:
— Охъ ты гой еси, Василиса Микулишна!
— Наряжайся ты въ платье свѣтное,
— Въ платье свѣтное, подвѣнечное.— 190
Наряжалась она въ платье свѣтное,
Взяла съ собой булатной ножъ.
Поѣхали ко городу ко Кіеву.
Поверсталися супротивъ [1] луговъ Леванидовыхъ,
Тутъ возговоритъ Василиса Микулишна: 195
„Ужъ ты батюшка, Володимиръ князь!
„Пусти меня проститься съ милымъ дружкомъ,
„Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ“.
Посылалъ онъ съ ней двухъ бога́тырей.
Подходила Василиса ко милу́ дружку, 200
Поклонилась она Данилѣ Денисьичу;
Поклонилась она, да восклонилася,
Возго́воритъ она двумъ бога́тырямъ:
„Охъ вы гой есте, мои вы два бога́тыря!
„Вы подите, скажите князю Володимиру, 205
„Чтобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
„По чисту полю со милымъ дружкомъ,
„Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ“.
Беретъ Василиса свой булатной ножъ,
Спорола себѣ Василисушка груди бѣлыя, 210
Покрыла себѣ Василиса очи ясныя.
Заплакали по ней два бога́тыря.
Пошли онѣ ко князю Володимиру:

---

[1] Поровнялись, проѣзжая мимо.

„Ужъ ты батюшка, Володимиръ князь!
„Не стало нашей матушки Василисы Микулишны, 215
„Передъ смертью она намъ промолвила:
„„Охъ вы гой есте, мои вы два богатыря!
„„Вы подите, скажите князю Володимиру,
„„Чтобы не далъ намъ валяться по чисту́ полю,
„„По чисту́ полю со милымъ дружкомъ, 220
„„Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ““.
Пріѣхалъ Володимиръ во Кіевъ градъ,
Выпущалъ Илью Муромца изъ погреба,
Цѣловалъ его въ головку, во темечко:
— Правду сказалъ ты, старо́й казакъ, 225
— Старой казакъ Илья Муромецъ! —
Жаловалъ его шубой соболиною,
А Мишаткѣ пожаловалъ смолы котелъ.

201

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ

Историческая подкладка былины объ Иванѣ Годиновичѣ (иначе: Годеновѣ, Горденовѣ) не представляется достаточно ясной; причина этого — въ самомъ ея содержаніи, вращающемся около довольно широко распространеннаго былинно-сказочнаго мотива о неудачномъ добываніи жены, осложненнаго другимъ, также популярнымъ въ международной сказочной литературѣ — о невѣрной женѣ: съ аналогичными сюжетами въ томъ же приблизительно ихъ сочетаніи мы встрѣчаемся и въ русской исторической легендѣ, какова, напр., объ убіеніи Батыя царя (занесена въ Никоновскій лѣтописный сводъ подъ 1248-мъ годомъ); такова также русская легенда о воинѣ и его женѣ, похищенной княземъ, попавшая въ числѣ другихъ въ житіе Іосифа Волоколамскаго; тотъ же мотивъ о невѣрной женѣ проходитъ черезъ былину о Потыкѣ Михайловичѣ (см. т. I, стр. 289 и сл.); въ основѣ сербской пѣсни о Бановичѣ Страхинѣ заложены тѣ же мотивы. Присутствіе иныхъ сказочныхъ мотивовъ обнаруживается и далѣе въ содержаніи нашей былины: къ числу ихъ надо отнести и Кощея Трапетовича (по варьянтамъ, впрочемъ, и Идолище, идущее изъ былинъ, и сказочный царь Афромей), этого обычнаго въ сказкахъ претендента на руку красавицы (правда, въ былинѣ слабо очерченнаго). Остальное въ нашей былинѣ находитъ себѣ соотвѣтствіе въ другихъ, представляя или ходячія общія мѣста, или же—детали, созданныя по подражанію тѣмъ или инымъ въ нихъ: такъ, къ числу такихъ общихъ мѣстъ относитъ слѣдуетъ самое начало пѣсни—пиръ у Владимира, задумчивость Ивана Годиновича; объясненіе этой задумчивости напоминаетъ то, которое находимъ въ былинѣ о женитьбѣ Владимира („Добрыня-сватъ“, т. I, стр. 27; ср. ниже въ былинѣ о Василіи Окуловичѣ); совѣтъ князя идетъ, повидимому, оттуда же, равно какъ и приглашеніе на помощь товарища, слуги-паробка (ср. тамъ же, стр. 29), который затѣмъ исчезаетъ, какъ не нужное по существу лицо, изъ разсказа былины; совѣтъ Настасьи Кощею убить привязаннаго

Ивана восходитъ къ аналогичному мотиву, знакомому намъ также изъ былины о Потыкѣ (ср. т. I, стр. 310, 313); голубки (по варьянтамъ—воронъ), которыхъ видятъ Настасья и Кощей, знакомы намъ также изъ пѣсни о Романѣ (т. I, стр. 368), и т. д. Наконецъ, самая расправа Ивана съ измѣнницей Настасьей опять находитъ себѣ параллель въ сказкахъ, а поговорка о женитьбѣ, которой кончается былина объ Иванѣ Годиновичѣ, заканчиваетъ собой также былину объ Алешѣ и Добрынѣ (см. т. I, стр. 65). Въ результатѣ наша былина представляется вся почти цѣликомъ сотканной изъ ходячихъ сказочныхъ и былинныхъ мотивовъ, скомбинированныхъ ея создателемъ, видимо, хорошо знакомымъ съ этимъ матеріаломъ уже по существовавшимъ ранѣе устно-народнымъ произведеніямъ, а потому большой оригинальности не обнаруживаетъ. Если это говоритъ за сравнительно позднее время ея композиціи, то описаніе той жестокой, отзывающейся жуткимъ сарказмомъ, расправы Ивана съ Настасьей напомнитъ то утонченное мучительство, которое отмѣчено памятниками историческими XVI—XVII вѣка для московскихъ застѣнковъ Грознаго, и нравы его времени, что́ также будетъ говорить за позднее происхожденіе и самой пѣсни.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя Владимира,
Заводился пированьице почестный пиръ
На многихъ князей-бояръ,
И на сильныхъ могучихъ богатырей, 5
И на всѣхъ поленицъ удалыихъ,
И на всѣхъ гостей [1] приходящіихъ.
И всѣ на пиру пьяны веселы сидятъ,
А Иванушко Годеновичъ
Не пьетъ, да и не ѣстъ и не кушаетъ, 10
И бѣла лебедя Иванушка не рушаетъ.
И спрашиваетъ у Ивана родной дядюшка
Владимиръ князь столенъ кіевскій:
— Что же ты, Иванушко,
— Не пьешь, не ѣси́ [2] и не кушаешь, 15
— И бѣлы лебеди, Иванушко, не рушаешь?
— Мѣсто ли тебѣ не по разуму,
— Али невѣжа тебя въ пиру обезчестила?—
Говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:
„Ай ли ты, родитель мой дядюшко, 20
„Владимиръ князь столенъ кіевскій!
„Мѣсто-то мнѣ какъ по разуму,

---

[1] Купцовъ.
[2] Ѣшь.

„И невѣжа въ пиру не обезчестила.
„У насъ-то во городѣ во Кіевѣ
„Всѣ молодцы испоженены, 25
„Красныя дѣвушки замужъ выданы,
„А я-то, Иванъ, не женатъ хожу.
„Кабы мнѣ-ка нажить богосуженая,
„Кабы мнѣ-ка нажить супружница!“
И говоритъ Владимиръ князь столенъ кіевскій: 30
— Ай же ты, Иванушко Годеновичъ!
— Да гдѣ тебѣ невѣста по́-люби, тутъ и бери;
— Добромъ не отдаютъ, такъ и силой возьмемъ.—
И говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:
„Ай же ты, любезный мой дядюшка, 35
„Ты Владимиръ князь столенъ кіевскій!
„Есть у меня невѣста-то въ городѣ Черниговѣ
„У того ли у купца у гостя Дмитрія торговаго,
„Есть же Настасья-та Дмитріевна:
„Умомъ умна и станомъ статна, 40
„Лице бѣло будто бѣлый снѣгъ,
„Щечки будто маковъ цвѣтъ,
„Походочка у ней такъ павиная,
„Рѣчь-то у ней лебединая“.
И говоритъ-то Владимиръ князь столенъ кіевскій: 45
— Ай же ты, Иванушко Годеновичъ!
— Бери-тка казны, колько [1] надобно,
— Бери-тка ты силы, колько требуется,
— И поѣзжай-ка ты за Настасьей Дмитріевной.—
И говоритъ-то Иванушко Годеновичъ: 50
„Ай же ты, любезный мой дядюшко,
„Владимиръ ты князь столенъ кіевскій!
„Не надобна мнѣ золотая казна
„И не надобна мнѣ сила твоя армія;

---

[1] Сколько.

„Только дай-ка мнѣ Ефимка слугу-паробка [1], 55
„Мы двое съ нимъ да поправимся [2]“.
И встаетъ Ефимка слуга-паробокъ:
— Благодарствуй, Иванъ да Годеновичъ,
— Хоша мною ты да не побрезговалъ!—
И видѣли молодцовъ, какъ на коней садилися, 60
И не видѣли, куда они уѣхали.
И пріѣхали ко городу Чернигову,
И разскочилися ко гостю купцу Дмитрію торговому,
И стали они у него свататься:
„Ай же ты, Дмитрій гость торговый! 65
„Отдай же Настасью Дмитріевну
„За княженецкаго племянника за Иванушка Годеновича“.
Говоритъ-то Дмитрій гость торговый:
— У меня просватана Настасья-то Дмитріевна
— За царя за Кощея Трапетовича.— 70
Какъ хватили-то саблю-то острую
И говорятъ-то они таково слово:
„Ай же ты, Дмитрій гость торговый!
„Не отдашь какъ Настасьи-то Дмитріевны,
„Отсѣкемъ мы тебѣ буйную голову!“ 75
И хватили Настасью-то Дмитріевну
За тѣ ли за ручки за бѣлыя,
За тѣ ли за перстни злаченые,
И выводили-то ей [3] на широкой дворъ,
И садили-то ей на дорога коня, 80
И повезли-то ее да во Кіевъ градъ.

И выѣхали они да во чисто поле,
И говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:

---

[1] Текстъ: Паромка; въ другихъ былинахъ онъ носитъ имя Екима (Якима).
[2] Т.-е. справимся.
[3] Ее.

„Поѣзжай-ко ты, Ефимка слуга-паробокъ,
„Поѣзжай ты во Кіевъ градъ 85
„И скажи-ко дядюшкѣ вѣсточку радостную,
„Что получили Настасью-то Дмитріевну,
„А я раскину шатеръ бѣлополо́тняный,
„Отдохну я съ Настасьею Дмитріевной“.
Уѣхалъ слуга-паробокъ во Кіевъ градъ, 90
Оставаются Иванушко Годеновичъ
Съ Настасьею Дмитріевной во чистомъ полѣ.
И раскинули они шатеръ бѣлополо́тняный
И легли они спать да опочивъ держать.
И наѣхалъ Кощей да Трапетовичъ, 95
И кричалъ-то Кощей громкимъ голосомъ:
— Ай же ты, Иванушко Годеновичъ!
— Ты почто у меня взялъ Настасью-то Дмитріевну?
— У меня три года какъ сосватаюсь [1].—
И вышелъ-то Иванушко Годеновичъ 100
Супротивъ Кощея Трапетовича,
И стали о Настасьи-то дратися,
Дратися да и боротися:
И одолѣлъ Иванушко Кощея Трапетовича,
И закричалъ-то Кощей громкимъ голосомъ: 105
— Ай же ты, Настасья Дмитріевна!
— За мной тебѣ жить,—такъ царицей слыть,
— За Иванушкой жить,—портомойницей слыть.—
И скочила какъ Настасья-то Дмитріевна,
И какъ хватила Ивана за желты кудри, 110
И ушибла Ивана о сыру землю.
И связали у Ивана ручки бѣлыя,
И сковали у Ивана ножки рѣзвыя,
Привязали-то ко кустичку ракитовому.
И зашли-то во шатеръ бѣлополо́тняный 115

---

[1] Состоялось сватовство.

Кощей-то Трапетовичъ съ Настасьею Дмитріевною,
И стали забавлятися.
И прилетѣли голубокъ да со голубушкой,
Садилися на кустичекъ ракитовый,
И воркуютъ-то они да приговариваютъ: 120
„Хорошо стоять Иванушкѣ у кустичка ракитова,
„Хорошо смотрѣть на Кощея Трапетовича,
„Какъ забавляется съ Настасьей-то Дмитріевной!“
И говоритъ-то Настасья-то Дмитріевна:
— Ой ты, Кощей Трапетовичъ! 125
— Отсѣки Ивану буйну голову:
— Какъ сослетятъ [1] да голубокъ со голубушкой во Кіевъ градъ,
— Да скажутъ князю Владимиру,
— Наѣдутъ какъ кіевскіе богатыри,
— Такъ не уѣхать намъ будетъ во свою землю.— 130
Такъ тутъ говоритъ Кощей-то Трапетовичъ:
„Застрѣлю я голубка со голубушкой“.
И натягивалъ Кощей свой тýгій лукъ,
И накладывалъ Кощей калену стрѣлу,
И стрѣляетъ въ голубка да во голубушку; 135
И не попалъ-то Кощей ни въ голубка, ни во голубушку,
А попалъ во свою бѣлу грудь,
И разбилъ-то свою бѣлу грудь,
Разрушилъ свое сердце ретúвое:
И тутъ-то Кощею слава вся прошла [2]. 140
И говоритъ-то Настасья-то Дмитріевна:
— Отъ бережку я откачнулася,
— Ко другому бережку не прикачнулася!
— Ой же ты, Иванушко Годеновичъ!
— Не станешь меня ни бить, ни бранить, 145
— Такъ отвяжу тебя отъ кустичка ракитоваго;

---

[1] Улетятъ, снявшись съ мѣста
[2] Т.-е. смерть пришла (ср. „славу поютъ“, т.-е. поминаютъ покойника).

— А станешь меня бить да бранить,
— Отсѣку тебѣ буйну голову.—
Взяла-то она саблю вострую,
И задрожали у ней ручки бѣлыя, 150
И выпала сабля по поводамъ шелковыимъ.
И сталъ-то Иванъ на своей воли,
И говоритъ-то Иванъ таково слово:
„Я не стану тебя, Настасья, ни бить, ни бранить,
„Только дамъ тѣ три угрозы [1], три великія! 155
„Эти мнѣ руки не надобны:
„Почто меня хватали за желты кудри,
„Почто ушибали о сыру землю!“
И отсѣкъ-то у ней ручки бѣлыя.
„Эти мнѣ губы не надобны: 160
„Почто цѣловали Кощея Трапетовича!“
И отсѣкъ-то у ней губы бѣлыя.
„Этотъ языкъ мнѣ не надобенъ:
„Почто говорилъ:—„Отсѣки-тка Ивану буйну голову!—“
И вытянулъ языкъ у ней изо рта. 165
„На-тко, Настасья Дмитріевна,
„Хоть замужъ пойди, хоть вдовой живи,
„А мнѣ ты теперь не надобна!“

И поѣхалъ Иванъ-то во Кіевъ градъ,
Одинъ-то поѣхалъ одинешенекъ. 170
И встрѣчаетъ его дорогой дядюшка,
Думаетъ, что ѣдетъ Иванъ съ богосуженой.
И говоритъ-то Иванъ таково слово:
„Ай ты, родитель мой дядюшка!
„Всякъ-то на семъ свѣтѣ женится, 175
„А не всякому женитьба издавается [2]“

---

[1] Наказанія.
[2] Удается.

ЦАРЬ САЛАМАНЪ И ВАСИЛІЙ ОКУЛОВИЧЪ

Уже самое заглавіе былины показываетъ, что въ ней мы имѣемъ передъ собою одну изъ многочисленныхъ и въ устной и въ письменной нашей литературѣ обработокъ популярной международной темы о премудромъ царѣ Соломонѣ. Наша старинная литература и отчасти искусство давно знаютъ рядъ произведеній на эту тему, начиная съ XIV вѣка: таковы, напр., извѣстныя новгородскія „Васильевскія“ бронзовыя церковныя двери, гдѣ, въ числѣ прочихъ изображеній, находимъ изображеніе Соломона и его мудраго противника Китовраса; разсказъ о тѣхъ же лицахъ читаемъ въ такъ называемой „Толковой Палеѣ“, русскомъ компиллятивномъ памятникѣ не позднѣе того же времени по происхожденію; эти же разсказы становятся популярными въ XV—XVI вв., въ эпоху развитія у насъ раціоналистическаго движенія „жидовствующихъ“; и позднѣе, въ XVII и XVIII вѣкахъ, мы встрѣчаемся въ нашихъ рукописяхъ, часто въ народныхъ тетрадкахъ, съ поздними версіями сказаній о Соломонѣ; наконецъ, въ устно-народной сказкѣ Соломону, какъ спеціально представителю мудрости, отведено видное мѣсто. Былинный разсказъ о Соломонѣ и восходитъ къ одной изъ этихъ книжныхъ повѣстей, какъ къ своему основному источнику: сопоставленіе былиннаго разсказа съ различными версіями этихъ повѣстей о Соломонѣ убѣждаетъ насъ съ очевидностью въ томъ, что такимъ источникомъ его была одна изъ позднихъ версій, получившая доступъ въ русскую книжную литературу не ранѣе XVI—XVII вѣка, чѣмъ и опредѣляется приблизительно время происхожденія самой былинной обработки. Обрабатывая въ былевую пѣсню свой источникъ, авторъ ея отнесся къ нему самостоятельно: сохраняя въ общемъ фабулу почти цѣликомъ, удержавъ и многія ея подробности, онъ опустилъ начало книжнаго разсказа, замѣнивъ его ходячимъ общимъ мѣстомъ пира, разсказомъ о желаніи царя Василія Окуловича жениться и сообщеніемъ Таракашки о Соломонидѣ, женѣ Соломона, которая могла бы подойти вкусамъ Василія, т.-е., воспользовался хорошо извѣстными эпизодами изъ старинныхъ

былинъ, прежде всего изъ былинъ о женитьбѣ Владимира („Добрыня-сватъ"; см. т. I, стр. 27 и сл.) и Данила Ловчанина (ср. выше, стр. 192 и сл.); далѣе идетъ у него близкій, хотя и сжатый, пересказъ книжнаго источника, расцвѣченный тѣми же общими мѣстами старшихъ былинъ. Въ результатѣ получился живой, красочный разсказъ, болѣе выпуклый и яркій, чѣмъ въ его книжномъ источникѣ. Оставивши имя Соломона, авторъ былины вводитъ въ число дѣйствующихъ лицъ какого-то Таракашку, „гостя-заморянина" (купца, ведущаго заграничную, морскую торговлю), въ качествѣ совѣтника, и, согласно уже съ источникомъ, дѣлаетъ его главнымъ лицомъ въ исторіи похищенія жены Соломона; затѣмъ, онъ даетъ имя Василія Окуловича врагу Соломона, вмѣсто книжнаго царя Пора, а женѣ Соломона—имя Соломоніи (по варьянтамъ: Соломонихи, Соломониды и даже Соломодины), ясно, произведя его отъ имени самого Соломона, тогда какъ въ повѣсти она обычно называется только „царицей". Откуда могли у автора былины появиться имена Таракашки и самого Василія Окуловича, опредѣленно сказать затруднительно; по предположенію изслѣдователей, хотя и не особенно убѣдительному, въ нихъ можно подозрѣвать отзвуки воспоминаній о вел. кн. Василіи III, женатомъ на Соломоніи, и о Василіи Таракановѣ, московскомъ бояринѣ XVI вѣка, ведшемъ въ то же время торговыя дѣла и въ Новѣгородѣ. Если бы это предположеніе получило подтвержденіе, мы могли бы сдѣлать и другое—о мѣстѣ созданія нашей былины, именно: исходя изъ той несимпатичной роли, которую играетъ въ ней Таракановъ-Таракашка, и отрицательнаго отношенія къ Василію Окуловичу, яснаго въ ней, мы могли бы предположить новгородское происхожденіе и самой былины, авторъ которой—новгородецъ—не имѣлъ поводовъ относиться съ симпатіей ни къ Василію Тараканову, этому представителю московскихъ интересовъ въ Новѣгородѣ, ни тѣмъ болѣе къ вел. кн. Василію, хорошо памятному въ Новгородскомъ краѣ своими къ нему враждебными отношеніями. Косвенно, за такое толкованіе генезиса былины будетъ, быть можетъ, говорить и то, что всѣ пятнадцать ея пересказовъ, намъ извѣстные, идутъ только изъ Олонецкой и Архангельской губерній, т.-е. старыхъ новгородскихъ областей.

ЦАРЬ САЛАМАНЪ И ВАСИЛІЙ ОКУЛОВИЧЪ.

За славнымъ было за синимъ моремъ,
Во начальномъ-то [1] было во Царѣ-градѣ,
У царя ли Василія Окулова
Хорошій заведенъ былъ почестный пиръ
На многи на князи, на бояра, 5
На сильны могучи богатыри,
На всѣ поленицы удалыя,
На всѣ татары, на уланове.
Бѣлый день идетъ ко вечеру,
Почестный пиръ идетъ на-вéселѣ; 10
Хорошо государь распотѣшился,
Выходилъ по гриднѣ, выговаривалъ:
„Ужъ вы, мои князи-бояра,
„Всѣ сильны могучи богатыри,
„Всѣ поленицы удалыя, 15
„Всѣ татары, всѣ уланове
„У меня во Царѣ-градѣ испоженены,
„Всѣ дѣвицы-вдовицы замужъ выданы;
„Я, прекрасный царь Василій, холостъ хожу.
„Вы не знаете-ль мнѣ супротивницы, 20
„Супротивницы какъ супротивъ меня:
„Станомъ статна была бы, умомъ сверстна;

---

[1] Ср. царствующій градъ.

„У ей очи-то были бы ясна сокола,
„У ей брови-то были бы черна соболя,
„У ней рѣчь—пословица умильная, 25
„Будто бѣлыя лебеди пролетныя;
„У ей лицо-то будто бѣлый снѣгъ,
„У ей ягодницы [1] будто маковъ цвѣтъ,
„Походка бы лани златорогія,—
„Не была бы другая такая на семъ свѣтѣ". 30
Тутъ всѣ во пиру призамолкли, сидя [2],
Большой хоронится за средняго,
Середній хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго царю отвѣту нѣтъ.
Изъ того де стола изъ-за окольнаго [3], 35
Съ той де скамейки—дорогъ рыбій зубъ,
Выставалъ Таракашко, гость заморянинъ,
Приходитъ къ царю близешенько,
Поклоняется царю низешенько:
— Благослови, государь, слово промолвити! 40
— Бывалъ я далече за синимъ моремъ,
— Во начальномъ-то градѣ во Іерусалимѣ.
— Тамо есть царица Саламанида:
— Она станомъ статна и умомъ сверстна;
— У ей очи-то были ясна сокола, 45
— У ей брови-то были черна соболя,
— Рѣчь—пословица умильная,
— Будто бѣлыя лебеди пролетныя;
— У ей лицо-то будто бѣлый снѣгъ,
— У ей ягодницы будто маковъ цвѣтъ, 50
— Походка будто лани златорогія.
— Не видалъ я другой такой на семъ свѣтѣ.

---

[1] Щеки.

[2] Вѣроятно: сидятъ.

[3] Дальній, находящійся вдали отъ царскаго стола (ср. сидѣнье по чинамъ на пиру).

— Сидитъ, сударь, во высокихъ во теремахъ,
— Ей [1] красно солнышко не óбпечетъ,
— Часты мелки дождички не óбмочатъ, 55
— Ей добрые-то люди не óсмѣютъ.—
Говоритъ Василій царь Окуловичъ:
„Ты глупъ Таракашко, гость заморянинъ!
„Еще какъ отъ жива мужа жена отнять?“
— Я вѣдь знаю, какъ жена отнять: 60
— Мнѣ построй-ка три корабля черненые [2],
— Носы, кормы взводи по звѣриному,
— Бока-то взводи по змѣиному,
— За очи-ты мѣсто [3] зращивай [4]
— По цѣлой лисицы по печорскія, 65
— За брови мѣсто почернивай [5]
— По цѣлому соболю сибирскому;
— Поставь по древу кипарисному,
— На древо посади птицы райскія,
— Чтобы пѣли де пѣсенки по царскому; 70
— Построй-то кровать слоновыхъ костей,
— Въ зголовьяхъ [6] станови, сударь, гуселышка,
— Чтобы сами и гудѣли, сами тонцы [7] вели,
— Тонцы-то вели все Царя-града,
— Утѣха-то была Іерусалима, 75
— Отпѣвали [8] умъ-разумъ во буйной головы,
— Во буйной головы человѣческой;
— Накати, сударь, водки все дворянскія,
— Накати питья все забыдущаго;

---

[1] Ее.
[2] Обычный эпитетъ: червленъ (корабль).
[3] Вмѣсто очей.
[4] Прикрѣпить (?)
[5] Сдѣлать чернымъ (?)
[6] Изголовье.
[7] Мотивъ.
[8] Воспѣвали.

— Мнѣ-то дай шкиперовъ, сударь, работниковъ: 80
— Привезу, сударь, ти Саламаниду.—
Царь все онъ сдѣлалъ повелѣное:
Накатилъ ли какъ водки все дворянскія,
Накатилъ ли питья все забыдущаго,
Да и далъ шкиперовъ ему, работниковъ. 85
И скоро Таракашко собирается,
За сине-то море попускается.
Онъ будетъ поблизку града Іерусáлима,
Поѣзжаетъ Саламанъ во чисто поле,
Приходитъ къ царицѣ Саламанидѣ, 90
Самъ говоритъ таково слово:
„Ты, прекрасна царица Саламанида!
„Пришелъ я съ тобой попроститися:
„А поѣду я теперь во чисто поле“.
Говоритъ царица ему, отвѣтъ держитъ: 95
— Премудрый Саламанъ царь Давыдьевичъ!
— Ночесь [1], государь, мнѣ мало спалось,
— Мало спалось, много во сняхъ видѣлось:
— Кабы да у тебя на правой рукѣ
— Распаялся бы златенъ перстень, 100
— Выкатáлася вставка Новгородская,
— По твоей середѣ [2] бы разсыпалася.—
Говорилъ Саламанъ таково слово:
„Сама ты спала, себѣ сонъ видѣла“.
Говоритъ царица таковы слова: 105
— Еще, государь, мнѣ мало спалось,
— Мало спалось, много во сняхъ видѣлось:
— Кабы изъ твоего саду изъ зеленаго
— Везли де твою лебедь бѣлую.—
Умѣетъ Саламанъ, какъ сонъ судить: 110

---

[1] Сегодня ночью.
[2] Полъ.

„Прекрасна царица Саламанида!
„Не сдавайся на прелести на мужески“.
Попростился, уѣхалъ во чисто поле.
Гость Таракашко заморянинъ
Затянулся во гавань карабельную, 115
Беретъ честные дороги дарове,
Приходитъ къ царицѣ во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется, 120
Самъ говоритъ таково слово:
— Прекрасна царица Саламанида!
— Примай отъ меня честные дарове,
— А мнѣ дай писаревъ-переписчиковъ
— Переписать у меня животъ [1] на корабляхъ, 125
— Съ чего бы ти брать дани-опошлины,
— А мнѣ торговати въ Іерусалимѣ.—
Дала писаревъ ему, переписчиковъ.
Приводилъ Таракашко на первый корабль,
Подносилъ де имъ водки все дворянскія; 130
Приводилъ Таракашко на второй корабль,
Подносилъ имъ питья все забыдущаго:
Тутъ писаря всѣ упивалися
И по кораблямъ всѣ развалялися.
Гость Таракашко порасплакался, 135
Ко царицѣ пришелъ, поразжалился,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ты, прекрасна царица Саламанида!
— Заѣзжимъ ты гостемъ посмѣхаешься:
— Не писаревъ ты мнѣ дала, переписчиковъ, 140
— Дала ты пьянь да голь кабацкую:
— Будто вѣкъ не пивали зелена вина,

---

[1] Имущество, товаръ.

— Нонь лежатъ, какъ скотина крестьянская.—
Сама-то царица подымалася,
Она силы беретъ до пяти сотъ. 145
Приводилъ Таракашко на первый корабль,
Подносилъ ей водки все дворянскія;
Приводилъ Таракашко на второй корабль,
Подносилъ ей питья все забыдущаго;
Тутъ царица упивалася. 150
Гость Таракашко догадается,
Сходни наладилъ, что двоимъ пройти,
Проводилъ Таракашко на третій корабль,
Гдѣ построена кровать-то слоновыхъ костей:
Ложилась царица спать на кровать слоновыхъ костей. 155
Гость Таракашко догадается,
Закричалъ Таракашко зычнымъ голосомъ:
— Вы всѣ шкипера мои, работники!
— Подымайте по парусу полотняному,
— Побѣгайте далече во сине море.— 160
Всѣ шкипаря пометалися,
Подымали де паруса полотняные,
Побѣгали далече во сине море.
Прохватилась царица изъ-за крѣпкаго сна,
Сама говорила таково слово: 165
„Гость Таракашко заморянинъ!
„Про себя ты везешь, я съ тобой нейду“.
Умѣетъ Таракашко какъ отвѣтъ держать:
— Не про себя я везу тебя, про друга,
— Про царя Василья Окулова. 170
— Да вѣдь какъ наша-то вѣра лучше вашея,
— Всѣ среды и пятокъ за единый день,
— Среду, пятницу скоромъ кушаютъ.—
Ей эта вѣра полюбилася.
Скоро побѣгали ко Царю-граду, 175
Затянулись во гавань корабельную.

Встрѣчаетъ царь Василій Окуловичъ,
Беретъ се де за руки за бѣлыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя,
Ведетъ ее во кирку во соборную; 180
Принимали по своему златые вѣнцы,
Стали жить-быть, да вѣкъ коротати.
Пріѣзжаетъ Саламанъ изъ чиста поля,—
И не стало царицы Саламаниды.
Премудрый Саламанъ царь Давыдьевичъ, 185
Онъ набралъ де силы сорокъ тысячей,
Все де какъ латниковъ-кольчужниковъ,
Пошелъ де Саламанъ кругъ синя моря,
Кругъ синя моря да ко Царю-граду.
Онъ будетъ подъ рощами зелеными, 190
Оставляетъ онъ силу всю подъ рощами,
Силѣ то самъ наказывалъ:
„Все мое войско любезное!
„Я одинъ пойду теперь во Царь-городъ.
„И буду я у смерти-то у скорыя, 195
„Затрублю я де во турій рогъ во первый разъ,—
„Такъ вы скоро сѣдлайте добрыхъ коней;
„Затрублю я въ турій рогъ во второй-то разъ,—
„Такъ вы скоро садитесь на добрыхъ коней;
„Затрублю я въ турій рогъ во третій разъ,— 200
„Вы будьте скоро у рели [1] у дубовыя,
„Оборониге меня отъ смерти скорыя“.
Попростился, одинъ пошелъ во Цареградъ.
Идетъ мимо палату мимо царскую,
Закричалъ Саламанъ зычнымъ голосомъ: 205
„Ты, прекрасна царица Саламанида!
„Подай мнѣ, прохожему, милостину“.
Отворялось окошечко косевчато;

---

[1] Рель, реля—висѣлица, перекладина.

Не бѣлая лебедушка прокырчила [1],
Говорила царица таково слово: 210
--- Да я вижу,—не калика перехожая,
— Я вижу,—Саламанъ, царь премудрыій.
— Пожалуй-ка, Саламанъ, во высокъ теремъ:
— Мое, сударь, дѣло подневольное.—
Пришелъ Саламанъ во высокъ теремъ. 215
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется.
Прекрасна царица Саламанида
Садила за столы бѣлодубовы, 220
Поитъ-кормитъ, много чествуетъ.
Пріѣзжалъ Василій изъ чиста поля,
Застучалъ во кольцо во серебряно,
Говорилъ Саламанъ таково слово:
„Прекрасна царица Саламанида! 225
„Нонь куда мнѣ будетъ подѣватися?“
— Поди-тка, Саламанъ, во окованъ ларецъ.—
Отмыкала замки-то двудорожные [2],
Запущала Саламана премудраго,
Замыкала Саламана замками двудорожными; 230
Запущала царя Василія Окулова,
Сама садилась на окованъ ларецъ,
Говорила царица таково слово:
— Прекрасный Василій царь Окуловичъ!
— Сказали, Саламанъ-то хитеръ, мудеръ! 235
— Нонь ужели Саламана здѣ глупѣе нѣтъ:
— Сидитъ подъ ж.... подъ женскою.—
Говорилъ Василій таково слово:

---

[1] Вѣроятно, „прокыршила“ отъ „кыршить“: говорить шопотомъ, въ полголоса (Даль).

[2] Вѣроятно, замокъ съ двумя оборотами, особо прочный, годный для дороги.

„Прекрасна царица Саламанида!
„Покажи мнѣ Саламана премудраго“. 240
Отмыкала замки да двудорожные,
Выпущала Саламана премудраго,
Сама говорила таково слово:
— Прекрасный Василій Окуловичъ!
— Придай ты Саламану смерть скорую: 245
— Ужели вѣдь Саламанъ-отъ есть хитеръ-мудеръ,—
— . . . . . [1]
А царь все вѣдь онъ дѣлалъ повелѣное. 250
Поѣхали ко рели ко дубовыя:
Ѣдетъ Саламанъ царь премудрый,
Ѣдетъ Василій царь Окуловичъ,
Ѣдетъ царица Саламанида,
Ѣдетъ Таракашко, гость заморянинъ. 255
Говорилъ Саламанъ таково слово:
„Царь Василій ты Окуловичъ!
„Передни-то колеса конь везетъ,

---

[1] Пропускъ у пѣвца. Въ другой записи (Рыбникова же, II, 284) на этомъ мѣстѣ:

Говоритъ царь Соломанъ таковы слова:
„Ай же, батюшко, прекрасный король Василій Окульевичъ!
„Ты казни-тка меня не по каличьему,
„Ты казни меня по царскому,
„Какъ у насъ на святой Руси
„Царей казнятъ да вѣшаютъ;
„Вѣдь я теперь никуда не уйду;
„А прикажи-ка ты въ чистомъ полѣ
„Вкопать два столбика дубовые,
„Класть грядочку кленовую,
„Ко грядочкѣ привязать три петельки шелковыя:
„Первую петельку красную, шелковую—
„Класть буйная головушка;
„Другую петельку шелку да бѣлаго—
„Класть бѣлыя рученьки;
„Третью петельку шелку да чернаго—
„Класть рѣзвыя ноженьки“.

„Да ужъ задни колеса зачѣмъ чертъ несетъ?“
Никто де тому не догадается. 260
Пріѣхали къ рели ко дубовыя,
Становился Саламанъ на первой ступень,
Говорилъ Саламанъ таково слово:
„Ты, прекрасный Василій царь Окуловичъ!
„Ужъ я за молодость да за ребячество 265
„Пасывалъ я скотину крестьянскую,
„Благослови заиграть, сударь, во турій рогъ“.
Затрубилъ Саламанъ во турій рогъ во первый разъ:
Сила-то вся сколыбается,
Скоро сѣдлали добрыхъ коней. 270
Убоялся царь Василій, уполошился [1]:
— Что за чудо, Саламанъ, сотворилося,
— Еще де что въ чистомъ полѣ стучитъ-бренчитъ?—
Говорилъ Саламанъ таково слово:
„Не бойся, Василій, не полошайся: 275
„Мои-то кони въ Іерусалимѣ
„Пошли со стойла во темны лѣса,
„Бьютъ копытами въ сыру землю,
„Поминаютъ Саламана премудраго“.
Ступилъ Саламанъ на второй ступень, 280
Затрубилъ де въ турій рогъ во второй разъ:
Сила-то вся сколыбалася,
Скоро садились на добрыхъ коней.
Убоялся Василій, уполошился:
— Что за чудо, Саламанъ, сотворилося, 285
— Еще что де въ чистомъ полѣ стучитъ-бренчитъ?—
„Не бойся, Василій, не полошайся:
„Моя-то птица въ Іерусалимѣ
„Полетѣла изъ саду во темны лѣса,
„Бьетъ крылами о темный лѣсъ, 290

[1] Всполошился.

„Вспоминаетъ Саламана премудраго“.
Вступилъ Саламанъ на третій ступень,
Затрубилъ ли онъ въ турій рогъ по ратному:
Сила-то вся облелѣяла [1],
Будто ясные соколы облетѣли, 295
Будто сѣрые-то волки обрыскали,
Наѣхали къ рели ко дубовыя,
Снимали де царя Саламана премудраго
Съ тоя со рели со дубовыя;
Царя де Василья Окулова 300
Положили во петлю шелка бѣлаго,
Прекрасную царицу Саламаниду
Положили въ петлю шелка краснаго,
Гостя Таракашку де заморскаго
Положили въ петлю шелка чернаго. 305
Поплѣнили они весь Царь-городъ,
И назадъ пошли вокругъ синя моря,
Вокругъ синя моря, моря къ Іерусалиму.
Стали жить-быть, да вѣкъ коротати.

---

[1] Облила со всѣхъ сторонъ, окружила.

НЕРАЗСКАЗАННЫЙ СОНЪ

Рѣдко встрѣчающаяся (извѣстна всего одна ея запись изъ Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губ.) эта былина тѣмъ не менѣе принадлежитъ къ довольно характернымъ образчикамъ недавней по времени своего созданія былевой пѣсни. Если для пѣсни о Василіи Окуловичѣ источникомъ являлась поздняя версія сказанія о Соломонѣ (ср. выше, стр. 213), то былина о „Неразсказанномъ снѣ“ даетъ намъ стихотворную обработку поздней же устно-народной сказки аналогичнаго съ нею содержанія. Сама же сказка эта, поскольку въ настоящее время могла быть выяснена литературная ея исторія, должна быть сочтена мало самостоятельной и также поздней по происхожденію; въ основѣ своей, подобно былинѣ, она представляетъ сліяніе двухъ сказочныхъ темъ: одна изъ нихъ — сватовство, соединенное съ исполненіемъ трудныхъ, на первый разъ кажущихся неисполнимыми задачъ, тема, которая часто встрѣчается и въ старыхъ сказкахъ о хитрой невѣстѣ въ различныхъ сочетаніяхъ съ другими, равно какъ и въ варіантахъ нашей сказки, послужившей источникомъ былины; вторая тема — о мудромъ, вѣщемъ юношѣ или мальчикѣ, отказывающемся до времени раскрыть тайну, которую онъ узнаетъ, научившись понимать языкъ животныхъ и птицъ — въ нашей сказкѣ (а за ней и въ былинѣ) восходитъ въ концѣ концовъ къ книжному источнику; именно, къ одной изъ „притчъ“ царевича въ переводной повѣсти, въ т. н. „Книгѣ о семи мудрецахъ“, притомъ въ той ея версіи, которая пришла къ намъ съ запада лишь въ XVII вѣкѣ [1]. Т. о. сама устная сказка съ такимъ содержа-

---

[1] „Книга (иначе „Повѣсть“) о семи мудрецахъ“ извѣстна во множествѣ переводовъ, какъ на европейскіе языки, такъ и не-европейскіе; къ намъ она пришла въ переводѣ съ польскаго. Книга эта, по составу своему, представляетъ сборникъ притчъ и сказокъ, объединенныхъ внѣшней рамкой одного общаго разсказа (наподобіе рамки извѣстныхъ „Тысячи и одной ночи“, типичной для сборниковъ восточныхъ сказокъ), раз-

ніемъ ранѣе этого вѣка появиться не могла, а слѣдовательно, и происходящая отъ нея наша былина. Подтвержденіе указанной связи нашей былины съ этой сказкой, помимо сходства въ основныхъ темахъ, можно усматривать также въ томъ обстоятельствѣ, что и то небольшое отличіе въ деталяхъ, какое даетъ былина сравнительно съ „притчей“ въ „Книгѣ о семи мудрецахъ“ (именно: предсказаніе птицъ, которое узнаетъ герой сказки, въ былинѣ замѣнено вѣщимъ сномъ) [2], находимъ и въ варьянтахъ указанной сказки. На то же, при томъ сравнительно позднее, время обработки сказочной темы въ томъ ея видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ее теперь въ этой пѣснѣ, указываетъ, быть можетъ, также имя героя ея—Иванъ Васильевичъ, въ которомъ видятъ смутное воспоминаніе о царѣ Иванѣ Васильевичѣ, популярномъ героѣ историческихъ пѣсенъ. Да и вся бытовая обстановка, рисуемая пѣсней, сильно напоминаетъ позднюю эпоху XVI—XVII вѣковъ Московскаго царства и даже, быть можетъ, начала слѣдующаго вѣка.

сказа о козняхъ мачехи, прельстившейся своимъ пасынкомъ: выводя на чистую воду свою мачеху, царевичъ и разсказываетъ притчу о сынѣ рыцаря, понимавшемъ птичій языкъ. Поздняя редакція этой притчи, въ видѣ „Повѣсти объ Александрѣ и Людовикѣ“, встрѣчается и отдѣльно отъ „Книги о семи мудрецахъ“. Съ этой-то поздней редакціей и даетъ сходство сказка, а черезъ нее и наша былина.

[2] Такая замѣна легко могла произойти въ нашей сказкѣ и былинѣ подъ вліяніемъ такихъ варьянтовъ сказокъ о хитрой невѣстѣ, гдѣ эта основная тема была уже соединена съ разсказомъ о вѣщемъ снѣ; такіе варьянты, дѣйствительно, намъ извѣстны по записямъ (Аѳанасьева, Худякова, Чубинскаго).

НЕРАЗСКАЗАННЫЙ СОНЪ.

При тоемъ царѣ при Ѳедорѣ Васильичѣ
Жилъ былъ бояринъ богатыій;
У него было три сына, три любимыихъ,
И выстроилъ всѣмъ по дому по великому.
Посылалъ онъ перво сына старшаго 5
Во свой во домъ новостроенный,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ай же ты, мое чадо милое!
„Что тебѣ во сняхъ привидится [1],
„Тотъ мнѣ сонъ поразскажи". 10
Ему во сняхъ ничего не привидѣлось.
По другую ночь послалъ сына средняго,
И ему ничего не привидѣлось.
По третью ночь послалъ сына младшаго,
Ему чуденъ сонъ привидѣлся: 15
— Какъ бы я въ тазу ноги мылъ,
— А отецъ опосля тую воду пилъ. —
Убоялся удалый добрый молодецъ
И не смѣлъ того сна поразсказать.
Разсердился родитель его батюшка, 20
Отдалъ его во слуги-рабы

---

[1] Второй разъ, повторяя былину, пѣвецъ пѣлъ: „Что тебѣ покажется очевидное".

Тому ли большему боярину.
Онъ служилъ у боярина три года,
Вѣрой правдою служилъ неизмѣнною,
А бояринъ его любилъ-жаловалъ;
И сталъ у него бояринъ спрашивать: 25
„Скажи мнѣ, удалый добрый молодецъ,
„За что тебя отдалъ ко мнѣ батюшка?“
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— А привидѣлся мнѣ-ка чуденъ сонъ, 30
— И не сказалъ я сна родитель-батюшку. —
„Скажи мнѣ-ка сонъ родительскій“.
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Не сказалъ я сна родитель-батюшку,
— Не скажу и тебѣ, своему барину. — 35
Разсердился онъ на удала добра молодца,
Отдалъ его во солдатушки.
Молодой Иванушко Васильевичъ
Онъ въ солдатушкахъ служилъ три года
У того царя Ѳедора Васильича, 40
Вѣрой правдою служилъ неизмѣнною;
А царь его любилъ-жаловалъ;
И сталъ его царь спрашивать:
„Ты скажи, удалый добрый молодецъ,
„За что тебя баринъ отдалъ во солдатушки?“ 45
— Не сказалъ ему я сна отцовскаго. —
„Скажи мнѣ-ка сонъ родительскій;
„Не скажешь мнѣ сна отцовскаго,
„Посажу тебя въ тюрьму богадѣльную“ [1].
И говоритъ ему Иванъ Васильевичъ: 50
— Не сказалъ я сна родитель-батюшку
— И не сказалъ своему барину,
— Не скажу тебѣ, царское величество! —

---

[1] Ср. пословицу: „Бей челомъ въ тюрьмѣ да въ богадѣльнѣ“ (Даль).

Разсердился царь Ѳедоръ Васильевичъ,
Посадилъ его въ тюрьму богадѣльную, 55
Самъ поѣхалъ за сине море
Свататься на Настасьѣ царевичной
У того царя Василья Левидова.
Провожала его любима сестра,
Молода Анна свѣтъ Васильевна, 60
Простилась она и воротилася,
Домой пошла и заплакала,
Зашла она къ затюремщикамъ [1],
Подавала имъ по милостынѣ.
Говорилъ ей удалый добрый молодецъ: 65
— Ай же, ты, Анна Васильевна!
— Уѣхалъ твой братецъ за сине море,
— Не будетъ онъ взадъ во живности. —
Тутъ она порасплакалась,
Стала у него выспрашивать: 70
„Ты скажи, удалый добрый молодецъ,
„Почему ты можешь знать,
„Можешь знать и высказывать?“
Тогда онъ порасхвастался:
— Когда сдѣлаешь со мной заповѣдь великую — 75
— Пойдешь за меня замужъ
— И назовешься моей молодой женой—
— Тогда избавлю отъ смерти отъ напрасныя
— Твоего братца любимаго. —
Тутъ молода Анна Васильевна 80
Бѣжала ко отцу ко духовному;
Писали они тутъ духовную,
И давали ему золотой казны,
Столько давали, сколько надобно,
Отправляли его за сине море. 85

---

[1] Заключенные въ тюрьмѣ.

Ѣдучись [1] по тому синю морю
Услыхалъ удалый добрый молодецъ,
Шумячись сорокъ разбойниковъ.
Закричалъ удалый добрый молодецъ:
— Ай же вы, братцы-товарищи! 90
— Приставайте къ круту бережку.—
Выходилъ онъ на крутой бережокъ,
Приходилъ къ сорока разбойникамъ
И сталъ ихъ допрашивать:
— Ай же вы, удалые добрые молодцы! 95
— Скажите мнѣ, заповѣдайте,
— Чего вы промежду собой спорите?—
Сказали они ему, заповѣдали:
„Есть у насъ одна шапочка,
„Одна шапочка невидимочка: 100
„Не можемъ мы ю пораздѣлить,
„На томъ мы и пораздорили“.
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Я раздѣлю эту шапочку:
— Натяну я свой ту́гій лукъ, 105
— Наложу я стрѣлочку каленую,
— Стрѣлю въ одну сторону;
— Бѣжите вы вслѣдъ за стрѣлочкой;
— Кто съ этой стрѣлочкой сравняется,
— Тому она доставается.— 110
Натягивалъ онъ свой ту́гій лукъ,
Налагалъ-то стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ въ одну сторону;
Тутъ они сорокъ разбойниковъ
Бросались за этой стрѣлочкой; 115
А онъ удалый добрый молодецъ

---

[1] Т.-е. ѣдучи, какъ и ниже: шумячись, т.-е. что шумятъ. Обороты сѣверной устной рѣчи.

Тяпнулъ шапочку невидимочку,
Садился во свою лодочку
И поѣзжалъ впередъ по синю морю.
И услыхалъ опять удалый добрый молодецъ, 120
Шумячись сорокъ разбойниковъ.
Приставалъ онъ къ круту бережку,
Приходилъ къ сорока разбойникамъ
И сталъ ихъ допрашивать:
— Ай же вы, удалые добры молодцы! 125
— Скажите мнѣ, заповѣдайте,
— Что вы промежду собой спорите?—
Сказали они ему, заповѣдали:
„Есть у насъ одна скатереточка,
„Скатереточка-хлѣбосолочка: 130
„Не можемъ мы пораздѣлить,
„На томъ мы и пораздорили“.
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Я раздѣлю эту скатереточку:
— Натяну я свой ту́гій лукъ, 135
— Наложу я стрѣлочку каленую,
— Стрѣлю въ одну сторону;
— Бѣжите вы слѣдъ за стрѣлочкой:
— Кто съ той стрѣлочкой сравняется,
— Тому она доставается.— 140
Натягивалъ онъ свой ту́гій лукъ,
Налагалъ-то стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ въ одну сторону;
Тутъ они сорокъ разбойниковъ
Бросались за этой стрѣлочкой; 145
А онъ удалый добрый молодецъ
Тяпнулъ скатереточку-хлѣбосолочку,
Убѣжалъ на свою лодочку
И поѣзжалъ впередъ по синю морю.
И услыхалъ опять удалый добрый молодецъ, 150

Шумячись сорокъ разбойниковъ.
Приставалъ онъ къ круту бережку,
Приходилъ къ сорока разбойникамъ
И сталъ ихъ доспрашивать:
— Ай же вы, удалые добры молодцы! 155
— Скажите мнѣ, заповѣдайте,
— Что вы между собой спорите?—
Сказали они ему, заповѣдали:
„Нашли мы коверъ самолетныій:
„Не можемъ его пораздѣлить, 160
„На томъ мы и пораздорили“.
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Я раздѣлю коверъ самолетныій:
— Натяну я свой ту́гій лукъ,
— Наложу я калену стрѣлу, 165
— Стрѣлю въ одну сторону;
— Бѣжите вы вслѣдъ за стрѣлочкой:
— Кто съ этой стрѣлочкой сравняется,
— Тому коверъ доставается.—
Натягивалъ онъ свой ту́гій лукъ, 170
Налагалъ-то стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ въ одну сторону;
Тутъ они сорокъ разбойниковъ
Бросались за этой стрѣлочкой;
А онъ удалый добрый молодецъ 175
Тяпнулъ коверъ самолетныій,
Убѣжалъ на свою лодочку
И поѣхалъ впередъ по синю морю.
Доѣхалъ онъ по синю морю
Ко тому царю, ко заморскому, 180
Ко грозному Василью Левидову,
Становился во пристань великую
Между тѣхъ червленыихъ кораблей
На своей, на малой на лодочкѣ.

Выходилъ онъ на крутой бережокъ, 185
Стрѣтается царю своему земельному [1]
И самъ ему не спознается [2]:
— Скажи мнѣ, царь, заповѣдай-ка,
— Чего ты идешь, самъ кручинишься?
— Вѣдь ты здѣсь у царя теперь сватаешь. — 190
Говоритъ царь Ѳедоръ Васильевичъ:
„Сваталъ я у царя Василья Левидова.
„Онъ далъ мнѣ заповѣдь великую:
„Ко тому ко дню ко завтрію
„Шить башмаки сафьянные, 195
„Какіе онъ еще вздумаетъ;
„А буде не сошью по разуму,
„Отрубитъ мнѣ буйну голову".
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Поди-ка на свой червленъ корабль, 200
— Ложись-ка спать рано съ вечера:
— Утро будетъ оно мудрое,
— Мудренѣе будетъ утро вечера.
— А все это тебѣ поисправится.—
Одѣваетъ онъ шапочку невидимочку, 205
Приходитъ онъ къ грозному царю,
Ко грозному царю Василью Левидовичу.
Шьютъ тамъ у него сапожники,
Шьютъ-то башмаки зеленъ сафьянъ.
Тутъ удалый добрый молодецъ 210
Утянулъ онъ сафьяну зеленаго,
Столько утянулъ, сколько надобно.
Какъ сшили башмаки сапожнички,
А онъ шилъ однимъ кончикомъ [3],
Положилъ башмаки на гвоздики, 215

---

[1] Своей земли.
[2] Не открывается, кто онъ.
[3] Т.-е. не въ два конца дратвы (строчкой), какъ полагается, наскоро.

И унесъ ихъ башмаки зеленъ сафьянъ.
Прохватилися [1] удалые добры молодцы
И видятъ, что башмачки они спортили;
Тутъ они закручинились,
Перешили башмаки, понаводили [2]. 220
Тутъ-то удалому добру молодцу
Попадаетъ по утру Ѳедоръ Васильевичъ,
Передаваетъ онъ башмаки зеленъ сафьянъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
— На-кась ти, Ѳедоръ Васильевичъ! 225
— Снеси ты башмачки зеленъ сафьянъ
— Ко тому Василью ко Левидову,
— А только напередъ не показывай,
— Чтобы были они съ царскими равные.—
Приходитъ Ѳедоръ Васильевичъ 230
Во тыя палаты государевы
Ко тому Василью ко Левидову,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Ай же ты, грозный Василій Левидовичъ!
„Исполнилъ я твою заповѣдь великую. 235
„Покажи-тка свои башмачики,
„И тогда буду свои показывать“.
Какъ сличили они башмачки,
Его башмачки лучше ихъ,
Изъ того же сафьяну изъ зеленаго. 240
Говоритъ Василій Левидовичъ:
— Ай же ты, Ѳедоръ Васильевичъ!
— Ко тому ко дню ко завтрію
— Сшей-ко шубу черныхъ соболей,
— А паволоку, какую я здумаю [3].— 245
Закручинился царь, запечалился,

---

[1] Спохватились.
[2] Вылощили, отдѣлали начисто.
[3] Вздумаю.

Пошелъ на свой червленъ корабль,
Попадаетъ ему удалый добрый молодецъ:
„Ай же ты, царь Ѳедоръ Васильевичъ!
„Ты чего идешь, самъ кручинишься?“ 250
— Грозный царь Василій Левидовичъ
— Накинулъ на меня службу великую:
— Ко тому ко дню ко завтрію
— Сшить шуба черныхъ соболей,
— А паволока, какую здумаетъ онъ; 255
— Не сошью буде шубы по разуму,
— Отрубитъ мнѣ-ка буйну голову.—
Говоритъ Иванушко Васильевичъ:
„Поди-ко на свой червленъ корабль,
„Ложись-ко спать рано съ вечера: 260
„Утро оно будетъ мудрое,
„Мудренѣе будетъ утро вечера.
„Будетъ тебѣ шуба черныхъ соболей“.
Одѣваетъ онъ шапочку невидимочку,
Приходитъ онъ ко грозному царю, 265
Ко грозному царю Василью ко Левидову.
Шьютъ тамъ у него добрые молодцы,
Шьютъ-то шубу черныхъ соболей,
А поволоку-то дорогаго самита [1].
Тутъ-то Иванушко Васильевичъ 270
Утянулъ онъ черныхъ соболей,
Утянулъ онъ дорогаго самита,
Столько утянулъ, сколько надобно.
Какъ сшили они шубу черныхъ соболей,
Сшилъ онъ шубу бѣлой ниточкой; 275
А заснули удалые добрые молодцы,
Утянулъ онъ ихъ шубу черныхъ соболей,
А повѣсилъ свою шубу на стоечкѣ [2].

---

[1] Оксамита, т.-е. бархата.

[2] Тоже, что „стопочка“: деревянный гвоздь для вѣшанья платья въ избѣ

Прохватились тутъ добрые молодцы
И видитъ, что шубу они спортили; 280
Тутъ они закручинились,
Перешили шубу, понаводили.
Какъ удалому добру молодцу
Попадаетъ по утру Ѳедоръ Васильевичъ,
Подаваетъ онъ шубу черныхъ соболей, 285
Самъ говоритъ таковы слова:
„На-кась ти шуба черныхъ соболей,
„Снеси ю ко Василью ко Левидову,
„А только напередъ не показывай,
„Чтобы была она съ царскою равная". 290
Приходитъ Ѳедоръ Васильевичъ
Во тыя палаты государевы
Ко тому Василью ко Левидову,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, грозный Василій Левидовичъ! 295
— Исполнилъ я твою заповѣдь великую.
— Покажи-тка свою шубу черныхъ соболей,
— И тогда буду свою показывать.—
Какъ показали они шубу черныхъ соболей,
Его-то шуба лучше ихъ, 300
А паволока дорогаго самита.
Говоритъ Василій Левидовичъ:
„Ай же ты, Ѳедоръ Васильевичъ!
„Ко тому ко дню ко завтрію
„Наживи-тка три волосика, 305
„Три волосика золоченыихъ,
„Чтобъ на каждой волосиночкѣ по жемчужинкѣ.
„Не наживешь трехъ волосиковъ,
„Отрублю тебѣ буйну голову,
„А наживешь буде три волосика, 310
„Отдамъ завтра за тебя замужъ свою дочи".
Закручинился царь, запечалился,

Пошелъ на свой черленъ корабль,
Попадаетъ ему удалый молодецъ:
— Ай же ты, царь Ѳедоръ Васильевичъ! 315
— Ты чего идешь, самъ кручинишься?—
„Грозный царь Василій Левидовичъ
„Накинулъ на меня службу великую:
„Ко тому ко дню ко завтрію
„Нажить мнѣ ка три волосика, 320
„Три волосика золоченыихъ,
„Чтобъ на каждой волосиночкѣ по жемчужинкѣ.
„Не наживу буде трехъ волосиковъ,
„Отрубитъ мнѣ буйну голову;
„А наживу я три волосика, 325
„Отдастъ завтра за меня замужъ свою дочи́“.
Говоритъ Иванушко Васильевичъ:
— Поди-ка на свой черленъ корабль,
— Ложись-ка спать рано съ вечера:
— Утро будетъ оно мудрое, 330
— Мудренѣе будетъ утро вечера.—
Тутъ то молодая царевична,
Тая-то Настасья Левидовна,
Садилась она на черленъ корабль
И поѣхала впередъ по синю морю. 335
А былъ у ней дядюшка родимыій,
Родимый дядюшка златоволосыій,
Въ тоемъ ли во царствѣ во Заморскоемъ.
Пріѣзжала она ко царству Заморскому,
Выходила на крутъ бережокъ, 340
Шла-то въ палаты государевы
Ко тому ко дядюшкѣ ко златоволосому:
„Ай же ты, любимый дядюшка!
„Дай-ка мнѣ три волосика,
„Три волосика съ буйной головы: 345
„Не охота за царя итти за русскаго;

„Какъ не будетъ у него трехъ волосиковъ,
„Отрубятъ ему буйну голову“.
Далъ онъ ей три волосика.
А этотъ удалый добрый молодецъ, 350
Молодой Иванушко Васильевичъ,
Надѣвалъ шапочку невидимочку,
Садился на коверъ самолетный,
И догонялъ Настасью Левидовну,
И заходилъ въ палаты государевы. 355
Какъ тащила она три волосика,
А онъ хватилъ цѣлой пясточкой;
Разсердился удалый добрый молодецъ,
Хватилъ онъ саблю вострую,
Отрубилъ царю буйну голову. 360
Приходитъ онъ къ Ѳедору Васильевичу,
Подаетъ волосъ цѣлу пясточку,
Подаетъ ему буйну голову,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, Ѳедоръ Васильевичъ! 365
— Ступай-ка ты ко Василью Левидову,
— Покажи волосъ цѣлу пясточку,
— Самъ говори таковы слова:
— „Если тебѣ мало цѣлой пясточки,
— „Такъ есть у меня цѣла голова, 370
— „Цѣла голова, она отрублена.
— „Коли не выдашь своей дочери,
— „Отрублю тебѣ буйну голову“.—
Приходитъ Ѳедоръ Васильевичъ
Во тыя палаты государевы, 375
Самъ говоритъ таковы слова:
„Ай же ты, грозный Василій Левидовичъ!
„Вотъ тебѣ волосъ цѣла пясточка;
„Если тебѣ мало этой пясточки,
„Такъ есть у меня цѣла голова, 380

„Цѣла голова, она отрублена.
„Коли не выдашь своей дочери,
„Отрублю тебѣ буйну голову“.
Закручинился грозный царь, запечалился,
Повыдалъ замужъ свою дочушку 385
За того за Ѳедора Васильевича,
Далъ онъ вслѣдъ [1] сорокъ кораблей.
Говорилъ тутъ Иванушко Васильевичъ:
— Ай же ты, царь Ѳедоръ Васильевичъ!
— Скажи-тка царю Василью Левидову: 390
— Пусть онъ про твоихъ заѣзжихъ добрыхъ молодцовъ
— Заведетъ пированье—почестенъ пиръ,
— Покормитъ ихъ онъ досыта,
— Напоитъ-то онъ ихъ допьяна.—
Грозный царь Василій Левидовичъ 395
Заводилъ пированье—почестенъ пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На всѣхъ поленицъ на удалыихъ
И на тыихъ добрыхъ молодцевъ заѣзжіихъ.
Собиралися удалые добры молодцы 400
Во тыя палаты государевы,
Садилися за столики дубовые.
Какъ тутъ Иванушко Васильевичъ
Одѣлъ онъ шапочку невидимочку,
Пошелъ въ палаты государевы; 405
Какъ были тамъ столы накрытые,
Обралъ онъ ѣства сахарныя,
Обралъ онъ питьица медвяныя,
И вышли всѣ голодны добры молодцы,
Что нечего было ни ѣсть, ни пить. 410
Тутъ Ѳедоръ Васильевичъ
Звалъ того Василья Левидова

[1] Въ приданое.

Со своими удалыми добрыми молодцами
На свой черленъ корабль на почестенъ пиръ,
На свое-то угощеньице завозное [1]. 115
Собирался царь Василій Левидовичъ
Со своими удалыми добрыми молодцами
На его черленъ корабль,
Садились за столики дубовые.
Какъ тутъ Иванушко Васильевичъ 120
Налагалъ свою скатереточку хлѣбосолочку:
Не могли они ѣствицъ повыѣсти,
Не могли они питьицевъ повыпити.
Говорилъ Ѳедоръ Васильевичъ:
„Ай же ты, Василій Левидовичъ! 125
„На своемъ пированьѣ—почестномъ пиру,
„Во своихъ палатахъ государевыхъ,
„Не могъ ты заѣзжихъ добрыхъ молодцевъ
„Накормить досыта и напоить допьяна.
„А на моемъ черленомъ кораблѣ, 130
„На моемъ угощеньицѣ завозноемъ,
„Наѣдались твои молодцы досыта,
„Напивались они допьяна;
„Не могли они ѣствицъ повыѣсти,
„Не могли они питьицевъ повыпити“. 135
Тутъ царь Василій Левидовичъ
Отпускалъ свою дочи́ любимую,
Отпустилъ сорокъ кораблей.
Поѣхали они по синю морю,
А этотъ Иванушко Васильевичъ 140
Садился на коверъ самолетный
И полетѣлъ впередъ черленыхъ кораблей,
Прилеталъ во землю во русскую
И садился въ тюрьму богадѣльную.

---

[1] Привозное, взятое въ дорогу.

Какъ пріѣхалъ Ѳедоръ Васильевичъ,
Встрѣчаетъ сестрица любимая,
Тая ли Анна Васильевна:
— Здравствуй, Ѳедоръ Васильевичъ!
— Здорово ль ѣздилъ за сине море?—
„А все у меня благополучно ли?“
— Если бъ не я, такъ ты бы и живъ не былъ.—
Говорилъ ей Ѳедоръ Васильевичъ:
„А ты чѣмъ же мнѣ тамъ помогла?“
— Подала я тебѣ башмачики зеленъ сафьянъ,
— Подала тебѣ шубу черныхъ соболей,
— Подала тебѣ волосъ цѣлу пясточку.—
„А кто у тебя ко мнѣ отпущенъ былъ?“
— Былъ отпущенъ затюремный добрый молодецъ;
— А я давала ему заповѣдь великую
— Тому добру молодцу затюремному,
— Тому Иванушку Васильевичу,
— Пойти за него замужъ,
— Когда избавитъ тебя отъ смерти напрасныя.—
Приказалъ тутъ Ѳедоръ Васильевичъ
Повыпустить Иванушку Васильева,
Отдавалъ за него Анну Васильевну,
Отдѣлилъ ему полцарства, полменства [1].
Тутъ-то Иванушка Васильевичъ
Посылалъ звать своего родимаго батюшка
И заводилъ про него пированье—почестенъ пиръ.
Накормили его ѣствами сахарными,
Напоили его питьями медвяными,
Положили спать въ покои царскіе.
Какъ ѣздилъ Иванушко за сине море,
Простудилъ онъ ножки рѣзвыя;

---

[1] Полъ-именства или полъ-имянства, т.-е., половину имѣнія, имущества.

Онъ ихъ въ теплой водушкѣ отмачивалъ,
А простуду съ нихъ онъ вываживалъ;
Полагалъ онъ тазъ подъ кровать свою.
Какъ спалъ его родитель батюшка,
Похотѣлося ему пить похмельному, 180
И взялъ онъ тазъ сподъ [1] кроватушки,
И выпилъ тую теплу водушку.
И прохватился [2] тутъ Иванъ Васильевичъ,
Схватился онъ за свою водушку:
„Кто повыпилъ мою водушку, 185
„Тому отрублю буйну голову".
Говоритъ родитель его батюшка:
— Я выпилъ твою водушку.—
„Отрубить набъ [3] буйна голова,
„Почему ты выпилъ мою водушку. 190
„Разсердился ты на меня, батюшка,
„Потому что я тебѣ сна не разсказалъ.
„А я видѣлъ тотъ сонъ во твоемъ новомъ дому:
„Какъ бы я въ тазу ноги мылъ,
„А ты, батюшка, опосля тую воду пилъ. 195
„И не смѣлъ того сна поразсказать,
„А тебѣ прощаю теперь твою вину".
Тутъ они съ батюшкой помирилися,
Другъ другу въ ноги поклонилися,
И благословилъ его отецъ царствовать. 200
Тутъ вѣкъ о Иванушкѣ ста́рину поютъ.
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ молодцамъ, на послушанье.
Дѣвица-раскрасавица душа!
Есть котора круглолика и баска [4], 205

---

[1] Изъ подъ.
[2] Спохватился.
[3] Надо бы.
[4] Красива.

У той дѣвушки по молодцѣ великая тоска.
Есть котора румянешенька,
Съ молодцемъ идти радешенька.
Есть котора притолакиватъ ногой,
Поведемъ тую дѣвицу за собой. 510
У которой было семеро ребятъ,
Братцы, той дѣвки не кушайте,
Меня, молодца, послушайте.

АКСЕНКО.

Пѣсня объ Аксенкѣ (иначе: Арсенкѣ) извѣстна до сихъ поръ въ единственномъ текстѣ, идущемъ съ Корельскаго берега Бѣлаго моря; кромѣ того, мы знаемъ еще два ея прозаическихъ пересказа: одинъ оттуда же, другой, повидимому, изъ Пермской губерніи. Въ основѣ этой пѣсни лежитъ, кажется, мѣстное преданіе, относимое ко времени Ивана Грознаго и обработанное въ духѣ былинъ и подъ ихъ вліяніемъ. Прозаическій пересказъ преданія нѣсколько полнѣе по содержанію, нежели пѣсенный; здѣсь разсказывается слѣдующее: Грозный задумалъ построить „вторую Москву“ около Вологды (можетъ быть, намекъ на намѣреніе Грознаго перенести свою резиденцію изъ Москвы въ Александровскую слободу?), для чего онъ „пожаловалъ“, какъ можно предполагать по неясному разсказу преданія, сорокъ тысячъ, которыя хранились въ монастырѣ Николы Можайскаго. Эти деньги были похищены разбойниками; во время дѣлежа денегъ попадаетъ на нихъ Аксенко... (далѣе—разсказъ былины). Повидимому, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ композиціей, аналогичной той, которую мы видѣли въ былинѣ о Рахтѣ Рагнозерскомъ, т. е., обработку мѣстнаго преданія при помощи пріемовъ старшей былины, точки соприкосновенія съ которой даетъ, поэтому, и наша пѣсня. Дѣйствительно, не трудно замѣтить на ней это вліяніе другихъ пѣсенъ былевого характера; такъ, рѣчь Аксенка къ разбойникамъ и послѣдующее (стихи 21—35), плохо вяжущееся съ разсказомъ, выдаетъ знакомство слагателя нашей пѣсни съ былиной объ Ильѣ и разбойникахъ (ср. т. I, стр. 185), а конецъ былины можетъ быть возводимъ къ былинѣ о томъ же Ильѣ и Соловьѣ-разбойникѣ (ср. тамъ же, стр. 143); наконецъ, упоминаніе о „голяхъ кабацкихъ“, которыхъ въ Вологдѣ поитъ Аксенко, опять восходитъ къ былинѣ объ Ильѣ и его ссорѣ съ Владиміромъ (тамъ же, стр. 181); остальное въ обработкѣ сюжета—общія мѣста стараго былиннаго творчества. Если связь преданія съ эпохой Грознаго можетъ счесться вѣроятной, то этимъ опредѣляется и время созданія этой компилятивной былины: она не старше этой эпохи.

АКСЕНКО.

Ой поѣхалъ Оксенушко въ чисто̀ поле
Да завидѣлъ, въ чисто̀мъ полѣ огонь горитъ,
Ай огонечекъ горитъ малехонько,
Какъ ставатъ въ чистомъ полѣ дымокъ, ставатъ,
Ай дымокъ ставатъ въ чистомъ полѣ тонехонько. 5
Какъ сидитъ сорокъ воровъ, сорокъ разбойниковъ,
Какъ дѣлятъ они денегъ соро́къ тысячъ:
Какъ пограбили Миколушку Можайскаго.
Какъ говоритъ Оксенко таковы рѣчи:
„Ой же вы, сорокъ воровъ, сорокъ разбойниковъ, 10
„Дайте-ка долю, хотя третью часть".
Говорятъ сорокъ воровъ, сорокъ разбойниковъ:
— Не даемъ тебѣ, Оксенушку, доли, третьей части.—
Говоритъ Оксенко во второй наконъ:
„Ой же вы, сорокъ воровъ, сорокъ разбойниковъ! 15
„Дайте-ка мнѣ денегъ хоша пять рублей:
„Ой съ похмелья у Оксенушка голова болитъ,
„Еще нечѣмъ Оксенушку опохмѐлиться".
— Не даемъ тебѣ, Оксенушку, денегъ ни копеечки —
Говоритъ Оксенко таковы рѣчи: 20
„Ой же вы, татара немилостливы!
„Вамъ со стараго у меня взять нечего:
„Какъ у стараго у м'ня, у сѣдого
„Едная пуговка въ пятьсотъ рублей,

„Какъ вторая пуговка да въ цѣлу тысячу; 25
„Ой самой куніи шубы числа-смѣты нѣтъ,
„Числа-смѣты нѣтъ, да ей цѣны тутъ нѣтъ“.
Тутъ татарищевъ тутъ задоръ беретъ:
Они начали на Оксенушка поскакивать,
Ай поскакивать, Оксенушка похлапывать [1]. 30
Какъ хваталъ Оксенко татарища за желты́ кудри,
Ай какъ началъ татарищемъ помахивать,
Какъ помахиватъ, да самъ пощелкиватъ:
„Ужъ ты жиловатъ, татаринъ, не пере́рвешься,
„На семи суставахъ раздаваешься!“ 35
Какъ прибилъ сорокъ воровъ, сорокъ разбойниковъ,
Обиралъ у нихъ денегъ соро́къ тысячъ.
Тогда поѣхалъ на царевы вольны ка́баки.
Какъ заѣхалъ во тотъ городъ во Вологду,
Онъ не только самъ-отъ пьетъ, колько голе́й поитъ, 40
Еще тѣхъ голей кабацкіихъ.
Ой пропи́лъ Оксенко денежекъ соро́къ тысячъ.
Какъ удумали народъ воло́гжана,
Какъ пограбилъ, будто́, Миколушку Можайскаго.
А состроили грядочку [2] дубовую, 45
Сторожили петельку шелковую.
Говоритъ Оксенко таковы рѣчи:
„Ой же вы, народъ вологжана!
„Дайте-ка мнѣ чару зелена вина,
„Еще мѣрою да полтора ведра“. 50
Ай давали чару зелена вина;
Выпивалъ Оксенко на единой духъ.
Говоритъ Оксенко на второй наконъ:
„Ой же вы, народъ вологжана!
„Дайте-ка мнѣ чару въ полтретья [3] ведра“. 55

---

[1] Похлопывать. М. б., похватывать?
[2] Висѣлица.
[3] Два съ половиною.

Выпилъ Оксенко на единой духъ.
Говоритъ Оксенко во третей наконъ:
„Ой же вы, народъ вологжана!
„Дайте-ка мнѣ чару полшеста [1] ведра,
„Ой же вы, народъ вологжана, 60
„Чтобы мнѣ не только было страшно въ петлю сунуться".
Ой давали чару зелена вина
Еще мѣрою ли въ полшеста ведра.
Выпивалъ Оксенко на единой духъ.
Ой тогда Оксенко сталъ на-ве́селѣ, 65
Вырывалъ онъ грядочку дубовую,
Сорывалъ петельку шелковую,
Говоритъ Оксенко таковы рѣчи:
„Ой же вы, народъ вологжана!
„Вы бѣжите-ка, куда у васъ голова несетъ". 70
Какъ пошелъ Оксенко на тѣ царевы вольны ка́баки,
Обиралъ онъ денежекъ соро́къ тысячъ;
Какъ сѣдлалъ-уздалъ своя добра коня
И поѣхалъ во Кіевъ, въ славенъ Кіевъ градъ
Ко тому ко солнышку Владимиру: 75
Только видѣли Оксенка сѣдучи,
Какъ не видѣли въ чисто поле поѣдучи;
Только желтые песочки столбомъ ставятся.
Не дорогами, да не воротами—
Черезъ тѣ ли стѣны городо́выя, 80
Какъ пріѣхалъ во Кіевъ, въ славенъ Кіевъ градъ:
„Здравствуй, солнышко Владимиръ столенъ кіевской!
„Я поѣздилъ далече въ чисто́мъ полѣ,
„Я завидѣлъ въ чисто́мъ полѣ, сидитъ соро́къ воровъ,
„Какъ соро́къ воровъ сидитъ, сорокъ разбойниковъ; 85
„Я обралъ у нихъ денежекъ соро́къ тысячъ".

---

[1] Пять съ половиною.

ЖЕНИТЬБА ПЕРЕСМЯКИНА ПЛЕМЯННИКА.

Подобно другимъ позднимъ по происхожденію былинамъ, нѣкоторыя изъ коихъ приведены выше, и былина о Пересмякиномъ племянникѣ восходитъ къ книжному источнику. Она интересна, сверхъ того, еще въ томъ отношеніи, что указываетъ своимъ существованіемъ на сравнительную долговѣчность творчества въ духѣ старой былины (о чемъ была рѣчь выше, см. стр. 117), именно: она подтверждаетъ то наблюденіе, что въ XVIII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ началѣ его или даже въ серединѣ, все еще дѣлались попытки созданія пѣсенъ въ этомъ направленіи. Такая поздняя сравнительно дата созданія этой былевой пѣсни—послѣ-Петровское время—вытекаетъ изъ литературной исторіи того книжнаго источника, которымъ, какъ своей основой, воспользовался слагатель былины: такимъ несомнѣнно была для него рукописная „Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи Каріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи Флоренской земли". Эта „Гисторія", какъ показало ея детальное изслѣдованіе, возникнуть ранѣе начала XVIII столѣтія не могла, такъ какъ она отразила на себѣ характерныя особенности эпохи Петра Великаго: ея географическая номенклатура (Петербургъ, Кронштадтъ, Голландія и др.), ея словарныя особенности (ассамблея, банкетъ, кавалеръ, матросъ, маршировать и т. п.), наконецъ, самая завязка повѣсти („командировка" матроса Василія, героя повѣсти, съ другими въ Голландію для изученія наукъ ариѳметическихъ и разныхъ языковъ)—все это выразительно говоритъ за Петровскую эпоху. Но повѣсть эта сама не оригинальна: она представляетъ передѣлку, какъ разъ въ духѣ указаннаго времени, старшей переводной „Гисторіи о гишпанскомъ знатнаго рода шляхтичѣ Долторнѣ", появившейся съ запада въ нашей литературѣ, вѣроятно, еще въ концѣ или во второй половинѣ XVII вѣка. Сопоставляя нашу былину съ переводной повѣстью и ея русской передѣлкой, мы съ очевидностью убѣждаемся, что пѣсня наша восходитъ, именно, уже къ

русской передѣлкѣ, а не къ ея прототипу. Т. о. въ нашей былинѣ мы видимъ типичный „романъ приключеній“ XVII-XVIII в., переработанный въ пѣсню стараго типа въ XVIII вѣкѣ, можетъ быть, въ его серединѣ. Авторъ-перелагатель, повидимому, въ достаточной степени знакомъ былъ съ былинной традиціей, сознательно приспособлялъ сюжетъ своего источника къ обычному былинному стилю: такъ, онъ начинаетъ свою пѣсню съ обычнаго общаго ея пріуроченія къ Кіеву и кн. Владимиру, называя его по старинному „стольно-кіевскимъ“, заставляетъ своего героя попасть въ Царьградъ, объ его торговыхъ дѣлахъ говоритъ въ томъ же былинномъ духѣ, при чемъ надѣляетъ его чертами не столько богатыря (впрочемъ, богатырства онъ и не обнаруживаетъ), сколько „гостя торговаго“ и т. д. Самое названіе героя (имени его слагатель пѣсни не знаетъ) также обнаруживаетъ знакомство съ былиннымъ эпосомъ: имя Пересмяки (иначе, Бермяты), племянникомъ котораго является герой, составителю могло быть извѣстно изъ былинъ о Чурилѣ (ср. т. I, стр. 353 и сл.) или о Камскомъ побоищѣ (ср. тамъ же, стр. 390): въ первой былинѣ Бермята, какъ и у насъ, носитъ отчество „Васильевичъ“, а во второй—Пересмякинъ племянникъ такъ же, какъ у насъ, не имѣетъ своего собственнаго имени.

ЖЕНИТЬБА ПЕРЕСМЯКИНА ПЛЕМЯННИКА.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
У князя у Владимира
Былъ у него богáтырь, Пересмяки родной племянничекъ [1];
Хорошо онъ стоялъ за вѣру православную,
Оберегалъ-то онъ князя со княгинею,
И весьма же любилъ въ мореходствѣ ходить.
И однажды, при собраньѣ пирá же его,
Говорилъ онъ вѣдь князю таковыя слова:
„Что жъ ты, ласковый князь Владиміръ!
„Нагрузи мнѣ-ка черны корабли 10
„Тѣмѝ ли товарами русскими:
„Я схожу въ тѣ землѝ невѣрныя“.
Говорилъ ему Владиміръ князь таковыя рѣчѝ:
— Что жъ, удалой доброй молодецъ!
— Тебя уволитъ ли дяденька родимой твой, 15
— Пересмяка сынъ Васильевичъ?—
„Что жъ ты, ласковой Владиміръ стольно-кіевской!
„Давнымъ-то давно дяденька согласенъ на то“.
Нагрузили тогда черны корабли
Тѣмѝ ли товарами русскими. 20

---

[1] Въ старинномъ, былинномъ, языкѣ означаетъ вообще родственника, у насъ—въ болѣе узкомъ и позднемъ, современномъ значеніи; ср. ниже, стихи 15 и 18.

По его ли судьбѣ несчастною [1]
Подули-то вѣтры-я [2] способные;
Чуть отошелъ онъ на синее на́ море,
Подули-то вѣтры неспособные
Со тѣхъ острововъ Милитрискіихъ [3]; 25
Потомъ же подули съ невѣрныхъ земель;
Приносило его къ славну городу,
Къ славну городу къ Царюграду.
Распродалъ всѣ товары-ти русскіе,
Напринималъ-то товаровъ заморскіихъ; 30
Пошелъ онъ обратно въ красной Кіевъ градъ.
Подули-то вѣтры неспособные для его,
Накатилися съ моря волны морски́;
Понесло судно по вѣтру туда,
На тѣ-ли на пу́стые на острова, 35
Забросило на пу́стые на острова,
Гдѣ жили 'дни [4] камышнички,
По нашему, по русскому, разбойнички.
Вся его дружиночка хоробрая погинула.
Наѣхали на нихъ разбойнички, 40
Отобрали всѣ товары заморскіе,
Онъ же, младой богатырь-отъ,
Находился онъ безъ чувствія.
Красота его пондравилась имъ,
И сжалились, не сказнили буйной головы, 45
Принесли его бережно въ свой же домъ,
Повалили его на кровать на тесовую,
На мягкую периночку пуховую,
Старались его они въ чувство привести.

---

[1] Вм. несчастной: удлиненіе конечнаго слога по требованію ритма.

[2] Добавлено по той же причинѣ.

[3] М. б., слѣдуетъ подразумѣвать острова Мальтійскіе? Названіе напоминаетъ также имя героини изъ „Бовы Королевича“ (Милитриса Кирбитьевна).

[4] Т. е. одни.

Черезъ трои-ти сутки онъ опомнился, 50
Почувствовалъ себя онъ вѣдь здраво.
Разспросили они о природѣ его,
Постановили его атаманомъ надъ всѣма́.
Онъ вѣдь жилъ на пу́стомъ островѣ пять же лѣтъ.
Много печаловались во Кіевѣ: 55
Еще вездѣ-то ѣздили бога́тыри, разыскивали,
Никто не могъ нигдѣ, ни въ какой странѣ, найти.
Во славномъ-то городѣ въ Христи́нѣ [1] было,
У того-ли князя Херестинскаго
Что была у него дочь любимая его, 60
Что вѣдь та-ли Марфида [2] княжевична.
Она весьма любила по мо́рю гулять:
Когда же вѣдь море утишится,
Ее возили всегда ихни бога́тыри.
И въ одно же то время не случилось никого; 65
Она взяла-то съ собой двухъ подружекъ своихъ,
Поѣхала по́ морю гулять.
По ея-то судьбѣ по несчастной по ея
Подулъ вѣтеръ сильныя въ морѣ,
Откачало-то лодку отъ города ихняго, 70
Понесло ее на Милитрійски острова;
Несло же ее трои суточки.
Въ Херестинѣ-то городѣ тревожились объ томъ:
Много же ѣздили въ плаванье въ море
Тѣ-ли херестинскіе бога́тыри, 75
Не могли ее догнать же нигдѣ;
Воротились съ извѣстіемъ князю же они:
Не нашли нигдѣ вѣдь маленькой княжевны они.
Приносило ее къ Милитрискимъ островамъ;

---

[1] Можетъ быть, испорченное имя Христіаніи?

[2] Имя, м. б., произведено отъ имени Марфы; въ книжной повѣсти ея имя—Ираклія.

Набралася волнóвъ полна лодка у нихъ. 80
Увидали разбойнички,
Они скоро 'бъ [1] томъ вѣдь въ лодку собиралися,
Пріѣзжали скоро къ лодкѣ они.
Подруги ея испугалися,
Безъ сознанія въ воду пометалися, 85
Она же слезами обливалася,
Еще та-ли вѣдь млáда княжевична.
Они стали у нея выспрашивать:
„Ты которой земли, какой укрáины?“
Она же ничего не сказала никому, 90
Горючима слезами уливалася.
Повели они во свой же ее домъ.
Долóжили о томъ скоро богáтырю,
Пересмякину родну племянничку.
Приказалъ ее завести въ его комнату, 95
Приказалъ ее улóжить на перину-ту,
Приказалъ же имъ удалиться отъ нихъ;
Приносилъ онъ вѣдь скоро ключевой же воды,
Поливаетъ красну дѣвицу онъ.
Тогда же заснула пріятнымъ нѣжнымъ сномъ, 100
Почивала она трои суточки.
Никого онъ не приглашалъ заходить,
Самъ же онъ все насматривалъ ее.
Тогда дѣвица пробуждалася,
Таковы рѣчи она себѣ сказала: 105
— Я вѣдь гдѣ, гдѣ нахожуся сейчасъ? —
Услыхалъ тогда богатырь ее,
Заходилъ же онъ во комнату къ ней,
Вѣжлúво-то, низко поклонился ее [2]:
„Моя же судьба одинакая съ тобой. 110

---

[1] Объ этомъ (поэтому).
[2] Ей.

„Почему же судьба привела насъ съ тобой?
„Ты скажи мнѣ-ка, дѣви́ца, сущу правду же,
„Изъ какой земли, скажи, города,
„Изъ села, скажи, деревни же мнѣ?“
— Херестина славна города я, 115
— Я того же вѣдь князя дочь любимая его.—
Приходили тогда скоро камышнички къ ему:
— Ужъ ты ласковой атаманъ же ты нашъ!
— Какъ тепере дѣвица во твоихъ она рукахъ,
— Ты куда ее хошь, ты туда же дѣвай.— 120
„Я возьму, возьму ее родной своей сестрой“.
Прошло тому времени три же года́.
Онъ вѣдь началъ тутъ скоро выдумывать,
Какъ бы вѣдь съ острова убѣжать же имъ:
Одѣнется гулять, и ее съ собою бралъ. 125
Усмотрѣлъ же онъ скоро, выглядѣлъ,
Никакъ нельзя же уѣхать на лошадяхъ,
Только нужно уѣхать во лодкахъ однихъ.
Однажды набралъ много золотой съ собой казны,
Подсмотрѣлъ, что разбойнички за́спали всѣ: 130
„Ужъ ты ой еси, кня́жевна,
„Что жъ ты душечка Мафрида кня́жевна!
„У меня-то съ тобою одна же судьба:
„Поѣдемъ-ка мы по синему по морю́“.
Пали-то вѣтры способные для нихъ, 135
Приносило-то ихъ къ Херестину городу́,
До города только за пять-то верстъ.
Тутъ же стояла избушка пу́стая совсѣмъ,
Въ той-то избушкѣ одинъ человѣкъ жилъ,
Потому же отапливалъ ее, 140
Что пріѣзжали херестинскіе бога́тыри туда,
Провѣдывали про мла́дую княже́зну завсегда.
И вскорѣ бога́тыри наѣхали туда,
И какая-то радость сучинилася у нихъ!

Увидали въ живыхъ младу княжевну свою: 145
— Ты скажи, скажи, младая княжевна наша́,
— Какой человѣкъ съ тобой находится?—
„И этотъ человѣкъ—кіевскій бога́тырь-этъ могучъ,
„Пересмякинъ-отъ племянничекъ".
Еще скоро 'ни [1] поѣхали въ Херестинъ славной городъ-отъ 150
И дали вѣсть они впереди себя вѣдь князю,
Что вѣдь ѣдетъ вѣдь дочь мла́дая его.
И князь-этъ ихъ стрѣтилъ весьма-очень хорошо;
Пировали у нихъ цѣлой мѣсяцъ они.
Какъ тогда же Пересмякинъ племянничекъ: 155
„Ужъ ты ой еси, князь Херестинской земли!
„Когда спасъ я твою дочь отъ смерти ея,
„Ты тепере надѣляй же меня:
„Ничего мнѣ не надоть въ награду отъ тебя,—
„Я желаю взять твою любиму дочь, 160
„Къ себѣ же желаю во супружество:
„Наша судьба соединилась съ ней".
Что вѣдь князь-этъ на то пожаловалъ же къ нему;
Они скоро златыма перстнями помѣнялись съ ее [2],
Нагрузили они черны корабли, 165
Отправились они въ славный Кіевъ градъ,
Приняли съ ее [3] по златому по вѣнцу.

---

[1] Они.
[2] Съ нею.
Съ нею.

БУТМАНЪ КОЛЫБАНОВИЧЪ И ЦАРЬ ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ.

Живучесть былинной традиціи на русскомъ Сѣверѣ до поздняго сравнительно времени, выразившаяся при сохраненіи стараго режима въ нѣкоторой потребности отливать въ привычные формы и образы старинной пѣсни и относительно новые и молодые сюжеты, что́ мы могли замѣтить на примѣрѣ предыдущихъ былинъ, довольно наглядно подтверждается и былиной о Бутманѣ Колыбановичѣ. Дѣйствительно, здѣсь мы видимъ и старыя былинныя наслоенія на сравнительно поздней темѣ, и указанія на это позднее время въ самой темѣ и, стало быть, на позднее время созданія самой пѣсни. Такъ, герой пѣсни—богатырь силы: онъ подъ пазухой носитъ бочки-сороковки; а потому не мудрено, что слагатель былины склоненъ былъ сблизить его съ такимъ же богатыремъ чудовищной силы старшаго эпоса, почему и далъ ему отчество „Колыбановичъ" (т.-е. „Колывановичъ"), заимствовавъ его изъ старинъ о Самсонѣ-Святогорѣ (ср. выше, стр. 100); образъ богатыря-пьяницы ему также знакомъ изъ старшей былины (ср. Василія-пьяницу, т. I, стр. 225 и 238); дружба его съ голью кабацкой напомнитъ, правда, не очень старую, но всеже старшую, нежели наша, былину о ссорѣ Ильи со Владимиромъ (ср. тамъ же, стр. 129—130) и т. п. Остальное въ содержаніи былины указываетъ, начиная съ имени Бутмана, на обильныя мѣстныя преданія полуисторическаго характера времени Петра Великаго: въ самомъ имени Бутмана легко узнать историческое лицо Андрея Бутмана (иначе, Бутенанта), датскаго комиссара и владѣльца крупныхъ металлическихъ заводовъ въ Архангельскомъ краѣ въ концѣ XVII вѣка,—лицо, непосредственно знакомое самому Петру, человѣка крутого и властнаго, ссорившагося со своими крестьянами, приписанными къ его заводамъ, почему Петру приходилось улаживать его отношенія къ рабочимъ. Память объ этихъ ссорахъ получила своеобразное отраженіе въ мѣстномъ народномъ преданіи, лежащемъ въ основѣ былины:

Петръ ссорится со своимъ пріятелемъ, готовъ сурово расправиться съ нимъ, но какъ положительный герой народнаго сѣвернаго преданія, вспомнивъ его личную ему услугу, не только прощаетъ, но и награждаетъ провинившагося. Такъ черты историческаго Бутмана переплелись съ мѣстнымъ преданіемъ о Петрѣ, расцвѣтились былинной поэтикой и дали дошедшую до насъ пѣсню, которая ранѣе Петровской эпохи, естественно, восходить не можетъ, такъ какъ покоится на мѣстномъ преданіи объ историческомъ современникѣ Петра, иностранцѣ, оставившемъ по себѣ память своей дѣятельностью въ сѣверномъ краѣ,—память, использованную на основѣ преданій и представленій Сѣвера о царѣ, народномъ героѣ.

БУТМАНЪ КОЛЫБАНОВИЧЪ И ЦАРЬ ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ.

Какъ про бѣднаго сказать да про бѣлаго,
Про удáлаго сказать дородна молодца:
Онъ и ходитъ-де удалой доброй молодецъ,
На царевѣ-то ходитъ большомъ кабакѣ,
На кружалѣ онъ ходитъ государевомъ, 5
Онъ и пьетъ много дѣтина зелена вина,
Онъ не чарою пьетъ, самъ не стаканами,
Онъ откатыватъ бочки-сороковочки;
Во хмелю-ту самъ дѣтина выпивается [1],
Изъ рѣчей-то Бутманъ сынъ вышибается: [2] 10
„Ужъ я силушкою ноньче царя сильнѣ,
„Ужъ я смѣточкою царя посмѣтливѣ".
Пригожались у царя люди придворные,
Какъ придворные люди—губернаторы,
Губернаторы, люди толстобрюхіе; 15
Они скоро пошли, царю доносили:
— Ужъ ты ой еси, надежа православной царь!
— Ты со ярости [3] Петръ сынъ Алексѣевичъ!
— У тя ходитъ на царевѣ большомъ кабакѣ,
— На кружалѣ-то ходитъ государевомъ 20

---

[1] Пьетъ выше мѣры.

[2] До потери самообладанія въ словахъ (хвастаетъ неосторожно

[3] Тоже, чтó грозный (?).

— Молодой сынъ Бутманъ да Колыбановичъ;
— Онъ и пьетъ много дѣтина зелено вино,
— Онъ не чарою пьетъ да не стаканами.
— Онъ откатыватъ бочки-сороковочки;
— Во хмелю-ту дѣтина выпивается, 25
— Изъ рѣчей-то Бутманъ сынъ похваляется:
— „Ужъ я силушкою ноньче царя сильнѣ,
— „Ужъ я смѣточкою царя посмѣтливѣ“.—
Какъ горяча его [1] кровь да разгорѣлася,
Могучи его плеча да расходилися, 30
Не увидѣлъ бы надежа свѣту бѣлаго.
Онъ послалъ бы трехъ слугъ да немилостивыхъ,
Немилостивыхъ слугъ да нежалостливыхъ:
„Какъ сковать его, связать, да такъ ко мнѣ тащить“.
Какъ пошли они палачи все буятные [2], 35
Подошли они Бутману, низко кланялись:
— Ужъ ты ой еси, Бутманъ сынъ Колыбановичъ!
— Ты пойдемъ ко царю да на почестенъ пиръ,
— Пировать-столовать да ѣства кушати.—
„Вы постойте-ка, ребята, поманитесь-же [3]. 40
„Ужъ я выпью-же чару челена вина,
„Я не малую чару—полтора ведра“.
Ужъ беретъ-то онъ чару единой рукой,
Выпиватъ онъ чару единымъ духомъ:
„Не окатила эта чара ретиво́ сердце,
„Не звеселила эта чара буйну голову;
„Мы тепереча пойдемъ да на почестенъ пиръ“.
Подошли они ко гриднямъ богатырскіимъ,
Какъ во тѣ же полаты бѣлы-каменны;
Онъ ставалъ передъ царя да на рѣзвы ноги, 50

---

[1] Царя Петра.
[2] То же, что́ „буявый“, т.-е. склонный къ буйству.
[3] Немного отдохните (?).

Какъ на тѣ же колѣнки богатырскія:
„Ужъ ты гой еси, надежа православной царь,
„Ты со яростью Петръ Алексѣевичъ!
„Ты за что меня зовешь, за что требуешь?
„Уже что же я тебѣ ноньче надѣлалъ такъ?
„Уже что я тебѣ да напрокудилъ такъ?“
Говоритъ-то надежа православной царь:
— Ужъ ты ой еси, Бутманъ сынъ Колыбановичъ!
— Ужъ ты ходишь на царевомъ большомъ кабакѣ,
— На кружалѣ ты ходишь государевомъ,
— Ужъ ты пьешь же, Бутманъ, да зелено вино,
— Во хмелю ты, дѣтина, выпиваешься,
— Въ рѣчахъ ты, дѣтина, шибоватъ [1] живешь:
— „Ужъ я силушкою буду царя сильнѣ,
— „Ужъ я смѣточкою царя посмѣтливѣ“.
— Засажу я тебя въ стѣны каменны,
— Я замкну тебя въ замки окованны,
— Я ссѣку-де, срублю у тебя буйну голову.—
Говоритъ же Бутманъ сынъ Колыбановичъ:
„Ты попомни-ка, надежа, самъ подумай-ка:
„Когда былъ ты, надежа, во чужой землѣ,
„Ужъ ты былъ во землѣ во поганой же,
„Какъ во той во ордѣ во проклятой же,
„Тебя кто же оттуль тогда повыкупилъ?
„Тебя кто же оттуль тогда повыручилъ?
„Тебя кто же оттуль тогда на свѣтъ спустилъ?“
— Не пустымъ ты, дѣтина, похваляешься!
— Ужъ я много тебѣ дамъ да золотой казны,
— Города дамъ тебѣ да съ пригородками,
— Я села тебѣ дамъ да со деревнями.—
„Мнѣ не надо твоя да золота казна,
„Мнѣ не надо города съ пригородками,

---

[1] Выше мѣры неостороженъ; ср. выше, ст. 10.

„Мнѣ больши твои села со деревнями.
„Только дай мнѣ-ка пить вина безденежно,
„Какъ безденежно вина да безкопеечно“. 85
Царь писалъ ярлыки да скоры грамоты,
Разсылалъ ярлыки на четыре стороны,
Чтобъ пить ему вино безденежно,
Какъ безденежно, Бутману, безкопеечно.
Тутъ зашолъ-де Бутманъ да на новой кабакъ, 90
Онъ и взялъ-де бочку подъ праву руку,
Онъ топнулъ-де въ полъ да какъ правóй ногой,
Какъ разсыпалась печь, печь кирпичная;
Какъ пошелъ-де Бутманъ вонъ на улицу:
„Ужъ вы ой еси, голи кабацкія! 95
„У кого у васъ болятъ нынь буйны головы,
„Выходите за мной да вонъ на улицу!“ [1]

---

[1] Конца старины, по словамъ собирателя, не достаетъ. Одинъ изъ варьянтовъ заканчиваетъ ее прозой такъ: Бутмана въ кабакъ не пустили, онъ пнулъ ногой дверь, она разлетѣлась; тогда онъ взялъ сороковку и съ товарищами сталъ пить и пилъ до того, что опохмеляться стало не на что.

ИВАНЪ ДУДОРОВИЧЪ.

Данная былина представляетъ образчикъ обработки въ формѣ былевой пѣсни темы, охотно разрабатываемой низшей эпической пѣсней и народной „балладой“,—поэтическій образъ любовниковъ, убитыхъ родными и послѣ смерти остающихся неразлучными—темы, широко распространенной не только въ русской поэзіи. Вліяніе былевой поэзіи на этой обработкѣ сказалось въ богатырскомъ образѣ Ивана, напоминающемъ общее мѣсто въ былинахъ: въ изображеніи богатыря необыкновенной силы (далѣе, однако, не оправдываемое содержаніемъ), въ эпизодѣ со стрѣлочкой, которую якобы разыскиваетъ герой (ср. былину о Добрынѣ и Маринѣ, т. I, стр. 39); м. б., и роль братьевъ явилась, какъ реминисценція пѣсенъ въ родѣ былевой обработки аналогичнаго сюжета объ Алешѣ Поповичѣ и Аленушкѣ (ср. т. I, стр. 98).

Имя и отчество Ивана Дудоровича нигдѣ, кромѣ этой пѣсни, не встрѣчается и до сихъ поръ объясненію не поддается.

ИВАНЪ ДУДОРОВИЧЪ.

Еще жилъ-былъ Дудорушко, не славился,
Онъ не славился Дудорушко, состарился;
Какъ состарился Дудорушко, преставился.
Оставалася его любима семья,
Любима его семья, да молода жена; 5
Во вторыхъ, у его осталось чадо милое,
Чадо милое осталося, либимое,
Еще на́-имя Иванушко Дудоровичъ.
Онъ ходилъ гулялъ по уличкѣ по ши́рокой,
Онъ ходилъ да стрѣлялъ стрѣлочки каленыя. 10
Онъ застрѣ́лилъ на хоромы на высокія,
Онъ застрѣлилъ на палаты на бѣлокаменны;
Кругомъ этой онъ палатушки похаживалъ.
Выходила тутъ Настасья на красно́ крыльцо,
Говорила тутъ Настасья таковы рѣчи: 15
„Ты чего же, Иванушко, поскакивашь,
„Ты на наши на хоромы все посматривашь?“
— Ужъ ты гой еси, Настасья Митреяновна!
— Я застрѣ́лилъ свою стрѣлочку каленую
— Что на ваши на хоромы на высокія, 20
— Я на вашу на палату бѣлокаменну.—
Выходила тутъ Настасья со красна́ крыльца,
Что брала она Ивана за бѣлы́ руки.
По приступкамъ Ванька шелъ—приступки ломятся;

По сѣнямъ-то Иванъ шелъ—да сѣни зыблются, 25
Сѣни зыблются, новы́ колеблются;
Заходилъ онъ во палату бѣлокаменну—
Съ боку на́ бокъ-ту палатка покачалася,
Всѣ косящета окошечка скосилися,
Всѣ хрустальныя стеколка поломалися, 30
На столѣ питье-ѣде́нье расплескалося,
Вся хрустальная посуда приломалася.
А садила тутъ Ивана за дубовой столъ,
Во большой она уголъ да во честно́ мѣсто,
Подносила тутъ Ивану зелена́ вина, 35
А не ма́лу она чару—полтора ведра... [1]
Воспрого́воритъ Настасья Митреяновна:
„Тебѣ полно спать, удалой доброй молодецъ,
„Еще на́-имя Иванъ да сынъ Дудоровичъ!
„Отошли же тутъ заутрени раннія, 40
„Отслужили же обѣдни воскресенскія;
„Какъ идутъ у меня два брата, два родимые,
„Что идутъ у м'ня два Ивана царевича".
Не ставатъ, не пробуждается доброй молодецъ.
Что спроговоритъ Настасья во второй наконъ: 45
„Ты ставай-ка, пробуждайся, доброй молодецъ,
„Еще на́-имя Иванъ да сынъ Дудоровичъ!
„Что идутъ у м'ня два братца, два волховника,
„Что идутъ два Ивана, два царевича".
Отъ Иванушка во снѣ да тутъ отвѣту нѣтъ. 50
Что вскричала тутъ Настасья во третей наконъ,
Закричала да она да зычнымъ голосомъ,
Зычнымъ голосомъ, вскричала да во всю голову:
„Ты ставай-ка, пробуждайся, доброй молодецъ,
„Еще на́-имя Иванъ да сынъ Дудоровичъ! 55

---

[1] Пропускъ у пѣвицы. Смыслъ пропуска изъ дальнѣйшаго ясенъ: Иванъ остался ночевать у Настасьи, какъ пѣвица и добавила отъ себя.

„Что идутъ у м'ня два брата, два родимые,
„Какъ идутъ два Ивана, два волшебника,
„Отъ заутрени раннія, отъ обѣдни воскресенскія".
Выходилъ же тутъ Иванъ да сынъ Дудоровичъ
На красно́е, на прекрасно на крылечико. 60
Еще брали его брателка родимые,
Что примали его да за желты́ кудри:
„Ты чего же къ намъ, Иванушко, подхаживашь,
„Ты не нашу ли Настасьющку посватывашь?"
— Да давно у м'ня съ Настасьюшкой посватанось, 65
— Что давно у м'ня съ Волховишной полаженось.—
Что примали тутъ Ивана да за желты́ кудри,
Что трясли они Ивана о сыру́ землю;
Они склали тутъ Ивана на добра́ коня,
Увозили Дудоровича во чисто́ поле, 70
Отсѣкали у Ивана по-плечъ голову,
Позмельчили [1] тутъ его да тѣло бѣлое,
Раскидали тѣло бѣло по чисту полю.
Выходила тутъ Настасьюшка Волховишна:
„Ужъ вы вой-тесь-ко, [2] два брата, два волховника, 75
„Ужъ вы вой-тесь, два Ивана, два царевича!
„Вы чего же губите́ душу безвинную?"
Они брали тутъ Настасью за желту́ косу,
А трясли же тутъ ее да о сыру́ землю,
Увозили же Настасьюшку въ чисто поле, 80
Схоронили Настасью во сыру землю.
Выростало тутъ два дерева кудрявыихъ:
Да комлями они росли въ кучу,
А вершинами они росли на́розно,
А кудрявыя дерева́, зеленыя. 85

---

[1] Изрубили на мелкія части.
[2] Т.-е., ужъ вы гой еси (или есте).

БЫЛИНА-СКОМОРОШИНА.

Въ общемъ вступительномъ очеркѣ къ былинамъ, гдѣ (см. т. I, стр. LXI—LXII) говорилось, между прочимъ, о роли „веселыхъ молодцовъ“—скомороховъ—въ сохраненіи и передачѣ былинъ, высказано было также предположеніе, что эти скоморохи, въ числѣ другихъ лицъ, могли быть отчасти не только редакторами готовой былины, налагавшими свой специфическій, „скоморошій“, отпечатокъ на старшую пѣсню, но отчасти могли быть и создателями самыхъ былинъ. Въ числѣ напечатанныхъ выше текстовъ нѣкоторые, дѣйствительно, могли быть сочтены прошедшими черезъ руки скомороховъ, каковы: „Добрыня и Алеша“ (т. I, стр. 55 и сл., въ частности см. стр. 61 и сл.), „Василій пьяница“ (тамъ же, стр. 228 и сл.), „Соловей Будимировичъ“ (т. II, стр. 132 и сл.), „Ставръ Годиновичъ“ (тамъ же, стр. 148 и сл.) и др.; это участіе скомороховъ въ обработкѣ старой былины, какъ извѣстно, выразилось главнымъ образомъ въ шутливо-балагурномъ стилѣ ея, иногда и въ самомъ изложеніи, иногда—только въ „зачинахъ“ или „исходахъ“; на то же участіе скомороховъ въ обработкѣ былины указываетъ и то, что въ ней дѣйствующимъ лицомъ иногда является богатырь, то принимающій видъ скомороха (напр., Добрыня), а то и просто знакомый съ профессіей скомороха-пѣвца (каковъ Ставръ), при чемъ нельзя не обратить вниманія на то, что въ послѣднихъ случаяхъ скомороху приданъ характеръ героя положительнаго типа: аристократъ Добрыня не гнушается ролью скомороха, даже имѣетъ у себя дома скоморошье платье (см. стихи 200—209 упомянутой пѣсни), бояринъ Ставръ былъ самымъ искуснымъ гусляромъ въ Кіевѣ (ср. стихи 273—274 былины о немъ); въ этомъ, быть-можетъ, скрывается своеобразная тенденція исполнителя былины скомороха, желавшаго нѣсколько поднять въ глазахъ слушателей свое ремесло, защитить себя отъ унизительнаго въ глазахъ общества представленія о немъ, какъ шутѣ низкаго разбора. Съ этого рода мыслію мы встрѣтимся и ниже.

Въ слѣдующей далѣе группѣ былинныхъ текстовъ дѣлается попытка выдѣлить изъ общей массы былевыхъ пѣсенъ нѣсколько такихъ, которыя можно съ наибольшей степенью вѣроятности счесть результатомъ прямо авторства скомороховъ. Но прежде, нежели дѣлать какія-либо замѣчанія объ этихъ былинахъ, будетъ не лишнимъ предпослать нѣсколько данныхъ историческаго или правильнѣе, историко-культурнаго характера о самихъ скоморохахъ: это приблизитъ насъ къ пониманію роли той группы носителей и отчасти слагателей былины, о которыхъ мы, несмотря на скудость и отрывочность историческихъ свѣдѣній, можемъ составить всеже болѣе ясное представленіе, нежели о другихъ участникахъ въ сохраненіи и созданіи нашего былевого эпоса стараго времени.

Не входя, однако, въ подробности исторіи „скоморошества" на Руси [1], ограничимся наиболѣе для насъ въ данномъ случаѣ существеннымъ. Если теперь съ именемъ скомороха у насъ соединяется обычно представленіе о шутѣ, гаерѣ, артистѣ низшаго сорта, служащемъ почти исключительно интересамъ мало развитой массы, представителѣ преимущественно грубоватой шутки и т. п., то представленіе это не можетъ счесться исконнымъ значеніемъ этого названія, а должно быть признано уже вторичнымъ, во всякомъ случаѣ, не обнимающимъ собою понятія въ томъ его объемѣ, какимъ онъ былъ въ древнее время. Какъ показываютъ старыя упоминанія о „гудцахъ", идущія въ нашей письменности еще съ конца XI в., этотъ „гудецъ" былъ ближайшимъ предшественникомъ „скомороха", а можетъ быть, и просто синонимомъ его названія, получившаго преимущественное употребленіе позднѣе. Если древняя литература сурово относилась къ такому „гудцу", то объясняется это тѣмъ, что онъ былъ носителемъ того искусства, словеснаго и изобразительнаго, которое выходило изъ узкихъ рамокъ допустимаго для человѣка въ нашемъ средневѣковомъ обще-

---

[1] Болѣе подробныя свѣдѣнія о скоморохахъ см. въ трудахъ А. Н. Веселовскаго, И. С. Бѣляева, А. И. Кирпичникова, Вс. Ѳ. Миллера и особенно А. С. Фаминцына (Скоморохи на Руси. Спб. 1889 г.).

ствѣ, подъ вліяніемъ Византіи недружелюбно относившемся ко всему „мірскому“, какъ остатку, переживанію нехристіанскаго міропониманія, какъ къ занятію, недостойному настоящаго христіанина: этимъ объясняются и русскія запрещенія народныхъ развлеченій, „мірскихъ“ пѣсенъ, которыя тянутся черезъ всю нашу старинную письменность и становятся особенно энергичными въ XVI и XVII вѣкахъ. Но тѣ же свѣдѣнія, даваемыя старой письменностью, показываютъ намъ, что предметомъ занятій этихъ „гудцовъ“ не было только шутовство, въ нашемъ смыслѣ этого слова, что эти „гудцы“, пѣвцы и исполнители „мірскихъ“ произведеній, не были только своего рода подонками общества и служителями только невзыскательной въ художественномъ и этическомъ отношеніяхъ массы: мы знаемъ, что эти люди принадлежали иногда даже къ княжеской дружинѣ, исполняли, поэтому, серьезныя общественныя порученія, ничего общаго съ пѣніемъ и „гудѣніемъ“ не имѣющія, напр., порученія дипломатическаго характера (каковъ былъ, напр., въ XIII в. пѣвецъ Митуса, отмѣченный поэтому и лѣтописью); къ числу такихъ же художниковъ-пѣвцовъ долженъ быть отнесенъ и тотъ вѣщій Боянъ, который, какъ мы знаемъ изъ „Слова о полку Игоревѣ“, воспѣвалъ подвиги своихъ князей-современниковъ; да и самъ талантливый авторъ „Слова“ долженъ быть причисленъ къ той же категоріи художественныхъ дѣятелей. Ясно, что и репертуаръ ихъ пьесъ не могъ ограничиваться только веселыми, не серьезными, шутливыми пѣснями. Таковъ въ общемъ былъ „скоморохъ“-„гудецъ“ древняго періода нашей жизни. Характеристику эту можно дополнить еще также нѣкоторыми подробностями на основаніи свѣдѣній той же древней письменности: такъ, мы знаемъ, что эти „гудцы“ не только доставляли эстетическое удовлетвореніе на княжескихъ пирахъ и во время народныхъ забавъ, но принимали участіе и въ обрядовой сторонѣ народной жизни,—на свадьбахъ, при поминаніи покойниковъ на могилахъ и т. д. Съ другой стороны, они, въ качествѣ служителей болѣе развитыхъ и сравнительно болѣе образованныхъ слоевъ общества, естественно, должны были

и сами по своему развитію, образованію стоять выше простой неграмотной массы, являясь такимъ образомъ тѣмъ мостомъ, которымъ объединялись книжная литература высшихъ слоевъ общества и устная—нижнихъ. Все это ведетъ къ тому предположенію, что „гудцы“ вполнѣ могли быть не только носителями и исполнителями такихъ произведеній, каковы искусно сложенныя и опирающіяся на разнообразные, между прочимъ и книжные, источники наши былины, но могли быть и ихъ слагателями, притомъ, повторяю, не только былинъ шутливыхъ и „веселыхъ“, но и серьезныхъ, производящихъ глубокое, положительное впечатлѣніе на слушателя. И дѣйствительно, есть у насъ указанія письменныхъ источниковъ относительно того, что скоморохи даже довольно поздняго времени (XVII и XVIII вв.) исполняли не только „веселыя“ пьесы, но, очевидно, по традиціи отъ старыхъ „гудцовъ“, и пьесы серьезныя; такъ, они поютъ серьезныя пѣсни о смерти Скопина-Шуйскаго, о Ксеніи, дочери Годунова, записанныя у нихъ въ 1619 г. Р. Джемсомъ, поютъ передъ Олеаріемъ пѣсню о царѣ Михаилѣ Федоровичѣ; а русскій историкъ В. Н. Татищевъ въ концѣ XVII или въ началѣ слѣдующаго столѣтія (онъ умеръ въ 1750 г.) отъ скомороховъ слушаетъ пѣсни о князѣ Владимирѣ и его богатыряхъ, т.-е., извѣстныя намъ былины [1]. Указанія на то же разнообразіе репертуара скомороховъ найдемъ и въ самихъ былинахъ: напр., Добрыня, переодѣтый скоморохомъ и подражая скомороху, поетъ на свадьбѣ своей жены пѣсни:

Заигралъ Добрыня поунывльному,
Поунывльному, поумильному,

почему гости

Всѣ на пиру оглянулися,
Всѣ на пиру ужахнулися,

---

[1] Память о такомъ репертуарѣ скомороховъ уцѣлѣла до сихъ поръ среди носителей нашего эпоса: современная намъ, выдающаяся пѣвица былинъ съ Пинеги, М. Кривополѣнова историческую пѣсню о женитьбѣ Грознаго называетъ „скоморошиной“; пѣсня, какъ увидимъ, носитъ характеръ скорѣе самодовольно-патріотическій, нежели балагурный.

а Владимиръ благодаритъ его:

За твою игру за великую,
За утѣхи твои за нѣжныя.

По другому варьянту той же былины, пѣсня Добрыни производитъ на свадебномъ пиру такое впечатлѣніе:

Всѣ же за столомъ призадумалися,
Всѣ же тутъ игры призаслухалися.

Ясно, что это была не обычная веселая, легкая по своему содержанію пѣсня, назначенная для потѣхи развеселившихся и подпившихъ гостей. Разнообразны были, очевидно, въ зависимости отъ содержанія, и музыкальные мотивы скоморошьихъ пѣсенъ: тотъ же Добрыня

Тонцы повелъ изъ Нова-города.
Другіе повелъ изъ Царя-города,
. . . . . .
Припѣвки припѣвалъ изъ-за синя моря.

Далѣе упоминается въ той же былинѣ о разнообразныхъ „струнахъ“ (т.-е. мотивахъ) у Добрыни: кіевскихъ, черниговскихъ, московскихъ и даже іерусалимскихъ.

Все сказанное о скоморохахъ показываетъ, повидимому, что представленіе о нихъ, лишь какъ о невысокаго сорта простонародныхъ забавникахъ, шутахъ, гаерахъ, будетъ для стараго времени слишкомъ узкимъ и одностороннимъ: это были люди и болѣе развитые и болѣе разносторонніе и частью серьезные художники, носители устно-народнаго творчества, и чужого и своего. Съ другой стороны, та же исторія скоморошества на Руси даетъ возможность предположить тотъ путь, какимъ общество (а отчасти и сами скоморохи) дошло до взгляда на этотъ родъ искусства, лишь какъ на шутовство, легкое развлеченіе, а на служителей этого искусства, какъ на художниковъ низшаго сорта. Это совершилось въ связи съ общимъ измѣненіемъ характера нашей жизни въ московскій періодъ: народная устная словесность, и до того не встрѣчавшая сочувствія въ глазахъ наиболѣе начитанныхъ и проникнутыхъ тогдашнимъ пониманіемъ христіанской

этики людей изъ духовенства и высшихъ классовъ русскаго общества, какъ мы уже знаемъ, все болѣе и болѣе опускалась въ низы этого общества, все далѣе и далѣе уходила изъ болѣе или менѣе культурныхъ очаговъ русской жизни; а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливались отрицательные отзывы и строгія мѣропріятія со стороны власть имущихъ по отношенію къ этой поэзіи и къ ея носителямъ, тѣмъ болѣе, что и сами эти носители, также опускаясь ниже въ некультурныя массы, пріобрѣтали въ связи съ тѣмъ и пониженные вкусы этихъ массъ, къ которымъ они, получая отъ этихъ массъ доходы, естественно теперь приспособлялись, какъ ихъ предки приспособлялись ко вкусамъ своей повышеннаго тона аудиторіи. Правительственныя распоряженія XVI и XVII вѣковъ, Стоглавъ, указы царей, усиленно подчеркиваютъ безнравственный, грубый и противообщественный характеръ дѣятельности скоморошьихъ ассоціацій, предлагаютъ поэтому суровыя мѣры для ихъ искорененія: дальнѣйшія измѣненія въ самой жизни, а отчасти и преслѣдованія ведутъ, дѣйствительно, къ тому, что скоморошество въ XVIII вѣкѣ почти совершенно исчезаетъ, но профессіоналы-скоморохи, уходя, успѣваютъ въ значительной мѣрѣ передать свое богатство въ наслѣдіе своимъ послѣднимъ слушателямъ и цѣнителямъ—крестьянамъ, которые и сохранили ихъ пѣсни, часто въ той ихъ послѣдней редакціи, которую придали имъ скоморохи, а вмѣстѣ и пѣсни, сложенныя этими народными артистами-поэтами самими. Такимъ путемъ въ репертуарѣ современныхъ сказателей былины оказалась, между прочимъ, и скоморошья пѣсня. Эта пѣсня по своему характеру—„веселая"—показываетъ, что сложилась она уже тогда, когда само скоморошество вступило въ ту фазу своей жизни, которая отмѣчена уже преобладаніемъ или наличностью въ значительной степени въ репертуарѣ пѣвцовъ именно этой легкой, балагурно-шутливой, подчасъ грубовато-циничной окраски, т.-е., когда сами скоморохи опустились въ смыслѣ достоинства своего искусства, иначе—едва ли ранѣе XVI—XVII вв..

Развлекатели простонародной нетребовательной массы, они,

какъ авторы, далеки отъ тѣхъ возвышенныхъ боевыхъ интересовъ, которые создали богатырскіе облики старшаго времени; служители невзыскательныхъ вкусовъ низовъ городского населенія и крестьянства, они культивируютъ или городскую пикантную, подчасъ нескромную, новеллу, или излагаютъ городскую сплетню, разсказывая про скандалъ въ узкой средѣ обывателей, или же просто поютъ веселую „небылицу въ лицахъ", а то и про самихъ себя, какъ это мы видимъ въ широко еще теперь распространенной пѣснѣ про Ѳому и Ерему...

Правда, вспоминаютъ скоморохи иногда и про свою прежнюю роль носителей болѣе серьезнаго, возвышеннаго содержанія, не прочь поэтому приподнять себя въ глазахъ слушателей, разсказывая о скоморохѣ Вавилѣ, добродѣтели котораго правильно оцѣнили скоморохи-чудотворцы Кузьма и Демьянъ; но самыя чудеса, ими совершаемыя, носятъ въ ихъ подборѣ далеко не серьезный характеръ, больше похожи на фокусы, хотя, быть можетъ, и навѣяны религіозной наивной книжной легендой, старинными образами старыхъ греческихъ мимовъ, удостоившихся попадать въ ликъ святыхъ, какъ о томъ разсказываетъ переводная на Руси проложная легенда о Порфиріи, не только „игрецѣ", но и христіанскомъ мученикѣ. Во всякомъ же случаѣ, ихъ преобладающій интересъ вращается теперь не около „умильныхъ", трогательныхъ темъ, а около веселыхъ и веселящихъ ихъ слушателей.

Таково, повидимому, было большинство эпическихъ пѣсенъ, сложенныхъ „веселыми молодцами" XVII—XVIII вѣковъ—скоморохами.

1. ВАВИЛО И СКОМОРОХИ.

У честной вдовы да у Ненилы
А у ней было́ чадо́ Вавило.
А поѣхалъ Вавилушко на ниву
Онъ вѣдь нивушку свою орати,
Еще бѣлую пшеницу засѣвати: 5
Родну матушку хоче́ кормити.
А ко той вдовѣ да ко Ненилѣ
При́шли люди къ ней веселы́е,
Веселые люди не простые,
Не простые люди,—скоморохи. 10
„Ужъ ты здравствуешь, честна вдова Ненила!
„У тя гдѣ чадо да нынь Вавило?“
— А уѣхалъ Вавилушко на ниву
— Онъ вѣдь нивушку свою орати,
— Еще бѣлую пшеницу засѣвати: 15
— Родну матушку хоче́ кормити.—
Говорятъ какъ тѣ вѣдь скоморохи:
„Мы пойдемъ къ Вавилушку на ниву;
„Онъ не идетъ ли съ нами скоморошить?“
А пошли къ Вавилушку на ниву: 20
„Ужъ ты здравствуешь, чадо Вавило!
„Тебѣ нивушка да тѣ орати,
„Еще бѣлая пшеница засѣвати,
„Родна матушка тебѣ кормити!“

— Вамъ спасибо, люди веселые,
— Весе́лые люди, скоморохи.
— Вы куды пошли да по дорогѣ?—
„Мы пошли вѣдь тутъ да скоморошить,
„Мы пошли на инище́е [1] царство
„Переигрывать царя Собаку,
„Еще сына его да Перегуду,
„Еще зятя его да Пересвѣта,
„Еще дочь его да Перекрасу.
„Ты пойдемъ, Вавило, съ нами скоморошить".
Говорило-то чадо Вавило:
— Я вѣдь пѣсенъ пѣть да не умѣю,
— Я въ гудокъ играть да не горазенъ.—
Говорилъ Кузьма да со Демьяномъ:
„Заиграй, Вавило, во гудочекъ
„А во звончатой во переладецъ;
„А Кузьма съ Демьяномъ припособитъ".
Заигралъ Вавило во гудочекъ
А во звончатой во переладецъ,
А Кузьма съ Демьяномъ припособилъ:
У того вѣдь чада у Вавила
А было́ въ рукахъ-то понюгальце [2],
А и стало тутъ погудальце;
Еще были въ рукахъ у его да тутъ вѣдь вожжи,
Еще стали шелковыя струнки.
Еще то чадо да тутъ Вавило
Видитъ, люди тутъ да не простые,
Не простые люди-тѣ, святые:
Онъ походитъ съ има да скоморошить.
Онъ повелъ ихъ да вѣдь домой же.
Еще тутъ честна вдова да тутъ Ненила

---

[1] Иное, чужое.
[2] Кнутъ, погонялка.

Еще стала тутъ да ихъ кормити;
Понесла 'на [1] хлѣбы-тѣ ржаные,
А и стали хлѣбы-тѣ пшеные;
Понесла 'на куру-ту́ варену,
Еще кура тутъ да вѣдь взлетѣла, 60
На печной столбъ сѣла да запѣла.
Еще та вдова да тутъ Ненила
Еще видитъ, люди тутъ да не простые,
Не простые люди-тѣ, святые,
И спускатъ Вавила скоморошить. 65
А идутъ скоморохи по дорогѣ;
На гумнѣ мужикъ горохъ молотитъ:
„Тебѣ Богъ помо́щь, да вѣдь крестьянинъ,
„На бѣло́ горохъ да молотити!“
— Вамъ спасибо, люди веселые, 70
— Веселые люди, скоморохи.
— Вы куды пошли да по дорогѣ?—
„Мы пошли на инищее царство
„Переигрывать царя Собаку,
„Еще сына его да Перегуду, 75
„Еще зятя его да Пересвѣта,
„Еще дочь его да Перекрасу“.
Говорилъ да тотъ да вѣдь крестьянинъ:
— У того царя да у Собаки
— А око́ль двора да тынъ желѣзной, 80
— А на каждой тутъ да на тычинкѣ
— По человѣчей-то сидитъ головкѣ;
— А на трехъ вѣдь на тычинкахъ
— Еще нѣту человѣчихъ-то тутъ головокъ:
— Тутъ и вашимъ-то да быть головкамъ.— 85
„Ужъ ты ой еси, да ты крестьянинъ!
„Ты не могъ вѣдь добра намъ и вздумать,

[1] Она.

„Еще лиха ты бы намъ не сказывалъ.
„Заиграй, Вавило, во гудочекъ
„А во звончатой во переладецъ; 10
„А Кузьма съ Демьяномъ припособитъ".
Заигралъ Вавило во гудочекъ,
А Кузьма съ Демьяномъ припособилъ:
Полетѣли голубята-ти стадами,
А стадами тутъ да табунами: 15
Они стали у мужика горохъ клевати.
Онъ вѣдь сталъ ихъ тутъ кичигами [1] шибати;
Зашибалъ, онъ думатъ, голубятъ-то,—
Зашибалъ да всѣхъ своихъ ребятъ-то.
— Я вѣдь тяжко тутъ да согрѣшилъ вѣдь: 100
— Эти люди шли да не простые,
— Не простые люди-тѣ, святые,—
— Еще я вѣдь имъ да не молился.—
А идутъ скоморохи по дорогѣ,
А на стрѣчу имъ иде мужикъ горшками торговати: 105
„Тебѣ Богъ помощь да тѣ, крестьянинъ,
„А й тебѣ горшками торговати!"
— Вамъ спасибо, люди веселые,
— Веселые люди, скоморохи;
— Вы куды пошли да по дорогѣ? — 110
„Мы пошли на нищее царство
„Переигрывать царя Собаку,
„Еще сына его да Перегуду,
„Еще зятя его да Пересвѣта,
„Еще дочь его да Перекрасу". 115
Говорилъ да тотъ да вѣдь крестьянинъ:
— У того царя да у Собаки
— А окóль двора да тынъ желѣзной,
— А на каждой тутъ да на тычинкѣ

[1] Молотило: верхняя часть цѣпа.

— По человѣчей-то сидитъ головкѣ; 120
— А на трехъ-то вѣдь на тычинкахъ
— Нѣтъ человѣчихъ да тутъ головокъ:
— Тутъ вашимъ да быть головкамъ.—
„Ужъ ты ой еси, да ты крестьянинъ!
„Ты не могъ добра да намъ вѣдь вздумать, 125
„Еще лиха ты бы намъ не сказывалъ.
„Заиграй, Вавило, во гудочекъ
„А во звончатой да переладецъ,
„А Кузьма съ Демьяномъ припособитъ".
Заигралъ Вавило во гудочекъ 130
А во звончатой во переладецъ,
А Кузьма съ Демьяномъ припособилъ:
Полетѣли куропки́ съ ряба́ми,
Полетѣли пеструхи съ чухарями,
Полетѣли марьюхи съ косачами [1], 135
Еще стали мужику-то по оглоблямъ-то садиться.
Онъ вѣдь сталъ тутъ ихъ да бити
И во свой вѣдь возъ да класти.
А поѣхалъ мужикъ да въ городочекъ,
Становился онъ да во рядочекъ, 140
Развязалъ да онъ да свой возочекъ.
Полетѣли куропки съ рябами,
Полетѣли пеструхи съ чухарями,
Полетѣли марьюхи съ косачами.
Посмотрѣлъ во своемъ-то онъ возочкѣ,— 145
Еще тутъ у его одни да черепочки:
— Ой! я тяжко тутъ да согрѣшилъ вѣдь:
— Это люди шли да не простые,
— Не простые люди-тѣ, святые,—
— Еще я вѣдь имъ, готъ [2], не молился.— 150

---

[1] Куропки—бѣлыя куропатки; рябы—рябчики; пеструхи—тетерки-самки; марьюхи—глухія тетерки (глухарки); косачи—тетерева (пѣтухи).
[2] Вѣроятно: говоритъ.

А идутъ скоморохи по дорогѣ,
Еще красная да тутъ дѣвица
А она бѣлье да полоскала.
„Ужъ ты здравствуешь, красна дѣвица,
„На бѣлó холсты да полоскати!“ 155
— Вамъ спасибо, люди веселые,
— Веселые люди, скоморохи.
— Вы куды пошли да по дорогѣ?—
„Мы пошли на инищее царство
„Переигрывать царя Собаку, 160
„Еще сына его да Перегуду,
„Еще зятя его да Пересвѣта,
„Еще дочь его да Перекрасу“.
Говорила красная дѣвица:
— Пособи вамъ Богъ переиграти 165
— И того царя да вамъ Собаку,
— Еще сына его да Перегуду,
— Еще зятя его да Пересвѣта,
— А и дочь его да Перекрасу.—
„Заиграй, Вавило, во гудочекъ 170
„А во звончатой во переладецъ,
„А Кузьма съ Демьяномъ припособитъ“.
Заигралъ Вавило во гудочекъ
А во звончатой во переладецъ,
А Кузьма съ Демьяномъ припособилъ: 175
А у той у красной у дѣвицы
А были у ей холсты-тѣ вѣдь холщевы,—
Еще стали шелковы да атласны.
Говоритъ какъ красная дѣвица:
— Тутъ люди шли да не простые, 180
— Не простые люди-тѣ, святые,—
— Еще я вѣдь имъ да не молилась.—
А идутъ скоморохи по дорогѣ,
А идутъ на инищее царство.

Заигралъ да тутъ да царь Собака, 185
Заигралъ Собака во гудочекъ
А во звончатой во переладецъ:
Еще стала вода да прибывати,
Еще хоче водой ихъ потопити.
„Заиграй, Вавило, во гудочекъ 190
„А во звончатой въ переладецъ,
„А Кузьма съ Демьяномъ припособитъ".
Заигралъ Вавило во гудочекъ
И во звончатой во переладецъ,
А Кузьма съ Демьяномъ припособилъ: 195
И пошли быки-тѣ тутъ стадами,
А стадами тутъ табунами,
Еще стали воду да упивати,
Еще стала вода да убывати.
„Заиграй, Вавило, во гудочекъ 200
„А во звончатой во переладецъ,
„А Кузьма съ Демьяномъ припособитъ".
Заигралъ Вавило во гудочекъ
А во звончатой во переладецъ,
А Кузьма съ Демьяномъ припособилъ: 205
Загорѣлось иницее царство
И сгорѣло съ краю и до краю.
Посадили тутъ Вавилушка на царство.
Онъ привезъ вѣдь тутъ да свóю матерь.

2. ГОСТЬ ТЕРЕНТЬИЩЕ.

Въ стольномъ Новѣгородѣ,
Было въ улицѣ во Юрьевской,
Въ слободѣ было Терентьевской;
А и жилъ-былъ богатой гость,
А по имени Терентьище: 5
У него дворъ на цѣлой верстѣ,
А кругомъ двора желѣзной тынъ,
На тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ;
Ворота были вальящатыя, 10
Вереи хрустальныя,
Подворотнна—рыбій зубъ.
Середи двора гридня стоитъ—
Покрыша сѣдыхъ бобровъ,
Потолокъ черныхъ соболей, 15
А и матица-то валженая,
Была печка муравленая,
Середа была кирпичная;
А на середѣ кроватка стоитъ,
Да кровать слоновыхъ костей, 20
На кровати перина лежитъ,
На перинѣ зголовье лежитъ,
На зголовьѣ молодая жена

Авдотья Ивановна [1].
Она съ вечера трудна-больна, 25
Со полуночи недужна вся:
Расходился недугъ въ головѣ,
Разыгрался утинъ [2] въ хребтѣ,
Пустился недугъ къ сердцу,
. 30
. . . . . .
. . . . . [3]
Говорила молодая жена Авдотья Ивановна:
„Ой и гой еси, богатой гость,
„И по имени Терентьище! 35
„Возьми мои золотые ключи,
„Отмыкай окованъ сундукъ,
„Вынимай денегъ сто рублевъ;
„Ты поди, дохтуровъ добывай,
„Волхи-то [4] спрашивати“. [5] 40
А втапоры Терентьище
Онъ жены своей слушался,
И жену-то во любви держалъ;
Онъ взялъ золоты ея ключи,
Отмыкалъ окованъ сундукъ, 45

---

[1] Разночтенія и дополненія приводятся изъ записи, сдѣланной въ Симбирской губ.
Оленушка Клементьевна,
Клементьевна—Дементьевна.

[2] Боль въ поясницѣ.

[3] Неудобное для печати описаніе болѣзни; въ варьянтѣ читается:
Къ полуночи ее немочь бьетъ,
Къ бѣлой зарѣ лихарадка трясетъ,
Немочь-то черная,
Лихарадка красная,
Пухота́, подживо́тна скорбь.

[4] Колдунъ, знахарь.

[5] Что ты мастеро́въ не спрашиваешь,
Подмастерьевъ не допытываешь?

Вынималъ денегъ сто рублевъ,
И пошелъ дохтуровъ добывать.
Онъ будетъ Терентьище
У честна креста Вздвиженья,
У жива моста калинова; [1] 50
Встрѣчу Терентьищу
Веселые скоморохи,
Скоморохи, люди вѣжливые,
Скоморохи очестливые [2],
Объ ручку Терентью челомъ: 55
— Ты здраствуй, богатой гость,
— И по имени Терентьище!
— Доселѣва те слыхомъ не слыхать
— И доселѣва видомъ не видать,
— А и нонѣ ты, Терентьище, 60
— А и бродишь по чисту полю,
— Что корова заблудящая,
— Что ворона залетящая.—
А и на то-то онъ не сердится,
Говоритъ имъ Терентьище: 65
„А и вы гой, скоморохи молодцы!
„Что не самъ я Терентій зашелъ,
„И не конь-то богатаго завезъ,
„Завела нужда-бѣдность:
„Б.... у меня есть молодая жена 70
„Авдотья Ивановна;
„Она съ вечера трудна-больна,
„Со полуночи недужна вся:
„Расходился недугъ въ головѣ,
„Разыгрался утинъ въ хребтѣ, 75

---

[1] Онъ сталъ проти́во креста,
Проти́ креста, проти́въ чуднова,
Проти́ чудна Остаѳейскова.

[2] Т. е. умѣющіе честь оказать.

„Пустился недугъ къ сердцу,
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
„А кто бы-де недугамъ пособилъ,
„Кто недуги бы прочь отгонилъ
„Отъ моей молодой жены,
„Отъ Авдотьи Ивановны,
„Тому денегъ сто рублевъ,
„Безъ единыя денежки“. [1]
Веселые молодцы догадалися,
Другъ на друга оглянулися,
А сами усмѣхнулися:
— А и ты гой еси, Терентьище,
— Ты намъ что за труды заплатишь?—
„Вотъ вамъ даю сто рублевъ“.
Повели его Терентьища
По славному Новугороду,
Завели его Терентьища
Во тотъ во темный рядъ,
А купили шелковой [2] мѣхъ:
Дали два гроша мѣшокъ;
Пошли они во червленой рядъ,
Да купили червленой вязъ
А и дубину ременчатую,
Половина свинцу налиту:
Дали за нее десять алтынъ.

---

[1] По варьянту самъ Терентьище обращается къ скоморокамъ:
Вы много по землѣ ходоки;
Вы много всѣмъ скорбямъ знатоки,
Вы скорби ухаживаете,
А недуги уговариваете:
У меня, братцы, жена скорбна.

[2] Холщевой (вар.).

Посадили Терентьища
Во тотъ шелковой мѣхъ.
Мѣхоноша за плеча взялъ, 105
Пошли они, скоморохи,
Ко Терентьеву ко двору.
Молода жена опасливая
Въ окошечко выглянула:
„А и вы гой еси, веселые молодцы! 110
„Вы къ чему на дворъ идете?
„Что хозяина въ дому нѣтъ“.
Говорятъ веселые молодцы:
— А и гой еси, молодая жена,
— Авдотья Ивановна! 115
— А и мы тебѣ челобитье несемъ
— Отъ гостя богатаго,
— И по имени Терентьища.— [1]
И она спохватилася за то:
„А и вы гой еси, добрые молодцы! 120
„Гдѣ его видѣли,
„А гдѣ про него слышали?“
Отвѣчаютъ веселые молодцы:
— Мы его слышали,
— Сами доподлинно видѣли 125
— У честна креста Вздвиженья,
— У жива моста калинова:
— Голова по себѣ его лежитъ,
— И вороны въ ж... клюютъ.— [2]

---

[1] Въ варьянтѣ нѣтъ соотв. ст. 105—115.

[2] Его вороны потаскиваютъ,
Черны кобели́ поволакиваютъ.
Возговоритъ жена молода
Оленушка Клементьевна:
„Избыла де я немилаго свово́,
„Терентья стараго.

Говорила молодая жена 130
Авдотья Ивановна:
„Веселые скоморохи!
„Вы подите во свѣтлую гридню,
„Садитесь на лавочки,
„Поиграйте во гусельцы 135
„И пропойте-ка пѣсенку
„Про гостя богатаго
„Про стараго б....на сына,
„И по имени Терентьища:
„Во дому бы его вѣкъ не видать". 110
Веселые скоморохи
Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запѣли они пѣсенку:
— Слушай, шелковой мѣхъ, 145
— Мѣхоноша за плечами,
— А слушай, Терентій гость,
— Что про тебя говорятъ,
— Говоритъ молодая жена
— Авдотья Ивановна 150
— Про стараго мужа Терентьища,
— Про стараго б....на сына:
— „Въ дому бы тебя вѣкъ не видать".
— Шевелись, шелковой мѣхъ,
— Мѣхоноша за плечами, 155
— Вставай-ка, Терентьище,
— Лечить молодую жену:
— Бери червленой вязъ,
— Ты дубину ременчатую,

„Терентья богатаго.
„Нажила я свою волюшку!"
Соотвѣтств. стихамъ 125—139 нѣтъ.

— Походи-ка, Терентьище, 160
— По своей свѣтлой гриднѣ
— И по середѣ кирпищатой
— Ко занавѣсу бѣлому,
— Ко кровати слоновыхъ костей,
— Ко перинѣ ко пуховыя, 165
— А лечи-ка ты, Терентьище,
— А лечи-ка ты молоду жену
— Авдотью Ивановну.— [1]
Вставалъ же Терентьище,
Ухватилъ червленой вязъ 170
А дубину ременчатую,
Половина свинцу налиту [2],
Походилъ онъ, Терентьище,
По своей свѣтлой гриднѣ
За занавѣсу бѣлую 175
Ко кровати слоновыхъ костей;
Онъ сталъ молоду жену лечить
Авдотью Ивановну:
Шлыкъ съ головы у нея сшибъ.
Посмотритъ Терентьище 180
На кровать слоновыхъ костей,
На перину на пуховую,—
А недугъ-отъ пошевеливается
Подъ одѣяломъ соболиныимъ.
Онъ-то, Терентьище, 185
Недуга-то вонъ погналъ
Что дубиною ременчатою;
А недугъ-отъ не путемъ,—
Въ окошко скочилъ,
Чуть головы не сломилъ,— 190

---

[1] Соотв. ст. 148—163 нѣтъ.

[2] Онъ беретъ трость жимолостну, половина свинцу налита (хотя раньше о ней рѣчи не было).

На корачкахъ ползаетъ,
Едва отъ окна отполозъ.
Онъ оставилъ, недужище,
Кафтанъ хрущатой камки,
Камзолъ баберековой [1]. 195
А и денегъ пятьсотъ рублевъ.
Втапоры Терентьище
Далъ еще веселымъ
Другое сто рублевъ—
За правду великую. [2] 200

---

[1] Шелковая парча.

[2] Стихамъ 172—195 соотвѣтствуютъ:
Онъ сталъ скорби ухаживати,
Сталъ недуги уговаривати.
Тутъ возговорятъ скоморохи,
Скоморохи, люди вѣжливые,
Люди вѣжливы, очестливые:
„Ой ты гой еси, Терентій гость!
„Ты самъ скорби ухаживаешь,
„А недуги уговариваешь!“.

3. СТАРИНА О БОЛЬШОМЪ БЫКѢ.

Ай, диди, диди, диди, дидй!
Князи, послушайте,
Да бояры, послушайте,
Ды вы всѣ, люди земскіе,
Мужики вы деревенскіе,
Да солдаты служивые,
Да ребятушки маленькіе,
Не шумите—послушайте.
Да старушки вы старенькія,
Не дремлите—послушайте, 10
Молодыя молодушки,
Не прядите—послушайте.
Да красныя дѣвушки,
Да не шейте—послушайте.
Да какъ я вамъ пословицу скажу, 15
Да пословицу хорошенькую,
Про того ли про большого быка,
Про быка Рободановскаго.
Да какъ тотъ ли великіе быкъ,
Да какъ степи рукой не добыть, 20
Промежу роги косая сажень,
На рогахъ подпись княжеская:
„Василья Богдановскаго,
Да еще Рободановскаго".
Да какъ нашъ-отъ великіе князь, 25

Афанасій Путятинской,
Да не ѣстъ онъ гусятинки,
Да не бѣлы́я лебедятинки,
Да не сѣрыя утятинки,
Не индѣйской курятинки; 30
Да свинина отъѣлася,
Барани́ны не хочется:
Захотѣлося говядинки,
Да уросло́й телятинки.
Да какъ самъ-то похаживаетъ, 35
Да какъ самъ-то покрякиваетъ,
Бородой-то потряхиваетъ,
Да какъ самъ выговариваетъ:
„Да какъ есть ли у меня на дворѣ,
„Да такіе люди надобные; 40
„Да сходили бы на барской дворъ,
„Да на помѣстье дворянское
„По того ли по большого быка,
„По быка Рободановскаго“.
Да какъ былъ-то Зеновей слуга, 45
Да онъ часто по Волгѣ ходилъ,
Да онъ много-то селъ тамъ громилъ,
Да и тѣмъ голову кормилъ.
Хватилъ конопля́ на плетень,
Да скочилъ за Москву за рѣку 50
Ко двору-то боярскому,
Да къ помѣстью-то дворянскому.
Да какъ свилъ-то вѣдь вя́зивце [1];
Да какъ онъ, воръ, догадливъ былъ:
Быку липовы лапотцы обулъ, 55
Напередъ онъ пятами обернулъ,
Да какъ такъ-то быка увелъ.

---

[1] То же, что — вязь, привязь, гужъ.

Да завелъ быка въ рощицу,
Привязалъ быка къ деревцу.
Да какъ самъ-то похаживаетъ, 60
Да какъ самъ поговариваетъ:
— Да какъ кто-то быка-то увелъ,
— Да и тотъ-то безвѣстно ушелъ.
— Да какъ кто съ быка кожу сдеретъ,
— Да и тотъ концомъ пропадетъ.— 65
Да какъ былъ-то Алеша мясникъ,
Да у него кулаки мясны,
Да у него клепики́ [1] востры.
Да какъ ткнулъ быка палкой въ лобъ,
Да какъ ткнулъ клепико́мъ-то въ бокъ, 70
Да какъ взялъ съ быка кожу слупилъ,
Да слупилъ, въ трубу завертѣлъ,
Завязалъ его вязивцемъ
Да и чуть на плечо воротилъ.
По несчастью Алешинькину, 75
По навожденью по дьявольскому,
Да какъ люди-тѣ пробаяли,
Да собаки-тѣ облаяли,
Да обстали собаки вкругъ,—
Да лише [2] только кожа кинуть съ рукъ. 80
Да скочилъ за Москву за рѣку́,
Да какъ въ Митькѣ къ кожевникову.
Полтора года въ дѣлѣ была,
Да не у́дала изъ дѣла вышла:
Да середочка выгнила, 85
По краямъ не осталось ничто.
Да Алешѣ-то мя́сникову,
Да какъ Митькѣ-то кожевникову,

---

[1] Ножи (въ частности сапожные).
[2] Оставалось.

Какъ кожи по рядамъ провели,
Да кожи-тѣ кнутомъ набили́, 90
Да какъ справили двѣсти рублей,
Да по двѣсти съ полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы не́ люди добрые,
Да не заступы-тѣ крѣпкіе, 95
Да не гости-тѣ Строгановы,—
Да лише только головы отстать.
Та-то бѣда не бѣда,
Да лишь бы болѣ той не была.
Да къ тому ли къ большому быку, 100
Да къ быку Рободановскому,
Да были [1] два-тѣ харчевничка,
Да молодые-тѣ поспѣшничка,
Да какъ губки обрѣзывали,
Да бедерки обрѣзывали, 105
Да какъ сдѣлали студеньцу,
Молодую да съ про́рѣзью
Да на здоровье и съ легостью,
Да не на что не подумати,
Выносили на базаръ продавать. 110
Да какъ гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да студенечку подкушивали,
Да какъ ей-то подхваливали:
„Да какъ-то эта сту́деньца 115
„Молода да съ прорѣзью,
„На здоровье и съ легостью,
„Не на что не подумати.
„Да не того-ли большого быка
„Да быка Рободановскаго?“ 120

---

[1] Въ текстѣ: „били“, какъ и ниже.

Да какъ двумъ-то харчевникамъ,
Да молодымъ-то поспѣшникамъ.
Да какъ кожи по рядамъ провели,
Да какъ кожи-тѣ кнутомъ набилй,
Да какъ справили двѣсти рублей, 125
Да по двѣсти съ полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы нé люди добрые,
Не заступы-тѣ крѣпкіе,
Да не гости-тѣ Строгановы,— 130
Лише только головы́ отстать.
Да какъ та-то бѣда не бѣда,
Да лишь бы больше той не была.
Къ тому ли къ большому быку,
Да быку Рободановскому. 135
Да была Марья харчевенка,
Молодая поспѣшенка,
Да кишочки обрѣзывала,
Да какъ ихъ-то начинивала
Толоконцемъ да крупочкой, 140
Да лучкомъ да и перечкомъ,
Выносила на базаръ продавать.
Да какъ гости подхаживали
Да бояра подхаживали,
Да кишочки подкушивали, 145
Да какъ ихъ-то похваливали:
„Да какъ-то это кишочки,
„Молодые да съ прорѣзью,
„На здоровье и съ легкостью.
„Не на что не подумати. 150
„Не того ли большого быка,
„Да быка Рободановскаго?“
Да какъ Марьѣ-то харчевенкѣ,
Да молодой-то поспѣшенкѣ,

Да какъ кожу по рядамъ провели, 155
Да какъ кожу-то кнутомъ набили́,
Да какъ справили двѣсти рублей,
Да по двѣсти съ полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы не́ люди добрые, 160
Не заступы-тѣ крѣпкіе,
Да не гости-тѣ Строгановы,—
Лише только головы отстать.
Да какъ та-то бѣда не бѣда,
Да какъ больше той не была. 165
Да къ тому ли къ большому быку,
Да къ быку Рободановскому
Да былъ нѣ́каковъ волынщичекъ,
Да молодой-отъ гудошничекъ,
Да онъ другомъ пузырь доступилъ [1], 170
Да какъ сдѣлалъ волыночку,
Да на новую перегудочку,
Да какъ сталъ онъ на рынокъ гулять,
Да какъ сталъ онъ въ волынку играть,
Да какъ гости подхаживали, 175
Да бояра подхаживали,
Да волынку послушивали,
Да какъ ей-то подхваливали:
„Да какъ-то это волыночка,
„На нову́ю перегудочку, 180
„Да не на что не подумати.
„Не того ли большого быка,
„Да быка Рободановскаго?“
Да тому ли-то волынщику,
Да молодому-то гудошнику, 185
Да какъ кожу-то кнутомъ набили́,

---

[1] Черезъ друзей пузырь досталъ.

Да какъ справили двѣсти рублей,
Да по двѣсти съ полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы нé люди добрые, 190
Не заступы-тѣ крѣпкіе,
Да не гости-тѣ Строгановы,—
Лише только головы отстать.
Да какъ та-то бѣда не бѣда,
Да какъ болѣ бы той не бѣды. 195
Да къ тому ли къ большому быку,
Да къ быку Рободановскому.
Да какъ каждая косточка
Да какъ стала-то въ пять рублей,
Да какъ каждое ребрышко 200
Да какъ стало-то въ семь рублей,
Опричé [1] становыхъ костей,
Ровно тысяча семьсотъ рублей,
А становымъ костямъ
И цѣны не знай. 205

---

[1] Кромѣ.

4. УСИЩА.

Еще за рѣкой, рѣкой было́ четыре двора,
А и четыре двора да изъ воротъ въ ворота.
Еще жилъ такой крестьянинъ: онъ солоду не ро́стилъ [1],
Еще солоду не ро́стилъ, завсегда пиво варилъ;
Онъ вѣдь денегъ не куетъ, да деньги въ займы́ даетъ. 5
Еще шли таки Усища [2] да атаманища.
Стуки-стуки, стуки-стуки, стуки-стуки на крыльцо,
Бряки-бряки, бряки-бряки, бряки-бряки за кольцо:
„Ты ставай-ка, хозяинъ, отпирай ворота;
„Ты ставай-ка, хозяйка, добывай огня!“ 10
Какъ хозяинъ-отъ вставатъ да ворота отпиратъ,
Какъ хозяйка-та вставатъ да огонь доставатъ.
„Еще что бы намъ, хозяинъ, какъ попить бы, поѣсть,
„А попить бы, поѣсть да намъ позавтракати?“
А хозяинъ-отъ идетъ да еще куль толокна несетъ, 15
А хозяйка-та идетъ да имъ ушатъ молока несетъ.
Они по́ кусу хватили—призаправилися,
По другому-то хватили—Богу кланялися.
„Да спасибо тѣ, хозяинъ, на овсяномъ толокнѣ,
„Да спасибо тѣ, хозяйка, на кисло́мъ молокѣ. 20
„Еще бы ты насъ, хозяинъ, напоилъ бы, накормилъ,
„Напоилъ бы, накормилъ да животомъ насъ надѣлилъ“.

---

[1] Готовилъ.

[2] Имя популярнаго разбойничьяго атамана Воронежской губ. въ XVII вѣкѣ.

Да хозяинъ-отъ божится:—Правда, денегъ нѣтъ.—
Да хозяйка-та ротится [1]:—Намъ негдѣ взять.—
„Ты поди, Самсонъ, колупай заслонъ; 25
„Вы кладите-ка хозяина у пылу подъ дыру:
„Еще скаже хозяинъ-отъ со́бину [2] свою“.
Да хозяинъ-отъ иде да свою собину несетъ,
Да хозяйка-та бѣжитъ да достальны́ деньги тащи́тъ.
Они дѣлили, раздѣлили по пятидесятъ рублевъ, 30
Да большому-то Усищу девяносто рублевъ:
„Да спасибо тѣ, хозяинъ: напоилъ насъ, накормилъ,
„Напоилъ насъ, накормилъ да животомъ насъ надѣлилъ.
„Еще дворъ твой знаемъ,—опять придемъ“.

---

[1] Клянется.
[2] Ипаче: собь—имущество, все свое (Даль).

5. НЕБЫЛИЦА.

Старина сказать да стародавняя,
Стародавняя да небывалая;
Хорошо—сказать, да лучше слушати.
Да побѣдна головушка бурлацкая,
Да сокопилась гривна передъ злыднемъ [1]: 5
Да на кабакъ сойде, да на вино пропье,
Да на остатній грошъ да табаку возьме,
Да табаку возьме, да свесела запье,
Да свесела запье да съ веселехонька.
Да Дунай, Дунай болѣ впередъ не знай! 10
Да не курица на ступѣ соягнилася,
Корова́ на лыжахъ покатилася,
Да свинья въ ели́-то вѣдь гнѣздо свила,
Да гнѣздо свила, да дѣтей вывела,
Малыхъ дѣточекъ да поросяточекъ; 15
Поросяточка все по сучкамъ вися,
По сучкамъ вися и полетѣть хотя.
По поднебесью, братцы, медвѣдь летитъ,
Да медвѣдь летитъ да онъ хвостомъ вертитъ.
И по чисту полю у насъ корабль бѣжитъ, 20

---

[1] Злыдень—несчастливый день (напр., понедѣльникъ, считающійся днемъ тяжелымъ, непригоднымъ для начала дѣла).

На синемъ морѣ у насъ овинъ горитъ,
Да овинъ горитъ, и то со рѣпою.
Разодрался хлопотъ [1], хлопотишечко,
Разодралась сношка со свекровкою,
Да рогатками она, мутовками, 25
На остаткахъ пова́ренками [2].

---

[1] Мельничный жерновъ.
[2] Въ концѣ концовъ кухонными ложками.

6. ѲОМА И ЕРЕМА.

Ерема съ Ѳомой были брательнички,
Они ладно живали, хорошо хаживали:
Ерема-то въ рогожкѣ, Ѳома въ торпищѣ;
У нихъ бороды, какъ бороны, усы, какъ кнуты.
Они вздумали бородушки на торгъ везти: 5
Ерема взялъ полтину, Ѳома восемь алтынъ,
Ерема купилъ мерина, Ѳома—жеребца,
Еремин-то не тянетъ, Ѳоминъ-то не везетъ;
Ерема въ бокъ ножемъ, Ѳома шкуру на роженъ:
„Какъ не наше съ тобой дѣло, братъ, пашенку пахать, 10
„А наше съ тобой дѣло, братъ, Богу молиться“.
Ерема-то въ церковь, а Ѳома-то въ алтарь,
Ерема-то за ризу, а Ѳома-то за стихарь,
Ерема-то кадитъ, Ѳома кланяется,
Ѳома кланяется—величается. 15
Какъ Ерему-то поймали, а Ѳому-то сгребли;
Ерема-то ушелъ, Ѳома вырвался,
Ерема-то бѣжитъ—не оглянется,
А Ѳома-то за нимъ лупитъ—не останется.
Они сойдутся, не разойдутся, 20
Растоскуются—разгорюются:
„Какъ не наше съ тобой дѣло, братъ, Богу молиться,
„А наше съ тобой дѣло, братъ, клѣти ломать“.
Ерема-то въ клѣть, а Ѳома-то въ подклѣть,

Ерема-то за коробъ, а Ѳома-то за сундукъ. 25
Ерему-то поймали, а Ѳому-то сгребли;
Ерема-то ушелъ, Ѳома вырвался,
Ерема-то бѣжитъ, не оглянется,
А Ѳома-то за нимъ лупитъ—не останется.
Они сойдутся, не разойдутся, 30
Растоскуются—разгорюются:
„Какъ не наше съ тобой дѣло, братъ, клѣти ломить,
„А наше съ тобой дѣло, братъ, рыбку ловить“.
Ерема-то въ лодку, а Ѳома-то въ ботикъ,
Ерема упалъ въ воду, а Ѳома-то на дно, 35
Ерема-то на дно, а Ѳома-то тамъ давно.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Историческая въ собственномъ смыслѣ этого слова пѣсня, какъ дальнѣйшій шагъ въ развитіи русской былевой пѣсни вообще, обязана своимъ бытіемъ, естественно, тѣмъ культурно-бытовымъ явленіямъ, которыми отмѣчена въ исторіи русскаго племени его жизнь въ опредѣленную эпоху: она, подобно старшей, былевой въ узкомъ смыслѣ слова, пѣснѣ,—также отраженіе міросозерцанія, отношенія къ окружающему ея создателей, носителей и затѣмъ хранителей и слушателей. Поэтому, понять „историческую“ пѣсню внѣ тѣхъ измѣненій, которыя произошли ко времени ея созданія, какъ отдѣльнаго вида творчества, въ міросозерцаніи и положеніи русскаго племени, невозможно.

Главныя же видоизмѣненія въ исторіи русскаго племени въ существѣ ихъ сводятся приблизительно къ слѣдующему. Ко времени созданія „исторической“ пѣсни окончательно сложилось то великорусское племя, которое съ XII—XIII вв. начало уже опредѣленно намѣчаться на сѣверо-востокѣ русской территоріи, какъ одна изъ разновидностей теперешняго русскаго народа; отношенія этого племени къ созидаемому имъ здѣсь Московскому государству также въ это время выясняются съ значительной опредѣленностью; иначе: „историческая“ пѣсня (о которой идетъ рѣчь) есть прежде всего пѣсня великорусская по преимуществу, затѣмъ, пѣсня Московской Руси, почему и содержаніе ея тѣсно связано съ переживаніями этой Московской Руси, какъ государства, поскольку послѣднее обнимало собою племя великорусское. Съ другой стороны, уже небольшая справка въ исторіи этого великорусскаго племени, создателя „исторической“ пѣсни, объяснитъ намъ и отношенія ея, въ смыслѣ источниковъ, отчасти формы, къ старшему виду общерусскаго творчества—былинѣ.

Исторія же образованія великорусскаго племени, поскольку она до сихъ поръ разъяснена научно, устанавливаетъ строго генетическую связь этого племени съ тѣмъ Русскимъ племенемъ (въ

различныхъ его частяхъ различную), которое было создателемъ Русскаго государства на югѣ, — въ по-Днѣпровьѣ, видитъ въ немъ одного изъ наслѣдниковъ этого южнаго племени, какъ въ этнографическомъ, такъ въ государственномъ и вообще культурномъ отношеніяхъ. Въ послѣднемъ отношеніи, взявши одну, для насъ наиболѣе интересную въ данномъ случаѣ, сторону— литературную, и даже только въ частности устно-литературную— преемство это мы не разъ могли уже видѣть на знакомой намъ пѣснѣ былевой: былина не только по содержанію, но отчасти и по формамъ на далекомъ русскомъ Сѣверѣ сохранила въ теченіи вѣковъ эту связь съ Югомъ и его событіями. Это, вѣдь, обстоятельство, какъ мы знаемъ (ср. т. I, стр. LIV — LV), въ значительной степени объясняетъ намъ и то, почему былина въ настоящее время оказывается достояніемъ только великорусской части русскаго племени: оно сумѣло въ значительной долѣ сберечь это наслѣдіе Юга при заселеніи сѣверо-восточнаго края. Но это же наблюденіе, будучи продолжено, дастъ объясненіе и частному явленію въ области былины: выше мы отмѣчали на старой южной былинѣ отложенія новой культурной эпохи жизни русскаго, теперь великорусскаго, племени: наслоенія эти были сочтены спеціально сѣверными, московскими; это были событія московской поры татарщины, событія Московскаго государства, оставлявшія слѣдъ и измѣнявшія тонъ, а иногда отчасти и самое содержаніе старой былины; наконецъ, мы познакомились съ былиной спеціально „московской“ (ср. выше: т. I, стр. 10, 12, 129, 242, 387, т. II, 129, 177 и сл.).

Въ исторіи же „московской“ былины, въ тѣхъ немногихъ словахъ, которыми предваряется изданіе ея текстовъ (см. выше, стр. 177 и сл.), были не только сдѣланы указанія на черты, отличающія ее отъ старшей былины, но также намѣчались ея отношенія къ пѣснѣ „исторической“: эта „историческая“ пѣсня постепенно замѣняетъ собою въ процессѣ творчества племени былину, ослабляетъ ея развитіе въ прежнемъ направленіи, хотя и не можетъ прекратить существованія ея, и, будучи ея наслѣдницей по фор-

мамъ, нѣкоторымъ образомъ оберегаетъ ее въ устахъ своихъ создателей и носителей, быть можетъ, даже способствуетъ тому, что старая былина сохранилась до нашего времени. Эта же близость и зависимость „исторической“ пѣсни отъ былины, какъ результатъ ея родственности съ этой былиной по генезису (явленіе, стало быть, параллельное отношеніямъ стараго русскаго племени къ великорусскому) можетъ быть засвидѣтельствована и внѣшнимъ образомъ въ традиціи современныхъ носителей былевой поэзіи: современные намъ носители этого вида творчества— крестьяне и казаки—эти наслѣдники пѣвцовъ стараго времени, въ своихъ репертуарахъ даютъ одинаково и старшую былину, и младшую „историческую“ пѣсню, не только не противополагая ихъ другъ другу, но даже не различая ихъ сознательно: они и ту и другую одинаково называютъ „ста́риной“, „стари́нкой“.

Несмотря, однако, на такое близкое родство между былиной и „исторической“ пѣсней, мы выдѣляемъ въ отдѣльную группу повѣствовательной поэзіи эту „историческую“ пѣсню. Право на такое выдѣленіе намъ даетъ сама исторія этой пѣсни: она, какъ сейчасъ увидимъ, не только слѣдующій, младшій фазисъ развитія эпической пѣсни сравнительно съ былиной, но она отразила иное состояніе воззрѣній русскаго племени на окружающее, нежели то показывала былина, и отразила его иначе.

Это измѣненіе, сравнительно съ предыдущимъ, въ воззрѣніи на окружающее и на его значеніе въ жизни, въ средѣ русскаго племени выразилось въ московское время, какъ извѣстно изъ исторіи русской культуры вообще, въ томъ, что воззрѣнія эти, сохраняя черты народныя, стали, если можно такъ выразиться, и „историчнѣе“, и „государственнѣе“, нежели въ кіевскій періодъ жизни русскаго племени: московскій великоруссъ XV—XVI ст. отводитъ уже больше мѣста въ своемъ сознаніи историческому факту, придавая ему больше значенія при опредѣленіи своихъ отношеній къ окружающему, т.-е., чаще и глубже старается, даже въ поэтическомъ произведеніи, опредѣлить и выразить свое отношеніе къ этому факту; а затѣмъ и самый подборъ фактовъ,

его такимъ образомъ интересующихъ, становится нѣсколько инымъ сравнительно съ прежней эпохой: его вниманіе привлекаютъ событія не только народно-племенныя, но и—притомъ въ бо́льшей степени—государственныя; въ ряду этихъ явленій, сообразно съ новымъ укладомъ жизни на сѣверо-востокѣ, видную роль играютъ событія чисто политическаго характера, личность носителя власти, пріобрѣтшая теперь гораздо болѣе значенія для жизни края, нежели она имѣла въ предшествующій періодъ, представители сословно-административнаго строя въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, отношеніяхъ къ массѣ и т. д. Все это требуетъ выраженія въ сознаніи обывателя Московской Руси, внося существенныя измѣненія въ его міросозерцаніе.

Эти-то „новыя“ черты въ міросозерцаніи русскаго племени и находятъ себѣ выраженіе, если онѣ становятся предметомъ поэтической обработки, въ пѣснѣ „исторической“. Конечно, отсюда не будетъ слѣдовать, что старая былина была не „исторична“: все то, что̀ говорилось о ней до сихъ поръ, ясно указывало и ея историческую основу, и ея тѣсную связь съ исторіей, съ историческимъ фактомъ, служащимъ для нея отправнымъ пунктомъ; но былина, какъ можно было замѣтить, иначе отнеслась къ этому историческому факту, нежели относится историческая пѣсня: былина смотритъ на фактъ преимущественно съ точки зрѣнія поэтическаго его отображенія, изображенія настроенія, создаваемаго фактомъ; отсюда у автора былины преимущественное вниманіе къ поэтической сторонѣ произведенія, къ воздѣйствію на чувство и воображеніе слушателя и меньшій интересъ къ факту, какъ таковому, въ сознаніи слагателя. Для создателя же „исторической“ пѣсни самый фактъ, его изображеніе представляются болѣе цѣнными въ процессѣ творчества: правильное освѣщеніе (разумѣется, въ его пониманіи) явленія, точная передача событія въ его словахъ стоятъ для него на одномъ уровнѣ съ поэтической стороной произведенія. Вотъ приблизительно, какъ можно, скорѣе всего, представить себѣ разницу въ отношеніи къ факту между старшей былиной и младшей „историче-

ской“ пѣснею. Разница эта покоится на историческомъ различіи въ міросозерцаніи двухъ историческихъ эпохъ. Въ согласіи съ такимъ представленіемъ объ основѣ „исторической“ пѣсни и отношеніи ея къ изображаемому въ ней факту, мы правильно можемъ понять и истолковать и другія ея особенности въ содержаніи и въ ея формѣ сравнительно съ былиной, не нарушая, однако, представленія объ ея родствѣ съ нею, о чемъ была рѣчь выше.

Самая „историчность“ пѣсни стоитъ въ связи съ возросшимъ историческимъ самосознаніемъ, именно, въ московское время, къ которому и относится преимущественный расцвѣтъ этой пѣсни: событія ранняго московскаго времени, главнымъ образомъ тяжелая эпоха созиданія новаго государства на новыхъ мѣстахъ, сопровождаемая не менѣе тяжелымъ бременемъ татарщины, должны были, какъ извѣстно, пробуждать усиленно историческое самосознаніе; но, съ другой стороны, они мало способствовали поэтическому выраженію эпохи: тягота ига и самой жизни, отсутствіе элементарныхъ условій безопасности, въ то же время строительство въ недавно колонизованной странѣ, выработка новыхъ основъ государственности — все это дѣлало затруднительнымъ развитіе художественнаго творчества, которое должно было бы выразить въ опредѣленной формѣ новое отношеніе къ зарождающемуся новому порядку вещей: и дѣйствительно, судя по остаткамъ, отзвукамъ этой эпохи въ устной поэзіи вообще, мы видимъ, что отдѣльной „исторической“ пѣсни, которая бы имѣла своимъ предметомъ это тяжелое время, дошло до насъ очень незначительное количество, и мы въ правѣ предположить, что такой пѣсни и создавалось мало за это время: это—нѣсколько воспоминаній очень общаго характера о типичныхъ явленіяхъ татарщины вообще (напр., набѣгъ дикой орды на мирное поселеніе, похищеніе женщины, жизнь полонянки въ семьѣ похитителя и т. п.), притомъ настолько общаго характера, что съ одинаковымъ правомъ такая пѣсня можетъ быть сочтена не „исторической“ въ собственномъ смыслѣ слова, а скорѣе вообще бытовой, и относиться не къ опредѣленнымъ факту и времени,

а къ любымъ, пока подобные явленія и случаи могли повторяться въ русской жизни вообще, начиная съ XIII вѣка и кончая чуть не концомъ XVII; только событіе XIV вѣка, отмѣченное опредѣленнымъ именемъ (татарскаго баскака Шевкала), даетъ рѣдкую пѣсню, которую по праву можемъ назвать исторической; да и эта пѣсня, судя по ея окончанію, въ той редакціи, какая намъ извѣстна, должна быть сочтена болѣе поздней. Но, съ другой стороны, такая важная въ народной жизни эпоха, какова эпоха татарщины, не могла такъ или иначе не оставить отзвука въ историческомъ самосознаніи племени, вынесшаго татарщину на своихъ плечахъ, не могла пройти безслѣдно и для устной словесности: она и нашла себѣ въ ней выраженіе, но не прямое, а скорѣе косвенное, тамъ, гдѣ, при неблагопріятныхъ только что упомянутыхъ условіяхъ для развитія творчества, и могла осуществить его съ меньшимъ напряженіемъ творческихъ силъ: пережитое тяжелое время отразилось на готовой уже старой былинѣ, выработавши тѣ ея редакціи, которыя теперь извѣстны намъ, и въ которыхъ на старомъ сюжетѣ лежатъ отслоенія послѣдующаго времени и обстоятельствъ, въ данномъ случаѣ татарщины: это — не только кругъ былинъ о гибели богатырей или о Василіи пьяницѣ (т. I, стр. 381, 223), но и такія какъ о Калинѣ царѣ, объ Идолищѣ, Михаилѣ Казаринѣ и др., гдѣ различные враги Руси объединились въ образѣ поганыхъ татаръ (см. тамъ же, стр. 128, 153, 325). Что соотвѣтствіе между переживаемой эпохой и ея отраженіемъ въ устно-поэтическомъ творчествѣ могло быть, именно, такимъ, это находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что и другая такая же по тяжести для народной жизни, неблагопріятная для творчества эпоха—эпоха „лихолѣтья“, смуты конца XVI и до половины XVII вѣка—также скудно представлена отдѣльной „исторической“ пѣсней, а нашла себѣ выраженіе въ созданіи лишь новыхъ редакцій старинной готовой пѣсни: „казачество“ Ильи Муромца, появленіе въ былинѣ о Добрынѣ Маринки, налетъ соціальной вражды сословій, хотя бы въ былинѣ о ссорѣ того же Ильи съ Владимиромъ—все это восходитъ въ

старшей былинѣ къ эпохѣ Московской смуты въ видѣ наслоеній на старой основной пѣснѣ. Но лишь только обстановка жизни пріобрѣтаетъ нѣкоторую устойчивость, становится болѣе или менѣе благопріятной, историческое самосознаніе проясняется, крѣпнетъ, мы тотчасъ почти замѣчаемъ усиленіе въ созданіи и „исторической“ пѣсни. Такимъ временемъ, какъ разъ, является пора XVI вѣка, эпоха окончательнаго сложенія государства на сѣверо-востокѣ, около Москвы, иначе эпоха Іоанна IV; это—время крупныхъ событій національно-государственнаго значенія, значенія общевеликорусскаго: окончательной побѣды надъ татарщиной, установленія царской власти, поглощенія идеи государства представленіемъ о личности государя, новаго курса внѣшней и внутренней политики и т. д.. Поэтому мы видимъ, что, именно, на это время падаетъ созданіе своего рода національной идеологіи Московскаго царства, получающей широкую популярность не только въ книжной, но и въ устной словесности. На это же какъ разъ время приходится и пора расцвѣта „исторической“ пѣсни: годы правленія Ивана Грознаго, событія его царствованія, какъ государственныя, такъ и его личной жизни, которыя въ пониманіи современниковъ (въ силу значенія личности государя) пріобрѣтаютъ такое же значеніе, и даютъ такое количество отдѣльныхъ „историческихъ“ пѣсенъ, какъ ни одна эпоха—ни предыдущая, ни послѣдующая. Конечно, говорить объ „исторической“ пѣснѣ, какъ о своего рода поэтической лѣтописи хотя бы того времени, когда эта пѣсня достигаетъ своего полнаго развитія, права мы не имѣемъ: въ ней отразились событія эпохи постольку, поскольку они доходили до сознанія народныхъ поэтовъ, и тѣ событія, которыя въ ихъ глазахъ получали свое значеніе и истолкованіе; легко догадаться послѣ сказаннаго, какія это были событія: это, прежде всего,—вращающіяся около личности самого царя, олицетворившаго въ себѣ всю жизнь страны, что́ показываетъ вѣрное чутье дѣйствительности у слагателей того времени; за нимъ слѣдуютъ незаурядныя личности его современниковъ, опять-таки въ сознаніи слагателей приводимыя въ связь столь же незаурядной

личностью Грознаго. Насколько непосредственно было впечатлѣніе, производимое явленіями этой эпохи на сознаніе авторовъ пѣсни, насколько было оно глубоко, и, наконецъ, насколько впередъ въ смыслѣ историческаго осознанія переживаемаго двинулись носители „исторической“ пѣсни, видно уже изъ того, что въ пѣснѣ въ большинствѣ случаевъ правильно понятъ самый фактъ, служащій отправной точкой для творца пѣсни, передается онъ безъ большихъ отклоненій отъ дѣйствительности, имена историческія сохранены въ ихъ настоящей формѣ (искаженныя въ позднѣйшихъ редакціяхъ пѣсни, они претерпѣли всеже столь незначительныя измѣненія, что въ большинствѣ случаевъ изслѣдователю удается возстановить ихъ подлинную форму). Что касается самаго подбора фактовъ для изображенія въ пѣснѣ, то и здѣсь мы увидимъ то же: взяты, дѣйствительно, такіе факты и выведены такія личности, которые удачно характеризуютъ эпоху или событіе: крупный по значенію фактъ взятія Казани, смерть государя, событіе въ царской семьѣ, самая личность царя и его сподвижниковъ и т. п.. При этомъ любопытно и самое отношеніе къ факту и къ личности: оно указываетъ на правильное или, по крайней мѣрѣ, правдоподобное, сознательное къ нимъ отношеніе, если можно такъ выразиться, отношеніе болѣе „дѣловое“, нежели мы то видѣли въ былинѣ: личность Грознаго, Скопина-Шуйскаго, Петра Великаго (въ пѣснѣ послѣдующаго времени) даны въ ней, если и безъ особой полноты образа только отдѣльными штрихами, но зато въ чертахъ, дѣйствительно, характерныхъ для нихъ или для эпохи ихъ жизни. И это, конечно, съ очевидностью показываетъ значительное углубленіе „историчности“ въ сознаніи слагателей пѣсни сравнительно съ воззрѣніями авторовъ былины.

Имѣя въ виду, съ одной стороны, отмѣченную уже выше родственную близость „исторической“ пѣсни съ былиной, а съ другой—основныя отличія другъ отъ друга этой пѣсни и былины, какъ художественныхъ произведеній различныхъ эпохъ народной жизни,—мы можемъ теперь подойти еще ближе къ „историче-

ской“ пѣснѣ, какъ къ произведенію литературному по преимуществу: ея поэтика, формы получатъ въ такомъ случаѣ надлежащее освѣщеніе: вѣдь измѣненія въ самомъ характерѣ пѣсни, только что отмѣченныя, въ сущности—измѣненія въ то же время во взглядахъ и задачахъ поэтическаго творчества у авторовъ произведенія. Съ этой точки зрѣнія „историческая“ пѣсня, соотвѣтствующая вкусамъ своего времени, будетъ болѣе „дѣловита“, нежели былина, и менѣе „поэтична“, нежели она. Такое измѣненіе вкусовъ въ эту именно сторону, разумѣется, должно было найти себѣ выраженіе прежде всего въ самой формѣ и композиціи „исторической“ пѣсни, нѣсколько отличныхъ отъ того, какое мы наблюдали въ былинѣ: стѣсненный своимъ заданіемъ, такъ сказать, историческаго характера (болѣе или менѣе точнаго изображенія событія или исторической личности), авторъ такой пѣсни не можетъ быть такъ свободенъ, какъ авторъ былины, въ поэтической обработкѣ сюжета; участіе фантазіи и фантастическаго по духу элемента (дѣйствующихъ преимущественно не на сознаніе, а на чувство слушателя и самого поэта) для него не допустимо въ такой степени, какъ это было въ былинѣ: иначе, ослаблялась бы важная теперь въ глазахъ поэта и его слушателя „историчность“ самаго изображенія. Въ этомъ отношеніи „историческая“ пѣсня у́же былины, а въ зависимости отъ этого въ ней скуднѣе пользованіе и тѣми поэтическими изобразительными средствами, которыми достигалась, при относительной свободѣ обращенія съ историческимъ явленіемъ въ былинѣ, бо́льшая поэтичность самаго впечатлѣнія пѣсни старшей; а это, въ свою очередь, отражается и на самой композиціи „исторической“ пѣсни. И дѣйствительно, сравнивая былину и „историческую“ пѣсню по формѣ, мы убѣдимся въ правильности этихъ теоретическихъ соображеній: по объему (который, какъ извѣстно, въ былинѣ значительно разростается именно путемъ обильнаго примѣненія изобразительныхъ средствъ, каковы: „повтореніе“, „замедленіе“, „общія мѣста“ и т. д.; см. т. I, стр. XL и сл.) „историческая“ пѣсня значительно уступаетъ въ общемъ былинѣ: „историческая“ пѣсня въ 200—300

стиховъ—большая рѣдкость, тогда какъ среди былинъ это—дѣло обычное, хотя основной сюжетъ той и другой будетъ одинаково несложенъ; здѣсь преобладаетъ сравнительно рѣдко среди былинъ встрѣчающаяся короткая, въ 40—50 и до сотни стиховъ, пѣсня. Въ связи съ этимъ, а также съ „заданіемъ“ поэта и сами изобразительныя средства „исторической“ пѣсни, если они и тѣ же, что̀ и въ былинѣ, гораздо скуднѣе введены въ оборотъ, менѣе разнообразно и виртуозно въ ней примѣняются; наконецъ, въ частности, употребленіе „общихъ мѣстъ“, особенно частое въ „зачинахъ“ былинъ, описаній картиннаго типа не такъ щедро, какъ въ былинѣ, при чемъ старыя, квази-историческія, общія мѣста (напр., описанія пира) почти совершенно отсутствуютъ въ „исторической“ пѣснѣ; но зато въ ней выработались тоже свои кое-какія формулы общихъ мѣстъ, гдѣ фигурируютъ, разумѣется, не Кіевъ, не князь Владиміръ и богатыри (самый этотъ образъ и терминъ, естественно, также отсутствуютъ въ исторической пѣснѣ почти вовсе), а Москва, московскій князь или царь, а то и очень характерный для пѣсни, именно, какъ исторической, зачинъ съ хронологической выкладкой лѣтъ событія; а чаще прямой разсказъ о событіи дѣлаетъ ненужнымъ зачинъ. Если приведенное сравненіе „исторической“ пѣсни съ былиной говоритъ какъ будто объ упадкѣ поэтическо-народнаго стараго устнаго творчества къ эпохѣ созданія этой пѣсни, то еще болѣе говоритъ оно о серьезномъ измѣненіи міросозерцанія и въ связи съ нимъ литературныхъ вкусовъ времени, что̀ и выразилось въ замираніи старой поэтики и старой пѣсни, какъ это мы уже видѣли на „московской“ былинѣ: это явленіе, вполнѣ понятное, стоитъ, разумѣется, въ зависимости отъ тѣхъ глубокихъ измѣненій, которыя претерпѣла жизнь великорусскаго племени къ XVI и XVII вѣкамъ. Это измѣненіе и отразила въ художественной области совершенно правильно „историческая“ пѣсня: она есть пѣсня своего времени, какъ былина своего.

Продолжая слѣдить за судьбой нашей повѣствовательной, эпической пѣсни, естественно, мы и по отношенію къ „историче-

ской“ пѣснѣ должны поставить тѣ же вопросы, которые ставили себѣ, знакомясь съ былиной: гдѣ созидалась эта пѣсня? кто были ея создателями и носителями въ прошломъ? каково ея распространеніе? и т. п.. Отвѣты на эти вопросы въ значительной степени могутъ дать тѣ же наблюденія надъ „исторической“ пѣсней, опять-таки сравнительно съ былиной, какъ старшимъ, близко ей родственнымъ видомъ творчества. Пока не исчезъ вкусъ къ былинѣ (а въ XVI вѣкѣ былина, какъ мы знаемъ, если уже не созидаетъ много новаго, всеже живетъ еще полной жизнью, въ этомъ столѣтіи, кажется, даже вырабатываетъ тѣ формы, съ которыми мы ее теперь знаемъ), она еще довольно обильно представлена была и въ центрѣ русской жизни, въ Московскомъ районѣ; съ другой стороны, самое содержаніе „исторической“ пѣсни—народно-государственныя событія Московской Руси—говоритъ за то, что и эта пѣсня должна была созидаться и развиваться тамъ, гдѣ интересы эти были живѣе, т.-е., тамъ же, въ центральной преимущественно области, и затѣмъ тамъ, гдѣ образовывались меньшіе центры, выражавшіе мѣстные интересы въ связи съ обще-русскимъ теченіемъ жизни. Въ виду такого соображенія мѣстами созданія „исторической“ пѣсни предположительно можно счесть преимущественно мѣстности центральныя, около Москвы, постольку, поскольку здѣсь эпическая поэзія могла культивироваться вообще; для „исторической“ пѣсни такое предположеніе тѣмъ болѣе будетъ имѣть основаній, что самое ея содержаніе такъ тѣсно связано съ интересами, господствовавшими въ центрѣ; поэтому и немногія историческія свидѣтельства, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи, говорятъ за то же: пѣсни о взятіи Казани пѣлись вскорѣ послѣ событія при дворѣ Грознаго, а другія историческія пѣсни, напр., о Скопинѣ-Шуйскомъ, вскорѣ послѣ его смерти, записаны были для Джемса въ Москвѣ же. И въ самыхъ пѣсняхъ можно найти косвенныя указанія на то, что онѣ созидались скорѣе всего въ Москвѣ, во всякомъ случаѣ людьми, хорошо знающими Москву: къ числу такихъ указаній относится детальная географическая номенклатура пѣсни

(названія московскихъ улицъ, переулковъ, московскихъ ближайшихъ окрестностей, гдѣ развертываются событія, разсказываемыя пѣсней). Конечно, отсюда нельзя дѣлать того вывода, что пѣсня съ „московскимъ“ содержаніемъ созидалась только въ Москвѣ и ея ближайшей округѣ: пѣсня, уже a priori можно думать, слагалась также и далеко за Москвой въ мѣстахъ, гдѣ интересовались, знали событія московскія, гдѣ съ ними такъ или иначе считались; это особенно вѣроятно въ тѣхъ случаяхъ, когда самое освѣщеніе событія получается не московское, несогласное съ принятымъ въ Москвѣ: областная самобытность, наслѣдіе независимости политической, долго сквозитъ въ литературѣ и жизни отдѣльныхъ областей Московской Руси, не могшей стереть, нивеллировать областного своеобразія, напр., въ областяхъ стараго Новгорода, въ молодыхъ колоніяхъ Поволжья, Сибири и т. д.. Но во всякомъ случаѣ можно предполагать, исходя изъ преобладающаго интереса, проявляемаго пѣсней въ ея содержаніи, что значительное большинство ихъ по мѣсту созданія тянуло къ Москвѣ и собственно Московской области; выражая прежде всего существенныя мысли этого центра, она здѣсь находила себѣ скорѣе и создателей.

Создателей же пѣсенъ „историческихъ“ мы въ правѣ искать въ томъ же кругу, гдѣ культивировалась и былина; на это указываетъ ея близкое родство съ этой былиной по формѣ, связь и по содержанію (о чемъ была рѣчь выше), а кромѣ того, и самый характеръ обработки сюжета иногда ясно намекаетъ на то же; такъ, нѣкоторыя пѣсни несутъ на себѣ явные слѣды обработки ихъ скоморохами, которые, какъ мы знаемъ, въ числѣ другихъ, были видными представителями и пѣсеннаго творчества; таковы, напр., пѣсни о женитьбѣ Грознаго [1] или упомянутая

---

[1] Традиція позднѣйшаго времени до нашихъ дней сохранила, повидимому, о томъ память: М. Кривополѣнова, современная намъ крестьянка изъ Пинеги, исполнительница былинъ и историч. пѣсенъ, прямо называетъ „скоморошиной“ эту пѣсню.

уже о смерти М. Скопина-Шуйскаго. Можно указать и еще одну довольно замѣтную группу создателей „исторической“ пѣсни: это—казаки. Такъ можно думать не только потому, что многія пѣсни (а также отчасти и былины) несутъ на себѣ печать обработки въ специфической казачьей средѣ, каковы, напр., пѣсни о взятіи Казани, завоеваніи Сибири (а изъ былинъ—пѣсни Смутнаго времени), но и по содержанію своему, выражающему интересы казачества, должны быть признаны идущими изъ казачьей среды, каковы, напр., пѣсни о казацкихъ герояхъ, ставшихъ обще-русскими, о Разинѣ, о казацкихъ событіяхъ (пѣсня объ убіеніи Карамышева и др.). Сверхъ того, на ту же роль казачества въ созданіи пѣсенъ указываетъ возникновеніе и спеціально казачьей и разбойничьей пѣсни, составившей отдѣльную своеобразную, но близко родственную по происхожденію вѣтвь „исторической“ пѣсни.

Наконецъ, что касается степени распространенія „исторической“ пѣсни на русской территоріи, то въ этомъ отношеніи наблюденія собирателей ея дали такого рода указанія: „историческая“ пѣсня распространена всюду тамъ же, гдѣ до сихъ поръ уцѣлѣла и былина (см. т. I, стр. LIV—V), что́ вполнѣ понятно въ силу ихъ родства по происхожденію и взглядамъ на нихъ ихъ носителей (см. выше стр. 321); но ее же мы встрѣчаемъ и тамъ, гдѣ уже не помнятъ былины—въ бывшемъ центрѣ русской жизни—въ Москвѣ, въ Московской и прилегающихъ къ ней не только съ востока, но и съ юга и запада губерніяхъ: Тульской, Калужской, даже Смоленской губ., не говоря о Поволжьѣ, Предкавказьѣ (гдѣ она идетъ рядомъ съ казачьей пѣсней и замирающей былиной). Объясненіе этому явленію, наиболѣе, повидимому, подходящее, надо искать не только въ общихъ судьбахъ эпической пѣсни, оттѣсняемой, какъ мы знаемъ, изъ центра къ окраинамъ измѣняющимися въ центрѣ быстрѣе условіями культурной жизни, но и въ сравнительно съ былиной позднемъ происхожденіи „исторической“ пѣсни: она, какъ все еще болѣе соотвѣтствующая, нежели былина, литературнымъ вкусамъ

слушателей, естественно оказывалась устойчивѣе былины и до сихъ поръ, если и обречена на исчезновеніе, не отжила, сохранившись до болѣе къ намъ близкаго времени.

Но и „историческая“ пѣсня, съ другой стороны, взятая самостоятельно, показываетъ, что она въ томъ видѣ, какъ мы ее теперь знаемъ, есть уже въ значительной степени фактъ прошлаго въ нашемъ устномъ творчествѣ: она въ томъ видѣ, какъ мы представляемъ себѣ ее для XVI и XVII в., также измѣнилась въ послѣдующее время, частью сокращаясь и замирая, частью перерождаясь подъ вліяніемъ измѣненій самой жизни ея носителей и слушателей. Гранью въ ея развитіи явилось, какъ и въ самой русской жизни, Петровское время, ставшее такой же гранью во многихъ другихъ отношеніяхъ въ народномъ бытѣ.

Если пѣсня времени самого Петра, во многомъ связанная еще съ предшествующимъ, и можетъ считаться довольно обильной по числу сюжетовъ и вѣрной выразительницей тѣхъ поэтическихъ традицій, которыя создали пѣсню времени Грознаго, то въ то же время мы видимъ въ ней уже зачатки того процесса, который привелъ ее къ закату въ послѣдующее время. Въ Петровское время пѣсня даетъ своего уже меньше, пользуясь для выраженія настроенія, отчасти содержанія своего времени богатствомъ предшествующей эпохи, видимо, ощущая недостатокъ силъ для оригинальности: она несетъ на себѣ явные слѣды подражанія (даже въ фактахъ) пѣснѣ времени Грознаго, беря краски для портрета Петра съ палитры XVI вѣка, перенося даже самые контуры портрета Грознаго на грознаго Петра. Эта своего рода „слабость“ творческой изобрѣтательности, чѣмъ дальше мы движемся въ XVIII вѣкъ, тѣмъ больше бросается въ глаза; хорошимъ примѣромъ такого ослабленія творчества въ области „исторической“ пѣсни могутъ служить пѣсни о смерти государей: пѣсни о смерти Екатерины и Александра I—не что иное, какъ пѣсня о смерти Петра, перелицованная примѣнительно къ иному времени, путемъ простой подстановки вмѣсто одного имени другого. Если и считать пѣсню Петровскаго времени еще достаточно обильной, то

въ то же время нельзя не замѣтить, что по подбору сюжетовъ и численности самыхъ пѣсенъ она, всетаки, уступаетъ пѣснѣ времени Грознаго: крупнѣйшія событія времени Петра не нашли себѣ отзвука въ пѣснѣ, вѣроятно, какъ не оцѣненныя создателями, а чаще ею использованы событія второстепенныя, случайныя, вѣроятно, какъ менѣе сложныя по содержанію и значенію, а потому и болѣе понятныя слагателямъ и ихъ слушателямъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ все менѣе пѣсня отражаетъ общее теченіе эпохи, сводясь, притомъ въ ограниченномъ числѣ сюжетовъ, къ изображенію частнаго и случайнаго: ясно, „историческая" пѣсня въ духѣ прежняго времени быстро отцвѣтаетъ, несмотря на то, что сама жизнь даетъ, повидимому, достаточно матеріала для творчества. Видимо, съ нею происходитъ приблизительно то же, что̀ когда-то произошло съ былиной; причину же этого отцвѣта былины мы знаемъ: народное самосознаніе стало находить себѣ выраженіе, измѣнившись въ своихъ интересахъ, въ иныхъ направленіяхъ.

Исторія же нашего самосознанія указываетъ на глубокія измѣненія въ культурномъ типѣ русскаго общества за время конца XVII и XVIII вѣка, а также и слѣдующаго столѣтія. Въ частности, для исторіи нашей устной пѣсни здѣсь имѣло большое значеніе то обострившееся разслоеніе русскаго общества, которое рѣзко нарушало самыя условія существованія стариннаго творчества, затѣмъ развитіе книжности, литературы новаго, чисто западнаго характера, ея все болѣе глубокое проникновеніе въ среду не только высшихъ классовъ общества, но и среднихъ и низшихъ грамотныхъ, ведшее за собой измѣненіе литературныхъ вкусовъ и навыковъ. Разслоеніе общества (наблюдаемое, правда, съ древнѣйшихъ временъ) съ XVII в. становится особенно замѣтнымъ, выражаясь въ выдѣленіи изъ его среды рѣзко очерченныхъ группъ, зажившихъ каждая своеобразной жизнью; вырабатывается, между прочимъ, группа, которой пришлось сыграть видную роль въ исторіи еще Московской Руси: это—казачество, въ силу условій своего возникновенія и участія въ колонизаціи и обрусѣ-

ніи окраинъ русской территоріи, создавшее своеобразный элементъ въ русскомъ обществѣ, живущій рядомъ съ общей и своей жизнью, столь отличной отъ остальной. Выйдя изъ Московской же Руси, унося съ собою на югъ и на востокъ литературное наслѣдіе въ видѣ, между прочимъ, былины и „исторической“ пѣсни, оно частью его увеличиваетъ созданіемъ новыхъ пѣсенъ, въ духѣ прежнихъ, частью перерабатываетъ старый запасъ примѣнительно къ новымъ условіямъ своего быта, но въ то же время создаетъ и новыя по характеру и содержанію пѣсни, выражающія теперешніе его мѣстные, для него основные, интересы: создается, подъ значительнымъ вліяніемъ старшихъ образцовъ, спеціально казачья и разбойничья пѣсня, развивающаяся рядомъ и за счетъ старшей, какъ отвѣчающая болѣе запросамъ даннаго времени и среды, запросамъ, которые или менѣе, или вовсе не представляли интереса въ центрѣ русскаго племени. Эта пѣсня, въ основѣ также „историческая“, стоящая въ зависимости по поэтикѣ, формамъ отъ прежней „исторической“, отличается отъ нея тѣмъ, что она не есть пѣсня общерусская, а пѣсня отдѣльной группы русскаго общества—казачества. То же слѣдуетъ сказать и о другой отрасли „исторической“ пѣсни, отколовшейся и пошедшей своимъ путемъ въ развитіи, пѣснѣ солдатской: она выродилась изъ „исторической“ пѣсни, какъ результатъ образованія въ русскомъ обществѣ, начиная съ XVIII в. (м. б., даже Петровскаго времени), новой, своеобразной въ бытовомъ отношеніи группы—солдатской—съ ея узкими, специфическими интересами, отходящей отъ интересовъ общерусскихъ или по своему оцѣнивавшей общерусскія событія съ своей групповой точки зрѣнія: здѣсь „историческая“ пѣсня претерпѣла измѣненій еще болѣе, чѣмъ въ средѣ казачества, въ виду самого характера прежней солдатчины.

Т. о. оставшаяся не втянутой въ кругъ интересовъ отдѣльныхъ группъ общества „историческая“ пѣсня переходитъ, вмѣстѣ съ былиной и другими видами устной поэзіи, въ среду теперешнихъ ея хранителей—крестьянъ; тутъ она раздѣляетъ, естественно, об-

щую участь, т.-е., лишь хранится, но не развивается въ старомъ направленіи.

Можно намѣтить и еще одинъ процессъ въ исторіи интересующей насъ пѣсни,—процессъ, въ ней общій съ другими видами эпической поэзіи: утрачивая въ глазахъ носителей свой непосредственный интересъ, какъ пѣсня своего времени, какъ пѣсня „историческая“ по преимуществу, она подвергается обобщенію, выражающемуся въ утратѣ ею специфическихъ чертъ своего времени: она обезличивается, переходя въ разрядъ пѣсни бытовой вообще, превращаясь въ такъ называемую „низшую эпическую“, т.-е., вообще повѣствовательную, безъ ближайшей связи съ опредѣленнымъ событіемъ и личностью, давшими когда-то толчекъ къ ея появленію: какъ былина иногда превращается въ обрядовую пѣсню (свадебную, напр., пѣсня объ Ильѣ), такъ и историческая пѣсня, напр., объ опредѣленномъ случаѣ убійства братьями, ставшими разбойниками, по невѣдѣнію племянника и мужа своей сестры, превратилась въ пѣсню, широко распространенную, о сестрѣ и семи братьяхъ.

Въ результатѣ для судебъ „исторической“ пѣсни, мы получаемъ въ общемъ такого рода картину: замѣнивъ собою былину, она сама, послѣ расцвѣта своего въ XVI и XVII в., утрачиваетъ жизненныя силы, уступая мѣсто отколовшимся отъ нея, ранѣе—пѣснѣ казачьей и разбойничьей, позднѣе—солдатской и „низшей“ эпической, выдѣлившимся въ отдѣльные, хотя генетически съ нею связанные, типы эпической пѣсни.

Послѣ этихъ общихъ соображеній, рисующихъ намъ основныя черты „исторической“ пѣсни вообще, каждая изъ такихъ пѣсенъ получитъ свое ближайшее объясненіе въ томъ событіи, которое служитъ темой ея содержанія: отношеніе поэтической обработки къ факту исторіи устанавливаетъ отношеніе къ нему ея создателя. Поэтому, далѣе кратко указываются факты, послужившіе отправной точкой пѣсни, и опредѣляются эти отношенія.

Сказанное о судьбѣ „исторической“ пѣсни позволяетъ разбить ее по времени на группы: старшую—эпоха татарщины и XVI—

XVII в., и младшую—время XVIII и XIX столѣтій; внутри этихъ группъ намѣчаются также хронологическія подраздѣленія, соотвѣтствующія отдѣльнымъ эпохамъ русской жизни, различно отразившимся на самомъ созданіи и характерѣ отдѣльныхъ „историческихъ“ пѣсенъ.

3-7

І. ТАТАРЩИНА.

Щелканъ Дудентьевичъ. Въ основѣ пѣсни лежитъ событіе, дѣйствительно имѣвшее мѣсто въ Твери въ 1327 году, еще въ то время, когда у Твери былъ свой отдѣльный князь и своя область. Въ этомъ году пріѣхалъ въ Тверь ханскій посолъ, именемъ Шевкалъ (Чолханъ), или Щелканъ, какъ его называютъ лѣтописи и пѣсня, сынъ Деденя, двоюродный братъ хана Узбека (въ пѣснѣ— Азвякъ Тавруловичъ), и, по обыкновенію всѣхъ татарскихъ пословъ, позволялъ себѣ и людямъ своимъ всякаго рода насилія. Вдругъ въ народѣ распространился слухъ, будто Щелканъ самъ хочетъ княжить въ Твери, своихъ татарскихъ князей посажать по другимъ русскимъ городамъ, а христіанъ привести въ татарскую вѣру. Когда пронеслась молва, что татары собираются исполнить свой замыселъ въ Успеньевъ день, 15 августа, пользуясь большимъ стеченіемъ народа по случаю праздника, то князь Александръ Михайловичъ съ тверичами рѣшили предупредить ихъ намѣреніе и рано утромъ на разсвѣтѣ напали сами на татаръ, бились съ ними цѣлый день и къ вечеру одолѣли ихъ. Щелканъ бросился въ теремъ князя Михаила, покойнаго отца Александра, но домъ былъ подожженъ, и Шевкалъ погибъ въ огнѣ. Такъ передаетъ событіе большинство лѣтописей (напр. троицкая), мѣстная же тверская лѣтопись даетъ еще подробности: Щелканъ, по ея словамъ, прогналъ съ княжескаго двора Александра Михайловича, а самъ въ немъ поселился и сталъ угнетать тверичей. Эти просили князя о защитѣ, князь же уговаривалъ ихъ терпѣть. Но терпѣніе жителей лопнуло, и при первомъ удобномъ случаѣ они возстали: на Успенье утромъ дьяконъ Дюдко повелъ поить свою молодую кобылу, а татары у него ее отняли; поднялась свалка, кончившаяся истребленіемъ татаръ. Далѣе въ лѣтописяхъ разсказывается одинаково: разгнѣванный поступкомъ тверичей Узбекъ при помощи соперника тверского князя князя московскаго Ивана Калиты жестоко разграбилъ Тверское княжество, прогналъ Але-

ксандра Михайловича, который бѣжалъ въ Псковъ, а оттуда въ Литву.

Лѣтописный разсказъ, особенно съ деталями, сообщаемыми тверской лѣтописью, даетъ объясненіе пѣснѣ почти цѣликомъ, кромѣ конца ея, будто поступокъ тверичей сошелъ для нихъ безнаказанно: это измѣненіе конца можетъ указывать на ту пору редакціи нашей пѣсни, болѣе позднюю, когда татары уже перестали быть грозой русскихъ, а пѣсня со счастливымъ окончаніемъ тѣмъ болѣе льстила народному самолюбію и представлялась съ такимъ содержаніемъ вполнѣ естественной (см. выше, т. I, стр. 385). Замѣна кн. Александра братьями Борисовичами указываетъ на то же: имя Борисовичей слѣдуетъ считать отзвукомъ уже XV в., когда Тверь при князѣ Борисѣ Александровичѣ переживала въ послѣдній разъ блестящую по наружности эпоху своей независимости.

ЩЕЛКАНЪ ДУДЕНТЬЕВИЧЪ.

А и дѣялося въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой:
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ [1] бархатѣ,
На червчатой камкѣ [2] 5
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ 10
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ илѣшамъ.
Шурьёвъ царь дарилъ
Азвякъ Тавруловичъ 15
Городами стольными:
Василья на Плесу [3],
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамѣя къ Костромѣ.
Одного не пожаловалъ— 20

---

[1] Съ разводами, съ густымъ ворсомъ.

[2] Красная шелковая узорчатая ткань.

[3] По одному, болѣе вѣроятному, толкованію—Плесъ, городъ Костромской губ., по другому—Псковъ (старое его названіе: Пльсковъ, Плесковъ).

Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ его не пожаловалъ:
Его дома не случилося; 25
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальнюю землю Литовскую,
За моря синія;
Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани — невыходы, 30
Царски невыплаты:
Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесятъ,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ;
У котораго денегъ нѣтъ, 35
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ. 40
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани-выходы,
Царскія невыплаты,
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублевъ, 45
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ — цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота:
Она тѣмъ узда дорога,— 50
Царское жалованье,
Государево величество;
А нельзя, дескать,
Тое узды ни продать, ни промѣнять,

И друга дарить,
Щелкана Дуденьевича. [1]
Прогóворилъ младъ Щелканъ,
Младъ Дуденьевичъ:
„Гой еси, царь Азвякъ,
„Азвякъ Тавруловичъ!
„Пожаловалъ ты молодцевъ,
„Любимыхъ шуриновъ,
„Двухъ удалыхъ Борисовичевъ [2],
„Василья на Плесу,
„Гордѣя къ Вологдѣ,
„Ахрамѣя къ Костромѣ;
„Пожалуй ты, царь Азвякъ,
„Пожалуй ты меня
„Тверью старою,
„Тверью богатою,
„Двумя братцами родимыми,
„Двумя удалыми Борисовичи".
Приговорилъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
— Гой еси, шуринъ мой,
— Щелканъ Дуденьевичъ!
— Заколи-тка ты сына своего,
Сына любимаго,
Крови ты чашу нацѣди,
Выпей ты крови тоя,
— Крови горячія:
— И тогда я тебя пожалую
— Тверью старою,
— Тверью богатою,

---

[1] Стихъ, кажется, лишній.

[2] Князья тверскіе, Борисъ и Дмитрій, по другимъ варьянтамъ пѣсни; на дѣлѣ же современниками событія были Александръ Михайловичъ и сынъ его Ѳедоръ—оба погибшіе въ Ордѣ.

— Двумя братцами родимыми, 55
Дву удалыми Борисовичи. —
Втапоры младъ Щелканъ
Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія, 60
Выпилъ тоя крови горячія;
А втапоры царь Азвякъ
За то его пожаловалъ
Тверью старою,
Тверью богатою, 65
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.
И втѣпоры младъ Щелканъ
Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь ту старую, 100
Въ Тверь ту богатую.
А не много онъ судьею сидѣлъ:
И вдовы то безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися, 105
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе,
Они жалобу приносили 110
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ.
Отъ народа они съ поклонами
Пошли, съ честными подарками,
И понесли они честные подарки: 115
Злата-серебра и скатнаго жемчугу;
Изошли [1] его въ домѣ у себя,

[1] Т.-е. нашли, застали.

Щелкана Дудентьевича:
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ. 120
Втапоры младъ Щелканъ,
Зачванился онъ, загордился,
И они съ нимъ раздорили:
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги, 125
И тутъ его разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалося [1].

[1] Т.-е. не поплатились; подразумѣвается: за убійство.

II. ВРЕМЯ ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНАГО.

1. Пѣсня о взятіи Казани (1552 г). Изъ обширной эпопеи борьбы Московской Руси съ Казанью пѣсня взяла своей темой конечный, но зато самый эффектный и въ то же время знаменательный моментъ, ограничивши свой разсказъ даже не самой осадой города войсками Грознаго, а лишь послѣднимъ, самымъ сильнымъ взрывомъ городской стѣны, рѣшившимъ участь осажденнаго и отчаянно защищавшагося города. Обширная историческая хроника, т. н. „Казанская исторія", не лишенная также поэтическаго настроенія, подробно излагая всѣ перипетіи этой борьбы, и она посвящаетъ особое вниманіе этому эпизоду: пѣсня т. о., несомнѣнно, въ данномъ случаѣ чутко оцѣнила этотъ моментъ среди другихъ событій осады. Но она въ своемъ изложеніи изобразила его иначе, нежели исторія. Взрывъ, про который говоритъ пѣсня, произошелъ 2-го октября, тщательно подготовлялся (Грозный для него призвалъ инженера нѣмца, искуснаго въ разореніи городовъ), ему предшествовала сильная бомбардировка города изъ пушекъ и т. п.; самый взрывъ обставленъ былъ, по словамъ „Исторіи", очень эффектно: передъ нимъ и штурмомъ, который долженъ былъ слѣдовать за взрывомъ, въ ставкѣ совершалось торжественное богослуженіе; и взрывъ произошелъ въ томъ моментъ, когда дьяконъ читалъ въ евангеліи слова: „Да будетъ едино стадо и единъ Пастырь". Самъ Грозный двинулся въ городъ только тогда, когда онъ былъ почти окончательно взятъ ринувшимися въ проломъ войсками. Пѣсня же ограничилась сжатымъ, но выразительнымъ и въ то же время полнымъ содержанія описаніемъ одного момента, усиливъ эффектъ характернымъ и для историческаго Грознаго эпизодомъ, вокругъ котораго сгруппировала самый разсказъ: подозрительный, невыдержанный, а потому скорый на расправу, вспыльчивый царь приказываетъ казнить пушкарей за мнимую измѣну, и столь же быстро прелагаетъ гнѣвъ на милость; онъ сказался здѣсь во весь свой

ростъ, сказалось и благожелательное отношеніе къ нему народныхъ массъ, выраженное авторомъ пѣсни. Въ остальномъ пѣсня также чутко передаетъ детали, истолковывая ихъ смыслъ правильно съ общей исторической точки зрѣнія на ихъ значеніе: какъ извѣстно, послѣдній казанскій царь Едигеръ (ему въ пѣснѣ соотвѣтствуетъ царь Симеонъ) грубо и въ оскорбительной формѣ отказался изъявить покорность московскому князю, несмотря на совѣтъ своего родственника Шигъ-Алія, уже покорившагося Москвѣ; послѣ этого Грозный приступилъ къ фактической осадѣ города. Въ пѣснѣ этотъ моментъ нашелъ, видимо, себѣ выраженіе въ поэтическомъ эпизодѣ о снѣ царицы и предупрежденіи ею царя Симеона; намекъ на тотъ же моментъ находимъ и въ концѣ пѣсни: убіеніе царя Симеона вызвано, по словамъ пѣсни, его гордостью, не позволившей ему встрѣтить съ честью Грознаго при вступленіи въ завоеванный городъ (въ дѣйствительности же Едигеръ въ послѣдній моментъ штурма Казани былъ выданъ своими, увезенъ въ Москву, гдѣ принялъ крещеніе и получилъ, дѣйствительно, имя Симеона): видимо, пѣсня и въ данномъ случаѣ отразила, но по своему, въ художественной картинѣ дѣйствительность. Сохранила она память и о другихъ, правда, не крупныхъ сравнительно событіяхъ эпохи: она, согласно съ дѣйствительностью, дѣлаетъ участниками осады и взятія Казани также казаковъ (въ виду чего упоминаніе о нихъ едва ли слѣдуетъ считать „казацкимъ“ налетомъ на пѣснѣ, сложенной не въ казачьей средѣ), довольно точно сохраняетъ подробность движенія русскихъ войскъ на Казань со стороны Булака и Казанки. Т. о. можетъ она, несмотря на свое расхожденіе съ фактами, счесться типичной „исторической“ по разумѣнію ею историческихъ событій. Еще болѣе дѣлаетъ ее цѣнной, какъ показателя историческаго самосознанія эпохи ея сложенія, окончаніе ея: какъ историческій Грозный съ этимъ важнымъ государственнымъ событіемъ (взятіе Казани было, вѣдь, самымъ крупнымъ въ политическомъ и моральномъ для массъ смыслѣ событіемъ въ исторіи нашихъ отношеній къ татарамъ послѣ Куликовской побѣды) самъ связалъ другое, не менѣе знаме-

нательное въ томъ же смыслѣ—провозглашеніе себя царемъ и торжественное вѣнчаніе на царство, какъ наглядное выраженіе завершенія процесса развитія московской государственности,—точно такъ же и пѣсня оцѣнила это событіе:

И въ то время князь воцарился,
И насѣлъ въ Московское царство.

Все это, взятое вмѣстѣ, показываетъ, что слагатель пѣсни, вскорѣ же послѣ самого событія, уже понялъ правильно и вѣрно оцѣнилъ значеніе такого событія для всей Россіи, но, какъ настоящій поэтъ, выразилъ это сжато, художественно, въ то же время взявши лишь самое характерное и показательное для пониманія событія.

2. Пѣсня о смерти царицы (1559 г.). Анастасія Романовна, изъ рода Захарьиныхъ, первая жена Ивана Грознаго (онъ женился на ней шестнадцати лѣтъ въ 1547 г.), отмѣтила собой и въ исторіи и въ пѣснѣ первую, сравнительно миролюбивую полосу внутренней политики Грознаго: ей приписывалось это умиротворяющее воздѣйствіе на Ивана; отсюда—то представленіе о ней, какое находимъ и въ пѣснѣ (въ той редакціи ея, которая печатается, уже, надо полагать, разработана эта характеристика царицы далѣе, нежели это было, судя по варіантамъ, въ пѣснѣ первоначальной). Въ ней, быть можетъ, есть отзвукъ и другого, нѣсколько болѣе поздняго событія (что̀ укажетъ отчасти и на время сложенія пѣсни) по преобладающему числу ея варіантовъ, умирающая царица уговариваетъ царя либо не жениться вовсе, либо (намекая на его женолюбіе, подтверждаемое и фактически) во всякомъ случаѣ не брать жены изъ „проклятой Литвы“: помимо вообще сложившагося исторически враждебнаго отношенія къ Литвѣ и соединенной съ нею Польшѣ, въ этомъ совѣтѣ сказалась, можетъ быть, неудавшаяся попытка Грознаго по смерти Анастасіи жениться (въ 1560 г.) на сестрѣ польскаго короля; въ связи съ этимъ и кабардинская черкешенка Марія Темрюковна (будущая жена Грознаго, съ 1561 года) оказывается въ пѣснѣ по происхожденію не только изъ „проклятой Орды“ (что̀ легко себѣ представить въ

виду ея восточнаго происхожденія), но и изъ „проклятой Литвы“. Въ такомъ случаѣ, пѣсня о смерти Анастасіи, упоминающая уже и Марью Темрюковну, при томъ во враждебномъ тонѣ, раньше семидесятыхъ годовъ XVI столѣтія сложиться не могла (Марія умерла въ 1569 г.). Самая пѣсня о доброй царицѣ Анастасіи, если она не явилась самостоятельнымъ отзвукомъ событія, легко могла быть вызвана неудачной, во всякомъ случаѣ современниками неодобряемой, женитьбой царя на иноземкѣ, послужить какъ бы вступленіемъ къ особой пѣснѣ на подобный сюжетъ; если такимъ способомъ оправдывается суть пѣсни—завѣтъ умирающей царицы—то въ той же близости отношеній этой пѣсни къ существующей (см. ниже) пѣснѣ о царской женитьбѣ слѣдуетъ искать объясненія того обстоятельства, что въ устахъ пѣвцовъ обѣ пѣсни сливаются часто въ одну, при чемъ первая—о смерти царицы—начинаетъ собой эту сводную пѣсню, будучи даваема въ сокращеніи: въ такомъ видѣ пѣсня о царской женитьбѣ записана въ нѣсколькихъ варіантахъ. Предположеніе же (само по себѣ возможное), что пѣсня о смерти царицы Анастасіи есть только обособившееся въ отдѣльную пѣсню начало пѣсни о царской женитьбѣ, едва ли пріемлемо: слишкомъ различенъ по характеру поэтическій замыселъ каждой изъ нихъ, что̀ заставляетъ предполагать различными и ихъ создателей: первая проникнута почти религіознымъ тономъ, вторая бахвально-скоморошьимъ (почему она и называется, какъ мы видѣли (стр. 330 прим.), „скоморошиной“); въ силу этого при соединеніи обѣихъ пѣсенъ, съ преобладаніемъ второй, первая и могла войти въ нее лишь въ извлеченіи.

3. Пѣсня о царской женитьбѣ (1561 г.). Главное содержаніе пѣсни составляетъ, какъ видимъ, собственно разсказъ не о женитьбѣ царя (поэтому въ большинствѣ варіантовъ даже нѣтъ эпизода—кстати сказать, не соотвѣтствующаго дѣйствительности—о поѣздкѣ Грознаго съ большой свитой въ Кабарду за невѣстой), а объ единоборствѣ новаго царскаго шурина, брата Марьи Темрюковны, Мастрюка съ бойцами московскими, разысканными прежнимъ царскимъ шуриномъ, братомъ покойной царицы Ана-

стасіи Никитой Романовичемъ; свадебный пиръ, которымъ начинается пѣсня, данъ въ типѣ обычныхъ былинныхъ началъ и можетъ быть до извѣстной степени отнесенъ на счетъ традиціонной пѣсенной формы. Самый же фактъ единоборства—основное содержаніе пѣсни—исторіей не отмѣченъ, тѣмъ болѣе какъ эпизодъ изъ царской свадьбы. Съ другой стороны, историческое имя Марьи Темрюковны и ея брата, удостовѣренная исторіей женитьба на ней Грознаго, подтверждаемый фактами характеръ отношеній Грознаго къ своему шурину—говорятъ за то, что пѣсня объ этомъ бракѣ женолюбиваго царя должна была существовать. Эти соображенія приводятъ изслѣдователей къ предположенію, что дошедшая до насъ пѣсня о царской женитьбѣ есть результатъ соединенія (контаминаціи) двухъ пѣсенъ первоначально на различные сюжеты: въ одной говорилось, дѣйствительно, объ историческомъ событіи—бракѣ Грознаго съ кабардинской княжной, жившей уже нѣкоторое время въ Москвѣ и обратившей на себя вниманіе своей оригинальной восточной красотой „охочаго до женскаго пола“, недавно овдовѣвшаго царя, поэтому окрещенной и получившей имя Маріи, ставшей вскорѣ затѣмъ царицей московской, иначе: это была историческая пѣсня, отразившая событіе 1561 года; во второй пѣснѣ шла рѣчь о какомъ-то насильникѣ—для XVI вѣка обычно татарскомъ—и борьбѣ съ нимъ, которая кончилась въ пользу русскихъ, чѣмъ и объясняются тѣ лестныя для русскаго самолюбія слова, которыя вложены въ уста самого царя; насильникъ этотъ получилъ въ пѣснѣ свое имя также отъ историческаго лица—Мастрюка Темрюковича. Т. о. въ пѣснѣ о единоборствѣ москвичей и какого-то насильника приходится видѣть поэтическое изображеніе одного изъ событій XVI в.—борьбы Руси съ татарами. Такое событіе указываютъ, дѣйствительно, въ нашествіи на Москву крымскаго хана Девлетъ-Гирея въ 1572 году: принимая во вниманіе поэтическую, традиціонную форму въ пѣснѣ—изображеніе борьбы двухъ народовъ въ видѣ единоборства ихъ представителей (какъ это мы видимъ, напр., въ былинѣ объ Ильѣ и Калинѣ; см. выше, т. I, стр. 126),—можно замѣтить,

въ самомъ дѣлѣ, совпаденіе основныхъ моментовъ пѣсни съ историческими, обрисовывающими событіе 1572 года. Исторія же этого нашествія Девлетъ-Гирея въ общихъ чертахъ рисуется въ такомъ видѣ. Послѣ удачнаго набѣга на Москву (которая при этомъ была почти цѣликомъ выжжена), заставивъ передъ этимъ Ивана отступить на сѣверъ сперва въ Бронницы, затѣмъ въ Александровскую слободу и даже въ Ростовъ, ханъ Девлетъ-Гирей надменно потребовалъ себѣ Астрахани и Казани, обѣщая вскорѣ опять притти въ Москву; это было въ 1571 году. Иванъ затягивалъ переговоры, стараясь въ то же время казаться возможно уступчивымъ, соглашаясь даже на уступку недавно завоеванной Астрахани. Но ханъ лѣтомъ слѣдующаго года, дѣйствительно, сталъ опять двигаться на Москву съ огромнымъ войскомъ и уже подходилъ къ Окѣ (Иванъ въ это время находился въ Новгородѣ). Подъ Серпуховомъ стояло русское войско подъ начальствомъ князя Михаила Ивановича Воротынскаго. Ханъ, увлеченный своими прежними успѣхами, отнесся къ этому небрежно: оставивъ небольшой отрядъ противъ Воротынскаго, онъ самъ перебрелъ Оку и т. о. въ обходъ двинулся на Москву, разсчитывая повторить прошлогодній маневръ. Но на этотъ разъ вышло иначе: Воротынскій, легко разбивъ выставленный противъ него отрядъ татаръ, самъ напалъ въ тылъ татарамъ и въ рядѣ столкновеній на голову разбилъ по частямъ татарскую главную рать. Ханъ поспѣшно бѣжалъ и самъ сталъ уже въ умѣренномъ тонѣ переговариваться съ Иваномъ, соглашаясь получить только Астрахань. Теперь, разумѣется, очередь была за Иваномъ: напомнивъ объ его надменной грамотѣ прошлаго года, онъ въ свою очередь надъ нимъ издѣвался и, конечно, во всемъ ему отказалъ. Параллелизмъ перипетій и настроеній въ исторіи и въ пѣснѣ виденъ отчетливо: это даетъ возможность предположить, что, излагая исторію борьбы Мастрюка и московскихъ борцовъ, авторъ пѣсни имѣлъ въ виду именно описанное событіе. Почему онъ для героя-насильника выбралъ личность Мастрюка Темрюковича, также возможно себѣ объяснить удовлетворительно, если вспомнить современныя автору отношенія наши къ восточнымъ

инородцамъ, въ частности къ Кабардѣ. Продвигаясь постепенно на югъ и востокъ, къ низовьямъ Волги и къ Дону, Московское государство должно было завязать сношенія съ кавказскими и предкавказскими горцами: оно черезъ нихъ, большею частію уже принявшихъ магометанство, дѣйствовало разлагающимъ образомъ на главнаго врага—крымскихъ татаръ, внося въ орду постоянные раздоры и броженіе; въ результатѣ этой политики было то, что отдѣльные независимые кабардинскіе князьки поступали на службу Москвѣ, наѣзжали въ нее, жили въ ней; но „союзники" эти были мало надежны: полудикіе горцы до тѣхъ поръ только были въ ладу съ московскимъ правительствомъ, пока это соотвѣтствовало ихъ выгодамъ; поэтому часто, особенно при капризности отношеній къ окружающимъ у Грознаго, они тутъ же въ Москвѣ начинали интриги противъ русскихъ, учиняли безобразія и старались бѣжать домой. Такого сорта семьей была и безпокойная семья Мастрюка Темрюковича: то одинъ изъ нихъ стоитъ во главѣ русской рати во время нашествія 1571 года, то его изгоняютъ, то надъ нимъ начинаетъ измываться Грозный. Ясно, что иного отношенія къ себѣ, кромѣ недружелюбнаго, не могли встрѣчать Темрюковичи въ Москвѣ; оно порой должно было превращаться въ презрительное. Изъ этой-то семьи капризъ Ивана возводитъ въ санъ царицы чужеземную красивую авантюристку, чѣмъ, сверхъ того, нарушаетъ традиціонный порядокъ—брать царицу изъ „каменной Москвы", — что̀ имѣло при тогдашнихъ внутреннихъ отношеніяхъ и политическое значеніе для окружающихъ Ивана. Хорошо знакомый всей Москвѣ, но отрицательно ею оцѣниваемый братъ царицы, также далеко не вызывавшей симпатіи, особенно по сравненію съ покойной царицей, вышедшей изъ одного изъ коренныхъ русскихъ родовъ, естественно могъ и авторомъ пѣсни о набѣгѣ Девлетъ-Гирея, кончившемся его посрамленіемъ, быть избранъ для своего рода иносказательнаго изображенія событія 1572 года: на его фигурѣ очень удобно было показать то радостное, въ то же время полное презрѣнія и сознанія своего превосходства надъ чужакомъ настроеніе, которое возбу-

ждало пораженіе татаръ, только передъ тѣмъ разгромившихъ Москву.

Въ остальномъ авторъ пѣсни о Мастрюкѣ оказался вѣрнымъ отраженіемъ современныхъ настроеній и современнаго пониманія лицъ и событій: та же подозрительность Грознаго, обычная обстановка пира, открывающая разсказъ, задумчивость героя при общемъ веселіи, возбуждающая эту подозрительность и т. д.

4. Набѣгъ Крымскаго хана (1572 г.). Такъ же правдиво передаетъ настроеніе, возбужденное указаннымъ только что пораженіемъ татаръ, и особая пѣсня, сохраненная въ записи, отдѣленной отъ самого событія промежуткомъ времени менѣе пятидесяти лѣтъ (эта пѣсня записана въ Москвѣ для англичанина Джемса въ 1619 году). Она подчеркнула ту надменную самоувѣренность хана, о которой была рѣчь выше, и то жестокое разочарованіе, которое его за это постигло; но пѣсня эта въ выраженномъ ею настроеніи отмѣтила и еще одну деталь въ пониманіи событія: вина хана усугублялась тѣмъ, что онъ дерзнулъ поднять руку на православную вѣру въ лицѣ православнаго московскаго государя, почему въ наказаніи его сказалось участіе и небесныхъ силъ, совершившихъ чудесное избавленіе покровительствуемой ими Москвы и ея православнаго государя. Эта мысль—совершенно въ духѣ времени, когда религіозный и государственный принципы представлялись неотдѣлимыми одинъ отъ другого.

5. Покушеніе на убіеніе царевича (1581 г.). Отправнымъ пунктомъ пѣсни является общеизвѣстный фактъ убіенія Грознымъ своего сына Ивана. Причина, лучше сказать, ближайшій поводъ ужаснаго поступка Ивана IV (уже дошедшаго, кстати сказать, за три года до смерти до крайнихъ предѣловъ своего психопатологическаго состоянія) точно до сихъ поръ не установлены; свидѣтельства объ этомъ разнорѣчивы: судя по однимъ намекамъ, столкновеніе отца съ сыномъ, такъ печально кончившееся, произошло на почвѣ уязвленнаго, и безъ того болѣзненно приподнятаго самолюбія царя, котораго сынъ попрекнулъ потерей Пскова, взятаго Баторіемъ (Псковскій лѣтописецъ); по другимъ, убійство есть

результатъ семейной ссоры: царевичъ Иванъ вступился за свою беременную жену, которую отецъ его передъ тѣмъ за что-то прибилъ (А. Поссевинъ). Какъ бы то ни было, пѣсня, вѣроятно, такъ же, какъ и мы до сихъ поръ, не знала подлиннаго повода къ ужасному поступку царя, искала ему объясненія въ общемъ характерѣ внутренней политики Ивана IV и въ немъ самомъ: боровшійся всю свою жизнь съ крамолой Иванъ къ концу своего царствованія готовъ былъ нѣсколько успокоиться, увѣренный, что при помощи опричны и террора ему удалось вывести наконецъ измѣну на Москвѣ и въ другихъ городахъ; онъ готовъ уже торжественно заявить объ этомъ, требуя признанія совершеннаго имъ подвига: но царевичъ Иванъ (сочувствовавшій, согласно свидѣтельствамъ современниковъ, кровавой политикѣ отца) находитъ вдругъ, что дѣло еще далеко не кончено, намекая на своего младшаго брата Федора (не раздѣлявшаго взглядовъ отца и брата и, согласно съ общимъ характеромъ будущаго царя и признаніемъ нѣкоторыхъ варіантовъ пѣсни, относившагося милостиво къ жертвамъ отца); этого намека было достаточно, виновный долженъ былъ поплатиться за свой образъ мыслей передъ вспыльчивымъ, при томъ такъ жестоко разочарованнымъ въ своей мечтѣ, болѣзненно подозрительнымъ и скорымъ на судъ царемъ, хотя бы судъ этотъ и былъ несправедливъ. Но такой судъ въ глазахъ составителя пѣсни также былъ несправедливостью, недопустимой для царя, этого защитника народнаго отъ бояръ и знати, какимъ Грозный рисуется въ народномъ преданіи, сказкѣ и другихъ пѣсняхъ: ошибка должна быть исправлена. Это рѣзкое противорѣчіе, быть можетъ, стремленіе избѣжать того суроваго осужденія, которое было бы естественнымъ слѣдствіемъ трагической развязки пѣсни, заставило слагателей пѣсни, пораженныхъ, конечно, совершившимся на дѣлѣ фактомъ сыноубійства, исказить дѣйствительность перемѣной Ивана на Федора, что̀ давало возможность уже и самое событіе представить, лишь какъ покушеніе на убійство, такъ какъ Федоръ, и на самомъ дѣлѣ, оставался въ живыхъ и царствовалъ послѣ Ивана IV; этимъ сохранялось и

обычное въ народѣ представленіе о царѣ, грозномъ и въ то же время отходчивомъ и милостивомъ, сохранялся и психологически вѣрный обликъ Грознаго: такой обликъ получилъ Иванъ Грозный, какъ мы видѣли уже, и въ пѣснѣ о Казани.

Это благородное качество царя—его отходчивость—подчеркивается въ пѣснѣ и великодушнымъ согласіемъ царя на столь тяжелую для него, при его властности и подозрительности, просьбу Никиты Романовича, этого настоящаго героя пѣсни. Такъ, вѣроятнѣе всего, можно объяснить съ точки зрѣнія психологіи творчества подобное искаженіе факта въ пѣснѣ.

Въ этой же пѣснѣ интересно очерчена личность Никиты Романова: онъ поставленъ рядомъ съ сестрой своей Анастасіей (она названа въ пѣснѣ Маріей), рисующейся добрымъ геніемъ при Грозномъ еще въ пѣснѣ объ ея кончинѣ (хотя къ 1581 году ея уже давно не было въ живыхъ): эта характеристика Никиты—отраженіе дѣйствительной роли родственниковъ царя по первому браку: времени ихъ преимущественнаго вліянія при дворѣ, времени молодости царя и вмѣстѣ съ тѣмъ относительно мягкаго его правленія; близость Романовыхъ, въ частности Никиты, къ царю проходитъ вездѣ черезъ пѣсни, разъ въ нихъ фигурируетъ Никита Романовичъ: помимо данной пѣсни, онъ и въ пѣснѣ о царской женитьбѣ играетъ ту же важную роль, при томъ положительную.

Точность топографіи Москвы въ пѣснѣ говоритъ о близости, какъ по времени, такъ и по мѣсту созданія нашей пѣсни къ Москвѣ и времени Грознаго.

6. Ермакъ и завоеваніе Сибири (1581—84 г.). Приводимая ниже по записи XVIII вѣка единственная изъ извѣстныхъ пѣсня о завоеваніи Сибири и гибели Ермака—самая обширная по объему изо всѣхъ пѣсенъ о Ермакѣ, знакомыхъ намъ въ болѣе позднихъ записяхъ: она даетъ, если такъ можно выразиться, подробный, почти протокольный, отчетъ о событіи, шагъ за шагомъ слѣдя за казаками въ ихъ движеніи по рѣкамъ за Ураломъ, приводя подробно, какъ бы стремясь въ точности сообщить всѣ

названія рѣкъ и рѣчекъ, по которымъ плывутъ казаки. Такого рода описаніе, своего рода „реляція“ о походѣ казаковъ, очень напоминаетъ соотвѣтствующія страницы позднихъ „Сибирскихъ лѣтописей“ (вродѣ „Строгановскихъ“ и „Есиповскихъ“), далеко не обычно для поэтическаго произведенія—исторической пѣсни: это какъ будто переложеніе въ ритмическую форму (кстати сказать, не особенно удачную) какой либо дѣловой записки о событіи. Къ тому же и языкъ, и самый стиль пѣсни обращаютъ на себя вниманіе также своей необычностью для народной рѣчи: рядомъ съ живой, образной, близкой къ народной рѣчью, въ ней настолько много выраженій, чуждыхъ этой рѣчи, но въ то же время напоминающихъ позднюю книжную, порой даже канцелярскую, что счесть ихъ, какъ это бывало въ былинахъ и другихъ чисто устныхъ произведеніяхъ, лишь налетомъ времени и индивидуальной манеры пѣвца (ср. въ I томѣ пѣсни о Василіи пьяницѣ, о Добрынѣ съ Настасьей и др.) едва ли возможно; скорѣе приходится предположить въ авторѣ пѣсни книжнаго человѣка, знакомаго только съ народной устной поэзіей, но не привычнаго творца или исполнителя ея произведеній, можетъ быть, даже набившаго руку въ этомъ канцелярско-книжномъ языкѣ, которымъ писались дѣловыя бумаги, произведенія, выходившія изъ подъ пера чиновниковъ стараго времени. Такъ, въ томъ текстѣ, о которомъ идетъ рѣчь, находимъ: покинули (лодку), промыслы рыбные, имъ путь надлежалъ, князька небольшого (полонили), баталія великая, наипаче, таковы слова услыша, которая устья впала, полномочіе (далъ) владѣть ими, разослать по фатерамъ, по прошествіи того праздника, письменное извѣстіе обо всемъ своемъ похожденіи подавалъ и т. д.; встрѣчаемъ такія слова, какъ: манеръ, матрозъ, боты, плодбище, солдаты и т. п. Все это, взятое вмѣстѣ съ довольно таки чуждымъ поэтичности изложеніемъ, наводитъ на мысль о книжномъ и при томъ довольно позднемъ происхожденіи данной пѣсни. При томъ нельзя, однако, отрицать и того, что слагателю этой пѣсни были знакомы отчасти и былинные пріемы, откуда идутъ тѣ эпическіе обороты, о которыхъ говорилось выше,

знакомы были и народно-поэтическія преданія, изъ коихъ нѣкоторыя касались и Ермака, напр., о соломенныхъ чучелахъ. При такомъ взглядѣ на происхожденіе пѣсни ея историческая точность и вѣрность въ пониманіи самого событія должны, разумѣется, получить иное объясненіе, нежели въ другихъ историческихъ пѣсняхъ времени Грознаго; при такомъ пониманіи данной пѣсни о завоеваніи Сибири будетъ понятно и то, почему другія пѣсни, гдѣ выступаетъ Ермакъ въ качествѣ главнаго лица, касаются не столько завоеванія Сибири, сколько участія его въ покореніи чаще всего Казани, рѣже—Казани и Астрахани, еще рѣже убіенія Карамышева (т.-е., событія гораздо болѣе поздняго; о немъ—ниже).

7. Пѣсни о кончинѣ Грознаго (1584 г.). Пѣсни о кончинѣ Грознаго передаютъ не столько самыя обстоятельства этого событія, сколько то впечатлѣніе, которое должна была произвести смерть человѣка, отмѣтившаго такъ ярко свою жизнь на фонѣ русскаго общества: и послѣ смерти Иванъ внушаетъ къ себѣ ужасъ боярамъ, оплакивается, какъ носитель славы Русской земли, его соратниками въ покореніи Казани, оплакивается цариней, какъ главная опора власти, которая съ его смертію рушится. Но, судя по тону и содержанію этихъ пѣсенъ, едва ли онѣ выражаютъ непосредственное впечатлѣніе смерти Ивана Грознаго: развѣ за исключеніемъ первой пѣсни, и то описывающей традиціонную обстановку царя на смертномъ одрѣ или во гробѣ въ соборѣ, повторявшуюся и потомъ не одинъ разъ, остальныя пѣсни едва ли имѣли въ первоначальномъ своемъ видѣ царя Грознаго: повидимому, въ нихъ имя Грознаго замѣнило собою имя Петра I, плачъ о коемъ его арміи, солдатъ болѣе соотвѣтствуетъ условіямъ времени, а подъ царицей въ послѣдней пѣснѣ, скорѣе всего, первоначально была упомянута одна изъ императрицъ XVIII столѣтія, роль которыхъ въ этихъ условіяхъ естественнѣе, нежели московской царицы, никакой политической роли непосредственно не игравшей. Иначе сказать: по всей вѣроятности, пѣсни о смерти Грознаго сложены не о немъ, а лишь къ нему пріурочены.

1. ВЗЯТІЕ КАЗАНИ.

Середи было Казанскаго царства
Что стояли бѣлокаменны палаты,
А изъ спальни бѣлокаменной палаты
Ото сна тутъ царица пробужалася,
Царица Елена [1], Симеону царю она сонъ разсказала: 5
„А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
„Что ночесь мнѣ, царицѣ, мало спалося,
„Въ сновидѣньицѣ много видѣлося:
„Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
„Кабы сизой орлище встрепенулся, 10
„Кабы грозная туча подымалась,
„Что на наше вѣдь царство наплывала“.
А изъ сильнаго Московскаго царства
Подымался великой князь Московски
А Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель [2], 15
Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили подъ Казанское царство за пятнадцать верстъ,
Становились они подкопью [3] подъ Булатъ [4] рѣку,
Подходили подъ другую, подъ рѣку подъ Казанку, 20

---

[1] Слова „царица Елена“ въ рукописи зачеркнуты.
[2] „Прозритель“ въ рукописи зачеркнуто.
[3] Вели подкопъ, „шли сапою“.
[4] Правильнѣе: Булакъ.

Съ чернымъ порохомъ бочки закатали,
А и подъ гору ихъ становили,
Подводили подъ Казанское царство;
Воску яраго свѣчу становили,
А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ: 25
Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣе.
Воспалился тутъ великій князь Московскій,
Князь Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель [1],
И зачалъ канонеровъ тутъ казнити, 30
Что началася отъ канонеровъ измѣна.
Что большой за меньшаго хоронился,
Отъ меньшаго ему, князю, отвѣту нѣту;
Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
— Ты великій, сударь, князь Московскій! 35
— Не вели ты насъ канонеровъ казнити:
— Что на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,
— А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣе.—
Позадумался князь Московски,
Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти собою; 40
Еще какъ бы это дѣло оттянути,
Они тѣ-то рѣчи говорили:
Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ,—
Принималися бочки съ чернымъ порохомъ, 45
Подымало высокую гору-то,
Разбросало бѣлокаменны палаты.
И бѣжалъ тутъ велики князь Московски
На тое ли высокую гору-ту,
Гдѣ стояли царскія палаты. 50
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,

[1] Слово „прозритель“ въ оригиналѣ зачеркнуто.

Она съ радостью Московскаго князя встрѣчала
А того ли Ивана, сударь, Васильевича, прозрителя:
И за то онъ царицу пожаловалъ 55
И привелъ въ крещеную вѣру,
Въ монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ великаго князя онъ,
И выняль ясны очи косицами; 60
Онъ и взялъ съ него царскую корону
И снялъ царскую порфиру,
Онъ царскій костыль въ руки принялъ.
И въ то время князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство, 65
Что тогда-де Москва основалася.
И съ тѣхъ поръ великая слава.

2. СМЕРТЬ ЦАРИЦЫ.

А къ чему же, братцы, пріуныла все быстра́ рѣка,
Не гремятъ-то поро́жки быстрые?.
А къ чему же, братцы, пріумолкло-пріуныло солоно́ море?
А къ чему же, братцы, пріуныли, не шумятъ-то да лѣсы темные?
А къ чему же, братцы, поднебесная звѣзда съ неба отпа́дала? 5
А къ чему же, братцы, воску яраго свѣща да потухала же?
Благовѣрная царица преставлялася,—
Порушалась эта наша вѣра православная.
Говоритъ-то она таковы рѣчи:
„Ужъ вы дѣти мои-то, два царевича, 10
„Два царевича мои-то, два любимые,
„Два любимые, вы ученые!
„А подите-тка къ своему родну батюшку,
„Ко грозно́му-то царю Ивану все Васильичу;
„Вы сходите-тка къ ему въ сенатъ-отъ же, 15
„Позовите-ка-ся мнѣ его проститися;
„А вы знаете, какъ пріити къ ему, все слово́ сказать:
„Вы придите, станьте на тѣ же жилы подколѣнныя,
„Да вы говорите грозну царю, своему родну батюшку:
„— Ужъ ты гой еси, грозны́я царь, Иванъ Васильевичъ!— 20
„Вы подите-тка къ ему, позовите ко мнѣ-то все проститися“.
А какъ тутъ-то два царевича не ослышались [1],

---

[1] Ослушались.

А надѣли они свое платье цвѣтное,
А приходятъ они въ сенатъ къ своему родну батюшку,
Ко грозно́му-то царю Ивану-ту Васильичу; 25
А онъ сидитъ-то на престолѣ все на царскомъ-же,
А на головѣ надѣтъ вѣнецъ царскія,
А въ рукахъ держитъ-то онъ чудно́й-отъ крестъ.
Они стали на жилы-ти на подколѣнныя,
Они били [1] своему царю-батюшку: 30
„Ужъ ты гой еси, грозны́я царь Иванъ-сударь Васильевичъ!
„А зове тебя царица наша матушка
„Во послѣдней-отъ разъ съ тобой проститися“.
А тому-то вѣдь царь не ослышался;
Соходилъ-то онъ со престола-то со царскаго, 35
Скидывалъ-то онъ вѣнецъ все царскія,
А сымалъ съ себя порфиру царскую,
А онъ клалъ на престолъ на царскія,
Онъ пошелъ-то скоро ко царицѣ-то, своей къ молодо́й женѣ,
Онъ вѣдь скоро 'ходилъ [2] къ ей въ свѣтлу свѣтлицу. 40
Увидала его молода жена,
Еще та же царица благовѣрная:
„Ужъ ты гой еси, грозны́я царь Иванъ Васильевичъ!
„А какъ буду я тебѣ наказъ наказывать:
„Ты не будь же горячъ, не будь спальчивъ [3] же, 45
„До своихъ ты малыхъ дѣточекъ будь ты милостивъ,
„А до двухъ-то все младыхъ царевичей;
„А еще тебѣ буду наказъ наказывать:
„Ты постой-ка-ся за вѣру православную,
„Ты постой-ка за монастыри-ти спасеные, 50
„А за тѣ же за церкви-ти за Божія;
„Я еще тебѣ буду наказъ наказывать:
„Ужъ ты будь ты кротокъ, будь ты милостивъ

---

[1] Т.-е. били челомъ.
[2] Входилъ.
[3] Вспыльчивъ.

„Да чужихъ-то до дѣточекъ,
„Новобраныхъ все солдатушекъ:
„Стоятъ-то они за вѣру православную,
„За тебя, царя Ивана Васильича,
„За всѣхъ-то князей, за бо́яръ.
„Я еще буду тебѣ наказъ наказывать;
„До своихъ-то до князей будь ты кротокъ, будь ты милостивъ, 60
„А до тѣхъ же ты князей, все бояръ же.
„Я еще тебѣ буду наказъ наказывать:
„Ужъ будь ты кротокъ, будь ты милостивъ
„А до тѣхъ же христьянъ [1] да чернопахотныхъ:
„Ты наложь-ка на нихъ подать по три денежки,— 65
„Наберешь ты многи тысячи;
„Ты положь на нихъ по три копеечки,—
„Ужъ ты много насбираешь казны несчетныя.
„Я еще тебѣ буду наказъ наказывать:
„Послѣ моего-то бываньица, 70
„Не женись-ка-ся ты въ проклято́й Литвѣ,
„Въ проклятой Литвѣ, ордѣ поганыя
„У Кострюка-Небрюка на родной сестрѣ,
„На той же на Марьѣ Небрюковнѣ:
„Какъ порушится наша вѣра православная". 75
А какъ тутъ царь разъярился же,
Разъярился же да разсердился же,
Убѣжалъ-то онъ отъ царицы изъ спальной онъ.
А во ту пору, во то время
Поднебесная звѣзда съ неба отпа́дала, 80
Воску яраго свѣща да потухала же,
Православная вѣра порушалася:
Благовѣрная царица преставлялася.
А потухала свѣща да воску яраго:
А преставилась царица благовѣрная,
Поруши́лась наша вѣра православная.

[1] Крестьянъ.

3. ЦАРСКАЯ ЖЕНИТЬБА.

Въ годы прежніе,
Времена первоначальныя,
При бывшемъ вольномъ царѣ,
При Иванѣ Васильевичѣ,
Когда холостъ былъ государь,
Поизволилъ онъ женитися.
Беретъ онъ, царь-государь,
Не у себя въ каменной Москвѣ,
А беретъ онъ, царь-государь.
Въ той Золотой Ордѣ, 10
У того Темрюка царя,
У Темрюка Степановича,
Онъ Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюковну,
Купаву [1] крымскую, 15
Царицу благовѣрную.
А и царскаго поѣзду
Полторы было тысячи:
Князи, бо́яра, могучіе богатыри,
Пятьсотъ донскихъ казаковъ, 20
Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ.
Здравствуетъ царь-государь

Красавицу.

Черезъ рѣки быстрыя,
Черезъ грязи Смоленскія,
Черезъ лѣсы Брынскіе, 25
Онъ здравствуетъ, царь-государь,
Въ той Золотой Ордѣ,
У того Темрюка царя,
У Темрюка Степановича;
Онъ понялъ [1], царь-государь, 30
Царицу благовѣрную,
Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову;
И взялъ въ провожатые за ней
Триста татариновъ, 35
Четыреста бухариновъ,
Пятьсотъ черкашениновъ
И любимаго шурина,
Мастрюка Темрюковича,
Молодого черкашенина. 40
Ужъ царскаго поѣзда
Безъ малаго три тысячи
Везутъ золоту казну
Ко царю въ каменну Москву.
Переѣхалъ царь-государь 45
Онъ рѣки быстрыя,
Грязи Смоленскія
И лѣсы Брынскіе.
Онъ здравствуетъ, царь-государь,
У себя въ каменной Москвѣ, 50
Во полатахъ бѣлокаменныхъ,
Въ возлюбленной крестовой своей;
Пиръ на веселѣ,
Повелъ столы на радостяхъ:

---

[1] Взялъ.

И всѣ ли князи-бо́яра, 55
Могучіе богатыри
И гости званые,
Пятьсотъ донскихъ казаковъ,
Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются,
Зелено вино кушаютъ, 60
Бѣлу лебедь рушаютъ.
А единъ не пьетъ да не ѣстъ,
Царской гость дорогой,
Мастрюкъ Темрюковичъ,
Молодой черкашенинъ. 65
И зачѣмъ хлѣба-соли не ѣстъ,
Зелена вина не кушаетъ,
Бѣлу лебедь не рушаетъ?
У себя на умѣ держитъ:
Изошелъ онъ семь городовъ, 70
Поборолъ онъ семьдесять борцовъ,
И по себѣ борца не нашелъ;
И только онъ думаетъ,
Ему вѣра [1] поборотися есть
У царя въ каменной Москвѣ, 75
Хочетъ царя потѣшити
Со царицею благовѣрною,
Марьею Темрюковною;
Онъ хочетъ Москву загонять,
Сильно царство московское. 80
Никита Романовичъ
Объ томъ царю доложилъ:
— А и гой еси, царь-государь,
— Царь Иванъ Васильевичъ!
— Всѣ князи-бояра, 85
— Могучіе богатыри

---

[1] Желаніе.

— Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются
— На великихъ на радостяхъ;
— Одинъ не пьетъ, не ѣстъ,
— Твой царскій гость дорогой, 90
— Мастрюкъ Темрюковичъ,
— Молодой черкашенинъ:
— У себя онъ на умѣ держитъ,
— Вѣра поборотися есть,
— Твое царское величество потѣшити 95
— Со царицею благовѣрною.—
Говоритъ тутъ царь-государь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
„Ты садися, Никита Романовичъ,
„На добра коня, 100
„Побѣги по всей Москвѣ,
„По широкимъ улицамъ,
„И по частымъ переулочкамъ".
Онъ будетъ дядюшка,
Никита Романовичъ, 105
Середь урья [1] Повольскаго,
Слободы Александровы:
Два братца родимые
По базару похаживаютъ,
А и бороды бритыя, 110
Усы торженые,
А платье саксонское,
Сапоги съ разструбами [2],
Объ ручку-ту дядюшкѣ челомъ:
— А и гой еси ты, дядюшка, 115
— Никита Романовичъ!

---

[1] Значеніе слова не ясно; м. б. тоже, что „урема"—лѣсъ, занимаемый водой. М. б. и проще: вм. „Юрья" (т.-е. Юрьева Повольскаго, гор. теперь Костр. губ.)?

[2] Одежда, здѣсь описанная, — скоморошья.

— Кого ты спрашиваешь?
— Мы борцы въ Москвѣ похваленные,
— Молодцы поученные, славные.—
Никита Романовичъ 120
Привелъ борцовъ ко дворцу,
Говорили тутъ добры молодцы:
— Ты, Никита Романовичъ,
— Ты изволь объ томъ царю доложить:
— Смѣть ли нога спустить [1] 125
— Съ царскимъ шуриномъ
— И смѣть ли его побороть?—
Пошелъ онъ, Никита Романовичъ,
Объ этомъ царю доложилъ,
Что привелъ борцовъ ко дворцу. 130
Злата труба протрубила
Во палатѣ бѣлокаменной,—
Говорилъ тутъ царь-государь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
„Ты Никита Романовичъ, 135
„Веди борцовъ на дворъ,
„На дворецъ государевой,
„Борцовъ ученыихъ,
„Молодцевъ похваленыихъ,
„И въ томъ имъ приказъ отдавай: 140
„Кто бы Мастрюка поборолъ,
„Царскаго шурина,
„Платье бы съ плечъ снялъ,
„Да нагого съ круга спустилъ,
„А нагого, какъ мать родила, 145
„А и мать на свѣтъ пустила“.
Послышалъ Мастрюкъ борцовъ,
Скачетъ прямо Мастрюкъ
Изъ мѣста большого,

[1] Пріемъ борьбы: дать „подъ ножку“.

Изъ угла передняго, 150
Черезъ столы бѣлодубовые,
Черезъ ѣства сахарныя,
Черезъ питья медвяныя:
Лѣвой ногой задѣлъ
За столы бѣлодубовы,— 155
Повалилъ онъ тридцать столовъ,
Да прибилъ триста гостей:
Живы, да негодны,
На карачкахъ ползаютъ
По палатѣ бѣлокаменной: 160
То — похвальба Мастрюку,
Мастрюку Темрюковичу.
Выбѣжалъ тутъ Мастрюкъ
На крылечко красное,
Кричитъ во всю голову, 165
Чтобы слышалъ царь-государь:
— А свѣтъ ты, вольной царь,
— Царь Иванъ Васильевичъ!
— Что у тебя въ Москвѣ
— За похвальные молодцы, 170
— Поученые, славные?
— На ладонь ихъ посажу,
— Другой рукою раздавлю!—
Съ борцами сходится
Мастрюкъ Темрюковичъ; 175
Борьба его ученая,
Борьба черкасская:
Колесомъ онъ бороться пошелъ.
А и малой выступается
Мишка Борисовичъ: 180
Смотритъ царь-государь,
Что кому будетъ Божья помочь,
И смотрятъ ихъ борьбу князи-бояра,

И могучіе богатыри,
Пять сотъ донскихъ казаковъ. 185
А и Мишка Борисовичъ,
Съ носка [1] бросилъ о землю
Онъ царскаго шурина;
Похвалилъ его царь государь:
„Исполать тебѣ, молодцу, 190
„Что чисто борешься!“
А и Мишка къ сторонѣ пошелъ,—
Ему полно боротися.
А Потанька бороться пошелъ:
Костылемъ попирается, 195
Самъ впередъ подвигается,
Къ Мастрюку приближается;
Смотритъ царь-государь,
Что кому будетъ Божья помочь.
Потанька справился [2], 200
За плеча сграбился [3],
Согнетъ корчагою [4],
Воздымалъ выше головы своей,
Опустилъ о сыру землю,—
Мастрюкъ безъ памяти лежитъ, 205
Не слыхалъ, какъ платье сняли:
Былъ Мастрюкъ во всемъ,
Сталъ Мастрюкъ ни въ чемъ;
Ожерелья въ пятьсотъ рублевъ,
Безъ единыя денежки, 210
А платья саксонскаго
Снялъ на три тысячи:
Со стыду и сорому,

---

[1] Ср. „бить съ носка“, т.-е., выставивъ впередъ ногу, носкомъ сапога.
[2] Изловчился.
[3] Ухватилъ.
[4] Корягою—искривленный сукъ дерева; корчага же—большой горшокъ.

На карачкахъ подъ крылецъ ползетъ.
Какъ бы бѣла лебедушка 215
На зарѣ она прокликала,
Говорила царица царю,
Марья Темрюковна:
— Свѣтъ ты, вольный царь,
— Иванъ Васильевичъ! 220
— Такова у васъ честь добра
— До любимаго шурина?
— А дѣтина наругается,
— Что дѣтина деревенской!
— Почто онъ платье снимаетъ?— 225
Говоритъ тутъ царь-государь:
„Гой еси ты, царица во Москвѣ,
„Да ты, Марья Темрюковна!
„А не то у меня честь въ Москвѣ,
„Что татары-тѣ борются; 230
„То-то честь въ Москвѣ,
„Что русакъ тѣшится!
„Хотя бы ему голову сломилъ,
„Да любилъ бы я, пожаловалъ
„Двухъ братцевъ родимыихъ, 235
„Двухъ удалыхъ Борисовичевъ!“

4. НАБѢГЪ КРЫМСКАГО ХАНА.

А не сильная туча затучилася,
А не сильны громы грянули:
Кудѣ [1] ѣдетъ собака крымской царь?
А къ сильному царству Московскому:
„А нынѣчи [2] мы поѣдемъ къ каменнóй Москвѣ, 5
„А назадъ мы поѣдемъ, Рѣзань возьмемъ“.
А какъ будутъ они у Оки рѣки,
А тутъ станутъ бѣлы шатры разставливать:
„А подумайте вы думу съ цѣлá ума:
„Кому у насъ сидѣть на каменнóй Москвѣ, 10
„А кому у насъ въ Володимирѣ,
„А кому у насъ сидѣть въ Суздалѣ,
„А кому у насъ держать Рѣзань старая,
„А кому у насъ въ Звенигородѣ,
„А кому у насъ сидѣть въ Новѣгородѣ?“ 15
Выходитъ Диви-Мурзы сынъ Улановичъ:
— А еси, государь нашъ, Крымской царь!
— А тебѣ, государь, у насъ сидѣть на каменнóй Москвѣ,
— А сыну твоему въ Володимерѣ,
— А племнику [3] твоему въ Суздалѣ, 20
— А сродичу въ Звенигородѣ,

---

[1] Старинная форма, вмѣсто: „Куда“.
[2] Тоже: „нынѣча“.
[3] Племяннику.

— А боярину конюшему держать Рѣзань старая,
— А меня, государь, пожалуй Новымъ-городомъ:
— У меня лежитъ тамъ свѣтъ-добры-дни батюшка,
— Диви-Мурза сынъ Улановичъ.— 25
Прокличетъ съ небесъ Господень гласъ:
„Ино еси, собака, Крымской царь!
„То ли тебѣ царство свѣдомо?
„А еще есть на Москвѣ семьдесять апостоловъ,
„Опришенно [1] трехъ святителей; 30
„Еще есть на Москвѣ православной царь!“
Побѣжалъ еси, собака, Крымской царь,
Не путемъ еси—не дорогою,
Не по знамени не по черному!

---

[1] Кромѣ.

5. ПОКУШЕНІЕ НА УБІЕНІЕ ЦАРЕВИЧА.

Когда же возсіяло солнце красное
На тую ли на землю свято-русскую,
Тогда же воцарился нашъ грозныя царь,
Грозныя царь Иванъ Васильевичъ,
На тую на землю свято-русскую. 5
Тогда же собиралъ онъ почестенъ пиръ,
Всѣ ли на пиру напивалися,
Всѣ ли на пиру похвалялися:
Умной хвастатъ отцомъ-матерью,
Безумной хвастатъ молодой женой, 10
Глупой хвастатъ добрымъ конемъ.
Говоритъ грозныя царь Иванъ Васильевичъ:
„А вывелъ я измѣну изъ Опскова,
„Да вывелъ я измѣну изъ Казанскаго,
„А вывелъ я измѣну съ Астраханскаго, 15
„Да вывелъ измѣну съ Новàгорода;
„Да выведу измѣну съ каменнóй Москвы,
„Всю неправду со святой Руси“.
Подъ его подъ ручкою подъ правою
Сидитъ млады Иванъ тотъ Ивановичъ, 20
Подъ его подъ ручкою подъ лѣвою
Сидитъ младый Ѳедоръ Ивановичъ.
Воспроговоритъ Иванъ тотъ Ивановичъ:
— Батюшко, грозныя царь Иванъ Васильевичъ!

— А вывелъ измѣну изъ Опскова, 25
— Да вывелъ измѣну изъ Казанскаго,
— А вывелъ измѣну съ Астраханскаго,
— Да вывелъ измѣну съ Новáгорода;
— Не вывести измѣну изъ каменной Москвы,
— А всей-то неправды со святой Руси. 30
— У тебя измѣнщикъ за однимъ столомъ,
— Ѣздилъ по царству Россійскому,
— По тому государству Московскому,
— Улицу казнилъ онъ десятую,
— Въ дéсятой казнилъ онъ десятаго, 35
— Больше голову пѣтуньюю [1],
— Все ярлыки онъ подписывалъ.
— Въ той улицѣ больше пѣтуны поютъ,
— Въ той улицѣ больше щепотью [2] не молятся.
— Не могъ вывести измѣны изъ Опскова, 40
— Не могъ вывести измѣны изъ Скопскаго,
— Не могъ вывести измѣны изъ Казанскаго,
— Не могъ вывести съ Востраханскаго,
— Не могъ вывести измѣны съ Новагорода,
— Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы, 45
— Всей неправды со святой Руси.—
Грозно царь распаляется,
Скачетъ царь на рѣзвы ноги,
Говоритъ ли царь таково слово:
„Ай палачи немилостливые! 50
„Берите-тка Ѳедора Ивановича
„За его ручки за бѣлыя,
„За его перстни злаченые,
„Накиньте камочику [3] черную,

---

[1] Пѣтушью; ниже: „пѣтуны"—пѣтухи.
[2] Т. е. троеперстіемъ для крестнаго знаменія.
[3] Т. е. камочку.

„Бросьте въ телѣгу ордынскую, 55
„Везите за мать-Москву бѣлокаменну,
„На тое болото на Житное,
„На тую на плаху кровавую,
„Отсѣките измѣньщику голову".
Всѣ палачи разбѣжалися, 60
Всѣ палачи разскакалися,
Большой-отъ хоронится за средняго,
Средней-отъ хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго, стало, да отвѣту нѣтъ.
Грозно царь распаляется, 65
Говоритъ ли царь таково слово:
„Ай палачи немилостливые!
„Берите Ѳедора Ивановича
„За его за ручки за бѣлыя,
„За тыи за перстни злаченые, 70
„Накиньте камочику черную,
„Бросьте въ телѣгу ордынскую,
„Везите за мать-Москву бѣлокаменну,
„На тое болото на Житное,
„На тую плашку кровавую, 75
„Отсѣките измѣньщику голову".
Изъ-за стола за [1] нижайшаго
Выходитъ маленькой Малютка, Скурлатковъ сынъ,
Беретъ онъ Ѳедора Ивановича
За его за ручки за бѣлыя, 80
За его за перстни злаченые,
Накинулъ камочику черную,
Бросилъ въ телѣгу ордынскую,
Повезъ за мать-Москву бѣлокаменну,
На тое болото на Житное, 85

---

[1] Т. е. изъ за; нижайшій—наименѣе почетный, гдѣ сидѣли люди по чинамъ менѣе сановитые.

На тую на плаху кровавую,
Отсѣчь измѣньщику голову.
Молодая Марья [1] Романовна
Скочила она на рѣзвы ноги,
Чобота обула на босу ногу, 90
Шубу одѣвала на одно плечо,
По крылечку спущалась полегошеньку,
По улушкѣ бѣжала поскорешеньку
Прямо къ Микитѣ Романовичу
Во тую палату грановитую. 95
Крестъ-то кладетъ по писаному,
Поклонъ-то ведетъ по ученому,
Бьетъ челомъ, поклоняется
На всѣ на четыре на стороны,
Братцу Микитѣ Романовичу въ собину. 100
Говоритъ братецъ Микита Романовичъ:
— Что же за чудо за чудное,
— Что же за диво за дивное,
— Не звана пришла гостья, не приказывана?—
Говоритъ Марья Романовна: 105
„Ай братецъ, Микита Романовичъ!
„Потухла свѣча наша мѣстная,
„Закатилось наше красное солнышко:
„Не стало млада Ѳедора Ивановича:
„Увезъ маленькой Малютка, Скурлатковъ сынъ, 110
„На тое болото на Житное,
„На тую на плаху кровавую,
„Отсѣкетъ ему буйную голову“.
Скочилъ Микита на рѣзвы ноги,
Чоботы обулъ на босу ногу, 115
Армякъ надѣвалъ на одно плечо,
Шляпу кладывалъ на одно ухо;

---

[1] Вм. Анастасіи.

Онъ бѣжитъ въ конюшню стоялую,
Беретъ добра коня ученаго.
Садился на добра коня не на сѣдлана, 120
Ѣде по мать-Москвѣ бѣлокаменной,
Шляпою маше, голосомъ кричитъ:
— Ай же народъ, люди добрые!
— Дайте мѣста немножечко
— Коню пройти, меня провезти, 125
— Скоро ѣхать за мать-Москву бѣлокаменну,
— На тое болото на Житное,
— Ко тыи ко плашкѣ кровавыи,
— Застать любезнаго племянника.—
Увидѣлъ маленькой Малютка, Скурлатковъ сынъ, 130
Закричалъ Микита во всю голову:
— Ты не ѣшь-ка, собака, куса сахарна,
— Хоть съѣшь собака, подавишься.—
Повернулъ копье во матушку сыру землю
Маленькой Малютка, Скурлатковъ сынъ, 135
Самъ падáетъ на востро́й конецъ.
Тутъ Скурлатковы славы́ поютъ [1].
Подъѣзжаетъ Микита Романовичъ
Къ этой ко плашкѣ кровавыи,
Беретъ нонь любезнаго племянничка 140
За его за ручки за бѣлыя,
За тыи за перстни злаченые,
Кладыватъ его подъ правую пазушку,
Везетъ онъ въ палату бѣлокаменну,
Во свои домъ въ грановитыи. 145
Прошло тому времечко, круглой годъ;
Вспомнилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
Своего Ѳедора Ивановича,
Сдѣлалъ указы онъ грозные

---

[1] Умеръ, почему его поминаютъ, какъ покойника.

По всему по царству Россійскому, 150
По тому ли государству Московскому:
Къ этыи обѣдни воскресенскія,
Къ этыи заутрени Христовскія
Шли бы въ платьицахъ опальныихъ [1].
Молодой Микита Романовичъ 155
Надѣвае платье что ни лучшее,
Кладывáетъ любезнаго племянничка,
Кладывае подъ правую пазушку,
Идетъ онъ къ обѣдени Христовскія;
Крестъ онъ кладетъ по писаному, 160
Поклонъ ведетъ по ученому,
Бьетъ челомъ, поклоняется
На всѣ на четыре на стороны,
Грозному царю Ивану Васильевичу на собину:
— Здравствуй, грозный царь Иванъ Васильевичъ, 165
— Со своими сѣменами царскима,
— Со своей любезной семеюшкой:
— Со молодымъ Иваномъ Ивановичемъ,
— Со молодымъ Ѳедоромъ Ивановичемъ,
— Со молодой со Марьей Романовной!— 170
Воспроговоритъ царь таково слово:
„Кабы былъ ты не Микита не Романовичъ,
„Отсѣкъ бы тебѣ буйну голову“.
Здравствуетъ Микита во второй наконъ:
— Здравствуй, грозный царь Иванъ Васильевичъ, 175
— Со своима сѣменами царскима,
— Со своей любезной семеюшкой:
— Со молодымъ Иваномъ Ивановичемъ,
— Со молодымъ Ѳедоромъ Ивановичемъ,
— Со молодой со Марьей Романовной!— 180
Говоритъ царь таково слово:

---

[1] Т. е. черныхъ, темныхъ, которыя носили люди, находящіеся въ опалѣ.

„Ай же ты, Микита Романовичъ!
„Подай скоро Ѳедора Ивановича:
„Не подашь ты Ѳедора Ивановича,
„Отсѣку тебѣ буйну голову“. 185
Молодой Микита Романовичъ
Вынимаетъ Ѳедора Ивановича
Изъ этыи празыя пазушки.
Говоритъ грозныя царь Иванъ Васильевичъ:
„Ай ты, Микита Романовичъ! 190
„Чѣмъ тебя буде жаловать
„За твои подарки великіе:
„Города ли тебѣ съ пригородками,
„Деньгами ли—золотой казной,
„Али платьицемъ тебѣ цвѣтныимъ, 195
„Али пожаловать добрымъ конемъ?“
Отвѣчаетъ Микита Романовичъ:
— Не надо городовъ съ пригородками,
— И золота казна у м'ня не тощится [1],
— Цвѣтно платье не держится [2], 200
— Добрые кони не ѣзжены.
— Пожалуй Микитину улицу:
— Кто голову убье, кто жену уведетъ,
— Въ Микитину отчину зайдетъ, того Богъ проститъ.—

---

[1] Истощается.
[2] Издерживается, изнашивается.

6. ЕРМАКЪ И ЗАВОЕВАНІЕ СИБИРИ.

Во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани,
Противъ пристани матки-Волги рѣки
Соходилися тутъ удалы добры молодцы,
Донскіе славны атаманы казачіе:
Ермакъ Тимофеевичъ, Самбуръ Андреевичъ 5
И Анофрей Степановичъ,
И стали они во единый кругъ,
Какъ думати думушку за единое,
Со крѣпка ума, съ полна разума.
Атаманъ говорилъ донскимъ казакамъ, 10
По имени Ермакъ Тимофеевичъ:
„А и вы гой еси, братцы, атаманы казачіе!
„Некорыстна [1] у насъ шутка зашучена:
„Гуляли мы по морю синему
„И стояли на протокѣ на Ахтубѣ, 15
„Убили мы посла персидскаго
„Со всѣми его солдатами и матросами
„И всѣмъ животомъ [2] его покорыстовались;
„И какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?
„Въ Астрахани нельзя жить, 20
„На Волгѣ жить — ворами слыть,

---

[1] Нехорошая.
[2] Имуществомъ.

„На Яикъ итти—переходъ великъ,
„Въ Казань итти—Грозенъ царь стоитъ,
„Грозенъ царь-государь Иванъ Васильевичъ;
„Въ Москву итти—перехватаннымъ быть, 25
„По разнымъ городамъ разосланнымъ
„И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ.
„Пойдем-те мы въ Усолье ко Строгоновымъ,
„Ко тому Григорью Григорьевичу,
„Къ тѣмъ господамъ къ Вороновымъ: 30
„Возьмемъ мы много свинцу, пороху и запасу хлѣбнаго".
И будутъ они въ Усольѣ у Строгонова,
Взяли запасы хлѣбные, много свинцу, пороху
И пошли вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
Гдѣ бы Ермаку зима зимовать. 35
И нашли они пещеру каменну,
На той Чусовой рѣкѣ, на висячемъ большомъ каменю;
И зашли они сверхъ того каменю,
Опущалися въ пещеру казаки,
Много—не мало двѣсти человѣкъ; 40
А которые остались люди похужѣе на другой сторонѣ,
Въ такую жъ они пещеру убиралися.
И тутъ имъ было хорошо зима зимовать.
Та зима проходитъ, весна настаетъ:
Гдѣ Ермаку пути искать? 45
Пути искать ему по Серебреной рѣкѣ;
Сталъ Ермакъ убиратися [1] со своими товарищами.
По Серебреной пошли, до Жаравля дошли,
Оставили они тутъ лодки-коломенки [2]:

---

[1] Снаряжаться, собираться.

[2] Особая барка стариннаго типа, строившаяся преимущественно на Чусовой для перевозки желѣза съ уральскихъ заводовъ. Коломенка въ длину была отъ 18 до 22 саженъ, шириной въ 12 аршинъ, вмѣщала отъ 12 до 16 тысячъ пудовъ. (Подробности см. С. П. Неуструевъ „Словарь волжскихъ судовыхъ терминовъ" (Н.-Новгородъ, 1914), стр. 140—148).

На той Баранченской переволокѣ, 50
Одну тащили, да надсѣлися, тамъ ее и покинули.
И въ то время увидѣли Баранчу рѣку,—обрадовались,
Надѣлали боты сосновые и лодки-набойницы [1],
Поплыли по той Баранчѣ рѣкѣ.
И скоро они выплыли на Тагиль рѣку, 55
У того Медвѣдя-камня, у Магницкаго горы становилися;
А на другой сторонѣ было у нихъ плотбище:
Дѣлали большія коломенки,
Чтобы можно имъ со всѣмъ убратися.
Жили они тутъ, казаки, съ весны до Троицева дня: 60
И были у нихъ промыслы рыбные,
Тѣмъ они и кормилися.
И какъ имъ путь надлежалъ,
Со всѣмъ въ коломенки убралися
И поплыли по Тагиль рѣкѣ; 65
А и выплыли на Туру рѣку
И поплыли по той Турѣ рѣкѣ въ Епанчу рѣку:
И тутъ они жили до Петрова дня.
Еще они тутъ управлялися;
Подѣлали людей соломенныхъ 70
И нашили на нихъ платье цвѣтное:
Было у Ермака дружины триста человѣкъ,
А стало уже со тѣми больше тысячи.
Поплыли по Тоболь рѣкѣ,
Въ Мяденски юрты приплыли. 75
Тутъ они князька полонили небольшаго,
Дабы показалъ имъ путь по Тоболь рѣкѣ.
Во тѣхъ устьяхъ Тобольскіихъ
На изголовѣ [2] становилися

---

[1] Боты—лодки, ботики; лодка-набойница—долбушка, или однодеревка, съ набитыми вдоль по бортамъ (для увеличенія вмѣстимости и устойчивости) досками („набойками") по одной или по двѣ.

[2] Изголовь—мысъ, конецъ острова.

И собиралися во единой кругъ, 80
И думали думушку крѣпку заедино:
Какъ бы имъ приплыть къ горѣ Тобольской той?
Самъ онъ, Ермакъ, пошелъ устьемъ верхніимъ,
Самбуръ Андреевичъ—устьемъ средніимъ,
Анофрей Степановичъ—устьемъ нижніимъ, 85
Которая устья впала противъ самой горы Тобольскія.
И выплывали два атамана казачіе,
Самбуръ Андреевичъ и Анофрей Степановичъ,
Со своими товарищами на Иртышъ рѣку,
Подъ саму высоку гору Тобольскую. 90
И тутъ у нихъ стала баталія великая
Со тѣми татарами котовскими.
Татара въ нихъ бьютъ со крутой горы,
Стрѣлы летятъ, какъ часты дожди,
А казакамъ взять не можно ихъ. 95
И была баталія цѣлой день,
Прибили казаки тѣхъ татаръ не мало число.
И тому татары дивовалися,
Каковы русски люди крѣпкіе,
Что не едино [1] убить не могутъ ихъ: 100
Каленыхъ стрѣлъ въ нихъ, какъ въ снопики, налѣплено,
Только казаки всѣ невредимы стоятъ;
И тому татары дивуются наипаче того.
Въ то же время пришолъ атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ
Со своею дружиною тою лукою Соуксанскою, 105
Дошелъ до устья Сибирки-рѣки,
И въ то время полонилъ Кучума, царя татарскаго;
А перваго князька поиманнаго
Отпустилъ со извѣстіемъ
Ко тѣмъ татарамъ котовскіимъ, 110
Чтобы они въ дракѣ съ казаками помирилися:

---

[1] Даже.

„Ужъ де царя вашего въ полонъ взяли
„Тѣмъ атаманомъ Ермакомъ Тимофеевымъ“.
И таковы слова услыша, татара сократилися,
И пошли къ нему, Ермаку, съ подарочками, 115
Понесли казну соболиную и бурыхъ лисицъ сибирскіихъ:
И принималъ Ермакъ у нихъ не отсылаючи;
А на мѣсто Кучума царя утвердилъ Сабанака татарина
И далъ ему полномочіе владѣть ими.
И жилъ тамъ Ермакъ съ Покрова 120
До зимняго Николина дня.
Втапоры Ермакъ шилъ шубы соболиныя,
Нахтармами [1] вмѣстѣ сшивалъ,
А теплые мѣхи на верхъ обѣихъ сторонъ;
Таковы жъ манеромъ и шапки шилъ. 125
И убравши Ермакъ со всѣми казаки,
Отъѣзжалъ въ каменну Москву
Ко грозному царю Ивану Васильевичу.
А какъ будетъ Ермакъ въ каменной Москвѣ
На канунъ праздника Христова дня, 130
Втапоры подкупилъ въ Москвѣ
Большого боярина Никиту Романовича,
Чтобы доложилъ объ немъ царю Грозному.
На самой праздникъ Христовъ день,
Какъ изволилъ царь-государь итти отъ заутрени, 135
Втапоры доложилъ объ нихъ Никита Романовичъ:
— Что де атаманы казачіе,
— Ермакъ Тимофеевъ съ товарищи,
— Къ твоему царскому величеству съ повинностью пришли,
— И стоятъ на Красной площади.—
И тогда царь-государь 140
Тотчасъ велѣлъ предъ себя привести
Того атамана Ермака Тимофеева

---

[1] Нахтарма—мездра, изнанка кожи.

Со тѣми его товарищи.
Тотчасъ ихъ ко царю представили 145
Въ тѣхъ шубахъ соболиныихъ;
И царь тому удивляется
И не сталъ больше спрашивати,
Велѣлъ ихъ разослать по фатерамъ
До того часу, когда спросятся. 150
Втапоры царю праздникъ радошенъ былъ,
И было пированіе почестное
На великихъ на радостяхъ,
Что полонилъ Ермакъ Кучума, царя татарскаго,
И вся сила покорилася тому царю Грозному, 155
Царю Ивану Васильевичу.
И по прошествіи того праздника
Приказалъ царь-государь
Того Ермака предъ себя привести.
Тотчасъ ихъ собрали 160
И ко царю представили.
Вопрошаетъ ихъ тутъ царь-государь:
— Гой еси ты, Ермакъ Тимофеевъ сынъ!
— Гдѣ ты бывалъ, сколько по волѣ гулялъ
— И напрасныхъ душъ губилъ, 165
— И какимъ случаемъ татарскаго
— Кучума царя полонилъ
— И всю его татарскую силу
— Подъ мою власть покорилъ?—
Втапоры Ермакъ предъ Грознымъ царемъ на колѣни палъ 170
И письменное извѣстіе обо всемъ своемъ похожденіи подавалъ
И притомъ говорилъ таковыя слова:
„Гой еси, вольной царь, царь Иванъ Васильевичъ!
„Приношу тебѣ, государь, повинность свою:
„Гуляли мы, казаки, по морю синему 175
„И стояли на протокѣ на Ахтубѣ;
„И въ то время годилося мимо итти послу персидскому,

„Карамышеву Семену Костантиновичу,
„Со своими солдаты и матросами;
„И они напали на насъ своею волею 180
„И хотѣли отъ насъ поживитися.
„Казаки наши были пьяные, а солдаты упрямые,
„И тутъ персидскаго посла устукали
„Со тѣми его солдаты и матросами".
И на то царь-государь не прогнѣвался 185
Наипаче умилосердился,
Приказалъ Ермака пожаловати.
И посылалъ его въ ту сторону Сибирскую,
Къ тѣмъ татарамъ котовскіимъ,
Брать съ нихъ дани-выходы въ казну государеву. 190
И по тому приказу государеву
Поѣхалъ Ермакъ Тимофеевичъ
Со своими казаками въ ту сторону Сибирскую.
И будетъ онъ у тѣхъ татаръ котовскіихъ,
Сталъ онъ ихъ наибольше 195
Подъ власть государеву покоряти,
Дани-выходы безъ опущенія выбирати.
И годъ-другой тому времени произойдучи,
Тѣ татара взбунтовалися,
На Ермака Тимофеева напущалися 200
На той большой Енисеѣ-рѣкѣ.
Втапоры у Ермака были казаки разосланы
По разнымъ дальнымъ странамъ,
А при немъ только было казаковъ
На дву коломенкахъ. 205
И билися-дралися съ татарами время не малое,
И для помощи своихъ товарищевъ
Онъ, Ермакъ, хотѣлъ перескочити
На другую свою коломенку
И ступилъ на переходню обманчивую; 210
Правою ногою поскользнулся онъ,

И та переходня съ конца верхняго
Подымалася и на его опущалася,
Расшибла ему буйну голову
И бросила его въ тое Енисею быстру рѣку. 213
Тутъ Ермаку такова смерть случилась.

7. КОНЧИНА ГРОЗНАГО.

а.

Ужъ ты, батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
Изъ за облачка выкатаешься,
Черной тучей закрываешься? 5
У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ, въ золотомъ Кремлѣ,
У Ивана было у Великаго,
У Михайлы у Архангела, 10
У собора у Успенскаго
Ударили въ большой колоколъ.
Раздался звонъ по всей матушкѣ сырой землѣ;
Соѣзжалися всѣ князья-бо́яре,
Собиралися всѣ люди ратные, 15
Въ Успенскій соборъ Богу молитися.
Въ соборѣ-то во Успенскіимъ,
Тутъ стоялъ новъ кипарисовъ гробъ:
Во гробу-то лежитъ православный царь,
Православный царь, Иванъ Грозный Васильевичъ. 20
Въ головахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
У креста лежитъ корона его царская,
Во ногахъ его вострый грозный мечъ.

Животворящему кресту всякій молится,
Золотому вѣнцу всякій кланится, 25
А на грозенъ мечъ взглянетъ,—всякъ ужахнется.
Вокругъ гроба горятъ свѣчи восковыя,
Передъ гробомъ стоятъ все попы-патріархи,
Они служатъ-читаютъ, память отпѣваютъ,
Отпѣваютъ память царю православному, 30
Царю Грозному Ивану Васильевичу.

б.

У Ивана было у Великаго,
У собора было у Успенскаго,
У честной-славной заутрени
Молодой сержантъ на часахъ стоитъ,
На часахъ стоитъ, Богу молится, 5
Горючми́ слезми́ заливается:
„Ты возмой-возмой, туча грозная,
„Ты пролей-ка частъ-силенъ дождичекъ,
„Промочи-ка мать сыру́ землю!
„Разступись-ка ты, мать сыра земля, 10
„На четыре ты на всѣ стороны!
„Раскройся-ка, гробова доска,
„Распахнись-ка ты, бѣлъ-тонко́й саванъ,
„Ты возстань, возстань, православный царь,
„Царь Иванъ Васильевичъ! 15
„Погляди-ка ты на свою силу:
„Твоя силушка утомленная,
„Утомленная, не кормленная,
„Твой любимый полкъ во походъ пошелъ,
„Во походъ пошелъ подъ Казань городъ“. 20

В.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ было высокіихъ
Не ясно солнышко выкаталося,—
Выходила тутъ благовѣрная царица,
Благовѣрная царица Марфа Матвѣевна; 5
По мосту-мосту по калиновому,
По сукну-сукну багрецовому
Ужъ какъ шла царица благовѣрная,
Благовѣрная царица Марфа Матвѣевна,
Приходила она къ церкви соборноей, 10
Закричала она громкимъ голосомъ:
„Ужъ а есть ли у церкви церковнички [1]?
„Отпирали бы церковь соборную,
„Что впущали бъ царицу благовѣрную!“
Что входила царица въ церковь соборную, 15
На три стороны помолилася,
На четвертую она только взозрила,
Какъ увидѣла гробницу бѣлу-каменную,
Закричала царица громкимъ голосомъ:
„Охъ, ты гой еси, благовѣрный царь, 20
„Благовѣрный царь Иванъ Васильевичъ!
„Что ты спишь крѣпко—не проснешься?
„Безъ тебя все царство помутилося,
„Всѣ стрѣльцы-бойцы взволновалися,
„Всѣхъ князей-бояръ во тынахъ рубятъ, 25
„А меня-то, царицу, не слушаютъ!“
— Ахъ, ты гой еси, царица благовѣрная,
— Благовѣрная царица Марфа Матвѣевна!
— Ужъ и мы-то тебя слушаемся,
— Ужъ и мы-то тебѣ повинуемся!— 30

[1] Причетники.

III. СМУТНОЕ ВРЕМЯ И XVII ВѢКЪ.

I. Григорій Отрепьевъ (1606 г.). Первоначально, надо полагать, тенденціозно пущенная въ народный оборотъ по убіеніи царя Димитрія Іоанновича пѣсня, гласившая, будто на московскомъ престолѣ сидѣлъ бѣглый разстрига Григорій Отрепьевъ, она осталась въ народныхъ устахъ въ ограниченномъ числѣ перепѣвовъ. Въ пѣснѣ сконцентрированы всѣ тѣ ходячія обвиненія противъ самозванца, которыя, по народному представленію и разумѣнію, и дѣлали его не настоящимъ царемъ, какимъ царь рисовался обычно въ умахъ большинства въ XVI—XVII в., а потому и должны были привести Димитрія къ трагической развязкѣ его исторіи; здѣсь же отложился и намекъ на Марину, жену Димитрія, какъ иноземку, къ тому же католичку и польку, притомъ еще оборотня-колдовницу. Самый же моментъ смерти Димитрія переданъ пѣсней въ большинствѣ случаевъ сжато („придали смерть скорую") и звучалъ довольно глухо въ въ рядѣ перепѣвовъ. Фактическая сторона событія, положеннаго въ основу пѣсни, въ немногихъ словахъ, какъ извѣстно, сводится къ слѣдующему: въ ночь съ 16-го на 17-е мая 1606 г. заговорщики заняли всѣ выходы изъ Кремля, подъ утро, часу въ четвертомъ, ударили въ набатъ по всей Москвѣ; народъ хлынулъ къ Кремлю, гдѣ уже заранѣе собрались бояре-заговорщики во главѣ съ Василіемъ Шуйскимъ. Шуйскій съ немногими приверженцами въѣхалъ въ Кремль, куда за ними двинулась и толпа, направляясь къ Успенскому собору, потребовала отъ охранявшаго дворецъ Басманова выдачи самозванца, убила Басманова и стала искать Димитрія; увидавъ опасность, Димитрій выскочилъ изъ спальни, пробовалъ пробраться въ каменный дворецъ, полѣзъ въ окно, но упалъ съ 15-тисаженной высоты на землю на Житномъ дворѣ, при чемъ сломалъ ногу и жестоко расшибъ грудь; здѣсь онъ былъ подхваченъ толпой и, послѣ опроса царицы Марѳы [1],

---

[1] Эта подробность сохранена также иными варіантами пѣсни.

отказавшейся теперь отъ него, былъ разстрѣлянъ и добитъ толпою. Марина спасена была прибывшими во́ время боярами-заговорщиками и отправлена въ домъ ея отца Юрья Мнишка. Сопоставленіе историческихъ фактовъ и содержанія пѣсни достаточно уясняетъ отношеніе ихъ другъ къ другу: пѣсней взятъ и разработанъ, по обыкновенію, лишь кульминаціонный пунктъ событія, вокругъ коего сгруппированы въ видѣ поэтическаго элемента слухи, ходившіе относительно загадочной личности не то царя, не то самозванца.

2. Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій (1610 г.) Молодой герой, самый популярный изъ дѣятелей ранней эпохи Смутнаго времени, князь М. В. Скопинъ-Шуйскій внезапно умеръ въ самый разгаръ своей дѣятельности, отъ которой ждали въ народѣ спасенія цѣлой Россіи, начавшей уже разлагаться въ Смутѣ. Эта неожиданная, быстрая смерть не только должна была поразить массы, успѣвшія уже полюбить молодого воеводу, но должна была вызвать, разумѣется, и много толковъ. Достовѣрная исторія сообщаетъ лишь слѣдующія подробности смерти М. Скопина-Шуйскаго: 23 апрѣля 1610 года М. Скопинъ, послѣ торжественнаго въѣзда въ Москву, на крестинахъ у князя Ивана Михайловича Воротынскаго внезапно занемогъ кровотеченіемъ изъ носа и послѣ двухнедѣльной болѣзни скончался. Но уже современники сообщаютъ, что по Москвѣ тогда же пошли слухи объ его смерти отъ отравы: его отравила („испортила"), якобы, его же тетка, жена кн. Димитрія Шуйскаго Екатерина Григорьевна (дочь знаменитаго своей печальной извѣстностью Малюты-Скуратова, сестра царицы Марьи Годуновой); псковскій лѣтописецъ (очевидно, передавая ходившій уже слухъ) [1] прямо сообщаетъ, что чашу съ отравой Скопину поднесла Шуйская, выполняя, якобы, планъ сторонниковъ самого царя Василія Шуйскаго,

[1] Такъ заставляетъ думать та странная путаница, которую находимъ въ псковскомъ разсказѣ (ее въ свое время отмѣтилъ уже С. М. Соловьевъ): Шуйская здѣсь названа не Екатериной, а Христиной (м. б. это произошло вслѣдствіе путаницы словъ: „крестины"—„хрестины"?).

завидовавшаго популярности своего родича. Пѣсня, какъ видимъ, сохранила довольно исправно отдѣльныя подробности современныхъ слуховъ о смерти народнаго героя: она знаетъ и про крестины, гдѣ обнаружилась роковая болѣзнь Скопина, прозрачно намекаетъ на подкладку злодѣянія ("бояре", т.-е. завистники его, сторонники царя, „все зло надумали"), знаетъ н его куму, именно дочь Малютину, виновницу отравленія, упоминаетъ и о чарѣ съ отравой, знаетъ, что Скопинъ скоро послѣ этого (но не тотчасъ) померъ. Роль матушки Скопина, пытавшейся будто бы предотвратить бѣду, есть, конечно, уже поэтическая разработка фабулы при помощи мотива, и помимо даннаго случая, встрѣчающагося въ устной поэзіи (ср. въ былинахъ о Добрынѣ-змѣеборцѣ и Добрынѣ и Маринкѣ, т. I, стр. 15 и 38).

Вторая пѣсня о той же смерти Скопина-Шуйскаго (она записана была уже въ 1619—20 гг. для Р. Джемса въ самой Москвѣ) сложилась, внѣ сомнѣнія, вскорѣ послѣ кончины Скопина, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія и притомъ независимо отъ первой пѣсни; поэтому-то она и передаетъ не столько фактъ, сколько то чувство огорченія, которое должна была возбудить—и на самомъ дѣлѣ возбудила— кончина народнаго любимаго героя; поэтому-то пѣсня эта, какъ создавшаяся по горячему слѣду событія, въ гораздо большей степени лирична, нежели „эпична". Чувство это передано, повидимому, вполнѣ правдиво: стоитъ только вспомнить тѣ надежды, которыя возлагались на Скопина-Шуйскаго въ стонущей подъ бременемъ скоплявшихся обстоятельствъ Москвѣ, тѣ ликованія, которыми незадолго передъ тѣмъ встрѣчала та же Москва своего будущаго избавителя, и всю трагичность неожиданной смерти народнаго любимца въ расцвѣтѣ силъ и дѣятельности. Правдивъ намекъ и на огорченіе и измѣненіе поведенія „Свейскихъ нѣмцевъ" по смерти Скопина: какъ извѣстно, видная роль въ успѣхахъ Скопина принадлежала этимъ хорошо дисциплинированнымъ „Свейскимъ нѣмцамъ", которыхъ подъ предводительствомъ Делагарди и Горна велъ съ собою Скопинъ на освобожденіе Москвы; по смерти же Скопина,

какъ разъ, начались неудачи для русскихъ, при чемъ именно въ это время и „нѣмцы“ перестали имъ помогать, уйдя въ свою землю („измѣнили“); послѣ этого же Дим. Шуйскій (какъ разъ, мужъ той Екатерины, которой приписывалось отравленіе Скопина), смѣнившій Скопина на воеводствѣ, долженъ былъ со срамомъ отступить изъ-подъ Клушина передъ поляками.

3. Убіеніе кн. Ив. Карамышева (1630 г.). Пѣсня иллюстрируетъ тѣ неровныя отношенія, которыя еще въ XVII вѣкѣ продолжались и послѣ Смуты на окраинахъ Московскаго государства у правительства съ безпокойнымъ подвижнымъ казачествомъ, которое, офиціально признавая московское правительство, не ограничивалось своевольными походами на сосѣдей, осложнявшими международныя отношенія Москвы, въ частности къ Турціи и татарамъ, но иногда, пользуясь отдаленностью отъ правительственнаго центра, вступало въ рѣзкій конфликтъ съ самой Москвой; положеніе Москвы въ такихъ случаяхъ оказывалось двусмысленнымъ: какъ государство, дорожившее съ трудомъ налаживавшимися внѣшними отношеніями, Москва не должна была одобрять и должна была сдерживать произвольныя выступленія казаковъ, отвѣчать за нихъ передъ сосѣдями, сваливать съ себя вину за эти выступленія противъ сосѣдей; съ другой стороны, казаки, какъ готовая внушительная сила для защиты границъ, ей были необходимы и также дороги,—и Москва, словесно карая казаковъ, на дѣлѣ должна была часто въ душѣ одобрять ихъ поведеніе, идти на мировую съ провинившимися передъ нею казаками. Такъ было и въ 1630 году. Въ іюлѣ этого года обычнымъ путемъ, черезъ Донъ, ѣхало изъ Москвы въ Царьградъ посольство для заключенія союза съ Турціей противъ Польши, при чемъ съ этимъ же посольствомъ ѣхалъ къ казакамъ съ царской грамотой кн. Иванъ Карамышевъ. Въ грамотѣ казакамъ приказывалось соединиться и быть въ распоряженіи турецкаго паши для совмѣстныхъ дѣйствій противъ поляковъ; казаки такимъ распоряженіемъ были недовольны, считая для себя невозможнымъ идти подъ командой не московскаго воеводы, а традиціоннаго врага

казачества—турка, а потому отказывались подчиниться царскому приказу. Передъ приходомъ Карамышева на Донъ сюда проникли еще слухи, будто этотъ Карамышевъ самъ напросился ѣхать на Донъ, чтобы принудить силой казаковъ исполнить приказаніе изъ Москвы, при чемъ онъ рѣшился, якобы, не останавливаться передъ крутыми мѣрами противъ казаковъ, будетъ ихъ „побивать и вѣшать". Возбужденные этими слухами и безъ того недовольные, казаки встрѣтили царскаго посла враждебно, избили его до крови, втащили въ свой казачій кругъ, избили еще круче и, несмотря на увѣщанія пословъ, еле живого бросили въ Донъ, а пословъ отпустили спокойно ѣхать дальше на Азовъ. Несмотря на всю возмутительность поступка, Москва принуждена была оставить и на этотъ разъ казаковъ безнаказанными: предстоявшая тяжелая война съ Польшей заставляла поддерживать хорошія отношенія съ казаками, вооруженная сила коихъ была теперь такъ нужна государству. Вотъ историческая подкладка пѣсни въ обѣихъ ея редакціяхъ, изъ которыхъ каждая сохранила отзвуки отдѣльныхъ подробностей самого событія: одна сохранила фамилію Карамышева (хотя назвала его Семеномъ, жившимъ раньше Ивана и въ посольство не ходившимъ), другая—отзвуки слуховъ о немъ же, будто бы собиравшемся „всѣхъ казаковъ перевѣшать", память о томъ, что тѣло Карамышева было брошено въ Донъ, а также о томъ, что казаки и послѣ убіенія пошли на мировую съ московскимъ царемъ; обѣ согласно говорятъ, что во всей этой исторіи сыграли роль царскія грамоты, хотя содержаніе ихъ уже забыто; но что указъ этихъ грамотъ былъ строгъ и непріятенъ для казаковъ, показываетъ первая пѣсня, по которой уже самый указъ, еще до его оглашенія, заставилъ казаковъ задуматься и рѣшиться на убійство гонца. Въ первой пѣснѣ начало, замѣнившее Донъ Камышъ-рѣкой, должно быть признано уже позднѣйшимъ измѣненіемъ первоначальнаго текста; то же надо сказать и о мотивѣ убійства, приводимомъ второй редакціей пѣсни, что́ наглядно видно уже изъ несогласованности 4-го стиха этой редакціи съ окончаніемъ пѣсни (съ 15-го стиха).

4. Взятіе Азова (1637 г.). Съ значительной долей вѣроятія эту пѣсню можно относить къ событію именно 1637 года: невозможность категорическаго пріуроченія пѣсни къ тому или иному изъ взятій Азова объясняется тѣмъ, что дѣла Москвы по отношенію съ ея стороны и со стороны казаковъ къ Азову, излагаемыя довольно многочисленными пѣснями о взятіи Азова, ясно не отмѣчаютъ, какое собственно взятіе его онѣ имѣютъ всякій разъ въ виду: совершившееся ли въ 1590 году, при Михаилѣ ли Ѳедоровичѣ въ 1637-мъ, или, наконецъ, при Петрѣ Великомъ въ 1695-мъ? Сами пѣсни, въ различныхъ варьянтахъ вліявшія другъ на друга, при общемъ сходствѣ содержанія и при его несложности, могутъ быть относимы то къ первому, то ко второму, то къ третьему взятію; одна и та же пѣсня путемъ легкой передѣлки, не всегда ясной по мотивамъ, пріурочивается то къ событію 1637-го, то 1695 года. За то, что печатаемая ниже пѣсня имѣетъ въ виду, скорѣе всего, завоеваніе казаками Азова при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, говорятъ нѣкоторыя детали пѣсни, сближающія ее болѣе съ взятіемъ 1637 года, нежели 1695-го, а тѣмъ болѣе 1590-го. Насколько можно возстановить фактически событія 1637 года, дѣло взятія казаками Азова представляется приблизительно въ такомъ видѣ: желая поправить свои достатки, донскіе казаки въ 1636 году задумали захватить турецкій, тогда укрѣпленный, Азовъ, но у нихъ не было достаточно боевыхъ запасовъ для такого предпріятія; поэтому они предварительно черезъ своихъ пословъ обратились въ Москву съ просьбой о помощи насчетъ снаряженія; но отсюда ограничились только обѣщаніемъ. Подъ вліяніемъ слуховъ, что посылаемые къ нимъ по этому поводу изъ Москвы послы настроены противъ казаковъ, донцы избили пословъ, пригласили отъ себя къ участію въ предпріятіи изъ Астрахани юртовскихъ татаръ, и 18 іюня 1637 года Азовъ былъ казаками взятъ, при чемъ перебито было населеніе города, пощажены были только христіане-греки, освобождены русскіе плѣнники, а затѣмъ было послано въ Москву извѣстіе о совершившемся. Здѣсь были и довольны успѣхами казаковъ, и недовольны

взятіемъ Азова: полученіе, хотя на время, важной въ стратегическомъ отношеніи крѣпости было выгодно, а взятіе Азова у турокъ вело къ неизбѣжному съ ними столкновенію. Поэтому, въ отвѣтъ на извѣщеніе, казакамъ была послана изъ Москвы суровая грамота съ упрекомъ, что казаки взяли Азовъ „воровствомъ", но фактически ничего сдѣлано не было для улаженія дѣла (сентябрь 1637 г.). Казаки остались владѣть Азовомъ т. о. за свой страхъ и держали его до 1643 года, за это время геройски выдержали осаду громаднаго войска (до 140 тысячъ) султана Ибрагима (1641 г.), и опять обратились въ Москву, на этотъ разъ уже съ просьбою взять Азовъ подъ высокую руку Московскаго государя. Принятіе города Москвой, естественно, опять грозило ей войной съ Турціей; поэтому собранъ былъ въ Москвѣ соборъ, гдѣ послѣ горячихъ споровъ рѣшено было отказать въ просьбѣ казакамъ, а Азовъ приказано было возвратить туркамъ. Лишенные нравственной поддержки за свои подвиги, а также матеріальной помощи изъ Москвы, казаки принуждены были покинуть Азовъ, что́ они и сдѣлали, но предварительно разграбивъ его дотла, и ушли къ себѣ на Донъ.

Если сопоставить только что изложенный ходъ событій 1636—37 гг. съ лучшимъ варіантомъ пѣсни объ Азовѣ (онъ и печатается здѣсь), то можно усмотрѣть точки соприкосновенія между ними, а слѣдовательно, и предположить, что въ пѣснѣ, дѣйствительно, нашло себѣ отзвукъ кое-что изъ событій азовскихъ этого времени. Во-первыхъ, по пѣснѣ видно, что казаками, какъ и въ дѣйствительности, при ихъ намѣреніи захватить Азовъ руководила цѣль—„придобытчиться" (вѣроятно, хотя въ пѣснѣ и не указано, потому, что просьба о помощи изъ Москвы оказалась тщетной); во-вторыхъ, какъ и въ дѣйствительности, походъ казаковъ, и по пѣснѣ, былъ дѣломъ ихъ произвола; въ-третьихъ, Азовъ былъ взятъ казаками хитростью, по пѣснѣ, что́ въ Москвѣ, повидимому, опредѣлили, не только какъ произволъ („воровство"), но и какъ неожиданность; наконецъ, и по пѣснѣ, хотя и при иныхъ условіяхъ (этому объясненіе найдемъ въ пріемахъ творчества,

стремящагося къ конкретности, въ то же время сжатости и экспрессіи выраженія), Азова казакамъ пришлось лишиться. Что же касается самой хитрости, при помощи которой Азовъ былъ захваченъ, то въ данномъ случаѣ мы видимъ довольно обычное въ устной поэзіи примѣненіе бродячаго мотива, встрѣчаемое даже въ самой исторической (въ частности, въ казачьей же) [1] пѣснѣ: такой пріемъ, по пѣснѣ, употребилъ, напр., Никита Ѳедоровичъ Одоевскій при завоеваніи Астрахани. Поэтому-то не удивительно, что взятіе Азова въ 1637 г. (оставившее, кстати сказать, по себѣ крупный слѣдъ и въ книжной литературѣ, не только чисто исторической, но и поэтической, и даже въ малорусской устной поэзіи, стоящей, впрочемъ, въ этомъ случаѣ въ зависимости отъ великорусской), само по себѣ скудное по деталямъ, но имѣвшее главный притягательный интересъ въ упомянутой въ пѣснѣ хитрости, пришло на память и позднѣе, при сложеніи пѣсни о взятіи того же Азова Петромъ I (1695 г.): пѣсня петровскаго времени — не что иное, какъ перелицовка примѣнительно къ личности и времени Петра той же пѣсни о событіи 1637 года; историческія обстоятельства завоеванія Азова Петромъ не дадутъ, ясно, уже тѣхъ общихъ и косвенныхъ точекъ соприкосновенія съ пѣсней, какія предположительно намѣтились для пѣсни 1637 года.

Остается замѣтить, что отнесеніе пѣсни о взятіи Азова къ историческому событію 1590 года (когда казаки, пограбивъ Азовъ, ушли въ степь, гдѣ перепились и были вырѣзаны настигшими ихъ турками) имѣетъ за себя еще меньше данныхъ для сближенія, нежели петровская пѣсня объ Азовѣ.

5. Земскій соборъ при Алексѣѣ Михайловичѣ 1654 г.). Пѣсня, повидимому, отразила не одинъ опредѣленный эпизодъ изъ долгой и сложной борьбы царя Алексѣя за возвращеніе въ составъ Русскаго государства когда-то отторгнутыхъ

[1] А данную пѣсню слѣдуетъ отнести къ числу такихъ, которыя, будучи сложены первоначально въ казачьей средѣ, стали потомъ достояніемъ и сѣверной эпической традиціи.

русскихъ областей на западѣ, но, по примѣру болѣе раннихъ пѣсенъ (напр., о взятіи Казани), остановила свое вниманіе только на наиболѣе яркомъ и важномъ эпизодѣ изъ этой борьбы—возвращеніи Смоленска,—сосредоточивъ около этого факта и общее впечатлѣніе всей этой боевой эпопеи и изобразивъ это впечатлѣніе въ видѣ воспоминанія о другихъ событіяхъ аналогичнаго характера, использовала ихъ для выраженія настроеній общества всего этого времени.

Извѣстны попытки московскаго правительства середины XVII вѣка возможно шире использовать свои международныя сношенія въ интересахъ возсозданія нормальныхъ границъ государства, каковы: утвердиться въ прибалтійской окраинѣ, пробиться къ морю за счетъ Швеціи, вмѣшательство въ дѣла польскія подъ предлогомъ рѣшенія вопроса о русскихъ областяхъ на Литвѣ и т. д.; стремленія эти находили себѣ выраженіе въ рядѣ собраній (съѣздовъ) договаривающихся сторонъ, гдѣ принимали участіе представители даже довольно отдаленныхъ западныхъ странъ (напр. Франціи), перемежались по временамъ военными столкновеніями. Все это закончилось, какъ извѣстно, въ первой стадіи, Столбовскимъ миромъ. Съ другой стороны, и внутри страны шла напряженная дѣятельность, выражавшаяся въ земскихъ соборахъ, особенно частыхъ въ правленіе Михаила Ѳедоровича, не прекращавшихся, хотя и ставшихъ болѣе рѣдкими, и при его сынѣ; соборы эти должны были рѣшать вопросы не только внутренней, но по временамъ и внѣшней политики. Этимъ объясняется тотъ пріемъ, который находимъ въ пѣснѣ, для выраженія характерной черты эпохи, эпохи съѣздовъ, соборовъ; вопросъ о Смоленскѣ, по пѣснѣ, составляетъ предметъ соборнаго рѣшенія (такого собора исторія не знаетъ), а самый вопросъ ставится въ формѣ международныхъ отношеній: по словамъ царя, ему пишетъ король шведскій, предлагая вымѣнять Смоленскъ на Хинскую (Китайскую?!) землю. Въ такомъ пріемѣ, повидимому, слѣдуетъ видѣть своеобразное отраженіе взглядовъ составителя пѣсни, не могшаго въ полной мѣрѣ оцѣнить, но чувствовавшаго важное

значеніе совершавшагося въ его время: онъ и выразилъ это представленіе при помощи фактовъ иного времени, приписавъ имъ тѣсную связь съ однимъ изъ дѣйствительно крупныхъ событій своего времени: возвращеніемъ путемъ переговоровъ (а такіе и въ дѣйствительности велись между русскими, осаждавшими Смоленскъ, и поляками и закончились сдачей города царю) важнаго пункта, обладанія которымъ тщетно добивалось русское правительство (ср. неудачный походъ передъ тѣмъ боярина Шеина). Что въ данной пѣснѣ идетъ, въ самомъ дѣлѣ, рѣчь именно о сдачѣ Смоленска въ 1654 году, указываетъ присутствіе въ ней имени Милославскаго, рѣшившаго на соборѣ вопросъ о Смоленскѣ въ пользу Москвы: въ переговорахъ о сдачѣ города принимали участіе, дѣйствительно, Милославскіе (Иванъ Богдановичъ и Семенъ Юрьевичъ, а не Данило, какъ онъ названъ въ пѣснѣ) и Артамонъ Матвѣевъ, которые и довели эти переговоры до благополучнаго для Москвы результата.

6. Царь Алексѣй подъ Ригою (1656 г.). Переговоры въ связи со Столбовскимъ миромъ, закончившіеся, между прочимъ, уступкой Москвѣ Смоленска, вызвали въ то же время столкновеніе ея со Швеціей: двуличное поведеніе Швеціи между Москвой и Польшей не могло удовлетворить московское правительство, а, съ другой стороны, давало удобный предлогъ къ попыткѣ пробиться къ морю и въ то же время присоединить кое-какія русскія области на западѣ; по этимъ соображеніямъ московское правительство въ 1656 г. 17 мая объявило войну Швеціи, а царь еще 15-го двинулся изъ Москвы къ Финскому и Рижскому заливамъ, быстро по дорогѣ захватывая русскіе и шведскіе города: Полоцкъ, Динабургъ, Кокенгаузъ и др., и 23 августа осадилъ Ригу. Но здѣсь успѣхи его кончились: простоявъ подъ городомъ до 2 октября, онъ потерпѣлъ пораженіе отъ вышедшаго изъ города съ войсками Магнуса Делагарди. Эта неудача была тѣмъ тяжелѣе, что противъ русскихъ теперь возстали окружные крестьяне, до сихъ поръ радушно ихъ встрѣчавшіе, началось трудное осеннее время, сталъ остро ощущаться недостатокъ кормовъ

для утомленной уже долго затянувшимся походомъ арміи; къ тому же пошли упорные слухи, что на выручку Ливоніи идетъ самъ король шведскій Карлъ X. Все это заставило царя снять осаду города и отступить въ Полоцкъ, ограничившись присоединеніемъ Дерпта. Эти-то тяжелыя обстоятельства похода, создавшія не менѣе тяжелое настроеніе въ войскѣ, осаждавшемъ Ригу, отъѣздъ царя изъ арміи и имѣетъ своимъ предметомъ пѣсня, довольно вѣрно, какъ видимъ, отразившая настроеніе, вызванное неудачнымъ походомъ.

7. Стенька Разинъ и его сынъ (1670 г.). Большинство пѣсенъ, посвященныхъ бунту С. Разина въ его мелкихъ и значительныхъ эпизодахъ, вышло преимущественно изъ круговъ казацкихъ и разбойничьихъ и поэтому, на основаніи высказанныхъ выше (см. стр. 334) соображеній, не можетъ имѣть мѣста среди „историческихъ" пѣсенъ въ тѣсномъ смыслѣ этого термина, относясь къ спеціальной группѣ пѣсенъ мѣстнаго характера, хотя и выросшихъ на основахъ общей исторической пѣсни. Но всеже нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ, въ виду сравнительно крупнаго значенія событія, лежащаго въ ихъ основѣ, получили и болѣе широкое, нежели мѣстное, распространеніе и восприняты были традиціей общей исторической пѣсни, почему мы находимъ ихъ также въ репертуарахъ пѣвцовъ даже далекаго Сѣвера и центра Великороси. Такимъ выдающимся событіемъ изъ эпохи Разинскаго бунта было взятіе Степаномъ Астрахани (1670 г., 24 іюня). Фактическая исторія этого событія даетъ приблизительно слѣдующее: прощенный царемъ за прежнія свои дѣянія, Разинъ въ сентябрѣ 1669 года ушелъ на Донъ, но въ апрѣлѣ слѣдующаго года онъ опять появляется на Волгѣ во главѣ значительной дружины (до десяти тысячъ, по словамъ современныхъ источниковъ), взялъ Царицынъ, Камышинъ и направился на Астрахань, пославъ туда предварительно своихъ агентовъ („сынковъ") для привлеченія на свою сторону стрѣльцовъ и посадскихъ людей. Хотя одинъ изъ такихъ „сынковъ" и былъ пойманъ въ Астрахани, пытанъ и повѣшенъ, агенты Разина свое дѣло сдѣлали: защитники и посад-

скіе города въ значительномъ большинствѣ перешли на сторону вольницы, стали въ моментъ появленія Стеньки дѣйствовать противъ астраханскаго воеводы кн. Прозоровскаго, и Астрахань быстро перешла въ руки Разина. Онъ захватилъ тяжело раненаго воеводу, бросилъ его въ Волгу, сталъ грабить городъ и неистовствовалъ здѣсь и около по Волгѣ до октября мѣсяца, пока не потерпѣлъ неудачи подъ Симбирскомъ, послѣ чего опять бѣжалъ на время на Донъ. Это взятіе Астрахани и имѣетъ въ виду пѣсня, представивъ дѣло въ видѣ мести Разина за заключеніе въ тюрьму его сына (на дѣлѣ не существовавшаго) и въ видѣ похода для его освобожденія [1].

8. Осада Соловецкаго монастыря (1668—76 гг.). Предметъ пѣсни—знаменитое въ исторіи старообрядства „Соловецкое сидѣнье", осада монастыря посланнымъ изъ Москвы стрѣлецкимъ отрядомъ, который долженъ былъ принудить монаховъ признать и принять церковную реформу Никона. Пѣсня, какъ обычно, обработала одинъ, финальный, моментъ этой, семь лѣтъ тянувшейся борьбы и сложена съ явнымъ сочувствіемъ „старой вѣрѣ", въ связи съ чѣмъ и приняла въ свой составъ эпизоды, не имѣвшіе мѣста въ дѣйствительности, и тѣмъ подчеркнула свое отношеніе къ основному факту. Въ дѣйствительности же дѣло московскаго правительства съ Соловецкимъ монастыремъ (въ немногихъ словахъ) обстояло такъ. Когда, по постановленію церковнаго собора и по настоянію антіохійскаго патріарха Макарія, рѣшено было не останавливаться передъ принудительными мѣрами при проведеніи церковной реформы, стали силой отбирать старыя книги и силой же запрещать старые церковные обряды, признанные неисправными; это вызвало во многихъ мѣстахъ сильное броженіе и прямые протесты; особенно же энергичное сопротивленіе встрѣтила эта неудачная мѣра въ Соловецкомъ

---

[1] Пѣсня эта, между прочимъ (раздѣленная на двѣ отдѣльныхъ), нашлась въ записи А. С. Пушкина въ числѣ другихъ разинскихъ; онѣ, кажется, подобно другимъ, нѣсколько стилизованы были поэтомъ.

монастырѣ, уже въ силу своего положенія пользовавшемся значительной независимостью и давно ставшемъ центромъ духовной и экономической жизни на нашемъ Сѣверѣ. Послѣ безрезультатныхъ словесныхъ препирательствъ между монастыремъ и центральной духовной властью по поводу новыхъ книгъ и обрядовъ, царь, къ содѣйствію котораго обратились духовныя власти, хотя въ душѣ и не сочувствовалъ крутымъ мѣрамъ собора, принужденъ былъ послать въ 1668 году подьячаго Игнатія Волохова съ сотней стрѣльцовъ въ Соловки для укрощенія строптивыхъ монаховъ; но съ такой ничтожной горстью вооруженныхъ людей Волоховъ сдѣлать ничего не могъ: отлично вооруженный, многолюдный монастырь легко отражалъ всѣ попытки стрѣльцовъ овладѣть монастыремъ. Занятое болѣе существенными военными дѣлами на Волгѣ (шла борьба съ С. Разинымъ), государство не могло дѣйствовать рѣшительно съ Соловками, и безплодная осада монастыря, получавшаго къ тому же подкрѣпленія и запасы съ материка, чему даже воспрепятствовать не могли люди Волохова, затянулась до 1672 года; и только въ этомъ году, когда дѣла на Волгѣ были закончены, Волохова смѣнилъ стрѣлецкій голова Клементій Іевлевъ, пришедшій съ 725 новыми стрѣльцами на помощь прежней горсти; но и онъ, не имѣя достаточно боевыхъ припасовъ и снаряженія для осады превращеннаго въ крѣпость и безъ того трудно доступнаго монастыря, ничего съ монахами подѣлать не могъ: они упорно отказывались принять новыя книги, увѣренные, что, защищая старину, они защищаютъ преданіе великихъ соловецкихъ чудотворцевъ, и не пускали стрѣльцовъ въ ограду монастыря. На смѣну Іевлева въ слѣдующемъ году посланъ былъ изъ Москвы воевода Иванъ Мещериновъ, который съ 1674 года и повелъ уже правильную осаду монастыря, а сверхъ того старался использовать рознь, возникшую среди защитниковъ обители по поводу отношеній къ правительству (одни стояли за полный разрывъ съ нимъ, другіе — за разрывъ только съ духовными властями). Въ 1675 г. Мещеринову прислано было еще 800 стрѣльцовъ, но и теперь попыт-

ка взять монастырь приступомъ терпѣла неудачу, и только въ январѣ слѣдующаго года стрѣльцамъ удалось проникнуть въ монастырь и овладѣть имъ, и то вслѣдствіе измѣны: перебѣжчикъ, монахъ Ѳеоктистъ, указалъ Мещеринову мѣсто въ стѣнѣ, слегка заложенное камнями, привелъ къ нему стрѣльцовъ ночью въ метель, когда монахи спали; стрѣльцы разобрали камни, вошли въ проломъ, отперли ворота и впустили осаждавшихъ. Монастырь былъ взятъ, монахи частью перебиты, частью разосланы въ кольскіе и пустозерскіе остроги, частью же (тѣ, кто подчинился правительству и духовной власти) оставлены въ монастырѣ.

Изъ приведеннаго разсказа ясно, что пѣсня имѣла въ виду изобразить лишь послѣднія времена осады, сохранила имя Мещеринова (въ печатаемой записи она прозрачно замѣнила его: „князь Пещерской"); эпизодъ объ измѣнѣ переданъ также близко въ дѣйствительности, хотя имя измѣнника и не называется; хорошо, хотя и по-своему, образно, использовано пѣсней обстоятельство смѣны воеводъ, тяжелое нравственное состояніе царя, принужденнаго посылать силой водворять „новую вѣру". Все это дано въ конкретныхъ по характеру эпизодахъ, согласно поэтикѣ устной пѣсни; не бѣда, что эпизоды эти фактической пѣнности не имѣютъ: они дали возможность придать поэтическій колоритъ изложенію, дать то истолкованіе событію, какого желалъ составитель пѣсни.

9. Смерть царя Алексѣя (1676 г.). Какъ въ откликахъ на смерть Грознаго, и эта пѣсня, не излагая обстоятельствъ самой кончины, предсмертныхъ распоряженій царя, даетъ только общія мѣста „царскаго погребенія"; всеже и она сохранила отзвукъ дѣйствительности въ концѣ: на погребеніи присутствуютъ, по ней, двое сыновей и дочь царя: это—Иванъ и Петръ, будущіе цари-двоевластники, и царевна Софья—правительница государства.

10. Князь Василій Голицынъ (1686 г.). Василій Васильевичъ Голицынъ, любимецъ царевны Софьи,—неудачный герой крымскаго похода 1686 года, который долженъ былъ за-

вершиться подчиненіемъ Крыма Москвѣ и новой славой „большого полка двороваго воеводы, царственныя большія печати и государевыхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя“, но кончился полной неудачей и позоромъ самого иниціатора этого крупнаго по задачамъ предпріятія. Громадная по тому времени армія (до ста тысячъ ратниковъ, не считая пятидесяти тысячъ казаковъ съ гетманомъ Самойловичемъ) даже не дошла до Крыма, вернулась назадъ, частью по дорогѣ разбрелась. Если походъ и кончился неудачей, это, однако, не помѣшало всемогущему расположеніемъ Софьи Голицыну получить торжественную встрѣчу въ Москвѣ, награды въ качествѣ якобы побѣдителя.

Пѣсня носитъ на себѣ явно насмѣшливый по отношенію къ Голицыну тонъ и опредѣленно выражаетъ свое отношеніе къ герою ея; варьянты же ея даже прямо подчеркиваютъ свое отрицательное къ нему отношеніе, сдѣлавши дополненіе къ старшей редакціи пѣсни, болѣе точно отобразившей дѣйствительное положеніе дѣла: эта старшая редакція, хотя и назвала Голицына „первымъ измѣнщикомъ“, всеже останавливается на испрошеніи имъ награды въ видѣ „славнаго Ярославля городочка“; позднія —прямо говорятъ объ отказѣ въ наградѣ или даже о пожалованіи Голицына „двумя столбами съ перекладиной“ и „петелькой шелковой“, нарушая тѣмъ соотвѣтствіе содержанія пѣсни дѣйствительности.

1. ГРИГОРІЙ ОТРЕПЬЕВЪ.

Да на что на насъ Господь Богъ прогнѣвался,
Да сослалъ намъ Господь Богъ прелестника
И вора Гришку разстригу Отрепьева?
И не успѣлъ онъ воръ собака на царство сѣсть,
И похотѣлъ воръ собака женитися, 5
И не у насъ въ Москвѣ, на святой Руси,
Да во той во землѣ, въ проклятóй Литвѣ:
Да у Юрья у пана орды польскія
Да беретъ онъ Маришку дочь Юрьевну.
Его свадьба была не въ указной день: 10
Да на вешній праздникъ Миколинъ день:
Да бояра-ты пошли ко заутрени,
Да Гришка съ Маришкой въ бáину пошолъ;
Да бояра-ты идутъ отъ заутрени,
Да и Гришка съ Маришкой изъ баины иде. 15
Да на Гришкѣ-то шуба черна соболя,
На Маришкѣ салопъ краснаго золота.
Говоритъ-де вдова благочестивая:
„Ужъ вы глупые бояре, неразумные!
„Да убитъ нашъ царевичъ во Углицкомъ, 20
„Да во томъ ли во соборѣ во Архангельскомъ [1]“.

---

[1] Т.-е. мощи царевича Димитрія—въ Архангельскомъ соборѣ (куда онѣ при Шуйскомъ перенесены изъ Углича)—анахронизмъ. Вдова—царица Марѳа.

Да и тутъ-де бояра догадалися,
Да и скоро до Григорья добиралися.
Да и эта Маришка, дочь Юрьевна, 25
Обвернулась изъ окошка сорокою.
Да этотъ Гришка Отрепьевъ-отъ
Выпадалъ изъ окошка о середу,
О середу кирпичную убился и до́ смерти [1].
Дунай, Дунай, болѣ впередъ не знай! 30

---

[1] Окончаніе въ другомъ варьянтѣ такое:
Стоитъ Гришка разстрижка, Отрепьевъ сынъ,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Держитъ книгу въ рукахъ волшебную,
Волхвуе Гришка разстрижка, Отрепьевъ сынъ:
„Я стоялъ же Гришка нунь три годы,
„Простою я тридцать лѣтъ".
Заглянулъ въ окошко косевчато:
Обступила сила кругомъ вокругъ,
Все сила съ копьями.
Гришка разстрижка, Отрепьевъ сынъ,
Думаетъ умомъ своимъ царскіимъ:
„Подѣлаю крыльица дьявольски,
„Улечу нунь я дьяволомъ".
Не поспѣлъ Гришка сдѣлать крыльицовъ,
Тамъ скололи Гришку разстрижку Отрепьева.
Только тутъ Грищка царемъ бывалъ,
Только тутъ Гришка вѣдь царствовалъ.

2. МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

а.

Поѣзжаетъ Скопи́нъ-отъ, да князь-отъ Михайло Васильевичъ,
Поѣзжаетъ Ско́пинъ-отъ за Москву-рѣку.
Да наказываетъ Скопи́ну-ту родна матушка,
Родна матушка ему, ему молода жена:
„Ужъ ты душенька, Михайло да ты Васильевичъ, 5
„Ужъ ты тотъ-ли князь да Ско́пинъ-отъ!
„Ты не ѣзди, Скопи́нъ, да за Москву-рѣку:
„Тамъ поставятъ тебя-то вѣдь не на пиръ зовутъ,
„Не на пиръ тебя зовутъ-то, не пировать съ тобой,
„Они тебя—держать все крестника 10
„У того-то у князя у московскаго.
„Ты одержить своего хошь пріемника“.
Говоритъ ему родна-та да его матушка:
„Ты не пей-ко-се у нихъ да зелена вина,
„Ты не кушай-ко у нихъ все ѣствы саха́рныя: 15
„Да уходитъ тебя кума, да дочь Малютьева“.
Онъ не слушаетъ наказу-ту ро́дной матушки,
Ро́дной матушки наказу-ту, молодой жены;
Поѣзжаетъ-то Скопи́нъ-то князь Михайло-свѣтъ Васильевичъ,
Онъ беретъ, беретъ коня-то богатырскаго, 20
Онъ уѣхалъ за матушку Москву-рѣку.
Пріѣзжаетъ ко князю-ту ко московскому;
Да стрѣчаютъ Скопина́-та князя Михайла Васильевича,

Да стрѣчаютъ его на широкой свѣтлой улицѣ,
Приглашаютъ его все [1] почестенъ пиръ,
Да идетъ-то Скопи́нъ-князь Михайло Васильевичъ,
Онъ идетъ-то да ничего все не думаетъ;
Одержалъ же онъ своего все воспріемника.
Собираетъ князь на радости тутъ почестенъ пиръ,
Онъ почестенъ пиръ да онъ на весь на міръ:
На своихъ-то князей да онъ на бояровъ,
Для того-то собиратъ больше Скопина́ кума́,
Для того-ли-то князя Михайла Васильевича;
Да садитъ онъ его все во большо мѣсто,
Во большо его мѣсто да еще все къ себѣ.
Еще тутъ вѣдь бояра все зло подумали;
Разговорили они да все княгиню тутъ,
Насыпа́ли въ стаканъ ему зелья лютаго;
Подносила кума все ему крестовая.
Выпиваетъ Скопи́нъ, ничего не думаетъ.
Загорѣло у его скоро ретиво́ сердце;
Выходилъ-то онъ вѣдь скоро изъ честна́ пира,
Говорилъ-то онъ кумѣ-то своей крестовою:
— Ужъ ты гой еси, кума ты моя крестовая!
— Опоила ты все ты меня, безбожница,
— Опоила меня ты да зельемъ лютыимъ,
— Ты злодѣйка кума, ты да змѣя лютая,
— Змѣя лютая ты, да дочь Малютина,
— Дочь Малютина ты, да все Скурлатова!
— Отвези ты меня, да кумъ крестовой мой,
— Ко своей-то [2] отвези меня къ ро́дной матушкѣ.
— Еще я-то на васъ-то да зла не думаю:
— Уходила меня кума-злодѣйка зла,
— Да злодѣйка-та зла, да дочь Малютина.—

---

[1] Все на

[2] Т.-е. моей (Скопина).

Уѣзжаетъ онъ скоро да къ ро́дной матушкѣ, 55
Къ родной матушкѣ, къ своей-то онъ къ молодой женѣ;
Еще тутъ-то заходитъ-то во полатушки
Ко своей-то ко родимой да онъ ко матушкѣ.
Онъ зашолъ-то, самъ слезно да уливается,
Онъ всемірно во своихъ грѣхахъ всѣмъ онъ каялся, 60
Еще тутъ-то съ души онъ скоро́ преставился:
Да сгорѣло у его-то тутъ ретиво́ сердце.

б.

Ино что у насъ на Москвѣ учинилося:
Съ полу́ночи у насъ въ колоколъ звонили?
А расплачутся гости Москви́чи:
„А тепере наши головы загибли,
„Что не стало у насъ воеводы, 5
„Васильевича князя Михаила!“
А съѣзжалися князи, бояра супротиво къ нимъ,
Мстиславской князь, Воротынской,
И межу собой они слово говорили,
А говорили слово, усмѣхнулися: 10
— Высо́ко соколъ поднялся
— И о сыру мате́ру землю ушибся!—
А расплачутся Свецкіе Нѣмцы:
„Что не стало у насъ воеводы,
„Васильевича князя Михаила!“ 15
Побѣжали Нѣмцы въ Но́въ-горо́дъ
И въ Новѣ́-городѣ́ заперлися,
И многой міръ-народъ погубили,
И въ латынскую землю превра́тили.

3. УБІЙСТВО ИВАНА КАРАМЫШЕВА.

а.

Ужъ какъ внизъ-то было по матушкѣ Камышъ-рѣкѣ,
Супротивъ того было устьица Самары-рѣки,
Что плыветъ тутъ, выплываетъ легкая лодочка,
Что во лодочкѣ сидитъ съ Москвы посланникъ царевъ,
Карамышевъ князь Семенъ да сынъ Константиновичъ. 5
Онъ во лѣвой рукѣ держитъ государевъ указъ,
Онъ во правой рукѣ держитъ саблю вострую.
Что по крутому красному бережку,
Что по желтому сыпучему песочку
Собирались казаки-братцы во единый кругъ, 10
Они думали думу крѣпкую за единую:
Закатили они въ мѣдну пушку ядрышко чугунное
И палили они во лодочку во легкую,
Потопили-подмочили государевъ указъ
И убили царскаго посланника. 15

б.

Подымался съ Москвы большой бояринъ
Онъ на тихой Донъ Ивановичъ гулятн.
Не доѣхавши тиха Дона, становился;
Похвалялся всѣхъ казаковъ перевѣшать.
Казаки-братцы тотчасъ догадалися, 5
Во единый кругъ они собиралися,

Середи круга становился царевъ бояринъ:
Онъ сталъ читать государевы указы.
Дочитался онъ до царскаго титула,
Казаки всѣ шапки поснимали, 10
А большой царевъ бояринъ шляпы не снялъ;
Оттого казаки взволновалися,
На боярина они бросалися,
Буйну голову его срубили,
А бѣло тѣло въ тихой Донъ бросили. 15
И убивши тѣлу говорили:
„Почитай ты, баринъ, государя,
„Не гордись ты передъ нимъ, не славься".
Ко царю они съ повинной приходили:
„Ты гой еси, батюшка, православной царь! 20
„Ты суди насъ праведной расправой,
„Повели надъ нами дѣлать, что изволишь:
„Ты воленъ надъ нашими буйными головами".

4. ВЗЯТІЕ АЗОВА.

Рѣчь возгóворитъ казацкій атаманушка:
„Гой вы братцы, вы братцы, вы Донскіе казаки!
„Вы справляйте, братцы, полтораста возковъ,
„Положите вы въ каждый по семи казаковъ,
„По восьмомъ мы положимъ [1] атаманушкѣ, 5
„По девятомъ мы положимъ [2] кашеварушкѣ,
„По десятомъ мы посадимъ по погонщику.
„Вы ѣзжайте, братцы, подъ Азовъ городъ!“
Помолились казаки, въ путь отправились;
А въ Азовѣ-то турецкій паша погуливаетъ, 10
Онъ у перваго погоньщика испрашиваетъ:
— Какъ и что у васъ за товаръ на возахъ?—
Рѣчь возговоритъ младъ Донской казакъ,
„Что у насъ въ возахъ дорогой товаръ:
„Есть куницы, есть лисицы, бобры, соболи“. 15
Рѣчь возговорилъ турецкій паша Мурза:
— Вы платите намъ за все пошлину.—
На отвѣтъ ему сказалъ Донской казакъ:
„Подождите плату вы до завтрева,—
„Мы заплатимъ вамъ за весь товаръ 20
„И всѣ пошлины заплатимъ во сто разъ“.

---

[1] Т.-е. по атаманушкѣ.
[2] Т.-е. по кашеварушкѣ.

Какъ не черный воронъ закричалъ въ полночь,—
Закричалъ, загичалъ нашъ казацкій атаманъ:
„Уставайте, казаки, вы оправляйтеся,
„За ружьица, за сабельки вы принимайтеся! 25
„Басурманская орда теперь вся спать легла:
„Вы ихъ бейте, рубите, въ полонъ не берите!“
Какъ и тутъ наши казаки придобычились,
Они отъѣхали немного, обезпечились
И тѣмъ самымъ себѣ худо сдѣлали; 30
Не поставили караула, сами спать легли:
Врагъ побилъ, порубилъ тѣхъ Донскихъ казаковъ,
Всѣхъ Донскихъ казаковъ, всѣхъ охотничковъ.

5. ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ ПРИ ЦАРѢ АЛЕКСѢѢ.

Во тоя было въ Москвѣ бѣлокаменной,
И того царя-сударь Алексѣя Михайловича московскаго.
Выходилъ какъ онъ изъ божьей церкви,
Становился онъ на Лобно сударь мѣсто,
На тую сударь зеленую дубраву, 5
Говорилъ онъ, надежа государь-царь:
„Ай же вы, князи, думные бояры!
„Пособите государю дума думати,
„Надо думать крѣпка дума да продумать.
„Мнѣ-ка пишетъ нынь король земли Шведской: 10
„Онъ проситъ у насъ города Смоленца,
„Даваетъ ли намъ Хинскую землю [1].
„Отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
„Аль намъ за Смоленецъ постояти,
„Али намъ на Смоленецъ нанимати?“ 15
Выходилъ перво князь астраханскій,
Онъ-то близко къ государю становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ты, ай, сударь, надежа государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ московскій! 20
— Бласлови мнѣ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленецъ есть строенье не московско,

---

[1] Т.-е. Китай (sic!).

— А Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Во Смоленцѣ стрѣльцовъ нѣтъ нисколько,
— Во Смоленцѣ казны нѣтъ ни копейки: 25
— Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
— А возьмите у нихъ Хинскую землю! —
Государю тыя рѣчи не слюбилися.
Говорилъ сударь надежа государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ московскій: 30
„Вы, ай же, малы дѣтушки, солдаты!
„Пособите государю дума думати,
„Мнѣ-ка думать крѣпка дума, не продумати.
„Мнѣ-ка пишетъ нынь король земли Шведской:
„Онъ проситъ у насъ города Смоленца, 35
„А даваетъ ли намъ Хинскую землю.
„Такъ отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
„Аль намъ за Смоленецъ постояти,
„Аль намъ на Смоленецъ нанимати?“
Выходилъ второй князь бухарскій, 40
Онъ-то близко къ государю становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ты, ай, сударь, надежа государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ московскій!
— Бласлови мнѣ, государь, слово смолвити: 45
— Что Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Во Смоленцѣ стрѣльцовъ нѣтъ нисколько,
— Во Смоленцѣ казны нѣтъ ни копейки:
— Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ, 50
— А возьмемъ себѣ Хинскую землю. —
Государю тыя рѣчи не слюбилися.
Говорилъ сударь надежа государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:
„Вы, ай же, малы дѣтушки, солдаты! 55
„Пособите государю дума думати,

„Надо думать крѣпка дума, не продумать.
„Мнѣ-ка пишетъ нынь король земли Шведской:
„Онъ проситъ у насъ города Смоленца,
„А даваетъ намъ Хинскую землю. 60
„Такъ отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
„Али намъ за Смоленецъ постояти,
„Али намъ на Смоленецъ нанимати?“
Выходилъ князь Данила Милославской,
Онъ-то близко къ государю становился, 65
Онъ понизку государю поклонился:
— Ты, ай, сударь, надежа государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ московскій!
— Бласлови мнѣ, сударь, слово смолвити:
— Что Смоленецъ есть строенье не литовско, 70
— А Смоленецъ есть строеньице московско;
— Во Смоленцѣ есть стрѣльцовъ сорокъ тысячъ,
— Во Смоленцѣ казны есть,—смѣты нѣту:
— Не дадимъ мы туда города Смоленца,
— А не возьмемъ себѣ Хинскую землю!— 75
Государю тыя рѣчи прилюбились.
Говорилъ сударь надежа государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:
„Ты ай же, князь Данила Милославской!
„Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскорѣ пожаловать? 80
„Я пожалую во Смоленцѣ воеводой“.
Астраханскаго-то взялъ—повѣсилъ,
А бухарскому-то князю голову срубилъ.

6. ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ ПОДЪ РИГОЮ.

А подъ славнымъ было городомъ подъ Ригою
Что стоялъ царь государь по три годы,
Еще бывшій Алексѣй царь Михайловичъ.
Изволилъ царь-государь наряжатися,
Наряжается царь-государь въ каменну Москву 5
А и бывшій Алексѣй царь Михайловичъ.
Что по утру было рано ранешенько,
Какъ на свѣтлой зарѣ, на утрени,
На восходѣ было краснаго солнышка,
Какъ бы гуси-лебеди воскикали, 10
Говорили солдаты новобранные:
„А свѣтъ-государь, благовѣрный царь,
„А и бывшій Алексѣй царь Михайловичъ!
„Ты изволишь наряжаться въ каменну Москву,
„Не оставь ты насъ бѣдныхъ подъ Ригою: 15
„Ужъ и такъ намъ де Рига наскучила,
„Она скучила намъ Рига, напроскучила:
„Много холоду, голоду приняли,
„Наготы, босоты вдвое того“.
Что злата труба подъ Ригою протрубила, 20
Прогласилъ государь благовѣрной царь:
— А и дѣтушки, вы солдаты новобранные!
— Не однимъ вамъ Рига-та наскучила,
— Самому мнѣ, государю, напроскучила;

— Когда Богъ насъ принесетъ въ каменну Москву, 25
— А забудемъ бѣдность, нужу великую.
— А и выставлю вамъ погребы царскіе,
— Что съ пивомъ, съ виномъ, меды сладкіе.—

7. СТЕНЬКА РАЗИНЪ И ЕГО СЫНЪ.

Откуль взялся-проявился незнамой человѣкъ [1]:
Онъ частымъ-часто [2] по городу похаживаетъ,
Черноплисовой кафтанъ да за единъ рукавъ [3] таскалъ;
Сорыванской [4] кушачекъ да въ его бѣлыхъ рукахъ,
Черна шляпа съ брусаментомъ на его желтыхъ кудряхъ. 5
Онъ шефамъ-офицерамъ [5] не кланяется;
Астраханскому губернатору [6] челомъ онъ не отдаетъ,
Онъ челомъ не отдаетъ да все подъ судъ его нейдетъ [7].
Взяли-брали молодца да на царевѣ кабакѣ;
Становили молодца да противъ бѣлаго крыльца, 10
Противъ бѣлаго крыльца, проти губернацкаго лица.
Сталъ губернаторъ выспрашивати,

---

[1] Главнѣйшія разночтенія—по записи А. С. Пушкина. Впереди еще стихъ:

Во городѣ то было во Астраханѣ.

[2] Щеголемъ.
[3] На размашечку.
[4] Свой персидской.
[5] Боярамъ государевымъ.
[6] Воевода (это былъ князь Прозоровскій).
[7] Далѣе стихи:

Какъ увидѣлъ молодца воевода со крыльца,
Закричалъ онъ, воевода, громкимъ голосомъ своимъ:
— Ой, есть ли у мена слуги вѣрны молодцы?
— Вы сходите, приведите удалого молодца.—

Сталъ выспрашивати да сталъ вывѣдывати:
— Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнамой человѣкъ:
— Ужъ ты со Дону казакъ, или казацкой сынъ? 15
— Ты казанецъ, ли рязанецъ, али астраханецъ?—
Какъ отвѣтъ держитъ дѣтинушка, незнамой человѣкъ:
„Я не со Дону казакъ да не казацкой сынъ,
„Не казанецъ, не рязанецъ, я не астраханецъ,—
„Я со Камы со рѣки да Стеньки Разина сынъ; 20
„Мой-отъ батюшка хотѣлъ да къ тебѣ въ гости побывать,—
„Ты умѣй его встрѣчать да умѣй чествовати,
„Умѣй чествовати да умѣй подчивати [1]“.
Посадили молодца да въ бѣлокаменны тюрьмы [2].
Что со Камы со рѣки да со самой горной стороны 25
Тутъ и былъ-выплывалъ воровской атаманъ,
Воровской атаманъ да Стенька Разинъ самъ [3].
Онъ проговорилъ-спромолвилъ, да какъ въ трубу струбилъ:
„Еще что мнѣ, ребятушка, тошнымъ мнѣ тошно,
„Мнѣ тошнымъ-тошно, да пособить неможно [4]? 30
„Зачерпните-тка воды да со правой стороны,
„Вы подайте-тка мнѣ воды да изъ правой изъ руки:
„Вѣрно, вѣрно, да мой сыночекъ во неволюшкѣ сидитъ,
„Въ неволюшкѣ сидитъ да въ бѣлокаменной тюрьмѣ.

---

[1] Дальше стихи:

Разсердился Губер(наторъ) на удалого молодца,
Закричалъ тутъ Губер(наторъ) громкимъ голосомъ своимъ:
— Что есть ли у меня (слуги вѣрны молодцы?)
— Вы возмите отведите уд(алого) м(олодца),
— Посадите удалова въ бѣлокаменную тюрьму.

[2] Этого стиха нѣтъ.
[3] Далѣе стихъ:

Во лодочкѣ гребцовъ ровно 200 молодцовъ.

[4] Ст. 28—29 нѣтъ.

„Ужъ вы гряньте-тка, ребята, да внизъ по Камѣ по рѣкѣ [1] 35
„Внизъ по Камѣ по рѣкѣ да къ бѣлокаменной тюрьмѣ;
„Бѣлокаменну тюрьму да всю по камню разберу,
„Съ астраханскаго губернатора съ жива́ кожу сдеру“.
Еще грянули ребята да внизъ да по Камѣ по рѣкѣ,
Внизъ по Камѣ по рѣкѣ да къ бѣлокаменной тюрьмѣ. 40
Бѣлокаменну тюрьму да всю по камню разобралъ,
Съ астраханскаго губернатора съ жива́ кожу сдиралъ.

---

[1] Конецъ пѣсни таковъ, начиная съ этого стиха:
„Не печалься, нашъ хозяинъ, С. Р. атаманъ:
„Бѣлокаменну тюрьму по кирпичику разберемъ,
„Твоего милаго сыночка изъ неволи уведемъ,
„Астр. Губ. подъ судъ возьмемъ“.

8. ОСАДА СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

Во Москвѣ-то было, во царствѣ,
Во прекрасномъ государствѣ,
Переборъ-то былъ боярамъ,
Пересмотръ-отъ былъ воеводамъ.
Изъ бояръ, бояръ выбирали, 5
Воеводу-ту поставляли,
Воеводу-ту не простого —
Его роду же не простого:
Изъ бояръ князь-Салтыкова.
Воспрого́воритъ-то государь-царь нашъ, 10
Алексѣй сударь свѣтъ-Михайловичъ:
— Ужъ ты гой еси, воевода!
— Я пошлю, тебя, воевода,
— Ко монастырю святому,
— Ко игумену честному: 15
— Стару вѣру-ту порушите,
— Стары книги истребите,
— На огнѣ вы всѣ сожгите.—
Воспрого́воритъ воевода:
„Ужъ ты гой еси, государь-царь нашъ, 20
„Алексѣй ты суда́рь Михайловичъ!
„Какъ нельзя-то думой подумать
„На свято вѣдь на это мѣсто,

„На прекрасную кенорію [1],
„'ще [2] на свѣтовъ-то преподобныхъ, 25
„Соловецкихъ вѣдь чудотворцевъ".
Воспрогóворитъ государь-царь нашъ,
Алексѣй-отъ судáрь Михайловичъ:
— Ужъ ты гой еси, воевода!
— Прикажу я тебя казнити, 30
— Руки, ноги же отпилити,
— Буйну голову отрубити.—
Воевода-то испугался,
Самъ слезами же обливался:
„Ужъ ты гой еси, государь-царь нашъ, 35
„Алексѣй судáрь Михайловичъ!
„Погоди ты меня пилити,
„Ужъ мнѣ дай рѣчь говорити:
„Мнѣ-ка дай же ты силы много,
„Мнѣ стрѣльцовъ-борцовъ, солдатовъ". 40
'ще [3] садился-то воевода,
На далеко 'нъ [4], свѣтъ, отъѣхалъ,
Онъ расплакался, самъ раздумался:
„Хошь я смерть-ту я пріиму же!"
Онъ раздумался воевода: 45
Во пути будто разнемогся,
Онъ назадъ скоро воротился.
На то мѣсто-то накупался [5]
Изъ бояръ, бояръ князь Пещерской [6]:
'ще [7] садился-то воевода 50

---

[1] Т. е. киновію.
[2] Еще.
[3] Еще.
[4] На(е?) далеко онъ.
[5] Напрашивался.
[6] Въ дѣйствительности фамилія его—Мещериновъ.
[7] Еще.

Онъ во легоньки стружéчки;
Потянули-то вѣтры буйны
Съ полуденную сторонку [1],
Уносило-то воеводу
Ко монáстырю святому, 55
Ко игумену честному,
Какъ ко свѣтамъ-то преподобнымъ,
Соловецкимъ же чудотворцамъ.
Какъ стрѣлялъ, стрѣлялъ воевода
Во соборну-ту Божью церковь, 60
Уронилъ-то тутъ воевода
Богородицу со престола.
Всѣ монахи-ти испугались,
По стѣнамъ-то всѣ побросались,
Во одну келью-ту собирались, 65
Во одно слово-то говорили,
Говорилъ-то все игуменъ:
„Вы не бойтесь-ка, мои дѣти,
„Не страшитесь-ка этой страсти!
„Мы по старому вѣдь отслужимъ,— 70
„Съ Христомъ въ царствѣ съ нимъ пребудемъ".
По грѣхамъ было сучинилось,
По тяжкимъ грѣхамъ сотворилось:
Захотѣлъ-то вѣдь деревя́га [2]
Во святомъ озерѣ онъ купаться, 75
По веревкамъ черезъ стѣну-ту опускаться;
Еще палъ этотъ грѣшникъ
Онъ на сы́ру-ту землю;
Онъ сломилъ свою праву руку,
Извихнулъ свою лѣву ногу. 80

---

[1] Съ юга.

[2] Мужикъ деревенской, кормившійся въ монастырѣ (объясненіе пѣвицы). На дѣлѣ это былъ монахъ Ѳеоктистъ, перебѣжавшій къ осаждавшимъ.

Тутъ пришолъ къ нему воевода:
— Ты скажи намъ сущу правду:
— Еще порохомъ-то ли довóленъ [1] монастырь,
— Еще пушками-то доволенъ ли,
— Еще крѣпостью-то крѣпокъ ли, 85
— Да людьми-то вѣдь онъ люденъ ли?—
Говорилъ-то тутъ деревяга:
„Онъ вѣдь крѣпостью-ту крѣпокъ,
„Онъ людьми только не лю́денъ.
„Попадите й вы зайдите 90
„Дровянымъ-то въ стѣну окошкомъ [2]“.
Какъ зашолъ-то воевода,
Разсказалъ какъ деревяга;
Онъ зачалъ тутъ воевода,
Стару вѣру-ту поруши́лъ-взялъ, 95
Стары книги-ти божьи изорвалъ всѣ,
На огнѣ-то онъ прижигалъ ихъ;
Всѣхъ монаховъ прирубили,
Въ сине море-то пометали,
Надъ игуменомъ наругались: 100
Рѣчистъ языкъ у него отрѣжутъ.
Черезъ ночь было тако чудо:
Онъ вѣдь сдѣлался весь здравой.
Они взяли его убили,—
Какъ небесно царствó купили. 105
Въ ту пору-ту, во то время,
Въ са́му въ ту вѣдь въ темную ночку
Еще къ нашему къ царю же
Къ Алексѣю-то свѣтъ-Михайловичу
Какъ приходятъ къ нему два старца, 110
Какъ хотятъ-то его убити,

---

[1] Достаточно снабженъ.

[2] Окошко было заложено дровами; иначе бы нельзя было бы проникнуть во внутренность стѣны (объясненіе пѣвицы).

Руки, ноги да отпилити;
Говорятъ ему таки рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, государь-царь,
„Алексѣй ты судáрь Михайловичъ! 115
„Не разоряй-ка ты старой вѣры".
Посылатъ-то вѣдь царь же скоро,
Онъ гонцовъ-то скорó, солдатовъ:
— Старой вѣры не разоряйте,
— Вы вѣдь книгъ-то не разрушайте, 120
— На огнѣ-то не разжигайте,
— Вы монаховъ-то не рубите.—
Еще стрѣтили воеводу
Въ славномъ городѣ во Вологдѣ.
Воевода-то разболѣлся, 125
Онъ въ худой-то боли скончался [1].
Государь-отъ, государь нашъ царь
Алексѣй свѣтъ-сударь Михайловичъ
За воеводой собирался,
Жисть своей жистью скончался [2]. 130
Понесли его въ Божью церковь,—
Потекло у него изъ ýшей-то,
Потекла у него всяка гáвря [3];
Еще уши-ти затыкали
Все хлопчатой бѣлой бумагой. 135

---

[1] Сгнилъ (по объясненію пѣвицы).
[2] Онъ своей-то жизнію скончался (варіантъ пѣвицы).
[3] Гной.

9. СМЕРТЬ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ.

Во славной во старой во крѣпости, въ каменно́й Москвѣ,
Тутъ шли-прошли два игумена, два монаха;
Дивовалися они, сумнѣвалися:
„Что за чудо въ каменной Москвѣ, что за диковина?
„Пріуныли всѣ въ каменной Москвѣ князья и бояре, 5
„Купцы, братцы, богатые, всѣ вельможи:
„Знать-то, у насъ въ каменной Москвѣ не здоро́во;
„Точно, у насъ въ каменной Москвѣ не благополучно:
„Знать-то, у насъ государя-царя въ живѣ нѣту!“
Случилось имъ идти мимо дворца государева: 10
Съѣзжаются къ государю-царю князья, бояре,
Купцы, братцы, богатые, всѣ вельможи;
Строютъ ему гробницу золотую,
Унизанную крышечку жемчужну,
По уголушкамъ кладутъ камни драгоцѣнны. 15
Въ унывный большой колоколъ зазвонили,
Понесли государя-царя хранити;
Вопередъ несутъ гробницу золотую,
За гробницей идутъ попы, дьяки,
За попами идутъ архиреи; 20
За ними ведутъ милосерду государыню:
Подъ праву руку ведетъ бо́льшой сынъ,
А подъ лѣву ведетъ меньшой сынъ,
Утираетъ ей горючи слезы мила доченька.

10. ВАСИЛІЙ ГОЛИЦЫНЪ.

Что не куликъ куликаетъ:
Не молоденькій князь Голицинъ по лужку гуляетъ,
Онъ не одинъ князь гуляетъ,—съ своими полками,
Со любезными со полками, больше съ казаками.
Да онъ думаетъ, князь, гадаетъ, 5
Про все размышляетъ:
„Вотъ и гдѣ князю Голицыну въ Москву проѣхать?
„Вотъ и полемъ князю ѣхать,—полемъ было пыльно,
„Вотъ и полемъ ѣхать князю,—да все былья;
„Вотъ и лѣсомъ князю ѣхать,—ему было темно; 10
„Вотъ Москвою ѣхать князю,—ему было стыдно".
Отчего же князю стыдно? Что первый измѣньщикъ.
Вотъ и ѣхалъ князь Голицынъ улицей Тверскою,
Да все улицей Тверскою, слободой Ямскою,
Слободою все Ямскою, къ новому собору [1]. 15
Онъ скидаетъ, князь Голицинъ, шапочку соболью,
Онъ снялъ, князь Голицынъ, сталъ Богу молиться,
Вотъ и Богу князь помолился, да всѣмъ поклонился:
„Ужъ ты здравствуй, царь-государь, со своей царицей [2]!

---

[1] Имѣется въ виду Успенскій соборъ въ Москвѣ; почему онъ названъ новымъ, неизвѣстно.

[2] Царь—Иванъ V, царица—Софья (судя по варіантамъ).

„Ужъ ты жалуй, царь, господъ разными чинами, 20
„А меня, князя Голицына, малымъ городочкомъ,
„Да вотъ малымъ городочкомъ,—славнымъ Ярославомъ [1]“.

---

[1] По варіантамъ, въ пожалованіи ему отказываютъ, а въ одномъ царь прямо говоритъ:

Я тебя, князь Голицынъ, жалую
Двумя столбами съ перекладиной,
На шею на твою шелковую петельку.

437

IV. ВРЕМЯ ПЕТРА ПЕРВАГО.

1. Рожденіе Петра (1672 г.). Событіе въ царской семьѣ— рожденіе новаго члена ея — сопровождалось установленной придворной обрядностью, которая, естественно, повторялась всякій разъ, когда появлялся на свѣтъ царственный младенецъ; поэтому ясно, что пѣсня, отмѣтившая такимъ способомъ рожденіе Петра, сказала лишь то, что́ она могла бы сказать по поводу рожденія и другого, не столь выдающагося впослѣдствіи сына или дочери царя Алексѣя. То обстоятельство, что пѣсня отмѣтила рожденіе, именно, Петра, указываетъ на сравнительно позднее время ея появленія, когда личность Петра уже рѣзко выдвинулась изъ ряда другихъ современниковъ; едва ли сложилась она ранѣе времени наибольшей славы и могущества Петра (если даже именованіе его „первымъ императоромъ" считать позднѣйшей прибавкой къ первоначальному тексту пѣсни), можетъ быть, даже сравнительно поздно, когда самыя реальныя подробности жизни семьи царя Алексѣя уже въ значительной степени стушевались въ памяти слагателя: иначе, мы нашли бы въ пѣснѣ не только воспоминанія о традиціонной обрядности при рожденіи Петра.

2. Казнь стрѣльцовъ (1698 г.). Отсутствіе Петра изъ Россіи въ 1698 году вызвало послѣднюю попытку Софьи (уже тогда заключенной въ Новодѣвичьемъ монастырѣ) и стрѣльцовъ вернуть себѣ прежнее положеніе въ государствѣ: это былъ послѣдній стрѣлецкій бунтъ, жестоко подавленный спѣшно вернувшимся изъ-за границы Петромъ, послѣ чего самое стрѣлецкое войско перестало существовать. Подавленіе бунта сопровождалось массовыми казнями стрѣльцовъ, до сихъ поръ не бывалыми (съ 30 сентября и до 21 октября обезглавлено и повѣшено было почти 1200 человѣкъ!). Ни одна изъ двухъ пѣсенъ, относящихся къ этому событію, не говоритъ собственно о самыхъ казняхъ: и та и другая говорятъ только о попыткѣ стрѣльцовъ добиться прощенія или смягченія участи, при томъ о попыткѣ, не увѣнчавшейся

успѣхомъ. Такого эпизода (вполнѣ естественнаго въ подобныхъ случаяхъ) мы не знаемъ по сохранившимся историческимъ свѣдѣніямъ о расправѣ со стрѣльцами. Можетъ быть, въ этомъ эпизодѣ пѣсни слѣдуетъ видѣть отдаленный отзвукъ тѣхъ предварительныхъ переговоровъ, которые велись между шедшими къ Москвѣ взбунтовавшимися стрѣльцами и Шеинымъ, пытавшимся еще до пріѣзда Петра ликвидировать дѣло: передъ битвой подъ Воскресенскомъ Шеинъ предлагалъ стрѣльцамъ положить оружіе; стрѣльцы не соглашались, требуя предварительнаго пропуска въ Москву, чего, въ свою очередь, допустить не могъ Шеинъ; добиваясь пропуска, стрѣльцы обѣщали (конечно, не искренно) служить своимъ оружіемъ царю, какъ они служили прежде. Переговоры такъ и кончились неудачей; въ послѣдовавшемъ затѣмъ столкновеніи стрѣльцы были быстро разбиты, ихъ стали хватать, пытать; къ концу этой расправы пріѣхалъ самъ Петръ, повернувшій дѣло еще круче. Такія перипетіи борьбы со стрѣльцами могли отложиться въ пѣснѣ то въ видѣ переговоровъ со стороны стрѣльцовъ о помилованіи, то въ видѣ ожиданія со стороны Петра, не придутъ ли стрѣльцы просить прощенія. Конецъ пѣсни въ томъ и другомъ случаѣ одинаковъ: казни изображаются, какъ предстоящія. Что касается нѣсколько смягченной версіи разсказа во второй пѣснѣ, гдѣ говорится о помилованіи стрѣлецкаго атамана, явившагося съ топоромъ и плахой просить прощенія у Петра, то, кажется, это смягченіе слѣдуетъ признать уже не первоначальнымъ для пѣсни даже въ этой редакціи: прощеніе — и только одного атамана—вытекало изъ примѣненія эффектной сцены появленія просящаго прощенія съ такими аттрибутами, а этотъ мотивъ, въ свою очередь, привнесенъ въ пѣсню изъ реальной бытовой обстановки: приходъ осужденнаго на казнь съ просьбой о помилованіи, именно, съ плахой и топоромъ не разъ практиковался въ обычаяхъ и до конца XVII вѣка.

Что касается взаимоотношенія обѣихъ пѣсенъ о казни стрѣльцовъ, то уже изъ того, что о нихъ сказано было, выходитъ, что мы имѣемъ передъ собою двѣ различныхъ пѣсни объ одномъ и

томъ же, различно подошедшія къ изображенію событія: одна старалась остаться на почвѣ суроваго впечатлѣнія отъ событія, старалась изобразить безнадежность положенія, хотя и ввела мотивъ помилованія; другая, исходя изъ той же безнадежности положенія, иначе отнеслась къ осужденнымъ: она сохранила за ними, по крайней мѣрѣ, чувство достоинства и твердость въ своихъ поступкахъ; поэтому, быть можетъ, она и разработала сюжетъ въ духѣ богатырской былины, использовавъ въ этихъ цѣляхъ общія мѣста былинъ о вооруженіи, одеждѣ и поѣздкѣ богатыря, взявъ оттуда же и гордый отвѣтъ стрѣлецкаго атамана царю.

3. Царь Петръ и драгунъ. Напрасно искать какого-либо опредѣленнаго историческаго факта, который могъ бы быть сочтенъ основой данной пѣсни: построенная на одномъ изъ многочисленныхъ устныхъ анекдотовъ о Петрѣ Великомъ, пѣсня имѣла своей цѣлію выразить народное представленіе о царѣ Петрѣ, давши своего рода синтезъ подобныхъ представленій въ конкретной формѣ. Подобно пѣснямъ и сказкамъ о Грозномъ, рисовавшимъ общую характеристику Ивана, и пѣсня о Петрѣ и драгунѣ желала отмѣтить одну изъ бросавшихся въ глаза чертъ его личности, именно: его извѣстную простоту въ обращеніи, близость его къ народу, такъ отличавшія и въ дѣйствительности Петра, въ сравненіи съ обычнымъ представленіемъ о русскомъ царѣ, до котораго обычнымъ людямъ „далеко“. Эта же черта характерно выдвигается и въ народныхъ анекдотахъ и преданіяхъ о немъ. Положить же въ основу такой пѣсни мотивъ борьбы могла побудить составителя пѣсни и другая черта облика Петра: его сильная, внушительная наружность и соединяемое съ нею представленіе объ его и физической мощи, какъ отображеніи силы его духа; если онъ оказался побѣжденнымъ физически, то всеже восторжествовало его великодушіе, какъ черта въ народномъ представленіи истинно царская. Отзвуки такого представленія о Петрѣ можно было замѣтить и въ былинѣ о Бутманѣ (ср. выше, стр. 271) [1]. Въ этомъ смыслѣ и данная пѣсня основательно мо-

[1] Съ ней, какъ разъ, и даетъ наша пѣсня черты сходства (ср. конецъ пѣсни).

жетъ быть сочтена исторической, какъ исторически правдивое представленіе о Петрѣ.

4. Полтава (1709 г.). Казалось бы, что историческая пѣсня петровскаго времени, сохранившая рядъ отзвуковъ о сравнительно второстепенныхъ событіяхъ Сѣверной войны, каковы: битвы съ Шлиппенбахомъ и Левенгауптомъ, взятіе Шлюссельбурга, осада Выборга, Риги, Ревеля и т. д., должна была дать болѣе или менѣе яркое воспоминаніе о такомъ важномъ въ исторіи всей Сѣверной войны фактѣ, какова Полтавская побѣда Петра. На дѣлѣ же мы этого не видимъ: пѣсня, содержащая воспоминаніе о Полтавской битвѣ, только въ концѣ своемъ касается этого событія, описывая его, хотя и поэтично, но общимъ пріемомъ, мало индивидуализируя; главнымъ же ея содержаніемъ является какое-то столкновеніе Бориса Петровича Шереметева съ войсками шведскаго короля у Красной Мызы, такъ что невольно является предположеніе: не имѣемъ ли мы здѣсь передъ собою просто механическое соединеніе двухъ отдѣльныхъ пѣсенъ, при чемъ первая изъ нихъ посвящена была Б. П. Шереметеву (который обычно фигурируетъ въ качествѣ центральнаго лица и въ другихъ, упомянутыхъ выше, пѣсняхъ объ отдѣльныхъ эпизодахъ Сѣверной войны); и вторая, посвященная спеціально Полтавской битвѣ, также въ центрѣ поставила того же Шереметева (который, и на самомъ дѣлѣ, въ Полтавскомъ сраженіи командовалъ центромъ русской арміи); въ силу того, что героемъ ихъ былъ одинъ и тотъ же Шереметевъ, онѣ притянулись одна къ другой, при чемъ вторая пѣсня утратила свое начало, теперь, при сліяніи двухъ пѣсенъ въ одну, становящееся лишнимъ. Каково могло быть начало этой второй пѣсни, предположить мы можемъ на основаніи сохранившейся пѣсни, относимой условно также къ отзвукамъ полтавщины: въ ней также въ центрѣ—Б. П. Шереметевъ; она изображаетъ сборы войска, молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, во время котораго Шереметевъ „часто изъ церкви выступаетъ, къ церковной оградѣ припадаетъ, слезами обливается, потому что сказана ему служба подъ Полтаву“, гдѣ ему суждено сложить то-

лову. Но такая пѣсня едва ли могла быть первоначально посвящена Полтавѣ, гдѣ ни Шереметеву не суждено было сложить голову, ни для русскихъ не было мѣста для такихъ мрачныхъ предчувствій: вѣроятно, въ первоначальной пѣснѣ дѣло ограничивалось только разсказомъ о сборахъ войска и выступленіи его, а затѣмъ уже шло то описаніе Полтавской битвы, какое мы находимъ въ нашей „контаминированной“ пѣснѣ. Почему отзвуки Полтавской побѣды въ великорусской пѣснѣ такъ слабы, можно объяснить себѣ изъ общихъ условій существованія и отношенія пѣсни къ событіямъ эпохи Петра: пѣсня въ духѣ старой уже опускалась въ низшіе слои русскаго общества, обнаруживавшіе меньше пониманія и меньше интересовавшіеся новыми явленіями Петровской эпохи, а потому и слабѣе реагировавшіе на эти явленія: процессъ постепеннаго отчужденія и отставанія пѣсни отъ эпохи нами намѣченъ былъ уже выше, какъ одно изъ проявленій замиранія старой пѣсни въ XVIII вѣкѣ; въ силу того же общаго процесса мы можемъ отмѣтить и на полтавской пѣснѣ вліяніе уже солдатчины, обративъ вниманіе на начало и на конецъ нашей пѣсни; иначе сказать, мы должны предположить: либо эта пѣсня, подобно большинству другихъ, касающихся эпизодовъ Сѣверной войны, возникла въ солдатской средѣ и затѣмъ стала пользоваться болѣе широкимъ распространеніемъ, или же, созданная въ иныхъ кругахъ, она прошла черезъ специфическую солдатскую среду. Какое предположеніе ближе къ истинѣ, сказать трудно; но, исходя изъ самой композиціи пѣсни, аналогіи съ другими пѣснями этого же круга, кажется, придется склониться въ сторону перваго предположенія.

5. Пѣсни о кончинѣ Петра I (1725 г.). Эти пѣсни должны быть въ поэтическомъ отношеніи признаны положительно лучшими среди всѣхъ петровскихъ пѣсенъ, выдѣляясь среди нихъ по своей искренности и правдивости въ передачѣ впечатлѣнія, которое должна была въ различныхъ кругахъ русскаго народа произвести кончина государя и человѣка, съумѣвшаго повернуть жизнь Россіи сверху до низу на новый ладъ. Надо ду-

мать, что слагались эти пѣсни (развѣ, быть можетъ, за исключеніемъ первой) въ средѣ солдатской, для которой личность Петра, какъ создателя новой русской арміи, арміи солдатской, имѣла наибольшее значеніе, и кончина его, естественно, должна была особенно болѣзненно отразиться, прежде всего, въ военной средѣ, предметѣ особыхъ заботъ и вниманія Петра. Этимъ надо объяснять и ту свѣжесть и непосредственность чувства, которыя такъ выгодно выдвигаютъ эти пѣсни изъ ряда другихъ, а отчасти объясняютъ и то обстоятельство, что, именно, пѣсни о кончинѣ Петра Великаго оказали вліяніе не только на послѣдующую пѣсню на аналогичную тему, но и на сложившуюся ранѣе, какъ это замѣтно было на пѣсняхъ о кончинѣ Іоанна IV. Первая пѣсня—собственно о завѣщаніи умирающаго Петра—могла сложиться не только въ солдатскихъ кругахъ, заинтересованныхъ судьбой власти Петра послѣ него, но и вообще въ кругахъ, куда доходили отзвуки совершавшагося въ придворныхъ сферахъ; отсюда объясняется правильность и согласіе съ дѣйствительностью въ разсказѣ о послѣднихъ минутахъ жизни Петра и объ его завѣщаніи.

1. РОЖДЕНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Когда свѣтелъ, радошенъ во Москвѣ
Благовѣрной царь Алексѣй, царь Михайловичъ:
Народилъ Богъ ему сына, царевича Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ.
Всѣ-то русскіе [1] какъ плотники-мастеры 5
Во всю ноченьку не спали, колыбель-люльку дѣлали
Они младому царевичу;
А и няпюшки, мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали, шириночку [2] вышивали
По бѣлому рытому бархату онѣ краснымъ золотомъ; 10
Тюрьмы съ покаянными [3] онѣ всѣ распущалися,
А и погребы царскіе всѣ они растворялися.
У царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости:
А князи сбиралися, бояра съѣзжалися и дворяне сходилися,
А все народъ божій на пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлажаются. 15
Во весельи, въ радости не видали, какъ дни прошли
Для младого царевича Петра Алексѣевича,
Перваго императора.

---

[1] М. б., вм. „свято-русскія“, т.-е., относится къ „землѣ“, и должно быть въ предыдущемъ стихѣ?

[2] Въ рукописи: „шинъкарочки“.

[3] Заключенные (которые, сидя въ тюрьмѣ, искупаютъ свои преступленія, „каются“).

2. КАЗНЬ СТРѢЛЬЦОВЪ.

а.

Во далече, во далече во чистóмъ полѣ,
А еще того подалѣ—во раздольицѣ,
Тутъ не красное солнышко выкаталося:
Выѣзжаетъ-то удалый добрый молодецъ,
Еще тотъ же стрѣлецкій атаманушка. 5
Хороша больно на молодцѣ приправушка:
Подъ нимъ добрый конь, ровно лютый звѣрь,
Кольчуга-то на молодцѣ серебряная,
Соболина на немъ шапка до могучихъ плечъ,
На немъ тýгій лукъ, какъ свѣтелъ мѣсяцъ, 10
Калены стрѣлы, какъ часты звѣзды.
Онъ и держитъ путь-дороженьку въ каменнý Москву;
Онъ и горы и долы въ перескочь скакалъ,
Темные лѣсы межу ногъ пускалъ,
Быстрыя рѣки перепрыгивалъ. 15
Возъѣзжаетъ онъ во матушку каменнý Москву,
Пріѣзжаетъ ко дворечушку ко судáреву.
Караульщиковъ онъ не спрашивалъ,
Приворотничкамъ не билъ челомъ;
Онъ и бьетъ свого добра коня—не жалуетъ: 20
Его добрый конь осержается,
Отъ сырой мати-земли отдѣляется,
Перепрыгивалъ онъ стѣнушку бѣлокаменну.
Подъѣзжаетъ онъ ко крылечушку ко судареву,

Воскрикнетъ онъ, возгаркнетъ громкимъ голосомъ: 25
„Охъ ты гой еси, нашъ батюшка, православный царь,
„Во всее Руси царь, Петръ, сударь, Лексѣевичъ!
„Ты за что, про что на насъ, сударь, прогнѣвался?
„Ты за что нашъ зеленый садъ хочешь выжечь-вырубить,
„Всѣ и вѣтвицы, кореньицы повысушить? 30
„Не можно-ли тебѣ, сударь, насъ стрѣльцовъ простить?
„Мы возьмемъ тебѣ городъ, какой надобно,
„Безъ свинцу-то мы, безъ пороху судáрева,
„Мы безъ ружеецъ, безъ сабелекъ безъ вострыихъ,—
„Мы возьмемъ тебѣ городъ своей грудью бѣлою". 35
Выходилъ-то тутъ батюшка православный царь,
Во однихъ-то онъ чулочкахъ, безъ чоботовъ,
Во одной-то онъ сорочкѣ, онъ безъ панцуровъ [1];
Воскричитъ-то онъ, возгаркнетъ громкимъ голосомъ:
— Охъ ты гой еси, стрѣлецкой атаманушка! 40
— Ужъ и вотъ-то я съ боярами подумаю,
— Съ сенатóрами, съ фельдмаршалами перевѣдаю [2].—
Ужъ возговоритъ тутъ стрѣлецкой атаманушка:
„Охъ ты гой еси, нашъ батюшка, православный царь,
„Во всее Руси царь, Петръ, сударь, Лексѣевичъ! 45
„Въ глазахъ ты меня, сударь, обманываешь:
„Не видать тебѣ меня у себя во дворцѣ!"
Онъ и бьетъ свого добра коня—не жалуетъ:
Его добрый конь осержается,
Отъ сырой мати-земли отдѣляется, 50
Перепрыгиваетъ онъ стѣнушку бѣлокаменну.
Онъ и держитъ путь-дорожку во далече во чисто поле;
Возъѣзжаетъ онъ во стрѣлецкую армеюшку,
Воскричитъ-то онъ, возгаркнетъ громкимъ голосомъ:
„Охъ вы гой еси, стрѣлецкія головушки! 55

---

[1] Безъ панцыря. Ср. обычный портретъ Петра I (въ молодости, хотя бы у Н. Н. Ѳирсова „Петръ I—личная характеристика". М. 1916).

[2] Еще разъ разсмотрю дѣло.

„Еще хочетъ насъ православный царь всѣхъ жаловать,
„Жаловать хоромами, хоромами высокими:
„Двумя столбами высокими
„И петлями шелковыми!“

б.

Дотолѣва зе́ленъ садъ зеле́нъ стоялъ,
А нонче зе́ленъ садъ присохъ-приблекъ,
Присохъ-приблекъ, къ землѣ прилегъ;
Пріуныли въ садочкѣ вольны пташечки,
Всѣ горькія кукушечки. 5
На зарѣ было на утренней,
На восходѣ солнца краснаго
Государь-царь по дворцу гулялъ,
Онъ въ однихъ чулкахъ, безъ чоботовъ,
Тоненькій созямчикъ [1] на спашечку, 10
На всѣ сторонки обзирался:
Никто нейдетъ къ Бѣлу царю съ повинной,
Ни князья, ни бояре, ни сильны могучи бога́тыри:
Только одинъ изъ нихъ пошелъ добрый молодецъ,
По имени Иванушка Ивановичъ, 15
Стрѣлецкій атаманушка;
Несетъ съ собой топоръ и плаху.
Подходилъ онъ къ Бѣлу царю близехонько,
Кланялся Бѣлу царю низехонько,
Рѣчь возговорилъ добрый молодецъ Бѣлу царю: 20
„Гой ты, гой еси, батюшка, православный царь!
„Не прикажи казнить, прикажи слово молвити:
„Никто нейдетъ къ тебѣ, къ Бѣлу царю, съ повинною,
„Только я пришелъ къ тебѣ съ повинною,

[1] Созямъ, озямъ — широкая длинная одежда, запахивающаяся и подпоясываемая кушакомъ (въ родѣ халата). „На спашечку“ — на распашку.

„Принесъ съ собой топоръ и плаху“. 25
Рѣчь возговоритъ православный царь:
— Да Богъ проститъ тѣ за всѣ вины, да и я прощу!—
Послалъ въ силу-ратію [1] посланника,
Шла бы, шла ратія къ Бѣлу царю съ повинною:
Опять никто нейдетъ къ Бѣлу царю съ повинною. 30
На то же православный царь осержáился [2],
Приказалъ ихъ всѣхъ казнить-вѣшать.

[1] Рать, т.-е. стрѣлецкое войско.
[2] Осердился.

3. ЦАРЬ ПЕТРЪ И ДРАГУНЪ.

У дворца, дворца было государева,
У того крыльца у кра́шонова [1]
Стоялъ тутъ раздви́жной стулъ;
На стулу́ сидитъ православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ: 5
Передъ нимъ стоятъ князья-баре.
Рѣчь возговоритъ православный царь:
„Ой вы гой еси, князья-бо́яре!
„Нѣтъ-ли изъ васъ охотничка
„Со Бѣлымъ царемъ поборотися, 10
„За прокладъ [2] царя потѣшити?“
Всѣ князья-бо́яре испужалися,
По палатушкамъ разбѣжалися,—
Передъ нимъ стоитъ молодой драгунъ,
Молодой драгунъ лѣтъ пятнадцати; 15
Рѣчь возговоритъ онъ Бѣлу царю:
— Гой ты, гой еси, православный царь,
— Православный царь, Петръ Алексѣевичъ!
— Не прикажи ты меня казнить-вѣшать,
— Прикажи мнѣ слово молвити, 20
— Слово молвити, рѣчь возго́ворити:

---

[1] Краснаго крыльца.
[2] Для развлеченія, отъ нечего-дѣлать.

— Я—охотничекъ съ тобой, съ Бѣлымъ царемъ, поборотися,
— За прокладъ царя потѣшити.—
„Когда поборешь ты меня, молодой драгунъ, милую тебя;
„А я поборю, казнить буду тебя“. 25
Рѣчь возговорилъ молодой драгунъ:
— Есть воля Божія и твоя царева.—
Подпоясывалъ православный царь шелкóвъ кушакъ [1],
Выходили они, съ молодымъ драгуномъ сухвати́лися.
Рѣчь возговорилъ ему молодой драгунъ, 30
Бѣлому царю, Петру Алексѣевичу:
— Гой ты, батюшка, православный царь,
— Православный царь, Петръ Алексѣевичъ!
— Да я тебя, православнаго царя, побороть [2] хочу.—
Лѣвой рукой молодой драгунъ побарывалъ, 35
Правой рукой молодой драгунъ подхватывалъ,—
Не пущалъ царя на сыру землю.
Рѣчь возговорилъ православный царь:
„Сполать [3] тебѣ, драгунъ, боротися!“
Подходилъ къ нему молодой драгунъ близехонько: 40
— Гой ты, гой еси, батюшка, православный царь,
— Православный царь, Петръ Алексѣевичъ!
— Не прогнѣвайся на мое бороньице.—
„Благодарю тебя, молодой драгунъ, за бороньице!
„Чѣмъ тебя, молодой драгунъ, дарить-жаловать: 45
„Селами-ли те, дерéвнями,
„Али же золотой казной?“
— Не надо мнѣ ни селóвъ, ни дéревневъ,
— Ни матушки золотой казны:
— Дай ты мнѣ безденежно 50
— По царевымъ кабакамъ вино пить.—

---

[1] При борьбѣ борющіеся берутъ одной рукой за кушакъ другъ друга.
[2] Повалить на землю.
[3] Исполать.

4. ПОЛТАВА.

Въ тысяча семьсотъ первомъ [1] годѣ,
Во мѣсяцѣ было во іюлѣ,
Стояли солдаты на границѣ.
А ни вѣстки, ни грамоты съ Руси нѣту.
Въ три годочка перепала скора вѣстка: 5
Что отцовъ и матерей въ живѣ нѣту,
Молодыя жены замужъ вышли,
Малы дѣточки ходятъ-сиротаютъ.
Еще ли намъ, ребятушки, не тошно?
Какъ подъ славнымъ городомъ подъ Полтавой, 10
Тутъ стоялъ-постоялъ король Шведскій.
Къ королю кавалеры приходили,
На рѣчахъ кавалеры доносили:
— Ахъ ты, батюшка, король земли Шведской!
— Колько подъ городомъ ни стояти, 15
— Намъ Полтавы города не взяти:
— Во Полтавѣ есть московская пѣхота,
— Самъ царь-государь поспѣшаетъ,
— Онъ съ конницей, со драгунами,
— Съ регулярной силой, со пѣхотой.— 20
Онъ походъ держитъ въ землю Шведску,
Походъ держитъ подъ праву руку,—

---

[1] Конечно: девятомъ.

Подъ ту ли подъ Красну Мызу.
Не дошедъ Красной Мызы становился,
Всѣхъ солдатъ своихъ испостроилъ, 25
Пушки-мортирушки изоставилъ.
„Ахъ вы гой еси, мои генералы,
„Храбрые мои кавалеры!
„На службѣ кавалеры не бывали,
„Пушечнаго грома не слыхали?“ 30
— Мы еще донесемъ тебѣ челобитье:
— Что изъ славнаго города изъ Обска [1]
— Подымается царевъ большой бояринъ,
— Князь Борисъ Петровичъ Шереметевъ,
— Походъ держитъ во Шведскую землю.— 35
Не дошедъ Красной Мызы становился,
Напередъ казаковъ разсылаетъ.
Напередъ казаки разъѣзжаютъ,
Наѣзжаютъ на шведскіе караулы:
Шведскіе караулы съ поля сбили, 40
Много шведовъ въ полѣ прирубили,
Увезли въ полонъ большого майора.
Шереметевъ взялъ майорушка въ допросы:
„Ты скажи-ка, майоръ, Божью правду,
„По крестному Божьему цѣлованію: 45
„Гдѣ стоитъ генералъ вашъ?
„Гдѣ стоитъ благодеръ [2] вашъ?
„Гдѣ стоитъ самъ король вашъ?
„Много ли у васъ силы у генерала?
„Много ли у васъ силы у благодера? 50
„Много ли силы съ самимъ королемъ?“
— У генерала у насъ силы тридцать тысячъ,
— У благодера силы сорокъ тысячъ,

---

[1] Пскова, какъ прямо указано въ другихъ пѣсняхъ о Б. П. Шереметевѣ.

[2] Бригадиръ.

— А съ самимъ королемъ смѣты нѣту.—
„Врешь, майоръ, врешь-плутуешь: 55
„Я этого не боюся,
„Въ Обскъ назадъ не вернуся“.
Приказалъ въ барабаны скоро бити,
Скорѣй того въ походъ выступати
Къ этой рѣкѣ ко Момжѣ; 60
Чтобъ король не догадался,
За Момжу рѣку не перебрался.
А король догадался,
За Момжу рѣку перебрался.
Шереметевъ за нимъ погони́лся: 65
Состигалъ короля середь поля,
Подъ славнымъ городомъ подъ Полтавой.
Подымалась Полтавска баталья.
Запалитъ шведская сила
Изъ большого снаряда—изъ пушки; 70
Запалитъ московская сила
Изъ мелкаго ружья—изъ мушкета.
Не крупенъ чеснокъ разсыпа́лся:
Смѣшалася шведская сила.
Распахана шведская пашня, 75
Распахана солдатской бѣлой грудью;
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронена шведская пашня
Солдатскими руками; 80
Посѣяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поли́вана новая пашня
Горячей солдатской кровью [1].

---

[1] Ср. въ „Словѣ о полку Игоревѣ“: Чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровью польяна.

5. КОНЧИНА ПЕТРА I.

а.

Во славномъ городѣ во Сан-Питерѣ
Стояли палаты бѣлокаменныя;
Во тѣхъ во палатахъ бѣлокаменныхъ
Состроена тутъ кроватушка тесовая,
На кроватушкѣ изголовьице точеное, 5
Точеное, позолоченное,
На изголовьицѣ подушечки шелковыя,
Шелковыя и парчевыя,
На подушкахъ одѣяло соболиное
Того соболя сибирскаго. 10
Подъ одѣялечкомъ лежитъ удалый добрый молодецъ,
Удалъ добрый молодецъ, нашъ православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ.
Передъ нимъ стоятъ всѣ князья-бо́яре,
Всѣ старшіе фельдмаршалы. 15
Возговорятъ всѣ князья-бо́яре,
Всѣ старшіе фельдмаршалы:
— Тебѣ, видно, худо можется,
— Худо можется, конецъ ближится.
— На кого ты свое царство приказываешь, 20
— На кого ты свое государство отказываешь?
— Кому у насъ будетъ сенатъ судить,
— Кому у насъ владѣть каменно́й Москвой,
— Каменно́й Москвой, всей Россіею?—

Какъ не золотая трубонька вострубила, 25
Какъ не серебряная сиповочка [1] возъиграла,—
А возговоритъ нашъ батюшка православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ:
„Сенатъ судить вамъ, князьямъ-бо́ярамъ,
„Каменна Москва и Россія вся моей государынѣ“. 30
Услыхала государыня,
Изъ палатъ идетъ, сама вопитъ:
— О ты гой еси, милъ, сердечный другъ,
— Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
— На кого ты свое царство приказываешь, 35
— На кого ты свое государство отказываешь?—
Не золота трубонька вострубила,
Не серебряная сиповочка возъиграла,—
Анъ возговорилъ нашъ православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ: 40
„Сенатъ судить князьямъ-боярамъ,
„Всѣмъ старшимъ фельдмаршаламъ;
„Каменна́я Москва—тебѣ, моя государыня,
„Каменна́я Москва и Россія вся“.

б.

Какъ у насъ было, братцы, на святой Руси,
На святой Руси, въ каменно́й Москвѣ,
У Ивана у Великаго, у собора у Успенскаго,
Ударили въ большой колоколъ;
Раздается звонъ по матушкѣ по сырой землѣ: 5
Померъ, померъ у насъ, братцы, Бѣлый царь,
Бѣлый царь, Петръ Первый.
Возговорятъ его слуги вѣрные, генералушки,
Генералушки, чиновны господа:

---

[1] Сопѣль, флейта.

„Состроимъ мы своему царю Бѣлому гробницу кипарисову, 10
„Увьемъ мы ее, гробницу, плисомъ-бархатомъ,
„Унесемъ мы своего царя Бѣлаго за Неву рѣку,
„Поставимъ мы его гробницу во сыру землю,
„Засыплемъ ее съ горъ желтымъ пескомъ“.

в.

Какъ ударили въ большой колоколъ
Въ соборѣ да Петропавловскомъ.
Что за правымъ-то за крылосомъ,
У гробницы государевой,
Государя Петра Перваго, 5
Тутъ стояла честна́я вдова,
Честна́я вдова государыня
Катерина Алексѣевна;
Со слезами Богу молилась:
„Ужъ ты встань, встань, благовѣрный царь, 10
„Благовѣрный царь, Петръ Алексѣевичъ!
„Посмотри ты на свою армію
„И на конную на всю гвардію:
„Всѣ солдатушки въ походъ идутъ,
„Барабанщички въ барабаны бьютъ“. 15

г.

Охъ ты, ягодка самородинка,
Распрекрасное мое деревцо!
Ты когда взошла, когда выросла,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
— Я весной взошла, лѣтомъ выросла, 5
— Я зарей цвѣла, солнцемъ вызрѣла.—
Охъ ты, ягодка самородинка,
Распрекрасное мое деревцо!
Ты почто рано позало́мана,

Во пучечки перевязана,
По дико́й степи поразбросана,
До того ли села Шереметева,
До того ли дворца государева,
До того ли крыльца воскрашо́наго [1]?
У того ли дворца государева,
У крыльца было воскрашо́наго,
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ.
Признобилъ онъ рѣзвы ноженьки по самы сапоженьки,
Бѣлы рученьки по самыя ко́стыньки [2].
Стоючи-то онъ призадумался,
Призадумавшись слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ, что̀ рѣка льется,
Ужъ и слезы льетъ, что̀ ручьи текутъ,
Воздыхаетъ онъ, словно лѣсъ шумитъ,
Возрыдаетъ онъ, ровно громъ гремитъ.
Возрыдаючи онъ возго́ворилъ:
„Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные,
„Разнесите съ небесъ снѣжки бѣлые,
„Растолкните, вѣтры, бѣлъ горючъ камень,
„Расшатайте-ка мать сыру́ землю
„Вы на всѣ четыре стороны,
„Расколите, вѣтры, гробову доску,
„Разверните вы золоту парчу,
„Распахните вы бѣлъ-тонко́й саванъ!
„Ужъ ты встань, проснись, православный царь,
„Православный царь, Петръ Алексѣевичъ!
„Подыми ты свою головушку,
„Посмотри на свою силушку:
„Твоя силушка во строю стоитъ,
„Во строю стоитъ—не шело́хнется,
„По военному она обучается,
„На войну она отлучается“.

---

[1] Краснаго.
[2] До костей: Петръ скончался въ январѣ мѣсяцѣ.

459

V. ПОСЛѢ ПЕТРА I. ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

Скудная по содержанію и по количеству общеисторическая пѣсня этого времени представлена преимущественно пѣсней солдатской и казачьей, получавшими иногда болѣе широкій районъ распространенія, будучи заносима изъ солдатской, рѣже казачьей, среды въ среду сѣвернаго и среднерусскаго крестьянства. Эта пѣсня еще болѣе, нежели пѣсня Петровскаго времени, показываетъ съуженіе и ослабленіе творчества сравнительно съ прежней устной исторической пѣсней, какъ со стороны содержанія, почти уже безсильнаго подняться надъ интересами породившей ее среды до оцѣнки событія съ точки зрѣнія общерусской, такъ и со стороны поэтической цѣнности, не будучи въ силахъ даже овладѣть въ достаточной степени старой поэтикой, повидимому, теперь уже мало доступной вкусамъ самой среды, которая дала эту пѣсню XVIII вѣка. Насколько историческое самосознаніе слагателей (а за ними и носителей) этой пѣсни отстаетъ отъ широкаго пониманія дѣйствительности, можно судить уже по тому, что историческая подкладка пѣсни XVIII вѣка, несмотря на относительную ея близость по времени къ намъ, большею частью нами угадывается лишь приблизительно, а сама эта предполагаемая основа—часто мелкій, анекдотическій иногда къ тому же, фактъ, интересный, скорѣе всего, опять-таки преимущественно для той узкой среды, которая создала данную пѣсню. Наконецъ, для общей характеристики пѣсни этого времени не излишне напомнить о немногочисленности ея сюжетовъ, стало быть, и неполнотѣ отраженія въ ней русской жизни въ ея наиболѣе крупныхъ проявленіяхъ, а также о бѣдности ея въ количественномъ отношеніи и частой зависимости отъ пѣсни предшествующаго времени даже по содержанію.

1. Краснощековъ и прусскій король (около 1737 г.). Трудность пріурочить эту пѣсню къ опредѣленному факту и времени заключается въ томъ, во-первыхъ, что въ основѣ ея лежитъ

общаго характера анекдотъ съ ходячимъ мотивомъ переодѣванья, во-вторыхъ, въ неустойчивости термина „прусскій король“, который въ варіантахъ этой пѣсни (равно какъ и въ другихъ пѣсняхъ XVIII вѣка, въ виду роли, которую играетъ въ нашихъ внѣшнихъ дѣлахъ то Пруссія, то Швеція) чередуется съ другимъ: „шведскій король“. Опираясь же на имя Краснощекова, извѣстнаго съ Петровскаго времени (съ похода на Дербентъ, 1722 г.) атамана донскихъ казаковъ, популярнаго и въ другихъ казачьихъ пѣсняхъ, можно съ нѣкоторой долей вѣроятія пріурочивать пѣсню или къ 1737 году—времени осады Данцига Ласси (здѣсь въ это время отсиживался претендентъ на польскій престолъ Станиславъ Лещинскій), или же къ войнѣ при Аннѣ и Елизаветѣ со Швеціей (началась въ 1736 г.): есть пѣсня о томъ же Краснощековѣ, попавшемъ въ плѣнъ къ Левенгаупту и здѣсь якобы погибшемъ. Пѣсня, помѣщаемая ниже, вышла, повидимому, изъ казацкой среды и прошла довольно далеко на сѣверъ (одинъ изъ ея варіантовъ—со „шведскимъ королемъ“—былъ записанъ въ Шенкурскѣ Архангельск. губ.).

2. Шведская война (ок. 1743 г.). Пѣсня въ томъ ея видѣ, какъ мы ее имѣемъ передъ собою, можетъ быть разсматриваема, какъ общій отзвукъ тѣхъ смутныхъ, неудачныхъ дипломатическихъ отношеній Россіи къ Швеціи, которыя, начавшись еще въ правленіе Анны Ивановны, разрѣшились объявленіемъ Швеціей войны (1741 г.); война, какъ извѣстно, закончилась тѣмъ, что по миру въ Або (1743 г.) Швеція не только не получила Финляндіи, на которую она предъявляла требованія, но должна была уступить Россіи еще новыя области до рѣки Кюмени. Упоминаніе въ пѣснѣ имени Румянцева надо признать болѣе соотвѣтствующимъ дѣйствительности, нежели именъ Потемкина или Суворова (часто вносимыхъ, вмѣсто него, въ качествѣ именъ популярныхъ полководцевъ въ пѣсню солдатскаго происхожденія): П. А. Румянцевъ и въ дѣйствительности былъ главнымъ дѣятелемъ со стороны Россіи при выработкѣ условій Абоскаго мира.

3. Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ (1758 г.).

Эпизодъ, послужившій отправнымъ пунктомъ пѣсни, имѣлъ мѣсто во время войны съ Пруссіей, когда русскія войска заняли восточную Пруссію и осадили г. Кистринъ; послѣ неудачной осады города, на выручку котораго подошелъ самъ король Фридрихъ II, произошла битва при Цорндорфѣ; здѣсь послѣ нерѣшительнаго результата сраженія оказалось, что З. Г. Чернышовъ (состоявшій въ качествѣ генералъ-поручика при командующемъ гр. Ферморѣ) и другіе русскіе генералы попали въ плѣнъ къ пруссакамъ и были отведены въ Кистринъ, куда долженъ былъ отступить и король. Нѣсколько времени спустя (въ томъ же году), З. Г. Чернышовъ былъ опять на свободѣ и со своимъ корпусомъ принималъ участіе въ штурмѣ Берлина.

4. Первая турецкая война (ок. 1769 г.). Трудно сказать, какой эпизодъ изъ первой Екатерининской войны противъ турокъ имѣла въ виду эта пѣсня, скудная реальными подробностями и мало характерная для опредѣленнаго факта въ силу общности содержанія. Просматривая фактическую исторію этой войны и сравнивая съ ней пѣсню, кажется, скорѣе всего можно сблизить нѣкоторыя детали пѣсни съ осадой и взятіемъ Бендеръ, а отклоненіямъ ея отъ соотвѣтствія съ фактическими данными этой осады—найти удовлетворительное объясненіе въ обычныхъ пріемахъ поздней исторической пѣсни: по крайней мѣрѣ, общее настроеніе пѣсни и то, какое могли произвести перипетіи борьбы около Бендеръ, поддаются сближенію. Подъ Бендерами турки оказали отчаянное сопротивленіе, такъ что побѣдители на приступѣ, длившемся всю ночь, потеряли болѣе пятой части всего осаждавшаго отряда (ихъ было всего около 35 тысячъ): побѣда досталась слишкомъ дорогой цѣной. Можетъ быть, именно на это сопротивленіе намекнула пѣсня стихами 4—8, гдѣ говорится о неудачѣ бомбардировки, озлобленіи турокъ, страшной отвѣтной пальбѣ съ крѣпости. Вторая часть пѣсни слабо связана съ содержаніемъ первой: въ ней въ общихъ словахъ говорится о какой-то удавшейся попыткѣ казаковъ (и сама пѣсня, повидимому, казацкаго происхожденія) снять турецкіе караулы. Упоминаніе же Ру-

мянцева (вмѣсто Панина, командовавшаго подъ Бендерами) и Суворова (онъ не участвовалъ въ дѣлѣ) получаетъ обычное объясненіе въ пѣснѣ: появленіе популярнаго имени независимо отъ соотвѣтствія этого имени фактамъ.

5. Пугачевъ (1775 г.). Пѣсня о казни Пугачева проникнута суровой тенденціей по отношенію къ нему, что̀ заставляетъ предполагать, что сложилась она не въ той обычной средѣ, казацкой или разбойничьей, гдѣ бы мы ее ожидали. Авторъ пѣсни дальше общихъ фразъ не идетъ, видимо, и не имѣлъ яркихъ, непосредственныхъ впечатлѣній объ отдѣльныхъ и различныхъ эпизодахъ пугачевщины, помнилъ только кое-что объ обстоятельствахъ самой казни, какъ о случаѣ, изъ ряда вонъ выходящемъ во второй половинѣ XVIII вѣка. Вообще, надо сказать, пугачевщина, судя по извѣстнымъ намъ пѣснямъ о ней, нашла себѣ отраженіе преимущественно въ казачьей и разбойничьей пѣснѣ (пѣсни о бунтѣ въ Яицкомъ городкѣ, о предчувствіи недобраго конца у Пугачева, о судѣ надъ нимъ, о поимкѣ и доставленіи въ Москву), при чемъ и здѣсь это отраженіе слабо, что̀ выразилось въ отрывочности и незаконченности самихъ этихъ пѣсенъ о Пугачевѣ.

6. Румянцевъ-сватъ (1776 г.?). Повидимому, отправнымъ пунктомъ для пѣсни была упомянутая выше осада Бендеръ (опять-таки съ Румянцевымъ); въ дальнѣйшемъ пѣсня осложнилась мотивомъ сватовства, естественно, уже примѣненнымъ къ тому же Румянцеву; при этомъ „россейскій генералъ Ивановичъ Иванъ“ является личностью вымышленной, какъ и нѣмецкая красавица, называемая въ иныхъ варіантахъ Марьюшкой. Это несоотвѣтствіе содержанія пѣсни дѣйствительности (довольно обычное для пѣсни поздней) заставило перваго издателя этой пѣсни (П. А. Безсонова) предположить въ ней иносказаніе, искать исторической основы и для второй ея части, именно: видѣть въ ней намекъ на участіе Румянцева въ дѣлѣ о сватовствѣ вел. кн. Павла Петровича и принцессы Вюртембергской (стало быть, нѣмки, которая и зоветъ къ себѣ на свадьбу своего родственника, дядю, короля прусскаго), будущей императрицы Маріи Ѳедоровны (от-

сюда—Марьюшка пѣсенныхъ варіантовъ), а въ Иванѣ Ивановичѣ (онъ, ясно, не могъ быть сыномъ Петра Румянцева)—конечно, усматривать в. к. Павла, который подъ названіемъ „сѣвернаго графа“ въ это время ѣздилъ инкогнито въ западную Европу. Подобное толкованіе пѣсни, во всякомъ случаѣ, не устраняетъ несогласованности обѣихъ частей ея, такъ какъ она въ началѣ говоритъ объ осадѣ крѣпости, соотвѣтствія чему, или даже намека, нѣтъ въ дѣлѣ о сватовствѣ Павла, говоритъ притомъ въ выраженіяхъ, напоминающихъ пѣсню объ осадѣ Бендеръ. Въ результатѣ предлагаемое объясненіе пѣсни нельзя не признать очень искусственнымъ и не опирающимся въ достаточной мѣрѣ на текстъ самой пѣсни.

7. Смерть Екатерины (1796 г.). Достаточно сравнить эту пѣсню съ такой же о смерти Петра Великаго (выше стр. 457), чтобы видѣть ея зависимость отъ этой послѣдней. Но и въ ней нашелъ себѣ откликъ тотъ тяжелый укладъ жизни, который наступилъ для всѣхъ—а въ томъ числѣ и для военныхъ людей—съ первыхъ же дней царствованія Павла: „безъ тебя намъ жить похужѣло, всему царству потяжелѣло при твоемъ сынѣ“, плачется солдатъ.

1. КРАСНОЩЕКОВЪ и ПРУССКІЙ КОРОЛЬ.

Ты, Россійская земля,
Много нужды приняла!
За то ее сударыня
Жаловала.
Краснощековъ-отъ король [1]
Къ Прусу въ гости заѣзжалъ:
Онъ безъ спросу, безъ докладу
Во палатушки вбѣжалъ.
Прусской [2] король не узнавалъ,
На рѣзвы ноги вставалъ, 10
На рѣзвы ноги вставалъ,
Рюмку водки наливалъ,
Купчиною называлъ:
„Ахъ, ты выкушай, купчинушко,
„Купеческій сынокъ! 15
„Какъ у васъ ли я въ Россіи,
„Во Россійской во землѣ,
„Во Россійской во землѣ
„Генераловъ знаю всѣхъ;
„Одного только не знаю— 20
„Краснощекова короля [3].

---

[1] Вѣроятно: къ королю.

[2] По варіанту—„шведскій".

[3] Повидим му, слово безсознательно превратилось въ прозвище Краснощекова, какъ видимъ и въ другихъ варіантахъ; ср. прим. 1.

„Много бы, много бы казны далъ,—
„Краснощекова спозналъ“.
Краснощековъ-отъ король [1]
Таки рѣчи говорилъ: 25
— На что казны давать?
— Можно такъ его признать:
— Кудерушки на немъ,
— Какъ на батюшкѣ на родномъ;
— Черна шляпынька на немъ,— 30
— Какъ на братцѣ на моемъ.—
Выходилъ же Краснощековъ
На высокъ-красенъ крылецъ,
Закричалъ онъ, засвисталъ
Своимъ громкимъ голосо́мъ: 35
— Ахъ вы гой еси, ребята,
— Мои вѣрные слуги!
— Вы подайте поскорѣе
— Мого добраго коня,
— Мого добраго коня 40
— Ко высокому крыльцу,
— Ко высокому крыльцу,
— Ко точеному столбу!—
На коня онъ сталъ садиться,
Что ясенъ соко́лъ взлетѣлъ; 45
Со двора онъ сталъ съѣзжать,
Насмѣхаться надъ нимъ сталъ:
— Ты ворона, ты ворона,
— Подгуменный грачъ!
— Не умѣла ты, ворона, 50
— Яснаго сокола пымать,
— Яснаго сокола пымать,
— Въ когтяхъ крѣпко держать!—

[1] Вѣроятно было: королю.

2. ШВЕДСКАЯ ВОЙНА.

Пишетъ-пишетъ король шведскій
Государынѣ въ Москву:
„Милосердна государыня,
„Замиреньица прошу!
„Замиреньица пожалуй, 5
„Отдай судержавны [1] города:
„Отдай Ригу, отдай Ревель,
„Отдай рукодѣль [2] мою;
„Еще отдай Курдяй, Вихляй [3]
„Со Выборгомъ назадъ! 10
„Не отдашь ты эти города,—
„Не прогнѣвайсь на меня,
„На шведскаго короля:
„Ужъ я самъ-то, король шведскій,
„На твою землю вступлю, 15
„Всю Россіюшку пройду,
„Во Москву-городъ войду,
„Фатерушки распишу,
„Солдатушекъ поставлю:
„Я виндеровъ-гренадеровъ [4] 20
„По купецкимъ по домамъ;
„Свого вѣрнаго виндера

---

1 Въ одной державѣ и области (объясненіе перваго издателя).

2 Т.-е. созданные мною (объясненіе его же); въ другихъ варіантахъ — Кронштадтъ.

3 Курляндія и Лифляндія.

4 Унтеръ-офицеровъ.

„Катеринѣ на подъѣздъ;
„Ужъ я самъ-то король шведскій
„Къ Катеринѣ [1] въ домъ вступлю!“ 25
Милосердна государыня
Испужалася весьма:
Рѣзвы ноженьки королевскія
Подгибались на ходу,
Рѣзвы рученьки королевскія 30
Опускались на маху.
Передъ ней стоитъ одинъ молодецъ,
Графъ Румянцовъ [2] генералъ,
Милосердную государыню
Разговаривалъ [3] на словахъ: 35
— Милосердна государыня,
— Не пужайся-ка весьма!
— У насъ столько силы есть,
— Что въ чисто́мъ полѣ травы;
— У насъ столько генераловъ, 40
— Что на травонькѣ цвѣтовъ.
— Мы всю силушку сберемъ,
— Во походъ ее пошлемъ;
— Ужъ мы хлѣбовъ напечемъ
— Въ каменно́й маткѣ-Моско́вѣ, 45
— На пуше́чномъ на дворѣ;
— Горяченька похлебочка
— У солдатушекъ въ ружьѣ.
— Ужъ мы встрѣтимъ этого гостя
— Среди моря на пути; 50
— Ужъ мы станемъ этого гостя,
— Станемъ потчивать!—

---

[1] Елизаветѣ, какъ слѣдуетъ.

[2] Въ другихъ варіантахъ: Потемкинъ, „чинъ голой енаралъ“ (Головинъ?), Суворовъ.

[3] Утѣшалъ, убѣждалъ.

3. З. Г. ЧЕРНЫШОВЪ.

Ты звѣзда, звѣзда восточная!
Высоко звѣзда восходила:
Выше свѣтлаго мѣсяца,
По заявью красна солнышка [1].
Во землѣ было во Прусскія,
Во Кистри́нѣ, славномъ городѣ,
За Кистри́нскими воротами,
Во саду было во вишенѣ,
Во зеленомъ виноградьицѣ,
Тутъ стояла свѣтла свѣ́тлица,— 10
Заключе́вна заключе́вница [2]
Со косящатымъ окошечкомъ,
Со стекольчатой околенкой,
Со желѣзной со рѣшеточкой;
Что у этой свѣтлой свѣ́тлицы, 15
Заключевной заключевницы
Были двери все желѣзныя,
Ободверины укладныя [3],
А пробойцы-то булатные [4].

---

[1] Выше солнышка при его восходѣ.
[2] Тюрьма.
[3] Стальной (обычно о ножѣ, топорѣ—Даль).
[4] Тоже: стальной.

А замокъ былъ въ полтора пуда, 20
Полтора пуда съ четвертью.
Какъ во этой свѣтлой свѣтлицѣ,
Заключевной заключевницѣ
Тутъ сидѣлъ да посидѣльщичекъ.
Онъ по свѣтлицѣ погуливаетъ, 25
Золоту трубку раскуриваетъ,
Запѣваетъ свою пѣсенку,
Свою пѣсенку любимую,
Свою пѣсенку служивую:
„Ты таланъ ли мой, таланъ лихой, 30
„Злая участь, горе горькое!
„На роду мнѣ Господь писалъ
„Одному горе измыкати!“
Мимо этотъ садъ и вишенье
Случилóся итти-ѣхати 35
Самому королю прусскому,
Королевскому величеству.
Какъ завидѣлъ посидѣльничекъ
Изъ косящата окошечка
Во стекольчату околенку: 40
„Ахъ ты гой еси, прусской король,
„Королевское величество!
„Ты умѣлъ меня въ полонъ поймать,
„Ты умѣлъ меня въ тюрьму садить:
„Прикажи меня поить-кормить; 45
„Не прикажешь поить-кормить,
„Прикажи меня на Русь пустить;
„Не прикажешь ли на Русь пустить,
„Прикажи меня скорѣй казнить!“
Отстоялся [1] самъ прусской король, 50
Королевское величество:

[1] Остановился.

— Ахъ ты гой еси, россійскій графъ,
— Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ!
— Ужъ ты будешь ли по мнѣ служить?
— Коли будешь ты по мнѣ служить, 55
— Прикажу тебя поить-кормить,
— Прикажу дать двойно жалованье.—
Закричалъ тутъ россійскій графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:
„Ахъ ты гой еси, прусской король, 60
„Королевское величество!
„Кабы былъ я на своей волѣ,
„Я бы радъ былъ тебѣ служить—
„На твоей бы буйной головѣ,
„На твоей бы шеѣ бѣлыя!“ 65
Какъ спрогóворитъ прусской король,
Королевское величество:
— Посиди-ка ты во той тюрьмѣ,—
— Наберешься ума-разума!—
Закричалъ тутъ посидѣльщичекъ, 70
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:
„Напишу я свою грамотку
„Не перомъ, не чернилами,
„А своими горючьми слезьми
„Превеликой государынѣ: 75
„Еще нешто наша матушка,
„Превелика государыня,
„На подмогу бы силы прибавила,
„Артиллеріи бы къ намъ подкáтила!“
Еще прусскóй король 80
Не доѣхалъ до своего дворца,—
Ужъ и пушечки запукали
Во славной Кистрúнъ городъ.
Обездолился [1] прусскóй король,

[1] Потерпѣлъ неудачу.

Королевское величество; 85
Выпускалъ же онъ посидѣльщичка,
Отвозилъ къ царю Бѣлому,
Превеликой государынѣ;
Онъ просилъ замиреньица:
— Превелика государыня! 90
— Помиримся со мной, прусски́мъ королемъ.—
Говоритъ тутъ посидѣльщичекъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:
„Превелика Государыня!
„Не мирися съ прусски́мъ королемъ: 95
„Мы возьмемъ его Кистри́нъ-городъ,
„Разобьемъ Кистри́нски крѣпости“.

4. ПЕРВАЯ ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА.

Еще кто у насъ, ребята, въ каменнóй Москвѣ бывалъ,
Въ каменной Москвѣ бывалъ, про визи́ря кто слыхалъ,
Про того ли про визи́ря, про Турецкую войну?
Мы подъ городомъ стояли, много горя принимали,
Много горя принимали, стѣну каменну пробивали; 5
Мы стѣнушку не пробили, только турка разсердили;
Турки и́зъ пушекъ запалили, нашихъ дымомъ завалили:
Каково есть красно солнце—не видать его въ дыму.
Князь Румянцовъ генералъ свою силу утверждалъ,
А Суворовъ подскакалъ ко Донскимъ казакамъ: 10
„Ой вы, братцы, молодцы, вы Донскіе казаки,
„Вы Донскіе, Гребенскіе, Запорожски молодцы!
„Сослужите таку службу, каку я вамъ велю,
„Каку я вамъ велю и какую прикажу:
„Вы пейте-ка безъ мѣры зеленóе вино, 15
„Берите безъ разсчету государевой казны,—
„Не можно ли, ребята, караулы турски снять?“
— Не велика, сударь, страсть—караулы турски скрасть!—
Тихо ночью подъѣзжали, караулы турски скрали.
Закидался, забросался самъ турецкій визирь, 20
Черьзнень (?) рѣку перешолъ, во постелюшку слегъ:
— Не чаялъ своей силушкѣ въ погибели бывать,
— А теперя моя силушка побитая лежитъ,
— Вся побитая лежитъ, вся порубленная:
— Побили, порубили все Донскіе казаки, 25
— Донскіе, Гребенскіе, Запорожцы молодцы.—

5. ПУГАЧЕВЪ.

Ужъ при славной было при царицѣ,
При матушкѣ при царицѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ,
Ужъ весь-то русскій народъ жилъ во счастьицѣ,
Во счастьицѣ, во раздольицѣ, во богатыемъ житьѣ.
Ужъ какъ всѣ-то купцы себѣ домъ накопляли,
А бѣдные-то ни въ чемъ нужды не видали:
Всѣ жили и молили за царицу,
За матушку Катерину Алексѣевну.
Но вдругъ настало время злое,
Время злое, несчастливое: 10
Ужъ какъ нанесло-то вихремъ
На святую Русь бѣду пагубную,
Бѣду пагубную, неминуемую.
Проявился у насъ на славной землѣ,
На славной землѣ, на святой Руси, 15
Проявился воръ-собака, проклятый человѣкъ,
Проклятый человѣкъ, Пугачевъ казацкій сынъ.
Ужъ какъ этотъ-то собака вздумалъ по Руси гулять,
Вздумалъ по Руси гулять, а себя царемъ казать.
Много ка́знилъ, много вѣшалъ, много головы рубилъ, 20
Много головы рубилъ и во ямушки валилъ.
Какъ пымали-то собаку во чисто́мъ полѣ,
Привезли эту собаку во Москву-городъ гостить,
Во Москву-городъ гостить, буйну голову рубить.
Какъ казнили-то собаку на главной площади, 25
Ужъ казнили, пятерили, буйну голову срубили.

6. ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ-СВАТЪ.

Мы вечóръ въ торгу торговали,
Свинцу-пороху покупали,
Мѣдны пушечки заряжали,
Въ каменнý стѣнушку стрѣляли,
Короля въ глаза не видали;
Красну дѣвицу [1] въ полонъ взяли,
Ко Румянцову подводили.
Графъ Румянцовъ дивовался,
Красотѣ ея любовался:
Хороша дѣвушка, румяна, 10
По нѣмецкому изубрана:
На ней шубочка голубая,
Душегрѣечка парчевая,
Въ косѣ ленточка золотая.
„Ты позволь [2] съ нами говорити, 15
„Про мою силушку спросити,
„Про свою армію сказати.
„Ты поди, поди въ Россею замужъ
„За любимаго мого сына,
„За Ивановича Ивана [3], 20

---

[1] Въ варіантахъ дѣвица носитъ имя Марьюшки, въ другихъ называется просто нѣмкой.

[2] Т.-е. изволь.

[3] Отчество, какъ и имя, вымышлены; будь онъ сыномъ Румянцова, отчество его было бы—Петровичъ.

„За россейскаго генерала“.
— Не хочу съ вами говорити,
— Я нейду, нейду въ Россею замужъ
— За любимаго твого сына,
— За Ивановича Ивана, 25
— За россейскаго генерала.—
Графъ Румянцовъ разсердился,
Онъ безъ милости распалился,
Востру сабельку вынимаетъ,
Красну дѣвушку онъ стращаетъ. 30
Красна дѣвушка испужалась,
За Румянцовымъ погонялась:
— Ужъ ты батюшка, графъ Румянцовъ!
— Ты позволь [1] со мной говорити,
— Про мою армію спросити, 35
— Про свою силушку сказати:
— Я иду, иду въ Россею замужъ,
— За любимаго твого сына,
— За Ивановича Ивана,
— За россейскаго генерала.— 40
Мы со вечера спать ложились,
По утру мы рано вставали,
Ключевой водой умывались,
Шелковымъ платкомъ утирались.
Начала дѣвица писати, 45
Королю письмо отсылати:
— Пріѣзжай ты, король, на свадьбу
— Ко любимому своему сыну,
— Ко Ивановичу Ивану.—

[1] Изволь.

7. СМЕРТЬ ЕКАТЕРИНЫ II.

Ужъ ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ,
Что же ходишь понизешеньку,
Что жъ ты свѣтишь помалехоньку,
Не по старому, не по прежнему?
Въ новомъ городѣ, во Спленскому [1], 5
Стоятъ вереи точеныя,
Все точеныя, раскрашо́ныя;
Длѣ [2] верей стоитъ молодой солдатъ,
Молодой солдатъ, полковой сержантъ,
Онъ не такъ стоитъ—слезно плачется, 10
Онъ не такъ плачетъ, что̀ рѣка льется:
„Подымитесь, вѣтры буйные,
„Разнесите всѣ желты́ пески,
„Распахнися, шелкова парча,
„Разломися, гробова доска! 15
„Подымися, наша матушка,
„Милосердая государыня,
„Катерина Алексѣевна!
„Безъ тебя намъ жить поху́жѣло.

---

[1] Искаженіе: или—во Успенскому (т.-е. соборѣ, ср. выше, стр. 456), или—во Смоленскому, какъ въ варіантѣ, что̀ также неумѣстно: мы ожидали бы или: въ Москвѣ, или: въ Питерѣ.

[2] Подлѣ (около).

„Всему царству потяжелѣло, 20
„При твоемъ сыну любезному,
„Что при Павлу при Петровичу:
„Онъ загналъ силу во Туретчину,
„Поморилъ смертью голодною,
„Познобилъ зимой холодною!“

48

VI. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

Неуклонно идущая на убыль историческая пѣсня о событіяхъ XIX вѣка даетъ все меньше и меньше по количеству сюжетовъ, сюжеты эти становятся все менѣе значительными, а сама пѣсня часто обнаруживаетъ только перелицовку на новый ладъ прежней; отраженіе въ ней факта еще причудливѣе, чѣмъ въ пѣснѣ старшаго времени. Въ ея поэтикѣ теперь еще меньше связи (хотя она и есть) съ поэтикой старшаго времени; но зато ярче выдвигается новая черта въ ея формѣ: стремленіе къ риѳмѣ, хотя и не богатой, и чисто тоническому размѣру, хотя и не искусному—доказательство становящагося уже замѣтнымъ вліянія въ области устной (и не только исторической) поэзіи поэзіи книжной,—вліянія, идущаго изъ богатой и иногда даже роскошной по формамъ литературы первой половины вѣка.

Тѣмъ не менѣе, исключительныя по общему интересу событія и выходящіе изъ ряда вонъ дѣятели этого времени, поскольку тѣ и другіе были доступны осмысленію слагателей пѣсни, такъ или иначе испытавшихъ на себѣ воздѣйствіе подобныхъ событій и лицъ, нашли себѣ отраженіе въ пѣснѣ, что́ даетъ и этой пѣснѣ право, помимо ея чисто литературныхъ связей съ предшествующей исторической, занять мѣсто, хотя и скромное, въ ряду съ этой послѣдней.

1. Платовъ генералъ (1812—14 гг.). Отечественная война 1812 года, несмотря на свою популярность въ самыхъ широкихъ простонародныхъ кругахъ, дала довольно скромный отзвукъ въ исторической пѣснѣ: событія этой войны нашли себѣ выраженіе преимущественно въ пѣснѣ иного рода (лирической, сатирической, казачьей), въ обильномъ народномъ анекдотѣ, летучихъ листкахъ народнаго книжнаго рынка (лубкахъ), наконецъ, въ изданіяхъ болѣе культурной части общества, ставшихъ отчасти достояніемъ массъ (напр., карикатуры Теребенева). Среди же пѣсенъ этого времени болѣе или менѣе историческаго характера,

не многочисленныхъ по сюжетамъ, центральное мѣсто по своей распространенности заняли пѣсни о генералѣ, впослѣдствіи графѣ, первоначально же атаманѣ Донскихъ казаковъ Матв. Иван. Платовѣ (1751—1818). Онъ до извѣстной степени сталъ самымъ виднымъ героемъ всей эпохи Отечественной войны даже въ болѣе образованныхъ слояхъ общества, хотя наибольшая его слава фактически падаетъ на періодъ уже послѣ Бородина.

Такому представленію о Платовѣ способствовало, повидимому, съ одной стороны, то, что онъ принадлежалъ къ казачеству, роль коего въ эту боевую эпоху опять поднялась, оживилась, напомнивъ старыя времена, съ другой—его долговременная боевая дѣятельность: его имя, какъ участника событій, вспоминается еще въ обѣ екатерининскія турецкія войны (подъ Очаковымъ и Измаиломъ), при Павлѣ (то онъ неожиданно попадаетъ въ Петропавловскую крѣпость, то столь же неожиданно получаетъ приказъ совершить походъ въ Индію противъ англичанъ), особенно же въ войнахъ 1806—7 гг., наконецъ, въ наполеоновскихъ войнахъ. Какъ популярный герой, притомъ еще казачій, Платовъ легко сопоставляется съ подобнымъ же казачьимъ героемъ Краснощековымъ, что́ отразилось и на пѣснѣ о немъ: къ Платову цѣликомъ примѣнена пѣсня о Краснощековѣ (только сдѣлана, разумѣется, соотвѣтствующая подстановка именъ; ср. выше, стр. 466), которая въ популярности и должна была уступить отчасти свое мѣсто болѣе новой пѣснѣ. Т. о. пѣсня о Платовѣ мало оригинальна.

2. Смерть Александра I (1825 г.). Изъ двухъ сюда относящихся пѣсенъ болѣе оригинальна первая, создавшаяся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совершившагося; вторая же, какъ не трудно замѣтить,—новая варіація на тему о смерти Петра или Екатерины; оригинальность ея составляетъ конецъ—упоминаніе о церемоніи перенесенія тѣла императора изъ Таганрога въ Петербургъ—случай, не бывалый до сихъ поръ въ Россіи, чтобы царь скончался не въ столицѣ, а потому и оставившій по себѣ память: ритуалъ перенесенія, очень пышный, тогда же былъ тща-

тельно выработанъ, оглашенъ во всеобщее свѣдѣніе и даже, въ видѣ узкаго длиннаго свитка, отпечатанъ и пущенъ въ обращеніе.

3. Царь Николай и его братъ (1825 г.). Рѣдко встрѣчающаяся (до сихъ поръ извѣстно только три или четыре записи) и не особенно устойчивая по тексту пѣсня даетъ рядъ неясныхъ намековъ на какое-то происшествіе николаевской, вѣроятно, ранней эпохи. Дополняющіе другъ друга варіанты этой пѣсни указываютъ, повидимому, на то, что въ ней мы имѣемъ передъ собою смутные, искаженные и спутанные отклики извѣстной исторіи 14 декабря. Повидимому, слухи о декабрьскомъ возстаніи, руководимомъ офицерами, стремившимися ограничить или ниспровергнуть самодержавіе и не остановившимися передъ проэктомъ убійства императора, дойдя до массъ на Сѣверѣ, приняли нелѣпую, фантастическую окраску и содержаніе. Но что, вѣроятнѣе всего, слухи именно о декабрьскомъ возстаніи были исходной точкой данной пѣсни, видно изъ тѣхъ намековъ, которые, соотвѣтственно дѣйствительности, сохранены ею: такъ, сенаторы, по пѣснѣ,—военные (каковъ тотъ „полковникъ“, который грозитъ смертью Николаю), братъ царя носитъ имя Кости (т.-е. Константина Павловича), отъ царя требуется подписка (признаніе конституціи? отреченіе?); колебаніе, рознь среди войскъ выразились въ томъ, что, по пѣснѣ, одни караульные отказались сообщить, что царь прошелъ въ сенатъ („не видалъ“), другой же осторожно выдалъ товарищей (а по варіанту, даже зарубилъ своихъ товарищей по караулу) и т. п. Начало пѣсни, плохо прилаженное къ остальному, взято изъ другой—о Севастопольской войнѣ,—но и тамъ оно не оригинально: оно повторило (съ необходимыми подстановками) пѣсню о шведской войнѣ 1741—43 гг. (ср. выше, стр. 468).

4. Аракчеевъ (ок. 1834 г.). Мрачный герой Александровской и Николаевской эпохъ, оставившій по себѣ такую тяжелую память своими дикими и крутыми мѣрами властолюбиваго временщика, не могъ быть не помянутъ въ простонародной средѣ, испытавшей на себѣ всю тяжесть власти Аракчеева въ видѣ во-

енныхъ поселеній, принудительныхъ работъ, смыслъ коихъ не былъ понятенъ массамъ, наконецъ, какъ крутой, всесильный, въ то же время корыстолюбивый помѣщикъ Грузина, гдѣ всю тяжесть крѣпостничества давала остро чувствовать аракчеевская „барская барыня". Это-то настроеніе образно и выразилось въ пѣснѣ въ видѣ гнѣвнаго упрека „шельмѣ Ракчееву" въ томъ, что поражавшій роскошью Грузинскій дворецъ построенъ зазнавшимся вельможей на неправедно присвоенное солдатское жалованье. Въ варіантѣ, сохраненномъ намъ А. С. Пушкинымъ, поводъ, вызвавшій пѣсню, указанъ еще опредѣленнѣе. Судя по этому варіанту, пѣсня могла сложиться, если еще не при жизни Аракчеева, то, во всякомъ случаѣ, вскорѣ послѣ его смерти (1834 г.).

1. ПЛАТОВЪ ГЕНЕРАЛЪ *.

Польская земля
Много силы побрала;
А французская земля
Таку славу пронесла
Про Плато́ва казака: 5
Чрезъ законъ Платовъ ступилъ [1]—
Свою бороду обрилъ,
Волоса свои остригъ,
Къ фра́нцузъ [2] въ гости заѣзжалъ.
Его французъ не узналъ, 10
На крылечко выбѣгалъ,

---

* Въ варіантѣ Орловской губ. иное, болѣе пространное, начало:

Вдоль по рѣчкѣ, по рѣкѣ
Взбушевалася волна:
Подымалася война,
Вся французская земля
Сквозь Россеюшку прошла,
Во Москву-городъ зашла;
Немножко побыла:
Много шурмы (смятенія) сдѣлала,
Много крови пролила,—
Все до Бѣлаго царя,
До Донского казака.

[1] Отступилъ отъ обычая.

[2] Французу; м. б. опечатка? Въ варіантахъ онъ прямо названъ Бонапартомъ.

За бѣлыя руки бралъ,
За дубовъ столъ посадилъ,
Рюмку водки наливалъ,
Купчинушкой называлъ: 15
„Ужъ ты здравствуешь, купецъ,
„Ты московской молодецъ!
„Вишь, я самъ въ Москвѣ бывалъ,
„Многихъ тамъ людей зналъ,
„Ужъ-то всякихъ-то людей, 20
„Генераловъ и судей;
„Одного вора не узналъ,—
„Что Платова казака:
„Кто бы мнѣ-ка указалъ,
„Тому много-бъ казны далъ". 25
А спрогóворилъ Платовъ:
— Тѣ [1] на что казна терять?
— Можно такъ его узнать:
— Что вѣдь Платовъ-отъ такой,—
— Мнѣ-ка брателько родной, 30
— Только матери другой.—
А француза дочь Ирина
Изъ шомышки [2] выходила,
Съ купцомъ рѣчи говорила:
„Ужъ ты здравствуешь, купецъ, 35
„Ты московской молодецъ!
„Покажи-ка свой портретъ".
Онъ портретикъ вынималъ,
На крылечко выбѣгалъ,
Громкимъ голосомъ вскричалъ: 40
— Ажь [3] вы служки, вы слуги,

---

[1] Тебѣ.

[2] Одна изъ трехъ частей зимней избы занимаемая обычно хозяевами; въ лѣтней избѣ — одна изъ двухъ ея частей, также хозяйская, семейная.

[3] Вмѣсто: Ай же.

— Ажь Донскіе казаки!
— Приведите-ка коня
— Подъ Платова казака!—
А Плато́въ казакъ садился,
Что ясенъ соколъ взлетѣлъ:
— Ворона ты, ворона,
— Французская ворона!
— У тебя-то, у вороны,
— Въ востры́хъ когтяхъ я былъ:
— Не умѣла ты, ворона,
— Ясна сокола ловить!—
А что Платовъ-отъ казакъ
Въ чисто поле выѣзжалъ,
Востру саблю забиралъ;
А французской-отъ король
У себя волосье рвалъ,
На сыру землю́ металъ,
Много силы накликалъ,
Въ чисто поле отряжалъ.
А какъ Платовъ-отъ казакъ
Тотчасъ пушки заряжалъ
Да француза прогонялъ.

2. СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА I.

а.

Обѣщался царь Лександра
Къ рождеству домой прибыть:
Всѣ праздники на проходѣ,
А Лександры домой нѣтъ.
Его матушка родима 5
Темны ночи мало спитъ:
„Я пойду-выду на башню,
„На дорогу на большу,
„Погляжу я въ ту сторонку,
„Гдѣ Лександра проживалъ“. 10
Какъ пыль въ полѣ запылилась:
Какъ по той ли по дорожкѣ
Что курьеръ скоро бѣжитъ:
„Я пойду, спрошу курьера:
„Ты отколь куда бѣжишь?“ 15
— Я бѣгу, бѣгу, царица,
— Я изъ арміи въ Москву:
— Вѣсть нерадошну скажу,
— Вѣсть нерадошну, печальную
— Про Лександра, сынка твоего: 20
— Какъ сынъ твой Александра
— Въ Таганрогѣ жизнь покончилъ свою.—

Его силушка собранная
Вся слезно заплакала [1]...

б.

У Ивана было у Великаго
Забили-зазвонили въ больши колоколы,
Чтобы слышали гласъ по всей Москвѣ,
По всей Москвѣ, по всей арміи,
Что преставился нашъ благовѣрный царь, 5
Александръ Павловичъ не въ своемъ дворцѣ,
Не въ своемъ дворцѣ, въ дальнемъ городѣ,
Въ дальнемъ городѣ, на теплы́хъ водахъ,
На Таганрогѣ—легкихъ во́здухахъ.
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ, 10
На часахъ стоялъ, онъ ружье держалъ,
Поклонилъ свою буйну голову ко сырой землѣ,
Улѣпилъ ружье [2] во сыру землю:
„Разступися-ка, матушка, сыра земля,
„Развернися-ка, золота парча, 15
„Откройся-ка, гробова доска!
„Ты встань-ка, встань, нашъ благовѣрный царь,
„Ты взгляни, взгляни да по всей Руси,
„По всей Руси, своей арміи,
„Своей арміи, по любезной конной гвардіи: 20
„А тебя несутъ съ церемоніей [3],
„Съ церемоніей со великою,
„Несутъ ко приходу ли, ко собору ли,
„Ко собору ли, ко Божье́й церкви!“

---

[1] Стихи изъ другой пѣсни; ср. слѣдующую.
[2] Въ текстѣ: копье.
[3] Въ текстѣ, какъ и ниже: церемонію.

3. НИКОЛАЙ I и ЕГО БРАТЪ.

Собирайтесь, мелка чернедь [1],
Собирайся на совѣтъ.
Время тяжкое приходитъ:
Ладитъ турка воевать.
Съ англичаниномъ скумились,— 5
Не могли Россіи взять...
Не въ показанное время,
Не въ указные часы,
Не въ указные часы,
Да во саму́ю во полночь, 10
Въ самую во полночь
Да царя требуютъ во сенатъ.
Царь не долго способлялся [2]—
На ямскихъ онъ отправлялся,
Родну братцу говорилъ: 15
„Чтобы за мной погоней былъ".
Братъ не долго способлялся,
На ямскихъ онъ отправлялся,
Ко сенату подъѣзжалъ,
Да часовыхъ онъ переспрошалъ: 20
— Господа, вы часовые,

---

[1] Чернь, народъ (Даль).
[2] Собирался.

— Часовые, страждовы [1]!
— Не видали ль здѣсь, ребята,
— Офицера со вѣстямъ [2]
— Да государя со кистямъ?— 25
Другъ на друга поглядѣли
И сказали: „не видалъ“.
Одинъ солдатичекъ проворъ [3]
Лѣвымъ глазикомъ повелъ [4].
Никого князь [5] не спрошался, 30
Часовыхъ всѣхъ прирубалъ,
До сената доступалъ,
Трои двери изломалъ,
Онъ на четверты отворялъ:
На колѣняхъ братъ стоялъ; 35
Передъ нимъ стоитъ полковникъ,
Сенаторская судья,
И держитъ саблю на вѣсу—
„Что царю голову снесу“ [6].
Царь да брата увидалъ, 40
На рѣзвы ноги вставалъ:
— Тѣ спасибо, братецъ милый,
— Тѣ спасибо, братъ родной!
— Поманилъ бы часъ-минуту,
— Скоро бъ не было меня, 45

---

[1] Сторожевые.

[2] Вѣстями, какъ и ниже: кистями (имѣются въ виду, вѣроятно, аксельбанты или офицерскій кушакъ съ кистями).

[3] Проворный; въ варіантѣ: чернобровъ.

[4] Намекъ объясняется добавленнымъ въ варіантѣ стихомъ: „Государь въ сенатъ зашелъ“.

[5] Въ варіантѣ онъ прямо названъ Костей (т.-е. вел. кн. Константинъ Павловичъ).

[6] Въ варіантѣ:

„Поскорѣй, царь, подпишись,
„Да не долга твоя жись (жизнь)“

— Скоро бъ не было меня:
— Срубили бъ головъ [1] у меня!
— Намъ не дороги сенаты,
— Сенаторскія судьи.
— Изъ сенату мы пойдемъ, 50
— Сенаторовъ всѣхъ прибьемъ.
— Изъ сенатовъ мы пойдемъ,
— Всѣ сенаты всѣ сожжемъ.—

[1] Голову.

4. АРАКЧЕЕВЪ.

На синенькомъ нá морѣ,
Во Кронштатской гавани
Полтораста кораблей:
На каждомъ корабличкѣ
По пяти сотъ молодцовъ, 5
По пяти сотъ молодцовъ,—
Сорокъ пѣсенничковъ.
Они ѣдутъ и плывутъ,
Веселы пѣсни поютъ,
Веселы пѣсни поютъ, 10
Присвистываютъ;
Разговоры говорятъ,
Все Ракчеева [1] бранятъ:
„Что Ракчеевъ шельма былъ,—
„Много жалованья бралъ: 15
„Что первôе—тепловое,
„Что другое—харчевое,
„Третье—денежное [2].

---

[1] Въ текстѣ, какъ и ниже, Рачеева.

[2] Въ псковскомъ отрывочномъ варіантѣ, записанномъ въ 30-хъ гг. А. С. Пушкинымъ:

Ты, Ракчеевъ господинъ,
Всю Россію разорилъ,
Бѣдныхъ людей прослезилъ,
Солдатъ гладомъ поморилъ,
Дороженьки проторилъ;
Онъ канавушки прорылъ,
Березами усадилъ.

„Онъ на эти всѣ на деньги
„Онъ палаты себѣ склалъ, 20
„Онъ палаты себѣ склалъ
„Бѣлокаменныя.
„Подлѣ этихъ же палатъ
„Быстра рѣчка протекла,
„Не сама ли протекла,— 25
„Съ-по фонтану спущена́:
„Жива рыбка пущена́—
„Серебряна чешуя,
„Золотая голова,
„Спозолочена головка; 30
„Въ лѣсу травка-мурава,
„Что и травка-мурава.
„Тутъ есть горенка нова́;
„Во горенкѣ во ново́й
„Кроватонька тесова́; 35
„На кроватонькѣ тесовой
„Перинушка пухова́;
„На перинушкѣ пухово́й
„Тутъ Ракчеевъ самъ лежалъ,
„Онъ окошко отворялъ, 40
„Все палаты выхвалялъ:
„„Широки наши палаты
„„Бѣлокаменныя,
„„Не хуже наши палаты
„„Государева дворца: 45
„„Только тѣмъ онѣ похуже,—
„„Золотого угла [1] нѣтъ,
„„Золотого угла нѣтъ,—
„„Серебряна потолка!““

---

[1] Въ варіантѣ: орла.

497

СТАРИННЫЯ ЗАПИСИ БЫЛИНЪ.

Былины (какъ и громадное большинство произведеній нашей устной словесности) стали доступны читателямъ и изслѣдователямъ только сравнительно недавно—въ началѣ истекшаго столѣтія,—когда ихъ стали записывать непосредственно изъ устъ пѣвцовъ, донесшихъ до нашихъ дней это поэтическое наслѣдіе прежняго времени. Объясненіе этому обстоятельству мы видѣли въ томъ положеніи, какое пришлось издавна занять устной словесности въ нашей старинной письменной книжной литературѣ, видѣвшей въ устной „свѣтской", „мірской" пѣснѣ переживаніе дохристіанской старины, недостойной стать рядомъ съ душеспасительнымъ, поучительнымъ писаніемъ христіанской мысли; а поэтому мы вовсе и не встрѣчаемся долгое время въ нашей письменности съ записями былины, а развѣ изрѣдка лишь съ невольными безсознательными отзвуками ея на страницахъ нашихъ рукописей.

Но болѣе пристальное и внимательное ознакомленіе съ нашей древней письменностью, болѣе глубокое изученіе исторіи самой старинной литературы привели къ нѣкоторому исправленію прочно, казалось, установившагося вывода, что древняя письменность не можетъ ничего дать для сужденія о томъ, чѣмъ была наша устная былина въ предшествовавшія столѣтія: если мы только предположительно позволяемъ себѣ судить о формѣ и содержаніи нашихъ былинъ въ первые вѣка нашей письменности вплоть до XVII столѣтія, то изъ этого послѣдняго до насъ уже дошли самые тексты былины, которые позволяютъ съ увѣренностью говорить о томъ, какою была эта былина двѣсти слишкомъ лѣтъ тому назадъ; та же старинная письменность, которая такъ чуждалась устной пѣсни, теперь сама дала намъ старѣйшія изъ извѣстныхъ записей былинъ на страницахъ своихъ сборниковъ и тетрадокъ XVII столѣтія; а въ послѣдующее время число подобныхъ старыхъ свидѣтелей о состояніи нашей былины становится все значительнѣе, и записи эти подходятъ по времени почти вплот-

ную къ той порѣ, когда былина стала достояніемъ печатной книги, назначенной для образованныхъ читателей и ученыхъ изслѣдователей.

Правда, старинныя записи эти первое время встрѣчаются крайне рѣдко, что́ и понятно при упомянутомъ недовѣріи къ свѣтской, „мірской“ пѣснѣ въ то время, пока еще оставались преобладающими тенденціи и вкусы старой книжности; правда и то, что эти рѣдкія въ старой письменности записи, какъ было только что сказано, не восходятъ къ очень отдаленному времени, не встрѣчаясь ранѣе первой половины XVII вѣка, да и надеждъ найти записи болѣе ранняго времени, какъ сейчасъ увидимъ, у насъ, кажется, нѣтъ, если не полагаться на счастливую случайность. Небольшая справка въ исторіи нашей старой книжной литературы убѣдитъ насъ, что въ этомъ позднемъ появленіи записей былинъ мы имѣемъ дѣло не съ простой случайностью: обстоятельство это стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ ходомъ развитія нашей литературы въ ея прошломъ.

Семнадцатый вѣкъ, особенно съ его середины, въ нашей литературѣ является временемъ перелома, перехода отъ стараго, окрашеннаго преимущественно чертами средневѣковья въ міросозерцаніи, къ новому, выведшему насъ на прямой путь общенія съ Западомъ. То западно-европейское культурное вліяніе, слѣды коего мы отмѣчаемъ въ русской жизни и литературѣ довольно рано, хотя и въ слабой степени, въ XVI вѣкѣ становится уже довольно интенсивнымъ; а въ слѣдующемъ оно уже рѣшительно обезпечиваетъ себѣ важное значеніе и видную роль въ русской жизни, и тѣмъ громче заявляетъ свое право на руководство въ этой жизни, чѣмъ ближе мы подвигаемся къ концу этого столѣтія. Въ литературѣ это положеніе его сказалось особенно наглядно: масса новыхъ памятниковъ проникаетъ къ намъ съ Запада въ переводахъ, вызываетъ русскія подражанія; они рѣшительно мѣняютъ наши литературные вкусы, до того времени воспитывавшіеся на средневѣковой, дидактико-религіозной по преимуществу, византійской письменности: въ XVII вѣкѣ наро-

ждается у насъ литература „свѣтская“ въ современномъ намъ смыслѣ, литература „четья“, т. е., такая, которая должна служить цѣлямъ не столько поучительнымъ и нравоучительнымъ въ религіозномъ, преимущественно, направленіи, сколько цѣлямъ эстетическимъ, удовлетворенію потребности въ чтеніи художественномъ, поэтическомъ; подъ вліяніемъ этой, обнаружившейся уже отчетливо потребности получаетъ въ нашей письменности особенное распространеніе беллетристика—повѣсть переводная и отчасти оригинальная: повѣсть эта—преимущественно фантастическая, часто любовная, въ духѣ западнаго „романа приключеній“, романа рыцарскаго съ его боевыми подвигами, подвигами силы, героями высокихъ душевныхъ качествъ и т. п.. Но всеже, учитывая разницу культурнаго и общественно-бытового развитія у насъ и на Западѣ, мы должны допустить, что эта западная переводная беллетристика воспринималась у насъ иначе, нежели на Западѣ, получала въ глазахъ нашихъ читателей иное истолкованіе, нежели тамъ; такъ, рыцарскій романъ у насъ, гдѣ рыцарство, какъ таковое, не имѣло мѣста въ самой жизни и не было понятно по существу, привлекалъ нашего читателя главнымъ образомъ своимъ колоритнымъ, фактическимъ содержаніемъ, запутанной фабулой, описаніемъ приключеній, при чемъ читатель русскій невольно сближалъ западнаго рыцаря, совершавшаго свои удивительные подвиги, съ образами ему болѣе близкими и понятными—богатырями, героями сказокъ, хорошо ему извѣстными изъ широко распространенной устной словесности. Это положеніе переводной и подражательной повѣсти ставило въ его сознаніи почти на одну доску чужую повѣсть и свою былину: та и другая интересовали его прежде всего своимъ содержаніемъ, поэтическимъ и увлекательнымъ. Въ результатѣ, переписывая для себя переводныя повѣсти, изъ нихъ составляя сборники „занятнаго“ чтенія, русскій грамотникъ XVII вѣка охотно давалъ мѣсто, рядомъ съ разсказомъ о Бовѣ королевичѣ, Ерусланѣ или Брунцвикѣ, и своимъ богатырямъ и разсказамъ объ ихъ не менѣе причудливыхъ подвигахъ, и записывалъ въ одинъ и тотъ же сборникъ

съ переводной повѣстью и былину. Именно въ такой литературной компаніи большею частью мы и находимъ старинныя записи былинъ; подобно иноземнымъ повѣстямъ въ записяхъ своихъ книжникъ и былину называетъ то „словомъ", то „повѣстью", то „сказаніемъ", а позднѣе—въ XVIII вѣкѣ—„гисторіей". Такимъ образомъ объясняемъ мы себѣ появленіе въ рукописяхъ XVII столѣтія первыхъ записей былинъ: это, слѣдовательно, — результатъ вновь народившихся литературныхъ вкусовъ XVII вѣка, вкусовъ, чуждыхъ старшему періоду письменности.

Указанныя только что обстоятельства появленія въ нашей старой письменности записей былинъ даютъ возможность уяснить себѣ и тѣ особенности, какія эти тексты представляютъ сравнительно съ обычными, намъ знакомыми текстами пѣсенъ, полученными путемъ непосредственныхъ записей ихъ въ наше время. Интересуясь исключительно самымъ содержаніемъ пѣсни, приравнивая его къ широко распространеннымъ книжнымъ повѣстямъ своего времени, записывавшій не соединялъ съ этимъ представленія о былинѣ, какъ о пѣснѣ, отливающейся въ опредѣленную ритмическую форму; поэтому-то онъ пишетъ знакомую ему по памяти или услышанную имъ пѣсню сплошь въ строкѣ прозой, не заботясь о сохраненіи ея типичной ритмической формы: стиль его интересуетъ мало; если онъ и сохраняетъ по мѣстамъ—а иногда и на протяженіи всей своей записи—ритмическую форму пѣсни, то происходитъ это у него безсознательно: стремленія сохранить пѣсню, какъ пѣсню, у него не замѣчаемъ. Этимъ объясняется то, что наши старинныя записи не даютъ полнаго, точнаго представленія о формѣ пѣсни въ XVII столѣтіи, лишь невольно и непослѣдовательно сохраняя отчасти эту форму. Изъ того же взгляда стараго писца на былину вытекаетъ и другая особенность этихъ записей: по привычкѣ свободно относиться къ тексту оригинала (разъ онъ не представлялъ чего-либо „сакральнаго"), старый писецъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, не считалъ себя обязаннымъ строго придерживаться устнаго оригинала и въ самомъ содержаніи, смотря на него, только какъ на матеріалъ для любо-

пытнаго, увлекательнаго разсказа,— иначе сказать: онъ свободно обращался съ этимъ текстомъ, дополняя и сокращая его по своимъ соображеніямъ; такъ же, впрочемъ, онъ обращался и съ своими книжными источниками, вырабатывая новыя редакціи переписываемаго имъ произведенія. Поэтому мы видимъ и въ записяхъ былинъ иногда не запись въ обычномъ смыслѣ слова, а скорѣе композицію изъ отдѣльныхъ, часто идущихъ изъ разныхъ былинъ эпизодовъ, составляющихъ въ результатѣ „повѣсть", или „сказаніе", въ духѣ тѣхъ модныхъ въ это время, которыми наводнена была наша „четья" литература XVII вѣка: композиція эта то передѣлываетъ по-своему подлинные элементы настоящей былины, то сохраняетъ ихъ неприкосновенными, смотря по тому, насколько они удовлетворяли вкусу составителя такой повѣсти, то удерживаетъ оригинальную форму пѣсни, то измѣняетъ ее въ духѣ принятаго въ его время стиля. Такого рода композиціей является старѣйшее изъ дошедшихъ до насъ „Сказаніе о кіевскихъ богатыряхъ, какъ ходили въ Царьградъ", сохранившееся въ спискѣ начала XVII в. [1]: въ немъ мы, читая его, открываемъ соединенными вмѣстѣ рядъ мотивовъ, извѣстныхъ теперь по нѣсколькимъ былинамъ, дошедшимъ въ устномъ видѣ, видимъ кое-гдѣ сохраненной ритмическую форму, въ значительномъ же большинствѣ случаевъ уже нарушенную. Такую же компиляцію, повидимому, представляла въ ея цѣломъ и та повѣсть объ Алешѣ и Тугаринѣ, которая дошла до насъ въ небольшихъ отрывкахъ середины XVII вѣка на листочкѣ въ небольшую четвертушку; кажется, она форму сохранила лучше, нежели „Сказаніе" [2]; еще лучше сохранила содержаніе и форму запись былины о Потокѣ Михайловичѣ изъ второй половины того же столѣтія. Но, несмотря на такое отношеніе свое къ подлиннымъ текстамъ устной былины, записи эти представляются весьма цѣнными въ историко-ли-

---

[1] Его же мы имѣемъ и въ спискѣ XVIII в.; изъ этого списка взяты нѣсколько сопоставленій при нижеслѣдующемъ изданіи „Сказанія".

[2] Печатается ниже цѣликомъ.

тературномъ отношеніи: онѣ, какъ бы то ни было, сохранили въ обломкахъ подлинную былину, какой она была въ XVII вѣкѣ, дали намъ возможность убѣдиться въ томъ, что и дошедшая до насъ въ устахъ народа былевая пѣсня до сихъ поръ сохраняетъ ту традиціонную форму и содержаніе, какія присущи ей были издавна; кромѣ того, старыя записи даютъ возможность предполагать, что современная былинная традиція уже кое-что утратила изъ того запаса, какимъ она обладала еще въ XVII. вѣкѣ: нѣкоторые мотивы, несомнѣнно, былевого характера, нашедшіеся въ старыхъ записяхъ, до сихъ поръ не были встрѣчены въ былинѣ въ ея живомъ исполненіи, хотя отзвуки ихъ мы въ правѣ видѣть въ иныхъ теперь уже неясныхъ намекахъ въ „живой" пѣснѣ, какъ было указано въ своемъ мѣстѣ (выше, см. стр. 115).

Такое отношеніе къ былевой пѣснѣ, какое выясняется намъ на основаніи ея записей въ XVII столѣтіи, переходитъ и въ слѣдующее: записи былинъ въ старинныхъ тетрадкахъ XVIII вѣка носятъ на себѣ тѣ же характерныя особенности въ общемъ; въ то же время, присматриваясь къ этимъ записямъ, мы замѣтимъ въ нихъ и нѣкоторый прогрессъ въ смыслѣ точности передачи подлиннаго текста: записи позапрошлаго столѣтія чаще сохраняютъ неприкосновеннымъ оригинальный текстъ пѣсни. Во второй половинѣ XVIII вѣка мы по отношенію къ былевой пѣснѣ со стороны интересовавшихся ею людей замѣтимъ опять нѣчто новое: на нее начинаютъ смотрѣть, уже какъ на пѣсню, т.-е., произведеніе устно-народное, облеченное въ опредѣленную форму: на это ясно указываетъ не разъ упоминавшійся сборникъ Кирши Донилова, гдѣ, если слова пѣсни и пишутся еще въ строку, уже данъ при каждой пѣснѣ ея музыкальный мотивъ въ видѣ двухъ-трехъ нотныхъ строкъ; хотя и безъ нотъ, но уже съ раздѣленіемъ на стихи, попадаетъ былевая пѣсня и въ печать: въ такомъ видѣ былевую пѣсню мы находимъ напечатанной въ отдѣлѣ „Разныхъ стиходѣйствъ" въ популярномъ „Письмовникѣ" Курганова 1769 года, выдержавшемъ къ началу XIX столѣтія цѣлый рядъ изданій.

Въ сторонѣ отъ очерченнаго положенія старинныхъ записей слѣдуетъ, разумѣется, поставить старѣйшія записи былевыхъ пѣсенъ Ричарда Джемса: онѣ съ совершенно яснымъ желаніемъ дать подлинную устную пѣсню записаны для ученаго англичанина въ 1619—20 гг., и только въ половинѣ XIX вѣка стали извѣстными, до тѣхъ поръ бережно сохраняемыя въ архивѣ въ Англіи.

1. СКАЗАНІЕ О КІЕВСКИХЪ БОГАТЫРЯХЪ, КАКЪ ХОДИЛИ ВО ЦАРЬГРАДЪ И КАКЪ ПОБИЛИ ЦАРЕГРАДСКИХЪ БОГАТЫРЕЙ, УЧИНИЛИ СЕБѢ ЧЕСТЬ.

Во стольномъ славнѣмъ градѣ Кіевѣ говоритъ князь Владимеръ Всеславичъ кіевской своимъ богатыремъ, Ильѣ Муромцу съ товарищи: „Или то вамъ не свѣдомо, богатыремъ, что отпущаетъ на меня царь Костантинъ изъ Царяграда 42 богатырей, а велитъ имъ Кіевъ изгубити? И вы бъ нонеча никуды не розъѣзжалися, берегли бы естя града Кіева и всеѣ [1] моей вотчины". Бьютъ челомъ въ столѣ 7 богатырей:—Государь князь Владимеръ кіевской Всеславичъ! Отпусти насъ въ чистое поле: мы тебѣ, государю, прямыя вѣсти отвѣдаемъ и приведемъ тебѣ, государю, языка добраго, тебѣ, государю, славу великую учинимъ и себя, государь, въ честь введемъ и всему твоему государству похвалу великую учинимъ и многія орды острастимъ.—

А взговорятъ богатыри таково слово:—Государь князь Владимеръ кіевской! Сторожемъ мы въ землѣ не извадились жить, не доведется намъ сторожами слыть.—

Имена богатыремъ [2]: 1. богатырь Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ; 2. богатырь Добрыня Никитиничъ; 3. богатырь дворя-

---

[1] Старинная (и народная) форма.

[2] Перечень богатырей—вставка. Въ спискѣ XVIII в. онъ таковъ: „Первой богатырь — славны Илья Муромецъ, второй богатырь—дворянинъ Залѣшенинъ, трети богатырь—младъ Алеша Поповичъ, четверты богатырь—Глапитъ, пятой богатырь—Суханъ Домантьевичъ, шестой богатырь—дворянинъ Бѣлая Палица, седьмой богатырь—Добрыня Микитичъ".

нинъ Залѣшанинъ, сѣрая свита, злаченыя пугвицы; 4. богатырь Олеша Поповичъ; 5. богатырь .... щата [1] Елизыничъ; 6. богатырь Сухань Дементьяновичъ; 7. богатырь Бѣлая Палица, краснымъ золотомъ украшена, четымъ жемчугомъ унизана, посреди тоей палицы камень — самоцвѣтной пламень.

Да говорятъ богатыри таково слово:—Государь князь Владимеръ кіевской Всеславичъ! Не извадились мы сторожемъ стеречи, только мы извадились—въ чистомъ полѣ ѣздити, побивать полки татарскіе. Отпусти насъ, государь, въ чистое поле: мы тебѣ, государю, прямыя вѣсти отвѣдаемъ или тобѣ приведемъ языка добраго.

Взговоритъ князь Владимеръ кіевской: „Ой естя, богатыри, Илья Муромецъ съ товарищи! Не пригоже вамъ въ тѣ поры прочь отъѣхати, а меня вамъ, государя, покинути одного въ Кіевѣ. А я жду тѣхъ богатырей съ часу на часъ борзо къ Кіеву: пригоже вамъ моея вотчины поберечи". Тутъ богатыри закручинилися, идутъ къ своимъ добрымъ конямъ, ударя челомъ великому князю Владимеру Всеславичу; учали на нихъ класти сѣдла черкасскія, подтягиваютъ подпруги шолку бѣлого, у всѣхъ пряжки булатныя, красного булату перепускнаго [2]; да кладутъ на себя доспѣхи крѣпкіе, емлютъ съ собою палицы булатныя, того булату перепускнаго, и всю свою сбрую богатырскую. И всѣдъ на кони, прочь поѣхали изъ Кіева, заложили копья булатныя, вострыя, поѣхали въ чистое поле. Ѣдутъ по чистому полю, взговорятъ промежъ собою такову пословицу [3]:—Лучше бы мы тоѣ срамоты великія не слыхали, нежели мы отъ князя въ очи такое слово слышали, хотя бъ мы людей не дородились [4], да были бы мы богатыри не добрые, и насъ бы въ Кіевѣ сторожи стеречи не заставливали.—Говоритъ Илья Муромецъ своимъ товарищемъ: „Государи естя, мои товарищи! Чѣмъ тѣхъ богатырей на

---

[1] Начало имени въ рукописи пропало.

[2] Закаленный черезъ огонь.

[3] Въ смыслѣ: „рѣчи", „слова", какъ до сихъ поръ на русскомъ Сѣверѣ.

[4] Родиться въ званіи или состояніи, дающемъ извѣстныя права (Даль).

собя ждати къ Кіеву, мы поѣдемъ въ стрѣчу къ нимъ и тамъ съ ними свидимся. А сказываютъ, что удалы добрѣ [1], не по обычаю. Мы станемъ Богу молитися, чтобы намъ Богъ помощь послалъ на цареградскихъ богатырей".

А прямо идутъ ко Царюграду. Какъ будутъ 12 поприщъ до града, переѣзжаючи Смугрю рѣку, ажно [2] има навстрѣчу идутъ 12 человѣкъ (цареградскихъ богатырей) [3], а на нихъ платье калицкое. Пріѣхалъ къ нимъ Олеша Поповичъ да говоритъ имъ таково слово: „Братія вы милая, калики перехожія, дайте вы намъ свое платье каличное, а у насъ возмите наше платье свѣтлое". Говоритъ калика таково слово:—Ой еси, Олеша Поповичъ, али меня не знаешь, или имени моего не вѣдаешь, какъ меня зовутъ? Зовутъ меня по имени Никита Ивановичъ, родомъ есми Карачевецъ.—А на каликахъ гуни [4] голуба скорлату [5], а терки [6] на нихъ камки венецкія, а палицы у нихъ вязовыя, съ конца въ конецъ свинцу налиты; а Никиты палица—вся золотая. Пріѣхалъ къ нимъ Илья Муромецъ да говоритъ имъ таково слово: „За то намъ, Никита, бранится не о чемъ, а вамъ стоять не за что. Вотъ вамъ платье свѣтлое, дайте намъ свое платье калицкое". Взговоритъ Никита таково слово:—За то намъ, государь Илья Муромецъ, стоять не за что и спору чинить не о чемъ.—Даютъ съ собя платье калицкое, они даютъ съ себя платье свѣтлое.

Взговоритъ Добрыня Никитичъ таково слово: „Почто вы, Никита, ходили во Царьгородъ?" Говоритъ Никита таково слово:—Государь Добрыня Никитичъ! Ходили мы прямыхъ вѣстей отвѣдывать, есть ли столько цареградскихъ богатырей, итти ли имъ въ Кіевъ городъ? И вѣсти прямыя, неизмѣнныя: при царѣ бога-

---

[1] Очень.

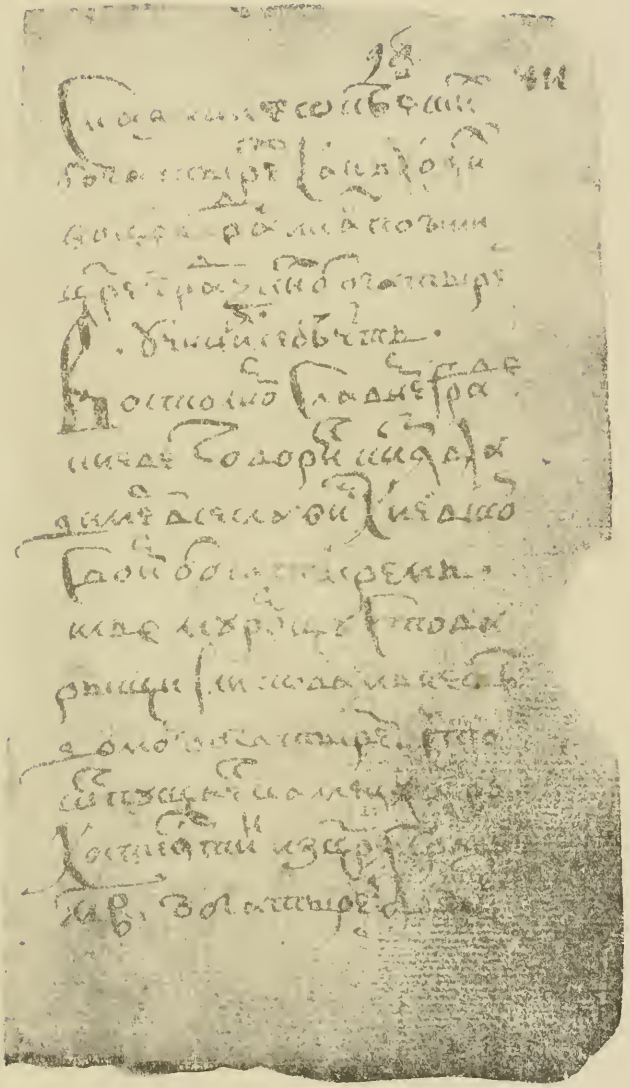
[2] Вдругъ.

[3] Взятое въ скобки, очевидно, лишнее (ср. ниже); этого нѣтъ и въ спискѣ XVIII в..

[4] Верхняя одежда.

[5] Бархатъ.

[6] Значеніе неизвѣстно; повидимому, какая-то часть одежды (шапки?). Въ сп. XVIII в. въ этомъ мѣстѣ пропускъ.



[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illегible]

[illегible]

[illег

тыри похваляются, хотятъ Кіевъ городъ на щиты взяти и великаго князя съ великою княгинею въ полонъ вести, а удалыхъ богатырей, станныхъ [1] людей, подъ мечъ всѣхъ приклонити, а злато и серебро покатить телѣгами.—Говоритъ въ тѣ поры Илья Муромецъ: „Слышите ли, мои товарищи? За то хочу голову сложить—за государеву чашу и молитвы и за его хлѣбъ-соль великую“.

Оставливаютъ свои добрыя коня на Смугрѣ рѣкѣ и всѣ свои сряды богатырскія, по одной емлютъ себѣ по булатной палицѣ красного булату перепускного и тые несутъ подъ гуніями булатными; да говорятъ межъ собою пословицу:—Бога ради, богатыри, будьте къ татарскимъ рѣчамъ стерпливы.—Говоритъ дворянинъ Залѣшанинъ: „Всѣхъ у насъ пуще Олеша Поповичъ, что онъ де пьянъ или не пьянъ, изо всѣхъ насъ охочъ бранитися: тотъ у насъ богатырь кручиноватъ“.—Пошли богатыри во Царьгородъ. А въ тѣ поры у царя—столъ, а въ столѣ подаютъ поѣсти. Пришли богатыри на царевъ дворъ и стали на землѣ передъ краснымъ окномъ и учали просить милостыни противу окна громкимъ голосомъ. Каличные слышатъ гласы: сказали самому царю. И слыша царь Костянтинъ гласы каличные, да говоритъ Тугарину Зміевичу:—Вели позвать каликъ тѣхъ, по рѣчамъ кабы Русь пришла; попытай ихъ о вѣстяхъ кіевскихъ: что будетъ, свои вѣдаютъ.—Позвали каликъ ко царю; царь учалъ каликъ спрашивать:—Скажите вы, калики перехожія.—Учалъ Илья Муромецъ говорить: „Ходимъ мы, государь, отъ великого князя Владимера Всеславича кіевского“. Противъ царя сидитъ Идолъ Скоропѣевичъ [2] богатырь, а ростомъ добрѣ не по обычаю: межъ очима у него стрѣла ладится, межъ плечьми у него большая сажень, очи у него, какъ чаши, а голова у него, какъ пивной котелъ: посмотрѣть на него—устрашиться. Говоритъ царю Костянтину таково слово: „Государь царь, вольной человѣкъ попытати о вѣстяхъ—о кіевскихъ богатырехъ: сколько у великого князя Владимера богатырей, и каковы они ростомъ, прытостью?“ Царь учалъ ка-

[1] Остальныхъ.

[2] Въ сп. XVIII в. онъ вездѣ называется: Идолъ Скоропитъ.

ликъ спрашивать:—Скажите вы, калики перехожіе, про кіевскихъ богатырей.—Говоритъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ: „Въ Кіевѣ, государь, 32 богатыря, да удалы не по обычаю". Говоритъ Идолъ богатырь:—Есть ли у васъ славной богатырь Илья Муромецъ? Каковъ онъ рожаемъ [1] и каковъ великъ ростомъ? Посмотрѣть де на него—устрашиться. И вы посмотрите нашихъ богатырей.—Говоритъ Илья Муромецъ: „И ты, государь, смотри....[2] на меня". Взговоритъ богатырь Идолъ Скоропѣевичъ:

— Царь государь Костянтинъ! Не мѣшкай, государь, службою богатырскою: отпущай, государь, насъ на Русь борзо къ Кіеву, къ князю Владимеру. И будетъ токо-то не сол(яно), но што въ Кіевѣ удалы богатыри, и мы тебѣ, государю, приведемъ (въ полонъ) князя Владимера съ великою княгинею.... Богатыремъ и удалымъ молодцомъ подъ мечъ поклонитымъ (?) и всѣмъ въ Кіевѣ учинимъ сѣчу великую, а злато и сребро покатимъ телѣгами. Тебѣ, государю, прибыль и славу добрую во вся орды, а себя въ честь введемъ [3].—Взяла кручина молода Олешу Поповича, да говоритъ Олеша Поповичъ таково слово: „Коли вы, богатыри, пріѣдете къ Кіеву, тогды не узнаете дороги, куды вамъ бѣжать. А станете молодцевъ кіевскихъ..... [4] и учините сѣчь великую, и покатятся головы татарскія, а прольется кровь горячая богатырей, цареградскихъ богатырей. Не пять у насъ человѣкъ въ Кіевѣ, есть близко десятка человѣкъ". Идолъ на него розкручинился. Говоритъ дворянинъ Залѣшанинъ:—Съ твоего, го-

---

[1] Въ сп. XVIII в.—„рожею".

Въ сп. XVIII в.: „Ростомъ только съ меня и рожею походилъ на меня".

[3] Это плохо сохранившееся въ рук. XVII в. мѣсто въ сп. XVIII в. читается такъ: „Не мѣшкай, государь царь Костянтинъ, службы богатырскія, отпусти насъ скоро къ Кіеву граду: волного слова не будетъ солгонова(?). Мы какъ будемъ въ Кіевѣ, и привеземъ мы къ тебѣ великаго князя Владимира кіевскаго и съ княгинею его и съ его богатыри, и въ Кіевѣ учинимъ сѣчю великую".

[4] Что-то въ рукоп. пропушено; въ сп. XVIII в. соотвѣтствующаго мѣста нѣтъ.

сударь, меду опился.—Говоритъ дворянинъ Залѣшанинъ Олешѣ Поповичу:—Уйми свое сердце богатырское, не можно намъ тебя нажурить, ни наговорить.—Говоритъ Олеша Поповичъ: „А онъ нашихъ богатырей ни во что ставитъ и великого князя хулитъ и Ильѣ посмѣхается". И Идолъ на него розкручинился. Говоритъ дворянинъ Залѣшанинъ:—Изъ ума, государь, онъ выпивается.—Говоритъ Идолъ богатырь:—Скажите, калики, про кіевскихъ богатырей: и каковы у нихъ лошади удалы?—И съ нимъ говоритъ дворянинъ Залѣшанинъ: „По вся дни, государь, вѣдаемъ, и лошади богатырскія знаемъ". Говоритъ Идолъ богатырь:—Царь государь, вольно человѣкъ послѣ розпрошать. Вели, государь, показать имъ свои лошади царскія.—Царь велѣлъ вывести свои лошади царскія. Говорятъ калѣки перехожія: „Лучше тѣхъ шкабъ [1] въ Кіевѣ и простыя лошади, а на богатырскія лошади пристрашно посмотрѣть". Говоритъ Идолъ богатырь:—Вели, царь-государь, показать имъ наши лошади богатырскія.—Царь велѣлъ вывести лошади богатырскія: первую лошадь ведутъ Идола богатыря Скоропѣевича на двѣнадцати чѣпяхъ на золотыхъ; вторую ведутъ лошадь молода Тугарина Зміевича на одиннадцати чѣпяхъ сребряныхъ. За тѣми ведутъ сорока дву богатырей, а всѣ тѣ кони удалы добрѣ не по обычаю. Каликамъ полюбилися, издалеча калики увидѣли, что добры не по обычаю. Говоритъ дворянинъ Залѣшанинъ:—Сверху, государь, не мочи смѣтить и усмотрѣть; и какъ, царь-государь, смѣтимъ, и мы тебѣ, государю, скажемъ про нашихъ богатырей и про коней и ихъ храбрость окажемъ.—И царь велѣлъ имъ вытти. Пошли калики вонъ отъ царя лошадей смотрѣть. И какъ будутъ посреди двора царева и лошадей, взговорили богатыри промежъ собою такову пословицу: „Смотрите, государи товарищи, коней, да высматривайте: гораздо было бъ намъ, что про нашихъ коней царю сказать".—Да ужъ ли, калики, высмотрѣли?—Взговорятъ калики: „Теперво [2], государь, высмотрѣли". Взговоритъ Илья Муромецъ своимъ товарищемъ: „Теперво намъ, братцы,

---

[1] Клячъ.

Теперь—форма, обычная на Сѣверѣ.

строка [1] пришла. Отъимайте лошади богатырскія, убейте татаръ безъ милости, садитесь на коней безъ сѣделъ, на кони богатырскіе, на добрые". Пришли богатыри къ конямъ. Не птички-соловьи рано въ дубровѣ просвистали,—свиснули, гаркнули богатыри богатырскимъ голосомъ, да свиснули палицы булатныя у Ильи Муромца съ товарищи; послетали головы татарскія, отняли себѣ по добру коню и, всѣдъ на кони, прочь изъ града поѣхали до Смугры рѣки. Добрыхъ коней единъ у царя остался на дворѣ, и тотъ Олешѣ Поповичу. Воротился Олеша пѣшъ во Царьгородъ, а коня покинулъ на Смугрѣ рѣкѣ. Да говоритъ Олеша Поповичъ царю Костянтину таково слово: „Потому мы, царь, у тебя лошади не всѣ емлемъ, что хотимъ съ твоими богатыри въ чистомъ полѣ свидѣтися и ихъ прытость увидѣти. И будемъ мы опять съ твоими богатыри во Царѣградѣ". И изговоря Олеша, поѣхали богатыри къ Смугрѣ рѣкѣ; да кладутъ на себя доспѣхи крѣпкіе и всю сбрую богатырскую, емлютъ съ собою палицы булатныя и копья вострыя, ажно скачутъ изъ Царяграда богатыри съ великою поганою силою. Говоритъ Олеша Поповичъ: „Государи мои товарищи! Потерпите малехонько, дайте мнѣ поправить свое сердце богатырское: богатырское сердце не стерпчиво, хочетъ и послѣднюю орду побити, похвалу доспѣть". Свиснулъ, крикнулъ богатырскимъ голосомъ: „Потерпите малехонько, дайте мнѣ теперво съ ними одному поправиться: хочу себѣ похвалу доспѣти, чтобъ увидѣлъ царь Костянтинъ, и дошла бъ наша похвала до князя Владимера". И какъ съѣзжаются съ злыми полки татарскими и сорока дву богатыри цареградскими, свиснули, крикнули богатыри богатырскимъ голосомъ: отъ свисту и отъ крику лѣсъ розстилается, трава постилается, добрые кони на окарачки падаютъ, худые кони и живы не бывали. Не птички-соловьи въ дубровѣ просвистали,—свиснули, гаркнули русскіе богатыри, Илья Муромецъ съ товарищи. Говоритъ цареградской богатырь Идолъ Скоропѣевичъ: „Государи мои товарищи, сердце ся у меня ужас-

---

[1] Пора.

нуло, трепещется, и голова вкругъ обходитъ, и очима не мощно на свѣтъ глядѣть: большое намъ быти побитымъ всѣмъ". Взговоритъ Тугаринъ Зміевичъ:—Большое намъ, товарищи, коли бъ смерти минутись, ли ся храбрость наша преложися на тихость? не мощно руки поднять, скоро насъ страсть взяла: большой Илья Муромецъ самъ пришелъ.—Напустилъ Илья Муромецъ встрѣчу цареградскимъ богатыремъ отъ своихъ товарищевъ въ полуверстѣ, и всѣ товарищи скоро поѣхали за нимъ, и ударилися крѣпко на копья булатныя и учали ся твердо бить и неподвижно; колды [1] копья у нихъ булатныя приломалися и доспѣхи крѣпкіе, сбилъ Илья Муромецъ съ добра коня Идола Скоропѣевича, а Тугарина руками взялъ. А обѣихъ богатырей, Идола и Тугарина, живыхъ взяли и всю силу татарскую побили и тѣхъ сорока богатырей побили, а Идола богатыря и Тугарина богатыря живыхъ ведутъ ихъ во Царьгородъ и ставятся передъ царевою полатою.

Говоритъ Илья Муромецъ съ своими товарищи таково слово: „Тебѣ, царю, вѣдомо было, что твоихъ 42 богатырей побили и всю силу татарскую поганую побили, а твоихъ лучшихъ богатырей, Идола Скоропѣевича да Тугарина Зміевича, живыхъ взяли. Да потому, царю, тебя ничѣмъ не двигнули, ни крянули, ни чернымъ волосомъ, что ѣздимъ мы безъ государскаго вѣдома. А похвалу есмы видѣли твоихъ богатырей: похвала мужу — великая пагуба. А татаръ всѣхъ побили, тѣмъ на Русь не бывати. Только, царю, теперво тебѣ челомъ бьемъ Идоломъ богатыремъ, чтобъ ты на насъ не кручинился, а Тугарина тебѣ, государю, не дадимъ, отвеземъ великому князю: съ чѣмъ намъ ко князю Владимеру появитися". И даютъ богатыри царю Идола, а Тугарина съ собою емлютъ.

Не бѣлая лебедь воскликала,—восплакалася мати Тугарина Зміевича и бьетъ челомъ благовѣрной царицѣ Еленѣ:—Государыня, благовѣрная царица Елена! Упрошай ты, государыни, у русскихъ богатырей молода Тугарина Зміевича.—Говоритъ благовѣрная

---

[1] Когда?

царица: „Государи естя, русскіе богатыри, Илья Муромецъ съ товарищи! Такихъ грозныхъ богатырей не бывало въ Царѣградѣ, не побивали нашихъ цареградскихъ богатырей. Не уведите для моихъ слезъ младого Тугарина Зміевича". Говоритъ Илья Муромецъ съ товарищи: „Государыня благовѣрная царица Елена! За то тебѣ говоримъ, государыни, не двигнемъ Тугарина ничѣмъ для государскаго твоего слова: будетъ Тугаринъ въ Кіевѣ, потомъ тебѣ будетъ во Царѣградѣ живъ; а нельзѣ намъ отдати богатыря цареградскаго: не чѣмъ намъ въ Кіевѣ похвалитися, что намъ сказать князю Владимеру Всеславичу". Били челомъ государыни, прочь поѣхали, ведутъ съ собою языка добраго, Тугарина Зміевича. Ѣдутъ по полю по чистому и выбираютъ отъ себя богатыря дворянина Залѣшанина: „Поѣдь ты, дворянинъ Залѣшанинъ, къ стольному граду Кіеву: ты жилецъ двора государева, много живешь во дворѣ государевѣ и всякой чинъ вѣдаешь; обошли [1] насъ государю князю Владимеру Всеславичу: велитъ ли намъ онъ свои государскія очи видѣти: а грубили есмя твоему недругу—царю Костянтину благовѣрному, убили есмя у него со 42 богатырей, а съ ними татаръ люди многія, да одного богатыря оставили во Царѣградѣ, другого тебѣ ведемъ".

Пріѣзжалъ дворянинъ Залѣшанинъ граду къ Кіеву и пошелъ къ великому князю Владимеру Всеславичу и справилъ рѣчи отъ своихъ товарищевъ, что ему наказано. Пріѣхали богатыри къ государю Владимеру Всеславичу, привели языка добраго, Тугарина Зміевича, цареградского богатыря. Князь великій Владимеръ Всеславичъ почалъ богатырей жаловать, даетъ имъ шубы подасамиты [2] и чѣпи великія златыя и, сверхъ того, казною несмѣтно. Да говоритъ князь Владимеръ Всеславичъ: „Да впредь васъ, богатыри, радъ жаловать за вашу выслугу великую и за службу богатырскую, а нынѣ емлите себѣ, что вамъ надобе". И учалъ князь Владимеръ Всеславичъ молода Тугарина Зміевича

---

[1] Доложи: обослать—оповѣстить черезъ посла.

[2] Изъ аксамита—бархата.

спрашивать о вѣстяхъ. Зговоритъ Тугаринъ:—Что меня, государь, о вѣстяхъ спрашиваешь? Князь Владимеръ Всеславичъ, у тебя, государя, вотчины не во всѣхъ [ли] ордахъ, а богатырей твоихъ удалѣе нѣтъ и во всѣхъ земляхъ.—И какъ будетъ князь Владимеръ на-веселѣ, и учали потѣшатися, и бьетъ челомъ Илья Муромецъ съ своими товарищи: „Государь князь Владимеръ Всеславичъ! Умилосердися, пожалуй насъ, холопей своихъ: говорила намъ царица Елена и била челомъ, чтобъ мы заложили [1] слово тебѣ, государю, о молодѣ Тугаринѣ, чтобъ ты пожаловалъ, отпустилъ его во Царьгородъ; и молвили есмя царицѣ Еленѣ, чтобъ намъ упрошать у тебя, государя, молода Тугарина Зміевича во Царьгородъ; а мы тебѣ, государю, ради впредь служить, елико сила можетъ". Князь Владимеръ Всеславичъ пожаловалъ, отдалъ имъ молода Тугарина Зміевича, цареградского богатыря. Говоритъ князь Владимеръ Всеславичъ:—Ой естя, мои князи и богатыри! Цареградскихъ богатырей было 42, а съ ними было татаръ людей много—не рать ли въ полѣ была—а моихъ богатырей только 7 было.—

Били ему челомъ богатыри, взяли молода Тугарина Зміевича и всклали на собя всю збрую богатырскую, поѣхали во чисто поле. И какъ будутъ на рубежѣ, отпускаютъ во Царьградъ молода Тугарина, и учали заклинать, чтобъ имъ на Русь не бывать вѣкъ по вѣку, да отпустили съ радостію великою и простилися, и сами поѣхали въ чистое поле.

Богатырское слово. Во вѣки, аминь.

---

[1] Замолвили.

2. ОТРЫВКИ БЫЛИНЫ ОБЪ АЛЕШѢ ПОПОВИЧѢ.

„.... и надъ сильными могучими богатыри, лишь не шути надъ Тугариномъ Змѣевичемъ: Тугаринъ Змѣевичъ, усердія добрая, не любитъ шутки тоя тяжелыя“. Что взговоритъ младъ Алеша Поповичъ: „Государь ты, ласковъ Владимеръ кіевской, али ты, государь, съ княгинею не въ любви живешь, что промежъ вами болванъ сидитъ нетесаной?“ Что взговоритъ чашникъ Матвѣй Петровичъ: „Ой еси ты, младъ Алеша Поповичъ, не шути ты шуткою несвойскою надъ Тугариномъ Змѣевичемъ: Тугаринъ Змѣевичъ, усердія доброго, не любитъ шутки тяжелыя“. Что взговоритъ чашнику младъ Алеша Поповичъ: „Ой еси ты, фрязинъ Матвѣй Петровичъ! не печалуйся ты объ Олешѣ Поповичѣ, печалуйся о Тугаринѣ Змѣевичѣ; а за меня печалуется Спасъ и Пречистая Богородица“. И приходитъ день къ вечеру, а уже идетъ пиръ на веселѣ [1], подадутъ ѣству девятую—лебедь бѣлую. И какъ будетъ пиръ на веселѣ, учали князи и бояре напиватися, и сильные могучіе богатыри похвалятися, что взговоритъ ласковъ Владимеръ кіевской.... „есть ли мой чашникъ [2], фрязинъ Матвѣй Петровичъ! налей чару въ полпята ведра меду сладкого за Тугарина Змѣевича здравіе“. И подноситъ велики ласковъ князь Владимеръ кіевской меду сладкого Тугарину Змѣевичу чару въ полпята ведра, и онъ еѣ [3] выпиваетъ одинымъ [4] духомъ до-

---

[1] Рукопись: на вечере.

[2] Слѣдуетъ, вѣроятно: „Ой еси ты, мой чашникъ“.

[3] Старинная форма.

[4] Тоже.

1
516

[illegible]
[illegible]
[illegible]

суха. Послѣ того подносили ту жъ чару меду сладкого младу Алешѣ Поповичу, и Олеша Поповичъ, прикушавъ, подаетъ Торопу, слугѣ своему паробку, а самъ говоритъ таково слово: „Ой ты еси, Торопъ, слуга паробокъ! прими чару меду сладкого въ полпята ведра: самъ пей и послѣ себя подчивай князей и бояръ и свою братью, сильныхъ, могучихъ богатырей. Не будь ты обжирчивъ въ Тугарина Змѣевича: у насъ была у батюшка моего у Ѳедора, попа соборного, корова обжирчива—шодчи на поварню, да барды опилась.....“

3. ПОВѢСТЬ О КНЯЗѢ ВЛАДИМЕРѢ КІЕВСКОМЪ И О БОГАТЫРЯХЪ КІЕВСКИХЪ И О МИХАИЛѢ ПОТОКѢ ИВАНОВИЧѢ, О ЦАРѢ КОЩЕЮ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ.

Въ славномъ градѣ Кіевѣ у великого князя Владимера кіевскаго Всеславьевича было пированье великое на многіе князи и бояры и сильные могучіе богатыри. Какъ будетъ у нихъ пиръ на веселѣ, что зговоритъ [1] великій князь Владимеръ кіевскій: „Ой еси, князи и бояры и сильные и могучіе богатыри! Есть ли кто у меня служить три службы великія: кто бы ѣхалъ въ землю Турскую, взялъ бы дани и выходы? кто бы ѣхалъ въ землю Задонскую, взялъ бы дани и выходы? кто бы ѣхалъ въ землю Алевицкую, взялъ бы дани и выходы за тридцать лѣтъ и за три годы?“ Вставалъ изъ мѣста славной богатырь Илья Муромецъ, а самъ зговоритъ таково слово: „Свѣтъ-государь, великій князь Владимеръ кіевски, и князи и бояры и сильные могучіе богатыри! Что никто отвѣту не дастъ? Большой за меньшаго, а у меньшихъ отвѣту нѣтъ“. Самъ зговоритъ слово похваляючись: „Свѣтъ-государь, великій князь Владимеръ кіевскій! я поѣду въ землю Турскую, возьму дани и выходы“.

Что зговоритъ Михайла Потокъ Ивановичъ: „Свѣтъ-государь, великій князь Владимеръ кіевскій! я поѣду въ землю Задонскую, возьму дани и выходы“.

Что зговоритъ Алеша Поповичъ: „Свѣтъ-государь, великій князь Владимеръ кіевскій! я поѣду въ землю Алевицкую, возьму дани и выходы за тридцать лѣтъ и за три годы“.

И тѣ рѣчи великому князю полюбилися... [2].

---

[1] Т.-е. возговоритъ.

[2] Дальнѣйшее содержаніе см. въ устной передачѣ, т. I, стр. 285 и сл..

ИСТОЧНИКИ.

Напечатанныя въ этомъ томѣ пѣсни взяты изъ слѣдующихъ изданій:

XV. ВОЛЬГА (ВОЛХЪ) И МИКУЛА.

Первый текстъ данъ въ записи А. Ѳ. Гильфердинга („Онежскія былины", изд. 2-е, т. II, № 156) отъ Ивана Аникіевича Касьянова изъ с. Космозера (Кижской вол.), крестьянина 40 лѣтъ, грамотнаго (по церковному), бывшаго старообрядца; свои пѣсни онъ усвоилъ въ молодости отъ стариковъ во время рыбной ловли, преимущественно отъ кривого Ивана Трофимова, потомъ многое забылъ, въ томъ числѣ и былину о Вольгѣ; но затѣмъ вновь ее разучилъ со словъ старообрядческаго наставника Іуды Егорова. Вторая пѣсня—изъ „Древнихъ Россійскихъ стихотвореній" Кирши Данилова (по изд. 1818 г.), № 6, т.-е. въ старинной записи XVIII вѣка.

XVI. САДКО.

Былина о Садкѣ заимствована изъ сборника А. Ѳ. Гильфердинга „Онежскія былины" (изд. 2), т. I, № 70; записана она отъ Андрея Сорокина, крестьянина, 43 лѣтъ, деревни Новинка на Сумозерѣ, близъ Пудожа; Сорокинъ перенялъ свои былины отъ крестьянъ, пріѣзжавшихъ на мельницу, гдѣ они коротали время, распѣвая „ста́рины"; выучился онъ былинамъ еще въ молодости. Отъ него же записывалъ былины и П. Н. Рыбниковъ.

XVII. СОРОКЪ КАЛИКЪ СО КАЛИКОЮ.

Текстъ взятъ изъ „Древнихъ Россійскихъ стихотвореній" Кирши Данилова (М. 1818), № 23.

XVIII. ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ.

Оба текста заимствованы оттуда же, изъ сборника Кирши Данилова, № 9 и № 18.

XIX. СВЯТОГОРЪ.

Побывальщина о женитьбѣ Святогора печатается (за отсутствіемъ соотвѣтствующей пѣсни) по записи П. Н. Рыбникова, сдѣланной имъ, повидимому, въ Кижахъ, дер. Середкѣ, отъ Леонтія Богданова, крестьянина лѣтъ 70-ти, пѣвца въ общемъ не особенно хорошаго; ср. „Пѣсни, собр. П. Н. Рыбниковымъ", изд. 2 (М. 1909), т. I, стр. 321, прим. 3. Вторая побывальщина (она разбита на стихи въ первомъ изданіи редакторами: П. А. Безсоновымъ и А. С. Хомяковымъ) о женѣ Святогора—по записи того же П. Н. Рыбникова отъ того же Леонтія Богданова (см. „Пѣсни, собр. П. Н. Рыбниковымъ", I, 318). Третья и четвертая пѣсни взяты изъ сборника А. Ѳ. Гильфердинга: одна (т. III, № 270) идетъ отъ крестьянина дер. Кривцова (Кенозеро) Ивана Александровича Гурьбина, 60 лѣтъ, получена имъ отъ отца, другая (тамъ же, № 273)— отъ Петра Яковлевича Меньшикова, крестьянина 52 лѣтъ, съ Тамбасезера (на ю.-з. отъ Кенозера), когда-то хорошаго пѣвца, получившаго многія изъ былинъ отъ своего отца, но уже многое забывшаго къ концу 60-хъ гг. прошедшаго столѣтія.

XX. ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

Изъ сборника Кирши Данилова, № 7 (по изд. 1818 г.).

XXI. СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧЪ.

Заимствованъ оттуда же, № 1.

XXII. СТАВРЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Пѣсня взята изъ „Былинъ старой и новой записи" (М. 1894, подъ ред. Н. С. Тихонравова и Вс. Ѳ. Миллера), № 57; записана былина кн. Костровымъ и первоначально напечатана имъ же (Москвитянинъ, 1851 г., ч. 6, № 24, кн. 2, стр. 254). Несмотря на заявленіе кн. Кострова, что былина записана имъ буквально, въ ней замѣтны нѣкоторыя литературныя подправки. Печатается, какъ одна изъ наиболѣе полно передающихъ сюжетъ.

XXIII. ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Текстъ взятъ изъ „Пѣсенъ, собр. П. Н. Рыбниковымъ" (изд. 2, М. 1909), I, № 71, стр. 391. Записанъ отъ Терентія Іевлева, крестьянина съ Волкострова, Кижской волости, внука знаменитаго въ свое время пѣвца Ильи Елустафьева, учителя извѣстнаго Трофима Рябинина и Кузьмы Романова. Былинамъ Іевлевъ выучился у своего дѣда, умершаго, когда Терентію было только десять лѣтъ. Отъ него же записывалъ и А. Ѳ. Гильфердингъ, но былины о Хотенѣ имъ записано не было.

XXIV. РАХТА РАГНОЗЕРСКІЙ.

Печатается по тексту „Онежскихъ былинъ“ А. Ѳ. Гильфердинга (изд. 2, Спб. 1894), I, № 11, стр. 137. Ему пѣлъ былину Петръ Лукичъ Калининъ, одинъ изъ хорошихъ пѣвцовъ съ богатымъ репертуаромъ (отъ него записано 14 былинъ), крестьянинъ дер. Горки, Пудожскаго погоста, Повѣнецкаго уѣзда, 43 лѣтъ, по ремеслу портной; пѣсни перенялъ онъ отъ стариковъ въ окрестностяхъ Шуньги и Толвуи, частью у своего отца, знавшаго также много „ста́ринъ“. Зналъ Калининъ, кромѣ былинъ, много духовныхъ стиховъ и сказокъ.

XXV. ДАНИЛО ЛОВЧАНИНЪ.

Заимствована изъ „Пѣсенъ, собр. П. В. Кирѣевскимъ“, вып. 3, стр. 32 (изд. 2, М. 1878). Пѣсня записана въ селѣ Павловѣ, Нижегородской губ. священникомъ Е. Фаворскимъ (впервые напечатана въ Прибавл. къ Извѣстіямъ Акад. Наукъ, 1, 1852 г.); свѣдѣнія о пѣвцѣ отсутствуютъ.

XXVI. ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Взята изъ „Пѣсенъ, собр. П. Н. Рыбниковымъ“ (изд. 2, М. 1910), II, № 195, стр. 601; записана въ г. Онегѣ отъ „дряхлаго старичка“ изъ Краснолядскаго погоста, Каргопольскаго у.; Рыбниковъ называетъ его также „каликой изъ Красной Ляги“; отъ него записано было всего девять былинъ.

XXVII. ВАСИЛІЙ ОКУЛОВИЧЪ.

Заимствована пѣсня изъ того же сборника П. Н. Рыбникова, II, № 183, стр. 556. Пѣвецъ—Иванъ Павловичъ Сивцевъ, по прозвачію Поромскій, крестьянинъ дер. Поромска, по берегу Кенозера. Отъ него же записывалъ и А. Ѳ. Гильфердингъ.

XXVIII. НЕРАЗСКАЗАННЫЙ СОНЪ.

Взятъ текстъ оттуда же: I (изд. 2), № 35, стр. 233. Запись идетъ отъ Абрама Евтихіева Чукова, по прозвищу Бутылки, изъ дер. Горки, Повѣнецкаго у. (ср. выше, XXIV), одного изъ памятливыхъ пѣвцовъ (онъ спѣлъ 19 былинъ), 59 лѣтъ, по ремеслу портного; былины выучилъ отъ своего отца, знавшаго ихъ очень много. Манеру пѣть усвоилъ онъ въ Кижахъ.

XXIX. АКСЕНКО.

Текстъ раньше былъ напечатанъ въ „Былинахъ новой и недавней записи“ (изд. Моск. Высш. Женск. Курсовъ, подъ ред. Вс. Ѳ. Миллера, М. 1908), № 98, стр. 272. Записанъ А. В. Марковымъ отъ крестьянина И. Т. Михина, 39 лѣтъ, дер. Гридина, на Корельскомъ берегу Бѣлаго моря.

XXX. ЖЕНИТЬБА ПЕРЕСМЯКИНА ПЛЕМЯННИКА.

Заимствована изъ „Трудовъ Музыкальной Комиссіи“ при Моск. Общ. Любит. Естествозн., Этногр., Антропол. и Географіи: т. I (М. 1905), № 8, стр. 37 „Матеріаловъ“. Запись—А. В. Маркова отъ М. С. Крюковой въ Зимней Золотицѣ, на берегу Бѣлаго моря; ею пѣсня перенята отъ какой-то „старой дѣвушки“.

XXXI. БУТМАНЪ КОЛЫБАНОВИЧЪ.

Взята изъ сборника Н. Е. Ончукова „Печорскія былины“ (Спб. 1904), № 14, стр. 59. Пѣла эту пѣсню Устинья Филипповна Чупрова, жена лѣсника, славящагося въ качествѣ сказителя во всей округѣ.

XXXII. ИВАНЪ ДУДОРОВИЧЪ.

Взято изъ „Былинъ новой и недавней записи“ (см. выше, XXIX), № 96. Записана А. В. Марковымъ въ селѣ Поноѣ, на Терскомъ берегу Бѣлаго моря, отъ крестьянки Т. Т. Логиновой.

XXXIII. БЫЛИНЫ-СКОМОРОШИНЫ.

1. Вавило и скоморохи.—Изъ сборника А. Д. Григорьева „Архангельскія былины“, I (М. 1904), № 85 (121), стр. 376. Записана имъ отъ Марьи Дмитріевны Кривополѣновой, крестьянки дер. Шотогорки (на лѣвомъ берегу р. Пинеги), 57 лѣтъ, пѣвицы, выдающейся по репертуару (отъ нея записано 14 „ста́ринъ“ и 5 духовныхъ стиховъ), перенятому ею отъ дѣда.

2. Гость Терентьище.—Взято изъ текстовъ Кирши Данилова (изд. 1818 г.), № 2. Разночтенія—изъ записи П. М. Языкова, 1838 года, въ Симбирской губ. селѣ Головинѣ („Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ“, вып. 7, стр. 48, приложенія).

3. О большомъ быкѣ.—Изъ сборника А. Ѳ. Гильфердинга „Онежскія былины“ (изд. 2, Спб. 1900), III, № 303, стр. 479. Записана отъ крестьянина-коновала, 84 лѣтъ, Ефима Яковлевича Завала, изъ Ошéвенска (къ югу отъ Кенозера), старообрядца; онъ зналъ всего двѣ „ста́рины“, которыя перенялъ отъ отца; самъ много ходилъ по Россіи, мастеръ сказывать сказки.

4. Усища.—Изъ сборника А. Д. Григорьева, I, № 86 (122). Записано отъ М. Д. Кривополѣновой (см. выше, XXXIII, 1).

5. Небылица.—Изъ „Онежскихъ былинъ“, III, № 238, стр. 263; записана отъ Ирины Денисьевны Калитиной, крестьянки 49 лѣтъ, съ Суетина острова, что́ на Свиномъ озерѣ (близъ Кенозера); ея былины идутъ отъ ея же отца, знавшаго много „ста́ринъ“.

6. Ѳома и Ерема.—Взята по записи въ Саратовской губ. А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомарова, напечатанной въ „Лѣтописяхъ русской литературы и древности“, изд. Н. С. Тихонравовымъ, т. IV (М. 1862), отд. 2, стр. 73, № 25.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Тексты брались преимущественно изъ изданій: 1) Вс. Ѳ. Миллера, „Историческія пѣсни Русскаго народа XVI—XVII в.“ (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, т. 93, Петрогр. 1915), 2) „Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности“, вып. 8—10 (М. 1870—1874); отсюда же заимствованы и свѣдѣнія о мѣстностяхъ, гдѣ найдена пѣсня, и о лицахъ, записывавшихъ пѣсни. Взятыя изъ другихъ немногихъ изданій пѣсни отмѣчены попутно по этимъ изданіямъ.

I. ЭПОХА ТАТАРЩИНЫ.

Щелканъ Дудентьевичъ.—Изъ „Древнихъ Россійскихъ стихотвореній“ Кирши Данилова (изд. 1818 г.), № 4.

II. ВРЕМЯ ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНАГО.

1. Взятіе Казани.—Вс. Ѳ. Миллеръ, № 8 (Кирши Данилова „Древнія Россійскія стихотворенія“, изд. 1818 г., № 28).

2. Смерть царицы.—Оттуда же, № 2 (запись 1898 г. А. В. Маркова въ селѣ Зимняя Золотица, на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, отъ Гаврилы Крюкова).

3. Царская женитьба.—Оттуда же, № 67 („Древнія Россійскія стихотворенія“ Кирши Данилова, изд. 1818 г., № 5).

4. Набѣгъ крымскаго хана.—Оттуда же, № 92 (изъ записей 1619—20 г. для Ричарда Джемса въ Москвѣ).

5. Покушеніе на убіеніе царевича.—Оттуда же, № 121 (запись А. Ѳ. Гильфердинга 1871 г. въ Водлозерѣ, Олонецкой губ., отъ крестьянина Трофима Иван. Суханова съ Охтомострова; „Онежскія былины“, изд. 2, № 209).

6. Ермакъ и завоеваніе Сибири.—Оттуда же, № 159 („Древнія Россійскія стихотворенія“ Кирши Данилова, изд. 1818 г., № 13).

7. Кончина Грознаго. а)—Оттуда же, № 151 (запись А. Н. Пасхаловой въ г. Саратовѣ); б)—оттуда же, № 153 (изъ Симбирской губ. (Кирѣевскій, вып. 6, стр. 210—211); пѣсня сводная: начиная со стиха 21—пѣсня о Казани; г)—изъ „Пѣсенъ, собр. П. В. Кирѣевскимъ“, вып. 6, стр. 207; записана въ 1839 г. самимъ П. В. Кирѣевскимъ въ Москвѣ отъ мѣщанки Татьяны Андреевны.

III. СМУТНОЕ ВРЕМЯ И XVII ВѢКЪ.

1. Григорій Отрепьевъ.—Вс. Ѳ. Миллеръ, № 212 (запись А. Ѳ. Гильфердинга 1871 г. отъ И. Д. Калитиной на Кенозерѣ; ср. „Онежск. был.“, изд. 2, № 236). Разночтенія—изъ Миллера же, № 213 (запись А. Ѳ. Гильфердинга 1871 г. отъ П. Л. Калинина, дер. Римъ, на Пудожской горѣ; ср. „Онежск. былины“, изд. 2, № 14).

2. М. В. Скопинъ-Шуйскій.—а) Вс. Ѳ. Миллеръ, № 192 (запи-

сана А. В. Марковымъ въ 1899 г. на Терскомъ берегу Бѣлаго моря въ Нижней Зимней Золотицѣ отъ А. М. Крюковой; см. также „Бѣломорскія былины", № 39); б) Миллеръ, № 207 (запись 1619—20 г. для Джемса, въ Москвѣ; см. также П. К. Симони „Памятн. старин. русск. языка и словесности, XV—XVII ст.", вып. II, 1).

3. Убійство Ивана Карамышева.—а) Аристовъ Н. „Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ" (Воронежъ, 1875), стр. 31—32; б) В. Ѳ. Миллеръ, № 250 (Симбирск. губ., запись П. М. Языкова; см. „Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ", вып. 7, стр. 130—131).

4. Взятіе Азова.—А. Пивоваровъ „Донскія казачьи пѣсни" (Новочеркасскъ, 1885), стр. 32—33, № 28 (сообщ. А. А. Иноземцевъ).

5. Земскій соборъ при царѣ Алексѣѣ.—В. Ѳ. Миллеръ, № 243 (запись П. Н. Рыбникова въ 1863 г. въ Кижахъ, Петрозав. у. отъ А. Е. Чукова изъ дер. Горки, Пудожгорск. погоста, Римской волости, Повѣнецк. у.; см. „Пѣсни, собр. П. Н. Рыбниковымъ", I, изд. 2, № 32; отъ него же записывалъ эту пѣсню и Гильфердингъ; см. II, изд. 2, № 154).

6. Царь Алексѣй подъ Ригою.—В. Ѳ. Миллеръ, № 248 (изъ „Древнихъ Россійскихъ стихотвореній" Кирши Данилова, по изд. 1818 г., № 32).

7. Стенька Разинъ и сынъ.—В. Ѳ. Миллеръ, № 274 (запись А. Д. Григорьева, дер. Почезерье, Пинежск. у., отъ М. П. Пашковой; ср. „Архангельскія былины", I, ч. 2, стр. 214—215). Разночтенія—изъ записи А. С. Пушкина (по изд. Брокгауза-Эфрона, т. IV, № 805 и 806).

8. Осада Соловецкаго монастыря.—В. Ѳ. Миллеръ, № 255 (записана А. В. Марковымъ въ Нижней Зимней Золотицѣ отъ А. М. Крюковой; ср. „Бѣломорскія былины", стр. 197—201; по словамъ пѣвицы, пѣсня эта—„запрещенная").

9. Смерть царя Алексѣя.—В. Ѳ. Миллеръ, № 266 (изъ „Пѣсенъ, собр. П. В. Кирѣевскимъ", вып. 7, стр. 45—46, съ помѣтою: „доставлено В. И. Далемъ").

10. Василій Голицынъ.—„Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ" вып. 8, стр. 41—42 (Орловск. губ., Малоарханг. у., село Сабурово, запись П. И. Якушкина).

IV. ВРЕМЯ ПЕТРА I.

1. Рожденіе Петра.—Изъ сборника Кирши Данилова (изд. 1818 г. № 30.

2. Казнь стрѣльцовъ.—а) „Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ", вып. 8 (М. 1870), стр. 18 (запись П. М. Языкова, въ Сызрани); б) оттуда же, стр. 20 (запись П. В. Кирѣевскаго; мѣстность не указана).

3. Царь Петръ и драгунъ.—П. В. Кирѣевскій, вып. 8, стр. 37 (съ Урала, доставлена В. И. Далемъ).

4. Полтава.—П. В. Кирѣевскій, вып. 8, стр. 170 (запись Н. Борисова 1845 г. въ Шенкурскѣ, Арханг. губ.).

5. Кончина Петра. а)—П. В. Кирѣевскій, вып. 8, стр. 273 (записана П. М. Языковымъ въ с. Станичномъ, Симбирск. губ.); б)—оттуда же, вып. 8, стр. 276 (изъ „Лѣтоп. рус. лит. и древн.", III (М. 1861), отд. 2: „Русск. нар. пѣсни, собр. въ Саратовск. губ. А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровымъ", стр. 45, № 12); в)—оттуда же, вып. 8, стр 277 (запись П. В. Кирѣевскаго; мѣстность не указана); г)—оттуда же, вып. 8, стр. 278 (изъ Саратовск. губ., запись А. Н. Пасхаловой).

V. ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

1. Краснощековъ и прусскій король.—„Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ", вып. 9 (М. 1872), стр. 150 (изъ Оренбургской губ., доставлена В. И. Далемъ; другихъ указаній нѣтъ).

2. Шведская война.—П. В. Кирѣевскій, вып. 9, стр. 85 (запись г. Карноухова, Арханг. губ., г. Чердынь).

3. Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ.—П. В. Кирѣевскій, вып. 9, стр. 125 (записана въ декабрѣ 1845 г. Н. Борисовымъ въ г. Шенкурскѣ, Арханг. губ., доставлена В. П. Погодинымъ).

4. Первая турецкая война.—П. В. Кирѣевскій, вып. 9, стр. 213 (Московск., Орловск. и Симбирск. губ., по отмѣткѣ редактора изданія П. А. Безсонова).

5. Пугачевъ.—П. В. Кирѣевскій, вып. 9, стр. 249 (записана самимъ П. В. Кирѣевскимъ (+1856) въ селѣ Слободѣ, Калужск. губ., Боровск. у., отъ семидесятилѣтней старухи Екатерины Андреевны).

6. Графъ Румянцовъ—сватъ.—П. В. Кирѣевскій, вып. 9, стр. 240 (записана П. В. Шейномъ въ селѣ Милятинѣ, Можайск. у., Моск. губ., отъ скотницы Аннушки; впервые напечатана въ 1859 году; по замѣчанію издателя, пѣсня поется также въ губ. Тульской и Калужской).

7. Смерть Екатерины II.—П. В. Кирѣевскій, вып. 9, стр. 264 (изъ Лихвинскаго уѣзда, Калужск. губ.; другихъ указаній нѣтъ).

VI. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

1. Платовъ генералъ.—„Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ", вып. 10 (М. 1874), стр. 72 (запись П. И. Саввантова въ Вологдѣ 17 марта 1841 г.). Разночтенія—изъ записи П. И. Якушкина въ Орловск. губ. (тамъ же, стр. 75).

2. Смерть Александра I:—а) П. В. Кирѣевскій, вып. 10, стр. 198 (записана П. В. Шейномъ отъ ратника Картавенка въ Усть-Уренѣ, Симбирск. губ.; б) П. В. Кирѣевскій, вып. 10, стр. 201 (запись Н. Борисова въ Шенкурскѣ, Арханг. губ., доставленная М. П. Погодинымъ).

3. Николай I и его братъ.—Б. и Ю. Соколовы, „Сказки, пѣсни Бѣлозерскаго края" (М. 1915), стр. 315 (запись Соколовыхъ отъ крестьянина) дер. Роговской, Кирилл. уѣзда, Н. И. Охутина, 80 лѣтъ, бывшаго солдата.

4. Аракчеевъ.—П. В. Кирѣевскій, вып. 10, стр. 206 (запись Борисова 1844 г. въ Шенкурскѣ, Арханг. губ., доставленная М. П. Погодинымъ).—Пушкинскій варіантъ записанъ поэтомъ въ Псковской губ. въ 30-хъ гг. прошлаго вѣка; см. тамъ же, стр. 261.

СТАРИННЫЯ ЗАПИСИ БЫЛИНЪ.

1. Сказаніе о кіевскихъ богатыряхъ взято изъ изд. Е. В. Барсова „Богатырское слово въ спискѣ начала XVII в." (Приложеніе къ XL тому Записокъ Имп. Акад. Наукъ, Спб. 1881), печатается безъ раздѣленія на стихи, внесеннаго первымъ издателемъ. Разночтенія—изъ рук. XVIII в., бывшей Ѳ. И. Буслаева (изд. въ „Былинахъ старой и новой записи" (М. 1894), подъ ред. Н. С. Тихонравова и В. Ѳ. Миллера, стр. 47 и сл.). Рукопись Е. В. Барсова принадлежитъ Историч. Музею въ Москвѣ (№ 1463), рук. Ѳ. И. Буслаева—Публ. библ. въ Петроградѣ.

2. Отрывокъ былины объ Алешѣ заимствованъ изъ „Былинъ (старой и новой записи" (М. 1894), стр. 59—60, изд. по рук. XVII в., бывшей Ѳ. И. Маслова (впервые изданъ А. И. Станкевичемъ въ „Древностяхъ" И. Моск. Археол. Общ., т. XV).

3. Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ дается по рук. XVII в. Публичн. Библ. въ Спб. (О. XVII, 44), издана была въ первый разъ Л. Н. Майковымъ въ „Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по старинной русской литературѣ" (Спб. 1891), вторично—въ „Былинахъ старой и новой записи" М. 1894), стр. 25. Приводится только начало текста.

О МУЗЫКѢ БЫЛИНЪ ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЙ ИХЪ ИЗУЧЕНІЯ.

Со второй половины прошлаго вѣка, въ связи съ поднятіемъ у насъ интереса ко всестороннему изученію народной жизни въ виду предстоявшей крестьянской реформы, было обращено болѣе серьезное вниманіе также на поэтическое творчество народа. При этомъ оказала вліяніе, кромѣ того, и западная наука, успѣвшая къ тому времени создать свои методы и опредѣленныя теоріи въ этой области изученія.

Усваивая себѣ теоріи и пріемы изслѣдованія такихъ ученыхъ, какъ братья Гриммы и др., наши изслѣдователи искали, съ одной стороны, въ народномъ поэтическомъ творчествѣ живыхъ отголосковъ той глубокой старины, которая отражала бы на себѣ эпоху праарійскаго предполагаемаго сожительства европейскихъ народовъ, а съ другой—старались подмѣтить тѣ исконныя черты своей народности, по которымъ можно было бы возсоздать ея древнѣйшій бытъ, понятія, вѣрованія, взглядъ на природу и картину самой природы, семейный и общественный строй, отношенія къ сосѣдямъ и т. д. Для этой цѣли представлялись наиболѣе цѣнными тѣ созданія народной фантазіи, въ которыхъ съ особенною любовью развивались сюжеты миѳологическіе, затѣмъ—историческіе, а иногда—тѣ и другіе вмѣстѣ; за ними признавалась наибольшая древность. Сюда относятся сказки, преданія, а въ стихотворной поэзіи—такъ называемыя былинныя и историческія пѣсни.

Отличаясь по внѣшней формѣ, сказка и пѣсня различаются между собою и способомъ передачи, исполненіемъ. Присущій

пѣснѣ и былинѣ стихотворный складъ уже самъ по себѣ предполагаетъ необходимость музыкальнаго ихъ исполненія, такъ какъ въ основѣ всякой пѣсни лежитъ большею частью ясно выраженный музыкальный размѣръ, опредѣляемый законами повышенія и пониженія, иначе говоря—ритмомъ.

Если допустить, что былины, дѣйствительно, одинъ изъ древнѣйшихъ видовъ русской пѣсни, то изученіе ихъ должно представить двойной интересъ: помимо своей словесной стороны и данныхъ чисто бытового и историческаго характера, онѣ могли бы дать понятіе о древнѣйшей русской національной музыкѣ. Къ сожалѣнію, наши первые болѣе солидные собиратели былинъ, какъ Кирѣевскій и Рыбниковъ, не будучи музыкантами, не обращали должнаго вниманія на музыкальную сторону собираемыхъ ими образцовъ былиннаго творчества, и въ ихъ весьма цѣнныхъ собраніяхъ музыкантъ напрасно будетъ искать напѣвовъ старинныхъ былинъ и другихъ пѣсенъ. Собиратели въ данномъ случаѣ интересовались больше содержаніемъ былинъ и ихъ словеснымъ изложеніемъ, чѣмъ художественно-музыкальной стороной, забывая ту непреложную истину, что въ народной пѣснѣ ея форма и содержаніе неразрывно связаны съ напѣвомъ, такъ какъ музыка пѣсни обыкновенно зарождается и складывается вмѣстѣ съ самою пѣснею, составляя съ нею одно гармоническое цѣлое.

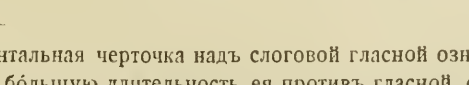
Напѣвъ былины, какъ и всякой другой пѣсни, является не только не лишнимъ, но и весьма цѣннымъ подспорьемъ для удержанія въ памяти словеснаго запаса былины, достигающаго иной разъ не одной тысячи стиховъ; онъ не менѣе важенъ и для филолога при изученіи стихотворнаго склада былинъ, структуры стиха, ритма и т. д.. Извѣстно, что въ народной пѣснѣ, хотя она построена на тонической основѣ, исходя изъ одного только текста и не принимая во вниманіе напѣва, мы постоянно наталкиваемся на видимую неправильность въ стопномъ размѣрѣ: сплошь и рядомъ въ стихахъ недостаетъ слоговъ, или же оказываются лишніе, не позволяющіе уложить данный стихъ въ опредѣленный размѣръ, и получается стихъ, явно хромающій въ ритмическомъ

отношеніи. То-же наблюдается очень часто и въ былинахъ, даже чаще, чѣмъ въ лирическихъ пѣсняхъ. Между тѣмъ, когда мы слушаемъ пѣсню или былину въ пѣніи, то не замѣчаемъ этихъ неудобствъ съ точки зрѣнія нарушенія ритма: пѣвецъ отлично справляется съ текстомъ, восполняя или сокращая въ голосовомъ исполненіи шероховатости въ ритмикѣ текста; въ одномъ мѣстѣ онъ растянетъ одинъ слогъ, напр., на двѣ четвертныя ноты, въ другомъ для лишняго слога разобьетъ одну четверть на двѣ восьмыя, и музыкальный размѣръ отъ этого нисколько не страдаетъ. Разсматривая же одинъ текстъ былины безъ напѣва, мы даже у лучшихъ пѣвцовъ, какъ Т. Г. Рябининъ и его сынъ И. Т. Рябининъ, постоянно будемъ натыкаться на ритмическія затрудненія. Напримѣръ, начало былины о Вольгѣ и Микулѣ Т. Рябининъ пѣлъ такъ:

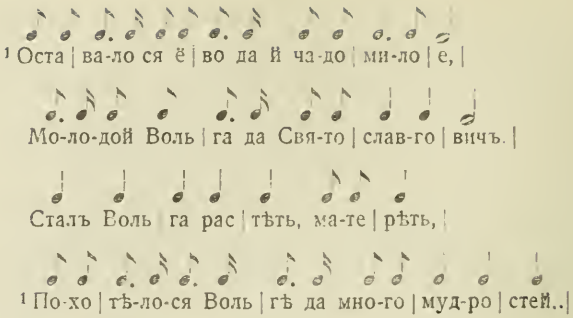
Жи́лъ Свя-то̆ | сла́въ дӗ-вя̆ по́-сто̄ | лѣ́тъ, |

Жи́лъ Свя̆-то̆ | сла́въ дӑ пӗ-рӗ | ста́-вил | ся̄. [1]

Дактилическій складъ (—⏑⏑), присущій этимъ стихамъ, кажется явно невыдержаннымъ въ концѣ перваго и во второй половинѣ второго стиха. Но когда мы обратимся къ напѣву, то увидимъ совершенно правильное движеніе двухъ-четвертного ритма, выдержаннаго отъ начала до конца, благодаря стяженіямъ и разложеніямъ звуковыхъ музыкальныхъ единицъ времени по требованію числа слоговъ:



[1] Горизонтальная черточка надъ слоговой гласной означаетъ въ исполненіи вдвое бо́льшую длительность ея противъ гласной съ полукруглымъ знакомъ.



При всемъ различіи въ слоговомъ отношеніи этихъ шести стиховъ (9—13 слоговъ), тѣмъ не менѣе въ пѣніи получается въ каждомъ изъ нихъ выдержанный четырехстопный размѣръ съ опредѣленнымъ $^2/_4$-нымъ ритмомъ при возможности замѣны одной четверти двумя восьмыми и обратно [2].

Если изслѣдователь текста не приметъ этого во вниманіе, онъ рискуетъ впасть въ ошибку, заподозрѣвъ порчу стиха пѣвцомъ или неточность записи тамъ, гдѣ этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

Изъ этого еще не слѣдуетъ, что въ былинахъ, которыя поются, не можетъ быть испорченныхъ стиховъ; мы хотимъ только сказать, что напѣвъ часто спасаетъ пѣвца и записывателя отъ ошибокъ въ текстѣ. Поэтому вполнѣ справедливо и очень важно установившееся правило для точной записи пѣсенъ—записывать ихъ непремѣнно во время пѣнія, какъ тексты, такъ и напѣвъ, со всѣми вставками и повтореніями, такъ какъ давно замѣчено, что когда пѣвецъ начинаетъ передавать пѣсню говоркóмъ, то онъ невольно вноситъ измѣненія въ текстѣ, влекущія за собою искаженія стиха: онъ не считаетъ нужнымъ при этомъ выдерживать повторенія словъ, стиховъ и оборотовъ, опускаетъ тѣ слова, которыя не связаны тѣсно со смысломъ, а нужны только для уравненія ритма

---

[1] Первые два слога (за тактомъ) причисляются къ послѣдней стопѣ предыдущаго стиха.

[2] Четверть можетъ также замѣняться равносильнымъ сочетаніемъ: $^1/_8$ съ точкою$+^1/_{16}$, а двѣ четверти—сочетаніемъ: $^1/_4$ съ точкою$+^1/_8$, или половиною, или четвертью съ паузой.

при пѣніи, особенно односложныя слова: и, да, ли, то, ужъ, что, какъ, вѣдь и т. п. Наблюдались даже случаи, что пѣвецъ, пересказывая пѣсню, путается и можетъ потерять связь, пропустить цѣлый рядъ стиховъ, а когда начинаетъ пѣть, то легко ихъ вспоминаетъ.

Утрата напѣва можетъ грозить гибелью для былины: когда напѣвъ забывается или передающій ее не обладаетъ голосомъ и музыкальными способностями, она легко обращается въ сказку или побывальщину.

Все это ясно показываетъ, насколько важна въ былинной поэзіи музыкальная часть, и насколько, съ другой стороны, несовершенны были старые пріемы собиранія и изученія однихъ пѣсенныхъ текстовъ безъ „голоса". Но разъ это было сознано, то этотъ недостатокъ сталъ понемногу устраняться при дальнѣйшихъ занятіяхъ былинами, равно какъ и другими народными пѣснями. Такъ, уже въ 1871 г. А. Ѳ. Гильфердингъ въ своемъ капитальномъ сборникѣ „Онежскихъ былинъ" много вниманія удѣлилъ пѣвцамъ былинъ, ихъ біографіи, манерѣ пѣнія, музыкальнымъ достоинствамъ, вліянію ихъ другъ на друга, условіямъ сохраненія былинной традиціи и тому подобнымъ вопросамъ, имѣющимъ весьма важное значеніе, какъ для текстуальной, такъ и для музыкальной стороны былиннаго творчества на нашемъ Сѣверѣ. Кромѣ того, къ своему собранію онъ приложилъ два основныхъ былинныхъ напѣва, наиболѣе часто слышанныхъ имъ въ Онежскомъ краѣ у лучшихъ пѣвцовъ, въ томъ числѣ у старика Троф. Григ. Рябинина, въ Кижахъ. Конечно, этого слишкомъ мало по сравненію съ богатѣйшимъ словеснымъ матеріаломъ, заключающимся, какъ въ сборникѣ самого Гильфердинга, такъ и въ трудахъ предшествовавшихъ собирателей, и этимъ нельзя было удовлетвориться даже и при томъ положеніи, что въ былинныхъ напѣвахъ вообще гораздо меньше разнообразія, чѣмъ въ пѣсняхъ лирическихъ, и что многія былины поются на одинъ „голосъ", т.-е. мотивъ.

Былъ извѣстенъ, правда, еще съ конца XVIII вѣка, одинъ старый нотный сборникъ, приписываемый собирателю Киршѣ Данилову,

подъ названіемъ: „Древнія Россійскія стихотворенія“, гдѣ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ пѣсенъ имѣется около 20 былинъ, не считая чисто-историческихъ пѣсенъ, и къ нимъ приложены напѣвы (притомъ къ нѣсколькимъ текстамъ одинъ и тотъ же напѣвъ, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями). Но къ этому собранію музыканты долго относились съ недовѣріемъ, такъ какъ музыкальная его часть передъ напечатаніемъ этихъ записей прошла черезъ редакцію ненадежнаго лица и вызывала рядъ сомнѣній, между прочимъ потому, что, хотя напѣвы въ сборникѣ помѣщены передъ каждымъ номеромъ отдѣльно, но текстъ подъ нотами не подписанъ и не всегда укладывается подъ данный напѣвъ. А провѣрить записи въ печатномъ изданіи было невозможно за утратою рукописнаго оригинала. Въ 1894 г. въ библіотекѣ кн. М. Р. Долгорукова, въ Богородицкомъ уѣздѣ, Тульской губ., была найдена рукописная копія оригинала Кирши Данилова, тоже XVIII в., но и въ ней музыкальная часть оказалась въ томъ же положеніи, кромѣ незначительныхъ разночтеній въ нотахъ, позволившихъ исправить тѣ измѣненія, какія были внесены редакторомъ при второмъ изданіи сборника [1]. Тѣмъ не менѣе уже и первыя изданія этого сборника (1804 и 1818 г.) обратили на себя вниманіе специали-

---

[1] Вновь найденная рукопись издана въ 1901 г. Импер. Публичной Библіотекой подъ ред. П. Н. Шеффера, помѣстившаго предварительныя свѣдѣнія о ней въ „Изв. отд. Р. яз. и сл. Имп. Ак. Наукъ“, т. II (1897 г.). О музыкальной части сборника Кирши Данилова см. статью А. Маслова: „Кирша Даниловъ и его напѣвы“ въ „Русск. Музык. Газетѣ“ 1902 г. № 43.— Отъ конца XVIII в. извѣстенъ еще пѣсенный сборникъ придворнаго екатерининскаго гуслиста В. Ѳ. Трутовскаго, содержавшій и нѣсколько историческихъ пѣсенъ (о Ст. Разинѣ, о царскомъ послѣ Карамышевѣ, убитомъ на Дону), но составъ этого рѣдчайшаго собранія не вполнѣ выясненъ. См. о немъ П. Симони: „Камеръ-гуслистъ В. Ѳ. Трутовскій и изданный имъ первый русскій нотный пѣсенникъ“—въ „Трудахъ XII Арх. Съѣзда въ Харьковѣ“ т. II, (М. 1905 г.), съ приложеніемъ нотъ, въ томъ числѣ четырехъ историч. пѣсенъ съ текстами. Въ параллель къ пѣсеннику Трутовскаго см. „Собраніе разныхъ пѣсенъ“ М. Д. Чулкова (три части, 1770—73 гг.); срав статью о немъ А. В. Маркова въ „Изв. отд. Р. яз. и сл. Ак. Н.“, т. XII (1907), кн. 2.

стовъ-музыкантовъ, интересовавшихся народной музыкой. Въ 1876 году молодой тогда композиторъ Н. А. Римскій-Корсаковъ, задумавъ обработать рядъ народныхъ темъ для своего opus'а 24 въ видѣ „Сборника русскихъ народныхъ пѣсенъ“ (вышедшаго въ двухъ частяхъ для одноголоснаго пѣнія съ ф.-п.), взялъ нѣкоторыя пѣсни изъ собранія Кирши Данилова, по изданію 1818 года. Именно, имъ обработана въ I-й части его Сборника былина № 3: „Соловей Будимировичъ“, съ классическимъ былиннымъ запѣвомъ: „Высота ли, высота поднебесная“, далѣе, одна историческая пѣсня № 7: „Во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани“ (про Ермака), и одна старинная лирическая пѣсня № 4: „А и горе гореваньице“. Въ дальнѣйшей своей музыкальной дѣятельности Римскій-Корсаковъ, какъ композиторъ, широко использовалъ народную стихію, разрабатывая народныя темы въ операхъ и другихъ своихъ произведеніяхъ. Такъ, напр., вышеуказанный запѣвъ „Высота ли, высота поднебесная“ цѣликомъ вставленъ имъ въ оперу-былину „Садко“.

Интересны признанія самого композитора по этому вопросу, какія читаемъ въ его запискахъ: „Лѣтопись моей музыкальной жизни“ (С. П. Б. 1909, стр. 318):

„..Что́ выдѣляетъ моего „Садка“ изъ ряда всѣхъ моихъ оперъ, а можетъ быть, не только моихъ, но и оперъ вообще,— это *былинный* речитативъ. Въ то время какъ въ „Младѣ“ и „Ночи (передъ Рождествомъ)“ речитативъ, будучи въ большей части случаевъ правильнымъ, не развитъ и не характеренъ, речитативъ оперы-былины и главнымъ образомъ самого Садка— небывало своеобразенъ при извѣстномъ внутреннемъ однообразіи строенія. Речитативъ этотъ—не разговорный языкъ, а какъ бы условно уставной былинный сказъ или роспѣвъ, первообразъ котораго можно найти въ декламаціи Рябининскихъ былинъ. Проходя красною нитью черезъ всю оперу, речитативъ этотъ сообщаетъ всему произведенію тотъ національный, былевой характеръ, который можетъ быть оцѣненъ вполнѣ только русскимъ человѣкомъ“.

Наряду съ Римскимъ-Корсаковымъ русскими былинами съ ихъ музыкальной стороны не менѣе интересовались и другіе наши композиторы, главнымъ образомъ изъ числа такъ называемой „могучей кучки“ съ Балакиревымъ во главѣ. М. П. Мусоргскій записывалъ народные напѣвы, въ томъ числѣ и былинные, подвергалъ ихъ художественной обработкѣ, а нѣкоторыя свои записи передалъ для обработки Римскому-Корсакову, который помѣстилъ ихъ въ своемъ выше названномъ „Сборникѣ“. Именно, по записямъ Мусоргскаго здѣсь обработаны: былина № 2—о Вольгѣ и Микулѣ съ голоса Троф. Рябинина, во II-й части—старинная свадебная пѣсня № 92: „Приданыи удалыи“ съ голоса М. Ѳ. Шишко, и лирическая № 11: „Исходила младенька всѣ луга и болота“ съ голоса извѣстнаго писателя-сатирика И. Ѳ. Горбунова. И въ свои композиціи Мусоргскій точно также вводилъ народныя темы: напр., въ оперѣ „Борисъ Годуновъ“ мы встрѣчаемъ знакомый былинный мотивъ Рябининскаго напѣва и др..

Старшій представитель знаменитой „кучки“, поставившей своею задачею культивированіе русской національной музыки, М. А. Балакиревъ, раздѣляя симпатіи своихъ товарищей, также работалъ на поприщѣ изученія и популяризаціи народной русской пѣсни. Онъ еще въ началѣ 1860-хъ гг. записалъ нѣсколько напѣвовъ старинныхъ пѣсенъ съ голоса извѣстнаго народника-собирателя Павла Якушкина, который самъ не былъ музыкантомъ и не могъ свое интересное собраніе иллюстрировать напѣвами, что́ до извѣстной степени уменьшаетъ его цѣнность съ современной точки зрѣнія.

Историческая пѣсня: „Какъ за рѣчкою да за Дарьею злы татарове дуванъ дуванили“ (т.-е. добычу дѣлили) записана Балакиревымъ отъ Якушкина въ трехъ варіантахъ: Орловской, Тверской и Ярославской губ.; всѣ эти записи гармонизованы Римскимъ-Корсаковымъ и вошли въ составъ его „Сборника“ (ч. I, №№ 8, 9 и 10); отъ Балакирева же имъ получены пѣсни подъ №№ 24 и 58. Самъ Балакиревъ, какъ увидимъ ниже, обрабаты-

валъ и чужія записи народныхъ пѣсенъ, въ томъ числѣ и былинъ, въ художественной формѣ.

Изъ другихъ болѣе извѣстныхъ композиторовъ того же времени музыкальныя записи народныхъ пѣсенъ производились и Сѣровымъ и Даргомыжскимъ.

Колыбельную пѣсню по записи Даргомыжскаго отъ его няни гармонизовалъ Римскій-Корсаковъ для своего „Сборника" (ч. I, № 25).

Но можно смѣло сказать, что никто изъ преемниковъ и послѣдователей Глинки не проникся въ такомъ совершенствѣ духомъ русской народной пѣсни, въ особенности эпической, какъ Н. А. Римскій-Корсаковъ [1].

Изъ любительскихъ сборниковъ, заключающихъ въ себѣ записи былинныхъ напѣвовъ и историческихъ пѣсенъ, слѣдуетъ упомянуть въ порядкѣ времени рѣдкое теперь изданіе Мих. Стаховича: „Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ", тетр. I—IV, 1852—56 гг., изъ котораго Римскій-Корсаковъ взялъ для своего „Сборника" былину № 6—про Добрыню, а также нѣсколько другихъ пѣсенъ разнаго содержанія. Собраніемъ Стаховича пользовались и другіе гармонизаторы.

Собственныя гармонизаціи Стаховича (для фортепіано и для гитары) въ настоящее время мало удовлетворяютъ, но пѣсни, записанныя имъ главнымъ образомъ въ среднихъ губерніяхъ, выбраны со вкусомъ и пониманіемъ [2]; притомъ во вступитель-

---

[1] См. по этому вопросу статьи А. Л. Маслова: „Русская народная пѣсня въ произведеніяхъ Н. А. Римскаго-Корсакова" (въ журн. „Музыка и Жизнь" 1909 г. № 6, съ нотными примѣрами) и „Вліяніе народной музыки на творчество русскихъ композиторовъ" (тамъ же, 1908 г., №№ 1 и 2). Неоднократно касались вопроса о характерѣ и значеніи русской народной пѣсни въ различныхъ статьяхъ и рецензіяхъ извѣстные музыкальные критики и изслѣдователи: кн. В. Ѳ. Одоевскій, В. В. Стасовъ, А. Н. Сѣровъ, Ю. Н. Мельгуновъ и др.. Капитальный же трудъ по этому вопросу принадлежитъ П. П. Сокальскому: „Русская народная музыка" (Харьковъ, 1888).

[2] Сочувственный отзывъ объ этомъ интересномъ по своему времени сборникѣ напечаталъ Т. И. Филипповъ въ „Москвитянинѣ" 1852 г. № 24 (отд. критики, стр. 79—81).

ныхъ статьяхъ собиратель коснулся и теоріи народнаго музыкальнаго творчества. Въ дальнѣйшихъ выпускахъ Стаховичъ обѣщалъ перепечатать съ своимъ аккомпанементомъ вышеупомянутое собраніе „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“ Кирши Данилова, но не осуществилъ этого намѣренія, хотя четыре пѣсни изъ Кирши Данилова онъ внесъ уже въ 4-ю тетрадь своего изданія, въ томъ числѣ одну историческую—про Ермака.

Извѣстный собиратель Н. Е. Пальчиковъ въ своемъ чрезвычайно цѣнномъ сборникѣ: „Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевкѣ Мензелинскаго уѣзда Уфимской губ.“ (С. П. Б. 1888, 2-е изд. 1896), не счелъ нужнымъ выдѣлять былинныя и историческія пѣсни въ особую рубрику, а включилъ ихъ въ отдѣлъ протяжныхъ, иначе, проголосныхъ пѣсенъ, исполняемыхъ „сообща“, съ подголосками, т.-е. хоромъ. Таковы у него пѣсни: № 37—о Добрынѣ и Алешѣ, № 38—о боѣ Темрюка съ двумя братцами Иванами Ивановичами, № 39—о завоеваніи Казани, № 40—о московскомъ пожарѣ и кн. Гагаринѣ, №№ 41 и 42—о Стенькѣ Разинѣ, №№ 44 и 45—о гр. Аракчеевѣ и др. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ новымъ явленіемъ въ жизни былинъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Извѣстный въ недавнее время „народный“ пѣвецъ и содержатель профессіональнаго хора Д. А. Агреневъ-Славянскій въ своихъ „Вечерахъ пѣнія“ (вып. I—V) также напечаталъ нѣсколько собственныхъ записей народныхъ былинъ, снабдивъ ихъ своимъ фортепіаннымъ аккомпанементомъ. А именно: въ III выпускѣ его изданія помѣщена „Былина Кіевская Владимірова круга о ласковомъ князѣ Владимірѣ и о Чурилѣ Плѣнковичѣ“ (№ 1), „Богатырская пѣсня XI столѣтія о Добрынѣ Никитичѣ“ (№ 2), „Волжская старинная историческая пѣсня о царевомъ посланникѣ Карамышевѣ“ (№ 5), разбойничья пѣсня о Стенькѣ Разинѣ: „Ты взойди, солнце красное“ (№ 6); въ IV выпускѣ: „Былина XVII ст. о кн. Мих. Скопинѣ-Шуйскомъ“ (№ 3), „Былина XVI в. о томъ, какъ зачиналась каменна Москва, и о Кастрюкѣ Кастрюковичѣ“ (№ 9), разбойничья пѣсня: „Ахъ, ты, Волга-рѣка“ (№ 17)—про Стеньку

Разина; въ V вып.: „Илья Муромецъ—древнее сказаніе объ исцѣленіи богатыря каликами-перехожими“ (№ 1), „Ледовое побоище—старинное сказаніе о побѣдѣ русскихъ надъ шведами 5 апр. 1242 г.“ (№ 2), „Татарскій полонъ“ (№ 3), „Собирайтесь-ко, братцы робятушки“—старинная пѣсня Сибирскихъ казаковъ (№ 8).

Въ дѣлѣ изученія и сохраненія старинной народной пѣсни не маловажную роль сыгралъ извѣстный любитель и знатокъ ея, хотя и не музыкантъ по спеціальности, нынѣ покойный Тертій Ив. Филипповъ, бывшій государственнымъ контролеромъ при Александрѣ III. Ему русская музыка до извѣстной степени обязана оживленіемъ интереса къ изученію и главнымъ образомъ собиранію старинныхъ русскихъ пѣсенъ, въ томъ числѣ и былинъ, хотя полезная дѣятельность его въ этомъ направленіи мало извѣстна широкому обществу. Съ отроческихъ дней,—скажемъ его-же словами [1]—ознакомившись съ произведеніями народной поэзіи и усвоивъ ихъ самобытные и разнообразные напѣвы, онъ не переставалъ думать о сохраненіи для родного искусства, какъ того пѣсеннаго запаса, какой сохранила его память, такъ и тѣхъ сокровищъ, какія еще хранятся у лучшихъ пѣвцовъ изъ народа, иногда въ далекой, мало доступной глуши. Часть своихъ старинныхъ напѣвовъ онъ сообщилъ для сборника К. П. Вильбоа еще въ 1860-хъ годахъ, а другая часть въ числѣ 40 нумеровъ издана имъ самимъ въ 1882 году въ обработкѣ Римскаго-Корсакова подъ указаннымъ заглавіемъ. Въ этомъ изданіи мы находимъ двѣ „пѣсни въ родѣ былинъ“, какъ назвалъ ихъ собиратель (изъ нихъ одна—про Ваньку ключника, а другая—пѣсня-баллада о томъ, какъ добрый молодецъ жену сгубилъ), и кромѣ того, одинъ напѣвъ (№ 7) настоящей былины (пиръ у кн. Владиміра), пѣтой олончаниномъ Т. Рябининымъ, во время пріѣзда его въ Петербургъ, въ засѣданіи Славянскаго Комитета.

Пріѣзды въ столицы былинныхъ сказателей (Рябининыхъ—отца

---

[1] См. „Сборникъ Т. Филиппова“ (С. П. Б. 1896), стр. 213. Предисловіе къ сборнику: „40 народныхъ пѣсенъ, собранныхъ Т. И. Филипповымъ и гармонизованныхъ Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ“ (Москва, 1882 г.).

и сына, Щеголенка, Ѳедосовой и др.) знаменуютъ собою новую эру въ исторіи изученія былинъ: это дѣло берутъ въ свои руки ученыя учрежденія и спеціальныя пѣсенныя и музыкальныя комиссіи, и въ этомъ отношеніи заслуга Т. И. Филиппова также немалая. Въ 1885 году онъ вошелъ съ представленіемъ къ государю имп. Александру III о необходимости серьезной организаціи изученія народно-поэтическаго и музыкальнаго творчества, какъ дѣла національнаго, государственнаго; и въ результатѣ этого ходатайства при Русскомъ Географическомъ Обществѣ въ Петроградѣ была учреждена Пѣсенная Комиссія изъ спеціалистовъ-музыкантовъ и этнографовъ, которой по высочайшему повелѣнію были ассигнованы средства для снаряженія спеціальныхъ экспедицій въ сѣверныя, среднія и поволжскія губерніи за собираніемъ уцѣлѣвшихъ образцовъ стариннаго русскаго пѣснотворчества.

Участникамъ этихъ экспедицій 1886 и 1893 гг. удалось записать съ напѣвами рядъ былинъ и историческихъ пѣсенъ, частью на новые сюжеты, еще не отмѣченные прежними собирателями, а также отыскать новыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Въ двухъ томахъ „Пѣсенъ русскаго народа", собранныхъ названной комиссіей и изданныхъ въ 1894 и 1899 гг., въ числѣ прочаго пѣсеннаго матеріала напечатанъ рядъ историческихъ пѣсенъ и болѣе десятка былинъ [1], записанныхъ отъ 11-ти пѣвцовъ и пѣвицъ въ Олонецк., Арханг., Волог. губ.. Напѣвы записаны, однако, не ко всѣмъ текстамъ. Въ первую экспедицію они записывались музыкантомъ Г. О. Дютшемъ, а во вторую проф. С. М. Ляпуновымъ,

---

[1] Одна изъ нихъ (о Соколѣ-кораблѣ съ богатырями) попала въ отдѣлъ колядокъ (т. II, стр. 47, эксп. 1893 г.: „Ужъ какъ по морю, морю синему"); въ обработкѣ С. Ляпунова она напечатана въ сборникѣ его гармонизацій: „35 пѣсенъ Рус. народа" (№ 33). Также у якутскихъ казаковъ историческая пѣсня о Скопинѣ-Шуйскомъ поется съ припѣвомъ колядокъ: „Виноградье красно-зеленое" (см. въ т. II „Трудовъ" моск. Музыкально-Этногр. Комиссіи, стр. 285, записи Яна Строжецкаго, въ томъ числѣ „Скопинъ-Шуйскій" и „Стенька Разинъ", съ напѣвами (съ фонографа). На Сѣверѣ припѣвъ „виноградье" въ былинахъ—нерѣдкое явленіе (см. у А. Д. Григорьева, „Архангельскія былины", и др.).

обоими—безъ помощи фонографа. Нашлись и провинціальные любители, которые стали присылать комиссіи свои записи, напр., свящ. А. Н. Поповъ изъ Вологды и др.. Собранные такимъ образомъ пѣсенныя мелодіи, въ томъ числѣ и былины, подвергались затѣмъ художественной обработкѣ петербургскихъ музыкантовъ для одиночнаго и хорового пѣнія съ фортепіано и издавались той же комиссіей отдѣльными небольшими выпусками, при чемъ въ каждомъ изъ нихъ имѣются и образцы гармонизаціи былинныхъ напѣвовъ. Въ нѣсколькихъ выпускахъ этого изданія гармонизовано до 15 былинъ М. А. Балакиревымъ, А. К. Лядовымъ, С. М. Ляпуновымъ и И. В. Некрасовымъ.

Московскіе музыканты-этнографы также заимствовали изъ собраній петербургской комиссіи мелодіи былинъ и историческихъ пѣсенъ для своихъ художественныхъ обработокъ. Такъ, былина о Кострюкѣ, обработанная раньше Балакиревымъ въ выпускѣ его гармонизацій: „30 пѣсенъ Русскаго народа", была гармонизована въ Москвѣ А. Л. Масловымъ для его изданія (совмѣстно съ проф. моск. консерваторіи А. А. Ильинскимъ): „Стихи, старины и пѣсни для одного голоса съ ф.-п." (М. 1904 г., изд. Юргенсона); историческая пѣсня о Гришкѣ Отрепьевѣ, обработанная также Балакиревымъ въ выше названномъ сборникѣ, по записи Г. О. Дютша 1886 г., гармонизована москвичомъ В. В. Пасхаловымъ для пѣнія съ ф.-п. и была напечатана въ московскомъ сборникѣ въ помощь жертвамъ войны, изданномъ отъ общества „Музыкально-теоретич. библіотека", въ Москвѣ (М. 1914).

Мысль Т. И. Филиппова о необходимости собиранія остатковъ народнаго музыкальнаго творчества была воспринята также военнымъ вѣдомствомъ: въ 1892 году послѣдовало распоряженіе военнаго министра А. Н. Куропаткина провести эту мысль въ дѣйствіе по всѣмъ воинскимъ частямъ. Особенно охотно откликнулись на этотъ призывъ казачьи войска: были снаряжены съ этой цѣлью спеціальныя экспедиціи, а также предприняты работы въ этомъ направленіи отдѣльными лицами, и въ результатѣ явился рядъ

сборниковъ, въ которыхъ оказалось немало интереснаго матеріала для изученія русской пѣсни вообще и былинъ въ частности. Сюда относятся: „Пѣсни Донскихъ казаковъ“ А. М. Листопадова (М. 1911), съ обстоятельнымъ очеркомъ донской пѣсни; „Пѣсни Донскихъ казаковъ“ Н. Н. Голубинцева (М. 1911), съ музыкой; „Пѣсни Астраханскихъ казаковъ“ А. А. Догадина, подъ ред. Н. С. Кленовскаго (М. 1911); „Пѣсни Уральскихъ казаковъ. Собрали Александра и Владиміръ Желѣзновы“ (С. П. Б. 1899), съ напѣвами и фортепіаннымъ сопровожденіемъ; „Пѣсни Оренбургскихъ казаковъ“, съ напѣвами, въ 3-хъ выпускахъ, собралъ Ф. Н. Барановъ (Оренбургъ, 1913); вышло два выпуска. Нѣкоторые изъ казачьихъ сборниковъ вышли, къ сожалѣнію, безъ напѣвовъ; таковы, напр.: „Пѣсни Оренбургскихъ казаковъ“, собр. Ал. Ив. Мякутинымъ, вып. 1—4, изд. оренб. казач. войска, С. П. Б. 1904—1910 (см. отзывъ объ этомъ изданіи Вс. Ѳ. Миллера въ академическ. „Сборникѣ отчетовъ о преміяхъ и наградахъ за 1912 г.“); „Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ. Собралъ и издадъ Н. Г. Мякушинъ“, С. П. Б. 1890. А между тѣмъ въ этихъ сборникахъ много текстовъ былинъ и историческихъ пѣсенъ: у одного Н. Г. Мякушина ихъ наберется около 90, съ перепечатками изъ другихъ изданій.

Эти новые матеріалы, особенно изслѣдованія А. М. Листопадова съ его точными фонографическими записями, обнаружили любопытный фактъ существованія въ казачьемъ обиходѣ значительнаго числа былинъ и по настоящее время (у Листопадова—12, у Желѣзновыхъ—6, у Догадина—4, у Баранова—2), и что́ всего любопытнѣе, что былины здѣсь исполняются, какъ уже отмѣчено выше у Пальчикова, не одноголосно отдѣльными пѣвцами, какъ обычно на сѣверѣ, а многоголосно, въ качествѣ хоровыхъ пѣсенъ по своеобразнымъ напѣвамъ съ оригинальной гармоніей чисто народнаго характера, далеко оставляющей за собою гармонизаторскіе опыты ученыхъ музыкантовъ.

Очень много поется казачествомъ также историческихъ пѣсенъ, особенно о такихъ событіяхъ, въ которыхъ казаки сами прини-

мали дѣятельное участіе, начиная съ Іоанна Грознаго и до послѣдняго времени [1].

Какъ ни много сдѣлано въ Петроградѣ и другихъ мѣстахъ для музыкальнаго изученія русской народной пѣсни, Москвѣ принадлежитъ едва ли не первенствующая роль въ этомъ дѣлѣ; по крайней мѣрѣ въ отношеніи былинъ и историческихъ пѣсенъ москвичами собранъ въ недавнее время чрезвычайно обильный матеріалъ. Какъ прежде, въ эпоху увлеченія собираніемъ народнаго словеснаго творчества, Москва, въ лицѣ своихъ университетскихъ обществъ Исторіи и древностей россійскихъ и Любителей россійской словесности, дала собранія Кирѣевскаго, Рыбникова, Гильфердинга, Безсонова, Якушкина, Шейна, такъ теперь, когда на очередь было поставлено музыкальное изученіе народной старины, въ Москвѣ началась дѣятельная работа въ этомъ направленіи. Сюда выписывались сѣверные сказители и сказительницы былинъ для научныхъ и музыкальныхъ демонстрацій; здѣсь же въ одинъ изъ пріѣздовъ Рябинина-сына въ публичномъ засѣданіи этнографическаго отдѣла Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ былъ сдѣланъ въ 1893 году первый въ Россіи опытъ примѣненія фонографа къ записыванію народныхъ былинъ и другихъ пѣсенъ. Комиссія московскихъ музыкантовъ и этнографовъ отнеслась къ этому нововведенію съ живѣйшимъ интересомъ и признала этотъ опытъ вполнѣ удачнымъ, находя фонографъ весьма важнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ музыкально-этнографическихъ изысканій, что́ и подтвердилось вскорѣ въ болѣе широкихъ размѣрахъ на работахъ московскихъ ученыхъ и собирателей: Е. Э. Линевой, А. М. Листопадова, Д. И. Аракчіева, А. Л. Маслова и др.. Первыя фонографическія записи олонецкихъ былинъ, историческихъ пѣсенъ и духовныхъ стиховъ съ голоса И. Т. Рябинина изданы въ жур-

---

[1] Въ казачій обиходъ вошли и нѣкоторыя произведенія извѣстныхъ поэтовъ на историческія и военныя темы. Казаки, какъ видно изъ названныхъ сборниковъ, распѣваютъ о смерти Ермака—по Рылѣеву, о смерти казака на чужбинѣ—по Гребенкѣ.

налѣ „Этнографическое Обозрѣніе“ 1894 г., кн. XXIII, послѣ тщательной провѣрки особой комиссіей съ участіемъ академика Ѳ. Е. Корша, профессоровъ консерваторіи С. И. Танѣева, А. С. Аренскаго и др. [1]. Былинные напѣвы этой записи послужили затѣмъ матеріаломъ композитору Аренскому для его фантазіи на русскія темы (ор. 48) для ф.-п. съ оркестромъ (также въ переложеніи для двухъ ф.-п.).

Съ примѣненіемъ фонографа снова оживился интересъ къ собиранію напѣвовъ древнихъ былинъ, особенно въ Москвѣ, и это создало новую эру въ исторіи изученія былинъ. Этнографическій отдѣлъ Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, частью совмѣстно съ Академіей наукъ и Географическимъ обществомъ, разработалъ планъ поѣздокъ своихъ членовъ на сѣверъ съ фонографами въ поиски за былинами. Рядъ экскурсій, предпринятыхъ членами отдѣла—А. В. Марковымъ, при участіи А. Л. Маслова и Б. А. Богословскаго, къ берегамъ Бѣлаго моря, А. Д. Григорьевымъ на Пинегу и въ другія мѣста сѣвернаго края,—дали богатые результаты: собранъ огромный матеріалъ и разыскано немало новыхъ, еще неизвѣстныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, хранящихъ въ памяти былинную старину. Изданія названныхъ собирателей обильно иллюстрированы музыкальными записями съ фонографа, открывшими много новаго и интереснаго въ этой области, а главное—вполнѣ достовѣрнаго, благодаря точности механической записи. Если первый трудъ А. В. Маркова „Бѣломорскія былины“ (М. 1901 г., съ приложеніемъ двухъ напѣвовъ, о Дунаѣ Ивановичѣ и о Добрынѣ и Алешѣ) еще мало даетъ въ музыкальномъ отношеніи, то зато при дальнѣйшемъ собираніи матеріаловъ, печатавшихся въ „Трудахъ“ московской Музыкально-этнографической комиссіи (т. I, 1906 г. и т. II, 1911 г.), имъ обращено должное вниманіе на музыкальную сторону, и записано до 70 напѣвовъ однѣхъ былинъ и историческихъ пѣсенъ, не

[1] Одинъ изъ этихъ напѣвовъ И. Рябинина о Вольгѣ и Микулѣ перепечатанъ Е. А. Ляцкимъ въ его книгѣ: „Былины—старинки богатырскія“, изд. т-ва „Огни“ (С.П.Б. 1911).

считая мелкихъ варіантовъ и множества другихъ пѣсенъ. Матеріалы, собранные А. Д. Григорьевымъ въ нѣсколько поѣздокъ на сѣверъ, еще обильнѣе записями музыкальныхъ образцовъ: въ трехъ томахъ его собранія [1], изданнаго на средства Академіи наукъ, число былинныхъ напѣвовъ вмѣстѣ съ историческими пѣснями доходитъ до 200 съ лишнимъ.

Въ два послѣднія лѣта московская артистка О. Э. Озаровская совершила двѣ поѣздки на сѣверъ, по порученію этнографическаго отдѣла Общества любителей естествознанія, для записи пѣсенъ и сказокъ, и привезла въ Москву сказательницу М. Д. Кривополѣнову, исполняющую между прочимъ и былины, опубликованныя въ книгѣ О. Э. Озаровской: „Бабушкины старины" (Петроградъ, 1916). Сюда вошли тексты 13-ти былинъ и историческихъ пѣсенъ, пѣтыхъ Кривополѣновой въ Москвѣ, съ 6-ью мелодіями къ нимъ, записанными съ ея голоса В. Г. Каратыгинымъ, также 4 духовныхъ стиха, 1 „виноградье" и 1 „небылица" съ напѣвами.

Кромѣ того, въ Москвѣ были изданы въ недавній періодъ времени два сборника былинъ подъ редакціей предсѣдателя этнографическаго Отдѣла Общества любителей естествознанія, академика В. Ѳ. Миллера: „Былины старой и новой записи" (М. 1894) и „Былины новой и недавней записи" (М. 1908), при чемъ въ первомъ изъ нихъ былъ приложенъ напѣвъ былины о Добрынѣ, записанный для меня, по моей просьбѣ, учителемъ С. И. Лапшинымъ въ 1893 году среди московскихъ портныхъ, гдѣ мелодія эпической старины уже значительно видоизмѣнилась въ городской рабочей средѣ и приняла специфическій характеръ съ переходомъ въ быстрый темпъ послѣ медленнаго запѣва.

Въ общемъ московскими этнографами Марковымъ, Григорьевымъ, Листопадовымъ и др. за послѣдніе годы собрано свыше 300 напѣвовъ былинъ и историч. пѣсенъ, главнымъ образомъ въ Сѣверномъ краѣ и среди донского казачества. Такой успѣхъ обусло-

---

[1] „Архангельскія былины и историч. пѣсни, собранныя въ 1899—1901 г.", изд. Академіи Наукъ. Т. I 1904, т. II (печатается), т. III 1910.

вливался въ значительной степени механическимъ процессомъ записыванія, благодаря примѣненію фонографа, что въ свою очередь имѣетъ огромное значеніе въ смыслѣ ручательства въ вѣрности записей, тѣмъ болѣе, что сводка фонограммъ на бумагу (ноты) обыкновенно провѣряется нѣсколькими лицами.

Въ этомъ отношеніи значительная работа выпала на долю московской Музыкально-этнографической комиссіи, учрежденной въ 1901 году при Обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Въ „Трудахъ" этой комиссіи напечатана значительная часть записей Маркова и Листопадова (въ тт. I и II). Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые былинные напѣвы новыхъ собраній послужили московскимъ музыкантамъ матеріаломъ для художественной разработки. Въ этомъ видѣ былины неоднократно исполнялись въ устраиваемыхъ московской комиссіей общедоступныхъ „этнографическихъ концертахъ", а потомъ были изданы или въ „Трудахъ" комиссіи (т. IV, 1913 г.), куда вошло 3 пѣсни былевого характера (именно: бѣлорусская былина, здѣсь прилагаемая, о трехъ богатыряхъ, и Ванька-ключникъ—въ гармонизаціи А. Л. Маслова, смерть царицы Настасьи Романовны изъ записей А. В. Маркова—въ гармонизаціи В. В. Пасхалова), а кромѣ того 3 малорусскія думы—въ гарм. М. Е. Славинскаго, и напѣвъ Калевалы—Н. С. Потоловскаго,—или въ частныхъ изданіяхъ, напр., въ упомянутомъ выше сборничкѣ А. Маслова и А. Ильинскаго: „Стихи, старины и пѣсни", гдѣ издателями гармонизовано 6 былинъ и историческихъ пѣсенъ изъ новыхъ записей въ Сѣверномъ краѣ; обѣ былины, гармонизованныя В. В. Пасхаловымъ, вышли также въ московскихъ изданіяхъ, а именно: „Бой Добрыни и Алеши съ татариномъ", по записи покойнаго А. В. Маркова въ его первое путешествіе къ Бѣлому морю (мелодія приложена къ его „Бѣломорскимъ былинамъ" 1901 г.),—въ московскомъ издательствѣ Богумила Решке, а „Гринька Отрепьевъ" изъ записей Г. О. Дютша 1886 г. (то же, что у Балакирева въ сб.: „30 пѣс. Рус. народа")—въ „Сборникѣ въ помощь жертвамъ войны" (М. 1914 г., изд. общества „Музыкально-теоретич. библіотека").

Любопытно отмѣтить одинъ фактъ въ поискахъ московскихъ этнографовъ-музыкантовъ: имъ удалось напасть на слѣды существованія былинъ за предѣлами Великороссіи—въ Бѣлоруссіи и Малороссіи. Такъ, А. Л. Масловъ въ 1908 году записалъ въ Краснинскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи бѣлорусскую былину о трехъ богатыряхъ (Ильѣ, Алешѣ и Добрынѣ); въ художественной обработкѣ самого собирателя эта былина напечатана въ т. IV „Трудовъ Музыкально-этнографической комиссіи", а спеціально для настоящаго изданія она вновь гармонизована директоромъ московской консерваторіи проф. М. М. Ипполитовымъ-Ивановымъ. Мнѣ лично въ 1912 году удалось записать фонографомъ въ Полтавской губ. у старика-малоросса, рыбака на р. Сулѣ подъ Лубнами, малорусскую передѣлку былины, или вѣрнѣе исторической пѣсни, о Кострюкѣ или Темрюкѣ, переименованномъ здѣсь въ Севрюка (такая фамилія и въ настоящее время извѣстна въ Малороссіи); эта запись печатается здѣсь въ Приложеніи впервые для сравненія съ великорусскими варіантами какъ текста, такъ и напѣва, имѣющаго свою оригинальность, особенно въ припѣвѣ.

Все это показываетъ, что изученіе музыкальной стороны былинъ далеко еще не закончено; можно сказать, что оно еще только началось и лишь недавно поставлено на вѣрный путь, поэтому возможны еще новыя открытія. Надо ждать дальнѣйшихъ работъ и изысканій въ этомъ направленіи, а съ другой стороны нельзя не пожелать, чтобы наши композиторы скорѣе и возможно больше использовали уже собранный довольно обильный музыкальный матеріалъ, чтобы сдѣлать его художественнымъ достояніемъ болѣе широкаго круга русскаго общества и народа.

Въ чисто-музыкальномъ отношеніи былинный видъ народнаго пѣснотворчества заслуживаетъ глубокаго и серьезнаго вниманія, какъ остатокъ, если не древнѣйшей, то во всякомъ случаѣ старинной національной музыки. Однако, не всякая былина, сохранившаяся въ устахъ народа до настоящаго времени, можетъ считаться одинаково важною въ этомъ смыслѣ. Былины, какъ и всякія другія пѣсни, пережили въ теченіе вѣковъ немало пере-

мѣнъ и постороннихъ вліяній, что́ неизбѣжно должно было отразиться, какъ на ихъ текстѣ, такъ и на мелодіяхъ и на характерѣ исполненія. Несомнѣнно, что по самому характеру своему былина, какъ спокойное эпическое произведеніе, должна была имѣть въ древнѣйшую эпоху и соотвѣтствующій напѣвъ, спокойный, серьезный. Такъ, очевидно, и пѣлись былины древнѣйшей эпохи, складывавшіяся приблизительно не позднѣе временъ татарщины. Такой характеръ напѣва, быть можетъ, звучитъ еще и понынѣ у старыхъ сказителей типа Рябининыхъ въ сѣверной глуши, вдали отъ городскихъ и всякихъ другихъ вліяній, именно въ крестьянской средѣ. Передаваясь изъ рода въ родъ отъ предковъ къ потомкамъ, здѣсь эти старые напѣвы пережили вѣка и долго еще жить будутъ. Такого типа прилагаемые здѣсь напѣвы былинъ: „Какъ во городѣ стольнокіевскомъ", „Вольга и Микула", „Кострюкъ". Исполняются онѣ однимъ лицомъ, какъ бы говоркомъ, нараспѣвъ, не спѣша, ровно, безстрастно, съ рѣдкими измѣненіями темпа и напряженія голоса. Мелодія ихъ большею частью проста и довольно однообразна, ибо, какъ пѣвецъ, такъ и слушатели главное вниманіе сосредоточиваютъ на содержаніи былины, и тягучее однообразіе мелодіи не только не отвлекаетъ этого вниманія какими-либо музыкальными эффектами, а наоборотъ, оно пріятно успокаиваетъ слушателя, чрезвычайно гармонируя со спокойнымъ, мѣрнымъ изложеніемъ событія отдаленныхъ временъ, вызывая подчасъ какое-то благоговѣйное къ нему отношеніе. Такіе напѣвы преобладаютъ именно въ сѣверныхъ былинахъ, какъ это подтверждается недавними записями при помощи фонографа.

Иногда напѣвъ былины, при всей своей простотѣ, достигаетъ болѣе красивой мелодической формы, не теряя еще строгости стиля, какъ въ этомъ можно убѣдиться на примѣрѣ прилагаемой былины о Добрынѣ, записанной, впрочемъ, уже въ одной изъ среднихъ губерній М. Стаховичемъ въ началѣ 1850-хъ, а можетъ быть и въ концѣ 40-хъ годовъ.

Особую печать на музыкальную сторону былинъ наложила

послѣдующая московская эпоха, когда былинные сюжеты вошли въ репертуаръ профессіональныхъ бродячихъ пѣвцовъ и музыкантовъ, нашихъ старинныхъ пересмѣшниковъ-скомороховъ. Ихъ цѣль состояла въ томъ, чтобы потѣшать публику, а не занимать ее серьезными вещами. Избирая болѣе веселые сюжеты для своего пѣнія, они должны были пользоваться и соотвѣтственными этому напѣвами болѣе веселаго, зачастую быстраго, плясового характера. Усвоенная ими манера примѣнялась также и къ исполненію ими же былинъ, особенно такихъ, которыя менѣе серьезны по содержанію. Эта манера чувствуется между прочимъ во многихъ напѣвахъ сборника Кирши Данилова, въ томъ числѣ даже и въ прилагаемомъ запѣвѣ былины о Соловьѣ Будимировичѣ: „Высота ли, высота поднебесная“, исполнявшемся скоморохами, вѣроятно, подъ аккомпанементъ бряцанія на балалайкѣ въ довольно скоромъ темпѣ; но тотъ-же мотивъ, при мѣрномъ исполненіи съ болѣе мелодичнымъ сопровожденіемъ гуслей, долженъ былъ носить торжественный характеръ соотвѣтственно глубокому смыслу текста этого запѣва, не связаннаго органически съ дальнѣйшимъ содержаніемъ данной былины. Такимъ же скоморошьимъ оттѣнкомъ стали отзываться напѣвы былинъ при переходѣ ихъ въ городскую народную среду, къ цеховымъ рабочимъ, какъ объ этомъ можно судить по вышеуказанной записи С. И. Лапшина отъ артели московскихъ портныхъ, приложенной къ сборнику „Былины старой и новой записи“. Записавшій этотъ мотивъ сообщилъ мнѣ между прочимъ любопытный фактъ, что эта былина исполнялась артелью хоромъ съ подголосками, но онъ, къ сожалѣнію, могъ записать только основной мотивъ.

Хоровое исполненіе былинъ—явленіе сравнительно позднее. Этотъ фактъ долгое время отрицался на томъ основаніи, что ни одной хоровой записи не было опубликовано, и притомъ было хорошо извѣстно, что на сѣверѣ лучшіе образцы былинъ исполняются одноголосно отдѣльными пѣвцами и пѣвицами. Однако, новѣйшія наблюденія показали, что даже на Сѣверѣ встрѣчаются случаи исполненія былинъ нѣсколькими голосами совмѣстно.

Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, этотъ пріемъ уже новѣйшаго происхожденія; онъ примѣняется главнымъ образомъ въ артельныхъ организаціяхъ, а еще болѣе въ войсковыхъ хорахъ. Записи А. М. Листопадова на Дону представили намъ цѣлый рядъ чрезвычайно оригинальныхъ хоровыхъ пѣсенъ съ голосовъ, какъ мужского, такъ и смѣшаннаго хора, на старые былинные сюжеты, но эти пѣсни утратили уже свой древній былинный эпическій складъ и преобразились въ формѣ стиха и въ музыкальномъ изложеніи въ обыкновенную протяжную хорошую хоровую пѣсню, такъ сказать, строгаго стиля, въ чисто народной гармонизаціи, какъ это видно изъ прилагаемой былины о богатырѣ Кузютушкѣ изъ сборника А. М. Листопадова. То же самое наблюдается у астраханскихъ, оренбургскихъ и другихъ казаковъ, а черезъ нихъ навѣрно и вообще въ военныхъ, а иногда и въ не военныхъ хорахъ, какъ это мы видѣли у Пальчикова. Впрочемъ, надо замѣтить, что и въ нѣкоторыхъ одноголосныхъ былинныхъ напѣвахъ, особенно изъ среднихъ губерній, слышится въ былинѣ какъ будто обыкновенная протяжная хороводная пѣсня, даже съ типичнымъ припѣвомъ „Дунай“ (срв., напр., былины объ Ильѣ Муромцѣ изъ Нижегородской губ. по записямъ И. В. Некрасова и Ѳ. И. Покровскаго 1901 г., гармонизованныя А. К. Лядовымъ въ сборникахъ петербургской пѣсенной комиссіи: „50 пѣсенъ русскаго народа“ и „35 пѣсенъ рус. народа“). А выше мы видѣли примѣръ перехода былинной пѣсни въ колядку.

Такимъ образомъ послѣдніе этапы въ жизни былины—это, при сохраненіи напѣва, хотя бы и не былиннаго, переходъ ея въ обыкновенную пѣсню, а съ утратою напѣва—въ сказку или побывальщину.

Болѣе подробный научно-музыкальный анализъ былинныхъ напѣвовъ, какъ вопросъ слишкомъ спеціальный, не можетъ входить въ задачи настоящаго изданія. Интересующихся этимъ вопросомъ мы отсылаемъ къ работамъ покойнаго А. Л. Маслова, въ особенности къ его статьѣ во II томѣ „Трудовъ Музыкально-этнографической комиссіи“ подъ заглавіемъ: „Былины, ихъ происхожде-

ніе, ритмическій и мелодическій складъ", стр. 229—327, съ приложеніемъ нотныхъ примѣровъ. Для общаго же ознакомленія съ исторіей изученія народной пѣсни можно указать брошюру того же А. Л. Маслова: „Опытъ руководства къ изученію русской народной музыки" (М. 1911 г.).

Интереснымъ и въ то же время спорнымъ пунктомъ въ вопросѣ о музыкальной сторонѣ нашихъ древнихъ былинъ является инструментальное сопровожденіе голосового исполненія ихъ въ старину. Въ былинахъ нерѣдко упоминаются „гусельки яровчаты" въ качествѣ инструмента, который служилъ для аккомпанированія пѣнію въ прежнее время. На нихъ играетъ новгородскій купецъ Садко, оказывая своей игрой могучее воздѣйствіе даже на темныя силы и на морскую стихію; не брезгуютъ гуслями и другіе герои былинъ; гусли были въ ходу и у скомороховъ въ ряду другихъ инструментовъ, каковы: гудокъ, ложки (родъ скрипочки), позднѣе балалайка и волынка.

Гусли—весьма подходящій инструментъ для сопровожденія медленныхъ эпическихъ пѣсенъ; своими мягкими мелодическими звуками онъ не заглушаетъ пѣвца и въ то же время создаетъ спокойное, умиротворяющее настроеніе. Какъ принадлежность эпическаго рапсода, гусли особенно ярко выступаютъ въ народной финской поэзіи, создавшей высоко-художественный образъ пѣвца гусляра въ лицѣ Вейнемейнена въ поэмѣ „Калевала", какъ бы въ параллель нашему миѳическому Баяну въ поэмѣ „Слово о полку Игоревѣ" XII вѣка. Сохранившіяся еще кое-гдѣ старыя русскія гусли въ основѣ своего устройства совпадаютъ съ сѣверными финскими гуслями и не имѣютъ ничего общаго съ „гуслями" южныхъ славянъ, называющихъ этимъ именемъ смычковый инструментъ въ родѣ двухструнной или однострунной скрипки. Отсюда невольно является предположеніе, не заимствованы ли наши старинныя сѣверныя гусли отъ финновъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не отражаетъ ли на себѣ и музыка нашихъ старыхъ былинъ финскаго вліянія. Это предположеніе можетъ, съ одной стороны, опираться на многовѣковое тѣсное общеніе русскаго племени съ

сѣверными финнами съ древнѣйшихъ временъ [1], а съ другой стороны, этому не противорѣчитъ тягучесть финскихъ эпическихъ мелодій наподобіе нашихъ былинныхъ, а равно и ясный діатоническій характеръ тѣхъ и другихъ. Но этотъ вопросъ пока только ставится на очередь и не можетъ быть сейчасъ рѣшенъ при нашемъ недостаточномъ знакомствѣ съ финскимъ народнымъ музыкальнымъ творчествомъ древнѣйшаго склада.

Употребленіе гуслей (ка́нтеле) финскими народными пѣвцами продолжается въ настоящее время. У насъ въ народѣ гусли давно вышли изъ употребленія и лишь, какъ рѣдкость, встрѣчаются кое-гдѣ въ среднемъ классѣ, особенно въ духовной средѣ, и уже въ нѣсколько иномъ видѣ (на ножкахъ), чѣмъ финскія кантеле или гусли поволжскихъ финновъ, чувашъ, вотяковъ. Наши сказатели былинъ въ настоящее время никогда не сопровождаютъ своего пѣнія игрою на гусляхъ или на какомъ-либо иномъ инструментѣ; у донскихъ казаковъ и украинскихъ пѣвцовъ употребляется лира, называемая малороссійскою, совсѣмъ иного характера, чѣмъ гусли. Сѣверные сказители не запомнятъ, чтобы и тѣ, у кого они учились былинамъ, играли когда-нибудь на гусляхъ. Въ этомъ отношеніи, очевидно, музыкальная сторона исполненія нашихъ былинъ уже очень давно потерпѣла большой уронъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше она падаетъ и разрушается. А изъ этого вытекаетъ наша обязанность спасать по мѣрѣ силъ, быть можетъ, послѣдніе отзвуки древней музыкальной старины нашего народнаго творчества. Не могу поэтому не подѣлиться, въ заключеніе, записаннымъ мною и еще не напечатаннымъ, кажется, пока единственнымъ малорусскимъ варіантомъ упомянутой выше исторической пѣсни о Севрюкѣ (т.е. Темрюкѣ, или Кострюкѣ). Позволяю себѣ привести весь записанный мною текстъ и первую часть нотной записи съ фонограммы (см. нотныя приложенія, № 8).

---

[1] Примѣсь финской крови у великоруссовъ подтверждается и антропологическими наблюденіями.

СЕВРЮК.

(Малорусскій варіантъ былины о Кострюкѣ).

Э-гей-гей, гей!
Севрюк, Севрюк... Севрюк—він не прóстой син,
Севрюк, знать, татарин бив [1].
Э-гей-гей, гей!
Севрюк все знав:
Як свит настав,
Як сонечко заходить;
Так і місяць зиходить,
І зорюшки по піднéбесю блищать.
Гей-гей, гей!
Севрюк а дубовий стовб [2] побив,
А сімсот та татаринов убив,
Девять сот й-а Донського козака побідив.
Гей-гей, гей!

1. Як вийшов Севрюк
На шпиль-гору
На крýтую.
Гей-гей, гей!
Як хрикнув Севрюк
Богатырьським голосом,
Молодецьким посьвистом:
Гей-гей, гей!

---

[1] Вм. *був*. Пѣвецъ иногда поддѣлывался на великорусскій ладъ, а быть можетъ, эта форма вызвана риѳмою. *Н. Я.*

[2] Судя по великор. варіантамъ, это слово, кажется, явилось вмѣсто *столъ*, изъ-за котораго разсерженный Кострюкъ на пиру выскакиваетъ, опрокидывая его. *Н. Я.*

„Ой, царь ти мой, царь,
Всёму сьвіту осударь,
Ой, подай-ка борьця,
Севрюкові молодця—
З Севрюком поборотьця“.
Гей-гей, гей!
—„ Севрюк, Севрюк,
Тебѣ (sic) хліб і соль на столі
І борець на дворі“.
Гей-гей, гей!
Як хватив Севрюк борьця
Й-а за праве плечо,
Та за ліве ребро.
Гей-гей, гей!
Як тра̀хнув ёго̀
Об сирую землю,
Об зелёну мура́вицю.
Гей-гей, гей!
Севрюк борьця
Он по пояс у землю вбив,
А по шию кроўю 'блив
По печо́нки руки ў кроў потопив.
Гей-гей, гей!
Его кость та разсипалася,
А суставці розлетілися,
Его голос по підне́бесю пішоў.

Пѣвецъ пояснилъ: „тілько дух пішоў, значить пара пішла й більше нічо́го“.

Записано мною при помощи фонографа въ окрестности г. Лубенъ, Полтавской губ., отъ старика-пѣвца, по профессіи рыбака, на рѣкѣ Сулѣ, въ 1912 г.

Въ первый сеансъ пѣвецъ на этомъ закончилъ. Черезъ нѣкоторое время, при слѣдующей встрѣчѣ, когда я попросилъ повто-

рить „Севрюка“, онъ продолжилъ его дальше, частью пѣніемъ, частью пересказомъ, очевидно, призабывъ конецъ и не будучи въ состояніи весь дальнѣйшій текстъ уложить подъ напѣвъ.

Послѣ перваго единоборства слѣдовало второе:

II. Як вийшов Севрюк
На шиль-гору,
На крутую... и т. д. — до перваго окончанія, т.-е до словъ:

„Его голосъ по піднебесю пішоў“, послѣ чего пѣвецъ пояснилъ: „второго борьця тоже побив“, и запѣлъ опять:

III. Як вийшов Севрюк
На шиль-гору и т. д., кончая отвѣтомъ царя:
„Тебѣ хліб і соль на столі
І борець на дворі“.

А далѣе продолжалъ говоркомъ (отъ лица третьяго поединщика, брата двухъ убитыхъ Севрюкомъ):

„Жена ж ти моя, приготов-ка мині штани й рубашечку, й портяночки білёхеньки“ (пояснилъ: „значить, на́-смерть“).

Потомъ опять запѣлъ:

Севрюкова жона
Радоумна була:
На бояр та кивнула,
На бояр моргнула.
Гей-гей, гей!
„Ой, бояре мої,
Приготовте мині,
Приготовте вина,
Приготовте й пива,
Й-а щоб прибула
Севрюкові сила“.
Гей-гей, гей!

Як борець хватив Севрюка
Він за праве плечо,
Та за ліве ребро.
Гей-гей, гей!
Як тра́хнув ёго
Об сирую землю,
Об зелёну мура́вицю.
Гей-гей, гей!
Ой, борець Севрюка
Он по пояс у землю вбив,
А по шию кроўю 'блив... и т. д. (какъ въ первый разъ).
Его голос по піднебесю пішоў.

„Значить, вийшло наоборот",—пояснилъ пѣвецъ и прибавилъ такое окончаніе (безъ пѣнія):

—„Ой, борець-молодець,
Нащо ж ти мого мужа вбив,
Мене з ним розлучивъ,
І діток посиротив?"
—„Севрюкова жона,
Растак твою ма!
Я [1] двох братòв убив,
Та йо́дного нема"...

На мой вопросъ: кто же такой былъ этотъ Севрюкъ?—пѣвецъ отвѣчалъ: „Севрюк був багаты́рь сильно-могущий; тепер їх знисто́жено, запре́щено їм на війну ходить, а військом воюють". Прежній способъ веденія войны онъ, видимо, болѣе одобрялъ.

Н. Янчукъ.

---

[1] *Я*, вѣроятно, ошибочно вм. *він*.

НОТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

№№ 1—4 взяты изъ сочиненія Н. А. Римскаго-Корсакова, opus 24 (1876 г.): „Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ“, изд. Бесселя (СПБ. 1877), ч. I, №№ 1, 2, 3 и 6. Тексты напечатаны нами не сполна.

№ 5—изъ изданія петроградской пѣсенной комиссіи при Р. Географическомъ Обществѣ: „30 пѣсенъ русскаго народа для одного голоса съ сопровожденіемъ ф.-п. Гармонизовалъ Милій Балакиревъ“, стр. 30, № 7. Текстъ напечатанъ не сполна.

№ 6. Мелодія и текстъ (въ сокращеніи) взяты изъ „Трудовъ Музыкально-этнографической комиссіи“ въ Москвѣ, т. IV, стр. 106. Гармонизовано для настоящаго изданія проф. М. М. Ипполитовымъ-Ивановымъ.

№ 7—изъ книги: „Пѣсни Донскихъ казаковъ, собранныя въ 1902—1903 г.г. А. М. Листопадовымъ и С. Я. Арефинымъ. Вып. I, стр. 18, № 6. Изданіе Войска Донского (Москва, 1911). Текстъ напечатанъ не сполна.

№ 8—изъ неизданныхъ матеріаловъ московской Музыкально-этнографической комиссіи (запись Н. А. Янчука). Напечатано не сполна.

1. Пиръ у князя Владимира.

Maestoso quasi recitativo.

Голосъ

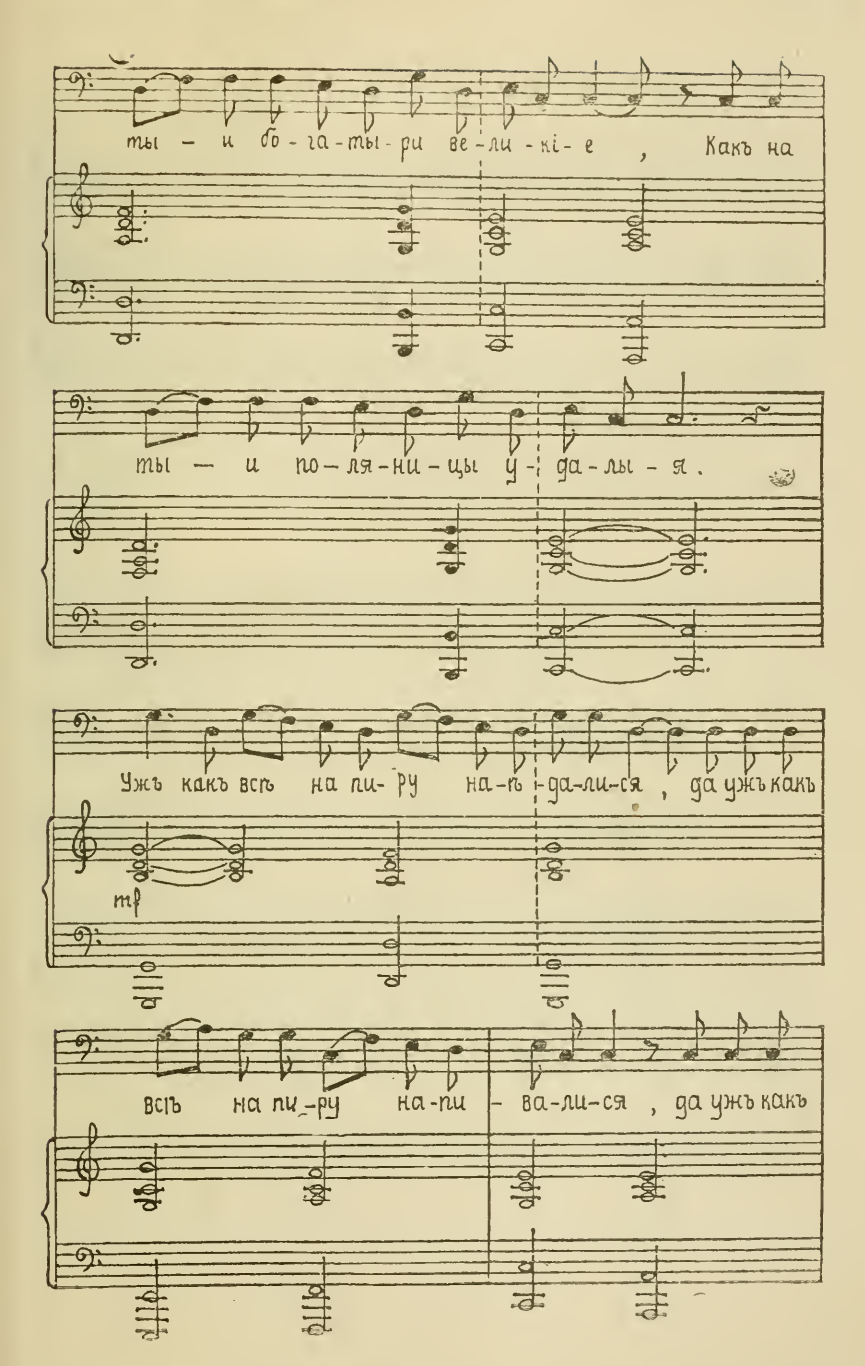
Ф. П.

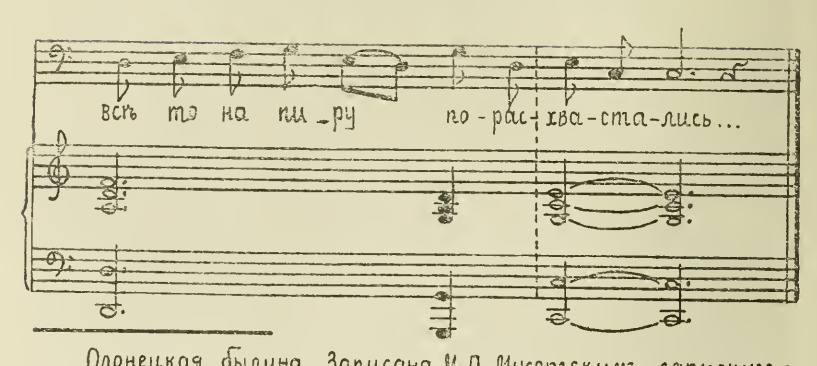
Какъ во го-ро-дѣ столь-но ки-ев-скомъ, у Вла-

ди-ми-ра крас-на сол-ныш-ка, на-ши

на-ст-ся какъ по-ча-стенъ пиръ. На мно-

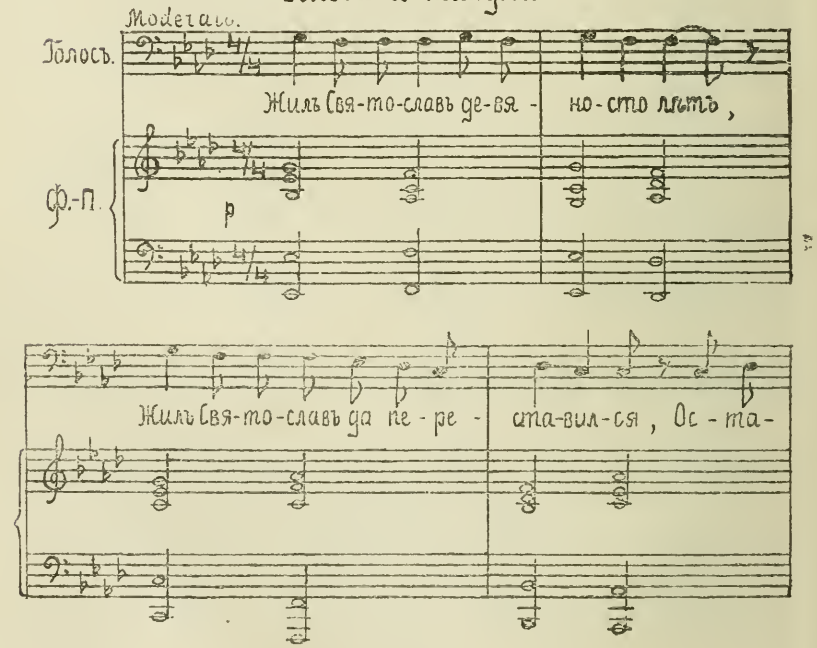
ги кня-зи, на бо-я-ро-вья Какъ на

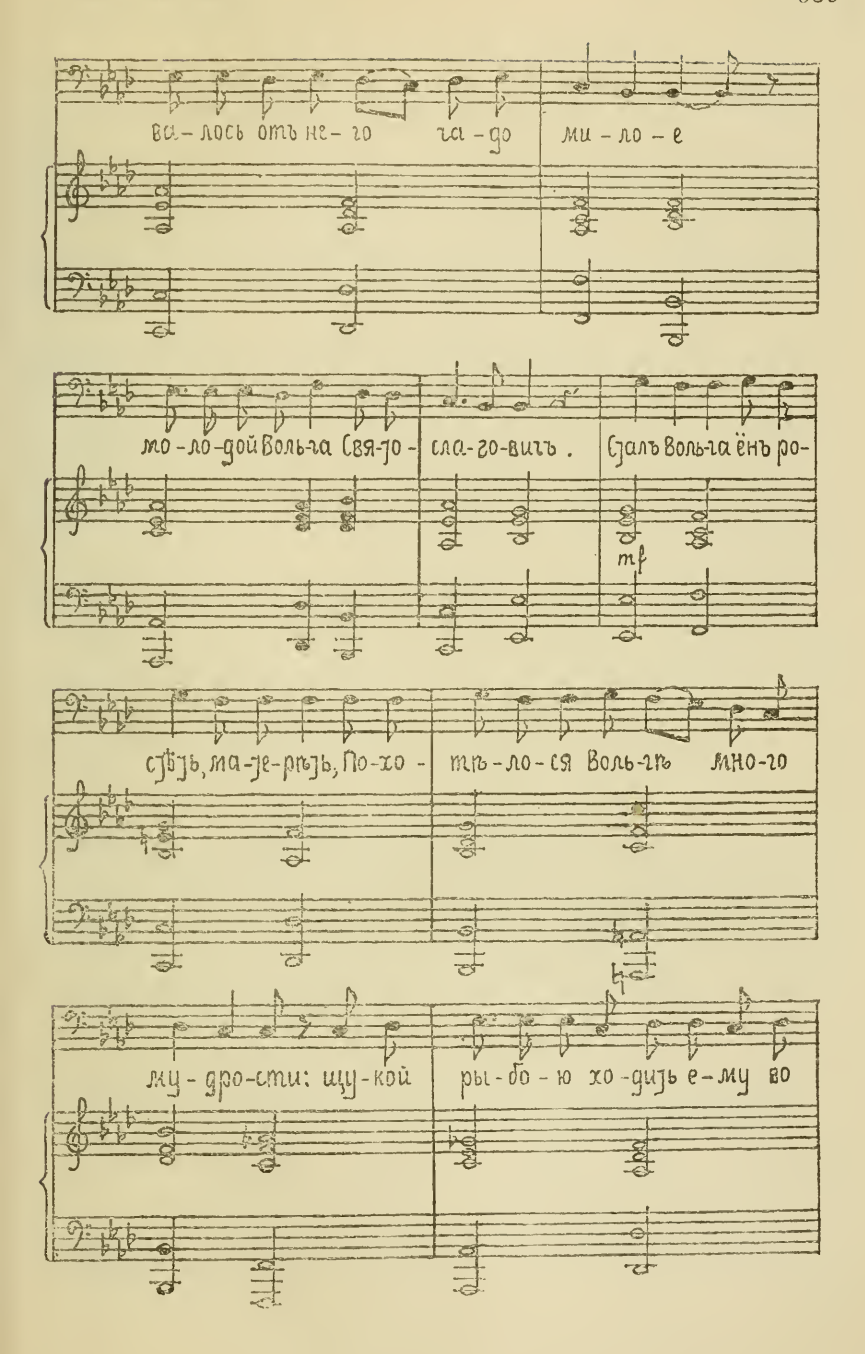

ты — и бо-га-ты-ри ве-ли-ки-е , Какъ на
ты — и по-ля-ни-цы у-да-лы-я .
Ужъ какъ всѣ на пи-ру на-ѣ-да-ли-ся , да ужъ какъ
mf
всѣ на пи-ру на-пи-ва-ли-ся , да ужъ какъ

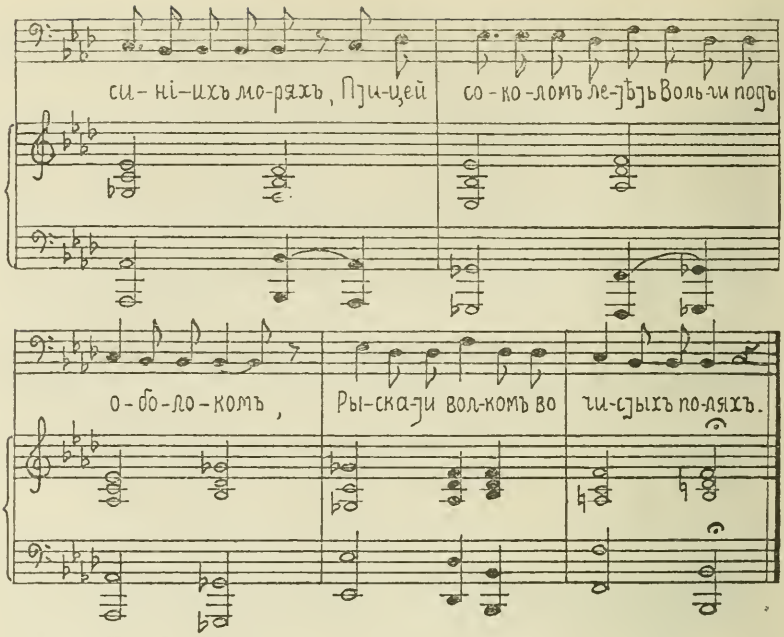


Олонецкая былина. Записана М. П. Мусоргскимъ, гармонизована Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ 1876 г.

2. Вольга и Микула.

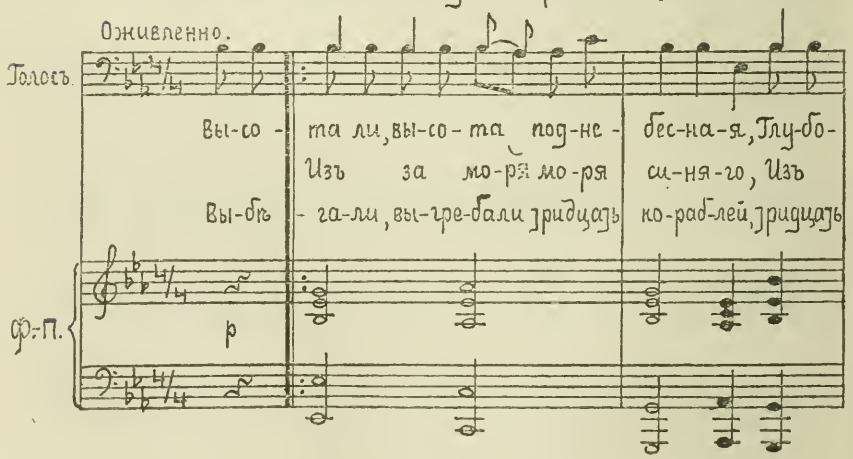


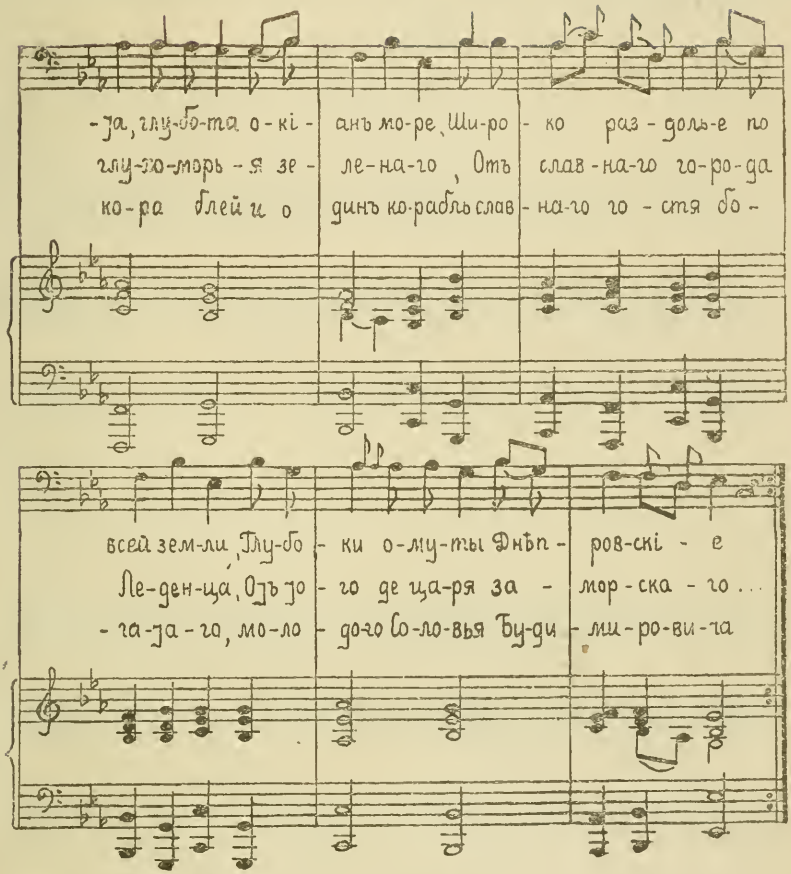

ви-лось отъ не-го га-до ми-ло-е
мо-ло-дой Воль-га Свя-то-сла-го-вичъ. Сталъ Воль-га ёнъ ро-
mf
сѣ́ръ, ма-ле-рѣ́ръ, По-хо-тѣ́ръ-ло-ся Воль-гѣ мно-го
му-дро-сти: щу-кой ры-бо-ю хо-дитъ е-му во



Записана М. П. Мусоргскимъ съ голоса олонецкаго сказителя Т. Г. Рябинина, гармонизована Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ.

3. Соловей Будимировичъ





Изъ собранія Кирши Данилова XVIII вѣка—транспонировано и гармонизовано Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ 1875 г.

4. Добрыня Никитичъ.

Andantino.

Голосъ

Что не бѣ-ла-я бе-ре-за къ зем-лѣ кло-нит-ся, Не шел-ко-ва-я тра-ва при-кло-ня-ет-ся.

То сынъ пе-редъ ма-тер-ью по-кла-ня-ет-ся, Кла-нял-ся Доб-ры-нюш-ка род-ной ма-туш-кѣ,

Про-сицъ онъ ве-ли-ве-ні-я: Ты бла-го-сло-ви ме-ня род-на ма-туш-ка!..

Фр.-П.

p

Мелодія и текстъ изъ собранія Мих. Саховича (1854 г.) гармонизація Н. А. Римскаго-Корсакова 1875 г.

5. Кострюкъ.

Не очень скоро.

Голосъ

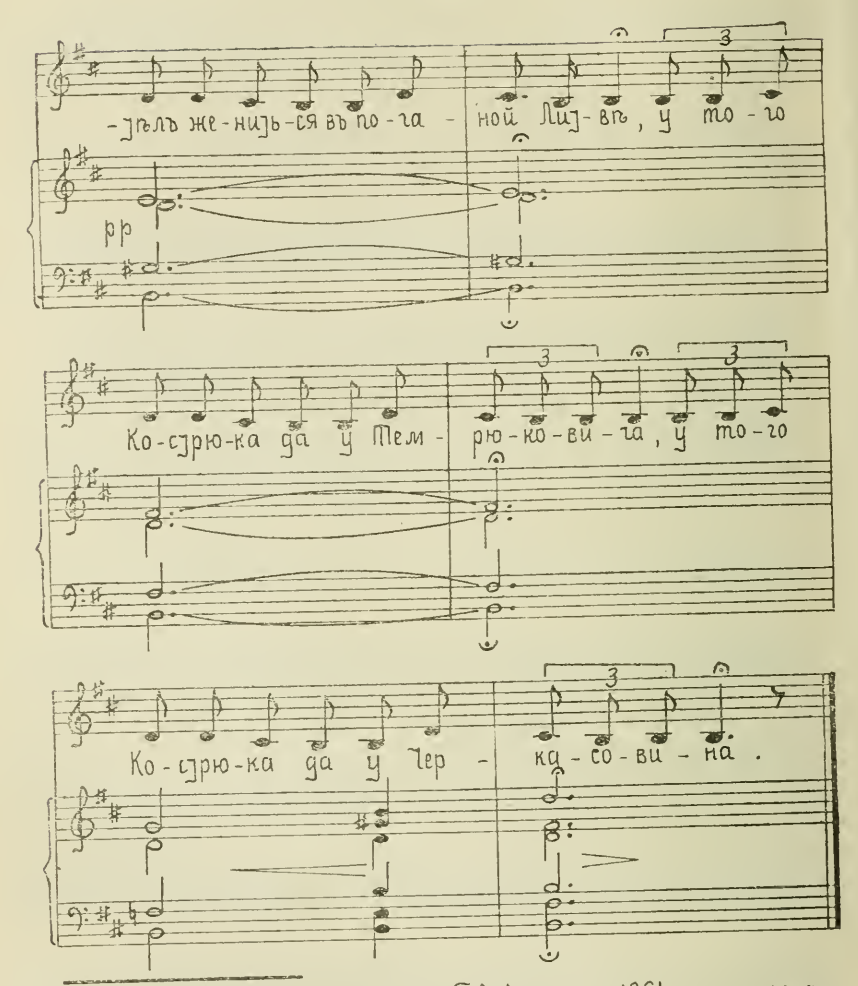
Фр.-П.

Какъ у насъ бы-ло на ма-ґуш-кіѣ на свя-

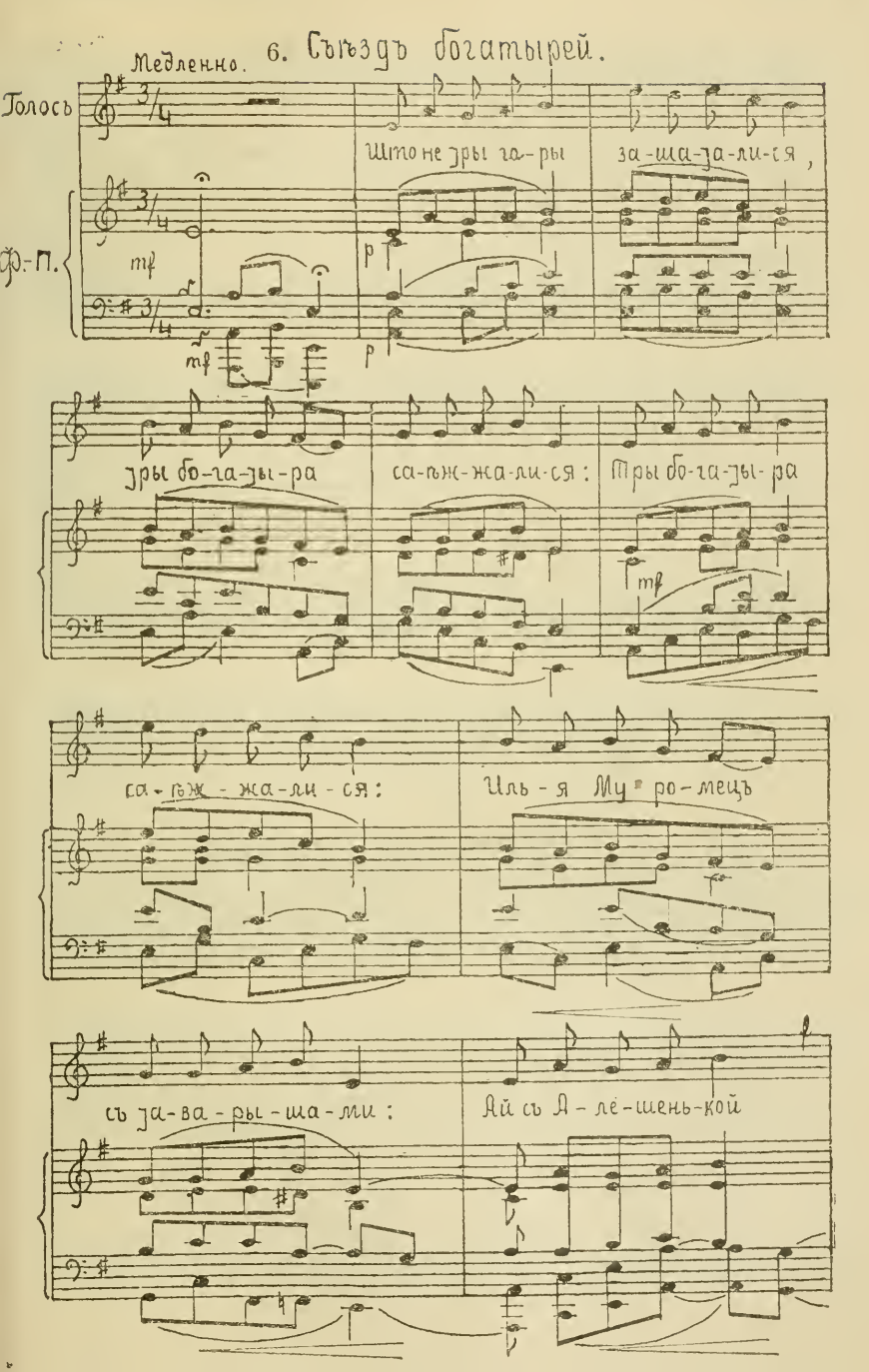
-той Ру-си, на свя- той Ру-си да въ ка-мен- ной Мо-сквѣ. Го-су-

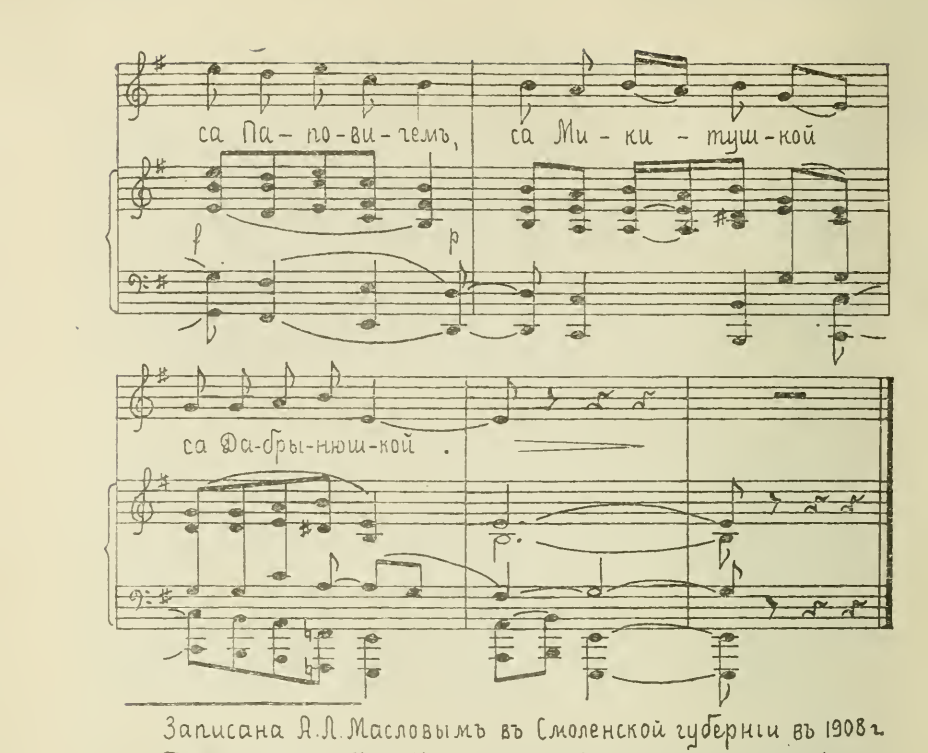
-дарь Грозный Царь И-ванъ Ва- силь-е-вичъ не по-хо-

-ґѣлъ же-нить-ся въ ка-мен- ной Мо-сквѣ, А по-хо-



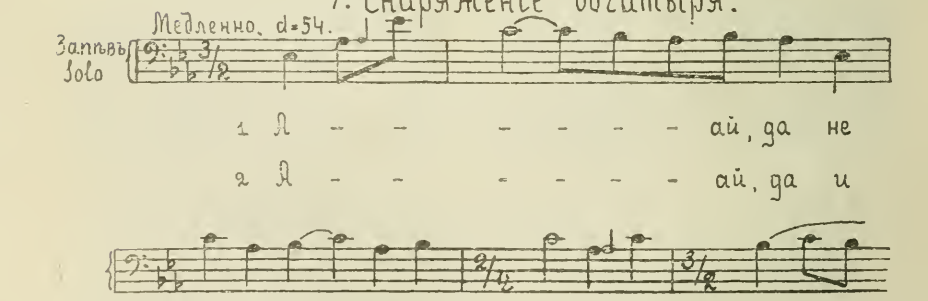
Олонецкая былина; запись Г. О. Дютша 1886 г. съ голоса сказителя И. А. Касьянова. Гармонизація М. А. Балакирева.

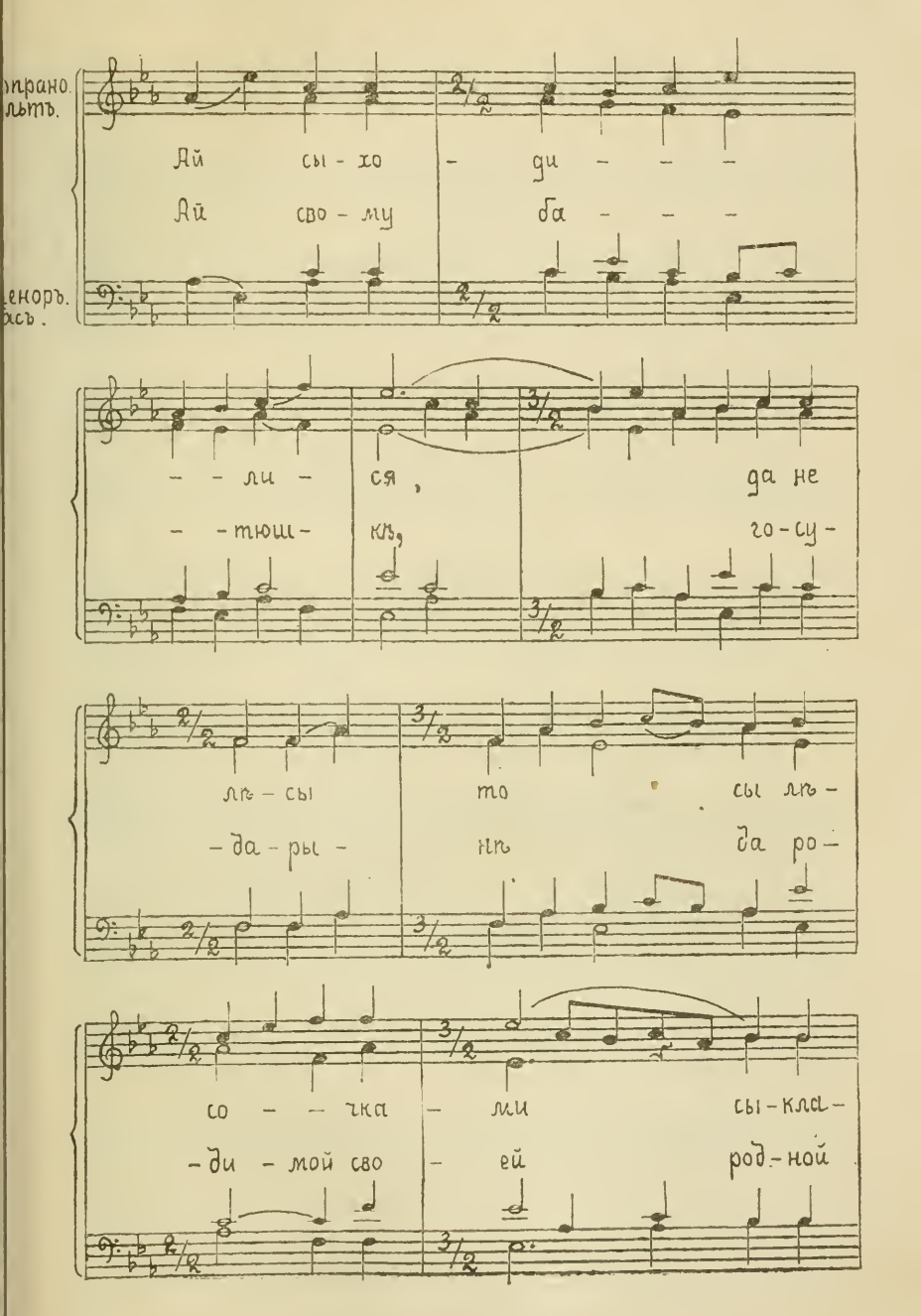

Медленно.
6. Съѣздъ богатырей.
Голосъ
Фр.-П.
mf
p
Штоне ды га-ры за-ша-ла-ли-ся,
ды бо-га-ты-ра са-мъ-жа-ли-ся: Тры бо-га-ты-ра
mf
са-мъ-жа-ли-ся: Иль-я Му-ро-мецъ
съ да-ва-ры-ша-ми: Ай съ А-ле-шень-кой

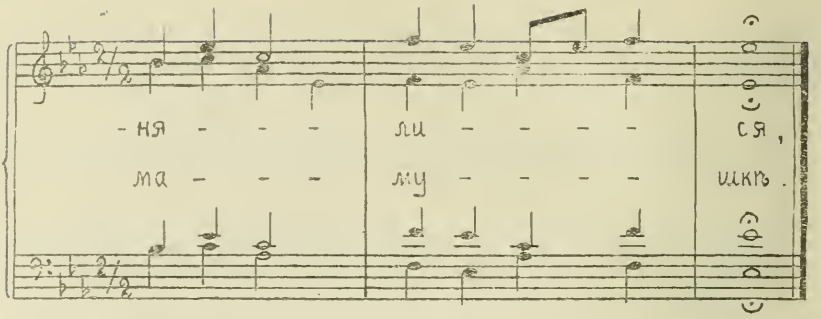


Записана А. Л. Масловымъ въ Смоленской губерніи въ 1908 г. Гарліонизовалъ М. М. Ипполитовъ-Ивановъ 1918 г. спеціально для настоящаго изданія.

7. Снаряженіе богатыря.

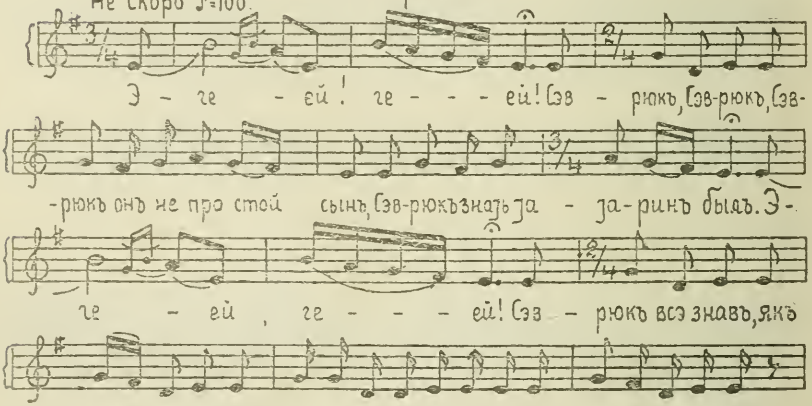



Ай сы - хо - ди - - -
Ай сво - му ба - - -
- - ли - ся, да не
- - тюш - къ, го - су -
лъ - сы то сы лъ -
- да - ры - нъ да ро -
со - - чка - ми сы - клас -
- ди - мой сво - ей род - ной



Донская былина про богатыря Кузютушку, записанная А. М. Листопадовымъ въ 1902 г при помощи фонографа въ хоровомъ исполненіи казаковъ станицы Пятіизбянской, Донского Округа.

8. Севрюкъ.



-дывъ. Э — ге — ей, ге — — — ей! Якъ

вы-шовъ (Сэв(ы)) рюкъ на шпиль го-ру на кру-ту-ю.

Э — ге — ей, ге — — — ей! Якъ

крик-нувъ (Сэв(ы)- рюкъ бо-га-ты-ськимъ го-ло-сомъ

мо-ло-дэцькимъ по-сви- стомъ. Э — ге — ей,

ге — — — ей! Ой царь ты мой, царь, всё-му

сви-ту го-су-дарь, ты по — дай — ка бо-рь-ця, (Сэв-рю-

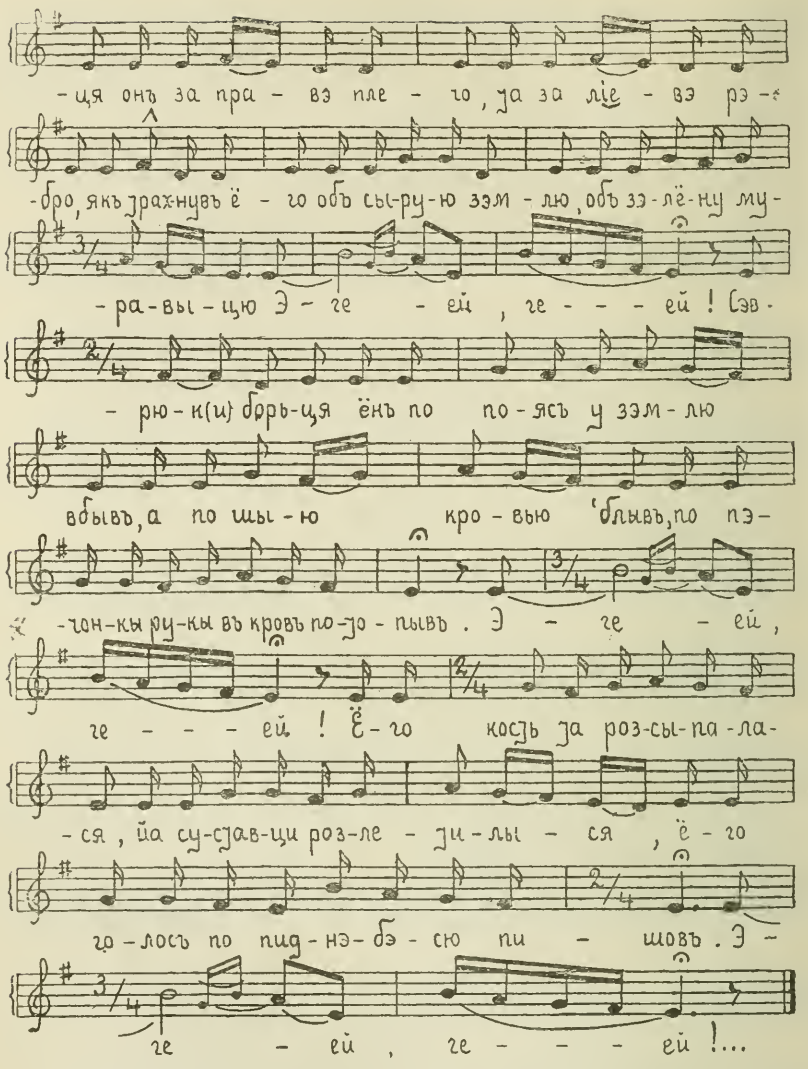
-ко-ви мо-лод-ця зъ (Сэв-рю- комъ по-бо-ро-ть-ця.

Э — ге — ей, ге — — — ей! (Сэв-

-рюкъ, (Сэв-рюкъ, то-би хлибъ и соль на сто-

-ли и бо-рэць на дво-ри. Э — ге — ей,

ге — — — ей! Якъ хва- ты-в(ы) (Сэ-в(ы)-рю-к(и) бо-р(и)-

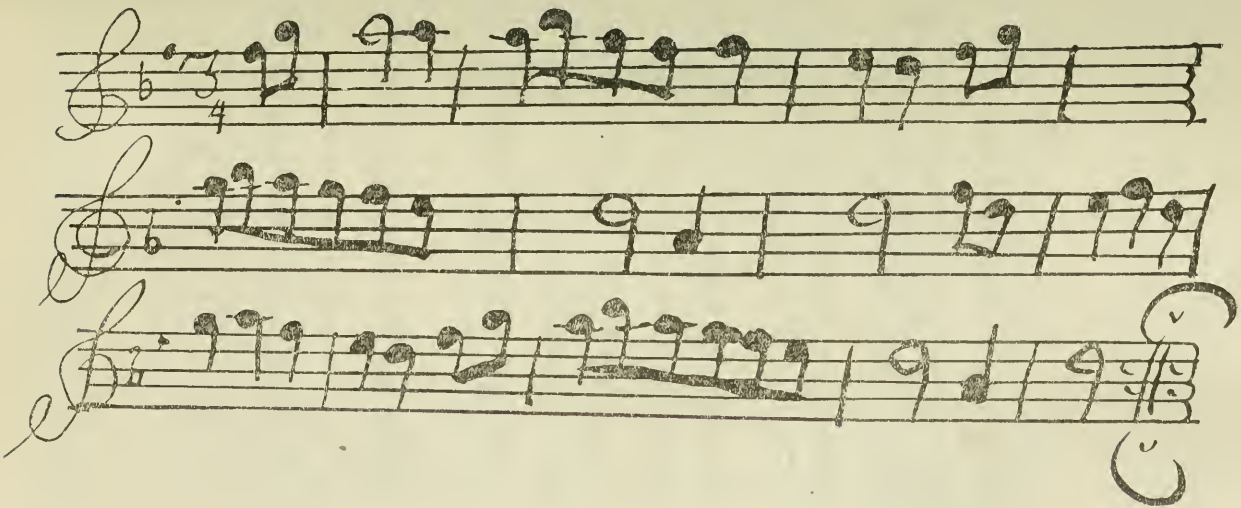


Записалъ фонографомъ Н. Янчукъ 1912 г. отъ рыбака малороссa въ Полтавской губерніи. Это-варіантъ извѣсной былины о Кострюкѣ Темрюковичѣ.

Пошли тебе князь Владимер Всеволодичь
то добрата рахмане в Ханскии
ми Хлебопоно в Ивановичь Чюдо
нашей Булатой Руды

Славному Градскому Всеволоду
Юрьевичю Князю Владимеру Всеволодичю
Шлю Шислать Вышедшо
пировасмное Намкове
Князи Ходары Нижнеи Новгорода
Учинилобрата Ваша будет
Уже Ми набсалто что Здорово
Великий Князь Владимер Всеволодичь
Ваши Сонеси Князи Ходары и Синыи
Новгородцы добрата Ваши Стоярно

Когда было молодцу пора время великая



Когда была молодцу, пора время великая, есть
хвала молодецкая, Ідъ богъ миловалъ, Іаръ царъ
жаловалъ, отецъ мотъ молодца, у себя волобо-
держалъ, народъ племя намолодца, нелоутъ

УКАЗАТЕЛИ.

ИМЕНА МѢСТНЫЯ, ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ.

Або, гор.—462.
Азовъ, гор.—401—404, 419.
Алевицкая земля—518.
Александровская слобода—251, 254, 370.
Архангельскій соборъ (въ Москвѣ)—392, 412.
Астрахань, гор.—354, 377, 378, 384, 404, 407, 408, 426.
Ахтуба, рѣка—384, 389.
Аѳонъ—98.

Баранча, рѣка, переволока—386.
Бендеры, гор.—463—465.
Боголюбовъ, монастырь—52, 56, 67.
Большая орда—119, 120, 341.
Бородино—484.
Бронницы, гор.—354.
Брынскіе лѣса—368.
Булатъ (Булакъ), рѣка—361.

Вологда, гор.—251, 253, 341, 433.
Волга, рѣка—304, 384, 409.
Володимиръ (Владимиръ), гор.—375.
Волховъ, рѣка—4, 6, 26, 27, 46, 80, 81.
Выборгъ, гор.—442, 468.

Грузино, село—486.

Данцигъ, гор.—462.
Дерптъ, гор.—406.
Динабургъ, гор.—406.
Днѣпръ, рѣка—123, 129, 134, 140.
Донъ, рѣка—417, 418, 427.

Евфиміева пустынь—52, 56, 67.
Енисей, рѣка—390, 391.
Епанча, рѣка—386.
Ердань (Іорданъ), рѣка—63, 89—91.

Жаравль, рѣка—385.
Житное болото (въ Москвѣ)—379, 381.
Житный дворъ (въ Москвѣ)—397.

Задонская земля—518.
Звенигородъ—375.
Золотая орда—5, 37, 123, 151, 153, 351, 367, 368, 518.

Иванъ Великій, колокольня въ Москвѣ—392, 393, 456, 491.
Измаилъ, гор.—484.
Ильмень, озеро—25—27, 84, 86.
Индія—484.
Индѣйское царство—5, 14—19.
Иртышъ, рѣка—387.

Іерусалимъ—57, 63, 72, 85, 86, 90, 91, 134, 135, 216—219, 224.

Кабарда—352, 355.
Казанка, рѣка—361.
Казанское царство—361, 362.
Казань, гор.—331, 349, 350, 354, 358, 377, 378, 385, 393, 405.
Кама, рѣка—427, 428.
Камышинъ, гор.—407.
Камышъ, рѣка—417.
Каспійское море—86, 89, 91.
Кирилловъ мон.—73.
Кистринъ, гор.—463, 470, 473.
Кіевъ—16, 18, 57, 58, 61, 63, 64, 119, 134, 254, 258, 261, 506, 507, 510, 518.
Клушино, дер.—400.
Кокенгаузъ, гор.—406.
Кострома, гор.—341, 343.
Красная Мыза—442, 453.

Красная площадь въ Москвѣ—388.
Кремль въ Москвѣ—392.
Крестьяновецъ, гор,—9.
Кронштадтъ, гор.—495.
Курляндія—468.
Курцовецъ, гор.—9, 13.

Леванидовы луга—194, 196.
Леденецъ, гор.—132, 139.
Литва—342, 351.
Лифляндія—468.

Магницкаго (Магнитная?) гора—386.
Медвѣдь-камень, гора—386.
Милитрискіе острова—260, 261.
Моржа, рѣка—454.
Москва—330, 369—371, 374—379, 381, 385, 388, 392, 412, 416, 417, 421, 424, 425, 429, 434, 435, 439, 445, 446, 455, 456, 464, 468, 469, 474, 475, 488, 490, 491.
Москва-рѣка—414.
Мяденскія юрты—386.

Нева, рѣка—457.
Никитина улица (въ Москвѣ)—383.
Новгородъ—27, 53, 295, 300, 330, 375—378, 416.
Новодѣвичій мон. (въ Москвѣ)—439.

Ока, рѣка—254, 375.
Орѣховецъ, гор.—5, 9.
Очаковъ, гор.—484.

Пейпусъ, озеро—99.
Перынь, городокъ—4.
Петербургъ (Сан-Питеръ)—455, 484.
Петропавловскій соборъ въ Петербургѣ—457.
Плесъ, гор.—341, 343.
Полоцкъ, гор.—406, 407.
Полтава, гор.—442, 443, 452, 454.

Ревель, гор.—442, 468.
Рига, гор.—424, 442, 468.
Рязань, гор.—375, 376.

Самара, рѣка—417.
Святыя горы—98, 99, 100, 102.
Серебряная, рѣка—385.
Серпуховъ, гор.—354.
Сибирка, рѣка—387.
Сибирь—358.
Симбирскъ, гор.—408.
Смоленскія грязи—368.
Смоленскъ, гор.—405, 406, 421—423.
Смородина, рѣка—9.
Смугря(а), рѣка—508, 512.
Соловецкій мон.—409.
Сорочинская гора—87, 88, 89, 91, 92.
Соуксанская лука—387.
Спленскій (?), гор.—478.
Старая Руса—53.
Суздаль, гор.—375.

Таганрогъ, гор.—484, 491.
Тагиль, рѣка—386.
Тверская улица (въ Москвѣ)—436.
Тверь, гор.—339, 343.
Терентьевская слобода (въ Новгородѣ)—295.
Тоболь, рѣка—386.
Тобольская гора—387.
Торжокъ, гор.—53.
Тура, рѣка—386.
Турская земля—518.

Угличъ, гор.—412.
Урье Повольское (Юрьевъ Повольскій ?)—370.
Усолье—385.
Успенскій мон.—99.
Успенскій соборъ (въ Москвѣ)—392, 393, 435, 456.
Учма, рѣка—54.

Херестинская земля—264.
Хинская земля (Китай ?)—405, 421—423.
Христинъ, гор.—261, 264.

Царицынъ, гор.—407.
Царьградъ—135, 215, 217, 220, 221, 224, 258, 260, 506, 508, 512, 513, 515.
Цорндорфъ, дер.—463.

Черега, рѣка—57.
Чернава, рѣка—44.
Черниговъ, гор.—116, 117, 119, 120, 195, 197, 206, 207.
Чудское озеро—100.
Чусовая, рѣка—385.

Шереметево, село—458.
Шлюссельбургъ—442.

Юрьевская улица (въ Новгородѣ)—295.
Юрьевъ Повольскій—см. Урье.

Яикъ, рѣка—385.
Яицкій городокъ—461.
Ямская слобода (въ Москвѣ)—435.
Ярославль, гор.—411, 436.

ИМЕНА ЛИЧНЫЯ.

Авдотья Ивановна (жена Терентьища)—291—301.
Азвякъ (Узбекъ) Таврульевичъ, ханъ—339, 341, 343, 344; см. Узбекъ.
Аксенко (Арсенко)—251.
Александръ, кн. Тверской—339, 340;—Македонскій—5;—I, императоръ—332, 484, 490, 491.
Алексѣй Михайловичъ, царь—404, 410, 421—424, 429, 430, 432, 433, 439, 444.
Аленушка—275.
Алеша Поповичъ—24, 51, 54, 55, 60—62, 115, 117, 131, 154, 204, 275, 281, 503, 507—512, 516—518; мясникъ—305.
Амельфа Тимофеевна—74, 75, 79, 85, 93, 128, 131, 140, 163.
Анастасія (жена Грознаго)—351, 352, 358; см. также—Марія.
Аника воинъ—98.
Анна Васильевна—233, 245;—Іоанновна, импер.—462.
Анофрей Степановичъ, атаманъ—384, 387.
Апракса (Апраксѣевна)—51, 54, 58—62, 65—67, 139, 152—154, 157.
Аракчеевъ—485, 486, 494, 496.
Ахромѣй, баскакъ—341, 343.
Ахто, богъ—24.

Бановичъ Страхиня—203.
Баторій, король—356.
Бермята—258; см. Пересмяка.
Блудъ, воевода—161, 167.
Блудова жена, вдова—164, 167.
Бова королевичъ—501.
Богдановскій Василій—303.
Богумилъ—128.
Борисъ, кн. св.—23, 26;—Александровичъ, кн. Тверской—340.
Борисовичи братья—340, 343, 344, 374.
Боянъ—283.
Брунцвикъ, королевичъ—501.
Будило—128.
Будимиръ—128.
Буслаевъ, см. Василій.
Буслай—74.
Бутманъ Колыбановичъ—267, 411.
Бѣлая Палица, богатырь—507.
Бѣлый царь—449—451, 456, 457, 473.

Василій Буслаевъ—71—73, 128, 162, 163;—Златовласый—130;—Іоанновичъ, III кн.—214;—Каріотскій—257;—Левидовъ—233, 237, 238, 240—244;—Окуловичъ—213, 214;—пьяница—267, 324, 359;—татарскій баскакъ—341, 343.
Василиса Васильевна—149—151;—Мелентьева—189;—Микулична—193, 195, 196.
Вейнемейнепъ—24.
Вирсавія (жена Давида)—189.
Владиміръ кіевскій—9, 51, 55, 57, 58, 62, 64—66, 69, 116, 117, 134, 189, 191, 251, 254, 258, 506, 507, 509, 510, 512—518;—Мономахъ—145.
Волоховъ Игнатій—409.
Волхъ—3, 4, 6.
Вольга—3, 4, 118, 127; см. Волхъ.
Вороновы—385.
Воротынскій кн. М. В.—354;—И. М.—398, 416.
Всеславъ, кн. Полоцкій—52.

Глѣбъ, кн. св.—23, 26.
Голицынъ, кн. В. В.—410, 411, 435, 436.
Гордѣй, баскакъ—341, 343.
Горнъ—399.

Давидъ, царь—189.
Давыдъ Поповъ, щапъ—131, 139, 141.
Данило Ловчанинъ—189, 214.
Девлетъ-Гирей, ханъ—353—355.
Делагарди—399;—Магнусъ—406.
Демьянъ, скоморохъ—287, 290—294,
Диви-Мурза Улановичъ—375, 376.
Димитрій, гость—206.
Димитрій Іоанновичъ, царь, самозванецъ—397.

Добрыня—24, 51, 146, 197, 204, 275, 281, 284, 285, 359, 399, 506, 508.
Долторнъ—257.
Дунай—312.
Дюдко, дьяконъ въ Твери—339.
Дюкъ Степановичъ—117.

Едигеръ, ханъ—350.
Екатерина I, имп.—457; — II, имп.—332, 465, 469, 475, 478, 484.
Елена (Александровна, Азвяковна)—5, 17, 20;—царица казанская—361, 362;—царица цареградская—513, 514.
Елизавета Петр., имп.—462.
Елизыничъ (отчество богатыря)—507.
Ерема—314, 315.
Ермакъ—358, 360, 384—391.
Еруланъ Лазаревичъ—501.
Ефимъ, слуга—207, 208.

Залѣшане, мужики—77.
Залѣшанинъ, богатырь—507, 511, 514.
Запава Путятична—121, 136—139, 141.
Зеновей, слуга—301.
Зиновьевъ Лука, посадникъ—33, 34.

Иванъ Васильевичъ, герой былины—232, 239 242, 243, 245, 246;—Годиновичъ—203, 204;—гостиный сынъ—115, 116, 118, 127;—Грозный, царь—73, 190, 191, 251, 325, 326, 330, 332, 349—354, 357, 360—367, 369—372, 374, 377, 381—383, 385, 388, 389, 392, 394, 410, 441, 444;—Даниловичъ, кн. (Калита)—53, 339;—Дудоровичъ—275;—Ивановичъ, сынъ Грознаго—356, 357, 377;—Ивановичъ, генералъ—464, 465, 476, 477;—стрѣлецкій атаманъ (Иванушко)—448; — сынъ царя Алексѣя—410, 435.
Идолище—203, 324.
Идолъ Скоропѣевичъ—509—513.
Илья Муромецъ—51, 98, 104, 105, 108—112, 115, 119, 120, 151, 191, 194, 195, 251, 353, 506—515, 518.
Ираклія, царевна—207.
Ирина, дочь французскаго короля—488.
Исидоръ, св. ростовскій—25.

Іевлевъ Клементій—409.
Іоаннъ, архіеп. Новгородскій—52;—Грозный, см. Иванъ.
Іосифъ Волоцкій — 203; — Прекрасный—54.

Калинъ, царь—324, 353.
Карамышевъ Иванъ—33, 400, 401, 417;—Семенъ—390, 401, 417.
Касьянъ, каличій атаманъ—54, 67;—Учменскій, св.—54.
Колыванъ, богатырь—25, 98, 99.
Константинъ, царь—506, 509, 510, 512, 514;—Павловичъ, вел. кн.—485.
Король прусскій—461, 471, 472, 473; —французскій — 489; — шведскій—452, 468.
Кострюкъ см. Мастрюкъ—366.
Костя Никитинъ—84;—Новоторженинъ—76, 78.
Котовскіе татары—387, 390.
Кощей — 518; — Трапетовичъ — 203, 204, 207—210.
Краснощековъ—461, 462, 466, 467, 484.
Ксенія, дочь Годунова—284.
Кузьма, скоморохъ—287, 290—294.
Кунгуръ Самородовичъ—154.
Кучумъ, царь сибирскій—387—389.

Ласси—462.
Левенгауптъ—442, 462.
Лещинскій Станиславъ, король—462.
Лука, боярскій сынъ—76, 78;—Зиновьевъ, посадникъ—83, 84.

Макарій, патріархъ—408.
Малюта Скуратовъ—190, 379, 381, 398, 399, 414, 415.
Марія, жена Грознаго (она же Анастасія) — 380, 382; — Годунова — 398;—харчевенка—307; — Темрюковна—351—353, 366—369,—Федоровна, имп.—464.
Марина, жена Димитрія самозв.—275, 399, 412, 413.
Марьюшка—464, 465.
Марфа Всеславьевна—14, 15;—жена Грознаго (?), Матвѣевна—394, 397.
Марфида—261, 263.
Мастрюкъ Темрюковичъ—181, 183, 352—356, 369—373.
Матвѣевъ Артамонъ—401.
Матвѣй Петровичъ, фрязинъ—516.
Меньшой Путятинъ, см. Мишата.
Мещериновъ Иванъ—409, 410, 430.
Микула Селяниновичъ—3, 4, 5, 101, 118.

Милославскіе И. Б. и С. Ю.—406;—Дм.—423.
Митуса, пѣвецъ—283.
Митька, кожевникъ—305.
Михаилъ Казаринъ—324;—Потокъ—см. Потыкъ Михайловичъ;—Федоровичъ, царь—284, 402, 405;—черноризецъ—54.
Мишата Путятинъ—189, 191—195.
Мишка Борисовичъ—372, 373.
Моисей, боярскій сынъ—76, 78.
Мстиславъ Изяславичъ, кн.—52.
Мстиславскій, кн.—416.
Мурза, паша—419.

Настасья (и Добрыня)—359;—Васильевна—233;—Дмитріевна—203, 204, 206, 207, 209, 210;—Левидовна — 241, 242; — Митреяновна (Волховишна)—276—278.
Ненила, мать скомороха Вавилы—288—290.
Никита Денисьевичъ—197;—Ивановичъ, богатырь — 508; — Романовичъ—353, 358, 369—371, 380—383, 388.
Николай Можайскій—23, 25, 26, 42, 44, 251—253; I, имп.—485.
Никольщина, братчина въ Новгородѣ—77.

Одоевскій Никита Фед., кн.—404.
Олегъ, кн.—3.
Отрепьевъ Григорій—397, 412, 413.

Павелъ I, имп.—464, 465, 479, 484.
Панинъ, графъ—464.
Пентефрій—54.
Перегудъ—289—293.
Перекраса—289—293.
Пересвѣтъ—289—293.
Пересмяка—253; см. Бермята.
Пересмякинъ племянникъ—257.
Петръ Великій—267, 268, 326, 329, 339, 402, 404, 410, 439, 445, 447, 450, 451, 455, 458, 465, 484.
Пещерскій, кн.—см. Мещериновъ.
Пилигримище—80, 81.
Платовъ М. И.—483, 484, 487—489.
Порфирій, св.—287.
Потаня маленькій—84, 373.
Потемкинъ, кн.—462.
Потокъ Михайловичъ—203, 503, 513; см. Михаилъ Потокъ.
Прозоровскій, кн.—408.
Пугачевъ Ем.—464, 475.
Путятинскій Аѳанасій—303.

Разинъ Степанъ—331, 407, 408, 427.
Рахта Рагнозерскій—181, 182, 251.
Рободановскій (Ромодановскій ?)—303.
Рогдай, богатырь—182.
Романъ, кн.—5.
Румянцовъ П. И.—462—464, 469, 474, 476, 477.

Сабанакъ, татаринъ—388.
Садко—23, 24, 118, 128, 162.
Садокъ—25.
Салтыковъ, кн.—429.
Салтыкъ—5, 20.
Самбуръ Андреевичъ, атаманъ—384, 387.
Самсонъ богатырь—98, 99, 108, 109, 154, 267;—разбойникъ—311.
Самойловичъ, гетманъ—411.
Сбродовичи братья—77.
Святогоръ богатырь—23, 25, 97, 99, 100, 108, 109, 112.
Симеонъ, царь—350, 361, 363.
Скопинъ-Шуйскій, кн. М. В.—284, 326, 329, 331, 398, 399, 414—416.
Собака, царь—289—293, 297.
Соловей (имя) — 128; — Будимировичъ—127, 145, 163, 281;—разбойникъ—51, 251.
Соломонида, жена Соломона—214, 216, 218, 219, 221, 224.
Соломонія, жена Василія III—214.
Соломонъ, царь—213, 214.
Софія, царевна—410, 411, 435, 439.
Ставръ Годиновичъ—118, 145, 281.
Строгоновы—306—309, 385.
Суворовъ—462, 464, 474.
Суханъ Дементьевичъ, богатырь—154, 507.

Таракановъ Вас.—214.
Таракашко—213, 214, 217, 218, 220, 223.
Темрюкъ Степановичъ—367, 368.
Торопъ, слуга—517.
Тугаринъ Змієвичъ—115, 117, 119, 120, 503, 509, 511, 513—517.

Узбекъ, ханъ—339.
Урія—189.

Фридрихъ II, король—463.

Хотенъ Блудовичъ—128, 161.

Чайна Часовична—164—166, 168, 170, 171.
Часовая вдова—164—166, 169, 170.
Часовичи, братья—169.
Чернышовъ З. Г., графъ—462, 463, 472, 473.
Чернява, дѣвица—26, 45.
Чурило—258.

Шевкалъ (Щелканъ)—324, 329.
Шеинъ, бояринъ—406, 440.
Шереметевъ Б. П., графъ—442, 443, 453, 454.
Шигъ-Алій, ханъ—350.
Шлиппенбахъ—442.
Шуйская Ек. Гр.—398;—Василій—397;—Димитрій—398, 400.

Ѳеодоръ Васильевичъ — 231, 232, 234, 238—245;—Іоанновичъ, царь, сынъ Грознаго—357, 377—383;—попъ соборный—517.
Ѳеоктистъ, монахъ—410.
Ѳома—314, 315;—Назарьевъ—33, 34.

СЛОВАРЬ СТАРИННЫХЪ И МѢСТНЫХЪ СЛОВЪ.

Ажно—между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ

Баберековый—изъ шелковой парчи.
багрецовый — темнокрасный (сукно).
баина—баня.
балахонникъ—носящій балахонъ (см. стр. 183 прим.).
баскій—красивый.
бесѣда—скамья, стулъ.
богадѣльная тюрьма—гдѣ подаютъ „Бога дѣля" (ради).
боль худая—гнойная болѣзнь (ср. „дурная" болѣзнь).
бурнастый—рыжебурый (лисица).
буса—большая долбленая лодка, однодеревка.
буятный—буявый, склонный къ буйству.
былье—сорная трава.

Валженый—сдѣланный изъ таволги (родъ ивняка); ср. вальящетый).
вальячный, вальящетый—точеный, рѣзной; также: прочный.
верея—брусъ, столбъ у воротъ.
вершокъ—верхъ чего-либо.
волховникъ—волшебникъ.
волхъ—знахарь.
воскикать—кричать (о лебедѣ).
воскресенскій—воскресный.
выпиваться—пить до потери сознанія.
выстать—взлѣзть.
вышибаться въ словахъ—врать, путаться въ словахъ, говорить чушь.
вязивце—веревка, жгутъ, привязь.

Гавря—гной.
глуздырь—умникъ (въ насмѣшливомъ смыслѣ).
голова—человѣкъ (ср. уголовн е дѣло).
гридня—комната, покой.
грубить—враждовать, воевать.
грядка—перекладина между столбами.
гуня—плащъ.

Деревяга—мужикъ-деревенщина.
держаться—издерживаться, изнашиваться.
дивья—удивительно ли?
добрѣ—очень, весьма.
довольный—имѣющій въ достаточномъ количествѣ.
долюби—вдоволь.
дородиться—родиться въ званіи или состояніи, дающемъ извѣстныя права (ср. „дородный").
достальной—остальной.
доступить—достать, добыть.

Живность—быть въ ж.—быть въ живыхъ.
животъ, животы—имущество.
журить—гнать, торопить (коня).

Завозный—привозной; также: взятый съ собой на дорогу.
заключевница—темница.
заложить—замолвить (слово).
залѣзенный — пріобрѣтенный, добытый.
затюремщикъ — сидящій въ тюрьмѣ.
здравствовать—быть благополучнымъ, благополучно путешествовать, пріѣзжать; также: привѣтствовать.

земельный—своей земли (царь).
злыдень—несчастливый день (понедѣльникъ).
зращивать—пристраивать, прикрѣплять.

Изголовь—мысъ въ рѣкѣ, конецъ острова.
изойти—найти, застать; также: обойти.

Камка—шелковая ткань.
камышникъ—разбойникъ.
кичига—верхняя короткая палка цѣпа (молотило).
клепикъ—ножикъ.
коломенка—родъ барки (см. стр. 385 прим.).
конецъ—дратва, нитка.
косачъ—тетеревъ.
косицы—виски.
косящетый—сдѣланный изъ дощатыхъ косяковъ (окно).
кручина—гнѣвъ; кручиноватый—гнѣвный, сердитый, горячій; кручиниться—гнѣваться (также: огорчаться).
крянуть—тронуть.
кума крестовая—съ которой вмѣстѣ крестили.
купавый—красивый; купава—красавица.
куропокъ—бѣлая куропатка-самецъ.

Ладиться—укладываться, умѣщаться.
легченый конь—меринъ.
лише—остается, лишь бы не.
любовать—выбирать (ср. облюбовать).

Маломожный—слабосильный.
марьюха—глухарка.
матица—бревно, идущее вдоль потолка,
муравленный—штукатуренный.

Набойница—родъ лодки (см. стр. 386 прим.).
наводить—отдѣлать на-чисто.
нажить—достать.
наконъ—разъ.
накупаться—напрашиваться.
на пяту—настежь (дверь).
настъ — осѣвшій, покрывшійся ледянистой коркой снѣгъ.
нахтарма—мездра, изнанка мѣха.
не едино—даже.
непомѣрный вѣтеръ—сильный, противный.
неразмысленный—не долго думая дѣлающій.
ночесь—сегодня ночью.

Оббаять—говорить о комъ дурно, клеветать.
обездолиться—потерпѣть неудачу.
обезпечиться—стать безпечнымъ, непредусмотрительнымъ.
ободверина—притолока, косякъ двери.
обори—гужъ, чѣмъ оглобли притягиваются къ хомуту.
опальное платье—темное, траурное, въ которомъ ходили опальные.
опережь—прежде.
оприче—кромѣ.
оплести—рѣзко ударить.
ослышаться—ослушаться.
отстрастить—дать острастку, отпугать.
отъѣсться—ѣсть до того, что надоѣстъ.

Пабѣдье—второй завтракъ, полдникъ.
падарь—зимняя непогода, вьюга.
паробокъ—слуга, преимущ. молодой.
переладецъ—родъ дудки.
перепускной—закаленный черезъ огонь.
переходня—доска, перекинутая между судами съ борта на бортъ.
перескочь (въ п.)—прыжкомъ, скокомъ.
пеструха—тетерка-самка.
плотбище—верфь.
повалешное—сборъ съ валька, которымъ бьютъ при полосканьѣ.
поваренка — кухонная ложка, ковшъ.
повѣнечное—пошлина за вѣнчаніе.
погода—вѣтеръ.
подасамитъ — оксамитъ (бархатъ).

подсрочить — отсрочить, отложить.
полменство—половина имѣнія.
полтретья—два съ половиною.
полшеста—пять съ половиною.
поляковать — совершать подвиги, воевать.
поманить—опоздать, переждать.
понюгальце (понукальце) — кнутъ.
понять—поймать, взять.
поправить—удовлетворить, утѣшить; поправиться — оправиться.
посапывать—прихватывать.
посидѣльщикъ—заключенный въ тюрьмѣ.
потеряться—исчезнуть.
пословаться—быть посломъ, говорить въ качествѣ посла.
пословица — разсказъ, рѣчь, слово.
придобытчиться—обогатиться.
пріемникъ—воспріемникъ — не только тотъ, кто воспринимаетъ при крещеніи младенца, но и самъ крещаемый.
припособить—вторить, аккомпанировать.
приправа—снаряженіе.
присошничекъ — лопатка у сохи, опирающаяся на сошникъ: служитъ для отворота земли при пахотѣ.
пристрашно—страшно.
приступки — ступеньки лѣстницы.
проворъ—проворный.
прокладъ (за пр.)—развлеченіе.
протаможье—штрафъ за неявку товара въ таможнѣ.
прохватиться—спохватиться.
прощаться—просить прощенія.
прытость—храбрость, проворство.
пырять—рыскать.
пѣтунъ—пѣтухъ.
пясть—пригоршня.

Рамепье—смѣшанный лѣсъ на краю поля.
разговорить—уговорить, убѣдить.
раскручиниться — см. кручина.
расчудоваться—очень удивиться.
реля (рель)—перекладина, висѣлица.
рогачикъ (рогаль)—рукоятка у сохи.
рожай—родъ, происхожденіе.
ростѣть—расти; ростить—дѣлать (солодъ).
ротиться—клясться.
рукодѣль—созданіе, построеніе (?).
рыбій зубъ—моржевая кость.
рытый—пушистый, узорчатый (бархатъ).
рябъ—рябчикъ.

Самитъ—оксамитъ (бархатъ).
свашела—сваха.
сверстный — соотвѣтственный, подобающій.
середа—полъ.
сиповка—свирѣль, флейта.
скарлатъ—бархатъ.
скаченый жемчугъ — круглый, лучшій сортъ жемчуга.
славупѣть—поминать кого, какъ покойника: кому славу поютъ—умеръ.
слега—тонкое бревно, жердь.
смурый—избурачерный (дешевый сортъ сукна).
снарядный—нарядный.
собина (собь)—имущество; въ собину—отдѣльно, въ особицу.
созямъ—халатъ.
сопка—вершина горы.
споровать—спорить, вздорить.
способляться—собираться.
справиться—изловчиться.
спустить ногу—„дать подъ ножку“ (пріемъ при борьбѣ).
степь—спина животнаго, преимущ. лошади.
стерпчивый—терпѣливый.
строка—пора, срокъ.
ступа—шагъ: идти ступою—шагомъ.
судержавный—принадлежащій къ одной державѣ, одному государству (?).

Тавлся—игорная кость.
телѣга ордынская—скрипучая, арба.

тожно—тогда.
тонецъ (тонцы) — музыкальный мотивъ.
торженый (усы)—растрепанный (?—отъ „торгать").
торпище—веретье, рогожа, рядно, грубая ткань.
тощиться—истощаться.

Убраться—помѣститься.
указной (день)—установленный.
украина—страна, сторона.
уродовать—юродствовать, чудачить, безобразничать.
утинъ—боль въ поясницѣ.

Хвальный—чѣмъ хвастаются, гордятся.
хлопотъ—мельничный жерновъ.
хрущатая камка — шелковая матерія, шуршащая при движеніи.

Церковникъ—причетникъ.
Чебурацкій свинецъ—отъ слова „чебуракъ" (тяжелая гиря на бурлацкой лямкѣ; см. стр. 76 прим.).
челомъ отдавать—свидѣтельствовать почтеніе, кланяться.
четій жемчугъ—скатный ж. (см. „скаченый").

Шибоватый—см. вышибаться.
шомышка — хозяйская, жилая часть избы.

Щапъ—франтъ, щеголь; щаплывый—изящный.
щитъ—на щитъ взять—приступомъ.
щурма—разореніе, смятеніе.

Ягодицы—щеки.
языка добыть—поймать вражескаго человѣка, чтобы добыть отъ него свѣдѣнія.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Отъ редактора V

Былевая пѣсня и ея носители VII

Т. Г. Рябининъ XXI

И. Т. Рябининъ XXXIII

В. П. Щеголенокъ XXXVII

М. Д. Кривополѣнова. XLIII

А. М. Крюкова. XLVII

Новгородскія былины. Тексты и отдѣльные къ нимъ вступительные очерки . . . . . 1—172

Вольга (Волхъ) и Микула 1

Садко 21

Сорокъ каликъ со каликою 49

Василій Буслаевъ. 69

Святогоръ 95

Иванъ гостиный сынъ. 113

Соловей Будимировичъ 125

Ставръ Годиновичъ. 143

Хотенъ Блудовичъ 159

Московская былина. Общій очеркъ. 173

Рахта Рагнозерскій 179

Данило Ловчанинъ 187

Иванъ Годиновичъ 201

Царь Саламанъ и Василій Окуловичъ 211

Неразсказанный сонъ. 227

Аксенко 249

Женитьба Пересмякина племянника 255

Бутманъ Колыбановичъ. 265

Иванъ Дудоровичъ 273

Былина—скоморошина. Общій очеркъ 279
Вавило и скоморохи 288
Гость Терентьище 295
О большомъ быкѣ 303
Усища. 310
Небылица. 312
Ѳома и Ерема 314

Историческая пѣсня. Общій очеркъ 317

Татарщина.

Щелканъ Дудентьевичъ 338,341

Время Ивана Грознаго.

Взятіе Казани 349,361
Смерть царицы 351,364
Царская женитьба 352,367
Набѣгъ Крымскаго хана 356,375
Покушеніе на убіеніе царевича 356,377
Ермакъ 358,384
Кончина Грознаго 360,392

Смутное время и XVII вѣкъ.

Григорій Отрепьевъ. 397,412
М. В. Скопинъ-Шуйскій 398,414
Убіеніе Ив. Карамышева 400,416
Взятіе Азова 402,419
Земскій соборъ. 404,421
Царь Алексѣй подъ Ригою 406,424
Стенька Разинъ 407,426
Осада Соловецкаго монастыря 408,429
Смерть царя Алексѣя 410,434
Кн. Василій Голицынъ 410,435

Время Петра Перваго.

Рожденіе Петра 439,445
Казнь стрѣльцовъ 439,446
Царь Петръ и драгунъ 441,450
Полтава 442,452
Кончина Петра 443,455

Восемнадцатый вѣкъ.

Краснощековъ 461,466
Шведская война 462,468
З. Г. Чернышовъ 462,470

Первая турецкая война 463,474
Пугачевъ 464,475
Графъ Румянцевъ 464,476
Смерть Екатерины II 465,478

Девятнадцатый вѣкъ.

Генералъ Платовъ 483,467
Смерть Александра I 484,490
Царь Николай и братъ 485,492
Аракчеевъ 485,495

Старинныя записи былинъ. Общій очеркъ 497
Сказаніе о Кіевскихъ богатыряхъ 506
Отрывокъ былины объ Алешѣ 516
Отрывокъ былины о Потокѣ 518

Источники 519

О музыкѣ былинъ (ст. Н. А. Янчука) 527
Севрюкъ 551
Нотныя приложенія 555

Указатель именъ мѣстныхъ и географическихъ 573

Указатель именъ личныхъ 575
Словарь старинныхъ и мѣстныхъ словъ 579

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВЪ.

Портреты сказителей, гравированные на деревѣ художникомъ П. Я. Павлиновымъ.

1. Т. Г. Рябининъ XXI
2. И. Т. Рябининъ XXXIII
3. В. П. Щеголенокъ XXXVII
4. М. Д. Кривополѣнова XLIII
5. А. М. Крюкова XLVII

Снимки со старинныхъ записей былинъ.

1 и 2. Снимки съ записи, сдѣланной для Р. Джемса ок. 1619—20 г., пѣсни о нашествіи Крымскаго хана 374
3 и 4. Снимки съ записи былины о Кіевскихъ богатыряхъ по рукописи первой половины XVII в. (Е. В. Барсова—Историч. Музея) 506
5. Снимокъ съ рукописной записи середины XVII вѣка отрывка былины объ Алешѣ (Ѳ. И. Маслова) 516
6. Начало былины о Потокѣ въ записи середины XVII в. 571
7. Изъ сборника Кирши Данилова (второй половины XVIII в.). 572

ПАМЯТНИКИ МІРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

„Русская устная словесность“, составившая одну изъ серій „Памятниковъ міровой литературы“, разсчитана редакціей на рядъ томовъ, которые должны обнять собою наиболѣе важныя по своему значенію и историко-литературному интересу произведенія этой устной поэзіи.

Приблизительный планъ начатаго изданія этой серіи таковъ:

I. Былевая стихотворная поэзія: былина, историческая пѣсня, позднѣйшая эпическая поэзія—3 тома.

II. Прозаическая поэзія повѣствовательнаго характера, представленная главнымъ образомъ сказкой, анекдотомъ, исторической и бытовой легендой—3 тома.

III. Религіозная эпическая поэзія: духовный стихъ, легенда—I томъ.

IV. Поэзія лирическая—I томъ.

V. Поэзія обрядовая—2 тома.

VI. Мелкіе виды устной поэзіи: пословица, поговорка, загадка, заговоръ—I томъ.

До настоящаго времени вышли первые два тома перваго отдѣленія: былина и историческая пѣсня; начатъ печатаніемъ томъ третій. Готовится къ печати отдѣленіе второе—сказка.

Издаваемые тексты сопровождаются соотвѣтствующими вступительными и объяснительными статьями и, по мѣрѣ возможности, иллюстраціями.

Изъ другихъ рядовъ „Памятниковъ міровой литературы вышли въ свѣтъ слѣдующіе томы:

„Античные писатели“.

Аврелій Маркъ. Наединѣ съ собой. Переводъ и примѣчанія С. Роговина, вступительная статья проф. С. Котляревскаго (распродано).

Алкей и Сафо. Собраніе пѣсенъ и лирическихъ отрывковъ въ переводѣ размѣромъ подлинника Вячеслава Иванова со вступительнымъ очеркомъ его же (изд. 2-е распродано, печатается новое).

Еврипидъ. Драмы. Переводъ Иннокентія Анненскаго, посмертное изданіе подъ редакціей Ѳ. Зѣлинскаго. Томъ I. Алкеста, Андромаха, Вакханки, Гекуба. Томъ II. Гераклиды, Гераклъ, Елена, Ипполитъ.

Лукіанъ. Сочиненія. Переводъ подъ редакціей Ѳ. Зѣлинскаго и Б. Богаевскаго. Томъ I. Біографія. Религія.

Лукрецій. О природѣ вещей. Переводъ стихами И. Рачинскаго (распродано).

Овидій. Баллады-посланія. Переводъ стихами со вступительными статьями и комментаріемъ Ѳ. Зѣлинскаго (распродано).

Саллюстій. Заговоръ Катилины и Югуртинская война. Переводъ со вступительной статьей и примѣчаніями Н. Гольденвейзера.

587

Софоклъ. Драмы. Переводъ стихами со статьями и примѣчаніями Ѳ. Зѣлинскаго. Томъ I. Аянтъ-биченосецъ. Филоктетъ. Электра. Томъ II. Царь Эдипъ. Эдипъ въ Колоннѣ. Антигона. Томъ III. Трахинянки. Слѣдопыты. Отрывки (всѣ томы распроданы).

Ѳукидидъ. Исторія. Переводъ Ѳ. Мищенка въ переработкѣ съ примѣчаніями и вступительнымъ очеркомъ С. Жебелева въ 2-хъ томахъ.

„Творенія востока".

Асвагоша. Жизнь Будды. Древне-индусская поэма. Переводъ стихами К. Бальмонта со вступительной статьей Сильвана Леви (распродано).

Калидаса. Драмы. Переводъ К. Бальмонта со вступительной статьей С. Ольденбурга (распродано).

Персидскіе лирики. Сборникъ стиховъ персидскихъ поэтовъ въ переводѣ Ѳ. Корша, посмертное изданіе со вступительной статьей А. Крымскаго (распродано).

„Писатели запада".

Петрарка. Автобіографія. Исповѣдь. Сонеты. Переводы М. Гершензона и Вячеслава Иванова (распродано).

Кальдеронъ. Драмы. Чистилище св. Патрика. Жизнь есть сонъ. Поклоненіе Кресту. Стойкій принцъ. Любовь послѣ смерти. Врачъ своей чести. Въ 3-хъ выпускахъ (распродано).

„Народная словесность".

Калевала. Финскій народный эпосъ. Переводъ въ стихахъ Л. Бѣльскаго (распродано).

Пѣснь о Гайаватѣ. Лонгфелло. Переводъ И. Бунина со вступительной статьей В. Іохельсона.

Сербскій эпосъ. Переводъ стихами со статьей Н. Гальковскаго.

Эдда. Скандинавскій эпосъ. Полный переводъ съ древне-скандинавскаго въ стихахъ размѣромъ подлинника со статьями и комментаріемъ С. Свириденко.

Печатаются: Греческіе лирики, Былины, т. II и т. III, Еврипидъ, т. III и т. IV, Египетская литература, Лукіанъ, т. II, Нибелунги, Пѣснь о Роландѣ, Сербская лирика.

Складъ въ издательствѣ М. и С. Сабашниковыхъ, Москва, Никитскій бульваръ, д. 8, кв. 7.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3114
S64
t.2

Speranskiĭ, Mikhail Nestorovich (ed.)
Byliny